БИБЛІОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ КУРСОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Лицея
въ память ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ
Шкафъ V
Полка 1
№ 988

Не копировать 349 Г84
11
Г84 т-2

Э. ГРИММЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ

РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

ТОМЪ II.

РИМСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ ОТЪ ГАЛЬБЫ ДО МАРКА АВРЕЛІЯ.

Библіотека Социалистической Академіи

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1901.

„Пров 38"

По опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшается.

Деканъ *С. Платоновъ.*

15 ноября 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	V—VIII
Глава I. Борьба за принципатъ	1— 68
§ 1. Введеніе. Причины движенія 68 и 69 годовъ.	1— 28
§ 2. Гальба. Оѳонъ. Вителлій.	28— 68
Глава II. Эпоха Флавіевъ.	69—159
§ 1. Общій характеръ управленія Флавіевъ. Веспасіанъ и Титъ.	69—126
§ 2. Домиціанъ	126—159
Глава. III Римское общество временъ Флавіевъ	160—256
§ 1. Зарожденіе оппозиціи	160—166
§ 2. Гельвидій Прискъ. Первыя проявленія оппозиціи	166—180
§ 3. Сенатъ и оппозиція	180—185
§ 4. Характеръ и судьба республиканской оппозиціи	186—191
§ 5. Вторая группа оппозиціи: оппозиція противъ тираніи	191—196
§ 6. Очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на монархію	196—224
§ 7. Діонъ Хрисостомъ	224—247
§ 8. Судьба монархической оппозиціи	247—256
Глава IV. Эпоха Нервы и Траяна	257—301
§ 1. Нерва.	257—273
§ 2. Траянъ	274—301
Глава V. Римское общество временъ Нервы и Траяна	302—383
§ 1. Тацитъ	302—341
§ 2. Плиній Младшій.	341—383
Глава VI. Эпоха Гадріана, Антонина и Марка Аврелія.	384—462
§ 1. Общій характеръ эпохи	384—393
§ 2. Гадріанъ.	393—427
§ 3. Антонинъ	427—436
§ 4. Маркъ Аврелій	436—456
§ 5. Римское общество временъ Гадріана, Антонина и Марка Аврелія	456—462
Заключеніе	463—466

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно первоначальному плану, второй томъ настоящихъ «Изслѣдованій» долженъ былъ содержать исторію римской императорской власти до V—VI вѣка нашей эры. По мѣрѣ того, однако, какъ подвигалась обработка матеріала, и какъ въ связи съ нею намѣчались новые любопытные вопросы, стоявшіе въ самой тѣсной связи съ основной задачей данной работы, авторъ видѣлъ себя вынужденнымъ расширить предполагаемыя рамки своего изслѣдованія и долженъ былъ убѣдиться, что охватить весь періодъ до V—VI вѣка въ одномъ томѣ оказывается невозможнымъ. Въ виду этого пришлось ограничиться эпохой отъ смутнаго времени 68—69 года до смерти Марка Аврелія, когда съ переходомъ власти къ Коммоду снова настала эпоха террора, послужившая послѣднимъ толчкомъ къ возобновленію смутъ.

Разбираемый въ настоящемъ томѣ періодъ развитія римской императорской власти, въ свою очередь, распадается на двѣ эпохи, эпоху Флавіевъ и Антониновъ. Если эпоха Флавіевъ отмѣчена систематическимъ стремленіемъ принцепсовъ и въ особенности Домиціана къ

усиленію и упроченію престижа императорской власти, стремленіемъ, которое вызываетъ энергичный протестъ части общества и въ концѣ концовъ приводитъ къ гибели новой династіи, то эпоха Антониновъ, наоборотъ, характеризуется примиреніемъ принципата съ обществомъ, отреченіемъ принцепсовъ отъ деспотическихъ тенденцій Домиціана и отреченіемъ общества отъ всякаго рода республиканскихъ иллюзій. Въ эпоху Флавіевъ и Антониновъ принципатъ окончательно превращается въ монархическую власть и въ связи съ этимъ исчезаютъ послѣдніе слѣды самостоятельности сената. Сенатъ не только становится государственнымъ совѣтомъ, члены котораго назначаются и смѣняются императоромъ, но и теряетъ надежду на возстановленіе своего прежняго могущества. Послѣ гибели Гельвидія Приска-отца, мы не встрѣчаемъ болѣе никакихъ слѣдовъ принципіальной оппозиціи противъ монархическаго положенія принцепсовъ: съ этого времени сенатъ протестуетъ уже не противъ монархіи какъ таковой, а только противъ деспотизма. Согласно старой греческой теоріи монархической власти, первые серьезные слѣды которой въ римской литературѣ автору, какъ ему кажется, удалось найти именно въ это время, писатели этой эпохи строго различаютъ принципатъ и доминатъ, при чемъ разница между ними усматривается не въ объемѣ власти принцепса и «государя», а въ характерѣ ихъ дѣятельности. Власть истиннаго принцепса или, какъ выражаются греческіе писатели, царя находитъ свое нравственное оправданіе въ исключительномъ совершенствѣ представителя власти, «мудрѣйшаго» и «наилучшаго» изъ гражданъ, и всецѣло направлена къ обезпеченію общаго блага. Власть «государя» или тирана наоборотъ характеризуется безусловно эгоисти-

ческимъ направленіемъ его дѣятельности, беззастѣнчивой эксплоатаціей подданныхъ въ интересахъ «государя», который этимъ самымъ доказываетъ, что онъ не можетъ быть признанъ «наилучшимъ» и «мудрѣйшимъ» изъ гражданъ, иначе говоря, что его власть опирается исключительно на право сильнаго.

Какъ бы неудовлетворительна ни была указанная теорія съ юридической и съ политической точки зрѣнія, она становится господствующей въ Римѣ, и авторъ въ виду этого не счелъ возможнымъ обойти молчаніемъ вопросъ объ ея происхожденіи. Онъ только считаетъ необходимымъ замѣтить, что тотъ параграфъ третьей главы, въ которомъ содержится очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на монархію, не претендуетъ на новизну основныхъ взглядовъ: болѣе подробное изученіе этого вопроса можетъ послужить темой для самостоятельнаго изслѣдованія, къ которому авторъ съ теченіемъ времени надѣется приступить. Въ данной работѣ онъ поневолѣ долженъ былъ ограничиться указаніемъ той связи, которая существуетъ между политическими идеями римскаго общества эпохи Флавіевъ и Антониновъ и гораздо болѣе древними греческими взглядами: безъ разсмотрѣнія политическихъ взглядовъ Діона Хрисостома и его предшественниковъ, многія стороны политическаго міросозерцанія римскаго общества этой эпохи остались бы неясными.

Если авторъ въ данномъ случаѣ оказался вынужденнымъ измѣнить своему первоначальному плану и обратиться наряду съ римскими и къ греческимъ писателямъ [1]), то онъ позволяетъ себѣ думать, что это отступленіе отъ первоначальнаго плана не можетъ быть

---

[1]) См. томъ I, стр. 34—35.

ему поставлено въ вину, такъ какъ оно можетъ только содѣйствовать болѣе широкой и правильной постановкѣ вопроса. Во всемъ остальномъ авторъ не считаетъ нужнымъ отказаться ни отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ въ первомъ томѣ своей работы, ни отъ внѣшнихъ пріемовъ изложенія.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность историко-филологическому факультету Петербургскаго Университета за матеріальную поддержку, оказанную ему при напечатаніи какъ перваго, такъ и второго тома «Изслѣдованій».

Авторъ.

ГЛАВА I.

Борьба за принципатъ.

§ 1.

Введеніе. Причины движенія 68 и 69 годовъ.

Анархія послѣдняго вѣка республики заставила римскій народъ и римское общество искать спасенія въ сильной, независимой отъ партій сената и народнаго собранія власти. Подавляя властной рукой всѣ оппозиціонныя настроенія и содѣйствуя сколько возможно внутреннему порядку и экономическому процвѣтанію имперіи, Августъ и Тиберій (послѣдній по крайней мѣрѣ въ его лучшіе годы) въ общемъ несомнѣнно удовлетворили желанія огромной массы населенія, щадя въ то же время и законныя притязанія сената на участіе въ государственной жизни. Организованной оппозиціи, оппозиціи политической партіи съ опредѣленной программой и сознательнымъ планомъ дѣйствій ни тотъ, ни другой, какъ мы видѣли, не встрѣтили на своемъ пути, хотя имъ (и особенно Тиберію) и приходилось считаться съ глухимъ недовольствомъ старой знати. Само по себѣ это недовольство не представляло серьезной опасности для новаго строя, но естественная подозрительность этихъ „уполномоченныхъ народа“, фактически обладавшихъ неограниченной властью и тѣмъ не

менѣе неувѣренныхъ въ своей безопасности не давала имъ нравственной возможности спокойно относиться къ неизбѣжнымъ мелкимъ заговорамъ и другимъ сопровождающимъ всякій государственный переворотъ затрудненіямъ, а увлекала ихъ въ нецѣлесообразную и въ концѣ концовъ опасную мелкую борьбу при помощи процессовъ объ оскорбленіи величества, сожженія и запрещенія неудобныхъ сочиненій и ссылки ихъ авторовъ. Спорадическіе при Августѣ, подобнаго рода процессы постепенно становятся обычнымъ явленіемъ при Тиберіи и подъ конецъ его принципата разражаются массовыми казнями. Самымъ опаснымъ результатомъ такого положенія вещей — результатомъ одинаково опаснымъ и для государства, и для государя — является не истребленіе старой знати само по себѣ, а страшная деморализація всего общества.

Одинъ изъ послѣднихъ крупныхъ ученыхъ, высказавшихся относительно причинъ упадка античнаго міра, Otto Seeck, какъ извѣстно, особенно подчеркиваетъ психологическую сторону политическаго развитія греко-римскаго міра. „Истребленіе наилучшихъ“, которому онъ придаетъ такое огромное значеніе, объясняя его преимущественно характеромъ политическаго развитія древняго міра, несомнѣнно играетъ у него слишкомъ большую роль [1]). Нисколько не мѣньшее значеніе имѣли психологическія явленія, сопровождавшія хотя бы соціальное развитіе древняго міра и выразившіяся въ такихъ, напримѣръ, чертахъ, какъ разлагавшій древнюю политію эгоизмъ личности съ одной, упадокъ личной и общественной энергіи и самодѣятельности, особенно замѣтный съ II—III вѣка нашей эры, съ другой стороны. Тѣмъ не менѣе попытка Зека снова и съ болѣе научной и широкой точки зрѣнія выдвинуть факторъ, нѣкогда игравшій такую большую роль въ объясненіи развитія народной жизни, затѣмъ отодвинутый на

[1]) Ср. Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, II изд., стр. 270 сл. „die Ausrottung der Besten“.

задній планъ изученіемъ политическихъ и экономическихъ факторовъ и почти забытый, заслуживаетъ полнаго вниманія не однихъ историковъ античнаго міра. Психическое развитіе не одной только древности не только не имѣетъ еще своего историка, но нуждается въ многочисленныхъ подготовительныхъ работахъ.

Рамки настоящаго изслѣдованія не позволяютъ намъ остановиться съ должнымъ вниманіемъ и полнотой на этой сторонѣ античной жизни [1]). Здѣсь достаточно будетъ еще разъ указать на тѣ измѣненія въ психологическомъ состояніи особенно римскаго общества, которыя наблюдаются въ немъ въ теченіе перваго вѣка имперіи и имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей задачѣ.

Вѣкъ революцій и послѣдующее установленіе монархіи идутъ рука объ руку съ рѣзкимъ измѣненіемъ въ нравственной физіономіи римскаго общества. Не слѣдуетъ забывать, что это и есть эпоха окончательнаго перелома во всей римской жизни. Вся предшествующая жизнь римскаго народа прошла въ неустанной, смотря по условіямъ времени болѣе или менѣе острой, борьбѣ съ господствующимъ меньшинствомъ сначала патриціевъ, затѣмъ оптиматовъ и всадниковъ за обезпеченіе матеріальнаго и связаннаго съ нимъ нравственнаго благосостоянія народной массы. Борьба эта могла принимать и принимала разныя формы, съ внѣшней стороны и по взаимнымъ отношеніямъ сторонъ имѣла различный въ разныя эпохи характеръ, но сущность ея всегда оставалась неизмѣнной, добивались ли плебеи съ Г. Фламиніемъ раздѣленія пиценскихъ полей или популяры съ Гракхами конфискаціи и раздачи общинныхъ земель. Весьма естественно однако, что по мѣрѣ роста экономическаго, соціальнаго и политическаго разстоянія между оптиматами и массою борьба принимаетъ все болѣе

[1]) Въ настоящихъ изслѣдованіяхъ мы еще надѣемся вернуться къ этому вопросу при разсмотрѣніи причинъ паденія римской имперіи (въ III томѣ).

острый характеръ и постепенно становится революціонной какъ по цѣли, такъ и по средствамъ. Кризисъ наступаетъ собственно при Гракхахъ: ихъ неудача, вытекающая не только изъ естественнаго, хотя и близорукаго сопротивленія знати, но и изъ особенностей нравственнаго облика того римскаго „народа“, на который опирались братья-трибуны, въ сущности предрѣшила исходъ начавшейся съ этого времени послѣдней вѣковой борьбы. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ возрастающихъ требованій популяровъ происходитъ расколъ между недовольной массой и всадниками, служившими одной изъ существенныхъ опоръ Гая Гракха, но подъ вліяніемъ страха предъ краснымъ призракомъ отпавшими отъ его преемниковъ,—извѣстно, какую роль они играли во время дѣла Катилины,—съ другой стороны самые вожди популяровъ запятнали въ глазахъ значительной части общества свои идеалы всякаго рода беззаконіями, казнями временъ Марія и Цинны, связью съ либертами, рабами и даже съ внѣшними врагами государства, наконецъ таинственнымъ заговоромъ 63 г. и безобразіями П. Клодія [1]).

Подъ вліяніемъ неудачи всѣхъ болѣе или менѣе насильственныхъ попытокъ реформы демократическое движеніе вырождается. Обѣ партіи, но особенно демократическая, ищутъ спасенія въ личномъ вліяніи и могуществѣ того или иного вождя: одни ожидаютъ отъ него полнаго устраненія соціальныхъ золъ хотя бы путемъ упраздненія всѣхъ долговыхъ обязательствъ и революціоннаго передѣла имуществъ, другіе возлагаютъ на своего героя всѣ надежды на возстановленіе порядка и обезпеченіе права собственности отъ посягательствъ

[1]) Недавно вышедшій второй томъ книги Pöhlmann'a, Geschichte des antiken Communismus und Socialismus, вообще менѣе удачный, чѣмъ первый томъ, особенно слабъ въ той части, гдѣ говорится о „римскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи“, хотя и тутъ есть рядъ любопытныхъ замѣчаній, напр., по дѣлу Катилины и по вопросу объ отношеніи Цицерона къ соціальной проблемѣ.

массы и ея корыстныхъ вождей, которые рисуются ихъ испуганному воображенію въ отчасти совершенно фантастическомъ видѣ. Количество чистыхъ республиканцевъ, видящихъ все спасеніе въ возвратѣ къ доброму старому времени и ведущихъ упорную борьбу съ нарождающейся диктатурой, оказывается крайне незначительнымъ: группируясь вокругъ Катона, они раздѣлили его судьбу и во взглядахъ потомства. Долгое время неумѣренно превознесенные, они особенно со времени появленія „римской исторіи“ Моммзена подверглись не менѣе неумѣренному осужденію и даже глумленію [1]). Дальнѣйшее развитіе доказало, что, какъ политическіе дѣятели, они совершили величайшую ошибку, которую только можетъ совершить государственный человѣкъ, что они боролись за отжившее и нежизнеспособное, не сдѣлавъ ни одной серьезной попытки сохранить дорогой имъ государственный строй при помощи широкихъ реформъ на республиканской основѣ. Но тѣмъ не менѣе едва ли подлежитъ сомнѣнію, что среди лицъ, бѣжавшихъ въ 48 году отъ Цезаря, и въ частности среди ближайшихъ сторонниковъ Катона можно было легче найти убѣжденныхъ, хотя бы и узкихъ представителей опредѣленныхъ идеаловъ, чѣмъ среди многочисленныхъ авантюристовъ, окружавшихъ великаго диктатора. Гражданскія войны 48 до 31 года несомнѣнно особенно тяжело отразились на нихъ: наиболѣе стойкая часть ихъ погибла въ бою или отъ собственной руки. Тѣ, которые пережили республику и, разочаровавшись въ возможности сохранить народу вопреки его волѣ свободу, подчинились щадившему ихъ настроеніе побѣдителю, постепенно слились съ общей массой утомленнаго общества.

Разочарованіе въ своихъ собственныхъ силахъ, добровольное удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ и весьма опредѣленное стремленіе къ индивидуальному благополучію отчасти

---

[1]) Ср. расточаемые Катону эпитеты Bornier и т. д.

весьма низменнаго характера — таковы отличительныя черты общественнаго настроенія временъ Августа. На этомъ общемъ фонѣ выдѣляется мелкая злобная фронда сплетенъ о личной жизни властителей съ одной и довольство огромнаго большинства даже собственно римскаго общества съ другой стороны. Фронда недовольныхъ такъ же точно отравляется сознаніемъ своего безсилія, какъ довольство массы: но тогда какъ первая становится тѣмъ ядовитѣе, чѣмъ она безсильнѣе, надъ довольствомъ лучшей части большинства постоянно лежитъ легкій флеръ, особенно замѣтный у Горація. Настоящей жизнерадостности мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ писателей этой эпохи: даже у представителя тяжелаго времени республиканской агоніи, у Катулла, ея неизмѣримо больше, чѣмъ у любого современника Августа.

Формальное сохраненіе республики, фактическая любезность въ обращеніи съ знатью и народомъ, возстановленіе порядка, реорганизація управленія, наконецъ чрезвычайно удачныя войны и дипломатическіе успѣхи,—все это вмѣстѣ съ утомленіемъ общества обезпечило Августу спокойное пользованіе властью. И тѣмъ не менѣе рядъ симптомовъ послѣднихъ лѣтъ его управленія указываетъ на возникновеніе новыхъ затрудненій и на нѣкоторую нервность власти. Процессы двухъ Юлій съ сопровождавшими ихъ казнями и ссылками, запрещеніе сочиненій Лабіена и Кассія Севера, ссылка послѣдняго и Овидія какъ будто доказываютъ, что старѣющій Августъ потерялъ то холодное душевное равновѣсіе, которое обезпечило ему успѣхъ въ борьбѣ съ Антоніемъ и отличало первыя десятилѣтія его принципата. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти факты не прошли незамѣтными, а наоборотъ значительно затруднили положеніе власти: въ то время, какъ процессы дочери и внучки Августа вмѣстѣ съ катастрофой въ Тевтобургскомъ лѣсу умаляли личный престижъ основателя принципата, казни и ссылки должны были вызвать страхъ у

однихъ и не только усилить недовольство другихъ, но и увеличить самое количество недовольныхъ.

Смерть избавила престарѣлаго Августа отъ необходимости найти болѣе удовлетворительный выходъ изъ новыхъ затрудненій, чѣмъ какой представляли репрессивныя мѣры. Тѣмъ затруднительнѣе было положеніе новаго принцепса, личныя качества котораго не могли помочь ему сгладить противорѣчія между его фактическимъ и формальнымъ положеніемъ,—противорѣчія, такъ рѣзко давшія себя знать за послѣдніе годы. Независимо отъ его гордаго до надменности нрава, его отвращенія къ популярничанію Августа, его прозаически осторожнаго, избѣгавшаго всякія блестящія предпріятія управленія, его бережливости, запрещавшей ему какіе-либо расходы на игры и иныя народныя увеселенія, уже его скрытный, подозрительный характеръ дѣлали невозможнымъ установленіе добрыхъ отношеній между властью и обществомъ.

При такихъ условіяхъ взаимныя отношенія могли только ухудшаться. Принцепсъ подозрѣвалъ окружавшее его аристократическое общество, общество не вѣрило ни его конституціоннымъ уступкамъ сенату, ни какимъ бы то ни было его мѣрамъ и съ злобной радостью истолковывало всѣ его дѣянія и даже несчастія, обрушивавшіяся на его домъ, въ самомъ неблагопріятномъ, а подчасъ и прямо фантастическомъ смыслѣ. При такихъ условіяхъ всякаго рода оскорбленія величества были вполнѣ естественны, и предъ нами встаетъ отвратительное зрѣлище безпрестанныхъ доносовъ изъ среды того же общества. Наиболѣе дрянные элементы его не могли не замѣтить, какую службу имъ могла сослужить общеизвѣстная подозрительность принцепса, знавшаго, что его не любятъ и что доходятъ до того, что обвиняютъ его въ смерти Германика. Никакія попытки остановить доносительную горячку, а вопреки увѣренію Светонія мы знаемъ, что такія попытки были [1]),

[1]) Ср. томъ I, стр. 319 прим. 4..

не имѣли успѣха: почва для доносовъ и съ той и съ другой стороны была слишкомъ благопріятна. Своей подозрительностью и поощреніемъ части деляторовъ власть вызывала наружу всѣ худшіе инстинкты, дремавшіе въ римскомъ обществѣ. Если гражданскія войны привели къ гибели наиболѣе идеалистической и стойкой части общества, если опека Августа поощряла упадокъ общественныхъ и господство личныхъ интересовъ, то политическіе процессы прямо развивали доносъ и предательство съ одной, рабскій страхъ и полный упадокъ личной чести съ другой стороны. На ряду съ „истребленіемъ лучшихъ“ происходитъ своего рода подборъ худшихъ элементовъ общества: на ряду съ гибелью Кремуція Корда мы замѣчаемъ съ одной стороны возвышеніе Романа Гиспона, Вибія Серена сына, Фульцинія Тріона и другихъ деляторовъ и поразительное пресмыкательство сената, съ другой стороны возрастающее отвращеніе къ активному участію въ государственныхъ дѣлахъ. Создается совершенно болѣзненная атмосфера именно среди того класса лицъ, который по традиціи и въ силу конституціонныхъ уступокъ Августа прежде всего призванъ принимать участіе въ государственной жизни и къ которому вдобавокъ примыкаетъ вся интеллигенція латинскаго запада. По количеству своихъ членовъ этотъ классъ, правда, не играетъ никакой роли по сравненію съ массой имперскаго населенія, по своему соціальному и политическому положенію онъ, однако, занимаетъ настолько важное мѣсто въ государствѣ, что отъ его психическаго состоянія зависитъ окраска общественной жизни даннаго времени. Фактическое всемогущество принцепса, въ теоріи являющагося лишь первымъ гражданиномъ, и не вѣрящаго въ прочность своей власти и въ свою личную безопасность, и формально чрезвычайно высокое положеніе сената, на практикѣ безсильнаго, но по всѣмъ своимъ слишкомъ еще свѣжимъ традиціямъ неспособнаго примириться съ своимъ безсиліемъ и втайнѣ продолжающаго смотрѣть на

принцепса какъ на узурпатора, ставятъ и власть, и общество въ ложное, можно сказать трагическое, положеніе. Ни принцепсъ, ни сенатъ не могутъ забыть убійства перваго Цезаря: первому оно постоянно напоминаетъ о возможности и опасности заговоровъ, второму—о возможности снова занять главенствующее положеніе. Но тогда какъ всемогущій принцепсъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи страшное оружіе политическихъ процессовъ, безсильный сенатъ видитъ единственное свое спасеніе только въ безусловной, заискивающей и старающейся угадать мысль властителя покорности и лести.

У сената, правда, оставалось еще одно средство, именно то, котораго постоянно опасался принцепсъ,—заговоръ и политическое убійство, но, какъ бы элементарно-простымъ не казалось это средство, опытъ вѣковъ доказалъ, что для своего успѣха оно нуждается въ очень сложныхъ условіяхъ. Несмотря на глухое недовольство знати, несмотря даже на несочувствіе римской черни къ бережливому Тиберію только одинъ изъ процессовъ его времени раскрылъ дѣйствительно опасный, едва не удавшійся заговоръ, да и то во главѣ его стоялъ первый помощникъ и, казалось, ближайшій другъ Тиберія, Л. Элій Сеянъ, не менѣе, если не болѣе ненавистный большинству общества, чѣмъ самъ Тиберій. Если оставить въ сторонѣ это совершенно исключительное по своему характеру дѣло, то всѣ остальные процессы касались лишь сравнительно маловажныхъ внѣшнихъ проявленій подозрѣваемаго властью недовольства знати [1]). Непочтительные отзывы объ Августѣ или самомъ Тиберіи, восхваленіе Кассія и Брута, страстныя жалобы на существующее положеніе, распространеніе грязныхъ сплетенъ объ императорѣ, обращеніе къ магамъ для выясненія или приближенія дня его смерти—вотъ тѣ преступленія противъ Юліева закона объ оскорбленіи величества, которыя согласно

[1]) Исключительный характеръ имѣютъ также дѣла Пизона, см. т. I, стр. 298, и Антистія, ib., стр. 300.

страшно строгимъ постановленіямъ закона наказывались ссылкой, а подчасъ и казнью преступника [1]). За все время управленія Тиберія мы такимъ образомъ не встрѣчаемъ ни одного серьезнаго заговора, цѣлью котораго было бы освободить общество хотя бы отъ даннаго принцепса. Довольство провинціальной массы, чувствовавшей пока лишь благопріятныя послѣдствія произведеннаго Августомъ переворота, вѣрность гвардіи и войскъ вообще, помнившихъ военные подвиги императора, личный престижъ Тиберія, нашедшій себѣ отраженіе даже у Тацита, его несомнѣнно прекрасное управленіе не давали недовольству охватить настолько широкіе круги и настолько обостриться, чтобы кровавый исходъ сдѣлался неизбѣжнымъ.

Съ его смертью положеніе дѣла еще болѣе обостряется. Первоначально, правда, его смерть вызвала чувство всеобщаго облегченія: какъ Франція послѣ безконечнаго царствованія Людовика XIV, потерявшаго эластичность мысли и пониманіе окружающихъ условій и деспотически втиснувшаго всю жизнь въ узкія рамки ханжества и слѣпого повиновенія, такъ и Римъ долженъ былъ свободно вздохнуть, когда власть изъ рукъ двухъ стариковъ, послѣдовательно державшихъ жизнь въ тискахъ своего властолюбія и подозрительности, наконецъ, перешла къ молодому сыну безмѣрно популярнаго Германика, сразу замѣнившему сухой, педантическій формализмъ и чрезмѣрную бережливость Тиберія либеральными актами и безумно-веселымъ расточеніемъ накопленной его предшественниками огромной казны. Въ лицѣ Гая власть перешла къ худшей части того поколѣнія, которое выросло подъ впечатлѣніемъ

---

[1]) Замѣтимъ, что до дѣла Сеяна только казнь Т. Сабина, друга Германика, можетъ быть поставлена въ счетъ Тиберію. Ср. т. I, стр. 307. О казни Клуторія Приска см. тамъ же, стр. 300—301. Самоубійствомъ кончили Либонъ Друзъ, ib., стр. 297, Пизонъ, стр. 298, Г. Силій, стр. 302, Кремуцій Кордъ, стр. 305.

все болѣе частыхъ и грозныхъ политическихъ процессовъ. Лишенный всякаго нравственнаго чутья и всякихъ даже семейныхъ привязанностей, этотъ „лучшій рабъ и худшій господинъ“ [1]) скоро довелъ общество до того состоянія ожесточенія, которое привело къ его гибели отъ руки придворной челяди и преторіанскихъ трибуновъ. Ни провинціи, ни войско однако еще не приняли участія въ движеніи: очевидно, послѣднія безумія Гая еще не успѣли оказать серьезнаго давленія на ихъ отношеніе къ новой власти.

Отрицательныя стороны управленія Клавдія и Нерона въ общемъ долгое время также давали себя чувствовать преимущественно обществу и въ частности знати города Рима. Произведенія Сенеки философа даютъ богатый матеріалъ для изображенія политическаго положенія и нравственнаго состоянія римскаго общества какъ въ эпоху владычества женъ и либертовъ Клавдія, такъ и въ эпоху Нерона. Во взаимныхъ отношеніяхъ власти и общества въ общемъ немного измѣняется по сравненію съ временемъ Тиберія. Мрачная подозрительность второго принцепса, правда, замѣняется трусливостью Клавдія, распущенностью и жестокостью его женъ и Нерона, но римское общество сохраняетъ по отношенію къ нимъ все то же безусловно покорное поведеніе. Оно знаетъ, что „Цезарю все позволено“ и безропотно подчиняется этому факту. Смѣна принцепсовъ и продолжительность ихъ террористическаго режима сказывается лишь въ возрастающей разнузданности власти и возрастающемъ упадкѣ общественныхъ инстинктовъ, въ изобрѣтательности льстецовъ и наглости деляторовъ. Только личная слава Ѳразеи, страстныя обвиненія Лукана и пизоновскій заговоръ доказываютъ, что терпѣніе даже этого общества начинаетъ истощаться—но они же доказываютъ, что оно само по себѣ попрежнему безсильно.

---

[1]) Tac. Ann. 6, 20.

Провинціи и войско долгое время остаются безмолвны, и при недостаткѣ источниковъ [1]) мы лишь съ трудомъ можемъ угадать причины того страшнаго взрыва всеобщаго недовольства, внѣшнимъ проявленіемъ котораго являются событія 68 и 69 года.

Спрашивается, чѣмъ объясняется, что въ 68 году движеніе въ пользу низложенія Нерона исходитъ не изъ Рима, а изъ провинцій, и почему это движеніе приняло настолько грозные размѣры, что въ него были вовлечены не только Италія, но почти всѣ области имперіи, осужденныя такимъ образомъ снова пережить гражданскую войну?

Едва ли можно сомнѣваться, что причины этого факта весьма разнообразны и не заключаются исключительно въ безобразныхъ хищеніяхъ центральной власти особенно послѣднихъ лѣтъ Нерона.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что движеніе 68 и 69 года не имѣетъ специфически военнаго характера, а если не всюду, то во многихъ областяхъ находило широкую поддержку среди массы населенія. Галлы, не римскія войска, служили опорой Г. Юлія Виндекса и съ нимъ вмѣстѣ дали сигналъ къ возстанію противъ Нерона, а впослѣдствіи снова поднялись подъ начальствомъ Марикка [2]); испанскіе провинціалы охотно поддержали Гальбу [3]), въ Мавританіи прокураторъ Луцей Альбинъ, опираясь на туземцевъ, принялъ инсигніи царской власти и царское имя Юбы [4]), въ Африкѣ точно

---

[1]) Часть XVI и слѣдующія книги Анналъ Тацита, нашего главнаго источника, до насъ не дошли, а разсказъ Діона дошелъ до насъ только въ сокращенномъ изложеніи Ксифилина и Зонары. Плутарховы біографіи Гальбы и Оѳона и біографіи Светонія для даннаго вопроса даютъ чрезвычайно мало.

[2]) См. ниже.

[3]) См. ниже.

[4]) Tac. Hist. 2, 58: Luccius Albinus a Nerone Mauretaniae Caesariensi praepositus, addita per Galbam Tingitanae provinciae administratione, haud spernendis viribus agébat. decem novae cohortes, quinque alae, *ingens Maurorum numerus aderat*... spargebatur insuper spreto procuratoris vocabulo

такъ же замѣчалось броженіе среди населенія, жертвой котораго палъ намѣстникъ Л. Пизонъ [1]); на востокѣ не говоря уже о еврейскомъ возстаніи, произошли аналогичныя движенія въ Понтѣ [2]) и въ Сиріи [3]). Сами императоры признавали значеніе этихъ провинціальныхъ движеній, наказывая и награждая города, смотря по ихъ отношенію къ ихъ интересамъ: такъ Гальба, напримѣръ, осыпалъ милостями сторонниковъ Виндекса, раздавая имъ право гражданства и облегчая лежавшее на нихъ податное бремя, и наоборотъ строго наказалъ враждебные города, въ томъ числѣ такіе, какъ Ліонъ и Триръ, а послѣдніе въ виду этого не мало содѣйствовали возстанію германскаго войска противъ него [4]).

Широкое распространеніе недовольства такимъ образомъ, несмотря даже на мало удовлетворительное состояніе нашихъ источниковъ, не подлежитъ сомнѣнію и это одно изъ характернѣйшихъ явленій этого времени. Часть провинціальныхъ движеній происходитъ среди сравнительно недавно присоединенныхъ или покоренныхъ народностей (таковы: движеніе въ Палестинѣ, въ Мавританіи и въ Понтѣ), и можетъ быть сопоставлена съ батавскимъ возстаніемъ Цивилиса, являясь результатомъ малокультурности данной народности и ея непривычки къ римскимъ порядкамъ. Другой характеръ имѣетъ возстаніе галловъ и броженіе въ провинціи Африкѣ: Галлія уже

Albinum insigne regis et Jubae nomen usurpare. Возстаніе было быстро подавлено намѣстникомъ Испаніи, Клувіемъ Руфомъ. Онъ постарался, ut Maurorum animos Vitellio conciliarent, при чемъ ему помогла magna per provincias Germanici exercitus fama.

[1]) Hist. 4, 48—49. Онъ былъ убитъ по наущенію начальника мѣстнаго легіона, Валерія Феста: nec ambigitur *provinciam* et militem alienato erga Vespasianum animo fuisse.

[2]) Hist. 3, 47: subita per Pontum arma barbarum mancipium, regiae quondam classis praefectus, moverat. Возстаніе было подавлено Веспасіаномъ, ib., 48.

[3]) Schiller, Gesch. т. I, стр. 381.

[4]) Tac. Hist. 1, 51. Plut. Galba 18 и 22. Suet. Galb. 12.

свыше ста лѣтъ находилась подъ римскимъ управленіемъ и часть ея уже была настолько романизована, что еще при Клавдіи получила ius honorum, а Африка уже цѣлыхъ три столѣтія принадлежала къ имперіи. Если къ этимъ двумъ областямъ прибавить затѣмъ еще тѣ, гдѣ, какъ намъ случайно извѣстно, происходили менѣе широкіе, мѣстные безпорядки, какъ въ Сиріи [1]) и въ Кампаніи [2]), то едва ли останется сомнѣніе, что хотя возстанія легіоновъ имѣли и свои особыя причины професіональнаго характера, то есть главнымъ образомъ сильное развитіе корпоративнаго духа и соревнованіе между преторіанцами, германскимъ, паннонскимъ и другими войсками— тѣмъ не менѣе недовольство солдатъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ недовольствомъ массы населенія и въ значительной мѣрѣ обусловлено этимъ послѣднимъ [3]). Недаромъ, въ самомъ дѣлѣ военныя возстанія 14 года не получили болѣе широкаго распространенія: въ то время провинціи еще благословляли власть, не подвергнувшись хищническому управленію Гая, либертовъ Клавдія и послѣднихъ лѣтъ Нерона, и ничѣмъ не выразили сочувствія легіонамъ [4]).

Весьма вѣроятно, что недовольство населенія имѣло въ разныхъ мѣстностяхъ весьма разнообразныя причины и характеръ, но преобладающую роль по всему вѣроятію играли причины соціально-экономическаго порядка. Скудость и одно-

---

[1]) Ср. выше, стр. 13, прим. 3.

[2]) Hist. 4, 3: isdem diebus (уже послѣ гибели Вителлія) Lucilius Bassus cum expedito equite ad componendam Campaniam mittitur, discordibus municipiorum animis magis inter semet quam contumacia adversus principem. Ср. Hist. 3, 57 о Puteoli и Капуѣ.

[3]) Hist. 2, 80: quippe et provinciales solito militum contubernio gaudebant, plerique necessitudinibus et propinquitatibus mixti, et militibus vetustate stipendiorum nota et familiaria castra in modum penatium diligebantur. Отсюда и тѣ особенности разныхъ отрядовъ, которыя отмѣчены Тацитомъ. Ср. Hist. 3,33 exercitu vario linguis moribus, cui cives socii externi interessent; ib. 2,74 (о германскомъ войскѣ): horridi sermone; ib. 3, 24: undique clamor et orientem solem (ita in Suria mos est) tertiani salutavere.

[4]) Ср. о настроеніи въ Римѣ Tac. Ann. 1, 46.

сторонность нашихъ источниковъ не позволяетъ намъ прослѣдить вліяніе римскаго владычества на соціальную жизнь провинціаловъ: въ этомъ отношеніи любопытно, что Тацитъ указываетъ на задолженность какъ на причину извѣстнаго галльскаго возстанія 21 года [1]), а также и то, что вождемъ сирійскаго возстанія 68 года былъ бѣглый рабъ, а пожалуй и коммунистическій характеръ, который подъ конецъ приняло еврейское возстаніе. Весьма возможно, что особенно въ Галліи и другихъ вновь завоеванныхъ провинціяхъ самый фактъ распространенія римскаго права имѣлъ послѣдствія, аналогичныя тѣмъ, которыя проявились во время рецепціи римскаго права въ Германіи, т.-е. содѣйствовалъ ухудшенію экономическаго и юридическаго положенія массы [2]).

Детальное разсмотрѣніе вопроса о соціальномъ развитіи провинцій въ первомъ вѣкѣ имперіи, разумѣется, не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что за недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ изученіе этого въ высшей степени важнаго вопроса представляется чрезвычайно сложнымъ дѣломъ и только для болѣе продолжительныхъ періодовъ можетъ привести къ болѣе убѣдительнымъ выводамъ. Здѣсь будетъ достаточно обратить вниманіе на тѣсную связь этого вопроса съ вопросомъ о причинахъ движенія 68—69 годовъ.

Неизбѣжныя послѣдствія проникновенія римскаго капитала и римскаго крайне индивидуалистическаго права въ провинціи (особенно въ недавно пріобрѣтенныя) становились еще болѣе тяжелыми подъ вліяніемъ хищническаго управленія трехъ послѣднихъ принципатовъ. Не говоря уже о томъ, что вымогательства намѣстниковъ и прокураторовъ несмотря на

---

[1]) Ann. 3, 40: ob magnitudinem aeris alieni; ср. 3, 41: haud ferme ulla civitas intacta seminibus eius motus fuit.

[2]) Нѣкоторыя любопытныя соображенія на этотъ счетъ можно найти у Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives de la France, т. I, стр. 32—44.

строгость императорскаго контроля далеко не прекратились [1]), и центральная власть уже до Нерона несомнѣнно злоупотребляла своимъ могуществомъ для удовлетворенія безумныхъ капризовъ Гая [2]) и алчности либертовъ Клавдія. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ, Нарциссъ, составилъ себѣ состояніе въ 400 милліоновъ сестерціевъ (ок. 43 м. рублей), другой Палласъ, въ 300 милліоновъ, и едва ли можно думать, чтобы Каллистъ, Полибій и другіе обладали значительно меньшими средствами [3]). Значительная часть этихъ суммъ, по всему вѣроятію, такъ или иначе была награблена въ провинціяхъ. При Неронѣ хищничество власти достигаетъ высшихъ предѣловъ, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что отнятыя у провинцій средства тратятся самымъ нелѣпымъ образомъ [4]) и даже если идутъ на удовлетвореніе насущныхъ потребностей (напр., на возстановленіе сгорѣвшаго Рима) тратятся въ центрѣ и лишь медленно и отчасти снова отливаютъ въ провинціи, да и то преимущественно въ восточныя съ ихъ болѣе развитой промышленной и торговой жизнью, а отчасти окончательно уходятъ за предѣлы государства, въ Аравію, Индію и Китай [5]). И несмотря на всѣ чрезвычайные поборы правительство уже до 62 г., когда возобновляется эпоха террора, постоянно нуждается въ

[1]) На это указываетъ уже сравнительно большое число извѣстныхъ намъ процессовъ противъ намѣстниковъ, списокъ которыхъ см. у Guiraud, Les assemblées provinciales romaines, стр. 173. Ср. также Tac. Ann. 4, 45; 4, 46; 4, 72—74; 14, 31—32 и т. д.

[2]) О нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣрахъ его см. т. I, стр. 399—400.

[3]) Friedländer, Sittengeschichte I^6, стр. 96.

[4]) Friedländer, ib. III^6, стр. 8: Der Luxus eines Caligula und Nero erhielt seinen ganz exceptionellen Charakter dadurch, dass er eine Documentation ihres Allmachtsschwindels war. Sie wollten auch hierin die uebermenschliche Macht und Grösse des Caesarenthums, den unermesslichen Abstand des Weltherrschers von seinen Unterthanen zur Anschauung bringen, für sie sollte es keine Unmöglichkeit, für ihren Willen keine Schranken geben.

[5]) Plin. N. H. 12, 18, 84. Ср. Voigt, Römische Privatalterthümer въ Handbuch Iw. Müller'a, т. IV, ч. II, стр. 441. По словамъ Плинія, цѣнность ввоза съ востока превышала цѣнность вывоза ежегодно на 100 милліоновъ сестерціевъ.

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ...

деньгахъ и для устраненія нужды прибѣгаетъ къ крайне опасному средству ухудшенія монеты: между 60 и 62 годами вѣсъ монетъ понижается настолько, что изъ одного фунта золота вмѣсто 40 чеканятся 45, изъ одного фунта серебра вмѣсто 80 динаріевъ чеканится 96 [1]).

Но особенно ухудшилось положеніе послѣ знаменитаго пожара города Рима (64 г.): по словамъ источниковъ, семь изъ четырнадцати регіоновъ Рима совершенно сгорѣли, а три изъ остальныхъ семи сильно пострадали [2]). Пожаръ естественно произвелъ ужасающее впечатлѣніе и породилъ чрезвычайно характерные слухи о роли Нерона при гибели столицы [3]): несмотря на малую правдоподобность этихъ слуховъ (когда пожаръ начался, Нерона вовсе не было въ Римѣ [4]), народъ, повидимому также считалъ его виновникомъ несчастія, какъ французское общество XVIII вѣка считало виновникомъ голодовокъ самого короля. Разъ населеніе на каждомъ шагу сталкивается съ опекой власти, оно очевидно во всѣ времена очень склонно обвинять ее въ нежеланіи воспользоваться своимъ кажущимся всемогуществомъ для устраненія всѣхъ общественныхъ злоключеній [5]). Весьма естественно, что потребовались особенно крупные расходы, чтобы успокоить населеніе [6]), возстановить сгорѣвшія постройки, принять мѣры противъ повто-

---

[1]) Schiller, Gesch. d. röm. Kaiserzeit, I, стр. 360.

[2]) Ср. впрочемъ Iordan, Topographie der Stadt Rom I, 1, 436 сл., а также Schiller, Geschichte des römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero, стр. 424—440.

[3]) Ср. особ. Tac. Ann. 15, 38—40.

[4]) Tac. Ann. 15, 39: eo in tempore Nero Antii agens non antea in urbem regressus est, quam domui eius... ignis propinquaret.

[5]) Ср. Tac. Ann. 4, 64: Nondum ea clades exoleverat, cum ignis violentia urbem ultra solitum adfecit, deusto monte Caelio; feralemque annum ferebant et ominibus adversis susceptum principi consilium (въ предшествовавшемъ 26 году Тиберій навсегда покинулъ Римъ), qui mos vulgo, fortuita ad culpam trahentes...

[6]) Ann. 15, 39, 44.

ренія такихъ колоссальныхъ пожаровъ [1]), наконецъ, чтобы построить знаменитый „золотой домъ“ Нерона [2]). „За это время Италія была разорена сборомъ денегъ, провинціи, союзники и такъ называемые свободные города обобраны до тла. Даже боги сдѣлались добычей грабителей: ограблены были римскіе храмы и увезено изъ нихъ золото, которое за все время жизни римскаго народа было имъ пожертвовано въ добрые и тяжелые дни, по случаю тріумфовъ или въ силу обѣтовъ. Вѣдь отбирались же въ Азіи и Ахайѣ не только дары, но и самыя статуи боговъ, для чего въ тѣ провинціи были посланы Акратъ и Секундъ Каринатъ“ [3]). Къ сожалѣнію мы и тутъ не узнаемъ никакихъ опредѣленныхъ цифръ, которыя дали бы намъ возможность составить себѣ болѣе точное представленіе объ общихъ размѣрахъ чрезвычайныхъ поборовъ этого времени: единственнымъ указаніемъ можетъ служить случайно дошедшая до насъ сумма поборовъ съ молодой, но богатой ліонской колоніи. Дѣло въ томъ, что годъ спустя послѣ римскаго пожара Ліонъ подвергся аналогичному несчастію, и по свидѣтельству Тацита получилъ обратно 4.000.000 сестерціевъ, поднесенныхъ имъ для облегченія бѣдствій города Рима [4]). Само собою разу-

---

[1]) Ср. характерные для общественнаго настроенія толки Ann. 15, 43: erant tamen qui crederent, veterem illam formam salubritati magis conduxisse, quoniam angustiae itinerum et altitudo tectorum non perinde solis vapore perrumperentur: at nunc patulam latitudinem et nulla umbra defensam graviore aestu ardescere. При недовѣріи къ власти не только безразличныя, но даже безспорно разумныя мѣры власти подчасъ подвергаются придирчивой до нелѣпости критикѣ.

[2]) Ann. 15, 42.

[3]) Ann. 15, 45: Interea conferendis pecuniis pervastata Italia, provinciae eversae sociique populi et quae civitatium liberae vocantur. Suet. Nero 38: conlationibusque non receptis modo verum et efflagitatis provincias privatorumque census prope exhausit.

[4]) Ann. 16, 13: cladem Lugdunensem quadragiens sestertii solatus est princeps, ut amissa urbi reponerent; quam pecuniam Lugdunenses ante obtulerant urbis casibus. Едва ли можно сомнѣваться, что подъ urbis casus здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать пожаръ 64 года, а если говорится, что ліонцы „поднесли“ указанную сумму, то изъ этого быть можетъ слѣдуетъ сдѣлать

мѣется, что такого единичнаго указанія мало, чтобы дать отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ; тѣмъ не менѣе ясно, что разъ собранная съ одного Ліона сумма была настолько значительна, то общая цифра должна была быть грандіозной, а взываніе подобнаго рода „добровольныхъ подношеній“ должно было лечь тяжелымъ бременемъ на все населеніе имперіи, къ которой принадлежало много городовъ гораздо болѣе богатыхъ, чѣмъ Ліонъ.

Чрезвычайныя денежныя требованія власти несомнѣнно не прекратились и послѣ 64 года: съ этого времени начинается наиболѣе распущенный періодъ нероновскаго управленія. Одни дары преторіанцамъ послѣ раскрытія и подавленія пизоновскаго заговора 65 года, цѣль которыхъ заключалась въ обезпеченіи повиновенія гвардіи, потребовали новыхъ и непредвидѣнныхъ огромныхъ расходовъ [1]). Насколько государственная казна опустѣла, можно заключить изъ безумной надежды пополнить ее якобы найденными сокровищами Дидоны или нумидійскихъ царей [2]). Когда эта надежда оказалась тщетной, а путешествіе Нерона по Греціи потребовало снова большихъ суммъ, настаетъ періодъ ничѣмъ не прикрытаго грабежа, напоминающаго худшія времена Гая. Самъ Неронъ грабилъ Грецію, оставленный имъ въ Римѣ для управленія государствомъ либертъ Гелій остальное государство: казни, ссылки, конфискаціи, давленіе на содержаніе завѣщаній и, разумѣется, усиленные налоги и иные поборы представляютъ нормальное зрѣлище послѣднихъ трехъ лѣтъ этого принципата [3]).

заключеніе, что часть поборовъ 64 года формально имѣла характеръ добровольныхъ даровъ. Ср. Suet. Nero, 38.

[1]) Ann. 15, 72: bina nummum milia viritim manipularibus divisit additque sine pretio frumentum, quo ante ex modo annonae utebantur.

[2]) Ann. 16, 1—3; ср. 3: gliscebat interim luxuria spe inani, consumebanturque veteres opes quasi oblatis, quas multos per annos prodigeret. quin et inde iam largiebatur; et divitiarum expectatio inter causas paupertatis publicae erat.

[3]) Dio ep. 53, 11. Ср. томъ I, стр. 423.

Такова одна изъ наиболѣе существенныхъ, если не самая существенная причина широкаго распространенія недовольства. Наряду съ нею дѣйствуетъ рядъ другихъ. Если возобновленіе политическихъ процессовъ (съ 62 года), замѣна Бурра Софоніемъ Тигеллиномъ, удаленіе Сенеки, возрастающее усиленіе Поппеи Сабины, наконецъ убійство Рубеллія Плавта и Суллы должны были дѣйствовать преимущественно на аристократію [1]), то процессъ Октавіи вызвалъ сильное волненіе и среди римской массы [2]). Характерно, что Неронъ, чтобы успокоить массу и заставить общество забыть объ угрожающей опасности серіозной войны съ Персіей [3]), счелъ нужнымъ подчеркнуть свою заботу о хлѣбномъ продовольствіи Рима и назначить коммиссію изъ трехъ бывшихъ консуловъ для управленія государственными налогами, обвиняя прежнихъ принцепсовъ въ чрезмѣрныхъ расходахъ и выставляя свои заслуги передъ эраріемъ [4]). Очевидно, онъ чувствовалъ необходимость возстановить свой авторитетъ въ глазахъ общества.

Пожаръ Рима и слухи объ его участіи въ немъ, чрезвычайныя мѣры для покрытія расходовъ, ограбленіе храмовъ

---

[1]) Ср. Ann. 14, 48, 51, 52 сл. 57—59.

[2]) Онъ относится также къ 62 году. Ann. 14, 60: inde crebri questus nec occulti per vulgum, cui minor sapientia et ex mediocritate fortunae pauciora pericula sunt. his Nero, tamquam paenitentia flagitii, coniugem revocavit Octaviam. Ib. 61: exim laeti Capitolium scandunt deosque tandem venerantur. effigies Poppaeae proruunt.., iamque et Palatium multitudine et clamoribus complebant, cum emissi militum globi verberibus et intento ferro turbatos disiecere. mutataque quae per seditionem verterant, et Poppaeae honos repositus est...

[3]) Объ этомъ см. Ann. 15, 1—17. Корбулонъ былъ вынужденъ созвать ополченіе ср. ib. 3: tumultuariam provincialium manum armat.

[4]) Ann. 15, 18: quin et dissimulandis rerum externarum curis Nero frumentum plebis vetustate corruptum in Tiberim iecit, quo securitatem annonae sustentaret... tris dein consulares, L. Pisonem, Ducenium Geminum, Pompeium Paulinum vectigalibus publicis praeposuit, cum insectatione priorum principum, qui gravitate sumptuum iustos reditus anteissent: se annuum sexcenties sestertium rei publicae largiri. Ср. 15, 36 о значеніи хлѣбнаго продовольствія для настроенія массы.

для украшенія Рима вообще и „золотого дома“ въ частности—насколько сильное впечатлѣніе произвелъ этотъ послѣдній фактъ, можно судить по тому, что такой покорный и осторожный человѣкъ какъ Сенека именно тогда окончательно порвалъ всякія связи съ дворомъ, не желая подвергнуться обвиненію въ святотатствѣ [1]),—все это вмѣстѣ съ участіемъ въ публичныхъ зрѣлищахъ [2]) уничтожило благопріятное впечатлѣніе его послѣднихъ мѣръ, до крайности обострило недовольство и создало возможность огромнаго пизоновскаго заговора 65 года. Тацитъ недаромъ отмѣчаетъ большое число участниковъ заговора [3])—тутъ были сенаторы, всадники, солдаты и даже женщины—и тотъ фактъ, что, несмотря на это все дѣло долгое время оставалось въ тайнѣ [4]). Въ высшей степени характерны также участіе многочисленныхъ трибуновъ, центуріоновъ и иныхъ старыхъ преторіанцевъ въ заговорѣ [5]) и отвѣтъ одного изъ нихъ, трибуна Субрія Флава, на вопросъ Нерона о причинахъ, побудившихъ его поднять руку на принцепса: „я тебя возненавидѣлъ, а не было солдата, болѣе вѣрнаго тебѣ, покуда ты этого заслуживалъ. Я началъ тебя ненавидѣть, когда ты сталъ убійцей матери и жены, возницей, актеромъ и поджигателемъ“ [6]).

Массовыя казни на время устранили опасность, преторіанцы получили огромныя суммы и даровой хлѣбъ, особые

---

[1]) Ann. 15, 45: ferebatur Seneca quo invidiam sacrilegii a semet averteret, longinqui ruris secessum oravisse, et postquam non concedebatur, ficta valetudine, quasi aeger nervis, cubiculum non egressus.

[2]) Ann. 15, 33.

[3]) Ann. 15, 48: coepta simul et aucta coniuratione in quam certatim nomina dederant senatores, eques, miles, feminae etiam... 49: quod tam multi sumpserunt.

[4]) Ann. 15, 54: sed mirum quam inter diversi generis ordinis, aetatis sexus, dites pauperes taciturnitate omnia cohibita sint...

[5]) Ann. 15, 59: donec manus militum adveniret, quos Nero tirones aut stipendiis recentes delegerāt: nam vetus miles timebatur tamquam favore inbutus... Ср. Ann. 15, 58 о германскомъ конвоѣ.

[6]) Ann. 15, 67. Ср. ib. 68. Suet. Nero 36.

эдикты съ приложеніемъ доносовъ и признаній обвиненныхъ должны были убѣдить населеніе въ томъ, что казни не были результатомъ личной мести, а возмездіемъ за дѣйствительный заговоръ, сенатъ снова издалъ рядъ раболѣпныхъ постановленій [1]) и — безсиліе знати было лишній разъ обнаружено. А между тѣмъ положеніе продолжало ухудшаться: если налоги и грабежи выводили провинціаловъ изъ терпѣнія, то участіе Нерона въ публичныхъ зрѣлищахъ вызывало презрѣніе и негодованіе, уничтожая въ широкихъ кругахъ личный престижъ принцепса. Видя желаніе Нерона пожинать лавры на сценѣ и желая предупредить позорныя послѣдствія подобнаго рѣшенія, сенатъ поторопился признать его побѣдителемъ въ пѣніи и прибавилъ къ этому вѣнокъ за краснорѣчіе [2]). „Неронъ однако заявилъ, что нѣтъ нужды въ интригахъ и власти сената, что онъ желаетъ быть справедливымъ по отношенію къ своимъ конкуррентамъ и пріобрѣсти заслуженную хвалу по искреннему рѣшенію судей, и сначала исполнилъ пѣснь на сценѣ, а когда чернь потребовала, чтобы онъ сдѣлалъ общимъ достояніемъ всѣ свои таланты—были произнесены именно эти слова—онъ скоро выступилъ въ театрѣ, подчиняясь всѣмъ правиламъ игры на кіоарѣ... Наконецъ онъ преклонилъ колѣно и, выразивъ рукой свое почтеніе къ собранію, съ дѣланнымъ страхомъ ожидалъ рѣшенія судей. А городская чернь, привыкши поддерживать гистріоновъ, въ самомъ дѣлѣ выражала свой восторгъ между прочимъ и стройными аплодисментами. Казалось бы, они радовались, и быть можетъ они дѣйствительно радовались, не заботясь о государственномъ позорѣ. Но тѣ, которые явились сюда изъ отдаленныхъ муниципій, изъ все еще строгой и хранившей старые нравы Италіи, или

---

[1]) Ann. 15, 72—74.

[2]) Ann. 16, 4: interea senatus propinquo iam lustrali certamine, ut dedecus averterét, offert imperatori victoriam cantus adicitque *facundiae coronam, qua ludicra deformitas velaretur.*

прибыли въ Римъ изъ далекихъ провинцій въ качествѣ пословъ или по собственнымъ дѣламъ не зная подобной распущенности, не могли ни переносить это зрѣлище, ни исполнять удовлетворительно недостойное дѣло (т.-е. апплодировать) и переставая работать неумѣлыми руками, сбивали опытныхъ, за что̀ нерѣдко подвергались ударамъ солдатъ, которые стояли тутъ же группами, слѣдя за тѣмъ, чтобы ни одного мгновенія не раздавался слишкомъ слабый крикъ или не наступала лѣнивая тишина“ [1]).

Если принять въ разсчетъ традиціонное презрѣніе римлянъ къ актерамъ и представить себѣ верховнаго уполномоченнаго сената и народа, кривляющагося передъ толпой, которую весьма реальныя угрозы заставляютъ разыгрывать роль восторженныхъ зрителей, то можно будетъ хоть до извѣстной степени перенестись въ настроеніе не только сената, но всей лучшей части населенія по отношенію къ принцепсу, въ своемъ лицѣ позорящему высшее званіе имперіи. А сценическая дѣятельность Нерона, какъ видно, не могла остаться тайной и для всего городского класса имперіи. Поѣздка въ Грецію, единственной цѣлью которой было пріобрѣтеніе новыхъ сценическихъ успѣховъ, уже въ виду этой оффиціально признанной цѣли должна была еще увеличить пренебреженіе къ императору-актеру.

Положеніе становилось окончательно невыносимымъ. Неронъ успѣлъ нарушить всѣ матеріальные и нравственные, личные и общественные интересы огромной части населенія. Его единственной опорой пока служило войско и привычный страхъ предъ властью, о бдительности и жестокости которой ясно свидѣтельствовалъ хотя бы пизоновскій заговоръ; на его сторонѣ, кромѣ того, стояла часть римской черни, а изъ провинціаловъ, если судить по сравнительно очень мягкому

[1]) Ann. 16, 4—5.

отзыву Плутарха о немъ, по крайней мѣрѣ часть освобожденныхъ имъ грековъ [1]).

Но несмотря на возрастающую подозрительность и жестокость тиранна, несмотря на пренебрежительное и угрожающее обращеніе его съ сенатомъ — ходили даже слухи, что онъ собирается уничтожить сенатъ и нобилитетъ и управлять государствомъ и войсками при помощи всадниковъ и либертовъ— несмотря на продолжающееся ухудшеніе всѣхъ и безъ того достаточно мрачныхъ условій жизни, въ самомъ Римѣ послѣ пизоновскаго заговора не было предпринято ни одной хотя бы равно серьезной попытки избавиться отъ Нерона. До насъ, правда, дошло извѣстіе, что уже послѣ пизоновскаго заговора и во всякомъ случаѣ не раньше 66, а вѣроятнѣе всего въ 67 году былъ раскрытъ второй заговоръ, во главѣ котораго стоялъ нѣкій неизвѣстный намъ Виницій [2]), и судя по изложенію Светонія, можно думать, что именно этотъ второй заговоръ вызвалъ особенное обостреніе въ отношеніи Нерона къ сенату [3]). Тѣмъ не менѣе заговоръ очевидно былъ мало значителенъ и сопровождавшія его по всему вѣроятію казни только могли окончательно уничтожить всякіе слѣды оппозиціи среди аристократіи.

Процессъ истребленія лучшихъ и подбора наиболѣе дрянныхъ или слабохарактерныхъ элементовъ продолжался такимъ образомъ уже сто лѣтъ, то съ бо́льшей, то съ меньшей силой

---

[1]) Cp. Plut. de sera numinis vindicta 567 F—568: ἐν ταύταις φανῆναι τὴν Νέρωνος ψυχὴν τά τ'ἄλλα κακῶς ἔχουσαν ἤδη καὶ διαπεπαρμένην ἥλοις διαπύροις. προκεχειρισμένων δὲ καὶ ταύτῃ τῶν δημιουργῶν Πινδαρικῆς ἐχίδνης εἶδος, ἐν ᾧ κυηθεῖσαν καὶ διαφαγοῦσαν τὴν μητέρα βιώσεσθαι, φῶς ἐφασκεν ἐξαίφνης διαλάμψαι μέγα. καὶ φωνὴν ἐκ τοῦ φωτὸς γενέσθαι προστάττουσαν εἰς ἄλλο γένος ἡμερώτερον μεταβαλεῖν, ᾠδικόντι μηχανησαμένους περὶ ἕλη καὶ λίμνας ζῷον.ὧν μὲν γὰρ ἠδίκησε δεδωκέναι δίκας.ὀφείλεσθαι δέ τι καὶ χρηστὸν αὐτῷ παρὰ θεῶν, ὅτι τῶν ὑπηκόων τὸ βέλτιστον καὶ θεοφιλέστατον γένος ἠλευθέρωσε, τὴν Ἑλλάδα.

[2]) Suet. Nero 36: duabus coniurationibus provulgatis, quarum prior maiorque Pisoniana Romae, posterior Viniciana Beneventi conflata atque detecta est.

[3]) Suet. Nero 36—37.

и не будь постояннаго притока свѣжихъ силъ изъ итальянскихъ и провинціальныхъ муниципій давно привелъ бы къ еще болѣе плачевнымъ результатамъ чѣмъ тѣ, которые раскрываются предъ нами въ Анналахъ Тацита, въ произведеніяхъ Сенеки [1]), въ біографіи самого Сенеки, Ѳразеи Пета и Бареи Сорана, въ поведеніи главныхъ участниковъ пизоновскаго заговора [2]) и т. д.: достаточно вспомнить, что Барея Соранъ предложилъ даровать либерту Клавдія Палласу преторскія инсигніи [3]), что Ѳразея Петъ еще три года послѣ убійства Агриппины публично восхвалялъ Нерона [4]), наконецъ что такой несомнѣнно благожелательный человѣкъ, какъ будущій императоръ Нерва въ 65 г. получилъ тріумфальныя инсигніи— за участіе въ слѣдствіи по поводу пизоновскаго заговора и наряду съ Тигеллиномъ заслужилъ особенно горячую благодарность Нерона [5]).

Деморализація всего общества города Рима дѣлала его неспособнымъ сыграть рѣшительную роль при устраненіи тиранніи. Безсиліе и раболѣпство сената, декреты котораго становились извѣстными всей имперіи, по мѣрѣ роста недовольства, должны были содѣйствовать дальнѣйшему упадку его авторитета и лишали его практически всякаго значенія. Народное собраніе давно уже перестало играть какую-либо роль въ римской жизни, а ожидать отъ разноплеменной, распущенной и нищей римской толпы серьезное противодѣйствіе власти было совершенно невозможно: эта толпа могла поднять бунтъ, учинить безпорядки, но не была въ состояніи произ-

[1]) Ср. томъ I стр. 425—485.

[2]) Ср. томъ I стр. 512—514.

[3]) Ср. томъ I стр. 487 прим. 2.

[4]) Ср. томъ I стр. 490.

[5]) Tac. Ann, 15, 72: tum, quasi gesta bello expositurus, vocat senatum et triumphale decus Petronio Turpiliano consulari, Cocceio Nervae praetori designato, Tigellino praefecto praetorii tribuit, Tigellinum et Nervam ita extollens, ut super triumphales in foro imagines apud palatium quoque effigies eorum sisteret.

вести революцію. Для этого у нея не хватало ни вождей, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ силъ: стоило появиться преторіанцамъ, и толпа разбѣгалась.

Среди самихъ преторіанцевъ, правда, повидимому, далеко не всѣ были довольны дикимъ режимомъ Нерона; весьма вѣроятно однако, что послѣ пизоновскаго заговора правительство постаралось удалить всѣ болѣе подозрительные элементы, а оставшіеся въ общемъ гораздо болѣе чувствовали выгоды своего собственнаго, чѣмъ ужасъ общегосударственнаго положенія [1]).

Событія 68—69 года представляютъ такимъ образомъ непосредственный результатъ чрезвычайно широко распространеннаго недовольства, причины котораго были самаго разнообразнаго экономическаго и нравственнаго, религіознаго и національнаго характера, и которое въ виду невозможности легальной оппозиціи съ одной и неудачи двухъ столичныхъ заговоровъ съ другой стороны только и могло найти выраженіе въ возстаніи провинцій и войскъ. Но разъ возстаніе началось, разъ Неронъ палъ, то это при данныхъ политическихъ условіяхъ было равносильно уничтоженію всякаго порядка и провозглашенію неограниченнаго господства солдатчины, какъ единственно прочно организованной силы имперіи. Сенатъ успѣлъ потерять почти весь свой прежній авторитетъ и едвали пользовался большой популярностью въ войскѣ, провинціи не имѣли настоящаго самоуправленія [2]), а города

[1]) Вдобавокъ Неронъ въ самой столицѣ имѣлъ въ своемъ распоряженіи кромѣ преторіанцевъ еще и другія военныя силы. Такъ мы имѣемъ полное право предположить, что три городскія когорты и семитысячный полицейскій отрядъ представляли нѣкоторый противовѣсъ противъ преторіанцевъ. Ср. напр. роль полицейскаго отряда въ дѣлѣ Сеяна Dio 58, 9, 3. 6. Но ближайшей охраной Нерона служилъ германскій конвой, quibus fidebat princeps quasi externis Tac. Ann. 15, 58. Незадолго до своей гибели Неронъ кромѣ того образовалъ легіонъ (I Adiutrix) изъ флотскихъ экипажей. Ср. Tac. Hist. 1, 6 и C. I. L. 3, 897.

[2]) Concilia provinciarum никогда не играли собственно политической роли, охватывали слишкомъ большія пространства (напр. tres Galliae) и кромѣ жреца Рима и Августа не имѣли постояннаго представительства.

были раздѣлены старой муниципальной враждой [1])—и только войска съ ихъ необыкновенно сильнымъ корпоративнымъ духомъ [2]) представляли дѣйствительно существенный факторъ, разъ возобновилась гражданская война. Но вступая на политическую арену, войско является представителемъ не какой-либо политической идеи, а лишь стихійнаго чувства неудовлетворенности даннымъ положеніемъ вещей и вдобавокъ, раскинутое по всѣмъ границамъ имперіи, уже по географическимъ причинамъ не отличается единствомъ настроеній и цѣлей. Успѣхъ испанскихъ войскъ раздражаетъ и преторіанцевъ и огромную германскую армію, успѣхъ послѣдней вызываетъ соревнованіе паннонскихъ и восточныхъ легіоновъ, и было бы неправильно приписывать все это соревнованіе и броженіе честолюбію генераловъ. Мы знаемъ рядъ случаевъ, когда они наоборотъ держались въ сторонѣ и иниціатива движенія принадлежала войскамъ, увлекавшимъ за собою своихъ начальниковъ [3]). Наряду съ соревнованіемъ въ славѣ и политическомъ вліяніи широкое мѣсто, разумѣется, сразу занимаютъ побужденія болѣе матеріальнаго характера: независимо отъ простого грабежа, неизбѣжнаго во время гражданской войны, самая надежда сохранить или пріобрѣсти положеніе императорской гвардіи представляется настолько заманчивой, что служитъ чрезвычайно сильнымъ стимуломъ къ постоянному возобновленію военныхъ движеній, пока общее утомленіе не заставляетъ примириться съ утвержденіемъ новой династіи [4]).

Останавливаться подробнѣе на внѣшнемъ ходѣ событій

---

[1]) Ср. гибельную роль этой вражды для галльскихъ движеній 21 и 68 годовъ. Ср. также Ann. 14, 17. Hist. 3, 57 и особ. 4, 3 (выше стр. 14, прим. 2).

[2]) Ср. Ann. 1, 18: postremo eo furoris venere, ut tres legiones miscere in unam agitaverint. depulsi aemulatione, quia suae quisque legioni eum honorem quaerebant. Ср. Hist. 2, 60. 3, 13. 2, 67.

[3]) Ср. напр. провозглашеніе Вергинія Руфа верхне-германскими легіонами.

[4]) Tac. Hist. 1, 51: ditissimum bellum.

68—69 годовъ мы не имѣемъ основанія: для нашей цѣли представляется важнымъ выяснить общій характеръ этихъ событій и тѣ изъ ихъ послѣдствій, которыя играютъ болѣе значительную роль въ конституціонномъ развитіи имперіи и оставили слѣды въ области политической мысли послѣдующаго времени.

§ 2.

Гальба. Оѳонъ. Вителлій.

Сигналъ къ возстанію, какъ извѣстно, былъ данъ Гаемъ Юліемъ Виндексомъ, потомкомъ аквитанскаго царскаго рода, состоявшимъ въ то время пропреторомъ ліонской Галліи. Созвавъ галловъ, „уже много пострадавшихъ и еще терпѣвшихъ отъ огромныхъ денежныхъ поборовъ Нерона“, онъ, по словамъ Діона, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой изложилъ всѣ жалобы противъ Нерона, указавъ на разграбленіе всей имперіи, истребленіе лучшей части сената, убійство матери и позорное для императора участіе въ публичныхъ зрѣлищахъ и предложилъ имъ поднять знамя возстанія [1]). Призывъ его имѣлъ полный успѣхъ: въ короткое время его окружила огромная толпа галловъ, по словамъ Плутарха доходившая до ста тысячъ вооруженныхъ [2]).

Цѣль и характеръ возстанія не могутъ быть признаны вполнѣ выясненными, или, точнѣе, нельзя съ увѣренностью сказать, какую роль въ немъ играли національныя традиціи и надежды галловъ [3]). Что движеніе по крайней мѣрѣ въ

---

[1]) Dio ep. 63, 22, 2—6: συναθροίσας τοὺς Γαλάτας πολλὰ πεπονθότας τε ἐν ταῖς συχναῖς ἐσπράξεσι τῶν χρημάτων καὶ ἔτι πάσχοντας ὑπὸ Νέρωνος... Πᾶσαν τὴν τῶν Ῥωμαίων οἰκουμένην σεσύληκεν... Ср. Jos. Flav. 4, 8, 1: ἅμα τοῖς δυνατοῖς τῶν ἐπιχωρίων. Philostr. v. Appoll. 5, 10—11.

[2]) Plut. v. Galbae 4. Ср, Suet. Nero 40—46.

[3]) Ср. Schiller, Gesch. d. rom. Reichs unter Nero стр. 261—276, а также Jahresberichte Бурсіана за 1878 и 1881 г. и Hermes, т. XV, 620 и сл.; Моммзенъ въ Hermes 13, 90 сл. и 16, 147 сл. Ср. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de la France v. I, стр. 74—84.

глазахъ массы его участниковъ имѣло національный оттѣнокъ, въ этомъ едва ли можно усумниться: во всякомъ случаѣ Тацитъ въ этомъ не сомнѣвался [1]). Но также мало можно сомнѣваться и въ томъ, что среди самихъ галловъ не было и тѣни единенія: старая вражда народностей съ одной [2]), страхъ передъ демократическимъ характеромъ, которымъ подобнаго рода движенія всегда отличаются [3]), съ другой стороны, вызывали какъ несогласія между разными областями, такъ и враждебное отношеніе части аристократіи ко всему движенію [4]). Возстаніе имѣло стихійный характеръ, и едва ли даже Виндексъ отдавалъ себѣ отчетъ въ его силѣ и въ томъ направленіи, которое оно могло принять. Повидимому ни у него, ни у его сподвижниковъ—всѣ они были въ значительной мѣрѣ или даже вполнѣ романизованы [5])—не было опредѣленнаго плана. Судя по тому, что единственные наши серьезные источники сообщаютъ, что Виндексъ сразу обратился къ намѣстнику Испаніи, Сервію

---

[1]) Въ этомъ особенно убѣждаетъ нѣсколько позднѣйшее движеніе Марикка (Tac. Hist. 2, 61: Mariccus quidam, e plebe Boiorum... provocare arma Romana.. ausus.. adsertor Galliarum et deus.. concitis octo milibus hominum), а также присоединеніе части галловъ къ Цивилису. Hist. 4, 25: adfluentibus auxiliis Gallorum (къ Гордеонію Флакку), qui primo rem Romanam enixe iuvabant: mox valescentibus Germanis pleraeque civitates adversum nos arma sumpsere spe libertatis et, si exuissent servitium, cupidine imperitandi. Ср. рѣчь Петилія Ціеріалиса Hist. 4, 73—74, а также ib. 2, 94: duces Galliarum, 4, 14; Gallias idem cupientis; 4, 17: suetus regibus Oriens: multos adhuc in Galliis vivere ante tributa genitos; 4, 54 (пророчество друидовъ), 4, 21. 24. 27. 32. 36. 37. 55. 57. 58. 59. 60 (imperium Galliarum) 61. 67 и особ. 69. Ср. Mommsen, Röm. Münzwesen стр. 745.

[2]) Такъ Секваны напр. остались вѣрны Риму и за это подверглись нападенію Лингоновъ. Hist. 4, 67.

[3]) Ср. русское движеніе 1612—3 и нѣмецкое движеніе 1813 г.

[4]) Ср. Hist. 2, 61, какъ gravissima civitas Эдуевъ уничтожила движеніе Марикка.

[5]) Уже отецъ Виндекса былъ сенаторомъ. Характерны имена казненныхъ Вителліемъ галльскихъ вождей Asiaticus, Flavus и Rufinus. Hist. 2, 94. Позднѣе вождями являются Юлій Классикъ, Юлій Туторъ и Юлій Сабинъ. Послѣдній гордился происхожденіемъ отъ незаконной связи диктатора Цезаря. Hist. 4, 55.

Сульпицію Гальбѣ, съ предложеніемъ принять императорскую власть и обѣщалъ ему при этомъ свое содѣйствіе [1]) и принимая далѣе во вниманіе, что объ эгоистическихъ планахъ Виндекса сообщаютъ только очень поздніе и плохіе источники [2]), мы должны предположить, что планы самого Виндекса не шли дальше низложенія Нерона и провозглашенія такого принцепса, соціальное положеніе и прошлое котораго гарантировали бы прекращеніе деспотическаго режима послѣднихъ лѣтъ. Весьма понятно, что это нисколько не исключало возможности національнаго движенія среди части галльскаго населенія, чему повидимому не мало содѣйствовали друиды, сохранившіе среди массы часть своего вліянія [3]). Весьма вѣроятно, что это національное движеніе застало врасплохъ самого Виндекса [4]) и только послѣ его гибели [5]) и въ связи

---

[1]) Plut. Galba 4. 5: ἐξεκαλεῖτο τὸν Γάλβαν ἐπὶ τὴν ἡγεμονίαν. Dio ep. 63, 23, 1: ὁ Οὐίνδιξ τὸν Γάλβαν.. ἐς τὴν ἡγεμονίαν προεχειρίσατο.

[2]) Aur. Vict. ep. 5, 6: Caius Julius imperium corripuit. Ср. Julian. p. 310 D., v. Pescennii 9, 2.

[3]) На это указываетъ религіозный характеръ движенія Марикка, котовый едва ли правильно понятъ Тацитомъ. Hist. 2, 61: adsertor Galliarum et deus. Ср. пророчество друидовъ о значеніи гибели Капитолія, знаменующей грядущее галльское господство. Hist. 4, 54.

[4]) Иначе остается непонятнымъ, на какой почвѣ могло совершиться соглашеніе между нимъ и Вергиніемъ Руфомъ, весь характеръ дѣйствій котораго доказываетъ, что соглашеніе съ врагомъ Рима для него было бы невозможнымъ. Dio 63, 24. 2: καὶ τέλος καὶ ἐς λόγους ἦλθον μόνοι καὶ μηδενὸς σφισι τῶν ἄλλων παρόντος, καὶ κατὰ τοῦ Νέρωνος, ὡς εἰκάζετο, συνέθεντο πρὸς ἀλλήλους. Не менѣе страннымъ было бы въ противномъ случаѣ и поведеніе Гальбы по отношенію къ сторонникамъ Виндекса. Plut. Galba 18, 22. Suet. Galba 12 etc.

[5]) Столкновеніе между войсками Виндекса и Вергинія представляется загадочнымъ. Dio 63, 24, 3: μετὰ δὲ τοῦτο ὁ Οὐίνδιξ ὥρμησε μετὰ τοῦ στρατοῦ ὡς τὴν πόλιν (Безансонъ) καταληψόμενος. καὶ αὐτοὺς οἱ τοῦ Ῥούφου στρατιῶται προσιόντας αἰσθόμενοι, καὶ νομίσαντες ἐφ' ἑαυτοὺς ἀντικρυς χωρεῖν, ἀντεξώρμησαν αὐτοκέλευστοι, καὶ προσπεσόντες σφίσιν ἀπροσδοκήτοις τε καὶ ἀσυντάκτοις οὖσι παμπόλλους κατέκοψαν. ἰδὼν δὲ τοῦτο καὶ περιαλγήσας ὁ Οὐίνδιξ ἑαυτὸν ἔσφαξε.,. Ῥοῦφος δὲ τοῦτον μὲν ἰσχυρῶς ἐπένθησε. Такое недоразумѣніе представляется въ высокой степени страннымъ и Шиллеръ, Gesch. d. röm. Kais. 1, 364, поэтому совершенно отвергаетъ разсказъ Діона и утверждаетъ, что Вергиній самъ

съ возрастающими затрудненіями имперіи [1]) нашло себѣ вождей, недовольствовавшихся простой смѣной императора, а попытавшихся такъ или иначе отложиться отъ Рима [2]).

Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что Виндексъ обратился къ Гальбѣ съ предложеніемъ принять званіе императора. Объясняется ли этотъ выборъ тѣмъ, что изъ всѣхъ намѣстниковъ запада Гальба и по происхожденію, и по средствамъ, и по возрасту представлялся наиболѣе подходящимъ кандидатомъ [3]), или тѣмъ, что Гальба еще до этого готовился къ возстанію [4]), намъ неизвѣстно. Мы знаемъ лишь то, что Гальба воспользовался предложеніемъ, призвалъ къ себѣ съ балеарскихъ острововъ сосланныхъ представителей римской знати, созвалъ конвентъ своей провинціи, устроилъ на немъ торжественную демонстрацію противъ Нерона [5]) и добился того,

„führte seine Soldaten zum Kampfe, in dem die gallischen Empörer mit ihrem Anführer vernichtet wurden". Едвали однако мы имѣемъ право разрѣшать такъ смѣло возникающія изъ недостатка источниковъ (Tac. Hist. 1, 51 и 4, 57, Suet. Galba 16 ничего не даютъ) затрудненія. Мало ли какія причины могли вызвать столкновеніе и помимо желанія Вергинія. Ср. впрочемъ Plut. Galba 6.

[1]) Ср. Tac. Hist. 4, 54.

[2]) Что такова была цѣль Сабина и его сподвижниковъ, не подлежитъ сомнѣнію. Tac. Hist. 4, 58: imperiumque et sacramentum Galliarum, 59: iuravere, qui aderant pro imperio Galliarum, 67: interea Julius Sabinus proiectis foederis Romani monumentis Caesarem se salutare iubet etc. Ср. Dio ep. 66, 3, 1. Schiller loc. cit. 1, 362 правда предполагаетъ, что уже Виндексъ лелѣялъ подобныя мечты: „wahrscheinlich wollte er Gallien eine selbstständige Stellung vielleicht in Form eines Klientelstaates verschaffen, dessen Beherrcher er werden wollte". Источники однако ничѣмъ рѣшительно не подтверждаютъ этого предположенія, а ссылка Шиллера на Hist. 4, 17 (о Цивилисѣ) совершенно не относится къ дѣлу.

[3]) Suet. Galba 2: haud dubie nobilissimus magnaque et vetere prosapia. Tac. Hist. 1, 49: vetus in familia nobilitas, magnae opes, Plut. Galba 3. Ему шелъ 73-ій годъ Suet. ib. 23. Изъ остальныхъ намѣстниковъ запада болѣе замѣчательны Клувій Руфъ (Hisp. ult.), Оѳонъ (Lusitania), Вергиній Руфъ (Germ. Sup.), Фонтей Капитонъ (Germ. inf.), П. Клодій Мацеръ (Africa) и Требеллій Максимъ (Британнія). Ни одинъ изъ нихъ не могъ поспорить съ Гальбой въ знатности и богатствѣ.

[4]) Такъ полагаетъ Schiller, loc. cit. 1, 364: Plut. Galba 4.

[5]) Suet. Galba 10. Plut. ib. 5.

что 2 апрѣля 68 года незначительныя мѣстныя войска провозгласили его императоромъ, но формально не принялъ этого званія, а провозгласилъ себя лишь „легатомъ сената и народа римскаго“ [1]). Ясно, что такая скромность представляла лишь ловкій дипломатическій маневръ: съ одной стороны этимъ подчеркивалось, что возстаніе проистекаетъ не изъ личныхъ честолюбивыхъ замысловъ, а является протестомъ противъ деспотизма Нерона и направлено къ возстановленію законнаго верховенства сената и народа; съ другой стороны Гальба въ силу этого не предрѣшалъ вопроса о будущемъ императорѣ и, предоставляя его разрѣшеніе сенату и народу, успокаивалъ самолюбіе другихъ намѣстниковъ.

Возстаніе Виндекса, въ распоряженіи котораго была только одна когорта римскихъ войскъ, не смутило Нерона [2]); возстаніе Гальбы наоборотъ съ самаго начала представлялось крайне опаснымъ: къ нему сразу примкнулъ намѣстникъ Лузитаніи, М. Сальвій Оѳонъ [3]), и въ то же время началось броженіе среди четырехъ верхнегерманскихъ легіоновъ, вскорѣ предложившихъ своему намѣстнику Л. Вергинію Руфу званіе императора, отъ принятія котораго онъ однако воздержался, заявивъ, что только сенатъ и народъ имѣютъ право провозгласить императора [4]).

---

[1]) Suet. ib. 10: consalutatusque imperator legatum se senatus ac populi Romani professus est. Plut. ib. 5. Dio 63, 23, 1. Въ Hispania citerior стояли одинъ легіонъ, двѣ alae и три когорты. Suet. ib.

[2]) Suet. Nero 40: adeoque lente ac secure tulit ut gaudentis etiam suspitionem praeberet, tamquam occasione nata spoliandarum iure belli opulentissimarum provinciarum. Ib. 41.

[3]) Tac. Hist. 13: primus in partes transgressus nec segnis et, donec bellum fuit, inter praesentes splendidissimus. Suet. Otho 4; Plut. Galba 20.

[4]) Plut. Galba 6: Οὐεργίνιος δὲ ταγμάτων ἐπιστατῶν δυνατωτάτων πολλάκις αὐτὸν ἀναγορευόντων αὐτοκράτορα καὶ βιαζομένων οὔτε αὐτὸς ἔφη λήψεσθαι τὴν ἡγεμονίαν οὔτε ἄλλῳ περιόψεσθαι διδομένην, ὃν ἂν μὴ ἡ σύγκλητος ἕληται. Tac. Hist. 1, 8: tarde a Nerone desciverant, nec statim pro Galba Verginius. an imperare noluisset dubium: delatum ei a milite imperium conveniebat. Dio 63, 25, 1—2: ἔπεισε ἐπὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ποιήσασθαι. Вѣроятно этимъ объясняется и

Извѣстіе объ угрожавшей ему опасности застало Нерона врасплохъ: казна была по обыкновенію пуста и пришлось снова прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для борьбы съ возстаніемъ, что̀ въ свою очередь увеличивало недовольство въ Римѣ и въ Италіи [1]). Вдобавокъ какъ разъ къ этому времени и вѣроятно въ связи съ тревожнымъ положеніемъ дѣлъ въ Римѣ истощился запасъ хлѣба и наступилъ голодъ, раздражившій до послѣдней степени и римскую чернь [2]). Преторіанцы, правда, были недовольны тѣмъ, что испанскій легіонъ позволилъ себѣ посягнуть на то, что̀ они уже привыкли считать своей привилегіей, на избраніе императора [3]), но и они при такихъ условіяхъ не могли представить надежной опоры: они были недовольны избраніемъ Гальбы, но и Неронъ потерялъ въ ихъ глазахъ кредитъ. Иначе трудно объяснить успѣхъ одного изъ ихъ префектовъ, Нимфидія Сабина, которому удалось привлечь ихъ на сторону Гальбы простымъ обѣщаніемъ огромнаго донатива и заявленіемъ, будто Неронъ уже бѣжалъ въ Александрію [4]). Роль Нимфидія въ высшей степени ха-

---

рѣшеніе верхне-германскаго войска, о которомъ говоритъ Тацитъ. Hist. 1, 12: imperatorem alium flagitare et senatui ac populo Romano arbitrium eligendi permittere. Ср. 1, 55.

[1]) Suet. Nero. 42: postquam deinde etiam Galbam et Hispanias descivisse cognovit, conlapsus.... actum de se pronuntiavit. О мѣрахъ борьбы см. ib. 44.

[2]) Suet. ib. 45: ex annonae quoque caritate lucranti adcrevit invidia; nam et forte accidit, ut in publica fame Alaxandrina navis nuntiaretur pulverem luctatoribus aulicis advexisse.

[3]) Tac. Hist. 1, 5: praeventamque gratiam intellexit apud principem a legionibus factum. Не слѣдуетъ забывать, что составъ преторіанскихъ когортъ какъ бы освящалъ ихъ притязанія на преимущество передъ легіонами. Ann. 4, 5: tres urbanae novem praetoriae cohortes, Etruria ferme Umbriaque delectae aut vetere Latio et coloniis antiquitus romanis. О составѣ римскихъ войскъ см. Mommsen, d. Conscriptionsordnung въ Hermes т. 19.

[4]) Plut. Galba 2: по 30000 сестерціевъ каждому преторіанцу, по 5000— каждому легіонарію, ὅσον ἀμήχανον ἦν συναγαγεῖν μὴ πλείονα μυριάκις κακὰ παρασχόντα πᾶσιν ἀνθρώποις ὧν Νέρων παρέσχε. Τοῦτο γὰρ εὐθὺς μὲν ἀπώλεσε Νέρωνα. Tac. Hist. 1, 5: miles urbanus longo Caesarum sacramento imbutus et ad destituendum Neronem arte magis et inpulsu quam suo ingenio traductus...

рактерна для даннаго времени: дѣло въ томъ, что онъ повидимому самъ разсчитывалъ сдѣлаться принцепсомъ и очевидно считалъ, что для этой цѣли едвали не достаточно было объявить себя незаконнымъ сыномъ Гая и опереться на давнишнюю привязанность преторіанцевъ и войска къ первой династіи [1]). Въ глазахъ значительной части общества принципатъ такимъ образомъ уже успѣлъ фактически превратиться въ наслѣдственное достояніе Юліевъ и Клавдіевъ и только событія 68—69 года, повсемѣстныя возстанія и гражданская война уничтожили это настроеніе [2]).

Только послѣ того, какъ преторіанцы покинули Нерона, на сцену выступаетъ и сенатъ. Съ тѣхъ поръ какъ Гальба объявилъ себя его легатомъ, положеніе сената естественно должно было сдѣлаться особенно труднымъ. Всѣ симпатіи его несомнѣнно были на сторонѣ возставшихъ и въ то же время, онъ, разумѣется, долженъ былъ объявить Гальбу врагомъ государства и выслушивать угрозы раздраженнаго Нерона, отъ котораго можно было ожидать самыя жестокія мѣры [3]). Не обладая никакимъ вліяніемъ ни на столичныя войска, ни на массу населенія, сенатъ игралъ самую жалкую роль несмотря ни на заявленія Гальбы, ни на рѣшеніе верхнегерманскаго войска, и только отпаденіе преторіанцевъ отъ Нерона дало ему возможность выразить свою ненависть къ павшему и въ свою очередь вмѣшаться въ ходъ событій. Неронъ былъ объявленъ врагомъ государства, лишенъ всѣхъ своихъ полномочій и приговоренъ къ смертной казни по обычаю предковъ [4]), и

[1]) О планахъ Нимфидія см. Tac. Hist. 1, 5: scelere insuper Nymphidii Sabini praefecti imperium sibi molientis. Plut. Galba 8—9. Ср. Tac. Ann. 15, 72: ex Gaio Caesare se genitum ferebat. Suet. Galba 11.

[2]) Ср. ниже.

[3]) Suet. Nero 43.

[4]) Suet. Nero 49: legitque, se hostem a senatu iudicatum et quaeri, ut puniatur more maiorum. Ib. 57: obiit.. tantumque gaudium publice praebuit ut plebs pilleata tota urbe discurreret. Et tamen non defuerunt qui per longum tempus vernis aestivisque floribus tumulum eius ornarent; ac modo

въ то же время народъ и сенатъ избрали Гальбу принцепсомъ [1]), а надписи на сенатскихъ монетахъ выражали благодарность и политическія надежды господствующаго сословія [2]).

Низложеніе Нерона имѣетъ огромный интересъ именно потому, что хотя и не на долго, но предшествовало его самоубійству, и было соединено съ осужденіемъ его памяти. До этого времени ни того, ни другого не было: Гай былъ убитъ заговорщиками, но несмотря на ликованіе сената и народа, это убійство было признано преступленіемъ и главные его виновники казнены, а Клавдій воспротивился не только осужденію его памяти, но и огульному упраздненію его указовъ [3]). Очевидно Клавдій поступилъ такъ изъ желанія оберечь престижъ принципата и не дать греческой теоріи тираннобійства проникнуть въ практику римской политической жизни. Трудно сказать, какъ отнесся бы къ этому вопросу Гальба, если бы онъ находился въ Римѣ въ то время, когда сенатъ долженъ былъ рѣшить участь Нерона. Къ счастью для сената онъ еще не находился подъ давленіемъ новаго принцепса и въ силу этого свободно могъ присвоить себѣ право, признанія котораго онъ не могъ добиться въ 41 году. Низложеніе и осужденіе Нерона и его памяти (съ чѣмъ, какъ извѣстно, соединялось упраздненіе его распоряженій) служило яркимъ подтвержденіемъ сенатскихъ притязаній на верховную власть и должно было сильно развить революціонные инстинкты въ

---

imagines praetextatas in rostris proferrent, modo edicta quasi viventis et brevi magno inimicorum malo reversuri. Онъ умеръ 9 іюня, 68 года.

[1]) Plut. Galba 7: πυθόμενος... ὅτι καὶ ζῶντος ἔτι τοῦ Νέρωνος, οὐκ ὄντος δὲ φανεροῦ, το στράτευμα πρῶτον, εἶτα ὁ δῆμος καὶ ἡ σύγκλητος αὐτοκράτορα τὸν Γάλβαν ἀναγορεύσειεν...

[2]) Къ этому времени относятся монеты съ надписью Libertas populi Romani, libertas renascens или restituta, Roma renascens и т. д., а также александрійскія съ надписью ἐλευθερία и т. д. Ср. Schiller, Gesch. 1, 366, прим. 7.

[3]) Tac. Hist. 1, 17: neque erat adhuc damnati principis exemplum. Ср. томъ I, стр. 407.

провинціяхъ и войскахъ. Нравственному престижу принципата былъ нанесенъ сильный ударъ и въ то же время условія политической жизни были таковы, что сенатъ не могъ воспользоваться этимъ для возстановленія своей власти. Онъ самъ практически ничего не выигралъ, но до крайности затруднилъ упроченіе принципата какъ постоянной, недосягаемой для мятежниковъ власти.

Моммзенъ, какъ мы видѣли раньше, полагаетъ, что сенатъ имѣлъ полное право низложить принцепса, приговорить его къ казни и осудить его память. На нашъ взглядъ это однако представляется очень сомнительнымъ. Принцепсъ правда въ теоріи является верховнымъ уполномоченнымъ сената *и народа*, но полномочія его настолько обширны, что каждое его дѣйствіе признается заранѣе законнымъ — а слѣдовательно онъ не можетъ быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за свои дѣянія,—а далѣе нѣтъ также такого учрежденія или должностного лица, которое имѣло бы право контролировать или тѣмъ болѣе осуждать его: ему одному предоставленъ контроль надъ всей государственной жизнью. Государство довѣрилось ему безусловно и ничѣмъ не обезпечило себѣ права слѣдить за нимъ, останавливать или низлагать его [1]). Но если даже допустить, что тотъ, кто даруетъ принцепсу власть, имѣетъ также формальное право (нравственнаго права мы не отрицаемъ, но оно въ данномъ случаѣ не имѣетъ для насъ значенія) отнять эту власть, разъ онъ находитъ, что его уполномоченный злоупотребляетъ своими полномочіями [2]), то и въ такомъ случаѣ это право не можетъ

---

[1]) Ср. томъ I, стр. 161—164.

[2]) Съ этой точки зрѣнія нужно будетъ также признать законнымъ низложеніе трибуна М. Октавія Тиберіемъ Гракхомъ. Ср. его очень любопытную рѣчь у Плутарха. Tib. 15: ἔφη γὰρ ἱερὸν τὸν δήμαρχον εἶναι καὶ ἄσυλον, ὅτι τῷ δήμῳ καθωσίωται καὶ τοῦ δήμου προέστηκεν. Ἂν οὖν μεταβαλόμενος τὸν δῆμον ἀδικῇ καὶ τὴν ἰσχὺν κολούῃ καὶ παραιρῆται τὴν ψῆφον, αὐτὸς ἑαυτὸν ἀπεστέρηκε τῆς τιμῆς ἐφ' οἷς ἔλαβεν οὐ ποιῶν.ἐπεὶ καὶ τὸ Καπετώλιον κατασκάπτοντα καὶ τὸ νεώριον

принадлежать любому учрежденію или лицу,—такой принципъ имѣлъ бы чисто анархическій характеръ [1] — а только тому учрежденію или совокупности тѣхъ учрежденій, которыя имѣютъ право даровать данную власть. А такъ какъ принцепсъ несомнѣнно получаетъ свою власть отъ сената *и народа* [2],— то только сенатъ и народъ вмѣстѣ имѣли бы въ такомъ случаѣ право отнять ее. Тѣмъ не менѣе сенатъ одинъ присваиваетъ себѣ это право [3] и его дѣйствія такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія должны быть признаны узурпаціей и чисто революціоннымъ актомъ. Основной недостатокъ принципата, какъ мы уже видѣли, вѣдь именно въ томъ и заключается, что нѣтъ законныхъ формъ для устраненія даже самыхъ дикихъ злоупотребленій властью [4].

Но революціонный характеръ сенатскихъ мѣръ какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ настроенію минуты: они встрѣтили всеобщее сочувствіе и являясь естественной реакціей противъ безобразнаго режима послѣднихъ лѣтъ удостоились полнаго признанія со стороны потомства, въ глазахъ котораго имя Нерона сдѣлалось символомъ деспотизма [5].

Въ то же самое время, однако, когда сенатъ такъ энергично подтвердилъ свои притязанія на первенство, онъ факти-

---

ἐμπιπράντα δήμαρχον ἐᾶν δεήσει. Καὶ ταῦτα μὲν ποιῶν δήμαρχός ἐστι πονηρός, ἐὰν δὲ καταλύῃ τὸν δῆμον, οὐ δήμαρχός ἐστι. Πῶς οὖν οὐ δεινόν, εἰ τὸν μὲν ὕπατον ὁ δήμαρχος ἄξει, τὸν δὲ δήμαρχον οὐκ ἀφαιρήσεται τὴν ἐξουσίαν ὁ δῆμος ,ὅταν αὐτῇ κατὰ τοῦ δεδωκότος χρῆται;.. Οὔκουν οὐδὲ δήμαρχος ἀδικῶν δῆμον ἔχειν τὴν διὰ τὸν δῆμον ἀσυλίαν δίκαιος ἐστιν... Ср. вопросъ Тита Аннія, предложенный Тиберію по поводу его логическаго, но несомнѣнно революціоннаго взгляда и поступка ib. 14.

[1]) Между тѣмъ именно такова теорія Моммзена, ср. томъ I, стр. 48, прим. 3.

[2]) Ср. томъ I, стр. 107—108.

[3]) Объ участіи народа въ источникахъ не упоминается, да оно и не вѣроятно.

[4]) Ср. томъ I, стр. 166 сл.

[5]) Характерно, что Домиціанъ неоднократно называется „новымъ Нерономъ“.

чески окончательно призналъ необходимость принципата. Несмотря на республиканскія заявленія Гальбы, Вергинія и Клодія Мацера сенатъ, сколько намъ извѣстно, въ отличіе отъ 41 года ни минуты не обманывалъ себя насчетъ невозможности возврата къ республикѣ и, низложивъ Нерона, немедленно избралъ новаго принцепса, нисколько не ограничивъ его власти, не сдѣлавъ даже попытки улучшить свое собственное положеніе. Необходимость принципата была такимъ образомъ формально признана, и столь недавнія республиканскія тирады Лукана не нашли рѣшительно никакого отклика среди подавляющей массы общества [1]). Съ этого времени такимъ образомъ принципатъ окончательно утрачиваетъ свой первоначальный характеръ чрезвычайной власти, который онъ по мнѣнію Моммзена сохранилъ до эпохи Діоклеціана, и становится необходимой, интегрирующей частью римскаго государственнаго строя [2]). Вопросъ, разумѣется, не былъ формально разрѣшенъ въ томъ сенатскомъ засѣданіи, которое высказалось за низложеніе Нерона и провозглашеніе Гальбы, но самый фактъ, что даже рѣшившись низложить даннаго принцепса, сенатъ не пытается оставить принципатъ вакантнымъ и вернуться къ сенатско-консульскому режиму, доказываетъ, что столѣтнее существованіе новой власти совершенно измѣнило ея первоначальный характеръ. Августъ формально былъ облеченъ исключитель-

[1]) Гельвидій Приск и другіе представители оппозиціи временъ Флавіевъ, отъ которыхъ пожалуй можно было ожидать республиканскихъ предложеній, въ это время еще не вернулись изъ ссылки, куда они были отправлены въ послѣдніе годы Нерона. Послѣднія пѣсни Лукана впрочемъ едва ли были изданы раньше гибели Нерона.

[2]) О первоначальномъ чрезвычайномъ и срочномъ характерѣ принципата см. т. I, стр. 161. При Тиберіи онъ становится безсрочнымъ, тамъ же стр. 257 сл., но платоническія надежды на либерализмъ Германика (стр. 259), предположенія Тиберія объ отреченіи отъ власти (Tac. Ann. 4, 9) и событія послѣ смерти Гая (стр. 396) доказываютъ, что мысль о возможности вернуться къ чистому республиканскому строю ни при немъ, ни при ближайшемъ его преемникѣ еще не успѣла исчезнуть. Послѣднимъ проявленіемъ этихъ иллюзій наконецъ можно пожалуй считать поэму Лукана.

ными полномочіями въ виду исключительныхъ условій времени, Гальба получаетъ тѣ же полномочія, уже ставшія обычными, въ виду того, что „огромная имперія не можетъ существовать и оставаться въ равновѣсіи безъ правителя“ [1]).

Рѣшеніе сената и народа освящало предпріятіе Гальбы, и получивъ извѣстіе о немъ, онъ немедленно принялъ императорское званіе [2]). Этимъ однако еще не разрѣшался вопросъ, удастся ли ему добиться повиновенія всѣхъ намѣстниковъ и провинцій, и Гальба формально заявилъ, что не считаетъ свой походъ оконченнымъ: только послѣ гибели Нимфидія Сабина и намѣстниковъ нижней Германіи, Фонтея Капитона, и Африки, Клодія Мацера, онъ снялъ военный плащъ и одѣлся въ тогу, заявляя такимъ образомъ, что снова наступилъ внутренній миръ [3]). Убійства трехъ названныхъ лицъ и особенно ихъ сообщниковъ однако уже успѣли вызвать недовольство и страхъ, несмотря на то, что условія времени хоть до извѣстной степени оправдывали ихъ необходимость [4]). Что императоръ, особенно въ военное время, имѣлъ право предписывать

---

[1]) Tac. Hist. 1, 16: Si immensum corpus stare ac librari sine rectore posset.

[2]) Suet. Galba 11: Sed supervenientibus ab urbe nuntiis ut occisum Neronem cunctosque in verba sua iurasse cognovit, deposita legati suscepit Caesaris appellationem. Послѣ этого онъ назывался Servius Galba imperator Caesar Augustus: Prosop. III, стр. 284 № 723.

[3]) Suet. Galba ib.: iterque ingressus est paludatus ac dependente cervicibus pugione ante pectus; nec prius usum togae reciperavit quam oppressis qui novas res moliebantur, praefecto praetori Nymphidio Sabino Romae, in Germania Fonteio Capitone, in Africa Clodio Macro legatis. Нимфидій скоро убѣдился, что его надежды на преобладающее вліяніе не оправдываются, сдѣлалъ попытку выставить свою собственную кандидатуру и былъ убитъ преторіанцами: Plut. Galba 13—14. Фонтей былъ убитъ легатами легіоновъ Корнеліемъ Аквиномъ и Фабіемъ Валентомъ, причемъ источники расходятся въ показаніяхъ относительно участія Гальбы: Tac. Hist. 1, 7: antequam iuberentur, Plut. ib. 15: Φοντήϊον ἐν Γερμανίᾳ διὰ Οὐάλεντος ἀνελών. Клодій Мацеръ былъ убитъ по приказанію Гальбы прокураторомъ Требоніемъ Гаруціаномъ Hist. 1, 7. Plut. ib. 15.

[4]) Tac. hist. 1, 7: ceterum utraque caedes (Фонтея и Клодія) sinistre accepta.

казни, не соображаясь съ процессуальными формами, не подлежало сомнѣнію [1]), но въ то же время именно въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ недовольства знати, которая не имѣла ничего противъ убійства Нимфидія, но была возмущена казнью десигнированнаго консула Цингонія Варрона и особенно бывшаго консула Петронія Турпиліана: первый палъ за участіе въ заговорѣ Нимфидія, второй былъ вынужденъ совершить самоубійство за то, что былъ особенно преданъ Нерону и очевидно считался однимъ изъ виновниковъ его злодѣяній [2]). „Когда Гальба устранилъ Мацера въ Африкѣ при помощи Требоніана и Фонтея въ Германіи при помощи Валента“, замѣчаетъ современникъ этихъ событій, „то онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ предлогъ, что страшился ихъ, такъ какъ они были вооружены и окружены войскомъ. Но ничего ему не мѣшало предоставить Турпиліану, слабому и безоружному старику, возможность защититься, еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ желалъ проявить ту умѣренность дѣйствій, которую онъ на словахъ обѣщалъ соблюдать“ [3]). Какъ бы ни были виновны приговоренные къ смерти и убитые, тотъ фактъ, что они пали жертвами чисто деспотическаго административнаго суда привлекъ всѣ симпатіи на ихъ сторону. Плутархъ, правда, ошибается, когда утверждаетъ, что Гальба поступилъ незаконно, но когда онъ прибавляетъ, что его мѣры были не популярны, онъ несомнѣнно правъ [4]).

---

[1]) Ср. томъ I, стр. 166 сл., 397 сл.

[2]) Tac. hist. 1, 6: tardum Galbae iter et cruentum, interfectis Cingonio... Petronio: ille ut Nymphidi socius, hic ut dux Neronis, inauditi atque indefensi tamquam innocentes perierant. Plut. Galba 15. Повидимому еще до этого были убиты Обультроній Сабинъ и Корнелій Марцеллъ въ Испаніи и Бетуй Хилонъ въ Галліи. Tac. Hist. 1, 37. Вмѣстѣ съ Цингоніемъ былъ убитъ Миорадатъ изъ Понта Plut. ib.

[3]) Plut. Galba 15.

[4]) Ib.: ἔδοξε μὴ νομίμως, εἰ καὶ δικαίως, μηδὲ δημοτικῶς ἀνηρηκέναι πρὸ κρίσεως ἄνδρας οὐκ ἀσήμους. Suet. Galb. 14: quosdam claros ex utroque ordine viros suspicione minima inauditos condemnavit.

Паденіе Нерона и провозглашеніе Гальбы въ этомъ отношеніи очевидно не отразилось на характерѣ принципата: онъ сохранилъ тотъ же характеръ практически ничѣмъ неограниченной власти, который его всегда отличалъ. Даже съ внѣшней стороны вліяніе сената на дѣла повидимому нисколько не увеличилось. „Все было продажно, либерты обладали подавляющимъ могуществомъ, ихъ рабскія руки жадно пользовались неожиданнымъ счастьемъ и въ виду его старости какъ бы торопились использовать время; при новомъ дворѣ сохранилось все старое зло, одинаково тяжелое, но менѣе извинительное“, говоритъ Тацитъ [1]). Консулъ Титъ Виній, преторіанскій префектъ Корнелій Лаконъ и либертъ Ицелъ, которому Гальба даровалъ званіе всадника, играли господствующую роль [2]) и даже такія исключительно важныя дѣла, какъ усыновленіе Пизона, фактически рѣшались ими при участіи самаго ограниченнаго числа другихъ довѣренныхъ лицъ [3]).

Весьма понятно, что сенатъ не могъ особенно сочувствовать подобному режиму, а въ то же время рядъ другихъ мѣръ сильно раздражилъ другіе слои общества и особенно войско. Несмотря на сравнительно легкій и быстрый успѣхъ его предпріятія, несмотря на народное и сенатское избраніе положеніе Гальбы было далеко непрочно: волненія въ Галліи

---

[1]) Hist. 1, 7.

[2]) Tac. Hist. 1, 13: potentia principatus divisa in Titum Vinium consulem et Cornelium Laconem praetorii praefectum; nec minor gratia Icelo Galbae liberto. Suet. Galb. 14: regebatur trium arbitrio, quos una et intra Palatium habitantis nec unquam non adhaerentis paedagogos vulgo vocabant. Титъ Виній происходилъ изъ преторской семьи, родился въ 21—22 году, при Гаѣ былъ привлеченъ къ суду за прелюбодѣяніе, но послѣ его смерти освобожденъ, при Клавдіи, уже бывши преторомъ, подвергся подозрѣнію въ кражѣ драгоцѣннаго сосуда съ императорскаго стола, но тѣмъ не менѣе былъ проконсуломъ нарбонской Галліи, а затѣмъ легатомъ Гальбы въ Испаніи. Въ 69 году онъ былъ consul ordinarius вмѣстѣ съ Гальбой. Tac. hist. 1, 48. Plut. Galb. 12. Лаконъ былъ ассессоромъ Гальбы.

[3]) Hist. 1, 14: adhibitisque super Vinium ac Laconem Mario Celso consule designato ac Ducenio Gemino praefecto urbis.

еще не улеглись, въ германскомъ войскѣ продолжалось броженіе, преторіанцы, да и другія войска были скорѣе застигнуты событіями врасплохъ, чѣмъ дѣйствительно расположены къ нему, и вдобавокъ ожидали уплаты огромныхъ обѣщанныхъ имъ донативовъ, а въ то же время казна была совершенно пуста и приходилось заботиться о ея пополненіи, при чемъ невозможно было обойтись безъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ вродѣ конфискаціи девяти десятыхъ всѣхъ даровъ Нерона, хотя бы они и перешли уже въ другія руки [1]).

Рядъ неразумныхъ мѣръ окончательно погубилъ новаго принцепса. Вознагражденіе сторонниковъ и наказаніе враговъ Виндекса естественно вызвало недовольство германскаго войска, видѣвшаго въ этомъ осужденіе своего поведенія относительно галльскаго возстанія [2]), а отказъ исполнить обѣщаніе Нимфидія Сабина относительно донатива вызвалъ серьезное недовольство и среди преторіанцевъ, уже избалованныхъ дарами по поводу воцаренія Клавдія и Нерона [3]). Грабежи и взяточничество его приближенныхъ, дошедшихъ до того, что тогда какъ второстепенные сообщники Нерона были казнены [4]), такой крупный злодѣй, какъ ненавистный не только сенату, но и народу Софоній Тигеллинъ остался живъ и былъ защищенъ спеціаль-

[1]) Plut. Galba 12. Tac. Hist. 1, 20: proxima pecuniae cura 1, 37: falsis nominibus severitatem pro saevitia, parsimoniam pro avaritia... appellat. septem a Neronis fine menses sunt, et iam plus rapuit Icelus quam quod Polycliti et Vatinii et Tigellini perdiderunt и т. д. 1, 49: pecuniae alienae non adpetens, suae parcus, publicae avarus. Suet. Galba 12—13.

[2]) Hist. 1, 8: Germanici exercitus, quod periculosissimum in tantis viribus, solliciti et irati, superbia recentis victoriae et metu tamquam alias partes fovissent. Suet. Galba 16: fraudari se praemiis navatae adversus Gallos et Vindicem operae. Plut. Galba 18.

[3]) Suet. ib.: legere se militem, non emere consuesse; atque eo quidem nomine omnis, qui ubique erant exacerbavit. Ср. Tac. hist. 1, 18: constat potuisse conciliari animos quantulacumque parci senis liberalitate: nocuit antiquus rigor et nimia severitas, cui iam pares non sumus. Plut. Galba 18.

[4]) Plut. Galba 17 называетъ въ ихъ числѣ либертовъ Гелія, Поликлита, Петина и Патробія. Гелій впрочемъ игралъ огромную роль во время путешествія Нерона по Ахайѣ.

нымъ грознымъ эдиктомъ императора [1]), довершали картину и скоро лишили новаго принцепса даже того нравственнаго престижа, который ему сообщали низверженіе Нерона и старость.

На этотъ разъ возстаніе началось на германской границѣ. Когда верхнегерманскіе легіоны 1 января 69 года были приглашены принести Гальбѣ обычную новогоднюю присягу, они возмутились, опрокинули его статуи, присягнули сенату и народу и рѣшили отправить въ Римъ посольство, которое должно было пригласить сенатъ, народъ, а повидимому также и преторіанцевъ избрать новаго принцепса [2]). Скромность этого рѣшенія очевидно находилась въ зависимости отъ того, что у нихъ не было подъ рукой своего кандидата: Вергиній еще раньше былъ удаленъ Гальбой подъ благовиднымъ предлогомъ, а его преемникъ Гордеоній Флаккъ былъ старъ и не имѣлъ никакого вліянія [3]). Дѣло сразу измѣнилось, когда нижнегерманскіе легіоны примкнули къ возстанію и провоз-

---

[1]) Plut. ib.: οὐδενὸς γὰρ οὕτω θεάματος ἡρασθεὶς ὁ Ῥωμαίων δῆμος, ὡς τοῦ Τιγελλῖνον ἰδεῖν ἀπαγόμενον, οὐδὲ παυσάμενος ἐν πᾶσι θεάτροις καὶ σταδίοις αἰτούμενος ἐκεῖνον, ἐπεπλήχθη διαγράμματος τοῦ αὐτοκράτορος Τιγελλῖνον μὲν οὐ πολὺν ἔτι βιώσεσθαι φάσκοντος χρόνον ὑπὸ φθινάδος νόσου δαπανώμενον, ἐκείνους δὲ παραιτουμένου μὴ διαγριαίνειν μηδὲ τυραννικὴν ποιεῖν τὴν ἡγημονίαν. Что означала эта угроза, народъ легко могъ усмотрѣть изъ избіенія составленнаго Нерономъ изъ флотскихъ экипажей легіона: Suet. Galb. 12: nam cum classiarios quos Nero ex remigibus iustos milites fecerat, redire ad pristinum statum cogeret, recusantis atque insuper aquilam et signa pertinacius flagitantes non modo immisso equite disiecit, sed decimavit etiam. Plut. Galba 15. Dio 64, 3, 1—2. Tac. Hist. 1, 6 и 37.

[2]) Tac. hist. 1, 12: superioris Germaniae legiones rupta sacramenti reverentia imperatorem alium flagitare et *senatui ac populo Romano* arbitrium eligendi permittere, quo seditio mollius acciperetur. Hist. 1, 55. Suet. Galb. 16: Kl. Jan. adigi sacramento nisi in nomen senatus recusarunt statimque *legationem ad praetorianos* cum mandatis destinaverunt, displicere imperatorem in Hispania factum; *eligerent ipsi* quem cuncti exercitus comprobarent. Plut. Galba 22: ὀμόσαντες ὑπὲρ συγκλήτου καὶ δήμου Ῥωμαίων.

[3]) Tac. hist. 1, 8: dux deerat, abducto Verginio per simulationem amicitiae: quem non remitti atque etiam reum esse tamquam suum crimen accipiebat. Ib. 1, 9. Plut. Galba 22.

гласили императоромъ присланнаго вмѣсто убитаго Фонтея Капитона Авла Вителлія, сына того Вителлія, который игралъ роль при дворѣ Клавдія, былъ три раза консуломъ и коллегой Клавдія по цензурѣ [1]). Какъ только извѣстіе объ этомъ дошло до верхнегерманскаго войска, оно немедленно примкнуло къ Вителлію „оставивъ красивыя слова подчиненія сенату и народу римскому“ [2]). Рѣшеніе легіоновъ было встрѣчено крайне сочувственно и провинціями. Жители Кёльна, Трира и Лангра (Lingones), по свидѣтельству Тацита, всячески содѣйствовали успѣху узурпаціи, предлагая вспомогательные отряды, лошадей, оружіе и деньги [3]).

Возстаніе германскаго войска имѣло роковое значеніе для новаго принципата. Независимо отъ того, что это была самая большая военная сила имперіи, именно германское войско успѣло пріобрѣсти особенную славу и побѣдой надъ Виндексомъ еще недавно подтвердило составившееся о немъ въ провинціяхъ мнѣніе [4]). Весьма естественно поэтому, что Гальба счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ для упроченія своего положенія и, полагая, что его старость и бездѣтность должны содѣйствовать мятежному настроенію какъ

---

[1]) Tac. Hist. 1, 52: merito dubitasse Verginium equestri familia, ignoto patre, inparem si recepisset imperium, tutum, si recusasset. Vitellio tres patris consulatus, censuram, collegium Caesaris et inponere iam pridem imperatoris dignationem et auferre privati securitatem.

[2]) Верхнегерманское войско возстало 1 января—во главѣ движенія стояли четвертый и восемнадцатый легіонъ, соединенные въ одномъ лагерѣ. Извѣстіе объ этомъ ночью съ 1 на 2 января дошло до Кёльна. На слѣдующій день 2 января первый нижне-германскій легіонъ провозгласилъ Вителлія императоромъ и остальные три легіона немедленно послѣдовали его примѣру, несмотря на то, что наканунѣ хотя и крайне неохотно присягнули Гальбѣ. Уже 3 января тоже самое сдѣлали и верхне-германскіе легіоны. Ср. Tac. Hist. 1, 55—57, 57: scires illum priore biduo non penes rem publicam fuisse.

[3]) Ib. 1, 57.

[4]) Tac. Hist. 2, 58: magna per provincias Germanici exercitus fama. Ср. Ann. 1, 31: sua in manu sitam rem Romanam, suis victoriis augeri rem publicam, in suum cognomentum adsciscl imperatores.

войскъ, такъ и намѣстниковъ [1]), рѣшилъ обезпечить себя съ этой стороны усыновленіемъ Луція Кальпурнія Пизона Фруги Лицинніана, молодого представителя одного изъ знатнѣйшихъ римскихъ семействъ [2]).

Усыновленіе Пизона для насъ любопытно съ разныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, династическая идея очевидно уже успѣла пустить настолько глубокіе корни, что самый фактъ естественнаго или искусственнаго родства съ принцепсомъ создавалъ права не только на исключительное общественное положеніе, но и на принципатъ, и Гальба, сколько-намъ извѣстно, не счелъ даже нужнымъ даровать Пизону какія-либо особыя полномочія. Фактъ усыновленія и безъ того дѣлалъ его вторымъ лицомъ въ государствѣ: трудно представить себѣ болѣе ѣдкую иронію по адресу той „свободы“, о возстановленіи которой сенатъ оффиціально заявлялъ на своихъ монетахъ [3]). Не менѣе любопытенъ и внѣшній ходъ дѣла. Рѣшивъ при участіи ближайшихъ довѣренныхъ лицъ вопросъ объ усыновленіи [4]), Гальба не счелъ

---

[1]) Suet. Galba 17: despectui esse non tam senectam suam quam orbitatem ratus. Plut. Galba 19: φοβηθεὶς, ὡς μὴ μόνον διὰ τὸ γῆρας, ἀλλὰ καὶ διὰ τὴν ἀπαιδίαν καταφρονούμενος. Tac. Hist. 1, 14.

[2]) Сынъ консула 27 года, потомокъ Помпея и Красса. онъ родился въ 38 году и долгое время прожилъ въ ссылкѣ (его братья были казнены Клавдіемъ и Нерономъ), почему и не занималъ никакихъ должностей. Tac. Hist. 1, 14. 48. Послѣ усыновленія онъ назывался Сервіемъ Сульпиціемъ Гальбой Цезаремъ. Henzen acta fr. Arv. p. XCI, 27 и p. 79. Конкурентомъ Пизона, за котораго стояли Лаконъ и Ицелъ, былъ Оѳонъ, за котораго былъ Титъ Виній.

[3]) Воспользоваться той рѣчью, которую Тацитъ влагаетъ въ уста Гальбы, для характеристики его взгляда на положеніе имперіи и роль принципата мы не рѣшаемся. Случайное открытіе рѣчи Клавдія de iure honorum Gallis dando доказываетъ, какъ вольно Тацитъ перифразировалъ дѣйствительно произнесенныя рѣчи, а въ данномъ случаѣ мы не только не знаемъ, была ли вообще произнесена Гальбой рѣчь, но даже имѣемъ основаніе сомнѣваться въ этомъ. Содержаніе ея во всякомъ случаѣ навѣяно усыновленіемъ Траяна и болѣе характерно для взглядовъ самого Тацита и его времени чѣмъ для эпохи Гальбы. Ср. ниже глава V.

[4]) Ср. выше стр. 41 прим. 3. Характерно для неточности языка Тацита, что онъ называетъ это совѣщаніе comitia imperii transigere Hist. 1, 14. Очевидно

нужнымъ довести объ этомъ исключительно важномъ дѣлѣ прежде всего до свѣдѣнія сената, а 9 января отправился съ Пизономъ къ преторіанцамъ и извѣстилъ ихъ о томъ, что онъ по примѣру Августа усыновилъ Пизона, и только послѣ этого явился въ сенатъ и сообщилъ ему о совершившемся фактѣ [1]). Очевидно, императоръ несмотря на трудныя условія времени вовсе не былъ склоненъ допустить усиленіе сенатскаго вліянія и рѣшалъ всѣ важнѣйшія дѣла также самостоятельно, какъ это дѣлалъ Клавдій или Неронъ. Сенату, обезличенному предшествующимъ режимомъ, только и оставалось выразить свое удовольствіе [2]).

Иначе отнеслись къ дѣлу преторіанцы: большинство молча выслушало заявленіе Гальбы и недовольное неуплатой донатива еще болѣе отвернулось отъ него, когда и по этому поводу ему не были обѣщаны никакіе дары [3]). Недовольствомъ воспользовался конкуррентъ Пизона М. Сальвій Оѳонъ, хорошо извѣстный римскому населенію, какъ близкій другъ первыхъ лѣтъ Нерона и какъ одна изъ жертвъ его деспотизма [4]). Слухи о провозглашеніи Вителлія и о сношеніяхъ германскихъ войскъ съ другими создавали своеобразное мятежное настроеніе [5]), а неловкая суровость Гальбы и Пизона усиливала его и сдѣлала

онъ этимъ только хочетъ указать на дѣйствительный смыслъ усыновленія. Ср. томъ I, стр. 111 прим. 1.

[1]) Tac. Hist. 1, 17: consultatum inde, pro rostris an in senatu an in castris adoptio nuncuparetur. iri in castra placuit: honorificum id militibus fore, quorum favorem ut largitione et ambitu male adquiri, ita per bonas artes haud spernendum. Ср. ib. 18—19.

[2]) Tac. Hist. 1, 19: et patrum favor aderat: multi voluntate, effusius qui noluerant, *medii ac plurimi obvio obsequio*, *privatas spes agitantes sine publica cura*.

[3]) Tac. Hist. 1, 18: tribuni tamen centurionesque et proximi militum grata auditu respondent: per ceteros maestitia ac silentium, tamquam usurpatam etiam in pace donativi necessitatem bello perdidissent.

[4]) Объ Оѳонѣ см. Tac. Hist. 1, 13, 22—23. Plut. Galba 19—21.

[5]) Tac. Hist. 1, 19: crebrioribus in dies Germanicae defectionis nuntiis et facili civitate ad accipienda credendaque omnia nova, cum tristia sunt. Правительство скрывало размѣры опасности ib. 1, 18.

возможной поразительный фактъ, отмѣченный Тацитомъ: „два рядовыхъ взялись передать государство въ другія руки и передали его“ [1]). Барбій Прокулъ и Ветурій съ 21 товарищемъ провозгласили Оѳона императоромъ и низвергли Гальбу, четыре дня спустя послѣ усыновленія Пизона [2]). „Настроеніе умовъ было таково, что немногіе рѣшились на гнуснѣйшее злодѣяніе, бо́льшее число желало его и всѣ покорились“ [3]).

Въ имперіи водворились анархическіе порядки. Въ теченіе семи мѣсяцевъ два императора были свергнуты и два другихъ готовились вступить въ борьбу, такъ какъ переговоры между ними не привели ни къ какому результату благодаря упорству германскаго войска [4]). Чувствуя себя господами положенія войска и особенно преторіанцы не признавали болѣе никакой дисциплины: въ войскѣ Вителлія солдаты убили офицеровъ, недавно устранившихъ Фонтея Капитона. Въ то время, когда въ Германіи происходили кровавыя столкновенія между легіонерами и батавскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, а провинціалы подвергались разграбленію какъ со стороны начальниковъ, такъ и со стороны рядовыхъ [5]), преторіанцы въ самый день убійства Гальбы сами избрали себѣ префектовъ, назначили Флавія Сабина, брата Веспасіана, городскимъ префектомъ и добились сложенія съ нихъ тѣхъ суммъ, которыя уплачивались центуріонамъ за отпуски [6]).

---

[1]) Tac. Hist. 1, 25.

[2]) Вмѣстѣ съ Гальбой (Tac. Hist. 1, 49: ipsi medium ingenium, magis extra vitia quam cum virtutibus... omnium consensu capax imperii, nisi imperasset) были убиты Пизонъ и Титъ Виній, ib. 1, 41—43.

[3]) Tac. Hist. 1, 28.

[4]) Переговоры были начаты Оѳономъ. Tac. Hist. 1, 74. Suet. Otho 8. Plut. Otho 4. Dio 64, 10, 1.

[5]) Tac. Hist. 1, 58. 1, 64 сл.

[6]) Tac. Hist. 1, 46: omnia deinde arbitrio militum acta: praetorii praefectos sibi ipsi legere... urbi Flavium Sabinum praefecere, iudicium Neronis secuti, sub quo eandem curam obtinuerat, plerisque Vespasianum fratrem in eo respicientibus... sed Otho ne vulgi largitione centurionum animos averteret, fiscum suum vacationes annuas exsoluturum promisit, rem haud dubie utilem

Особенно трудно было положеніе сената. Несмотря на страхъ, который не ему одному внушали воспоминанія о роли Оѳона при дворѣ Нерона [1]),—среди черни нашлись, впрочемъ, и такіе элементы, которые привѣтствовали его какъ новаго Нерона [2])—сенатъ, разумѣется, въ самый день убійства Гальбы даровалъ Оѳону „трибунскую власть и титулъ Августа и всѣ полномочія принцепсовъ“ [3]). Опасенія относительно Оѳона, правда, оказались излишними; Оѳонъ не только не преслѣдовалъ сенатъ, но, наоборотъ, даже старался сохранить съ нимъ наилучшія отношенія: Плутархъ отмѣчаетъ, что онъ утвердилъ тѣ списки будущихъ консуловъ, которые были установлены Нерономъ и Гальбой, что онъ вернулъ всѣмъ сосланнымъ конфискованное Нерономъ имущество и раздавалъ знатнымъ лицамъ жреческія должности. Осужденіе Софонія Тигеллина должно было произвести такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ назначеніе Вергинія коллегой императора по консульству [4]).

Несмотря на всю свою неожиданность, эта политика была въ сущности совершенно естественна. Положеніе Оѳона было

---

et a bonis postea principibus perpetuitate disciplinae formatam. Тоже сдѣлалъ и Вителлій ib. 1, 58. Насколько тяжело уплата этихъ суммъ отражалась на бюджетѣ римскихъ солдатъ видно впрочемъ изъ того, что онѣ играютъ роль уже при возстаніяхъ 14 года. Ср. Ann. 1, 17.

[1]) Tac. Hist. 1, 50: tum duos omnium mortalium impudicitia ignavia luxuria deterrimos velut ad perdendum imperium fataliter electos non senatus modo et eques, quis aliqua pars et cura rei publicae, sed vulgus quoque palam maerere.

[2]) Tac. Hist. 1, 78: atque etiam Othoni quibusdam diebus populus et miles, tamquam nobilitatem et decus adstruerent, Neroni Othoni adclamavit. ipse in suspenso tenuit, vetandi metu vel adgnoscendi pudore. Plut. Otho. 3. Dio 64, 8, 2.

[3]) Tac. Hist. 1, 47: exacto per scelera die novissimum malorum fuit laetitia. vocat senatum praetor urbanus (характерно, что и тутъ формально соблюдается законный порядокъ: оба консула—Гальба и Пизонъ—были убиты, и не Оѳонъ, а высшій послѣ нихъ магистратъ созываетъ сенатъ) ..decernitur Othoni tribunicia potestas et nomen Augusti et omnes principum honores. Dio 64, 8, 1. Suet. Otho 6—7.

[4]) Plut. Otho 1—2. Tac. hist. 1, 72, 77. Ср. дѣло Аннія Фауста ib. 2, 10.

крайне непрочно; грозное германское войско видимо готовилось къ войнѣ, а на сторонѣ Оѳона первое время стояли только немногочисленныя римскія войска, вдобавокъ до-нельзя распущенныя. Единственная его надежда помимо антагонизма между войсками только и могла заключаться въ томъ нравственномъ авторитетѣ, который „сенатъ и народъ римскій“ еще сохранили въ провинціяхъ и въ глазахъ намѣстниковъ [1]): иллирскія, сирійскія и палестинскія войска, а съ ними вмѣстѣ весь придунайскій край, балканскій полуостровъ и востокъ съ Египтомъ признали и продолжали признавать его и тогда, когда Аквитанія и Испанія изъ страха предъ германскимъ войскомъ перешли на сторону Вителлія [2]). Иное впечатлѣніе произвела политика Оѳона на преторіанцевъ и часть римскаго населенія: воспитанные на зрѣлищѣ давнишняго антагонизма между цезарями и сенатомъ, они не довѣряли послѣднему, были недовольны поведеніемъ Оѳона [3]) и безъ его вмѣшательства перебили бы сенатъ, когда разнесся ложный слухъ будто Оѳонъ убитъ заговорщиками изъ среды сената [4]). Тацитъ передаетъ намъ, разумѣется въ сильно измѣненной формѣ, ту рѣчь, съ которой Оѳонъ обратился къ своимъ сверхъ мѣры рьянымъ защитникамъ, и при томъ несочувствіи, съ которымъ Тацитъ вообще относится къ Оѳону, мы едва ли имѣемъ

---

[1]) Tac. Hist. 1, 76: longinquae provinciae et quidquid armorum mari dirimitur penes Othonem manebant, non partium studio, *sed erat grande momentum in nomine urbis ac praetexto senatus*, et occupaverat animos prior auditus. 2, 32: Italiam et caput rerum urbem senatumque et populum, numquam obscura nomina, etiam si aliquando obumbrentur.

[2]) Tac. Hist. ib. 1, 76.

[3]) Plut. Otho 3: Τοιαύτην δὲ τῆς ἡγεμονίας κατάστασιν αὐτῷ λαμβανούσης οἱ μισθοφόροι χαλεπὸς παρεῖχον ἑαυτοὺς, ἀπιστεῖν παρακελευόμενοι καὶ φυλάττεσθαι καὶ κολούειν τοὺς ἀξιολόγους, εἴτ' ἀληθῶς φοβούμενοι δι' εὐνοίαν, εἴτε προφάσει χρώμενοι ταύτῃ τοῦ ταράττειν καὶ πολεμοποιεῖν. Tac. Hist. 1, 85: et maligna cura in omnes, quos nobilitas aut opes aut aliqua insignis claritudo rumoribus obiecerat.

[4]) Tac. Hist. 1, 80—85, 80: tamquam familiae senatorum ad perniciem Othonis armarentur... vulgus, ut mos est, cuiuscumque motus novi cupidum. 82: in senatum universum... Plut. ib. 3. Suet. Otho 8.

основаніе усумниться въ томъ, что Оѳонъ говорилъ приблизительно то въ защиту сената, что приписываетъ ему нашъ авторъ. Во всякомъ случаѣ, не только опасность отъ Вителлія, но и полное отсутствіе дисциплины среди его единственнаго войска должны было заставить Оѳона искать опоры въ единственномъ учрежденіи, которое наряду съ принцепсомъ сохранило еще нѣкоторый авторитетъ въ глазахъ римскихъ людей [1]). Поблагодаривъ солдатъ за ихъ усердіе [2]), онъ выразилъ желаніе, „чтобы никогда ни одно войско не услышало снова враждебные сенату возгласы. Подвергать наказанію главу имперіи и украшенія всѣхъ провинцій не рѣшатся даже тѣ германцы, которыхъ Вителлій такъ усиленно призываетъ противъ насъ. Неужели найдутся такіе сыны Италіи и настоящая римская молодежь, которая потребуетъ казни и избіенія того сословія, блескомъ и славой котораго мы побѣждаемъ грязь и безвѣстность партіи Вителлія? Вителлій привлекъ на свою сторону нѣсколько покоренныхъ народовъ и располагаетъ нѣкоторымъ подобіемъ войска, но сенатъ съ нами: этимъ достигается, что на нашей сторонѣ государство, а они являются его врагами. Какъ? Неужели вы считаете, что этотъ великолѣпнѣйшій городъ держится домами и крышами и грудами камней? Сплошь и рядомъ случается, что эти безгласные и бездушные предметы рухнутъ и поправляются: вѣчный порядокъ всѣхъ вещей и миръ народовъ, мое и ваше спасеніе обозпечиваются безопасностью сената. Его послѣ аусиицій установилъ отецъ и основатель нашего города; вѣчный и безсмертный, онъ просуществовалъ отъ царей до принцепсовъ

[1]) Tac. Hist. 1, 81: sed haud secus discrimine senatus quam suo territus. 83: simul reputans non posse principatum scelere quaesitum subita modestia et prisca gravitate retineri, sed discrimine urbis et periculo senatus anxius.

[2]) Tac. Hist. 1, 82: finis sermonis (префектовъ Лициніи Прокула и Плотія Фирма) in eo, ut quina milia nummum singulis militibus numerarentur. tum Otho ingredi castra ausus. Plut. ib. Двое изъ зачинщиковъ были казнены по требованію самихъ солдатъ. Hist. 1. 82. 85. Plut. ib.

и перешелъ къ намъ, чтобы мы его передали такимъ же потомству; вѣдь такъ же, какъ отъ васъ родятся сенаторы, такъ отъ сенаторовъ принцепсы“ [1]).

Послѣ терроризма послѣднихъ Цезарей и суроваго режима Гальбы такія рѣчи должны были казаться особенно неожиданными, особенно въ устахъ такого принцепса, какъ Оѳонъ. Но именно поэтому онѣ особенно характерны какъ для неувѣренности Оѳона въ прочности его положенія, такъ и для опасности, которой продолжительныя смуты грозили престижу принципата. Единственнымъ мыслимымъ конкуррентомъ послѣдняго, очевидно, является сенатъ и каждый ударъ, нанесенный принципату, прежде всего выгоденъ для сената: ни одинъ принцепсъ не можетъ не сознавать этого и вотъ причина, почему между принцепсомъ и сенатомъ никакъ не могутъ установиться нормальныя отношенія. Мы еще увидимъ, что не только Веспасіанъ и Титъ, но и большинство представителей такъ называемой династіи Антониновъ зорко слѣдятъ за сенатомъ и склонны прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, даже тамъ, гдѣ серіозной надобности, повидимому, не существуетъ. И несмотря на вопіющее неравенство силъ, а, можетъ быть, именно благодаря ему антагонизмъ и недовѣріе между принцепсомъ и сенатомъ не прекращаются, покуда императоры не окружили себя своей бюрократической знатью и Римъ не теряетъ окончательно своего центральнаго положенія въ государствѣ, да и тогда антагонизмъ скорѣе теряетъ свою остроту и практическое значеніе, чѣмъ исчезаетъ. При нормальныхъ условіяхъ императору ничего не стоитъ раздавить всякую попытку тѣхъ или иныхъ сенаторовъ перейти отъ скрытаго сопер-

---

[1]) Tac. Hist. 1, 84: caput imperii et decora omnium provinciarum... senatus nobiscum est: sic fit ut hinc res publica, inde hostes rei publicae constiterint... aeternitas rerum et pax gentium et mea cum vestra salus incolumitate senatus firmatur... ut ex vobis senatores, ita ex senatoribus principes nascuntur.

ничества и недовѣрія къ активному проявленію его, но уничтожить авторитетъ вѣковыхъ традицій и основывающіяся на нихъ болѣе или менѣе платоническія претензіи онъ неспособенъ. На практикѣ подавляющее могущество фактическихъ условій жизни, правда, заставляетъ сенатъ постоянно сокращать свои практическія требованія [1]), но это не мѣшаетъ ему вздыхать о добромъ старомъ времени и мечтать о возрожденіи своего господства [2]).

Искреннее сближеніе между принцепсомъ и сенатомъ при такихъ условіяхъ невозможно, а для принцепса съ такимъ прошлымъ, какъ Ооонъ, оно и подавно недостижимо. Сенатъ, обезпеченный благодаря политикѣ Ооона отъ ближайшей опасности, именно въ силу этого подвергается другой, болѣе отдаленной, но не менѣе грозной, опасности слишкомъ тѣсно связать свою судьбу съ Ооономъ и навлечь на себя гнѣвъ и вражду такого страшнаго врага, какъ опирающійся на германское войско Вителлій. „Созванному въ курію сенату трудно соблюсти мѣру: какъ бы молчаніе не показалось строптивымъ, какъ бы свобода рѣчи не вызвала подозрѣній; вѣдь Ооону, недавно еще бывшему частнымъ человѣкомъ и произносившему такія же рѣчи, лесть была знакома. Пришлось вымучивать на разные лады мнѣнія, называя Вителлія врагомъ и отцеубійцей, причемъ наиболѣе предусмотрительные осыпали его обычной (риторической) бранью, а кой-кто бросалъ въ него позорныя обвиненія, дѣйствительно соотвѣтствовавшія истинѣ, но всѣ старались дѣлать это при общемъ крикѣ и среди возможно бо̀льшаго шума или одновременнымъ крикомъ мѣшали другъ другу“ [3]). Трудно представить себѣ болѣе характерную картину; только человѣкъ, самъ испытавшій необ-

[1]) Ср. ниже.

[2]) Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодическій принципатъ Тацита, о которомъ намъ дальше еще придется говорить.

[3]) Tac. Hist. 2, 85.

ходимость и обязательность не только лести, но и участія въ преступленіяхъ власти, могъ такъ изобразить общество, которое онъ презиралъ и членомъ котораго онъ все же не могъ не признавать самого себя [1]).

И тѣмъ не менѣе ни сенатъ, ни Римъ, ни Италія еще не испытали худшаго зла. Оно уже надвигалось съ сѣвера въ видѣ войскъ Вителлія и отражалось на самомъ Римѣ и Италіи въ видѣ возрастающей дороговизны и страха предъ голодомъ. Даже „чернь и народъ, въ огромномъ большинствѣ не знавшіе общественныхъ заботъ, постепенно начали чувствовать зло войны, такъ какъ всѣ средства были обращены на нужды солдатъ, и цѣны на съѣстные припасы поднялись, тогда какъ движеніе Виндекса едва затронуло его интересы: тогда городъ былъ въ безопасности и война происходила въ провинціи; разрѣшенная борьбой легіоновъ съ галлами она имѣла какъ бы характеръ внѣшней войны. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ Августъ устроилъ дѣла Цезарей, всѣ войны римскаго народа происходили далеко, заботя или содѣйствуя славѣ одного лица; при Тиберіи и Гаѣ только зло мирнаго времени касалось государства; предпріятіе Скрибоніана противъ Клавдія одновременно стало извѣстнымъ и было подавлено; Неронъ былъ низвергнутъ скорѣе извѣстіями и слухами, чѣмъ оружіемъ: теперь же готовились къ борьбѣ легіоны и флоты и, что при иныхъ условіяхъ рѣдко случается, преторіанцы и городскія войска“ [2]).

Борьба между претендентами, какъ извѣстно, была непродолжительна. Оѳонъ не дождался прихода всей массы дунайской арміи, въ составѣ четырехъ легіоновъ двинувшейся ему на помощь [3]), и потерпѣвъ пораженіе около Кремоны [4])

[1]) Tac. Agr. 45. См. объ этомъ ниже глава V.

[2]) Tac. Hist. 1, 89.

[3]) Tac. Hist. 2, 40: aeger mora et spei inpatiens. Schiller, Gesch. 1, 377: Otho dauerte in seiner nervösen Gereiztheit die Entscheidung zu lange.

[4]) Tac. Hist. 2, 41—45.

покончилъ съ собой, несмотря на то, что положеніе дѣлъ фактически было скорѣе благопріятно для него [1]): возможно, что его генералы намѣренно изобразили ему положеніе болѣе мрачнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, повидимому, находились еще раньше въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Вителліемъ [2]). Его самоубійство [3]), новый отказъ Вергинія отъ предложеннаго ему частью преторіанцевъ императорскаго званія [4]) и переходъ большей части разбитаго войска на сторону Вителлія [5]) сдѣлали послѣдняго господиномъ положенія, а германское войско владыкой Италіи и имперіи.

Сенатъ, которому Оѳонъ согласно своей политикѣ до отправленія въ походъ поручилъ заботу объ имперіи [6]), позаботившись въ то же время захватить съ собой въ качествѣ заложниковъ возможно бо̀льшее количество выдающихся сена-

[1]) Schiller, loc. cit.

[2]) Tac. Hist. 2, 31: Sane ante utriusque exitium, quo egregiam Otho famam, Vitellius flagitiosissimam meruere, minus Vitellii ignavae voluptates quam Othonis flagrantissimae libidines timebantur: addiderat huic terrorem atque odium caedes Galbae, contra illi initium belli nemo imputabat. Vitellius ventre et gula sibi inhonestus, Otho luxu saevitia audacia rei publicae exitiosior ducebatur, 2. 39. 40. 41: apud Othonianos pavidi duces, miles ducibus infensus. Ср. Suet. Otho 9: fraude superatus est.

[3]) Plut. Otho 15—18. Tac. Hist. 2, 46—50. Предварительно онъ уничтожилъ libellos epistulasque studio erga se aut in Vitellium contumeliis insignes. ib. 48. Suet. Otho 10. Его самоубійство нашло многихъ подражателей non noxa neque ob metum, sed aemulatione decoris et caritate principis Tac. 1, 49, и до извѣстной степени примирило съ нимъ потомство: duobus facinoribus, altero flagitiosissimo (убійство Гальбы), altero egregio, tantumdem apud posteros meruit bonae famae quantum malae. ib. 50. Plut. ib. 18. Suet. Otho 11: exanimatus est... nonagensimo et quinto imperii die.

[4]) Tac. Hist. 2, 51: ad Verginium versi, modo ut reciperet imperium... minitantes orabant. Plut. Otho 18.

[5]) Tac. Hist. 2, 51. Plut. Otho 18.

[6]) Tac. Hist. 1, 90: commendata patribus re publica.. profectus Otho quietem urbis curasque imperii Salvio Titiano fratri permisit. Впослѣдствіи Тиціанъ былъ отозванъ и поставленъ во главѣ войска ib. 2, 23.

торовъ [1]), сенатъ естественно немедленно призналъ побѣдителя императоромъ [2]) и только заботился о томъ, какъ бы избѣжать его месть [3]). Побѣдитель не постѣснился съ авторитетомъ сената: особенно характерно было не то, что, принявъ власть, онъ отложилъ принятіе титула Августа и неизвѣстно почему вовсе не пожелалъ называться Цезаремъ [4]), а то, что онъ самъ провозгласилъ своего малолѣтняго сына принцепсомъ и приказалъ войскамъ оказывать ему военныя почести [5]) и вообще подчеркивалъ, что власть ему досталась въ силу войны и побѣды: съ трудомъ друзья его убѣдили отказаться отъ мысли войти въ Римъ въ военномъ одѣяніи, ведя предъ собой сенатъ и народъ, какъ покоренныхъ [6]). Но если сенатъ, какъ учрежденіе, на каждомъ шагу подвергался оскорбленіямъ, отдѣльные сенаторы, сколько намъ извѣстно, не потерпѣли за свои рѣчи и дѣйствія, совершенныя при Оѳонѣ [7]).

---

[1]) Tac. Hist. 1, 88. 2, 52. Въ числѣ другихъ здѣсь былъ и братъ Вителлія, Луцій.

[2]) Tac. Hist. 2, 55: in senatu cuncta longis aliorum principatibus composita statim decernuntur; additae erga Germanicum exercitum laudes gratesque et missa legatio, quae gaudio fungeretur. Henzen Acta, p. XCIV и 64: ob diem imperi [Vitelli] Germanici imp., quod XIII K. Mai statutum est.

[3]) Tac. Hist. 2, 52: posito ubique bello magna pars senatus extremum discrimen adiit, profecta cum Othone ab urbe, dein Mutinae relicta... onerabat paventium curas ordo Mutinensium arma et pecuniam offerendo, appellabatque patres conscriptos intempestivo honore.

[4]) Tac. Hist, 2, 62: praemisit in urbem edictum, quo vocabulum Augusti differret, Caesaris non reciperet, cum de potestate nihil detraheret. Ср. 1, 62: Caesarem se appellare etiam victor prohibuit и 3, 58: quin et Caesarem se dici voluit, aspernatus antea, sed tunc superstitione nominis.

[5]) Tac. Hist. 2, 59: mox universum exercitum occurrere infanti filio iubet, perlatumque et paludamento opertum sinu retinens Germanicum appellavit cinxitque cunctis fortunae principalis insignibus. nimius honos...

[6]) Tac. Hist. 2, 89: Ipse Vitellius a ponte Mulvio insigni equo, paludatus accinctusque, senatum et populum ante se agens, quominus ut captam urbem ingrederetur, amicorum consilio deterritus, sumpta praetexta et composito agmine incessit.

[7]) Исключеніе представляетъ Долабелла. Tac. Hist. 2, 63—64.

Когда пришло извѣстіе, что Сирія и Палестина, или точнѣе Муціанъ и Веспасіанъ, съ ихъ войсками также признали его господство, положеніе Вителлія, казалось, было окончательно обезпечено [1]) и не только онъ, но и все его войско самымъ разнузданнымъ образомъ начали торжествовать побѣду. Съ одной стороны побѣдители старались обезпечить свое положеніе избіеніемъ центуріоновъ иллирійскаго войска, сражавшагося за Оѳона [2]), и распущеніемъ преторіанскихъ когортъ, которыя были замѣнены отборной частью побѣдоноснаго войска, при чемъ, разумѣется, не обращалось вниманія на италіанское происхожденіе и число преторіанцевъ было увеличено [3]): весьма естественно, что и тѣ и другіе только ждали случая, чтобы жестоко отомстить за позоръ своего пораженія [4]). Въ то же самое время германскія войска разбрелись по странѣ и подвергали ее жестокому разграбленію: „Италія тѣмъ временемъ пострадала больше и тяжелѣе чѣмъ во время войны. Бродя по муниципіямъ и колоніямъ вителліанцы грабили, совершали захваты и позорили страну всякаго рода насиліемъ: алчные и продажные, не разбирая добра и зла, они не стѣснялись ни передъ божествомъ, ни передъ людьми. Были и такіе, которые убивали своихъ личныхъ враговъ подъ видомъ солдатъ. А сами солдаты, знавшіе мѣстность, обращали благоустроенныя имѣнія и богатыхъ владѣльцевъ въ добычу, а когда встрѣчали сопротивленіе, подвергали ихъ уничтоженію: вожди либо сами были виновны въ томъ же, либо не смѣли противодѣй-

---

[1]) Tac. Hist. 2, 72: vix credibile memoratu est, quantum superbiae socordiaeque Vitellio adoleverit...

[2]) Tac. Hist. 2, 60: tum interfecti sunt centuriones promptissimi Othonianorum, unde praecipua in Vitellium alienatio per Illyricos exercitus.

[3]) Tac. Hist. 2, 67: proximus Vitellio e praetoriis cohortibus metus erat. separati primum, deinde addito honestae missionis lenimento, arma ad tribunos suos deferebant, donec motum a Vespasiano bellum crebresceret: tum resumpta militia robur Flavianarum partium fuere. Ср. 2, 94.

[4]) Ср. также Hist. 2, 60: simul ceterae legiones contactu et adversus Germanicos milites invidia bellum meditabantur.

ствовать... Дѣла Италіи уже раньше пошатнулись и присутствіе такой массы пѣшаго и коннаго войска съ его убытками и оскорбленіями переносилось съ трудомъ“ [1]). Всякая дисциплина совершенно исчезла, кровавыя столкновенія между отрядами повторялись постоянно [2]) и подъ самымъ Римомъ раздраженные шутками столичнаго населенія войска произвели рѣзню [3]). Самъ Вителлій тѣмъ временемъ предавался своей болѣзненной страсти къ ѣдѣ и распутству [4]), предоставляя всѣ государственныя заботы своимъ довѣреннымъ [5]).

Съ его появленіемъ въ Римѣ установился режимъ еще болѣе тяжелый, чѣмъ нероновскій. Приличія потеряли всякое значеніе и самый характеръ наклонностей Вителлія былъ еще неизмѣримо грубѣе и отвратительнѣе, чѣмъ у Нерона. Отношеніе къ сенату, какъ мы видѣли, сразу обострилось: сенатъ, правда, „вынудилъ“ согласіе Вителлія, только что даровавшаго своей матери титулъ Августы, принять титулъ Августа [6]), сосланнымъ въ предшествующее время было разрѣшено заявить претензіи на имущество ихъ либертовъ [7]), и Вителлій по совѣту друзей не подвергъ Гельвидія Приска наказанію за противорѣчіе въ сенатѣ [8]), но въ то же время Виттелій при-

---

[1]) Tac. Hist. 2, 56. Ср. 2, 87: sexaginta milia armatorum sequebantur, licentia corrupta; calonum numerus amplior, procacissimis etiam inter servos lixarum ingeniis.

[2]) Tac. Hist. 2, 88: multae et atroces inter se militum caedes.. manente legionum auxiliorumque discordia. Dio 65, 4, 4.

[3]) Tac. Hist. ib.: vernacula utebantur urbanitate...

[4]) Tac. Hist. 2, 87: Vitellius contemptior in dies segniorque; 2, 90: somno et luxu pudendus; 2, 91: omnis humani divinique iuris expers, pari libertorum, amicorum socordia, velut inter temulentos agebat. Ср. 3, 86. Suet. Vit. 13. Dio 65, 2—3.

[5]) Tac. Hist. 2, 92: munia imperii Caecina ac Valens obibant... inter discordes nihil Vitellio auctoritatis. Ср. 2, 94: ceterum non ita ducibus indulsit Vitellius, ut non plus militi liceret.

[6]) Tac. Hist. 2, 90: abnuentique nomen Augusti expressere ut adsumeret, tam frustra quam recusaverat. Ср. 2, 89.

[7]) Tac. Hist. 2, 92.

[8]) Tac. Hist. 2, 91: ventitabat in senatum, etiam cum parvis de rebus

нялъ пожизненный консулатъ [1]), всячески чествовалъ память Нерона [2]) и не менѣе послѣдняго злоупотреблялъ своей судебной властью [3]), раззоряя въ то же время государство гра-

patres consulerentur. ac forte Priscus Helvidius praetor designatus contra studium eius censuerat. commotus primo Vitellius, non tamen ultra quam tribunos plebis in auxilium spretae potestatis advocavit; mox mitigantibus amicis, qui altiorem iracundiam eius verebantur, nihil novi accidisse respondit quod duo senatores in re publica dissentirent; solitum se etiam Thraseae contra dicere. inrisere plerique inpudentiam aemulationis; aliis id ipsum placebat, quod neminem ex praepotentibus, sed Thraseam ad exemplar verae gloriae legisset. Dio 65, 7, 1. О Гельвидіи Прискѣ см. ниже глава III.

[1]) C. J. L. 6, 928: A. Vitellius L. F. Imperator... Cos. perpetuus. Ср. Suet. Vit. 11: magis deinde ac magis omni divino humanoque iure neglecto, alliensi die pontificatum maximum cepit (ср. Tac. Hist. 2, 91), comitia in decem annos ordinavit seque perpetuum consulem. Въ высшей степени любопытно, что Тацитъ, упоминающій о консульскихъ комиціяхъ—Hist. 2, 91: sed comitia consulum cum candidatis civiliter celebrans omnem infimae plebis rumorem in theatro ut spectator, in circo ut fautor adfectavit,—ни слова не говоритъ о пожизненномъ консулатѣ Вителлія. Это одинъ изъ яркихъ примѣровъ, какъ мало удовлетворительны и случайны наши данныя для конституціонной исторіи имперіи и какъ осторожно нужно относиться къ молчанію авторовъ о разныхъ фактахъ этого порядка.—Schiller, Gesch. 1, 381, почему-то предполагаетъ, что Вителлій принялъ пожизненный консулатъ offenbar um die Sympathien des Senats zu gewinnen. Независимо отъ текста Свѣтонія, несомнѣнно служащаго и здѣсь отраженіемъ сенатскихъ взглядовъ на дѣло, противъ этого говоритъ хотя бы отношеніе сената къ консулатамъ Домиціана.

[2]) Suet. Vit. 11: ne cui dubium foret, quod exemplar regendae rei publicae eligeret. Dio 65, 4, 1. 7, 2.

[3]) Suet. Vit. 14: pronus vero ad cuiuscumque et quacumque de causa necem atque supplicium, nobiles viros.. vario genere fraudis occidit.. Tum foeneratorum et stipulatorum publicanorumque, qui umquam se aut Romae debitum aut in via portorium flagitassent, vix ulli pepercit... Sed et equitem Romanum... quosdam et de plebe ob id ipsum, quod Venetae factioni clare male dixerant, interemit, contemptu sui et nova spe id ausos opinatus. Странно, что Тацитъ объ этомъ вовсе не упоминаетъ. Иной характеръ имѣетъ наказаніе убійцъ Гальбы и преслѣдованіе „математиковъ“, изъ которыхъ нѣкоторые были замѣшаны въ дѣло Оѳона. О первыхъ см. Tac. Hist. 1, 40: scelus, cuius ultor est quisquis successit; ib. 1, 44: plures quam centum viginti praemium exposcentium ob aliquam notabilem illa die operam Vitellius postea invenit, omnesque conquiri et interfici iussit, *non honore Galbae, sed tradito principibus more* munimentum ad praesens, in posterum ultionem. Suet. Vit. 10. О математикахъ ср. Tac. Hist. 1, 22. 2, 62. Suet. Vit. 14.

бежами либерта Азіатика [1]) и огромными расходами на удовлетвореніе своихъ грязныхъ потребностей: по словамъ Тацита, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ истратилъ на это 900.000.000 сестерціевъ [2]).

Такое управленіе не могло содѣйствовать возрожденію императорскаго престижа, столь необходимаго для успокоенія имперіи. За исключеніемъ германскаго войска, пользовавшагося своей побѣдой и не признававшаго ничьей власти, да части римской черни, участвовавшей въ увеселеніяхъ принцепса, въ сущности всѣ были недовольны и только со страхомъ могли ожидать продолженіе этого принципата. Недовольство сената— между прочимъ сенаторы раззорялись пріемами Вителлія и обѣдами, устраиваемыми въ его честь—правда, не имѣло никакого реальнаго значенія: „безоружныя провинціи и прежде всего сама Италія, обреченная на какое-угодно рабство, представляли военную добычу“ [3]). Другое дѣло недовольство тѣхъ войскъ, которыя пока не приняли участія въ добычѣ или потерпѣли пораженіе и сами подверглись мщенію побѣдителя. Число незатронутыхъ предшествующими событіями войскъ было значительно: четыре легіона стояли въ Сиріи подъ начальствомъ Г. Лициніа Муціана, три въ Палестинѣ подъ начальствомъ Веспасіана, въ Египтѣ два подъ начальствомъ еврея Тиберія Александра [4]). Четыре иллирійскихъ легіона и распущенные Вителліемъ преторіанцы, глубоко раздраженные пораженіемъ около Кремоны и отношеніемъ къ нимъ Вителлія,

---

[1]) Tac. Hist. 2, 95: nondum quartus a victoria mensis, et libertus Vitellii Asiaticus Polyclitos Patrobios et vetera odiorum nomina aequabat. Suet. Vit. 12. Ср. Tac. Hist. 2, 57.

[2]) Tac. Hist. ib.: intervertisse creditur sagina. Ср. Dio 65, 3, 2: 225.000.000 драхмъ т.-е. 860.000.000 сестерціевъ ἐς τὰ δεῖπνα.

[3]) Tac, Hist. 1, 11.

[4]) Tac. Hist. 2, 6: mox ut Othonem ac Vitellium scelestis armis res Romanas raptum ire vulgatum est, ne penes ceteros imperii praemia, penes ipsos tantum servitii necessitas esset, fremere miles et vires suas circumspicere.

только ждали сигнала, чтобы снова вступить въ борьбу съ германскимъ войскомъ. А послѣднее въ то же время естественно постепенно утрачивало свою боевую готовность среди грабежей и распущенныхъ удовольствій италіанской и особенно римской жизни.

Сигналъ къ новому возстанію былъ данъ египетскимъ префектомъ Тиберіемъ Александромъ: на основаніи предварительныхъ переговоровъ между тремя главными намѣстниками востока [1]) онъ 1 іюля 69 года провозгласилъ Веспасіана императоромъ [2]). Его примѣру немедленно послѣдовали три палестинскихъ легіона (3 іюля), и еще до 15 іюля вся Сирія признала Веспасіана [3]). Провозглашеніе войскомъ было признано достаточнымъ и когда онъ уже былъ признанъ всѣми императоромъ Веспасіанъ впослѣдствіи считалъ первымъ днемъ своего принципата день провозглашенія его въ Александріи, а не день утвержденія его сенатомъ и народомъ [4]): ни онъ, ни его сподвижники или войска ни минуты не пожелали послѣдовать примѣру Гальбы и по крайней мѣрѣ формально предоставить верховной власти государства свободу дѣйствій. Конституціонныя теоріи должны были отступить на задній планъ передъ практическими потребностями времени: послѣднія событія слишкомъ явно доказали всему населенію импе-

---

[1]) Ср. Tac. Hist. 2, 7. 74. 76—78. О Муціанѣ см. Hist. 1, 10.

[2]) Tac. Hist. 2, 79.

[3]) Tac. Hist. 2, 80—81. Оѳонъ былъ провозглашенъ императоромъ 15 января 69 года (къ 16 января относится первое жертвоприношеніе Арвальскихъ братьевъ за него, ср. Henzen Acta, p. XCI), а Вителлій былъ окончательно признанъ всѣмъ германскимъ войскомъ 3 января (ср. выше стр. 44 прим. 2). 14 марта Оѳонъ покинулъ Римъ, чтобы двинуться въ походъ противъ Вителлія (Henzen Acta, p. XCIII и 115), 15 апрѣля онъ былъ разбитъ и убилъ себя (Schiller, Gesch. 1, 378, пр. 7), а 19 апрѣля сенатъ и народъ признали Вителлія (Henzen Acta, p. XCIV и 64).

[4]) Tac. Hist. 2, 79: initium ferendi ad Vespasianum imperii Alexandriae coeptum, festinante Tiberio Alexandro, qui kalendis Iuliis sacramento eius legiones adegit, isque primus principatus dies in posterum celebratus, quamvis Iudaeicus exercitus quinto nonas Iulias apud eum iurasset...

ріи безпомощность римскаго сената и народа, чтобы званіе ихъ легата могло имѣть какое-либо нравственное значеніе особенно среди привыкшаго къ единовластію востока, а впослѣдствіи Веспасіанъ естественно не могъ и не желалъ допустить мысль, что всѣ его дѣйствія до формальнаго признанія его императоромъ были незаконны [1]). Характерно, что до этого времени даже Вителлій не рѣшился считать дни своей власти иначе чѣмъ со дня его формальнаго утвержденія: очевидно, продолжительная гражданская война, естественно выдвигавшая на первый планъ реальныя потребности, сильно подрывала теоретическія права законныхъ представителей верховной власти. Какъ Вителлій самъ окружилъ своего сына всѣми почетными отличіями настоящаго принцепса и самъ даровалъ своей матери званіе Августы, такъ Веспасіанъ подчеркиваетъ независимость своей власти отъ благоволенія сената и народа.

Провозглашеніе Веспасіана, разумѣется, скоро стало извѣстнымъ въ Римѣ: уже послѣ смерти Гальбы здѣсь существовала, повидимому, группа лицъ, предвидѣвшихъ возможность его узурпаціи [2]). Мнѣніе о немъ не установилось: онъ никогда не стоялъ въ первыхъ рядахъ знати, да ни по своему происхожденію, ни по особымъ заслугамъ, ни, наконецъ, по своему

---

[1]) Впослѣдствіи сенатъ узаконилъ всѣ распоряженія Веспасіана, сдѣланныя до формальнаго признанія его сенатомъ и народомъ. Ср. lex de imp. Vesp. 30 сл.: utique quae ante hanc legem rogatam acta gesta decreta imperata ab imperatore Caesare Vespasiano Aug(usto) iussu mandatuve eius a quoque sunt, ea perinde iusta rata(que) sint, ac si populi plebisve iussu acta essent. Любопытно, что къ числу такихъ актовъ принадлежитъ и аллекція сенаторовъ; ср. Tac. Hist. 2, 82: multos praefecturis et procurationibus, plerosque senatorii ordinis honore percoluit и въ частности 3, 52: Plotium Griphum, nuper a Vespasiano in senatorium ordinem adscitum ac legioni praepositum.

[2]) Tac. Hist. 1, 50: erant qui Vespasianum et arma Orientis augurarentur, et ut potior utroque Vespasianus, ita bellum aliud atque alias clades horrebant.

характеру не имѣлъ права на особенно выдающееся мѣсто [1]). Въ отличіе отъ Гальбы, Оѳона и Вителлія его выдвинули не знатность и богатство, не таланты и близость къ Нерону и не высокое положеніе отца, а особо благопріятныя условія гражданской войны, отсутствіе иного выдающагося талантами и происхожденіемъ кандидата при мятежномъ настроеніи войскъ, готовыхъ остановить свой выборъ на первомъ, кто обратится къ нимъ, безпечность и бездѣтность Муціана [2]), наконецъ случайное начальство надъ значительнымъ войскомъ. Въ сенаторскихъ кругахъ, гдѣ придавалось такое огромное значеніе происхожденію, элегантной жизни и богатству, бережливый, не стѣснявшійся средствами, чтобы разбогатѣть, мало образованный и совсѣмъ не элегантный сынъ средней руки публикана [3]) скорѣе оставилъ неблагопріятное впечатлѣніе [4]): здѣсь помнили его безстыдную лесть Гаю [5]), его близость съ Нарциссомъ, либертомъ Клавдія [6]), его некрасивыя денежныя

---

[1]) Suet. Vesp. 4: ad hunc motum (scil. Iudaicum) comprimendum cum exercitu ampliore et non instrenuo duce, *cui tamen tuto tanta res committeretur*, opus esset, ipse potissimum delectus est, ut et industriae expertae *nec metuendus ullo modo ob humilitatem generis ac nominis*. До этого онъ еще при Клавдіи управлялъ Британніей, гдѣ рядомъ побѣдъ заслужилъ инсигніи тріумфатора и консулатъ, а затѣмъ былъ проконсуломъ Африки, гдѣ, повидимому, также оставилъ о себѣ хорошее воспоминаніе. Suet. ib.

[2]) Ср. Tac. Hist. 1, 10: et cui expeditius fuerit tradere imperium quam obtinere. 2, 76—77.

[3]) Suet. Vesp. 1: Sabinus, expers militiae... publicum quadragesimae in Asia egit; manebantque imagines a civitatibus ei positae hoc titulo: καλῶς τελωνήσαντι. Postea faenus apud Helvetios exercuit ibique diem obiit.

[4]) Tac. Hist. 1, 50: et ambigua de Vespasiano fama, solusque omnium ante se principum in melius mutatus est.

[5]) Suet. Vesp. 2: praetor infensum senatui Gaium ne quo non genere demereretur, ludos extraordinarios pro victoria eius Germanica depoposcit, poenaeque coniuratorum addendum censuit ut insepulti proicerentur. Egit et gratias ei apud amplissimum ordinem, quod se honore caenae dignatus esset.

[6]) Suet. Vesp. 4: Claudio principe Narcissi gratia legatus legionis in Germaniam missus est... Agrippinam timens... defuncti quoque Narcissi amicis perosam.

дѣла [1]): „онъ одинъ изъ всѣхъ бывшихъ до него принцепсовъ“, говоритъ Тацитъ, „измѣнился къ лучшему“, когда пріобрѣлъ власть [2]).

Но какъ бы ни относилось общество къ Веспасіану, одно было несомнѣнно, что онъ лично являлся болѣе значительной величиной чѣмъ Вителлій [3]), что онъ располагалъ большимъ войскомъ и что предстояла новая и еще болѣе грандіозная война за власть, чѣмъ двѣ предшествовавшія. Обѣ стороны не стѣснялись въ средствахъ, но чѣмъ дальше тѣмъ болѣе успѣхъ склонялся на сторону Веспасіана; Веспасіанъ и Муціанъ, „игравшій скорѣе роль соправителя, чѣмъ министра“ [4]), усиленно вербовали сторонниковъ, набирали солдатъ какъ изъ ветерановъ, такъ и изъ новобранцевъ [5]) и особенно всякими средствами заботились о собраніи возможно бо̀льшихъ денежныхъ средствъ: „ничего такъ не истощало провинцій какъ собираніе денегъ: говоря, что они являются нервами гражданской войны, Муціанъ на судѣ обращалъ вниманіе не на законъ или истину, а исключительно на величину богатствъ. Доносы принимались сплошь и рядомъ и всѣ богатѣйшіе люди обращались въ добычу“ [6]). Въ то же время эмиссары Веспасіана объѣзжали провинціи [7]): въ самомъ Римѣ его братъ Сабинъ, вторично занимавшій должность городского префекта, являлся представителемъ его интересовъ [8]). Но особенно важно

---

[1]) Suet ib.: convictus quoque dicitur ducenta sestertia expressisse iuveni, cui latum clavum adversus patris voluntatem impetrarat, eoque nomine graviter increpitus.

[2]) См. выше стр. 62 пр. 4.

[3]) См. выше стр. 61 прим. 2.

[4]) Tac. Hist. 2, 82: socium magis imperii quam ministrum agens.

[5]) Tac. Hist. 2, 82.

[6]) Tac. Hist. 2, 84.

[7]) Tac. Hist. 2, 98.

[8]) Tac. Hist. 2, 99: credidere plerique Flavii Sabini consiliis concussam Caecinae mentem, ministro sermonum Rubrio Gallo: rata apud Vespasianum fore pacta transactionis. Цецина впослѣдствіи дѣйствительно измѣнилъ Ви-

было то, что иллирійскіе и паннонскіе легіоны присоединились къ нему [1]) и подъ энергичнымъ начальствомъ легата седьмого легіона Антонія Прима, захватившаго общее начальство, двинулись на Италію [2]), раньше чѣмъ Вителлій могъ серьезно позаботиться объ увеличеніи своего войска и о возстановленіи въ немъ дисциплины [3]).

Вопреки желанію осторожнаго Веспасіана война особенно благодаря Антонію велась съ крайнимъ ожесточеніемъ и напряженіемъ силъ [4]). Богатая долина рѣки По [5]) въ теченіе одного года вторично подверглась всѣмъ ужасамъ гражданской войны: здѣсь произошла рѣшительная битва [6]), здѣсь побѣдоносныя войска удовлетворили свою жажду добычи разграбленіемъ и разореніемъ Кремоны, въ которую по случаю ярмарки собрались купцы изо всей Италіи [7]). Измѣна двухъ

теллію Hist. 3, 13—14. Сабинъ былъ городскимъ префектомъ при Неронѣ и сталъ имъ снова 15 января 69 года.

[1]) Tac. Hist. 2, 85—86.

[2]) Tac. Hist. 3, 1—4. Будучи уже преторомъ, онъ при Неронѣ за подлогъ былъ исключенъ изъ сената, но снова принятъ въ него Гальбой. 14, 40. Hist. 2, 86: labantibus Vitellii rebus Vespasianum secutus grande momentum addidit, strenuus manu, sermone promptus... pace pessimus, bello non spernendus. Захватъ начальства 3, 11.

[3]) Намѣстники запада намѣренно по возможности воздерживались отъ вмѣшательства въ борьбу, Tac. Hist. 2, 97—98. О состояніи его войска см. ib. 2, 99: longe alia proficiscentis ex urbe Germanici exercitus species: non vigor corporibus, non ardor animis, lentum et rarum agmen, fluxa arma, segnes equi... quantumque hebes ad sustinendum laborem miles, tanto ad discordias promptior.

[4]) Веспасіанъ полагалъ, quando Aegyptus, claustra annonae, vectigalia opulentissimarum provinciarum obtinerentur, posse Vitellii exercitum egestate stipendiique frumentique ad deditionem subigi. Tac. Hist. 3, 8. Самъ онъ по рѣшенію военнаго совѣта остался въ Александріи (ср. Hist. 2, 82. Suet. Vesp. 7: claustra Aegypti), тогда какъ Муціанъ долженъ былъ встать во главѣ наступающаго войска, Hist. 2, 82. Но Антоній его предупредилъ. Hist. 3, 8—9.

[5]) Tac. Hist, 2, 17: Florentissimum Italiae latus, quantum inter Padum Alpesque camporum et urbium...

[6]) Недалеко отъ Кремоны: Hist. 3, 15—25.

[7]) Tac. Hist. 3, 30: magna pars Italiae stato in eosdem dies mercatu congregata, quod defensoribus auxilium ob multitudinem, obpugnantibus inci-

флотовъ—Равеннскаго до, Мизенскаго послѣ битвы [1])—окончательно погубила дѣло Вителлія: при такихъ условіяхъ его послѣднія войска, занявшія аппеннинскіе проходы, не могли долго продержаться [2]), тѣмъ болѣе, что Веспасіанъ уже готовился захватить провинцію Африку и окончательно прекратить подвозъ хлѣба въ Римъ [3]). Западныя провинціи перешли на сторону побѣдителя [4]) и въ самомъ Римѣ увѣренность въ побѣдѣ Веспасіана была настолько сильна, что какъ Вителлій, такъ и сенаторы во время процесса измѣнника Цецины воздерживались отъ всякой брани по его адресу [5]): Цецина, находившійся въ это время внѣ всякой опасности, независимо отъ другихъ наказаній былъ лишенъ консулата и на оставшійся одинъ день его консулата (31 октября) это званіе было дано Розію Регулу. „Знающіе дѣло отмѣчали, что никогда до этого времени ни одинъ магистратъ не былъ замѣненъ другимъ безъ формальнаго низложенія и особаго закона“ [6]). Такимъ образомъ, новый обломокъ старины погибъ въ бурное время гражданской войны.

Когда въ сущности всѣ надежды на благополучный исходъ борьбы уже исчезли, Вителлій сдѣлалъ еще послѣднюю судорожную попытку возобновить борьбу. Въ самомъ Римѣ про-

---

tamentum ob praedam erat. Ib. 3, 33—34: inritamque praedam militibus effecerat consensus Italiae, emptionem talium mancipiorum aspernantis: occidi coepere; quod ubi enotuit, a propinquis adfinibusque occulte redemptabantur.

[1]) Tac. Hist. 3, 12, 57.

[2]) Tac. Hist. 3, 50. Dio 65, 16, 2.

[3]) Tac. Hist. 3, 48.

[4]) Tac. Hist. 3, 44 ср. 3, 53: Gallias Hispaniaspue, validissimam terrarum partem. Ib. 2, 6: namque olim validissima inter se civium arma in Italia Galliave viribus Occidentis coepta; et Pompeio, Cassio, Bruto, Antonio, quos omnes trans mare secutum est civile bellum, haud prosperi exitus fuerant...

[5]) Tac. Hist. 3, 37: mox senatum composita in magnificentiam oratione adlocutus, exquisitis patrum adulationibus attollitur... nulla in oratione cuiusquam erga Flavianos duces obtrectatio...

[6]) Ib.: numquam antea non abrogato magistratu neque lege lata alium subfectum...

изводился наборъ, сенаторы должны были выставлять опредѣленное число рабовъ и вносить извѣстное количество серебра, всадники и либерты предлагали деньги „и многіе сожалѣли не столько о Вителліи, сколько объ упадкѣ и положеніи принципата“: [1]) повидимому, среди значительной части населенія произошелъ поворотъ въ пользу Вителлія и, можно думать, что жестокости веспасіановыхъ войскъ, особенно въ Кремонѣ, возмутившія всю Италію [2]), были одной изъ причинъ такого настроенія, меньше всего отразившагося на сенатѣ. Но такой поворотъ не могъ быть продолжителенъ: столичное населеніе, отвыкшее не только отъ войны, но вообще отъ всякихъ серьезныхъ общественныхъ дѣлъ могло временно поддаться нервному возбужденію, но провести серьезное дѣло уже давно не было въ состояніи [3]). Вдобавокъ со всѣхъ сторонъ поднималась измѣна: сначала перебѣгали трибуны и центуріоны [4]), затѣмъ почти все войско сдалось на капитуляцію, убѣдившись, что Фабій Валентъ, главный полководецъ Вителлія, былъ убитъ врагомъ [5]).

При такихъ условіяхъ оставалось только умереть или сдаться и Вителлій рѣшился на послѣднее. Самимъ побѣдителямъ естественно не хотѣлось брать вѣчный городъ силой: одинъ за другимъ Антоній Примъ, Муціанъ и Флавій Сабинъ предлагали ему сдаться и обѣщали ему жизнь, средства и

---

[1]) Tac. Hist. 3, 58: hortantibus libertis (nam amicorum eius quanto quis clarior, minus fidus) vocari tribus iubet, dantes nomina sacramento adigit. *superfluente multitudine* curam dilectus in consules partitur; servorum numerum et pondus argenti senatoribus indicit. equites Romani *obtulere* operam pecuniasque, etiam libertinis idem munus *ultro flagitantibus*. ea simulatio offici a metu profecta verterat in favorem; ac plerique haud perinde Vitellium quam casum locumque principatus miserabantur.

[2]) Ср. выше стр. 64 пр. 7.

[3]) Tac. Hist. 3, 58 въ концѣ.

[4]) Tac. Hist. 3, 61.

[5]) Tac. Hist. 3, 62—63. Капитуляція состоялась 17 декабря 69 года: Tac. Hist. 3, 67.

имѣнія въ Кампаніи [1]). Какъ братъ Веспасіана, Сабинъ заслуживалъ особое довѣріе и въ присутствіи историка Клувія Руфа и поэта Силія Италика между нимъ и Вителліемъ былъ заключенъ договоръ [2]). Но всѣ старанія устранить ненужное кровопролитіе разбились объ упрямство трехъ преторіанскихъ когортъ, еще находившихся въ Римѣ. Когда Вителлій, узнавъ о капитуляціи своего войска, 17 декабря 69 года въ траурной одеждѣ покинулъ палатинъ и предъ глазами римлянъ разыгралось невиданное зрѣлище отреченія принцепса отъ власти [3]), а городскія когорты и полицейскій отрядъ стражниковъ, по предложенію Сабина, съ сенаторами и всадниками окружили домъ городского префекта [4]), преторіанцы ворвались въ центръ города, принудили Сабина бѣжать на Капитолій и послѣ неудачныхъ переговоровъ съ нимъ зажгли и взяли штурмомъ Капитолій и убили Сабина [5]). Самъ Вителлій при этомъ былъ не причемъ: „не имѣя власти ни приказывать, ни запрещать, онъ уже не былъ императоромъ, а лишь причиной войны“ [6]), хотя формально и сохранилъ зва-

[1]) Tac. Hist. 3, 63—64. Тацитъ, разумѣется, глубоко презираетъ отношеніе Вителлія къ этому вопросу. Ib. 3, 63: tanta torpedo invaserat animum, ut, si principem eum fuisse ceteri non meminissent, ipse obliviscereturi.

[2]) Ib. 3, 65.

[3]) Tac. Hist. 3, 68: nec quisquam adeo rerum humanarum inmemor, quem non commoveret illa facies, Romanum principem et generis humani paulo ante dominum relicta fortunae suae sede per populum, per urbem exire de imperio. nihil tale viderant, nihil audierant... postremo fletu praepediente *adsistenti consuli* (*Caecilius Simplex erat*) *exsolutum a latere pugionem, velut ius necis vitaeque civium, reddebat. aspernante consule*, reclamantibus qui in contione adstiterant, ut in aede Concordiae posituras *insignia imperii* domumque fratris petiturus discessit. Тѣмъ не менѣе онъ вернулся въ palatium. Очень характеренъ для положенія, которое принцепсъ занимаетъ и въ глазахъ Тацита, тонъ его разсказа.

[4]) Tac. Hist, 3, 69: primores senatus et plerique equestris ordinis.

[5]) Tac. Hist. 3, 69—74. Домиціану удалось бѣжать. Характерны разсужденія Тацита по поводу гибели Капитолія (3, 72): это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно ясно высказываются его республиканскія симпатіи. См. ниже глава V.

[6]) Tac. Hist. 3, 70.

ніе императора. Пожаръ Капитолія, вызванный сторонниками Вителлія между тѣмъ развязалъ руки его врагамъ [1]): Антоній послѣ этого двинулся на Римъ и послѣ ожесточенной борьбы городъ былъ взятъ, при чемъ пало будто бы около 50.000 человѣкъ, въ томъ числѣ и Вителлій [2]). „Народъ присутствовалъ при битвѣ (на улицахъ Рима) какъ зритель и точно во время зрѣлищъ поддерживалъ то тѣхъ, то другихъ криками и аплодисментами. Когда та или иная сторона поддавалась, толпа требовала, чтобы ихъ извлекли изъ лавокъ или домовъ, куда они спрятались, и убили, при чемъ она захватывала бо́льшую часть добычи: такъ какъ солдаты были заняты кровопролитіемъ и рѣзней, добыча оставалась черни. Весь городъ имѣлъ звѣрскій и недостойный видъ: тутъ происходили сраженія и наносились раны, тамъ наслаждались въ баняхъ и на обѣдахъ; рядомъ были видны кровь и груда тѣлъ и тутъ же веселыя женщины и имъ подобное; невѣроятно, сколько развращенности было въ распутныхъ удовольствіяхъ, сколько совершалось преступленій во время жесточайшаго плѣна. Право, можно было подумать, что одинъ и тотъ же городъ и безумствуетъ жестоко и распутничаетъ“ [3]).

---

[1]) Сенатъ сдѣлалъ попытку особымъ посольствомъ добиться примиренія. Среди пословъ былъ преторъ Аруленъ Рустикъ, одинъ изъ вождей оппозиціи временъ Домиціана: его чуть не убили Hist. 3, 80. Ср. 3, 81: miscuerat se legatis Musonius Rufus, equestris ordinis studium philosophiae et placita Stoicorum aemulatus. Его донъ-кихотскія рѣчи о благахъ мира вызвали только насмѣшки.

[2]) Tac. Hist. 3, 82—86. Dio 65, 19, 3.

[3]) Tac. Hist. 3, 83: prorsus et eandem civitatem et furere crederes et lascivire. О Вителліи см. послѣдній отзывъ 3, 86: consulatum, sacerdotia, nomen locumque inter primores nulla sua industria, sed cuncta patris claritudine adeptus. principatum ei detulere qui ipsum non noverant: studia exercitus raro cuiquam bonis artibus quaesita perinde adfuere quam huic per ignaviam... rei publicae haud dubie intererat Vitellium vinci... Онъ былъ убитъ 23 декабря 69 года.

ГЛАВА II.

Эпоха Флавіевъ.

§ 1.

Общій характеръ управленія Флавіевъ. Веспасіанъ и Титъ.

Взятіе Рима закончило полутора-годовую гражданскую войну, во время которой всѣ провинціи имперіи, такъ или иначе, снова научились цѣнить блага внутренняго мира. Больше всего пострадали Галлія и особенно Италія: въ исторіи соціальной и экономической жизни послѣдней отсутствіе болѣе точныхъ данныхъ о послѣдствіяхъ событій 68 и 69 года представляетъ ничѣмъ не заполнимый пробѣлъ. Обѣднѣвшіе арендаторы Плинія младшаго [1]), вѣроятно, сумѣли бы намъ разсказать, какъ хозяйство ихъ отцовъ или ихъ самихъ было погублено грабежами и сборомъ продовольствій для огромныхъ войскъ, которыя впервые послѣ мутинской и перузинской войны дрались въ такомъ количествѣ и съ такимъ ожесточеніемъ другъ съ другомъ среди цвѣтущихъ транспаданскихъ полей [2]). Наши аристократическіе или примыкающіе къ аристократіи источники молчатъ объ этомъ и никакія надписи не приходятъ намъ на помощь. О бѣдствіяхъ, перенесенныхъ остальными провинціями, мы также можемъ лишь догадываться: особенно въ Галліи, гдѣ движеніе среди провинціаловъ пустило такіе глубокіе корни и гдѣ даже послѣ взятія Рима не сразу наступило успокоеніе [3]), мы имѣемъ право предположить значительное ухудшеніе соціальныхъ условій, но какъ и въ чемъ оно непосредственно выразилось, мы не знаемъ.

---

[1]) Ср. Plin. ep. 2, 4, 3; 3, 18, 6—7; 7, 30, 3; 8, 2; 9, 37.

[2]) Ср. выше стр. 64 прим. 5.

[3]) „Галльская имперія“ Сабина и его сподвижниковъ и германское государство батава Цивилиса были уничтожены только въ 70 и слѣдующихъ годахъ. Schiller, Gesch. 1, 505 прим. 5.

Несомнѣно лишь одно: масса имперскаго населенія снова, какъ сто лѣтъ тому назадъ послѣ битвы при Акціумѣ, почувствовала глубокое утомленіе и жаждала спокойной жизни подъ твердымъ управленіемъ сильнаго властителя. Годъ трехъ императоровъ показался ему безконечно долгимъ [1]) и несмотря на тяжкіе поборы Веспасіана оно, вѣроятно, не столько боялось новаго принцепса, сколько возможности новыхъ узурпацій. Первое обаяніе принципата прошло: низложеніе и насильственная смерть четырехъ императоровъ въ полтора года раскрыли глаза не одному сенату, а всему населенію. Выяснилась страшная опасность военныхъ возстаній: „нѣтъ въ государствѣ ничего болѣе ужаснаго, чѣмъ военная сила, управляемая исключительно грубыми и безсмысленными инстинктами“, говоритъ Плутархъ, пережившій въ молодости всѣ эти событія [2]). Новаго принцепса въ сущности совсѣмъ не знали, а жестокая энергія Антонія Прима и распущенность Муціана вмѣстѣ съ гибелью Кремоны и тяжелыми поборами предвѣщали, казалось, мало добраго, тѣмъ болѣе что Муціанъ, повидимому, заслонялъ личность императора и предполагалъ играть первую роль и послѣ паденія Вителлія [3]). Едва ли кто-либо придавалъ значеніе тому, что Антоній распорядился возстановить статуи Гальбы: самъ Гальба выигрывалъ только по сравненію съ Оѳономъ и особенно съ Вителліемъ, но при

---

[1]) Tac. dial. 17: longum annum et unum; Hist. 1, 11: annum sibi ultimum, rei publicae prope supremum.

[2]) Plut. Galba 1: ἄλλα τε πάθη πολλὰ καὶ τὰ Ῥωμαίοις συμπεσόντα μετὰ τὴν Νέρωνος τελευτὴν ἔχει μαρτύρια καὶ παραδείγματα τοῦ μηδὲν εἶναι φοβερώτερον ἀπαιδεύτοις χρωμένης καὶ ἀλόγοις ὁρμαῖς ἐν ἡγεμονίᾳ στρατιωτικῆς δυνάμεως... τὴν δὲ Ῥωμαίων ἡγεμονίαν ὅμοια τοῖς λεγομένοις Τιτανικοῖς πάθεσι καὶ κινήμασι κατελάμβανεν, εἰς πολλὰ διασπωμένην ἅμα καὶ πολλαχόθεν αὖθις ἑαυτῇ συμπίπτουσαν, οὐχ σῶτως ὑπὸ φιλαρχίας τῶν ἀναγορευομένων αὐτοκρατόρων, ὡς φιλοπλουτίας καὶ ἀκολασίας τοῦ στρατιωτικοῦ δι' ἀλλήλων ὥσπερ ἥλους τοὺς ἡγεμόνας ἐκκρούοντος.

[3]) Dio 65, 8, 4: καὶ ὁ Μουκιανὸς ἰσχυρῶς προσέκειτο, ἐλπίσας τὸ μὲν ὄνομα τῆς ἀρχῆς ἐκεῖνον ἕξειν, αὐτὸς δὲ διὰ τὴν ἐπιείκειαν αὐτοῦ ἰσομοιρήσειν. Ср. Tac. Hist. 4, 4: in manu sua fuisse imperium donatumque Vespasiano iactabat.

жизни былъ достаточно непопуляренъ и отнюдь не можетъ быть признанъ конституціоннымъ принцепсомъ, какъ его понималъ и желалъ сенатъ [1]).

Настроеніе сената было особенно своеобразно. Послѣднія событія отодвинули его совершенно на задній планъ. Краткое увлеченіе „возрождающейся свободой“, вызванное первыми заявленіями Гальбы и Вергинія Руфа, вдвойнѣ неожиданными послѣ жестокаго деспотизма послѣднихъ лѣтъ Нерона, среди массы общества скоро прошло: властный тонъ старика Гальбы и всемогущество его приближенныхъ разрушили всякія иллюзіи насчетъ его принципата, а воспоминанія о прошломъ Оѳона и страхъ предъ германскимъ войскомъ не давали сенату возможности довѣриться либерализму его преемника; деспотическія выходки Вителлія еще болѣе подчеркнули безсиліе сената и народа, а сожженіе Капитолія и уличный бой доказали, что фактически безусловно властвуетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ войско. Присутствіе нѣкогда исключеннаго изъ сената за подлогъ Антонія и близость Муціана [2]) раздражающимъ образомъ напоминали о всемогуществѣ не только принцепса, но и его

---

[1]) Tac. Hist. 3, 7: Galbae imagines discordia temporum subversas in omnibus municipiis recoli iussit Antonius decorum pro causa ratus, si placere Galbae principatus et partes revirescere viderentur. Herzog, Gesch. und Syst. 2, 282 пр. 1 усматриваетъ въ этомъ доказательство въ пользу конституціоннаго направленія принципата Гальбы. Факты его управленія не подтверждаютъ такого заключенія. Если память Гальбы пользовалась въ Италіи нѣкоторымъ уваженіемъ, то это легко объясняется тѣмъ, что онъ смѣнилъ Нерона и былъ замѣненъ Оѳономъ и Вителліемъ, а также впечатлѣніемъ, которое должно было произвести его рѣшеніе предоставить сенату и народу избраніе преемника Нерона. Чѣмъ по всему вѣроятію объясняется это заявленіе, мы ужъ видѣли выше стр. 32. Обыкновенно его значеніе сильно преувеличивается, въ томъ числѣ особенно Моммзеномъ, ср. Tac. Hist. 1, 4: sed patres laeti usurpata statim libertate *licentius ut erga principem novum et absentem.* Впослѣдствіи это измѣнилось, см. выше стр. 39—42.

[2]) Tac. Hist. 4, 4: miserat et Mucianus epistulas ad senatum, quae materiam sermonibus praebuere. si privatus esset, cur publice loqueretur? potuisse eadem paucos post dies loco sententiae dici.

приближенныхъ, а поведеніе Домиціана [1]) и слухи объ образѣ жизни Тита [2]) не предвѣщали ничего добраго и для будущаго времени. Большинство сената, разумѣется, и при такихъ условіяхъ отличалось полной покорностью и было готово окружить новаго принцепса такой же лестью, какъ раньше Нерона или Вителлія. Зато среди вернувшихся при Гальбѣ изъ ссылки появился рядъ лицъ, готовыхъ оказать власти болѣе упорную оппозицію чѣмъ какую до сихъ поръ встрѣчалъ любой изъ предшественниковъ Веспасіана.

Сама по себѣ эта небольшая кучка людей, вдобавокъ не всегда согласныхъ другъ съ другомъ, разумѣется не представлялась опасной. Но ихъ нравственная энергія и вліяніе на молодежь придавали имъ значеніе, а вдобавокъ и среди массы сенаторовъ часть несомнѣнно втайнѣ сочувствовала имъ и придавала рѣчамъ и поступкамъ наиболѣе энергичнаго изъ нихъ Гельвидія, которые безъ этого оставались бы лишь безвредными и безполезными выходками отдѣльнаго лица, политическое значеніе. Скрытая оппозиція части римскаго общества впервые нашла безстрашнаго представителя и въ теченіе почти тридцати лѣтъ Флавіи ведутъ съ нею все болѣе ожесточенную и нервную борьбу. Примѣръ Гельвидія, Димитрія и другихъ находитъ подражателей и послѣ ихъ смерти младшій Гельвидій и Геренній Сенеціонъ продолжаютъ играть ихъ роль.

Во всякомъ случаѣ ясно, что Веспасіана на каждомъ шагу ожидали огромныя затрудненія. Государственная казна была пуста [3]), провинціи опустошены или разграблены, войско было

[1]) Tac. Hist. 4, 2: nondum ad curas intentus, sed stupris et adulteriis filium principis agebat.

[2]) Tac. Hist. 2, 2: laetam voluptatibus adulescentiam egit, suo quam patris imperio moderatior. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе произвела его связь съ еврейской царицей Веренникой, ib. Ср. Hist. 5, 1. 11: ipsi Tito Roma et opes voluptatesque ante oculos.

[3]) Ср. Suet. Vesp. 16: Sunt contra qui opinentur, ad manubias et rapinas necessitate compulsum summa aerarii fiscique inopia; de qua testificatus sit initio statim principatus, professus quadringenties millies opus esse, ut res

до послѣдней степени распущено, въ сенатѣ подымала голову оппозиція и вдобавокъ, нужно было считаться съ властолюбіемъ Муціана и Антонія Прима: даже Домиціанъ, говорятъ, лелѣялъ честолюбивыя мечты на счетъ отца и старшаго брата [1]). Нужно было много выдержки, ловкости и административнаго таланта, чтобы устранить всѣ эти камни преткновенія и снова поднять авторитетъ принцепса на должную высоту.

Характеръ нашихъ источниковъ не позволяетъ намъ точнѣе прослѣдить, какими путями Веспасіанъ справился съ своей задачей; вдобавокъ, изложеніе Тацита обрывается на первомъ же году новаго принципата, Діонъ дошелъ до насъ только въ плохихъ византійскихъ компиляціяхъ и даже анекдотическій разсказъ Светонія становится особенно кратокъ для принципатовъ Веспасіана и Тита. При такихъ условіяхъ только и возможно бѣгло набросать очертанія той замѣчательной реорганизаціи государства, которой Римъ былъ обязанъ Флавіямъ и въ частности Веспасіану [2]).

Преобладающей чертой новаго принцепса была спокойная разсчетливость и сухая трезвость ума. Послѣ блестящей серіи высокоодаренныхъ Юліевъ и Клавдіевъ съ ихъ склонностью къ роскоши и блеску, съ ихъ безумно повышеннымъ представленіемъ о власти принцепса, послѣ распущеннаго

---

publica stare posset. Я считаю излишнимъ прибавить новую догадку къ многимъ старымъ относительно величины указанной суммы.

[1]) Tac. Hist. 4, 86: unde *creditur* Domitianus occultis ad Cerialem nuntiis fidem eius temptavisse, an praesenti sibi exercitum imperiumque traditurus foret. qua cogitatione bellum adversus patrem agitaverit an opes viresque adversus fratrem, in incerto fuit: nam Cerialis salubri temperamento elusit ut vana pueriliter cupientem. Очевидно это просто слухи, вѣроятно вызванные честолюбіемъ Домиціана и незначительностью его вліянія во время принципатовъ Веспасіана и Тита.

[2]) Suet. Vesp. 1: rebellione trium principum et caede incertum diu et quasi vagum imperium suscepit firmavitque tandem gens Flavia, obscura illa quidem ac sine ullis maiorum imaginibus, sed tamen rei publicae nequaquam paenitenda; constet licet, Domitianum cupiditatis ac saevitiae merito poenas luisse. Ср. ib. 5 характерное vaticinium post eventum.

Оѳона и Вителлія, первое мѣсто въ имперіи перешло къ бережливому потомку скромныхъ италіанскихъ муниципаловъ.

Титъ Флавій Веспасіанъ родился еще въ послѣдніе годы Августа (17 ноября 9 года) [1]) и по желанію матери, противъ собственной воли, покинулъ всадническое сословіе своего отца, чтобы поступить въ сенатъ, куда ему открылъ доступъ Тиберій, допустивъ его къ квестурѣ [2]). Пробывъ квесторомъ Крита и Кирены, онъ уже при Гаѣ сдѣлался эдиломъ, а затѣмъ и преторомъ и въ числѣ другихъ подвергался его глумленію и унижался передъ нимъ: аристократическая оппозиція припоминала, какъ онъ, уже будучи преторомъ, предложилъ усилить наказаніе за оскорбленіе величества запрещеніемъ хоронить признанныхъ виновными и казненныхъ за это преступленіе и какъ онъ торжественно передъ сенатомъ принесъ Гаю благодарность за то, что получилъ приглашеніе къ императорскому столу [3]). Ясно, что этотъ человѣкъ отнюдь не предвидѣлъ своей блестящей будущности и прекрасно сознавалъ свое ничтожество не только передъ принцепсомъ, но и передъ „первѣйшими“, знатными и богатыми сенаторами. Согласно съ этимъ онъ выбралъ себѣ и жену, бывшую любовницу римскаго всадника Статилія Капеллы, право которой на римское гражданство ея отцу, квесторскому писцу, пришлось доказывать судомъ [4]): да и послѣ ея смерти, ея мѣсто, если и не

---

[1]) Suet. Vesp. 2.

[2]) При Гаѣ онъ былъ уже эдиломъ (Suet. Vesp. 5) и преторомъ (ib. 2), а слѣдовательно долженъ былъ быть квесторомъ при Тиберіи, такъ какъ въ эпоху имперіи между каждой магистратурой по закону полагался годъ интервалла (ср. Mommsen R. St. 1, 535), а принципатъ Гая длился всего 3 года 10 мѣсяцевъ и 8 дней (Suet. Cal. 58).

[3]) Suet. Vesp. 2, 5. Ср. выше стр. 62 прим. 5.

[4]) Ib. 3. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей Тита и Домиціана и дочь Домитиллу. Она умерла уже послѣ его консулата (ср. Suet. Dom. 1: Домиціанъ родился, когда Веспасіанъ былъ деспгнированнымъ консуломъ, 30 декабря 51 года).

по закону, то фактически заняла простая, хотя и довѣренная вольноотпущенница вдовы старшаго Друза, Антоніи, Кенида, тѣмъ не менѣе, къ неудовольствію Домиціана, игравшая не малую роль во время его принципата [1]).

Благоволеніе всемогущаго Нарцисса доставило ему, какъ мы видѣли, британское намѣстничество, а рядъ побѣдъ, одержанныхъ надъ бриттами, былъ награжденъ тріумфальными инсигніями [2]). Получивъ въ 51 году консулатъ, онъ затѣмъ былъ проконсуломъ Африки, т.-е. занялъ одно изъ высшихъ мѣстъ среди намѣстниковъ сенаторскихъ провинцій [3]), но и послѣ этого, уже по недостатку средствъ, игралъ очень скромную роль [4]), тѣмъ болѣе, что боялся вражды Агриппины за близость съ Нарциссомъ [5]). Назначеніе его главнокомандующимъ четырехъ, а потомъ трехъ легіоновъ, высланныхъ для подавленія еврейскаго возстанія, объяснялось именно этой скромностью его положенія, не допускавшей и мысли, чтобы онъ могъ воспользоваться ввѣреннымъ ему войскомъ для узурпаціи [6]).

Выдвинутый событіями 69 года на первый планъ, онъ самъ сдѣлалъ меньше всего для того, чтобы пріобрѣсти прин-

---

[1]) Suet. Vesp. 3; Post uxoris excessum Caenidem, Antoniae libertam et a manu, dilectam quondam sibi revocavit in contubernium habuitque etiam imperator paene iustae uxoris loco. Dio 66, 14, 3: καὶ ὁ Οὐεσπασιανὸς αὐτῇ ὑπερέχαιρε, πλεῖστόν τε διὰ τοῦτο ἴσχυσε, καὶ πλοῦτον ἀμύθητον ἤθροισεν, ὥστε καὶ νομισθῆναι ὅτι δι' αὐτῆς ἐκεῖνος ἐχρημάτιζετο. πάμπολλα γὰρ παρὰ πολλῶν ἐλάμβανε, τοῖς μὲν ἀρχὰς, τοῖς δὲ ἐπιτροπείας, στρατείας, ἱερωσύνας, ἤδη δέ τισι καὶ ἀποφάσεις αὐτοῦ πιπράσκουσα. Suét. Dom. 12: Caenidi patris concubinae, ex Histria reversae osculumque ut assuerat offerenti, manum praebuit...

[2]) См. выше стр. 62 прим. 1.

[3]) Suet. Vesp. 4: exim sortitus Africam, integerrime nec sine magna dignatione administravit. Rediit certe nihilo opulentior.

[4]) Suet. Vesp. 4. Tac. Hist. 3, 75: quod inter omnis constiterit, ante principatum Vespasiani decus domus penes Sabinum erat.

[5]) Suet. Vesp. ib.

[6]) Suet. Vesp. 4 i. f. Одинъ изъ его легіоновъ въ послѣднія времена Нерона былъ переведенъ на мизійскую границу: Suet. Vesp. 6.

ципатъ. Быть можетъ не безъ умысла, онъ предоставилъ веденіе гражданской войны Муціану [1]), а затѣмъ и Антонію Приму: только когда все было окончено, онъ выѣхалъ изъ Александріи въ Римъ. Вся отвѣтственность за неизбѣжныя жестокости войны пала такимъ образомъ на его уполномоченныхъ [2]) и особенно на Антонія, котораго Муціанъ, разъ прибывъ въ Римъ, безъ особеннаго труда устранилъ отъ дѣлъ [3]). Властолюбіе самого Муціана, правда, представляло значительное неудобство, но до открытаго разрыва дѣло не могло дойти [4]), какъ потому, что Муціанъ по особенностямъ своего характера не былъ способенъ серіозно заняться всѣми мелочами текущихъ дѣлъ управленія, такъ и потому, что разъ отказавшись отъ принципата онъ, повидимому, въ общемъ довольствовался положеніемъ Мецената и Агриппы при Августѣ [5]). Награжденный двумя новыми консулатами (первый консулатъ его относится

[1]) Dio 66, 2, 4: ὁ Μουκιανὸς τὰ τοῦ κράτους πάντα μετὰ τοῦ Δομιτιανοῦ διῴκει, μέγα γάρ τι, ὡς καὶ αὐτὸς τὴν ἡγεμονίαν τῷ Οὐεσπασιανῷ δεδωκώς, ἠγάλλετο διά τε τἆλλα καὶ ὅτι ἀδελφὸς ὑπ' αὐτοῦ ὠνομάζετο, καὶ ὅτι ἐξουσίαν εἶχε πάνθ' ὅσα ἐβούλετο καὶ ἄνευ τῆς αὐτοῦ προστάξεως διοικεῖν καὶ γράφειν, τὸ ὄνομα αὐτοῦ μόνον ἐπιγραφόμενος. καὶ διὰ τοῦτό γε καὶ δακτύλιον περιφθέντα οἱ ἐφόρει, ἵνα τὸ αὐτοκρατορικὸν σφράγισμα τὰ σημαινόμενα λαμβάνῃ. Его положеніе соотвѣтствовало такимъ образомъ тому, которое послѣ 31 года занимали Меценатъ и Агриппа ср. томъ I стр. 85 и 277 пр. 1.

[2]) Dio 66, 2, 5: ὁ δὲ Μουκιανὸς καὶ χρήματα ἀμύθητα πανταχόθεν, ὅθεν ἐνεδέχετο, ἐς τὸ δημόσιον ἤθροιζεν ἑτοιμότατα, τὴν ἐπ' αὐτῷ ἐπηγορίαν ἐς ἑαυτὸν ἀντὶ τοῦ Οὐεσπασιανοῦ ἀναδεχόμενος.

[3]) Ср. Tac. Hist. 4, 3. 11.

[4]) Suet. Vesp. 13: Licinium Mucianum, notae impudicitiae, sed meritorum fiducia minus sui reverentem, numquam nisi clam et hactenus retaxare sustinuit, ut apud communem aliquem amicum querens adderet clausulam: ego tamen vir sum.

[5]) Часть его времени уходила, между прочимъ, на литературную дѣятельность. Его географическими произведеніями неоднократно пользуется Плиній старшій въ его naturalis historia, ср., напр., 3, 59. 4, 66. 67. 77. 5, 50. 83. 132. Кромѣ этого, онъ издалъ собраніе актовъ и рѣчей: Tac. dial. 37: nescio an venerint in manus vestras haec vetera, quae et in antiquariorum bibliothecis adhuc manent et cum maxime a Muciano contrahuntur ac iam undecim, ut opinor, Actorum libris et tribus Epistularum composita et edita sunt. Эти acta, вѣроятно, содержали кромѣ рѣчей (у Тацита дальше упо-

ко времени Нерона)[1]), онъ умеръ только около октября 77 года, сохранивъ свое вліятельное положеніе до смерти[2]).

Со времени возвращенія Тита изъ Палестины, гдѣ ему 9 сентября 70 года удалось взять и разрушить Іерусалимъ, первое мѣсто послѣ Веспасіана, безспорно, перешло отъ Муціана къ презумптивному наслѣднику власти. Въ высшей степени характерно, какъ для условій времени, такъ и для первоначальнаго отношенія общества къ Титу, то обстоятельство, что въ Римѣ говорили о возможности возстанія его противъ отца[3]). Прекрасныя отношенія между отцомъ и сыномъ скоро доказали неосновательность этихъ слуховъ: Веспасіанъ поручилъ сыну не только заботу о составленіи рескриптовъ, указовъ и оффиціальныхъ посланій сенату, но назначилъ его также преторіанскимъ префектомъ, даровалъ ему трибунскую власть и вмѣстѣ съ нимъ былъ ценсоромъ и семь разъ консуломъ[4]). Не даромъ, такимъ образомъ, Светоній называетъ его „соправителемъ и хранителемъ имперіи“[5]).

Со временъ основателя принципата, кромѣ развѣ Тиберія, никогда ни одно лицо не было облечено такой громадной властью какъ Титъ и едва ли можно признать этотъ фактъ случайнымъ. „Веспасіану, какъ неожиданному и еще новому

минаются, напр., рѣчи Помпея и Красса) и оффиціальные документы. Ср. H. Peter, die geschichtliche Literatur ueber die römische Kaiserzeit 1, 253.

[1]) Второй его консулатъ относится къ 70 (Plin. h. n. 35, 164), третій къ 72 году (C. J. L. 1^2, стр. 59, 6, 2016; acta fr. Arv. 6, 2053). Годъ его перваго консулата неизвѣстенъ. Prosop. 2, 280, 147.

[2]) Ср. Plin. n. h. 32, 62.

[3]) Ср. Suet. Tit. 5: unde nata est suspicio quasi desciscere a patre Orientisque regnum sibi vindicare temptasset.

[4]) Suet. Tit. 6: Triumphavit cum patre censuramque gessit una, eidem collega et in tribunicia potestate et in septem consulatibus fuit; receptaque ad se prope omnium officiorum cura (cum patris nomine et epistolas ipse dictaret et edicta conscriberet orationesque in senatu recitaret etiam quaestoris vice) praefecturam quoque praetori suscepit, numquam ad id tempus nisi ab equite romano administratam.

[5]) Suet. ib.: participem atque etiam tutorem imperii.

принцепсу недоставало авторитета и величія", говоритъ тотъ же Светоній по другому поводу. Онъ не могъ сослаться ни на родство съ божественнымъ Августомъ, ни какъ послѣдній на блестящіе внѣшніе и внутренніе успѣхи: его успѣхи въ Британніи и въ Палестинѣ не отличались ничѣмъ отъ обычныхъ военныхъ заслугъ многихъ другихъ намѣстниковъ, его личная жизнь и всѣ его вкусы также не отличались блескомъ или величіемъ. Въ теченіе всей своей жизни онъ сохранилъ привычный скромный образъ жизни, неспособный импонировать толпѣ, и ту ѣдкую, но довольно грубоватую ироничность рѣчи, которая сдѣлала знаменитыми рядъ его изрѣченій, но которая многихъ должна была отталкивать. А условія времени между тѣмъ, какъ мы видѣли, требовали возможно бо̀льшаго увеличенія престижа принципата, сильно потрясеннаго послѣдними смутами.

Весьма естественно, что забота объ упроченіи авторитета принцепса заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ политикѣ всѣхъ трехъ Флавіевъ и особенно рѣзко дала себя знать при Домиціанѣ. Средства, къ которымъ прибѣгала новая династія, были самаго разнообразнаго характера. Съ одной стороны мы по цѣлому ряду отдѣльныхъ фактовъ можемъ усмотрѣть, что не имѣя возможности сослаться на древность своего рода и понимая, что всякія попытки въ этомъ направленіи могутъ вызвать только смѣхъ [1]), Веспасіанъ и его сыновья подчеркиваютъ особое благоволеніе боговъ къ нимъ, давшее имъ возможность спасти погибавшую имперію [2]): оказалось, что за-

[1]) Suet. Vesp. 12: mediocritatem pristinam neque dissimulavit umquam ac frequenter etiam prae se tulit. Quin et conantis quosdam originem Flavii generis ad conditores Reatinos comitemque Herculis, cuius monumentum extat Salaria via, referre irrisit ultro.

[2]) Ср. любопытное замѣчаніе Тацита Hist. 2, 101: Scriptores temporum qui potiente rerum Flavia domo monimenta belli huiusce composuerunt, curam pacis et amorem rei publicae, corruptas in adulationem causas, tradidere, чтобы объяснить измѣну Цецины и Басса. Ср. Jos., bell. Jud. 1, pr. 9 (ed. Naber); 3, 1, 2; 3, 5, 1 и т. д.

долго до своего провозглашенія Веспасіанъ удостоился цѣлаго ряда предзнаменованій о предстоящемъ ему величіи [1]), что съ его прибытіемъ въ Александрію совпалъ неслыханный разливъ Нила [2]), что распространенное на востокѣ повѣріе, будто около этого времени здѣсь долженъ былъ появиться властитель міра, относится къ нему [3]). Особенно на востокѣ общественное настроеніе шло навстрѣчу политикѣ власти: въ Александріи Веспасіана молили объ исцѣленіи слѣпой и паралитикъ и онъ исцѣлилъ ихъ самымъ неожиданнымъ для самого себя образомъ. Слухъ объ этомъ событіи, разумѣется, разнесся по имперіи и Светоній утверждаетъ, что именно эти чудеса сообщили Веспасіану „авторитетъ и величіе“ [4]), да и Тацитъ находитъ, что эти чудеса доказывали „благосклонность небесъ и нѣкоторое расположеніе божествъ къ Веспасіану“ [5]). Въ связи съ распространеніемъ подобнаго рода слу-

---

[1]) Ср. Tac. Hist. 2, 78. Suet. Vesp. 5, 7. Dio 65, 9. 66, 1. Іосифъ Флавій, какъ извѣстно, также предсказалъ ему, что онъ займетъ мѣсто принцепса (Suet. Vesp. 5, Dio 66, 1, 4): ср. Jos. Flav. bell. Jud. 3, 8, 9. Побужденія Іосифа и смыслъ его пророчества не требуютъ комментаріевъ. Ср. впроч. Tac. Hist. 1, 10: occulta fati et ostentis ac responsis destinatum Vespasiano liberisque eius imperium post fortunam credidimus.

[2]) Dio 66, 8, 1.

[3]) Suet. Vesp. 4: percrebuerat Oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis ut eo tempore Judaea profecti rerum potirentur. id de imperatore Romano, quantum postea eventu paruit, praedictum...

[4]) Suet. Vesp. 7: Auctoritas et quasi maiestas quaedam ut scilicet inopinato et adhuc novo principi deerat; haec quoque accessit. E plebe quidam luminibus orbatus, item alius debili crure sedentem pro tribunali pariter adierunt, orantes opem valetudini demonstratam a Serapide per quietem: restituturum oculos, si inspuisset, confirmaturum crus, si dignaretur calce contingere. Cum vix fides esset ullo modo rem successuram, ideoque ne experiri quidem auderet, extremo hortantibus amicis palam pro contione utrumque temptavit, nec eventus defuit... Talis tantaque fama in urbem reversus.

[5]) Tac. Hist. 4, 81: multa miracula evenere, quis caelestis favor et quaedam in Vespasianum inclinatio numinum ostenderetur... utrumque qui interfuere nunc quoque memorant, postquam nullum mendacio pretium. У Тацита и Діона 66, 8, 1 впрочемъ, одинъ изъ больныхъ страдаетъ безсиліемъ не ноги (какъ у Светонія), а руки. Достовѣрность самаго факта исцѣленія

ховъ пріобрѣтаетъ значеніе и особая забота Флавіевъ о храмахъ и культѣ: Веспасіанъ лично участвовалъ при удаленіи развалинъ съ Капитолія [1]) и помимо возстановленія его храмовъ построилъ храмъ, посвященный миру, и окончилъ постройку храма божественнаго Клавдія, которому онъ больше всего былъ обязанъ своей карьерой [2]), а Домиціанъ оказывалъ особенно усердный культъ Минервѣ, снова возстановилъ Капитолій и прибавилъ къ остальнымъ его храмамъ храмъ Юпитера Стражника, построилъ храмъ рода Флавіевъ, учредилъ игры въ честь капитолійскаго Юпитера и отпраздновалъ столѣтнія игры [3]), не говоря уже о его заботѣ о сохраненіи чистоты нравовъ вестальскихъ дѣвъ [4]).

Не менѣе характерной чѣмъ эта сторона политики новой династіи представляется ихъ забота объ увеселеніи римскаго населенія [5]) и объ обезпеченіи своей популярности среди образованныхъ классовъ имперіи и особенно среди преподавателей риторики, поэтовъ и художниковъ, вліяніе которыхъ на общество могло быть весьма значительно: „особенно благосклонно онъ поддерживалъ таланты и искусства“, говоритъ Светоній о Веспасіанѣ, отмѣчая этимъ важную черту политики всѣхъ Флавіевъ [6]). Но покровительствуя талантамъ, правительство дѣйствуетъ отнюдь не безкорыстно: оно оказываетъ имъ поддержку съ тѣмъ, чтобы и они, въ свою очередь, помогли ему восхваленіемъ рода Флавіевъ и его заслугъ и чтобы они не увлеклись оппозиціоннымъ настроеніемъ части общества. Въ

этимъ, впрочемъ, не затрагивается. Ср. дальше 4, 82 происшествіе съ Василидомъ.

[1]) Suet. Vesp. 8 i. f: ipse restitutionem Capitolii adgressus, ruderibus purgandis manus primus admovit ac suo colle quaedam extulit.

[2]) Suet. ib.

[3]) Suet. Dom. 4—5.

[4]) Suet. Dom. 8 i. f.

[5]) Ср. Suet. Vesp. 19. Dio 66, 15, 1—2. Особенно возрастаетъ эта забота при Титѣ и затѣмъ при Домиціанѣ.

[6]) Suet. Vesp. 17. Dom. 4. 20.

противномъ случаѣ, Флавіи несмотря на все свое меценатство, мало стѣсняются съ неудобными лицами: казни и ссылки должны устрашить всѣхъ тѣхъ, кто не подчиняется добровольно интересамъ и взглядамъ новой династіи [1]).

На ряду съ систематическимъ стремленіемъ къ широкой популярности, обоснованной на особыхъ заслугахъ передъ государствомъ, Флавіи, такимъ образомъ, отнюдь не стѣсняютси прибѣгать и къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ принужденія, гдѣ это имъ кажется желательнымъ.

Одной изъ первыхъ заботъ Веспасіана должно было быть возстановленіе дисциплины въ арміи и порядка въ финансахъ. „Солдаты отчасти въ качествѣ побѣдителей отчасти отъ перенесеннаго позора пораженія дошли до полной разнузданности и наглости; но и провинціи и свободные города и нѣкоторыя царства переживали смутныя времена. Вотъ почему онъ уволилъ отъ службы и наказалъ очень многихъ вителліанцевъ, а участникамъ своей побѣды не далъ никакихъ чрезвычайныхъ даровъ и даже обычные дары уплатилъ лишь поздно“ [2]). Особенно строгія мѣры были приняты по отношенію къ германскому войску, виновному не только въ поддержкѣ Вителлія, но и въ сожженіи Капитолія и въ убійствѣ Флавія Сабина и въ безчисленныхъ жестокостяхъ, совершенныхъ въ Италіи, и наконецъ въ союзѣ съ врагами государства, которымъ часть его даже принесла присягу въ вѣрности [3]). Изъ шести ле-

---

[1]) См. обо всемъ этомъ ниже гл. III.

[2]) См. Vesp. 8.

[3]) Tac. Hist., 4, 57: illuc commeantium centurionum militumque emebantur animi, ut (flagitium incognitum Romani exercitus) in externa verba iurarent pignusque tanti sceleris nece aut vinculis legatorum daretur. 59: nec illi (войску), quamquam ad omne facinus durato, verba ultro suppeditavere, quam ut sacramentum recitaret: iuravere qui aderant pro imperio Galliarum. Ср. 72: stabant conscientia flagitii maestae, fixis in terram oculis: nulla inter coeuntes exercitus consalutatio; neque solantibus hortantibusve responsa dabant, abditi per tentoria et lucem ipsam vitantes... attonitis etiam victoribus, qui vocem precesque adhibere non ausi...

гіоновъ, повинныхъ въ послѣднемъ неслыханномъ преступленіи, четыре были кассированы, такъ что только одинъ нижнегерманскій и одинъ верхнегерманскій легіонъ (Legio XV Primigenia и Legio XXII Primigenia) сохранили свое названіе. Мѣсто уничтоженныхъ легіоновъ заняли три новыхъ, созданныхъ Веспасіаномъ [1]). Такая же мѣра была примѣнена и къ преторіанцамъ, безпорядочно набраннымъ Вителліемъ изъ германскаго войска [2]): ихъ когорты также были кассированы и набраны новыя, при чемъ чуть не дошло до новаго возстанія, такъ какъ на службу въ преторіи одновременно предъявляли притязанія и бывшіе преторіанцы Оѳона и преторіанцы Вителлія и, наконецъ, солдаты, которымъ Веспасіаномъ или отъ его имени было обѣщано поступленіе въ ряды преторіанцевъ. Сохранить такое огромное количество преторіанцевъ правительство не имѣло возможности по недостатку средствъ [3]): если даже предположить, что очень значительное количество всѣхъ претендентовъ на гвардейскую службу пало въ бояхъ, то и тогда ихъ число никоимъ образомъ не могло быть меньше 20.000 человѣкъ [4]), а при значительномъ жалованіи, которое

[1]) Schiller, Gesch. 1, 511.

[2]) См. выше стр. 56 пр. 3. Tac. Hist., 2, 94: sibi quisque militiam sumpsere: *quamvis indignus*, si ita maluerat urbanae militiae adscribebatur; rursus bonis remanere inter legionarios aut alares volentibus permissum, nec deerant qui vellent fessi morbis et intemperiem caeli incusantes; robora tamen legionibus alioque subtracta, convulsum castrorum decus, *viginti milibus e toto exercitu* permixtis magis quam electis.

[3]) Tac. Hist., 4, 46: praetorianam militiam repetebant a Vitellio dimissi, pro Vespasiano congregati; et lectus in eandem spem e legionibus miles promissa stipendia flagitabat. ne Vitelliani quidem sine multa caede depelli poterant: sed immensa pecunia tanta vis hominum retinenda erat... spernunt oblatos agros, militiam et stipendia orant. preces erant, sed quibus contra dici non posset; igitur in praetorium accepti (нужно думать тѣ, что состояли преторіанцами до побѣды Вителлія и тѣ, которые были набраны еще раньше изъ войска Веспасіана), dein quibus aetas et iusta stipendia, dimissi cum honore, alii ob culpam, sed carptim ac singuli, quo certissimo remedio consensus multitudinis extenuatur.

[4]) Оставляя въ сторонѣ городскія когорты и считая 9000 преторіанцевъ Оѳона, 20000 Вителлія и не менѣе 9000 претендентовъ изъ войска Веспа-

получали преторіанцы (вдвое больше солдатъ, служившихъ въ легіонахъ) [1]) на ихъ содержаніе потребовались бы такія огромныя суммы, которыя даже не раззоренной имперіи было бы невозможно вносить безъ очень значительнаго увеличенія бюджета. При данныхъ условіяхъ объ этомъ очевидно и рѣчи быть не могло, но тѣмъ не менѣе первая попытка Муціана и Домиціана добиться возстановленія прежняго числа преторіанскихъ когортъ разбилась о неповиновеніе и угрозы солдатъ и имъ пришлось сначала уступить [2]). Только постепенно и очень осторожными средствами Веспасіану впослѣдствіи удалось достигнуть намѣченнаго результата [3]).

Возстановленіе правильной организаціи войска и военной дисциплины шло рука объ руку съ возстановленіемъ государственныхъ финансовъ. Въ ихъ полномъ безпорядкѣ заключалось наиболѣе тяжелое наслѣдіе нероновскаго режима, печальные результаты котораго еще ухудшились вслѣдствіе продолжительныхъ смутъ. Несмотря на неизбѣжно соединенное съ гражданскими войнами раззореніе обширныхъ областей имперіи, несмотря на то, что именно финансовая политика или точнѣе грабежи Нерона служили однимъ изъ главныхъ, если не главнымъ основаніемъ всеобщаго недовольства, бурно разразившагося въ 68 и 69 году, новый принцепсъ естественно былъ принужденъ снова прибѣгнуть къ обширнымъ фискальнымъ мѣрамъ для возстановленія равновѣсія имперскаго бюджета,

---

сіана мы получимъ, даже если допустить совершенно невѣроятное предположеніе, что половина всѣхъ ихъ погибла въ битвахъ, огромную цифру въ 19000 конкуррентовъ на званіе гвардейца. На дѣлѣ число ихъ должно было быть гораздо значительнѣе: большая часть вителліевыхъ преторіанцевъ сдалась безъ боя около Нарніи (Hist., 3, 63) и уже послѣ смерти Вителлія около Бовиллъ (Hist. 4, 2), и лишь тѣ три когорты, которыя остались въ Римѣ, вѣроятно были истреблены во время уличнаго боя.

[1]) Mommsen, Hermes 14, 30 сл.

[2]) Ср. выше стр. 82 пр. 3.

[3]) C. I. L. 3, 853. Дипломъ отъ 2 декабря 77 года, найденный въ Кюстенджѣ: militum, qui in cohortibus novem praetoriis et quatuor urbanis... militaverunt. (Ср. Bruns, Fontes ed. V, стр. 235).

для собранія необходимыхъ средствъ на текущіе расходы, наконецъ для покрытія чрезвычайныхъ единовременныхъ расходовъ, вызванныхъ, напримѣръ, необходимостью возстановить Капитолій или снять съ его принципата обвиненіе въ раззореніи богатой нѣкогда Кремоны [1]). Весьма понятно, что именно эта сторона его дѣятельности была особенно непопулярна. „Единственное, въ чемъ его справедливо обвиняютъ“, полагаетъ очень сочувствующій Веспасіану Светоній, „это алчность [2]),— не удовольствовавшись возстановленіемъ упраздненныхъ при Гальбѣ податей [3]), онъ не только прибавилъ новыя и тяжелыя, не только увеличилъ, а въ иныхъ случаяхъ и удвоилъ провинціальные налоги, но открыто занимался постыдными и для частнаго человѣка предпріятіями, скупая разные предметы, лишь бы ихъ потомъ дороже продать. Онъ не задумался даже продавать кандидатамъ магистратуры, а находящимся подъ судомъ, все равно невиннымъ ли или виновнымъ, оправдательные приговоры [4]). Полагаютъ также, что онъ намѣренно назначалъ извѣстнѣйшихъ грабителей-прокураторовъ на болѣе высокія должности, чтобы затѣмъ осудить ихъ, когда они еще разбогатѣютъ; общественное мнѣніе утверждало, что онъ ими пользуется точно губками, давая имъ насосаться, пока онѣ были сухи, и выжимая ихъ, когда онѣ наполнялись“ [5]). Трудно, разумѣется, сказать въ настоящее время, насколько слова Светонія соотвѣтствуютъ истинѣ, поскольку Веспасіанъ ими обвиняется въ взяточничествѣ, но вполнѣ невозможными ихъ

---

[1]) Tac. Hist., 3, 34.

[2]) Ср. Tac. Hist., 2, 5: si avaritia abesset, antiquis ducibus par.

[3]) На монетахъ временъ Гальбы упоминается Quadragensuma remissa S. C. Ср. Eckhel, 6, 296. Cohen, 1, Galb. 138, 139, 178, 179, 198—200, 246.

[4]) Характеренъ слухъ, что посредницей между Веспасіаномъ и кандидатами и т. д., служила его сожительница, Кенида: Dio 66, 14, 4: ἀπέκτεινε μὲν γὰρ ὁ Οὐεσπασιανὸς χρημάτων ἕνεκα οὐδένα, ἔσωσε δὲ πολλοὺς τῶν διδόντων καὶ ἡ μὲν λαμβάνουσα ἐκείνη ἦν, ὑπωπτεύετο δὲ ὁ Οὐεσπασιανὸς ἑκὼν αὐτῇ ἐπιτρέπειν τοῦτο ποιεῖν ἐκ τῶν ἄλλων ὧν ἔπραττεν.

[5]) Suet. Vesp. 16, Dio 66, 8, 3—4.

во всякомъ случаѣ признать нельзя. Что правосудіе служило ему источникомъ дохода, подтверждаютъ и Тацитъ [1]) и Діонъ [2]); что населеніе мѣстами глумилось надъ его стремленіемъ изобрѣтать налоги на самые неожиданные предметы [3]), и надъ его бережливостью [4]), намъ также извѣстно, но тѣмъ не менѣе недовольство его фискальной политикой разражалось исключительно насмѣшками и, сколько намъ извѣстно, не приводило нигдѣ къ возстаніямъ, хотя и безъ того раззоренное населеніе должно было сильно страдать отъ новаго роста налоговъ. Помимо того общаго утомленія и жажды внутренняго мира, о которыхъ намъ ужъ пришлось говорить и которыя несомнѣнно заставляли населеніе терпѣливо переносить то, противъ чего оно не такъ давно энергично протестовало, именно скромная жизнь и личная бережливость императора — видя которую александрійцы говорили, что онъ „не умѣетъ быть Цезаремъ“ — должны были убѣдить общество, что цѣль усиленныхъ поборовъ заключалась не въ безумной роскоши Нерона или Вителлія, а въ обезпеченіи насущныхъ государственныхъ потребностей [5]). Въ результатѣ онъ съумѣлъ найти необхо-

---

[1]) Ср. выше стр. 63 и примѣч. 6 и дальнѣйшія слова: quae gravia atque intoleranda, sed necessitate armorum excusata etiam in pace mansere, ipso Vespasiano inter initia imperii ad optinendas iniquitates haud perinde obstinante, donec indulgentia fortunae et pravis magistris didicit aususque est.

[2]) Dio, 66, 14, 4 см. выше.

[3]) Dio 66, 8, 2: οὐ μέντοι οἱ Ἀλεξανδρεῖς ἔχαιρον αὐτῷ, ἀλλὰ καὶ πάνυ ἤχθοντο, ὥστε μὴ μόνον ἰδίᾳ ἀλλὰ καὶ δημοσίᾳ καὶ σκώπτειν αὐτὸν καὶ λοιδορεῖν... πολλὰ μὲν γὰρ καὶ ἄλλως παρ' αὐτῶν ἐξέλεξε, μηδένα ἄπορον, μηδ' εἰ ἐπαίτης τις ἦν, παραλιπών, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν ὁσίων πάντων καὶ ἐκ τῶν ἱερῶν ὁμοίως χρηματιζόμενος и т. д. Suet. Vesp. 19: Alexandrini cybiosacten eum vocare perseveraverunt, cognomine unius e regibus suis turpissimarum sordium. Ср. здѣсь же 23 анекдотъ о знаменитомъ urinae vectigal. Аналогичный налогъ, впрочемъ, до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая.

[4]) Dio 66, 8, 6: οἱ δ' Ἀλεξανδρεῖς τοῦ Οὐεσπασιανοῦ οὐκ ἀπέσχοντο, ἀλλὰ μέγα πάνυ ἀθρόοι ἐν συνόδῳ τινι κοινῇ πρὸς τὸν Τίτον ἐξεβόησαν, εἰπόντες αὐτὸ τοῦτο „συγγιγνώσκομεν αὐτῷ οὐ γὰρ οἶδε καισαρεύειν“. Suet. Vesp. 19.

[5]) Dio, 66, 10, 3: κἀκ τούτου καὶ τὰ μάλιστα διέδειξεν ὅτι τὰς συλλογὰς τῶν χρημάτων οὐκ ἐς τὰς ἑαυτοῦ ἡδονὰς ἀλλ ἐς τὰς τοῦ δήμου χρείας ἐποιεῖτο.

димыя средства не только на покрытіе обычныхъ расходовъ, но могъ предпринимать крупныя постройки, тратить большія деньги на поддержку ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, назначать крупныя постоянныя или единовременныя пособія обѣднѣвшимъ сенаторамъ [1]), устраивать игры и помогать многочисленнымъ городамъ, пострадавшимъ отъ землетрясенія или пожаровъ [2]), несмотря на то, что въ началѣ его принципата государственная казна была настолько пуста, что казалось необходимымъ прибѣгнуть къ государственному займу въ 60.000.000 сестерціевъ [3]).

Спокойная дѣятельность Веспасіана несмотря на всѣ насмѣшки обезпечила ему благодарность огромной массы населенія, но римская оппозиція не умолкала. Въ общемъ она имѣла два источника: честолюбіе и непокорные инстинкты части римской знати съ одной и запоздалое возрожденіе республиканскихъ идеаловъ съ другой стороны. Казнь или умерщвленіе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей эпохи смутъ, относящіяся къ самому первому времени новаго принципата [4]), не устранили первой опасности, и въ 79 году

---

[1]) Suet. Vesp., 17: in omne genus hominum liberalissimus, explevit censum senatorium, consulares inopes quingenis sestertio annuis sustentavit.

[2]) Suet. ib.: plurimas per totum orbem civitates terrae motu aut incendio afflictas restituit in melius...

[3]) Tac. Hist., 4, 47: ceterum verane pauperie an uti videretur, actum in senatu (еще до возвращенія Веспасіана въ Римъ), ut sescentiens sestertium a privatis mutuum acciperetur, praepositusque ei curae Pompeius Silvanus. nec multo post necessitas abiit sive omissa simulatio.

[4]) Непосредственно послѣ гибели Вителлія былъ убитъ сдавшійся побѣдителямъ братъ его, Луцій Вителлій (Tac. Hist. 4, 2: nec cunctatus est Vitellius seque et cohortes arbitrio victoris permittere... dein L. Vitellius interficitur; о немъ ср. ib. 3, 77); нѣсколько позднѣе по приказанію Муціана былъ убитъ Кальпурній Галеріанъ, сынъ Г. Кальпурнія Пизона, стоявшаго во главѣ заговора противъ Нерона (Pros. 1, 278, 216), несмотря на то, что за нимъ не числилось никакой вины кромѣ знатности рода и слуховъ о возможности его кандидатуры на принципатъ (Hist. 4, 11). Юлій Прискъ, преторіанскій префектъ Вителлія тогда же совершилъ самоубійство (ib.), а либертъ Вителлія, Азіатикъ, былъ казненъ (ib.). Нѣсколько позднѣе былъ

извѣстный полководецъ Вителлія, Авлъ Цецина, измѣнившій ему впослѣдствіи и перешедшій на сторону Веспасіана, былъ убитъ по приказанію Тита, когда повидимому готовилъ новое возстаніе преторіандевъ [1]). Въ виновности Цецины, повидимому, нѣтъ основанія сомнѣваться; по словамъ Светонія въ рукахъ Тита находилась его рукопись, несомнѣнно доказывавшая его измѣнническіе планы, и все прошлое Цецины могло служить доказательствомъ, что онъ не остановится ни передъ какимъ вѣроломствомъ. Тѣмъ не менѣе онъ не былъ подвергнутъ правильному суду, а былъ убитъ при такихъ обстоятельствахъ (послѣ пира у Тита, когда онъ едва успѣлъ покинуть столовую), которыя доказывали, что и Веспасіанъ съ Титомъ не были склонны къ снисходительности [2]) и къ соблюденію конституціонныхъ формъ, если имъ это почему либо представлялось нецѣлесообразнымъ. Несмотря на то, что съ формальной стороны подобнаго рода убійство представлялось лишь результатомъ примѣненія ничѣмъ не ограниченной, не связанной никакими формами чрезвычайной судебной власти императора

измѣнически убитъ Л. Пизонъ, намѣстникъ Африки (Hist. 4, 38, 48—50), а затѣмъ по приказанію Муціана умерщвленъ и малолѣтній сынъ императора Вителлія (ib. 4, 80).

[1]) Suet. Tit. 6: Siquidem suspectissimum quemque sibi, summissis qui per theatra et castra quasi ad poenam deposcerent, haud cunctanter oppressit. In his Aulum Caecinam consularem, vocatum ad caenam ac vixdum triclinio egressum, confodi iussit; sane urguente discrimine, cum etiam chirographum eius praeparatae apud milites contionis deprehendisset. Dio 66, 16, 3—4: τῶν γὰρ στρατιωτῶν συχνοὺς προπαρεσκεύασατο. Его сообщникъ, извѣстный дѣлаторъ Т. Клодій Эпрій Марцеллъ, былъ преданъ суду сената и покончилъ съ собой. Pros. 1, 415, 915.

[2]) Ср. впрочемъ Suet. Vesp. 14: Nam ut suspicione aliqua vel metu ad perniciem cuiusquam, compelleretur tantum afuit, ut, monentibus amicis cavendum esse Mettium Pompusianum, quod volgo crederetur genesim habere imperatoriam, insuper consulem fecerit, spondens quandoque beneficii memorem futurum. (Ср. Suet. Dom. 10. Dio 67, 12, 2—4). Едва ли на этомъ основаніи несмотря даже на слова Светонія можно предположить, чтобы Титъ рѣшился убить Цецину безъ вѣдома отца. Ср. Suet. Vesp. 15. Кстати стоитъ и здѣсь обратить вниманіе на политическое значеніе астрологіи. Ср. томъ I, стр. 297 пр. 5.

и, слѣдовательно, формально вовсе не было убійствомъ, а ускоренной казнью [1]), сенатъ и остальное общество должны были усматривать въ немъ крайне опасный актъ деспотизма, уничтожавшаго всякія гарантіи личной свободы и безопасности. Такое впечатлѣніе должно было еще усилиться отъ того, что убійство Цецины не было единственнымъ въ своемъ родѣ, и если въ другихъ случаяхъ Титъ устраивалъ для казавшихся ему необходимыми убійствъ болѣе популярную съ внѣшней стороны обстановку—по словамъ Светонія, онъ подсылалъ въ театры, „гдѣ народъ имѣетъ наибольшую свободу“ [2]), и въ лагери агентовъ, требовавшихъ казни того или иного лица [3]),— то судебныя формы и тутъ, повидимому, оставлялись безъ вниманія, а страхъ и недовѣріе общества должны были постоянно возрастать. А такъ какъ Титъ въ качествѣ преторіанскаго префекта непосредственно руководилъ всѣмъ этимъ дѣломъ, то въ глазахъ общества и отвѣтственность падала прежде всего на него: „хотя онъ этимъ и обезпечилъ свою безопасность на будущее время“, замѣчаетъ Светоній, „но зато онъ въ данное время вызвалъ массу недовольства, такъ что едва ли кто-либо другой пріобрѣлъ принципатъ съ такой дурной славой и при такомъ всеобщемъ несочувствіи“ [4]).

---

[1]) Ср. выше стр. 40 пр. 1.

[2]) Tac. Hist. 1, 72: ubi plurima vulgi licentia, in circum ac theatrum effusi seditiosis vocibus strepere, требуя отъ Гальбы казни Тигеллина. Hist. 2, 80; tum Antiochensium theatrum ingressus (Mucianus), ubi illis consultare mos est, concurrentes... adloquitur.

[3]) Suet. Tit. 6. Ср. выше стр. 87 пр. 1.

[4]) Suet. Tit. ib. i. f. Ср. Dio 66, 16, 3; Τίτου κελεύσαντος; 66, 19, 1: ἐν τῇ αὐτοῦ ἡγεμονίᾳ... ἐπὶ τῆς αὐτοῦ ἀρχῆς. Чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе особенно среди грековъ произвела также казнь галльскаго узурпатора Юлія Сабина, девять лѣтъ скрывавшагося благодаря героическому самоотверженію его жены Эпонины въ пещерѣ, затѣмъ найденнаго и отвезеннаго въ Римъ и здѣсь казненнаго вмѣстѣ съ женой. Dio 66, 16, 1—2. Tac. Hist. 4, 67. Ср. Плутархъ, Amat. 25 (ed. Bernardakis т. V, стр. 459 сл.): ἀποκτείνει μὲν οὖν αὐτὴν ὁ Καῖσαρ, ἀποκτείνας δὲ δίδωσι δίκην, ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ τοῦ γένους παντὸς ἄρδην ἀναιρεθέντος. οὐδὲν γὰρ ἤνεγκεν ἡ τόθ' ἡγεμονία σκυθρωπότερον οὐδὲ μᾶλλον ἑτέραν εἰκὸς ἦν καὶ θεοὺς καὶ δαίμονας ὄψιν ἀποστραφῆναι.

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ и вторая группа недовольныхъ, группа республиканской оппозиціи, пріобрѣтала усиленное значеніе и оппозиція Гельвидія Приска пользовалась широкимъ сочувствіемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать выводъ, чтобы республиканскіе идеалы сами по себѣ пріобрѣли очень значительное число сторонниковъ, мечтавшихъ о возрожденіи стараго порядка: какъ въ современной Германіи не всякій, голосующій за соціалъ-демократическаго кандидата, на самомъ дѣлѣ является убѣжденнымъ соціалъ-демократомъ, такъ въ римской имперіи не всѣ, восхвалявшіе Гельвидія Приска или выражавшіе исключительное почтеніе къ его памяти, были республиканцами. Какъ въ современной Германіи голосованіе въ пользу соціалъ-демократа представляетъ наиболѣе рѣзкую изъ всѣхъ возможныхъ и законныхъ формъ выраженія недовольства, такъ въ римской имперіи такое же значеніе имѣетъ сочувствіе къ Гельвидію.

Въ тѣсной связи съ этимъ недовольствомъ стоитъ и отношеніе Веспасіана къ собственно конституціоннымъ вопросамъ. И здѣсь основной чертой его политики нельзя не признать заботу о возрожденіи и упроченіи авторитета принципса. Съ одной стороны это объясняется уже отмѣченнымъ выше упадкомъ императорскаго престижа и появленіемъ республиканской оппозиціи, съ другой стороны это еще усиливаетъ оппозицію и въ концѣ концовъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ рѣзкое столкновеніе между нею и властью.

Съ внѣшней стороны, правда, отношеніе Веспасіана къ сенату было самое корректное: „помня свое собственное прошлое, онъ относился ко всѣмъ не какъ императоръ, а какъ частный человѣкъ“; „большую часть времени онъ проводилъ въ такъ называемыхъ Саллюстіевыхъ садахъ и тутъ принималъ всякаго желающаго не только изъ числа сенаторовъ, но и изъ другихъ“; „ворота императорскаго дворца весь день были открыты и около нихъ не стояло никакой

стражи". „Онъ постоянно посѣщалъ сенатъ и сообщалъ ему о всѣхъ дѣлахъ и часто судилъ на форумѣ. А то, что онъ вслѣдствіе старости не могъ самъ прочитать или то, о чемъ онъ писалъ сенату, будучи въ отсутствіи, онъ обыкновенно приказывалъ прочитать сенату сыновьямъ, чтя его и въ этомъ отношеніи. Каждый день онъ приглашалъ и сенаторовъ, и другихъ въ большомъ количествѣ къ обѣду, а часто и самъ обѣдалъ у особенно близкихъ друзей. Вообще онъ былъ императоромъ по своей заботливости о государственныхъ дѣлахъ, во всемъ же остальномъ онъ былъ доступенъ и равенъ имъ (т.-е. сенаторамъ)" [1]). Существеннѣе этихъ любезностей, которыми принцепсъ очевидно намѣренно хотѣлъ доказать, что принцепсъ является лишь первымъ сенаторомъ, было упраздненіе всѣхъ приговоровъ по дѣламъ объ оскорбленіи величества начиная съ Нерона и указъ о запрещеніи подобнаго рода процессовъ на будущее время [2]). Принципіальное значеніе

---

[1]) Dio 66, 10. Ср. Suet. Vesp. 12: nam consuetudinem scrutandi salutantes manente adhuc bello civili omiserat. Сколько извѣстно, этотъ унизительный какъ для гражданъ, такъ и для власти обычай установился при Клавдіи. Ср. томъ I, стр. 407 пр. 1.

[2]) Dio 66, 9, 1: τήν τε ἀτιμίαν τῶν καταψηφισθέντων ἐπὶ ταῖς λεγομέναις ἀσεβείαις ὑπὸ Νέρωνος καὶ τῶν μετὰ ταῦτα ἀρξάντων, τῶν τε ζώντων καὶ τῶν τεθνεώτων ὁμοίως, ἀπαλείφων, καὶ τὰς γραφὰς τὰς ἐπὶ τοιούτοις ἐγκλήμασι καταλύων.. Нужно впрочемъ замѣтить, что ни Тацитъ, ни Светоній вовсе не упоминаютъ о запрещеніи процессовъ объ оскорбленіи величества, что тѣмъ болѣе странно, что Тацитъ упоминаетъ о посланіи Веспасіана сенату (Hist. 4, 3), посланномъ изъ Александріи, откуда было отправлено и то, о которомъ говоритъ Діонъ, и что если разсказъ Тацита о возвращеніи Веспасіана въ Римъ до насъ и не дошелъ, то въ сохранившейся части его Исторій изложеніе событій, совершившихся въ принципатъ Веспасіана до его отъѣзда изъ Александріи, повидимому, закончено (Hist. 4, 51—52). Вдобавокъ нужно имѣть въ виду, что изображеніе Веспасіана у Діона (какъ, впрочемъ, уже у Светонія) сильно идеализировано, что весьма естественно въ виду его огромныхъ заслугъ, и что поэтому Діонъ могъ считать вѣроятнымъ, что такой замѣчательный принцепсъ долженъ былъ отмѣнить ненавистные процессы. Тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь отвергнуть свидѣтельство Діона: съ одной стороны Тацитъ могъ намѣренно отложить сообщеніе о такомъ популярномъ актѣ до своего разсказа о возвращеніи Вес-

этого указа не можетъ подлежать сомнѣнію: второй если не третій разъ уже принцепсъ формально признаетъ нежелательность и непопулярность этихъ процессовъ [1]) и, уступая общественному мнѣнію, усиливаетъ и безъ того уже сильно распространенное мнѣніе, что допущеніе подобнаго рода процессовъ представляется актомъ деспотизма [2]) и что принцепсъ, совершающій этотъ актъ тѣмъ самымъ совершаетъ противоконституціонное дѣяніе и долженъ быть признанъ тиранномъ [3]). На практикѣ рядъ политическихъ убійствъ временъ Веспасіана, хотя они быть можетъ и оправдывались ссылкой на какіе-либо другіе законы, а не на законъ объ оскорбленіи величества, доказывалъ, что отъ теоріи до практики и тутъ очень далеко. Тѣмъ не менѣе, однако, Веспасіанъ отнюдь не злоупотреблялъ своей страшной властью: тѣ лица, которыя при немъ подверглись казни или ссылкѣ, очевидно дѣйствительно не могли быть признаны вполнѣ невинными и, Діонъ, говоря, что Веспасіанъ, „никого не убилъ изъ-за его богатствъ“ [4]), очень опредѣленно отмѣчаетъ то, чего общество больше всего боялось. Самое худшее и въ предшествующее время и, повидимому, позднѣе при Домиціанѣ вѣдь было то, что подъ предлогомъ наказанія за оскорбленіе величества производились возмутительнѣйшіе грабежи и удовлетворялась личная злоба принцепса. Въ этомъ смыслѣ Веспасіанъ дѣйствительно не

пасіана и воспользоваться имъ для характеристики общественнаго настроенія въ этотъ моментъ, съ другой стороны мы не имѣемъ основанія подозрѣвать Діона въ вымыслахъ.

[1]) Первый разъ процессы объ оскорбленіи величества были запрещены Гаемъ вскорѣ послѣ смерти Тиберія; второй разъ *можетъ быть* въ первые дни Клавдія.

[2]) Ср., напр., отношеніе Тацита къ этимъ процессамъ. Онъ осуждаетъ ихъ независимо отъ того, были ли на лицо основанія для обвиненія или нѣтъ.

[3]) Что вопросъ о различіяхъ между „царемъ“ и „тиранномъ“ занималъ это время, видно хотя бы изъ сочиненій Діона Хрисостома. О греческихъ взглядахъ на этотъ счетъ и ихъ вліяніи на римское общество см. ниже.

[4]) Dio 66, 14, 4: ἀπέκτεινε μὲν γὰρ ὁ Οὐεσπασιανὸς χρημάτων ἕνεκα οὐδένα.

заслужилъ обвиненія несмотря на ту жадность, въ которой его упрекаютъ наши близорукіе источники [1]).

Но если внѣшнія отношенія между Веспасіаномъ и сенатомъ были вполнѣ нормальны и если политическія убійства (или казни) не совершались зря и были сравнительно рѣдки, то по существу Веспасіанъ всякими средствами старался еще усилить положеніе принцепса по отношенію къ сенату.

Послѣ взятія Рима и гибели Вителлія сенатъ не могъ быть созванъ въ тотъ же день, чтобы санкціонировать совершившееся, какъ онъ раньше санкціонировалъ убійство Гальбы и узурпацію Вителлія. День клонился къ концу, а магистраты и сенаторы бѣжали изъ города или попрятались въ домахъ своихъ кліентовъ, выжидая результатъ уличнаго боя. Въ виду этого Домиціанъ, единственный послѣ смерти Сабина представитель дома Флавіевъ, находившійся тогда въ Римѣ, былъ провозглашенъ войскомъ Цезаремъ, не дожидаясь рѣшенія сената [2]). Занявъ формально господствующее положеніе, онъ на практикѣ уже по своей молодости (ему было всего 18 лѣтъ) не могъ играть руководящей роли: сначала Антоній Примъ [3]), затѣмъ прибывшій нѣсколько дней спустя Муціанъ взяли дѣла въ свои руки [4]), при чемъ, однако, всегда соблюдалось уваженіе къ молодому Цезарю. Ему было предоставлено извинить предъ сенатомъ отсутствіе отца и брата, предложить возстановленіе

---

[1]) Suet. Vesp., 12: Ceteris in rebus ab initio principatus usque ad exitum civilis et clemens...

[2]) Tac. Hist. 3, 86: Domitianum, postquam nihil hostile metuebatur, ad duces partium progressum et Caesarem consalutatum miles frequens utque erat in armis in paternos penates deduxit.

[3]) Tac. Hist. 4, 2: nomen sedemque Caesaris Domitianus acceperat, nondum ad curas intentus... praefectura praetorii penes Arrium Varum, summa potentiae in Primo Antonio.

[4]) Характерно какъ для исключительнаго значенія императорскаго дома, такъ и для фактическаго безсилія Домиціана, что Муціанъ не позволилъ ему включить Антонія въ свою свиту: Tac. Hist. 4, 80: neque Antonium Primum adsciri inter comites a Domitiano passus est, favore militum anxius et superbia viri aequalium quoque, adeo superiorum intolerantis.

статуй Гальбы [1]) и упраздненіе списка будущихъ консуловъ, составленнаго Вителліемъ [2]); онъ долженъ былъ вступить въ переговоры съ волнующимися преторіанцами [3]); ему Петилій Церіалисъ переслалъ посланіе Цивилиса и Классика, приглашавшее его измѣнить Веспасіану и захватить императорскую власть [4]); вмѣстѣ съ Муціаномъ онъ, наконецъ, долженъ былъ отправиться въ Галлію для борьбы съ Цивилисомъ и возставшими галлами [5]). Нечего и говорить, какъ характерна формально огромная роль Домиціана: если восемьнадцатилѣтній мальчикъ только потому, что онъ сынъ едва пріобрѣвшаго власть и еще далекаго принцепса, представляетъ уже значительную силу и именно поэтому намѣренно выдвигается на первый планъ, такъ какъ обладаетъ бо́льшимъ престижемъ чѣмъ даже Муціанъ и Антоній, то это достаточно ясно доказываетъ, какіе успѣхи несмотря ни на какія звѣрства Гая и Нерона монархическая идея сдѣлала въ Римѣ за послѣднее столѣтіе.

Вскорѣ послѣ 23 декабря 69 года, но когда именно въ точности неизвѣстно, собрался и сенатъ и „даровалъ Веспасіану всѣ обычныя права и привилегіи принцепсовъ“ [6]), прибавивъ къ этому, повидимому, по его же предложенію, для

[1]) Tac. Hist, 4, 40: quo die senatum ingressus est Domitianus, de absentia patris fratrisque ac iuventa sua pauca et modica disseruit.., referente Caesare de restituendis Galbae honoribus..

[2]) Tac. Hist. 4, 47: abrogati inde legem ferente Domitiano consulatus quos Vitellius dederat...

[3]) Tac. Hist. 4, 46.

[4]) Tac. Hist. 4, 75.

[5]) Tac. Hist. 4, 85—86.

[6]) Tac. Hist. 4, 3: isdem diebus... at Romae senatus cuncta principibus solita Vespasiano decernit, laetus et spei certus, quippe sumpta per Gallias Hispaniasque civilia arma, motis ad bellum Germaniis, mox Illyrico, postquam Aegyptum Iudaeam Suriamque et omnis provincias exercitusque lustraverant, velut expiato terrarum orbe cepisse finem videbantur: addidere alacritatem Vespasiani litterae *tamquam manente bello scriptae. ea prima specie forma*; ceterum ut princeps loquebatur... Вѣроятно, Веспасіанъ предлагалъ сенату въ этомъ посланіи отречься отъ Вителлія и признать его собственное избраніе.

Веспасіана и Тита консулатъ, для Домиціана претуру съ консульской властью [1]). Обломокъ внесеннаго въ народное собраніе сенатусконсульта о дарованіи Веспасіану принципата, какъ извѣстно, дошелъ до насъ и является однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для установленія конституціоннаго характера принципата. Мы имъ уже пользовались неоднократно съ этой цѣлью" [2]); здѣсь намъ остается выяснить значеніе этого памятника для власти Веспасіана и познакомиться подробнѣе съ его содержаніемъ. Съ этой цѣлью мы позволимъ себѣ привести переводъ всего памятника, поскольку онъ дошелъ до насъ:

„И пусть онъ имѣетъ право заключать договоръ съ кѣмъ онъ хочетъ, какъ до него божественный Августъ, Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германикъ;

и пусть онъ имѣетъ право созывать сенатъ, дѣлать доклады, откладывать дѣла, и предлагать сенату постановить рѣшеніе послѣ обсужденія или простымъ голосованіемъ какъ до него божественный Августъ, Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германикъ [3]);

и пусть, если по его волѣ, авторитету, приказу или порученію или въ его присутствіи произойдетъ сенатское засѣданіе, порядокъ всѣхъ дѣлъ будетъ и сохранится такой же, какъ если бы сенатъ собрался или былъ созванъ на общемъ законномъ основаніи [4]);

и пусть тѣ, коихъ онъ коммендируетъ сенату и народу римскому, когда они будутъ искать магистратуру, полномочія,

---

[1]) Tac. Hist. 4, 3: *nec senatus obsequium deerat:* ipsi consulatus cum Tito filio, praetura Domitiano et consulare imperium decernuntur.

[2]) Ср. томъ, I стр. 147 и др.

[3]) Lex de imp. 4—5: senatum habere, relationem facere, remittere, senatus consulta per relationem discessionemque facere...

[4]) ib. 8: omnium rerum ius perinde habeatur servetur, ac si e lege senatus edictus esset habereturque...

власть или порученія, и коимъ онъ даетъ и обѣщаетъ свою поддержку, будутъ приняты во вниманіе (т.-е. избраны избирательнымъ собраніемъ внѣ обычнаго порядка [1]);

и пусть онъ будетъ имѣть право расширять и отодвигать границы померія, когда онъ сочтетъ это нужнымъ въ интересахъ государства также, какъ Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германикъ;

и пусть онъ будетъ имѣть право и власть дѣлать и совершать все, что онъ сочтетъ нужнымъ въ интересахъ государства, божественныхъ и человѣческихъ, общественныхъ и частныхъ дѣлъ, какъ имѣли это право божественный Августъ, Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германикъ;

и пусть онъ не будетъ связанъ тѣми законами или плебисцитами, въ коихъ было сказано, что ими не связываются божественный Августъ, Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германикъ; и пусть императоръ Цезарь Веспасіанъ Августъ имѣетъ право совершать все то, что на основаніи какого-либо закона и рогаціи должны были совершить божественный Августъ, Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германикъ;

и пусть все, что сдѣлано, совершенно, рѣшено или приказано императоромъ Цезаремъ Веспасіаномъ Августомъ или кѣмъ-либо инымъ по его приказанію или порученію, будетъ также законно и обязательно, какъ если бы все это было сдѣлано по приказанію народа или плебса [2]).

---

[1]) Ib. 10 сл.: magistratum potestatem imperium curationemve cuius rei petentes... commendaverit quibusque suffragationem dederit promiserit, eorum comitis quibusque extra ordinem ratio habeatur.

[2]) Ib. 31—2: ea perinde iusta rata(que) sint, ac si populi plevisve iussu acta essent.

Санкція.

Если кто во имя этого закона сдѣлалъ или сдѣлаетъ что-либо вопреки законамъ, рогаціямъ, плебисцитамъ или сенатусконсультамъ, или же во имя этого закона не сдѣлалъ или не сдѣлаетъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать на основаніи закона, рогаціи, плебисцита или сенатусконсульта, то пусть это не будетъ ему поставлено въ вину, пусть онъ не будетъ обязанъ дать народу за это что-либо, пусть никто не будетъ имѣть право обвинять или судить его и пусть никто (т.-е. никакой магистратъ или должностное лицо) не позволитъ разбирать такое дѣло передъ собой (т.-е. передъ своимъ трибуналомъ) [1])".

Изъ содержанія этого любопытнаго памятника видно, что до насъ дошелъ только конецъ его, въ которомъ перечисляется рядъ отдѣльныхъ полномочій, не подводимыхъ подъ понятіе какой-либо опредѣленной власти, т.-е. консульской, проконсульской или трибунской. Какія постановленія предшествовали дошедшимъ до насъ и какъ они были формулированы, объ этомъ можно только догадываться и мы ужъ видѣли, что, по мнѣнію Моммзена, то были постановленія о дарованіи трибунской власти [2]), а по мнѣнію Герцога этимъ закономъ даруются императору особыя полномочія, постепенно накопившіяся и не вошедшія въ составъ ни проконсульской, ни трибунской власти [3]). Фактъ тотъ, что законъ о власти Веспасіана въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, не со-

---

[1]) ib. 37—39: id ei ne fraudi esto, neve quit ob eam rem populo dare debeto, neve cui de ea re actio neve iudicatio esto, neve quis de ea re apud (s)e agi sinito.

[2]) Ср. томъ I, стр. 46. О трибунской власти уже потому не можетъ быть и рѣчи, что Веспасіанъ ея по свидѣтельству Светонія не сразу принялъ; Suet. Vesp. 12: Ac ne tribuniciam quidem potestatem (лакуна), patris patriae appellationem nisi sero recepit. Несмотря на лакуну смыслъ мѣста въ общемъ ясенъ.

[3]) Ср. томъ I, стр. 57—58.

держитъ никакихъ намековъ на тѣ основныя части власти принцепса, которыя постарались установить Моммзенъ и его послѣдователи: тутъ нѣтъ ни слова о верховной военной, административной и судебной власти, объ управленіи провинціями Цезаря и о фиксѣ, но точно также нѣтъ ни слова и о томъ „руководствѣ дѣлами“, въ которомъ мы согласно съ свидѣтельствомъ Діона, усмотрѣли специфическую сущность принципата. Уже въ виду этого очень трудно установить смыслъ и значеніе этого законодательнаго акта, главнымъ изъ дошедшихъ до насъ пунктовъ котораго безспорно является дарованіе неограниченнной дискреціонной власти. Вопросъ еще болѣе усложняется, если принять во вниманіе, что мы совершенно не можемъ сказать, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ актомъ, который повторялся каждый разъ почти въ томъ же видѣ при дарованіи принципата, или же это законъ, спеціально созданный для Веспасіана. Тацитъ, какъ мы видѣли, со свойственной ему въ такихъ случаяхъ неопредѣленностью говоритъ, что вскорѣ послѣ гибели Вителлія „сенатъ даровалъ Веспасіану всѣ обычныя полномочія принцепса“ [1]). Но значитъ ли это, чтобы всѣ полномочія принцепса теперь впервые были собраны воедино и впервые однимъ и тѣмъ же актомъ дарованы Веспасіану? Таково, повидимому, мнѣніе Гиршфельда и Шиллера: „Сенатъ“, говоритъ послѣдній, „разумѣется, надѣялся пріобрѣсти если не лучшее, то по крайней мѣрѣ то положеніе, которое онъ занималъ при Августѣ. Съ этой цѣлью имъ была установлена совокупность принадлежащихъ императору правъ и сдѣлана попытка устранить захваты (Uebergriffe) со стороны императорской власти своего рода конституціей (durch eine Art von Verfassungsurkunde). Веспасіанъ покорился этому рѣшенію, такъ какъ сенатскій авторитетъ и для него былъ слишкомъ безспоренъ, чтобы бороться

[1]) Ср. выше стр. 55, прим. 2.

съ нимъ въ началѣ его управленія“ [1]). Противъ этого взгляда однако, говоритъ очень многое. Во-первыхъ, мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы сенатъ въ 69 — 70 году дѣйствительно предполагалъ произвести какое-либо ограниченіе императорской власти: независимо отъ того, что объ этомъ ни слова не говоритъ ни одинъ изъ нашихъ источниковъ—а Тацитъ никакъ не могъ бы умолчать о такомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ, разъ онъ подробно останавливается на такихъ сравнительно неважныхъ проявленіяхъ оппозиціоннаго настроенія, какъ предложеніе Гельвидія Приска о формѣ избранія посольства къ Веспасіану [2]),—всѣ извѣстныя намъ требованія сената въ подобныхъ случаяхъ клонятся къ другому, къ на-

---

[1]) Schiller, Gesch. т. I стр. 508. Ср. Hirschfeld, Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte, стр. 289: Durch ein Senatsconsult mit Gesetzeskraft wurde die Summe der dem Kaiser verfassungsmässig zustehenden Rechte normirt und von neuem ein Vertrag zwischen dem Princeps auf der einen, dem Senat und Volk auf der anderen Seite abgeschlossen, um die Rückkehr Neronischer Zeiten für immer zu verhüten. Gewiss hatte Vespasian den Willen, *die seiner Gewalt gezogenen Schranken* zu respectiren und nur der erste Magistrat des römischen Volkes zu sein. Ср. прим. 4 къ той же страницѣ: *da es sich hier nicht um die Uebertragung des Principates, sondern um die Begränzung der damit verbundenen Competenzen handelt.* Въ чемъ собственно Hirschfeld усматриваетъ ограниченіе императорской власти, мнѣ совершенно непонятно. Во всемъ законѣ, поскольку онъ до насъ дошелъ, говорится только о правахъ и привилегіяхъ принцепса и нигдѣ нѣтъ даже попытки установить границы его компетенціи. Да о какихъ же ограниченіяхъ и можно было говорить, разъ законъ содержалъ постановленіе о безусловно неограниченной дискреціонной власти принцепса. Что же касается общаго тона всего акта, указывающаго на полудолжностной характеръ принципата, и упоминанія о законахъ, обязательныхъ и для принцепса, то было бы очень странно усматривать именно въ этомъ ограниченіе принципата. Не слѣдуетъ забывать, что кромѣ полоумнаго Гая ни одинъ изъ предшествовавшихъ принцепсовъ, не исключая и Нерона, не считалъ себя неограниченнымъ монархомъ: всѣ признавали себя уполномоченными сената и народа и всѣ въ силу этого не могли считать себя стоящими выше всѣхъ законовъ. Напоминать объ этомъ Веспасіану не имѣло никакого смысла и несомнѣнно это сенату и въ голову не приходило. Вотъ, если бы его дискреціонной власти были даны границы, тогда можно было бы согласиться съ Гиршфельдомъ.

[2]) Ср. ниже. Tac. Hist. 4, 6—8. Ср. 4, 9.

казанію деляторовъ предшествовавшаго принципата [1]) и къ устраненію опасности процессовъ объ оскорбленіи величества на будущее время [2]), т.-е. къ обезпеченію не всей имперіи, а только сенаторскаго сословія отъ произвола принцепсовъ. Да и помимо этого условія времени были вовсе не таковы, чтобы сенатъ могъ рѣшиться на подобный шагъ: Веспасіанъ фактически пріобрѣлъ власть силой и вовсе не нуждался такъ какъ Оѳонъ въ поддержкѣ сената; никто не зналъ, что можно было ожидать отъ его принципата, а дѣйствія Муціана и Антонія Прима были скорѣе способны возбудить опасенія. Только надежда на прекращеніе гражданскихъ войнъ и посланіе Веспасіана успокаивали и „придали бодрость“ сенату, который тутъ же проявилъ свое „повиновеніе“ [3]). Но если даже оставить въ сторонѣ ни на чемъ не основанное и несомнѣнно неправильное мнѣніе Шиллера о характерѣ „закона о власти Веспасіана“, то даже его предположеніе о томъ, что теперь впервые всѣ полномочія принцепса были собраны въ одномъ законѣ, не можетъ быть признано ни доказаннымъ, ни настолько вѣроятнымъ, чтобы имъ устранялось всякое иное толкованіе. Фактъ, что изъ всѣхъ законовъ о дарованіи принципата до насъ дошелъ только законъ, касающійся Веспасіана, долженъ быть признанъ такимъ же случайнымъ какъ тотъ, что единственная формула присяги принцепсу относится къ Гаю. Что же касается словъ Тацита, то они, во-первыхъ, слишкомъ неопредѣленны, а, во-вторыхъ, его выраженія о дарованіи власти Вителлію еще гораздо рѣшительнѣе: „все, что было создано за долгіе принципаты другихъ, сразу даруется

[1]) Ср. постановленія сената послѣ паденія Нерона и Домиціана.

[2]) Сначала (до принципата Домиціана) сенатъ добивается при этомъ огульнаго упраздненія процессовъ объ оскорбленіи величества (при Гаѣ, Клавдіи, Неронѣ, можетъ быть, при Веспасіанѣ): начиная съ Домиціана, онъ настаиваетъ на принесеніи принцепсомъ особой присяги, не подвергать казни спеціально сенаторовъ и добивается своей цѣли при Нервѣ.

[3]) Ср. выше стр. 94, прим. 1.

сенатомъ", говорится здѣсь [1]); да и „Оѳону, была дарована (въ одинъ и тотъ же день убійства Гальбы) трибунская власть и званіе Августа и всѣ полномочія принцепсовъ" [2]).

При такихъ условіяхъ мы имѣли бы полное право усумниться въ томъ, представлялъ ли законъ о власти Веспасіана и въ самомъ дѣлѣ нѣчто новое и не было ли аналогичныхъ актовъ и раньше. Уже принципатъ Тиберія (объ Августѣ нечего и говорить), какъ мы видѣли, могъ подать поводъ къ собранію нѣкоторыхъ разрозненныхъ полномочій Августа въ одно хотя бы лишь формально единое цѣлое: но такъ какъ Тиберій уже до 14 года обладалъ трибунской и проконсульской властью, то при дарованіи ему принципата могла быть рѣчь только о соединеніи полномочій, пріобрѣтенныхъ Августомъ въ 27 году и собственно заключавшихъ въ себѣ принципатъ, съ тѣми, которыя ему были даны отдѣльно въ другіе годы, въ числѣ коихъ особенно важны полномочія 19 года [3]). Изъ комбинаціи этихъ двухъ группъ на нашъ взглядъ по всему вѣроятію первоначально и образовалась такъ называемая lex de imperio. Но уже при переходѣ власти къ Гаю—то же самое повторилось потомъ при Клавдіи, Гальбѣ, Оѳонѣ, Вителліи и Веспасіанѣ—сенатъ и народъ имѣли дѣло съ лицомъ, не обладающимъ ни однимъ изъ многообразныхъ полномочій принцепса и всѣмъ имъ пришлось даровать кромѣ упомянутыхъ полномочій также и проконсульскую и трибунскую власть [4]). Были ли однако эти двѣ власти также вне-

---

[1]) Hist. 2, 55: cuncta... statim decernuntur.

[2]) Hist. 1, 47: et omnes principum honores. О Неронѣ см. Ann. 12, 69: sententiam militum secuta patrum consulta, nec dubitatum est apud provincias. Ср. Suet. Cal. 14: ingressoque urbem, statim consensu senatus et inrumpentis in curiam turbae... ius arbitriumque omnium rerum illi permissum est.

[3]) См. томъ I стр. 144 сл.

[4]) Исключеніе представляетъ Неронъ. Tac. Ann. 12, 41: et Caesar adulationibus senatus libens cessit, ut vicensimo aetatis anno consulatum Nero iniret atque interim designatus proconsulare imperium extra urbem haberet ac princeps iuventutis appellaretur.

сены въ lex de imperio, мы не знаемъ: судя по тому, что въ актахъ арвальскихъ братьевъ по крайней мѣрѣ до Веспасіана отличаются день дарованія имперія и день дарованія трибунской власти, соединеніе всѣхъ безъ исключенія полномочій принцепса въ одномъ актѣ представляется очень мало правдоподобнымъ [1]). Но и для эпохи Веспасіана мы не имѣемъ основанія предположить подобное соединеніе: дѣло въ томъ, что у Светонія сохранилось одно не совсѣмъ ясное, вслѣдствіе порчи текста, извѣстіе, въ силу котораго мы должны допустить возможность, что онъ сначала не пожелалъ принять трибунскую власть [2]). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не сразу принялъ всѣ почетныя званія принцепса [3]), а слѣдовательно, и къ его времени права и привилегіи принцепса не успѣли слиться въ одно цѣлое.

При такихъ условіяхъ ясно, что намъ только въ томъ случаѣ можно было бы придти къ какому-нибудь опредѣленному результату, если бы законъ о власти Веспасіана дошелъ до насъ цѣликомъ. На самомъ дѣлѣ до насъ дошла лишь сравнительно незначительная часть его и намъ приходится довольствоваться признаніемъ, что вопросъ о томъ, что содержалось въ потерянной первой части его представляется неразрѣшимымъ. Единственное, что можно сказать, это—то, что соединеніе всѣхъ безъ исключенія полномочій принцепса въ одномъ законѣ не представляется вѣроятнымъ и что скорѣе можно предположить, что полномочія 27 года съ позднѣйшими добавленіями, проконсульская и трибунская власть формально

[1]) См. acta fr. arv. (Henzen) p. XCII, стр. 60: ob comit(ia) trib(uniciae) pol(estatis) imp(eratoris); относится къ Оѳону (28 февраля 69 г.). Ib. p. XCIV стр. 85: ob diem imperi (Vitelli) German(ici) imp(eratoris); относится къ Вителлію (19 апрѣля 69 года). Ib. XCIV стр. 81 о его трибунской власти. См. объ этомъ Henzen, стр. 64.

[2]) Suet. Vesp. 12 (ср. выше стр. 96 прим. 2). Объ отношеніи Веспасіана къ трибунской власти еще придется поговорить дальше.

[3]) Suet. ib. Верховный понтификатъ до третьяго вѣка также всегда даруется особо. Mommsen R. St. 2, 1107 и Herzog. Gesch. и Syst. 2, 750.

сохранили свое самостоятельное существованіе. Если согласиться съ этимъ, то изъ всѣхъ трехъ важнѣйшихъ составныхъ частей власти принцепса законъ о власти Веспасіана больше всего подходитъ къ полномочіямъ, дарованнымъ Августу въ 27 году и, можетъ быть, дополненнымъ при переходѣ власти къ Тиберію рядомъ отдѣльныхъ полномочій, дарованныхъ Августу независимо отъ проконсульской и трибунской власти. Въ такомъ случаѣ lex de imperio Vespasiani представляла бы дополненное изданіе закона 14 года о власти Тиберія.

Если принять это объясненіе, то значительно облегчается разрѣшеніе вопроса объ отношеніи между разбираемымъ закономъ и той lex de imperio, о которой говорится у Гая [1]) и Ульпіана [2]). На первый взглядъ можетъ показаться, что не только Ульпіанъ, но и Гай говорятъ объ одномъ актѣ, которымъ принцепсу даруется вся принадлежащая ему власть: относительно Ульпіана это, пожалуй, и такъ, хотя и нельзя быть безусловно увѣреннымъ, чтобы тутъ не было интерполяціи. Что же касается Гая, то не нужно забывать, что онъ говоритъ о lex de imperio спеціально въ связи съ законодательной властью принцепса. Замѣтивъ, что императорскій указъ имѣетъ безспорно силу закона, онъ для объясненія этого факта прибавляетъ, что императоръ самъ получаетъ свою власть на основаніи закона. Этимъ не сказано, чтобы императоръ получалъ всѣ свои полномочія въ силу одного закона. Что Гай имѣетъ въ виду спеціально законодательную или точнѣе указную власть принцепса, также мало подле-

[1]) Gai inst. 1, 5: cum ipse imperator per legem imperium accipiat.

[2]) L. 1. D. 4, 1 (Ulp.): utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat. Въ l. 6. C. J. 1, 2 вмѣсто conferat поставлено concessit, что особенно характерно по сравненію съ l. 1, 7 C. J. 1, 17: cum lege antiqua, quae regia nuncupabatur, omne ius omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem. Ко времени Юстиніана всякое реальное представленіе о lex de imperio очевидно уже успѣло исчезнуть и создалось представленіе о единичномъ законодательномъ актѣ, коимъ былъ созданъ принципатъ.

житъ сомнѣнію какъ то, что эта власть тожественна съ той властью „дѣлать и совершать все“, что данный принцепсъ сочтетъ нужнымъ въ интересахъ государственныхъ и частныхъ божественныхъ и человѣческихъ, которая оговорена въ разбираемомъ законѣ. Въ виду этого и въ виду строгаго соблюденія внѣшнихъ конституціонныхъ формъ, которое отличаетъ эпоху Антониновъ и дѣлаетъ невѣроятнымъ, чтобы замѣчающееся въ III вѣкѣ сліяніе всѣхъ императорскихъ полномочій разъ его не было раньше, т.-е. при Флавіяхъ, могло состояться при нихъ, мы—если только признать все вышеизложенное—должны придти къ заключенію, что, говоря о „законѣ, на основаніи котораго императоръ получаетъ свою власть“, Гай имѣетъ въ виду именно тотъ актъ, которымъ императору наряду съ полномочіями 27 года даруется его дискреціонная власть, т.-е. актъ, ближе всего соотвѣтствующій закону о власти Веспасіана. Это вполнѣ соотвѣтствовало бы всему, что нами раньше было сказано объ исключительномъ значеніи полномочій, дарованныхъ Августу въ 27 году, для принципата [1]).

Во всякомъ случаѣ какъ бы ни смотрѣть на разобранный памятникъ, фактъ тотъ, что сенатъ непосредственно послѣ побѣды Веспасіана даровалъ ему всѣ полномочія прежнихъ принцепсовъ. Но въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ Веспасіанъ, повидимому, не довольствовался этимъ и съ цѣлью дальнѣйшаго усиленія принципата въ нѣсколькихъ пунктахъ измѣнилъ обычную политику Цезарей.

Дѣло въ томъ, что изученіе надписей и особенно монетъ, въ надписяхъ которыхъ особенно явно выступаютъ намѣренія власти, прежде всего доказало, что Веспасіанъ въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ придавалъ особенно большое значеніе не столько трибунской власти, сколько консулату [2]).

---

[1]) Ср. томъ I, стр. 105—106.

[2]) Ср. Mommsen въ Wiener numismatische Zeitschrift 3 (1871) стр. 458 сл. и R. St. 2, 1096: Chambalu, de magistratibus Flaviorum 1882 и Philolo-

Тогда какъ въ предшествующее время счетъ годамъ императорской власти даннаго принцепса всегда систематически ведется по годамъ его трибунской власти, на монетахъ Веспасіана этотъ порядокъ прерывается: года трибунской власти упоминаются на монетахъ первыхъ лѣтъ и затѣмъ снова въ 79 году [1]), что пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ связи съ выше отмѣченными словами Светонія. Трибунская власть правда продолжала входить въ составъ важнѣйшихъ полномочій принцепса и дарованіе ея 1 іюля 71 года Титу [2]) должно было доказать, что онъ признается наслѣдникомъ принципата [3]), но тѣмъ не менѣе первенствующее мѣсто занимаетъ не она, а консулатъ. За исключеніемъ 73 и 78 года Веспасіанъ ежегодно присваиваетъ себѣ консулатъ, за исключеніемъ 74 года его коллегой каждый разъ состоитъ Титъ [4]): а такъ какъ оба естественно присваиваютъ себѣ именно

---

gus т. 44, стр. 106—131, 502 сл.; Hoffmann, quomodo quando Titus imperator factus sit 1883. Pick, Berliner Zeitschrift für Numismatik 13, 190—239 и 356—383. Schiller, Gesch. 1, 508, прим. 5.

[1]) Chambalu, Philologus 44, 125 сл. съ поправками Pick'a.

[2]) Ср. Borghesi op. 6 p. 10 сл.; Ср. Pick, стр. 128 и Philostr. v. Apoll. 7, 29 сл.

[3]) До Тита при жизни даннаго принцепса получили трибунскую власть только М. Агриппа и Тиберій. Ср. томъ I стр. 236 сл. Когда раскрылся заговоръ Сеяна, Тиберій обманулъ его надеждой на дарованіе трибунской власти и этимъ удержалъ его отъ, казалось бы ненужныхъ, отчаянныхъ дѣйствій. Ср. Suet. Tib. 65 и томъ I стр. 309 сл.

[4]) Consules ordinarii 70 года Веспасіанъ II и Титъ (первый консулатъ Веспасіана относится къ 51 году), 71 года Веспасіанъ III и М. Кокцей Нерва (о предполагаемыхъ, но едва ли особенно вѣроятныхъ причинахъ устраненія Тита см. Asbach, Römisches Kaisertum und Verfassung bis auf Traian стр. 66—67: едвали слѣдуетъ придавать столько значенія сплетнямъ, собраннымъ у Светонія Tit. 5; ср. впрочемъ Philostr. v. Apoll. 6, 27) 72 года Веспасіанъ IV Титъ II, 73 года Домиціанъ II и Мессалинъ (первый разъ Домиціанъ былъ consul suffectus въ 71 году), 74 года Веспасіанъ V Титъ III, 75 года Веспасіанъ VI Титъ IV, 76 года Веспасіанъ VII Титъ V, 77 года Веспасіанъ VIII Титъ VI, 78 года Луцій Цеіоній Коммодъ и Децимъ Новій Прискъ (не стоитъ ли это въ связи съ дѣломъ Гельвидія Приска, которое, повидимому, относится къ 77 году, ср. Asbach, ук. соч. стр. 79?), 79 года Веспасіанъ IX Титъ VII.

такъ-называемые ординарные консулаты, т.-е. тѣ, съ которыхъ начинается годъ, то и годы ихъ консульствъ называются ихъ именами, а для частныхъ лицъ обыкновенно остается только надежда сдѣлаться „добавочными консулами“ (consules suffecti). За все время принципата Веспасіана кромѣ членовъ царствующаго дома только три лица, М. Кокцей Нерва, Л. Цеіоній Коммодъ и Д. Новій Прискъ, удостоились чести дать году свое имя, да и среди добавочныхъ консуловъ мы, кромѣ Тита, цѣлыхъ пять разъ встрѣчаемъ имя Домиціана. Если къ этому прибавить, что и Домиціанъ позднѣе очевидно придавалъ особенное значеніе консулату — за пятнадцать лѣтъ своего принципата онъ былъ одиннадцать разъ консуломъ, а въ 84 году получилъ консулатъ сразу на десять лѣтъ [1]), — то едва ли останется сомнѣніе, что въ политикѣ трехъ Флавіевъ и въ этомъ отношеніи наблюдается замѣчательное единообразіе. Само собою разумѣется, что цѣль ихъ не могла заключаться въ расширеніи ихъ и безъ того безграничныхъ полномочій: иначе они не слагали бы съ себя каждый разъ такъ быстро консульскую власть (въ общемъ они пользовались ею не дольше четырехъ мѣсяцевъ, а иногда лишь нѣсколько дней). Единственное, чего они могли добиваться, могло быть только увеличеніе внѣшняго блеска принципата и расширеніе разстоянія между принцепсомъ и его домомъ съ одной, и обыкновенными гражданами съ другой стороны. Замѣнивъ старый и славный домъ Юліевъ и Клавдіевъ Флавіи не могли не чувствовать, что ихъ крайне скромное происхожденіе не можетъ быть быстро забыто при томъ аристократическомъ настроеніи, которымъ отличалась не только римская знать, но буквально все общество имперіи. Весьма естественно, что они должны были стремиться такъ или иначе возвысить престижъ своего рода, а для этой цѣли многочи-

[1]) См. ниже.

сленные консулаты представляли незамѣнимое средство: недаромъ Свѣтоній, да и Тацитъ, такъ внимательно отмѣчаютъ, происходитъ ли данное лицо изъ консульскаго, преторскаго или „новаго“ семейства и сколькихъ консулатовъ оно достигло. Ничего такъ не содѣйствовало возвышенію Вителлія какъ то, что его отецъ былъ ценсоромъ и трижды консуломъ. Званіе консуляра открывало, такъ сказать, доступъ къ императорской власти и весьма естественно поэтому, что Флавіи во-первыхъ стремятся къ возможно бо̀льшему числу консульствъ, а во-вторыхъ оставляютъ за собой почетное мѣсто среди самихъ консуловъ.

Въ то же самое время они, однако, отнюдь не хотятъ и безъ значительныхъ неудобствъ при замѣщеніи многочисленныхъ крупныхъ должностей, предоставленныхъ исключительно консулярамъ, не могутъ сократить число консуловъ изъ частныхъ лицъ [1]). Вотъ почему они каждый разъ недолго остаются консулами и вообще сокращаютъ срокъ дѣятельности консуловъ. Если, начиная съ Августа и до Нерона, консулаты обыкновенно бываютъ полугодовые [2]), то, начиная съ Флавіевъ, они становятся четырехъ- и даже двухмѣсячными [3]). Значеніе консульской власти отъ этого, правда, не могло увеличиться: чѣмъ дальше, тѣмъ она становится все болѣе и болѣе чисто почетнымъ званіемъ, открывающимъ доступъ въ высшій разрядъ сенаторовъ и къ цѣлому ряду важныхъ должностей, но, помимо этого, безсодержательнымъ и безсильнымъ.

Весьма понятно, что систематическая конфискація ординарныхъ консулатовъ въ пользу господствующаго дома должна была вызвать немалое недовольство среди сенаторовъ, среди которыхъ добавочные консулаты еще со временъ Нерона цѣ-

---

[1]) Ср. томъ I стр. 173 сл.

[2]) Исключеніе составляетъ время Тиберія, ср. томъ I стр. 267. Mommsen. R. St. 2, 82 сл.

[3]) Mommsen R. St. 2, 85.

нились гораздо ниже ординарныхъ [1]): въ этомъ легко было усмотрѣть желаніе устранить сенаторовъ отъ высшей чести, которая вообще могла выпасть на долю римлянина. Возможно, что именно этимъ объясняется другой фактъ, отличающій эпоху Флавіевъ отъ непосредственно предшествовавшей, а именно то, что они сравнительно охотно допускали частныхъ людей до второго и даже до третьяго консулата, но разумѣется преимущественно изъ добавочныхъ, чего мы не встрѣчаемъ со времени третьяго консулата Вителлія, т.-е. съ 47 года. Съ одной стороны этимъ до извѣстной степени устранялся упрекъ въ завистливомъ отношеніи къ сенату, съ другой стороны второй и третій консулатъ служили вознагражденіемъ за особенно крупныя заслуги и создавали друзьямъ и помощникамъ принцепса особенно почетное положеніе: не даромъ мы видимъ, что именно Муціанъ, Вибій Криспъ и Фабрицій Веіентонъ получили по три консулата [2]).

Но Веспасіанъ не ограничился частыми консулатами для увеличенія своего престижа и, воспользовавшись предшествовавшими смутами и необходимостью широкой реорганизаціи государства, по примѣру Клавдія въ апрѣлѣ 73 года присвоилъ себѣ и Титу цензуру и сохранилъ ее въ теченіе обычнаго 18-мѣсячнаго срока. Отрывочность нашихъ данныхъ, какъ мы видѣли, къ сожалѣнію не позволяетъ намъ точнѣе познакомиться съ ходомъ его цензорской дѣятельности. Въ сущности мы знаемъ только, что при немъ (какъ раньше при Клавдіи) былъ произведенъ общій цензъ [3]) и что оказалось

---

[1]) Sen. de ira 3, 31: dedit mihi praeturam: sed consulatum speraveram. dedit duodecim fasces: sed non fecit ordinarium consulem. Еще начиная съ послѣднихъ лѣтъ Августа постепенно началъ устанавливаться обычай называть годъ исключительно по именамъ ординарныхъ консуловъ: ср. Моммзенъ, R. St. 2, 91 и 2, 92 пр. 6.

[2]) Asbach, loco cit. 65.

[3]) Въ связи съ этимъ стоитъ вѣроятно дарованіе Испаніи латинскаго права. Plin. Nat. Hist. 3, 3, 30.

необходимымъ пересмотрѣть и дополнить составъ сената: терроризмъ Гая, Клавдія и Нерона и смуты послѣдующаго времени съ одной стороны привели къ значительному сокращенію особенно болѣе старыхъ сенатскихъ родовъ, съ другой стороны наполнили сенатъ креатурами принцепсовъ и ихъ приближенныхъ [1]). Какъ собственно были произведены очистка и пополненіе сената, мы не знаемъ: по словамъ Аврелія Виктора Веспасіанъ вызвалъ наиболѣе выдающихся провинціаловъ въ Римъ и образовалъ изъ нихъ тысячу новыхъ родовъ въ дополненіе къ сохранившимся 200 старымъ [2]). Что цензура Веспасіана имѣла огромное значеніе для состава и характера сената, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію и засвидѣтельствовано Тацитомъ: „роскошь въ ѣдѣ“, говоритъ онъ, „развившаяся съ постояннымъ возрастаніемъ расхода въ теченіе ста лѣтъ отъ конца актійской войны (т.-е. войны Августа съ Антоніемъ) до той войны, въ силу которой Сервій Гальба пріобрѣлъ власть, постепенно начала уменьшаться. Стоитъ указать причины этой перемѣны. Богатыя нѣкогда или замѣчательныя славой знатныя семейства раззорялись страстью къ великолѣпію. Тогда вѣдь еще разрѣшалось ухаживать за народомъ, союзниками и вассальными царями и принимать ихъ ухаживанія... Послѣ того, какъ начались казни и слава сдѣлалась причиной гибели, оставшіеся стали разумнѣе. Въ то же время въ сенатъ часто поступали новые люди изъ муниципій и колоній и даже изъ провинцій и внесли въ него

---

[1]) Suet. Vesp. 9: amplissimos ordines, et exhaustos caede varia et contaminatos veteri neglegentia, purgavit supplevitque recenso senatu et equite summotis indignissimis et honestissimo quoque Italicorum ac provincialium allecto. Тогда же были пополнены и ряды патриціевъ. Ср. Tac. Agr. 9: divus Vespasianus (Agricolam) inter patricios adscivit. Scr. hist. Aug. v. Marci 1.

[2]) Aur. Vict. de Caes. 9, 9: simul censu more veterum exercito senatu motus probrosior quisque, ac lectis undique optimis viris mille gentes compositae, cum ducentas aegerrime repperisset exstinctis saevitia tyrannorum plerisque.

привычную бережливость и, несмотря на то, что счастье или усердіе создали многимъ богатую старость, прежнія привычки сохранились. Но главнымъ виновникомъ болѣе строгихъ нравовъ былъ Веспасіанъ, самъ отличавшійся стариннымъ образомъ жизни. Повиновеніе принцепсу и страсть къ подражанію оказались, такимъ образомъ, болѣе сильными, чѣмъ установленныя закономъ наказанія и страхъ“ [1]). Само собою разумѣется, что безъ весьма значительнаго единовременнаго наплыва провинціаловъ примѣръ Веспасіана не много помогъ бы, и можно только сожалѣть, что Тацитъ не счелъ нужнымъ указать на другія измѣненія въ физіономіи сената, связанныя съ цензурой Веспасіана. Особенно интересно и важно было бы узнать что-либо о политическихъ взглядахъ новыхъ сенаторовъ: если можно дѣйствительно вѣрить цифрамъ, сохранившимся у Аврелія Виктора, то нельзя не замѣтить, что политическое направленіе тысячи новыхъ членовъ сената должно было имѣть огромное значеніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній между сенатомъ и принцепсомъ. Къ сожалѣнію, мы объ этомъ рѣшительно ничего не знаемъ и почти полное отсутствіе данныхъ объ умственномъ состояніи массы провинціальнаго и италіанскаго общества не даетъ намъ возможности возсоздать, хотя бы по аналогіи, картину умственной жизни, интересовъ и идеаловъ новыхъ сенаторовъ. Въ настоящее время мы, правда, привыкли принимать за чистую монету почти всѣ оффиціальныя выраженія преданности имперіи и императорамъ, съ которыми мы сталкиваемся на надписяхъ. На самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе сомнительнаго источника для изображенія умственнаго состоянія какого-либо общества, чѣмъ надписи: масса современныхъ аналогій изъ повседневной жизни любой изъ европейскихъ націй съ избыткомъ доказываетъ, какъ мало искренни и какъ

[1]) Tac. Ann. 3, 55. Извѣстно, что изъ всѣхъ видовъ роскоши въ Римѣ особенно рано и успѣшно привился наиболѣе грубый, именно роскошь въ ѣдѣ. Ср. Friedländer, Sittengeschichte т. III стр. 29 сл.

формальны очень часто бываютъ подобнаго рода заявленія преданности. Уже одинъ тотъ фактъ, что они становятся вполнѣ обычными, ожидаются властью и поощряются ею, въ значительной мѣрѣ лишаетъ ихъ цѣны и дѣлать изъ нихъ выводы о безусловномъ довольствѣ населенія и о его сочувствіи къ данной формѣ власти и ея политикѣ, было бы болѣе чѣмъ рисковано. А поэтому мы и не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы новые сенаторы изъ италіанскихъ и провинціальныхъ городовъ были непремѣнно сторонниками принципата или въ частности Веспасіана и его дома. Наши оффиціальные источники естественно сообщаютъ намъ только то, что было благопріятно для власти — объ открытомъ выраженіи не только республиканскихъ, но даже вообще оппозиціонныхъ взглядовъ и стремленій на провинціальныхъ, городскихъ или частныхъ надписяхъ въ предѣлахъ власти римскихъ принцепсовъ, разумѣется, и рѣчи быть не могло, — а наши литературные источники такъ односторонне интересуются только городомъ Римомъ и въ частности сенаторскимъ обществомъ, что мы не имѣемъ никакого права дѣлать изъ вынужденнаго молчанія однихъ и высокомѣрнаго молчанія другихъ обычный выводъ о безусловномъ сочувствіи всей массы провинціальнаго населенія къ имперіи или къ данному императору [1]). Если принять въ разсчетъ, что въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. республиканское настроеніе по всѣмъ признакамъ продолжало держаться въ италіанскихъ муниципіяхъ, когда въ самомъ

---

[1]) Нѣкоторыя любопытныя данныя о провинціальной оппозиціи см. въ статьѣ М. И. Ростовцева, мученики греческой культуры въ I—II вв. послѣ Р. Хр. въ журналѣ Міръ Божій за 1901 годъ. Аналогичное значеніе могутъ имѣть Сивиллины оракулы (см. Boissier, la fin du paganisme т. II стр. 13 сл.; Duruy, Hist. des Romains т. V стр. 230 сл.) и произведенія христіанскаго поэта III вѣка Коммодіана (см. Boissier, loc. cit. стр. 40 сл.). Всѣ эти данныя (кромѣ Коммодіана) относятся къ эллинскому востоку, но я не думаю, чтобы мы могли на этомъ основаніи отрицать возможность аналогичной оппозиціи, хотя бы и въ другихъ формахъ, и на западѣ.

Римѣ цезаризмъ уже сдѣлалъ огромные успѣхи [1]), и если вспомнить, что всѣ дѣятели перваго и половины второго вѣка имперіи, настроенные болѣе или менѣе враждебно къ новому строю, происходили изъ италіанскихъ или провинціальныхъ муниципій и колоній — вспомнимъ хотя бы Ѳразею Пета и Барею Сорана, Лукана, Гельвидія Приска, Арулена Рустика и Тацита,—то мы должны будемъ допустить, что въ Италіи и провинціяхъ старые республиканскіе идеалы еще долго сохраняли свою силу. Весьма возможно, что жители отдаленныхъ муниципій запада не отдавали себѣ яснаго отчета въ фактическомъ безсиліи сената и народа и придавали конституціоннымъ формамъ принципата гораздо большее значеніе, чѣмъ они на дѣлѣ имѣли [2]). Переселившись въ Римъ и столкнувшись съ безотрадной дѣйствительностью, такіе „хвалители былого времени“ должны были скоро убѣдиться въ безпочвенности своихъ идеаловъ, но отсюда отнюдь не слѣдовало, чтобы они непремѣнно скоро и вполнѣ примирились съ фактическимъ положеніемъ вещей. Когда во главѣ государства стояли люди съ такими огромными заслугами, какъ Августъ и Тиберій, окруженные славой возстановленія внутренняго и обезпеченія внѣшняго мира, примиреніе недовольныхъ должно было совершаться сравнительно быстро. Другое дѣло при слабыхъ или недостойныхъ цезаряхъ: подъ вліяніемъ ихъ деспотизма одни теряли всякое сознаніе своего достоинства и только и помнили, что „Цезарю все позволено“, другіе, наоборотъ, возмущались недостойнымъ положеніемъ общества, устранялись отъ дѣлъ или переходили къ единственной воз-

---

[1]) Ср. томъ I, стр. 65 сл. Mommsen Röm. Gesch., т. III, passim.

[2]) Востокъ въ этомъ отношеніи, повидимому, никогда не предавался особеннымъ иллюзіямъ, но не потому, чтобы онъ лучше былъ знакомъ съ фактической дѣятельностью сложной государственной машины римской имперіи, а потому что, привыкнувъ къ эллинистическимъ монархіямъ послѣднихъ трехъ вѣковъ, онъ пересталъ чуждаться царской власти и въ римскомъ цезарѣ видѣлъ преемника Птолемеевъ, Селевкидовъ и т. д.

можной формѣ оппозиціи, къ заговорамъ. Огромный капиталъ благодарности и довѣрія, оставленный Августомъ и отчасти Тиберіемъ ихъ преемникамъ, отсрочилъ явное проявленіе недовольства и только когда онъ былъ безразсудно растраченъ Гаемъ, Клавдіемъ и Нерономъ, первая династія должна была убѣдиться, что ей приходится „править людьми, которые не могутъ перенести ни полной свободы, ни полнаго рабства“ [1]).

Трудно теперь представить себѣ, каково должно было быть настроеніе римскаго общества, когда до него дошли первыя извѣстія о возстаніи Виндекса, о званіи „легата сената и народа римскаго“, принятомъ Гальбой, о рѣшеніи Вергинія и другихъ—предоставить сенату избраніе новаго принцепса, наконецъ о низложеніи Нерона. На ряду со страхомъ передъ будущимъ, вѣроятно, внезапно усилились надежды на устраненіе гнетущаго произвола принцепсовъ и на усиленіе республиканскихъ чертъ новаго строя: монеты сената съ ихъ провозглашеніемъ „возрождающейся свободы“ должны были усилить радостное настроеніе части римскаго общества. Разочарованіе не долго заставило себя ждать: полтора года всеобщей анархіи должны были охладить пылъ огромнаго большинства недавнихъ республиканцевъ. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что часть участниковъ движеній 68 и 69 года не только не могла забыть своихъ надеждъ, но и продолжала разсчитывать на возможность лучшаго будущаго. Они то и представляли ту аудиторію, на сочувствіе, а пожалуй даже и на содѣйствіе которой могли разсчитывать Гельвидій Прискъ и его друзья. Время доказало, что они боролись противъ неизбѣжнаго хода вещей, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно жаль, что мы такъ мало знаемъ о нихъ, что въ сущности принуждены догадываться даже о ихъ существованіи. Что касается

---

[1]) Tac. Hist. 1, 16 (рѣчь Гальбы Пизону): imperaturus es hominibus qui nec totam servitutem pati possunt nec totam libertatem.

практической стороны ихъ идеаловъ, то мы еще увидимъ, какъ мало намъ о ней извѣстно.

Во всякомъ случаѣ можно признать очень вѣроятнымъ, что далеко не всѣ новые сенаторы были друзьями принципата вообще и Флавіевъ въ частности. Можно было бы, правда, сказать, что Веспасіанъ и Титъ должны были знать о существованіи оппозиціи и что, назначая новыхъ сенаторовъ, они, конечно, съ свойственной имъ крутой энергіей устранили всѣ подозрительные элементы изъ сената. На дѣлѣ это, однако, вовсе не было такъ просто: разъ, дѣйствительно, пришлось набрать тысячу новыхъ членовъ, вдобавокъ почти исключительно изъ латинской части имперіи, то трудно было предварительно убѣдиться въ политической благонадежности каждаго изъ нихъ и замѣнить неблагонадежныхъ болѣе покорными. Сенаторы, разумѣется, набирались почти исключительно изъ муниципальной знати и должны были обладать весьма солидными средствами: при такихъ условіяхъ выборъ не могъ быть очень великъ и императоры поневолѣ должны были ограничить свою строгость.

Каковы бы ни были, однако, результаты цензуры Веспасіана и Тита въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ самый фактъ пріобрѣтенія ими цензорской власти и пересмотръ состава сената не могли не увеличить престижа императора. Значеніе императорской цензуры въ глазахъ общества, очевидно, было огромно. Недаромъ вѣдь основатель принципата такъ упорно открещивался отъ цензорской власти и подчеркивалъ въ своей монументальной автобіографіи, что провелъ необходимыя по очисткѣ сената и нравовъ мѣры на основаніи спеціально расширенной съ этой цѣлью консульской власти. Фактически вѣдь единственное учрежденіе, сохранившее наряду съ всесильнымъ принципатомъ хоть нѣкоторую долю нравственнаго вліянія и самостоятельности, былъ сенатъ, а цензура отдавала, между прочимъ, именно сенатъ въ полное

распоряженіе принцепса. Разъ принцепсъ обладалъ властью цензора, составъ сената всецѣло зависѣлъ отъ него, и послѣдній терялъ даже ту долю самостоятельности, которая осталась за нимъ при новыхъ условіяхъ политической жизни. Принцепсъ-деспотъ при помощи цензорской власти могъ не только наводнить сенатъ своими креатурами, но и систематически и произвольно устранять изъ него всѣхъ неугодныхъ ему людей, т.-е. подвергать ихъ высшему съ точки зрѣнія римскаго общества позору. Взаимныя отношенія между принцепсомъ и сенатомъ и безъ того были крайне неблагопріятны для сената. Стоило принцепсу пріобрѣсти цензорскую власть, и сенатъ окончательно превращался изъ одного изъ носителей государственнаго суверенитета въ государственный совѣтъ. И послѣ этого онъ могъ сохранить извѣстное политическое значеніе особенно въ тревожныя времена—значеніе, аналогичное тому, которое по временамъ имѣлъ сенатъ византійскихъ императоровъ,—но прежнее его суверенное положеніе, уже серьезно задѣтое неограниченнымъ правомъ принцепса на коммендацію, тогда должно было окончательно погибнуть.

Вотъ причина, почему императоры такъ осторожно относятся къ цензорской власти. Отсюда ясно, какое принципіальное значеніе имѣла цензура Веспасіана и Тита. Не слѣдуетъ забывать, что Августъ пользовался своей консульско-цензорской властью при участіи частнаго человѣка, М. Агриппы, и что Клавдій послѣдовалъ его примѣру—его коллегой былъ Вителлій,—тогда какъ коллегой Веспасіана былъ его сынъ, обладатель трибунской власти и десигнированный преемникъ. Сліяніе цензорской власти съ принципатомъ, устраненіе отъ нея частныхъ людей, при такихъ условіяхъ подчеркивалось особенно ясно и единственнымъ утѣшеніемъ сената могло служить то обстоятельство, что и эта цензура, по примѣру клавдіевой, не должна была продолжаться дольше обычнаго въ

республиканское время срока [1]). Окончательно разрѣшилъ вопросъ въ неблагопріятномъ для сената смыслѣ Домиціанъ, слѣдуя и здѣсь завѣтамъ своихъ предшественниковъ и доводя ихъ до ихъ логическаго завершенія. Подобно тому, какъ онъ вмѣсто ежегодныхъ принялъ десятилѣтній консулатъ, такъ онъ замѣнилъ срочную и чрезвычайную цензорскую власть пожизненной и постоянной, чѣмъ несомнѣнно значительно усилилъ ненависть къ себѣ.

Многочисленными консулатами и временнымъ принятіемъ цензуры, однако, повидимому, не ограничиваются мѣры Веспасіана для усиленія престижа принципата. Надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ онъ придаетъ также особенное значеніе титулу императора. Выше мы видѣли, что уже со временъ Августа въ званіи „imperator“ трудно различить титулъ и имя (praenomen): по первоначальному смыслу несомнѣнно почетное званіе побѣдоноснаго полководца, слово imperator, по мнѣнію Моммзена, при Августѣ пріобрѣтаетъ характеръ praenominis, а потому на надписяхъ или встрѣчается настоящее praenomen принцепса безъ упоминанія о томъ, что онъ imperator, или встрѣчается только слово imperator безъ его настоящаго praenomen. Согласно съ этимъ Тиберій, Гай и Клавдій на оффиціальныхъ надписяхъ никогда не называютъ себя императорами и только при Неронѣ это обозначеніе снова начинаетъ чаще появляться на нашихъ памятникахъ. Начиная съ Веспасіана оно всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ его титула: всѣ надписи начинаются со словъ: императоръ цезарь Веспасіанъ Августъ, послѣ чего слѣдуетъ списокъ его полномочій и его консулатовъ и особо отмѣчается, сколько разъ онъ былъ про-

[1]) Впрочемъ и послѣ 74 года (ср. Capitol. de die nat. 18) надписи упоминаютъ ради почета о бывшей цензурѣ Веспасіана и Тита. Ср. Henzen, Bullett. 1857, стр. 9, слѣд.

возглашенъ императоромъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова, т.-е. побѣдоноснымъ полководцемъ [1]).

Само собою разумѣется, что огромному большинству населенія имперіи тонкое различіе между титуломъ, обозначающимъ оффиціальное положеніе верховнаго главнокомандующаго, и именемъ оставалось совершеннно непонятнымъ: характерно напримѣръ, что греческія писатели совсѣмъ не обращаютъ на него вниманія и просто принимаютъ слово imperator за то, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, т.-е. за титулъ [2]). Несомнѣнно, что за исключеніемъ немногихъ ученыхъ [3]) и, можетъ быть, тѣхъ, что капризно хранили всякое воспоминаніе о прежнемъ величіи республики и о новизнѣ принципата, никто не сомнѣвался въ томъ, что званіе императора представляетъ титулъ, выражающій преимущественно военную власть принцепса. Съ этой точки зрѣнія постоянное употребленіе императорскаго званія Веспасіаномъ несомнѣнно пріобрѣтаетъ особенный интересъ тѣмъ болѣе, что онъ въ этомъ отношеніи послѣдовалъ не столько давно забытому примѣру Августа, сколько примѣру ненавистнаго сенату Нерона. Едва ли можно сомнѣваться, что онъ пожелалъ подчеркнуть этимъ именно военную основу своей власти, память о томъ, что онъ былъ обязанъ принципатомъ побѣдоносной войнѣ, а не мирному рѣшенію сената и народа [4]).

---

[1]) Mommsen R. St. 2, 768—770.

[2]) Mommsen, R. St. 2, 770: wie dies am deutlichsten darin hervortritt, dass die Griechen imperator nicht beibehalten, sondern durch αὐτοκράτωρ wiedergeben. Это относится не только къ писателямъ, но и къ надписямъ.

[3]) Какъ, напримѣръ, Светоній: Iul. 76, Tib. 26; Claud. 12.

[4]) Schiller, Gesch. 1, 509: der militärische Charakter der Herrschaft gab sich hierin wie in anderen Massnahmen kund. Mommsen, R. St. 2, 770: wurde auf diesem Wege die höchste militärische Gewalt mit der Persönlichkeit des Gewalthabers gleichsam identificirt und erschien in demselben verkörpert. Ср. ib. 2, 1154: Als dann seit dem Antritt der Flavier die Bezeichnung imperator nicht eigentlich titular, aber doch mehr und mehr der officielle Ausdruck des Besitzes der proconsularischen Gewalt ward...

Но всѣ эти мѣры Веспасіана имѣли скорѣе принципіальное и теоретическое значеніе и сами по себѣ не могли безусловно обезпечить дѣйствительной прочности его власти. Онѣ все болѣе и болѣе увеличивали авторитетъ принцепса въ глазахъ населенія и возвышали его надъ сенатомъ, но устранить такимъ путемъ, насколько это вообще мыслимо, возможность переворотовъ, разумѣется, было невозможно. Въ концѣ концовъ всѣ полномочія, права и привилегіи Веспасіана принадлежали ему лично и наивные люди могли разсчитывать, что послѣ его смерти настанетъ время, чтобы пересмотрѣть новое положеніе и принудить слѣдующаго принцепса къ уступкамъ. Светоній разсказываетъ, что Веспасіанъ „былъ такъ увѣренъ въ своей судьбѣ и въ судьбѣ своихъ сыновей, что послѣ непрерывныхъ заговоровъ противъ него онъ рѣшился заявить сенату, что наслѣдниками его будутъ либо его сыновья, либо никто“ [1]), и Ранке даетъ этимъ словамъ очень правдоподобное объясненіе, говоря, что сила республиканскаго движенія въ сенатѣ была или могла казаться настолько значительной, что Веспасіанъ не былъ увѣренъ, не произойдетъ ли попытка республиканской реставраціи [2]). Во всякомъ случаѣ онъ принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы устранить возможность подобнаго переворота какъ при своей жизни, такъ и на случай своей смерти. Мы ужъ видѣли, что Титъ еще въ 71 году получилъ трибунскую власть, которой со времени Тиберія никогда не обладалъ никто кромѣ самого принцепса, и былъ облеченъ цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ полномочій, ко-

---

[1]) Suet. Vesp. 25: post assiduas in se coniurationes... aut filios sibi successuros aut neminem. Характерно, что Светоній объясняетъ поразившую его увѣренность Веспасіана въ будущихъ судьбахъ имперіи его астрологическими знаніями. Ср. Dio 66, 12.

[2]) Ranke, Weltgeschichte т. III, ч. I стр. 253. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто Веспасіанъ былъ настолько наивенъ, чтобы считать такую республиканскую реставрацію долговѣчной.

торыя и дали ему возможность раскрыть рядъ заговоровъ и устранить грозившую отъ нихъ опасность [1]). Въ высшей степени любопытно въ виду этого, что на монетахъ 71 года встрѣчается надпись Titus Imp. designatus [2]), тогда какъ другія монеты того же года (вспомнимъ, что перваго іюля этого года Титъ получилъ трибунскую власть) несутъ надпись Imp. безъ designatus: на первый взглядъ можетъ показаться, что Веспасіанъ, въ титулатурѣ котораго императорское званіе играетъ такую большую роль, формально десигнировалъ Тита для императорской власти и тѣмъ самымъ предполагалъ установить законное наслѣдованіе принципата. Ясно, какое значеніе имѣлъ бы подобный шагъ, если бы только онъ былъ лучше засвидѣтельствованъ: фактически монархическій и династическій характеръ принципата такимъ путемъ былъ бы окончательно установленъ въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ чѣмъ посредствомъ той системы усыновленія, къ которой нѣкогда прибѣгнулъ Августъ, позднѣе Клавдій, а въ самое послѣднее время Гальба. Прецедентъ усыновленія Пизона, правда, доказывалъ, что наиболѣе естественной формой „приближенія къ надеждѣ на принципатъ“ при отсутствіи естественнаго родства между принцепсомъ и его презумптивнымъ наслѣдникомъ признавалось установленіе хотя бы искусственнаго родства и что при такихъ условіяхъ не требовалось даже дарованія какихъ-либо особыхъ полномочій, чтобъ придать акту усыновленія конституціонное значеніе; несомнѣнно и то, что неудобства отсутствія опредѣленныхъ узаконеній относительно наслѣдованія принципата должны были ощущаться тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе необходимымъ оказывался самый принципатъ. И тѣмъ не менѣе молчаніе Діона и особенно Светонія не позволяетъ намъ утверждать, чтобы Веспасіанъ сдѣлалъ

[1]) Ср. выше стр. 77 и 86—88.
[2]) Eckhel, 6, 324 сл.

рѣшительный шагъ и *формально* провозгласилъ Тита своимъ преемникомъ [1]).

На дѣлѣ, разумѣется, никто не сомнѣвался въ томъ, что послѣ смерти Веспасіана власть должна перейти къ его старшему сыну и очень вѣроятно, что ничто такъ не сдерживало честолюбія разныхъ авантюристовъ, какъ тотъ фактъ, что Веспасіанъ не былъ такимъ одинокимъ старцемъ, какъ Гальба или какъ впослѣдствіи (до усыновленія Траяна) Нерва. Благодаря вѣрной и энергичной поддержкѣ сына Веспасіанъ могъ сравнительно спокойно совершить огромное дѣло реорганизаціи государства и возстановленія императорскаго авторитета. Оппозиція была раздавлена ихъ сильной рукой и потомство признало, что „во время всего своего принципата Веспасіанъ ничего такъ не добивался, какъ упрочить, а потомъ и украсить едва не погибшее и колебавшееся на своихъ устояхъ государство“ [2]). Все недовольство, все накопившееся противъ его суроваго управленія ожесточеніе было забыто и вылилось въ форму страстной ненависти противъ его второго сына, доведшаго заботу отца и брата объ императорскомъ авторитетѣ до мрачной тираніи.

Императоръ Титъ Цезарь Веспасіанъ Августъ, замѣнивъ безъ малѣйшихъ затрудненій своего отца [3]), сразу рѣзко измѣнилъ политику первыхъ десяти лѣтъ господства дома Флавіевъ. Понялъ ли онъ степень своей непопулярности среди сената, оцѣнилъ ли онъ всю опасность такого настроенія господствовавшаго сословія и рѣшилъ ли онъ въ виду этого измѣнить

---

[1]) О титулатурѣ Тита см. Schiller, Gesch. 1, 508, прим. 5, и Mommsen, R. St. 2, 1154.

[2]) Suet. Vesp. 8: ac per totum imperii tempus nihil habuit antiquius quam prope afflictam nutantemque rem publicam stabilire primo, deinde et ornare.

[3]) Преторіанцы получили по этому случаю донативъ. Suet. Dom. 2; Dio 66, 26, 3.

свое поведеніе, была ли это просто попытка достигнуть желаннаго результата общественнаго успокоенія новымъ путемъ, послѣ того какъ недавній заговоръ Цецины и Эпрія Марцелла доказалъ безуспѣшность предшествовавшей политики полицейскаго надзора и казней, мы не знаемъ. Тѣ характеристики Тита, которыя дошли до насъ, такъ явно искажены сантиментально-идиллическими чертами аристократической традиціи, что въ настоящее время трудно составить себѣ отчетливое представленіе о немъ: тогда какъ онъ при жизни отца служилъ, если можно такъ выразиться, козломъ отпущенія, на отвѣтственность котораго взваливались всѣ жестокости и строгости Веспасіана, впослѣдствіи ненависть къ Домиціану и его памяти привела къ непомѣрной идеализаціи его предшественника. Въ результатѣ передъ нами какой-то хамелеонъ; жестокій и распущенный наслѣдникъ принципата, онъ въ качествѣ принцепса внезапно становится слащаво снисходительнымъ, всѣми любимымъ, справедливымъ и щедрымъ сказочнымъ царемъ [1]).

[1]) Въ противоположность къ тенденціи „спасать“ Тиберія, Гая, Клавдія и Нерона мы встрѣчаемся въ исторической литературѣ XIX вѣка съ попытками унизить любимцевъ нашихъ источниковъ, въ томъ числѣ и Тита. Ср. L. Double, l'Empereur Titus (Парижъ 1877) стр. 129: Titus a tout simplement un ramollissement de la moelle épinière. ...Titus n'est devenu doux et clément qu'en devenant idiot. Аналогичную картину даетъ Beulé, Titus et sa dynastie. И тотъ и другой забываютъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ нашимъ источникамъ, въ которыхъ накопились всѣ аристократическія сплетни даннаго времени, и какъ рискованно довѣряться ихъ психологически часто совершенно нелѣпымъ разсказамъ.—Теоретически разсуждая можно согласиться съ Double'емъ, что болѣзнь, сведшая Тита въ могилу, когда ему было всего 40 лѣтъ, повидимому еще раньше наложила печать на его характеръ и проявлялась въ нѣкоторой нервной неустойчивости (ср. Suet. Tit. 10: spectaculis absolutis, in quorum fine populo coram ubertim fleverat, Sabinos petit aliquanto tristior, quod sacrificanti hostia aufugerat quodque tempestate serena tonuerat; Suet. Tit. 8). Весьма возможно также, что она стояла въ тѣсной связи съ той распутной жизнью, которую онъ, повидимому, велъ въ молодости (Suet. Tit. 7: praeter saevitiam suspecta in eo etiam luxuria erat, quod ad mediam noctem comissationes cum profusissimo quoque familiarium extenderet; nec minus libido propter exole-

Если оставить въ сторонѣ общія характеристики, описывающія Тита какъ „любовь и восторгъ рода человѣческаго“ [1]), и рядъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ анекдотовъ, о его добротѣ и милосердіи [2]), то останется группа фактовъ, ясно доказывающихъ, что онъ старался примирить сенатъ съ новой династіей и еще больше отца привлечь населеніе Рима къ себѣ. Въ то же время, однако, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ не отказался ни отъ одной изъ существенныхъ опоръ императорской власти и позаботился устранить всякое сомнѣніе относительно правъ Домиціана на принципатъ, объявивъ его своимъ „соправителемъ и наслѣдникомъ“ [3]).

Однимъ изъ главныхъ требованій сената, какъ мы видѣли, всегда было запрещеніе процессовъ объ оскорбленіи величества и наказаніе деляторовъ. Весьма понятно поэтому, какой во-

---

torum et spadonum greges propterque reginae Berenices amorem... denique propalam alium Neronem et opinabantur et praedicabant (ср. Tac. Hist. pass., Dio). Но отъ этого еще далеко до болѣзни спиннаго мозга и до идіотизма: при всемъ своемъ пристрастіи къ Титу Свѣтоній не упустилъ бы случая сообщить намъ такой интересный особенно для него фактъ.

[1]) Suet. Tit., 1: amor ac deliciae generis humani (tantum illi ad promerendam omnium voluntatem vel ingenii vel artis vel fortunæ superfuit et, quod difficillimum est, in imperio); ib. 7: at illi ea fama pro bono cessit conversaque est in maximas laudes, neque vitio ullo reperto et contra virtutibus summis.

[2]) Suet. Tit. 8–9.

[3]) Suet. Tit. 9: fratrem insidiari sibi non desinentem, sed paene ex professo sollicitantem exercitus, meditantem fugam, neque occidere neque seponere ac ne in minore quidem honore habere sustinuit, sed, ut a primo imperii die, *consortem* successoremque testari perseveravit. Насколько достовѣрны слухи объ интригахъ Домиціана, трудно сказать; несомнѣнно, что его безпокойное честолюбіе страдало отъ отсутствія непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ и что отношенія между братьями не были особенно хороши, (ср. Suet. Dom. 2: saepe etiam carpsit obliquis orationibus et edictis), но можно ли дѣлать изъ этого такіе выводы, какіе встрѣчаются у Asbach, Röm. Kais. стр. 83, намъ представляется сомнительнымъ. Свѣтоній (Dom. 2) впрочемъ утверждаетъ, что Домиціанъ думалъ устранить брата отъ принципата непосредственно послѣ смерти Веспасіана: patre defuncto, diu cunctatus an duplum donativum militi offerret, numquam iactare dubitavit relictum se participem imperii, sed fraudem testamento adhibitam. Ср. Dio 66, 26, 2.

сторгъ должны были возбудить соотвѣтственные указы Тита: деляторы были публично наказаны розгами и затѣмъ съ форума введены на арену амфитеатра и отчасти проданы въ рабство, отчасти сосланы на острова [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено привлекать кого-либо къ судебной отвѣтственности сразу на основаніи разныхъ законовъ [2]). Дѣло въ томъ, что деляторы, по свидѣтельству Тацита, особенно охотно добавляли къ любому обвиненію еще обвиненіе въ оскорбленіи величества [3]). Послѣднее обвиненіе было настолько ужасно, что даже близкія друзья боялись оказывать подсудимому поддержку, а судьи опасались вынести ему оправдательный вердиктъ. Вотъ почему Тациту такъ часто приходится указывать цѣлый рядъ обвиненій наряду съ обвиненіемъ въ оскорбленіи величества, когда онъ разсказываетъ, напр., о политическихъ и иныхъ процессахъ временъ Тиберія, и вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ лицо, осужденное за другое преступленіе такъ часто оказывается неповиннымъ въ наиболѣе страшномъ [4]). Устраненіе этого явно развращающаго общество злоупотребленія поэтому несомнѣнно возбудило всеобщее сочувствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ словъ Светонія съ очевидностью слѣдуетъ, что принципіальнаго запрещенія политическихъ процессовъ не послѣдовало [5]). Вмѣсто этого Титъ, когда онъ принялъ званіе верховнаго жреца, обѣщалъ не проливать крови „и послѣ этого не былъ ни виновникомъ,

---

[1]) Suet. Tit. 8: inter adversa temporum et delatores mandatoresque erant ex licentia *veteri* (т. е. еще довеспасіановскаго времени ?). Hos assidue in foro flagellis ac fustibus caesos ac novissime traductos per amphiteatri arenam, partim subici ac venire imperavit, partim in asperrimas insularum avehi. Dio 66, 19, 3: τούς τε μηνυτὰς ἐξήλασεν ἐκ τῆς πόλεως.

[2]) Ib.: utque etiam similia quandoque ausos perpetuo coerceret, vetuit inter cetera de eadem re pluribus legibus agi, quaerive de cuiusdam defunctorum statu ultra certos annos.

[3]) Tac. Ann. 3, 38: addito maiestatis crimine, quod tum omnium accusationum complementum erat.

[4]) Ср. томъ I стр. 296 сл.

[5]) Впрочемъ см. Eutr. 7, 21, 3. Schiller, Gesch. 1, 519. Dio 66, 19, 1: τάς τε δίκας τὰς τῆς ἀσεβείας οὔτ' αὐτός ποτε ἐξεδέξατο οὔτ' ἄλλοις ἐπέτρεψεν.

ни соучастникомъ въ чьемъ либо убійствѣ, хотя подчасъ и представлялись поводы для мести; но онъ клялся, что лучше готовъ погибнуть, чѣмъ кого либо погубить“ [1]).

Другой уступкой Тита было утвержденіе всѣхъ дареній совершенныхъ его предшественниками безъ разсмотрѣнія ихъ порознь, какъ это было принято со временъ Тиберія [2]). Разъ этому акту придавалось такое большое значеніе, что стоило отмѣтить заключающееся въ немъ отклоненіе отъ обычной политики цезарей, то изъ этого непосредственно можно заключить, какъ велики были даренія принцепсовъ и до какой степени ихъ утвержденіе или неутвержденіе затрагивало интересы широкихъ круговъ общества [3]). Очевидно эти даренія представляли такимъ образомъ одну изъ „тайныхъ пружинъ власти“ [4]) и также какъ единовременныя или постоянныя пособія сенаторамъ должны были упрочить матеріальную зависимость значительной части сенаторовъ и всадниковъ отъ даннаго принцепса [5]), а подчасъ и свалить часть отвѣтственности за злодѣянія власти на приближенныхъ императора, даже если они не принимали въ нихъ непосредственнаго

---

[1]) Suet. Tit. 9: pontificatum maximum ideo se professus accipere ut puras servaret manus, fidem praestitit. Dio ib.: οὐ μὴν ἀλλ' ὁ Τίτος οὐδένα τῶν βουλευτῶν ἐν τῇ αὐτοῦ ἡγεμονίᾳ ἀπέκτεινεν, ἀλλ' οὐδὲ ἄλλος τις αὐτῷ ἐπὶ τῆς αὐτοῦ ἀρχῆς ἐτελεύτησεν.

[2]) Suet. Tit. 8: natura autem benivolentissimus, cum ex instituto Tiberi omnes dehinc Caesares beneficia a superioribus concessa principibus aliter (rata) non haberent, quam si eadem isdem et ipsi dedissent, primus praeterita omnia uno confirmavit edicto, nec a se peti passus est. Dio 66, 19, 3: πολλὰ δὲ καὶ ἄλλα πρός τε τὸ ἀσφαλὲς καὶ πρὸς τὸ ἄλυπον τῶν ἀνθρώπων κατεστήσατο καὶ γὰρ γράμματα ἐξέθηκε βεβαιῶν πάντα τὰ ὑπὸ τῶν προτέρων αὐτοκρατόρων δοθέντα τισίν, ὥστε μὴ καθ' ἑκάστους σφῶν αἰτοῦντας αὐτὸν πράγματα ἔχειν.

[3]) Cp. Tac. Hist. 1, 20: bis et viciens miliens sestertium donationibus Nero effuderat.

[4]) Tac. Ann. 2, 59: inter alia dominationis arcana.

[5]) Въ этомъ отношеніи принцепсы только слѣдовали примѣру диктатора Цезаря, широко раздававшаго собранныя въ Галліи средства сенаторамъ. Въ числѣ его должниковъ находился и Цицеронъ. Ср. Mommsen, Röm. Gesch. 3 стр. 326.

участія [1]). Смерть одного принцепса и замѣна его другимъ при такихъ условіяхъ каждый разъ должна была вызвать страхъ предъ возможностью конфискаціи подаренныхъ раньше земель [2]) или денегъ; очень многимъ отобраніе полученныхъ ими даровъ должно было грозить полнымъ раззореніемъ, да и помимо этого необходимость спеціальнаго прошенія объ утвержденіи пожалованій каждый разъ должна была напоминать просителю объ его унизительной зависимости отъ принцепса [3]). Очень понятно, поэтому, какое сочувствіе должна была вызвать именно среди высшихъ сословій либеральная мѣра „доброжелательнѣйшаго по природѣ“ Тита.

Въ то же самое время рядъ несчастій, обрушившихся на имперію — знаменитое изверженіе Везувія, пожаръ Рима и страшная эпидемія [4]) — дали ему возможность выказать „не только заботливость принцепса, но и рѣдкую отеческую любовь“ по отношенію къ народу [5]), къ которому онъ по замѣчанію Свѣтонія вообще всегда относился съ предупредительной любезностью, сохраняя однако при этомъ свое величіе и не

---

[1]) Такъ поступилъ напр. Неронъ послѣ смерти Британника. Tac. Ann. 13, 18: exim largitione potissimos amicorum (т.-е. Бурра, Сенеку и т. д.) auxit, nec defuere qui arguerent viros gravitatem adseverantes, quod domos, villas id temporis quasi praedam divisi essent. alii necessitatem adhibitam credebant a principe, sceleris sibi conscio et veniam sperante, si largitionibus validissimum quemque obstrinxisset. at matris ira nulla munificentia leniri... Ср. томъ I стр. 468.

[2]) Ср. надпись временъ Траяна, найденную въ Henchir-Mettich, и комментарій ея перваго издателя, Toutain въ Nouv. Revue histor. de droit за 1897 г. стр. 373 сл.; Schulten, die lex Manciana и Beaudouin, les grands domaines dans l'empire romain стр. 105 сл.

[3]) Мы знаемъ впрочемъ только одинъ случай когда власть была вынуждена и рѣшилась конфисковать большую часть (девять десятыхъ) предшествовавшихъ пожалованій: Tac. Hist. 1, 20 и выше стр. 42.

[4]) Suet. Tit. 8: quaedam sub eo fortuita ac tristia acciderunt, ut conflagratio Vesvii montis in Campania, et incendium Romae per triduum totidemque noctes, item pestilentia quanta non temere alias. Dio 66, 21—24.

[5]) Suet. ib.: non modo principis sollicitudinem sed et parentis affectum unicum praestitit. См. здѣсь же дальше перечисленіе нѣкоторыхъ изъ его мѣръ.

ухаживая за нимъ въ ущербъ высшимъ сословіямъ [1]). Рядъ большихъ построекъ [2]) и грандіозныхъ зрѣлищъ — въ числѣ ихъ знаменитыя стодневныя игры, которыя поразили воображеніе даже такого отдаленнаго потомка, какъ византійскій эпитоматоръ Діона [3])—окончательно привлекли римскую массу къ Титу, но въ то же время, повидимому, не мало содѣйствовали той пустотѣ государственной казны, съ которой впослѣдствіи пришлось считаться Домиціану [4]).

Въ результатѣ измѣненіе политики власти явно бросалось въ глаза: въ настоящее время трудно сказать, насколько она была цѣлесообразна и безопасна, какъ для принцепса, такъ и для имперіи. Если судить по тому, что уже самому Титу пришлось считаться съ заговорами [5]) и что послѣ его смерти республиканская оппозиція, запуганная при Веспасіанѣ казнями и ссылками, снова подняла голову, то можно усомниться, чтобы Титъ одержалъ бы серіозную побѣду надъ недовѣріемъ и недовольствомъ части общества, даже если бы ему было суждено удержать власть дольше въ своихъ рукахъ. Остановиться на разъ начатомъ пути было бы трудно, а въ то же время римская казна едва ли могла бы долго выдержать такіе огромные расходы, какими по разнымъ причинамъ отли-

---

[1]) Suet. ib.: populum in primis universum tanta per omnis occasiones comitate tractavit... verum maiestate salva nec minus aequitate.

[2]) При Титѣ были построены Θермы (Suet. Tit. 7) и акведукты (C. J. L. 6, 1246—къ 79 году—и 1253—къ 81 году), закончена постройка амфитеатра, возстановленъ сильно пострадавшій отъ пожара Римъ (Dio 66, 24, 1—2) и т. д.

[3]) Suet. Tit. 7: nemine ante se munificentia minor... uno die quinque milia omne genus ferarum. Dio 66, 25.

[4]) Schiller, Gesch. 1, 519: eine Reihe von Akten der Freigebigkeit, in denen die von Vespasian gesammelten Mittel verschwendet wurden und die nachher die Geldarmut der domitianischen Regierung begründeten. (Cp. Suet. Dom. 3: inopia rapax). Въ этой формѣ это явно преувеличено.

[5]) Suet. Tit. 9: quamvis interdum ulciscendi causa non deesset и здѣсь же о заговорѣ двухъ консуляровъ, впослѣдствіи повидимому казненныхъ Домиціаномъ..

чается недолговременный принципатъ Тита. Тогда предстояло введеніе новыхъ или увеличеніе старыхъ налоговъ или пришлось бы обратиться къ такимъ же сомнительнымъ средствамъ [1]), къ какимъ прибѣгалъ Веспасіанъ, а впослѣдствіи особенно Домиціанъ.

Но Титу не было суждено убѣдиться въ степени цѣлесообразности его политики. „Счастливый вслѣдствіе кратковременности своего принципата“ [2]), онъ до извѣстной степени успѣлъ разсѣять старое недовѣріе, не возбудивъ его снова новыми мѣрами. „Когда его смерть сдѣлалась извѣстной, всѣ были повергнуты въ печаль, точно отъ домашняго горя, а сенатъ поспѣшно собрался въ куріи, раньше даже чѣмъ былъ созванъ эдиктомъ и когда закрытыя еще ворота были отперты, выразилъ покойному такую благодарность и осыпалъ его такими похвалами, какихъ онъ не удѣлялъ ему даже, когда онъ былъ живъ и присутствовалъ“ [3]).

§ 2.

Домиціанъ.

Преемникъ Тита, при которомъ монархическія тенденціи Флавіевъ получили свое окончательное развитіе и смерть котораго доказывала, что время для полнаго ихъ торжества еще не настало, до настоящаго времени подвергается самымъ разно-

---

[1]) Suet. Tit. 7: suspecta rapacitas, quod constabat in cognitionibus patris nundinari praemiarique solitum.

[2]) Auson., de duodecim Caes.: et Titus imperii brevitate felix. Ср. Dio 66, 18, 4—5: καὶ αὐτὸν ἐξ ἴσου κατὰ τοῦτο τῇ τοῦ Αὐγούστου πολυετίᾳ ἄγουσι, λέγοντες ὅτι οὔτ ἂν ἐκεῖνος ἐφιλήθη ποτὲ εἰ ἐλάττω χρόνον ἐζήκει, οὔτ ἂν οὗτος εἰ πλείονα... ὁ δ' ὅτι ἐπιεικῶς ἄρξας ἐν ἀκμῇ τῆς δόξης ἀπέθανε, τάχα ἂν ἐλεγχθείς, εἴγε ἐπὶ μακρὸν ἐβεβιώκει, ὅτι εὐτυχίᾳ πλείονι ἢ ἀρετῇ ἐχρήσατο. Suet. Tit. 1: vel ingenii, vel artis, vel fortunae.

[3]) Suet. Tit. 11. Tac. Hist. 2, 1: ipsius Titi ingenium quantaecumque fortunae capax; 2, 2: suo quam patris imperio moderatior. Ср. ib. 5, 1 и 5, 11.

образнымъ сужденіямъ. Одни видятъ въ немъ исключительно жестокаго и кровожаднаго тирана, другіе, наоборотъ, восхваляютъ его едва ли меньше Марціала и Стація [1]), третьи объясняютъ жестокости его послѣднихъ лѣтъ психической болѣзнью [2]), еще другіе, наконецъ, стараются избѣжать крайности и установить справедливую оцѣнку его принципата, причемъ изъ протеста противъ односторонности нашихъ наиболѣе важныхъ источниковъ естественно склоняются къ болѣе мягкому приговору [3]). Причина такого разнорѣчія заключается какъ въ томъ, что Домиціанъ такъ же какъ его отецъ и братъ во всякомъ случаѣ не былъ ничтожествомъ, такъ и въ томъ, что наши источники для его принципата принадлежатъ перу лицъ, слишкомъ близкихъ къ его времени, чтобы они даже при всемъ желаніи отнестись къ нему „безъ гнѣва и пристрастія“ могли исполнить свое намѣреніе. Особенно жестокъ къ его памяти Плиній: его письма и особенно его панегирикъ изображаютъ Домиціана въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, но краски въ нихъ такъ сгущены, намѣреніе содѣйствовать такимъ путемъ восхваленію золотого вѣка Нервы и Траяна такъ очевидно и самыя свѣдѣнія о Домиціанѣ такъ отрывочны, что для каждаго читателя сразу становится очевиднымъ, какъ осторожно нужно отнестись къ этому матеріалу. Біографія Агриколы, принадлежащая перу его зятя, Тацита, въ свою очередь имѣетъ слишкомъ спеціальную цѣль и очевидно написана такъ скоро послѣ гибели Домиціана, что она интересна преимущественно какъ памятникъ противорѣчивыхъ настроеній первыхъ временъ

---

[1]) Halberstadt, d. Kaiser Domitian, Amsterdam 1877.

[2]) Ev. Kraus, zur Charakteristik des Kaisers Domitian (Landshut 1876) находитъ у него всѣ признаки маніи преслѣдованія, объясняющейся преимущественно изъ его половыхъ излишествъ. Suet. Dom. 22: libidinis nimiae, assiduitatem concubitus velut exercitationis genus clinopalen vocabat и т. д.

[3]) Schiller, Gesch. 1, 520 сл. Gsell, Essai sur le règne de l'empereur Domitien P. 1894. Asbach, Römisches Kaisertum und Verfassung, стр. 86 сл. Ср. біографію Imhof'a, (Halle 1857).

Нервы. Исторія Тацита, содержавшая подробныя данныя о принципатѣ послѣдняго Флавія, для насъ потеряна, но несомнѣнно отличалась такимъ же страстно враждебнымъ отношеніемъ къ его памяти, какъ и біографія Агриколы. Всѣ болѣе точныя и подробныя данныя объ его управленіи принадлежатъ, такимъ образомъ, Светонію и эпитоматору Діона. Изъ нихъ Діонъ, повидимому, особенно рѣзко подчеркивалъ всѣ тираническія замашки Домиціана и видѣлъ въ немъ изверга; зато современникъ Домиціана Светоній сравнительно болѣе спокоенъ въ своихъ сужденіяхъ и хотя такъ же осуждаетъ его и по обыкновенію собралъ массу грязныхъ и нелѣпыхъ сплетенъ о его жизни [1]), но въ то же время отмѣчаетъ и рядъ выдающихся сторонъ его дѣятельности [2]): отсутствіе всякаго психологическаго чутья, которымъ такъ часто поражаешься у этого автора, и въ этой біографіи не дало ему возможности нарисовать намъ образъ живого человѣка, иначе его изображеніе Домиціана, вѣроятно, оказалось бы наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Надписи и монеты, давая намъ много матеріала для установленія цѣлаго ряда болѣе или менѣе важныхъ фактовъ его управленія [3]), разумѣется, не даютъ рѣшительно ничего для его характеристики и для пониманія общаго значенія его принципата. То же самое можно сказать

---

[1]) Cp. Suet. Dom. 3: inter initia principatus cotidie secretum sibi horarum sumere solebat, nec quicquam amplius quam muscas captare ac stilo praeacuto configere; ut cuidam interroganti, essetne quis intus cum Caesare, non absurde responsum sit a Vibio Crispo, ne muscam quidem. Вибій Криспъ, игравшій роль уже при дворѣ Веспасіана, очевидно былъ близокъ и къ Домиціану: въ 83 году онъ вмѣстѣ съ Фабриціемъ Веіентономъ былъ въ третій разъ консуломъ.

[2]) Suet. Dom. 3. 7—9.

[3]) Особенно важны добытыя такимъ путемъ данныя о результатахъ его войнъ. Они рѣзко расходятся съ словами Діона. Характерно для его отношенія къ Домиціану мѣсто объ Агриколѣ: 66, 20, 3: ὁ δὲ Ἀγρικόλας ἐν τε ἀτιμίᾳ τὸ λοιπὸν τοῦ βίου (т.-е. со временъ Тита) καὶ ἐν ἐνδείᾳ, ἅτε καὶ μείζονα ἢ κατὰ στρατηγὸν καταπράξας, ἔζησε, καὶ τέλος ἐσφάγη δι' αὐτὰ ταῦτα ὑπὸ Δομιτιανοῦ.

и относительно ближайшихъ современниковъ Домиціана, Марціала, Стація, Силія и Квинтиліана [1]).

Въ нашу задачу, разумѣется, не входитъ подробное изложеніе всей внѣшней и внутренней дѣятельности Домиціана и мы удовольствуемся указаніемъ основныхъ, характерныхъ чертъ ея.

Ни одинъ изъ принцепсовъ до Домиціана не проводилъ монархическихъ идей такъ рѣзко и сознательно въ жизнь римскаго государства, какъ онъ. Августъ и Тиберій, насколько возможно, прикрывали монархическую сущность принципата республиканскими формами: первый формально возстановилъ весь внѣшній республиканскій аппаратъ съ теоретически почти независимой магистратурой, съ сенатомъ и съ народнымъ собраніемъ, второй поднялъ формальное значеніе сената до неслыханной высоты, предоставивъ ему избирать магистратовъ и превративъ послѣднихъ, такимъ образомъ, въ органы сената, и оба съ внѣшней стороны поддерживали фикцію чрезвычайнаго характера принципата. Гай первый рѣзко уничтожилъ всѣ конституціонныя иллюзіи, но его капризный до нелѣпости и жестокій до звѣрства принципатъ въ сущности не провелъ въ жизнь ни одной послѣдовательной идеи: его вспышки восточнаго деспотизма, пожалуй, могли бы привести къ полному упраздненію всей системы принципата и къ замѣнѣ ея чистой монархіей Птоломеевъ или Селевкидовъ, но никакъ не къ окончательному развитію и безъ того существовавшихъ монархическихъ чертъ принципата. Онъ могъ уничтожить сенатъ, но не подумалъ бы о возможности низвести его до положенія безусловно зависимаго по своему составу и своей компетенціи государственнаго совѣта при принцепсѣ-монархѣ. Точно также мы не встрѣчаемъ ни одной мысли объ органической реформѣ взаимныхъ отношеній между принцепсомъ и сенатомъ и въ эпоху Клавдія и Нерона. Первый формально возстановилъ

[1]) См. ниже гл. III.

систему Августа и Тиберія, второй послѣ непродолжительнаго режима Сенеки и Бурра вернулся къ взглядамъ и характеру поведенія Гая: отношенія между принцепсомъ и сенатомъ по прежнему оставались плохо выясненными, формально почти равными, на практикѣ колеблющимися между взаимными любезностями и взаимной ненавистью. Эпоха смутъ по самому существу своему не могла содѣйствовать выясненію положенія: въ зависимости отъ потребностей минуты, сенатъ то провозглашается вершителемъ судебъ имперіи, то, наоборотъ, унижается до послѣдней степени.

Первые два Флавія также не преслѣдовали вполнѣ послѣдовательной цѣли и ограничивались рядомъ отдѣльныхъ мѣръ, отчасти имѣвшихъ въ виду практическія потребности минуты, отчасти направленныхъ къ постоянному возвышенію принципата. Положеніе сената попрежнему оставалось неяснымъ.

Нельзя сказать, чтобы Домиціанъ приступилъ къ своему принципату съ безусловно оригинальными идеями. Мы уже видѣли, что въ пріемахъ управленія трехъ Флавіевъ замѣчается удивительное единообразіе и что Домиціанъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ только продолжалъ начатое Веспасіаномъ и Титомъ дѣло. Значеніе его принципата заключается такимъ образомъ не въ изобрѣтеніи неожиданныхъ новыхъ мѣръ для возвышенія императорской власти, а въ томъ, что онъ съумѣлъ придать политическимъ пріемамъ Веспасіана принципіальное значеніе, сдѣлавъ ихъ изъ временныхъ постоянными и видоизмѣнивъ такимъ образомъ совершенно и, можно прибавить, разъ навсегда положеніе сената. Со времени Домиціана сенатъ изъ суверенаго учрежденія превращается въ государственный совѣтъ: тѣ политическія права суверенаго характера, которыя онъ сохраняетъ и впослѣдствіи въ тревожныя времена государственной жизни, мало чѣмъ отличаются отъ аналогичныхъ правъ французскаго парламента XVI, XVII и

XVIII вѣка. При Домиціанѣ принципатъ окончательно становится монархіей. И лучшимъ доказательствомъ необходимости и неизбѣжности такого результата является тотъ фактъ, что даже послѣ гибели Домиціана всѣ существенныя пріобрѣтенія его времени сохраняются его преемниками. Отпадаетъ лишь тотъ деспотическій и божественный характеръ, который особенно въ болѣе поздніе годы Домиціана приближалъ его власть къ власти Птоломеевъ и преимущественно вызывалъ ненависть его современниковъ: Нерва и Траянъ признавали себя уполномоченными народа, но тѣмъ не менѣе они были настоящими монархами. Очевидно семьдесятъ лѣтъ императорскаго произвола и террора успѣли въ достаточной мѣрѣ пріучить сенатъ и все общество къ повиновенію, и въ 96 году они, несмотря на все свое раздраженіе противъ убитаго тиранна, уже не были въ силахъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для обезпеченія свободы и самостоятельности сената; но и для принцепсовъ уроки прошлаго—убійство Гая, низверженіе Нерона, гибель Гальбы, Оѳона и Вителлія, наконецъ убійство „бога“ Домиціана—не прошли даромъ. Установился тотъ компромиссъ, который придаетъ нѣкоторое единство такъ называемой эпохѣ Антониновъ.

Переходъ власти отъ Тита къ непопулярному Домиціану возродилъ всѣ едва усыпленныя подозрѣнія сената и первыя успокоительныя мѣры молодого принцепса не могли успокоить общества [1]). По примѣру Тита онъ немедленно издалъ эдиктъ,

[1]) Вѣроятно уже тогда въ обществѣ циркулировали слухи о томъ, будто виновникомъ смерти Тита былъ самъ Домиціанъ (Dio 66, 26, 2: ὡς μὲν ἡ φήμη λέγει, πρὸς τοῦ ἀδελφοῦ ἀναλωθείς). Его обвиняли въ томъ, что онъ поспѣшилъ въ Римъ, когда братъ еще не успѣлъ умереть (Suet. Dom. 2: prius quam plane efflaret animam. Dio ib. 3: ἔτι γοῦν ζῶντος αὐτοῦ), и что онъ мало заботился о чествованіи покойнаго (Suet. Dom, 2: defunctum nullo praeterquam consecrationis honore dignatus; Dio 67, 2, 1 и 6). Домиціану въ 81 году было тридцать лѣтъ и о его юности ходили самые непривлекательные слухи: ср. Tac. Hist. 4. 2; Suet. Dom. 1. Причиной этихъ враждебныхъ

которымъ утверждались всѣ пожалованія прежнихъ императоровъ [1]), сохранилъ при себѣ всѣхъ приближенныхъ своего брата, успѣвшихъ, повидимому, пріобрѣсти довѣріе общества [2]), и чрезвычайно ревностно принялся за правительственную дѣятельность. „Пока онъ былъ частнымъ человѣкомъ и нѣкоторое время въ качествѣ принцепса онъ не подавалъ даже повода подозрѣвать его въ жадности или корыстолюбіи и наоборотъ давалъ много доказательствъ не только воздержанія отъ чужого добра, но и щедрости. Одаривъ всѣхъ приближенныхъ самымъ щедрымъ образомъ, онъ ничего не требовалъ такъ настойчиво и серьезно, какъ, чтобы они не совершали ничего недостойнаго (его и ихъ положенія). Онъ не принималъ наслѣдствъ, оставленныхъ ему, если у завѣщателей были дѣти [3]). Всѣхъ, кто до послѣдняго пятилѣтія задолжалъ государственной казнѣ, онъ освободилъ изъ затруднительнаго положенія и разрѣшилъ поднимать противъ нихъ жалобы только въ годичный срокъ и съ тѣмъ, что обвинитель, которому не удастся доказать правильность своей жалобы, долженъ быть сосланъ. Участки земли, оставшіеся послѣ надѣленія ветерановъ землей (т. наз. subcisiva), онъ уступилъ тѣмъ, которые ихъ захватили; ложныя обвиненія по дѣламъ частныхъ лицъ съ фискомъ онъ уничтожилъ, строго наказавъ обвинителей и передавали его слова, что принцепсъ, не наказывающій дѣляторовъ, побуждаетъ ихъ къ доносамъ“ [4]). Въ то же время онъ посвящалъ много времени судо-

толковъ, помимо его выдающагося положенія, вѣроятно, было его безпокойное честолюбіе: см. выше стр. 73 пр. 1 и стр. 121 пр. 3.

[1]) Dio 67, 2, 1: καίτοι καὶ αὐτὸς γράμμα ἐξέθηκε τηρῶν πάντα τὰ πρός τε ἐκείνων καὶ πρὸς τῶν ἄλλων αὐτοκρατόρων δοθέντα τισίν.

[2]) Suet. Tit. 7: amicos elegit, quibus etiam post eum principes ut et sibi et rei publicae necassariis adquieverunt praecipueque sunt usi. Cp. Dio 67, 2, 1: τοιοῦτος δὲ δὴ πρὸς πάντας παρ' ὅλην τὴν ἡγεμονίαν γενόμενος πολὺ καὶ ἑαυτὸν ὑπερεβάλετο ἐν τῇ τῶν τοῦ πατρὸς τοῦ τε ἀδελφοῦ φίλων ἀτίμῳ τε καὶ ὀλεθρίῳ μεταχειρίσει. Cp. Scr. h. Aug. v. Alex. 65: Domitianum pessimum fuisse, amicos autem bonos habuisse.

[3]) Tac. Agr. 43: a bono patre non scribi heredem nisi malum principem.

[4]) Suet. Dom. 9. Dio 67, 1, 4.

производству [1]) и строже всѣхъ своихъ предшественниковъ и даже своихъ преемниковъ слѣдилъ за городскимъ и провинціальнымъ управленіемъ [2]).

Но все это не устраняло, а отчасти даже усиливало недовольство: чѣмъ дѣятельнѣе и энергичнѣе былъ самъ принцепсъ, тѣмъ больше бросалось въ глаза безсиліе сената и магистратуры, и безпрестанный надзоръ Домиціана, благодѣтельный для имперіи, былъ ненавистенъ сенату, которому онъ постоянно напоминалъ о могуществѣ принцепса. Вдобавокъ сенатъ желалъ добиться безопасности для своихъ сочленовъ: недаромъ онъ восхвалялъ Тита за то, что онъ не казнилъ во время своего принципата ни одного сенатора, недаромъ онъ нѣсколько разъ формально выражалъ желаніе постановить, чтобы принцепсъ не имѣлъ права подвергать казни ни одного изъ своихъ перовъ, какъ Діонъ называетъ членовъ высшаго сословія. „Имъ казалось большой разницей, будетъ ли онъ судить кого-либо изъ нихъ самолично или черезъ нихъ, точно они имѣли бы возможность возражать или не вынести обвинительнаго приговора“, замѣчаетъ по этому поводу Діонъ [3]). Принципіальное значеніе сенатскихъ стремленій было ясно: это первая слабая попытка ограничить компетенцію прин-

[1]) Suet. Dom. 8: ius diligenter et industrie dixit, plerumque et in foro pro tribunali extra ordinem; ambitiosas centumvirorum sententias rescidit и т. д. Это вмѣшательство въ судебныя дѣла, несомнѣнно входившее въ кругъ его обязанностей, повидимому, умаляло престижъ другихъ судей и также вызывало недовольство; ср. Plin. paneg. 94: super omnia praedicandum videtur quod pateris consules esse quos fecisti. (Asbach 94). Ср. Tac. Ann. 1, 75: dum veritati consulitur, libertas corrumpebatur.

[2]) Suet. Dom. 8: magistratibus quoque urbicis provinciarumque *praesidibus* coercendis tantum curae adhibuit, ut neque modestiores umquam neque iustiores extiterint; *e quibus plerosque post illum reos omnium criminum vidimus.*

[3]) Dio 67, 2, 4: οὐκ ἐφρόντιζεν οὔτε τῶν τὸν Τίτον ἐπαινούντων ὅτι μηδένα βουλευτὴν ἀπέκτεινεν, οὔθ' ὅτι ἡ γερουσία πολλάκις ἠξίου ψηφισθῆναι μὴ ἐξεῖναι τῷ αὐτοκράτορι τῶν ὁμοτίμων τινὰ ἀπόλέσαι. πάνυ γὰρ οὖν σφισι πολὺ διέφερεν εἴτ' ἰδίᾳ τινὰ αὐτῶν εἴτε καὶ δι' ἐκείνων καταχρήσαιτο, ὥσπερ τι ἀντειπεῖν ἢ καὶ μὴ καταψηφίσασθαί τινος δυναμένοις.

цепса, злоупотребленія которой именно въ области ея судебной сферы особенно близко касались сената. Но именно въ этомъ заключалась причина, почему такая властная и подозрительная натура, какъ Домиціанъ, не могла пойти на подобную уступку. Вѣдь говорилъ же онъ, что тѣ императоры, которымъ не приходится часто наказывать, должны быть признаны счастливыми, а не хорошими [1]), и что несчастіе принцепсовъ заключается въ томъ, что заговорамъ противъ нихъ вѣрятъ только тогда, когда они убиты [2]). При такихъ условіяхъ нечего было и думать, чтобы Домиціанъ согласился исполнить желаніе сената; онъ не принялъ на себя обязательства не казнить сенаторовъ даже въ той условной формѣ, какъ раньше Титъ. Память о заговорахъ временъ Веспасіана и Тита была слишкомъ свѣжа, а возрожденіе оппозиціи, временно подавленной мѣрами Веспасіана, доказывало, что опасность еще далеко не миновала и неприкосновенность принцепса не обезпечена.

Столкновеніе между Домиціаномъ и сенатомъ по такому особо важному для послѣдняго вопросу не могло не ухудшить ихъ взаимныхъ отношеній и придать всей политикѣ Домиціана боевой характеръ. Истинный демагогъ на престолѣ, онъ въ одно и то же время ведетъ истребительную войну съ вліяніемъ сената и дѣлаетъ все, чтобы обезпечить себѣ твердую точку опоры въ народѣ и въ войскѣ.

Грандіозныя постройки обезпечивали массѣ народа трудъ и средства къ жизни и въ то же время содѣйствовали блеску династіи. Снова былъ возстановленъ Капитолій, при чемъ на немъ красовалось только одно имя Домиціана безъ упоминанія о прежнихъ его строителяхъ [3]), были построены многочислен-

---

[1]) Dio 67, 2, 3: τοὺς αὐτοκράτορας τοὺς μὴ πολλοὺς κολάζοντας οὐκ ἀγαθοὺς, ἀλλ' εὐτυχεῖς εἶναι.

[2]) Suet. Dom. 21: condicionem principum miserrimam aiebat, quibus de coniuratione comperta non crederetur nisi occisis.

[3]) Suet. Dom. 5: sed omnia sub titulo tantum suo ac sine ulla pristini auctoris memoria.

ные храмы, мавзолей дома Флавіевъ, ѳермы, портикъ, форумы и т. д. [1]). О впечатлѣніи, которое производили всѣ эти постройки, можно судить по отзыву Плутарха, лично видѣвшаго храмы и дворцы Домиціана. „Когда“, говоритъ онъ, „Капитолій во время смуты послѣ Вителлія былъ снова разрушенъ, тогда Веспасіанъ съ свойственнымъ ему во всемъ счастіемъ увидѣлъ возстановленіе его отъ начала до конца, но не его скорое разрушеніе: счастливѣе Суллы (возстановившаго нѣкогда сгорѣвшій храмъ) онъ не дожилъ до его разрушенія, тогда какъ тотъ не дожилъ до его освященія. Сейчасъ же послѣ смерти Веспасіана Капитолій вѣдь сгорѣлъ. А четвертый храмъ, который теперь еще стоитъ, былъ построенъ и освященъ Домиціаномъ. Говорятъ, что Тарквиній истратилъ на нижнюю часть храма 40.000 фунтовъ серебра. При новомъ храмѣ однако не хватило бы и самаго большого частнаго римскаго состоянія на одну позолоту, цѣнность которой опредѣляютъ въ слишкомъ 12.000 талантовъ (ок. 24.000.000 рублей). Колонны сдѣланы изъ пентелійскаго мрамора и были прекрасны по взаимному отношенію высоты и діаметра—мы ихъ видѣли въ Аѳинахъ,—но когда ихъ въ Римѣ отдѣлали и отполировали, они нестолько выиграли въ гладкости, сколько потеряли въ гармоніи, сдѣлавшись слишкомъ стройными и тонкими. Но если бы тотъ, кто изумляется роскоши Капитолія, увидѣлъ во дворцѣ Домиціана хоть одинъ портикъ или залъ или баню или комнату для его любовницъ, онъ могъ бы сказать про Домиціана то, что Эпихармъ сказалъ о расточителѣ: ты не любишь людей, ты боленъ страстью дарить, — ты не благочестивъ и не ищешь славы, ты боленъ страстью къ постройкамъ и какъ извѣстный Мидасъ желаешь, чтобы все у тебя было изъ золота и мрамора“ [2]). Но если люди со вкусомъ и съ аристократическими

[1]) Suet. ib.; Euseb. II p. 161 Sch. Ср. Gsell, loc. cit. стр. 90 сл.

[2]) Plut. Publ. 15: οὐκ εὐσεβὴς οὐδὲ φιλότιμος τὸ γ' ἐσσί, ἔχεις νόσον, χαίρεις κατοικοδομῶν. Ср. Statii Silv. 4, 218—231. Mart. 8, 36.

наклонностями, какъ Плутархъ, могли отнестись критически къ неслыханной роскоши Домиціана, если стоики и сенатская оппозиція усматривала въ его грандіозныхъ постройкахъ доказательство его стремленія возвыситься надъ всѣмъ сенатомъ, то масса населенія несомнѣнно должна была только изумляться имъ и въ то же время радоваться случаю заработать хорошія деньги. „Ты можешь смѣяться надъ царственными чудесами пирамидъ, о Цезарь“, восклицаетъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ характерный представитель этого времени, Марціалъ. „Варварскій Мемфисъ уже пересталъ восхвалять восточное чудо... Нигдѣ на всей землѣ день не видитъ такого великолѣпія. Дворецъ этотъ, глава котораго доходитъ до небесъ, достоенъ неба, о Августъ, и все же недостоенъ своего владыки“.

Если постройки такимъ образомъ въ одно и тоже время удовлетворяли наклонности принцепса къ великолѣпію и усиливали его престижъ и популярность среди народа, то неоднократные дары римской массѣ—три раза Домиціанъ роздалъ ей по 300 сестерціевъ на каждаго [1])—и безпрестанныя, великолѣпныя зрѣлища естественно должны были усилить благопріятное для Домиціана настроеніе [2]). Любопытно, что и Светоній среди безспорныхъ заслугъ Домиціана отмѣчаетъ увеличеніе числа состязавшихся въ циркѣ партій [3]).

Еще болѣе характерными чѣмъ заботы Домиціана о расположеніи народа являются его заботы о расположеніи войска къ нему. У Светонія мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ краткое замѣчаніе, что онъ увеличилъ ихъ жалованіе съ 9 до 12 зо-

---

[1]) Suet. Dom. 4: Congiarium populo nummorum trecenorum ter dedit, atque inter spectacula muneris largissimum epulum.

[2]) Suet. Dom. 4: spectacula assidue magnifica et sumptuosa edidit. Здѣсь же перечисленіе наиболѣе замѣчательныхъ. Ср. Hirschfeld, Verwaltungsgesch. 178 сл.

[3]) Suet. Dom. 7: duas circensibus gregum factiones aurati purpureique panni ad quattuor pristinas addidit.

лотыхъ, т.-е. съ 225 до 300 динаріевъ въ годъ [1]). Въ то же время было разумѣется увеличено и жалованіе преторіанцевъ. Если вспомнить, какъ осторожно въ свое время Августъ и Тиберій относились къ увеличенію расходовъ на войско и какъ они оберегали государственный бюджетъ отъ чрезмѣрнаго обремененія съ этой стороны [2]) и если принять въ разсчетъ, что и послѣ нихъ императоры не рѣшались прибѣгнуть къ такой важной мѣрѣ, то станетъ яснымъ, какое значеніе подобная мѣра имѣла для состоянія казны, а съ другой стороны и для всей политики Домиціана. Несомнѣнно, что только очень серьезныя соображенія могли заставить его рѣшиться на этотъ шагъ, который вмѣстѣ съ его огромными постройками и съ расходами на увеселеніе римской черни скоро нарушилъ равновѣсіе бюджета [3]).

„Истощивъ свои средства постройками, играми и увеличеніемъ жалованія солдатъ, онъ сначала попытался уменьшить военные расходы сокращеніемъ численности войскъ; но такъ какъ онъ замѣтилъ, что подвергается вслѣдствіе этого варварскимъ набѣгамъ и все равно постоянно находится въ денежныхъ затрудненіяхъ, то онъ началъ безъ всякаго стыда грабить, какъ только могъ. Состоянія живыхъ и мертвыхъ сплошь и рядомъ подвергались конфискаціямъ по какимъ бы то ни было и чьимъ бы то ни было обвиненіямъ. Было достаточно подвергнуться обвиненію въ какомъ-либо поступкѣ или словѣ противъ величества принцепса. Конфискаціи подвергались на-

---

[1]) Suet. Dom. 7: addidit et quartum stipendium militi, aureos ternos. Veget. de re mil. 2, 20. Zon. 11, 19 стр. 508. Ср. Marquardt, Staatsverwaltung т. II стр. 93.

[2]) Еще въ 14 году паннонскія войска жаловались denis in diem assibus animam et corpus aestimari и требовали, ut singulos denarios mererent. (Tac. Ann. 1, 17). Ср. Marquardt loc. cit. 2, 463 сл. Friedländer, Sittengeschichte 1, 372 сл.

[3]) См. впрочемъ Duruy 4, 209: mesure commandée par le renchérissement de toutes choses depuis César.

слѣдства совершенно постороннихъ лицъ, если находился хоть одинъ человѣкъ, который заявитъ, что слышалъ отъ покойнаго, пока онъ былъ живъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть Цезарь“ [1]).

Въ концѣ концовъ Домиціанъ такимъ образомъ превзошелъ худшіе пріемы своего отца и вернулся къ наиболѣе тираническимъ средствамъ Гая и Нерона. Но если послѣдніе удовлетворяли такимъ путемъ только безсмысленнымъ капризамъ восточнаго деспотизма, то у Домиціана всѣ его мѣры укладывались въ стройную систему, жертвой которой сдѣлались авторитетъ и безопасность сената.

Уже три года спустя послѣ смерти Тита, Домиціанъ сдѣлалъ первый рѣшительный шагъ въ намѣченномъ имъ направленіи, принявъ въ 84 году консулатъ на десять лѣтъ. Цѣль его очевидно заключалась въ окончательномъ соединеніи эпониміи съ принципатомъ, а не въ расширеніи его правъ. Поэтому онъ обыкновенно отказывается отъ консулата еще до январьскихъ идъ, т.-е. до 13 января [2]).

Но уже въ слѣдующемъ году онъ нашелъ болѣе подходящее средство для борьбы съ сенатомъ: принявъ въ апрѣлѣ 85 года цензуру на тѣхъ же основаніяхъ, что Веспасіанъ и Титъ, но безъ коллеги, онъ въ ноябрѣ того же года превратилъ ее изъ полуторагодовой въ пожизненную и съ этихъ поръ всегда называется на надписяхъ „постояннымъ цензоромъ“ или „обладателемъ цензорской власти“ [3]). Значеніе этого факта трудно преувеличить. И до этого времени составъ се-

---

[1]) Suet. Dom. 12.

[2]) Домиціанъ былъ consul suffectus въ 71, 75, 76, 77 и 79 году и consul ordinarius въ 73, 80, 82—88, 90, 92 и 95 годахъ.

[3]) Dio 67, 4, 3: οὐ μὴν ἀλλ' ἐπὶ πλεῖον ἐπαρθεὶς ὑπ' ἀνοίας ὕπατος μὲν ἔτη δέκα ἐφεξῆς, τιμητὴς δὲ διὰ βίου πρῶτος δὴ καὶ μόνος καὶ ἰδιωτῶν καὶ αὐτοκρατόρων ἐχειροτονήθη, ῥαβδούχοις τε τέσσαρσι καὶ εἴκοσι καὶ τῇ στολῇ τῇ ἐπινικίῳ, ὅταν ἐς τὸ βουλευτήριον ἐσίῃ, χρῆσθαι ἔλαβε. Chambalu стр. 12. На надписяхъ онъ называется censor perpetuus или censoria potestate.

ната, правда, фактически зависѣлъ отъ принцепса, какъ потому что послѣдній обладалъ сначала ограниченнымъ, затѣмъ —вѣроятно со временъ Нерона — неограниченнымъ правомъ коммендаціи на всѣ магистратуры и иныя должности, формально замѣщавшіяся по выбору сената, такъ и потому, что при данныхъ условіяхъ никто не посмѣлъ бы выставить свою кандидатуру противъ воли принцепса. Тѣмъ не менѣе до этого времени вліяніе принцепса на составъ сената было только косвенное и принцепсы при нормальныхъ условіяхъ не могли или не считали удобнымъ пополнять сенатъ простымъ причисленіемъ (adlectio) новыхъ членовъ. Между прочимъ именно съ этой цѣлью Клавдій и Веспасіанъ приняли цензуру: въ качествѣ цензоровъ они имѣли безспорное право причислять новыхъ сенаторовъ или переводить прежнихъ изъ одного разряда въ другой, высшій или низшій, напримѣръ, изъ разряда преторіевъ въ разрядъ консуляровъ и наоборотъ. Въ исключительныхъ случаяхъ они впрочемъ и до Домиціана не стѣснялись узурпировать право аллекціи: такъ, напримѣръ, Веспасіанъ вскорѣ послѣ своего провозглашенія императоромъ и до окончанія гражданской войны причислилъ къ сенату Плотія Грифа, чтобы назначить его легатомъ одного изъ своихъ легіоновъ [1]). Далѣе императоръ не имѣетъ также права произвольно удалять сенатора изъ состава куріи: онъ можетъ воспользоваться своей чрезвычайной судебной властью, чтобы казнить сенатора или можетъ признать его виновнымъ въ позорящемъ его достоинство преступленіи, послѣ чего осужденный подлежитъ удаленію изъ сената, да и то все это дѣлается обыкновенно при участіи сената. Но устранить сенатора просто въ виду того, что направленіе его мыслей и дѣятельности не нравится принцепсу, послѣдній не имѣетъ права.

[1]) Ср. выше стр. 61 прим. 1 и Groag, zur Laufbahn des Rutilius Gallicus въ Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich 20, стр. 46—49.

Пріобрѣтеніе постоянной цензорской власти даетъ принцепсу такимъ образомъ законную возможность во всякое время какъ назначить, такъ и устранить любое количество сенаторовъ изъ состава куріи. Послѣдняя фикція самостоятельности сената такимъ образомъ исчезла: до этого момента хотя бы съ формальной стороны еще можно было утверждать, что сенатъ, въ составъ котораго входятъ избранные имъ же республиканскіе магистраты, пополняется посредствомъ кооптаціи и въ силу этого независимъ отъ принцепса, Въ свою очередь магистраты избираются сенатомъ, и въ силу этого состоятъ его же уполномоченными, и слѣдовательно сенатъ обладаетъ формально самостоятельной, хотя и находящейся подъ надзоромъ принцепса правительственной властью. Онъ управляетъ значительной частью имперіи, обладаетъ судебной и финансовой властью—и все это, повторяемъ, формально самостоятельно. Его полномочія, правда, не могутъ сравниться съ полномочіями принцепса, разъ послѣдній избранъ и покуда онъ пользуется властью, но съ другой стороны вѣдь и принцепсъ нуждается въ избраніи или по крайней мѣрѣ въ утвержденіи его сенатомъ и по установившемуся конституціонному соглашенію принужденъ совѣщаться съ сенатомъ по цѣлому ряду важныхъ вопросовъ особенно законодательнаго характера.

Съ того момента какъ принцепсъ пріобрѣтаетъ цензорскую власть, положеніе дѣлъ и съ формальной стороны рѣшительно измѣняется. Сенатъ и формально становится учрежденіемъ, безусловно зависящимъ отъ принцепса. Мы уже сравнивали сенатъ второго вѣка съ французскимъ парламентомъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, но парижскій парламентъ при нормальныхъ условіяхъ со временъ Генриха IV былъ болѣе независимъ отъ королевской власти чѣмъ сенатъ отъ принцепса, такъ какъ члены его были несмѣняемы и пользовались своими должностями на правахъ собственности, которую они могли завѣщать и отчуждать. Права парижскаго парламента чрезвычайно

широки: онъ является совокупностью „суверенныхъ палатъ“, можетъ отказаться регистрировать королевскіе указы, можетъ пріостановить отправленіе правосудія и можетъ протестовать противъ политики правительства; къ нему обращается правительство съ просьбой кассировать завѣщаніе короля, какъ несогласное съ законами страны. Однимъ словомъ, это учрежденіе обладаетъ весьма значительнымъ могуществомъ и авторитетомъ, въ чемъ правительству неоднократно приходилось убѣждаться. И тѣмъ не менѣе никто не станетъ отрицать, что французская монархія XVII и XVIII вѣка должна быть признана абсолютной монархіей, а не діархіей. Въ этой абсолютной монархіи, именно потому что она исторически т.-е. постепенно сложилась, лишь сохранились нѣкоторыя черты ея болѣе или менѣе далекаго прошлаго, не уничтоженныя властью, потому что онѣ были также освящены традиціей, какъ и она сама, и потому что онѣ на практикѣ рѣдко представляли неудобства [1]). То же самое слѣдуетъ сказать и относительно римской имперіи II вѣка: и въ ней сохранились черты далекаго прошлаго, несогласованныя съ новымъ порядкомъ [2]), и тѣмъ не менѣе это была монархія, а не діархія.

Свой взглядъ на теорію діархіи мнѣ уже пришлось высказать и подробно мотивировать въ первомъ томѣ. Во-первыхъ не слѣдуетъ забывать, что ни одинъ источникъ нигдѣ не говоритъ о діархіи и что это понятіе установлено лишь

---

[1]) Извѣстно, что до помазанія французскаго короля совершалась даже церемонія его избранія перами при аккламаціи со стороны народа. Но едва ли кто-либо рѣшится утверждать, что французская монархія этого времени была избирательной.

[2]) Наибольшее принципіальное значеніе изъ нихъ имѣетъ тотъ фактъ, что сенатъ теоретически дѣйствуетъ собственной властью, тогда какъ напр. парижскій парламентъ издаетъ свои указы отъ имени короля. Но если придавать этому обстоятельству рѣшающее значеніе, то, пожалуй, придется отвергнуть даже монархическій характеръ имперіи IV вѣка. Ср. томъ I стр. 215 пр. 1.

ученой теоріей XIX вѣка: при такихъ условіяхъ мы должны быть вдвойнѣ осторожны, вводя въ обращеніе не встрѣчающееся въ памятникахъ понятіе.

Прежде всего мы видѣли, что къ эпохѣ самого Августа понятіе діархіи никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено: діархія принцепса и сената несовмѣстима съ избирательной и законодательной дѣятельностью народнаго собранія, а при Августѣ народное собраніе еще обладало указанными правами. Дѣло мѣняется, хотя и не сразу, но все же въ достаточно существенныхъ размѣрахъ при Тиберіи: сенатъ фактически замѣняетъ народное собраніе какъ въ области его избирательныхъ, такъ и въ области его законодательныхъ правъ.

Но и къ послѣдующему времени на мой взглядъ понятіе діархіи, строго говоря, не можетъ быть примѣнено.

На мой взглядъ понятіе діархіи предполагаетъ равенство тѣхъ двухъ властей, о которыхъ идетъ рѣчь, иначе мы будемъ имѣть предъ собой преобладаніе той или другой власти и въ зависимости отъ того, какая именно изъ нихъ занимаетъ первое мѣсто, будемъ вынуждены признать римское государство I вѣка либо аристократической или точнѣе олигархической республикой — вродѣ, напр., Венеціи,—либо монархіей, основывающейся на признаніи народнаго верховенства: по взгляду Тацита римское государство должно бы было представлять республику, управляемую сенатомъ при участіи принцепса, какъ представителя исполнительной власти, получающей руководящія указанія отъ высшаго и суверенаго государственнаго учрежденія, сената, но тотъ же Тацитъ съ грустью отмѣчаетъ „слѣды умирающей свободы“ и не можетъ не признать, что на самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было какъ разъ обратное, иначе говоря, что не принцепсъ, а сенатъ занимаетъ служебное положеніе. Если мы отдадимъ предпочтеніе аристократическому идеалу для конструкціи принципата, мы

назовемъ такимъ образомъ строй I вѣка республикой, если предпочтемъ основываться на реальныхъ условіяхъ, мы его назовемъ полунаслѣдственной, полуизбирательной монархіей, вродѣ священной римской имперіи германской націи или вродѣ монархіи первыхъ капетинговъ. Строго говоря, мы такимъ образомъ ни съ той ни съ другой точки зрѣнія не можемъ говорить о діархіи.

Только если исходить изъ того, что сила республиканской традиціи настолько велика, что въ силу общепринятой фикціи слово: монархія не произносится никѣмъ кромѣ развѣ Гая, что на практикѣ принцепсы не считаютъ возможнымъ обходиться безъ содѣйствія сената и, главное, что со временъ Тиберія и до Домиціана сенатъ формально является учрежденіемъ самопополняющимся, а слѣдовательно до извѣстной степени самостоятельнымъ, мы будемъ имѣть хоть нѣкоторое *формальное* основаніе говорить, что *въ теченіе этого краткаго періода* (*отъ 14 до 85 года*) судьбы римскаго государства находились въ рукахъ двухъ конкуррирующихъ, самостоятельныхъ властей. Только этотъ періодъ даже съ указанной точки зрѣнія и можно будетъ назвать періодомъ діархіи. Но и тутъ постоянно нужно будетъ помнить, что двѣ власти, управляющія Римомъ, далеко не равносильны и не равноправны. Достаточно вспомнить, что принцепсъ, а не сенатъ имѣетъ право руководства и надзора надъ всѣмъ управленіемъ не исключая и сенатскаго. А между тѣмъ это легко забывается, разъ употребляютъ крайне двусмысленный терминъ: діархія для характеристики даннаго государственнаго строя, и въ результатѣ получается совершенно неправильный взглядъ на конституціонный строй Рима въ первомъ вѣкѣ.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что соединеніе постоянной цензорской власти съ принципатомъ отдаетъ пополненіе сената и формально непосредственно въ руки самого принцепса и совершенно измѣняетъ предшествующее

положеніе [1]). Теперь принцепсъ по своему усмотрѣнію назначаетъ и удаляетъ сенаторовъ. Сенатъ становится собраніемъ привилегированныхъ совѣтниковъ монарха, ближайшимъ образомъ призванныхъ къ участію въ его государственныхъ заботахъ, но окончательно утрачиваетъ свою самостоятельность. Онъ обсуждаетъ предлагаемые ему вопросы, издаетъ предложенныя ему постановленія, постановляетъ рѣшенія по тѣмъ дѣламъ, которыя ему передаются, онъ первый признаетъ указаннаго ему императоромъ преемника, опъ руководитъ управленіемъ нѣкоторыхъ провинцій [2]), но онъ совершенно зависитъ отъ воли монарха и лишь постольку, поскольку является однимъ изъ постоянныхъ факторовъ народной жизни, играетъ роль при переходѣ престола отъ одного принцепса къ другому.

Вѣдь изъ того, что принцепсъ II вѣка долженъ быть признанъ монархомъ, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ монархомъ Божьей милостью или тиранномъ, обязаннымъ своей властью узурпаціи. Принцепсъ является законнымъ представителемъ народнаго верховенства, и въ виду этого вполнѣ естественно, что для его восшествія на престолъ существуетъ опредѣленный законный порядокъ, а такъ какъ народное собраніе давнымъ давно потеряло всякое значеніе, то вполнѣ понятно, что сенатъ является тѣмъ учрежденіемъ, которое

---

[1]) Какъ уже замѣчено (см. томъ I, стр. 214, прим. 2) Моммзенъ самъ признаетъ огромное значеніе этого факта. Cp. R. St. 2, 944: wenn man dies als Aufhebung der augustischen (точнѣе tiberischen) Verfassung bezeichnen will, so wird sich dagegen nicht viel erinnern lassen. Cp. Schiller, Gesch. 1, 522: Hiermit war thatsächlich die augusteische Verfassung beseitigt oder wenigstens in ihrem wesentlichsten Faktor ausser Wirksamkeit gesetzt; denn indem die mitregierende Körperschaft von dem Kaiser ernannt wurde, verlor sie jede Selbständigkeit, ohne die eine Teilung der Staatsgewalt eine reine Farce war. Тогда же, вѣроятно, перешло въ императорское управленіе и прежде сенатское вѣдомство a censibus populi Romani, какъ указалъ Hirschfeld, Verwaltungsgeschichte, стр. 18.

[2]) Вспомнимъ еще болѣе обширныя полномочія петровскаго сената. Они не мѣшаютъ петровской Руси быть абсолютной монархіей.

формально признаетъ, что данное лицу въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній—въ силу дѣйствительной или фиктивной десигнаціи его предшествующимъ принцепсомъ или въ силу провозглашенія его войскомъ, т.-е. въ силу его фактическаго господства—должно быть признано представителемъ государственной власти [1]). Такъ верховный тайный совѣтъ призналъ, напримѣръ, Петра II, а позднѣе сенатъ Екатерину II. Въ исключительныхъ случаяхъ римскій сенатъ также по своему почину или по желанію той или иной части населенія можетъ самъ избрать императора (напр. Нерву или Пупіена и Бальбина или Тацита), какъ верховный тайный совѣтъ избралъ императрицей Анну Іоанновну. Но изъ всего этого, какъ видно изъ приведенныхъ аналогій, не слѣдуетъ, чтобы сенатъ и во II и въ III вѣкѣ сохранилъ значеніе единственнаго законнаго носителя суверенитета. Въ первомъ вѣкѣ, когда его формальная самостоятельность еще сохранилась, онъ еще могъ претендовать на такое положеніе, но со временъ Домиціана объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Таково значеніе важнѣйшей изъ всѣхъ конституціонныхъ мѣръ Домиціана, сохранившихся и послѣ него. Самъ Домиціанъ однако не пожелалъ довольствоваться этимъ результатомъ. Стремясь сознательно къ полной побѣдѣ монархическаго начала, онъ поневолѣ долженъ былъ подчиниться тому чрезвычайно распространенному представленію о монархіи, которое съ давнихъ поръ установилось въ эллинистическихъ монархіяхъ востока. Со временъ самого Александра Великаго всѣ греческіе цари востока по примѣру персидской монархіи усматривали высшее освященіе царской власти не въ томъ, что она является представительницей народной воли, а въ ея божественномъ характерѣ и все потому же примѣру выражали этотъ божественный характеръ своей власти тѣмъ,

[1]) Да и то народное собраніе сохраняетъ нѣкоторое формальное значеніе.

что провозглашали себя богами. „Я, богъ великій и богъ милостивый“, говорятъ о себѣ Птоломеи и Селевкиды. Мы еще увидимъ, что лучшіе представители греческой мысли въ то же самое время выработали другую теорію царской власти, подыскали ей болѣе разумное оправданіе и по своему отличали ее отъ тиранніи, но въ правящихъ сферахъ и въ народной массѣ обожествленіе монарха было признано вполнѣ естественнымъ и наиболѣе правильнымъ выраженіемъ его безграничнаго могущества. Характерно, что Августъ вполнѣ сознавалъ практическое значеніе этого представленія и рѣшилъ воспользоваться имъ по крайней мѣрѣ для провинцій несмотря даже на неизбѣжное недовольство сената и части итальянскаго населенія. Значеніе культа Рима и Августа—опять таки характерно, что онъ устанавливается раньше всего и притомъ по желанію самого населенія именно на востокѣ—для упроченія авторитета власти не можетъ подлежать сомнѣнію. Но то, къ чему востокъ уже давно привыкъ, къ чему безъ особеннаго труда привыкли и малокультурныя провинціи запада, то еще было чуждо Италіи. Меньше всего несочувствія обожествленіе императора могло встрѣтить въ Римѣ, значительная часть населенія котораго еще во времена младшаго Сципіона могла усматривать въ Италіи только мачеху, а на самомъ дѣлѣ происходила изъ Греціи, Малой Азіи и Сиріи. Зато сенатъ, большая часть всадниковъ и населеніе италіанскихъ муниципій совсѣмъ не могли допустить культа живого императора и Августъ съ обычной своей осторожностью уступилъ ихъ настроенію. Въ Италіи и Римѣ допускался только культъ усопшаго императора, формально признаннаго послѣ его смерти божествомъ [1]).

Первымъ изъ римскихъ императоровъ, возымѣвшихъ же-

[1]) По вопросу объ этомъ культѣ недавно появилась интересная статья Kornemann'a, zur Geschichte der antiken Herrscherkulte въ Beiträge zur alten Geschichte т. I стр. 51—146.

ланіе поднять свою власть до полной нравственной безотвѣтственности, какъ извѣстно, былъ Гай. Его безумное желаніе объявить себя царемъ осталось, правда, невыполненнымъ, зато его божественность была оффиціально признана: первый изъ римлянъ онъ имѣлъ въ самомъ Римѣ свои храмы и свой культъ [1]), но быстрая его гибель и упраздненіе всѣхъ его указовъ доказали, что время для такого переворота во взглядахъ римскаго общества еще не настало.

То, что у Гая было вспышкой дикаго произвола, повторяется съ холодной систематичностью при Домиціанѣ. Домиціанъ очень далекъ отъ того, чтобы оскорблять старыхъ боговъ, какъ это дѣлалъ Гай, вызывавшій самого Юпитера на борьбу [2]); онъ очень серіозно относится къ своимъ обязанностямъ верховнаго жреца, заботится о чистотѣ и великолѣпіи культа [3]), преслѣдуетъ римлянъ, уже начинающихъ примыкать къ еврейству, а можетъ быть и къ христіанству [4]), съ большимъ вниманіемъ устраиваетъ столѣтнія игры и вводитъ новыя игры въ честь боговъ [5]). Если онъ при такихъ условіяхъ заявляетъ претензіи на божественность, то цѣлью его, очевидно, является не глумленіе надъ божествами, а возвышеніе его политическаго авторитета. „Когда онъ диктовалъ отъ имени своихъ проку-

[1]) Ср. томъ I, стр. 342 сл.

[2]) Suet. Cal. 22: et noctibus quidem plenam fulgentemque lunam invitabat assidue in amplexus atque concubitum, interdiu vero cum Capitolino Jove secreto fabulabatur, modo insusurrans ac praebens invicem aurem, modo clarius nec sine iurgiis. Nam vox comminantis audita est: ἢ μ' ἀνάειρ, ἢ ἐγὼ σέ donec exoratus, ut referebat, et in contubernium ultro invitatus,.. ponte transmisso Palatium Capitoliumque coniunxit.

[3]) Suet. Dom. 4, 8.

[4]) Suet. Dom. 12. Dio 67, 14, 1: κἀν τῷ αὐτῷ ἔτει ἄλλους τε πολλοὺς καὶ τὸν Φλαούιον Κλήμεντα ὑπατεύοντα, καίπερ ἀνεψιὸν ὄντα καὶ γυναῖκα καὶ αὐτὴν συγγενῆ ἑαυτοῦ Φλαουίαν Δομιτίλλαν ἔχοντα, κατέσφαξεν ὁ Δομιτιανός. ἐπηνέχθη δὲ ἀμφοῖν ἔγκλημα ἀθεότητος, ὑφ' ἧς καὶ ἄλλοι ἐς τὰ τῶν Ἰουδαίων ἤθη ἐξοκέλλοντες πολλοὶ κατεδικάσθησαν, καὶ οἱ μὲν ἀπέθανον, οἱ δὲ τῶν γοῦν οὐσιῶν ἐστερήθησαν (Suet. Dom. 15). По вопросу о христіанствѣ Климента см. литературу у Gsell'a стр. 299.

[5]) Suet. Dom. 4.

раторовъ формуляры, онъ начиналъ со словъ: Государь и богъ нашъ приказываетъ то то. Результатомъ этого было, что его не называли иначе ни письменно, ни устно. Онъ не разрѣшалъ также ставить ему статуи на Капитоліи, если они не были изъ золота или серебра и опредѣленнаго вѣса (т. е. онъ примѣнялъ къ своимъ статуямъ тѣ же правила, что и къ статуямъ божествъ)". Когда онъ снова сошелся съ своей разведенной супругой, Домитиллой, онъ заявилъ, что „призвалъ ее обратно на свое божественное ложе" и охотно допускалъ, чтобы толпа привѣтствовала его въ амфитеатрѣ какъ государя (dominus) [1]). Въ результатѣ онъ добился цѣлымъ рядомъ мѣропріятій и поступковъ, что признавался богомъ и государемъ, не возбуждая въ то же время вопроса о формальномъ признаніи его таковымъ со стороны сената.

Формально, такимъ образомъ, и Домиціанъ не былъ признанъ ни богомъ, ни государемъ и поэтому мы никогда не встрѣчаемъ этихъ титуловъ на его оффиціальныхъ надписяхъ [2]). Тѣмъ не менѣе писатели его времени постоянно называютъ его „святѣйшимъ принцепсомъ", а иногда и прямо „богомъ и государемъ" [3]). Комбинація этихъ двухъ званій представляется въ высшей степени характерной: основной смыслъ обожествленія принцепса вѣдь сводится къ тому, что этимъ признается полная нравственная безотвѣтственность владыки. Даже титулъ „Божьей милостью", если употреблять его въ томъ смыслѣ, который онъ постепенно пріобрѣлъ въ западной Европѣ, не устраняетъ безусловно отвѣтственности государя за его дѣянія: онъ не отвѣчаетъ за нихъ передъ народомъ, но признаетъ свою отвѣтственность передъ божествомъ, ми-

---

[1]) Suet. Dom. 13. Dio 67, 8, 1.

[2]) Mommsen, R. St. 2, 759, прим. 3.

[3]) Mart. 5, 8: edictum domini deique nostri,
quo subsellia certiora fiunt
et puros eques ordines recepit...

лости котораго онъ обязанъ своей властью. Другое дѣло государь-богъ: нѣтъ такой инстанціи, которая возвышалась бы надъ нимъ, ибо онъ самъ богъ, и, слѣдовательно, онъ совершенно не отвѣчаетъ за свою дѣятельность. Но разъ это такъ, то, очевидно, не можетъ быть никакой рѣчи о земныхъ ограниченіяхъ его власти; онъ уже не можетъ быть признанъ первымъ гражданиномъ, онъ государь, а граждане становятся его подданными.

Таковъ несомнѣнно смыслъ относящихся сюда мѣръ Домиціана [1]): вся его политика клонилась къ тому, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ его неограниченно-монархическомъ положеніи. Съ этой цѣлью онъ прибѣгаетъ съ одинаковой рѣшительностью какъ къ специфически римскимъ средствамъ въ родѣ пріобрѣтенія цензорской власти, такъ и къ пріемамъ эллинистическихъ монархій. Первыя должны подѣйствовать на сенатъ, вторые на массу, но цѣль и тутъ и тамъ одна и та же.

Понятно, какую ненависть послѣдовательная политика Домиціана должна была вызвать среди сената: нетолько остатки республиканской оппозиціи, еще сохранившіеся внутри сената и внѣ его, но и люди, уже примирившіеся съ болѣе или менѣе тяжелымъ сердцемъ съ необходимостью императорской власти вродѣ Тацита и Плинія младшаго, были глубоко возмущены деспотическими замашками Домиціана. При такихъ условіяхъ нетолько подавленная Веспасіаномъ стоически-доктринерская оппозиція, но и всякаго рода честолюбцы, разсчитывавшіе воспользоваться возрастающимъ недовольствомъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, снова подняли голову. Наши источники даютъ намъ такъ мало матеріала, что мы не имѣемъ возможности прослѣдить подробнѣе развитіе оппозиціоннаго настроенія и его разнообразныя проявленія. Мы знаемъ лишь, что критическимъ моментомъ въ принципатѣ Домиціана по-

[1]) Mommsen R. St. 2, 762:.. diejenigen Kaiser, die die Bürger als Unterthanen auffassten, wie Gaius und Domitian.

видимому является возстаніе намѣстника верхней Германіи, Л. Антонія Сатурнина [1]). Воспользовавшись сбереженіями солдатъ, хранившимися въ легіонныхъ кассахъ [2]), онъ независимо отъ двухъ верхнегерманскихъ легіоновъ [3]) привлекъ на свою сторону еще и германскіе вспомогательные отряды [4]) и изъ Виндониссы непосредственно угрожалъ сѣверной Италіи: союзъ Антонія съ германцами представляется особенно характернымъ, если принять въ разсчетъ, какими обвиненіями сенатская оппозиція осыпала Домиціана за малую энергію, проявленную имъ въ борьбѣ съ варварами [5]). Къ счастью для имперіи намѣстникъ нижней Германіи Луцій Аппій Норбанъ Максимъ и его войска не послѣдовали примѣру верхнегерманскаго войска, да и въ остальныхъ провинціяхъ мы не встрѣчаемъ никакихъ признаковъ революціонныхъ движеній. Стоитъ только вспомнить, какъ быстро и неудержимо двадцать лѣтъ раньше (возстаніе Сатурнина, вѣроятно, относится къ 88 году) [6])

[1]) Dio 67, 11, 2.

[2]) Suet. Dom. 7: geminari legionum castra prohibuit, nec plus quam mille nummos a quoquam ad signa deponi: quod L. Antonius apud duarum legionum hiberna res novas moliens fiduciam cepisse etiam ex depositorum summa videbatur.

[3]) По мнѣнію Rénier, Acad. des Inscr. 1872, стр. 424, то были legio XI Claudia и legio XXI Rapax.

[4]) Suet. Dom. 6.

[5]) Светоній говоритъ лишь вскользь о войнахъ Домиціана (Dom. 6 и 13); Тацитъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ изъ зависти и страха не допускалъ своихъ намѣстниковъ до крупныхъ военныхъ успѣховъ, и называетъ его германскій тріумфъ ложнымъ, Agr. 39: inerat conscientia derisui fuisse nuper falsum e Germania triumphum, emptis per commercia, quorum habitus et crines in captivorum speciem formarentur... id sibi maxime formidolosum, privati hominis nomen supra principis attolli: frustra studia fori et civilium artium decus in silentium acta, si militarem gloriam alius occuparet (ср. ib. 41). Но особенно рѣзко судитъ Діонъ 67, 4 сл. О войнахъ временъ Домиціана см. Gsell, loc. cit., Schiller, Gesch. d. Kais. 1, 525 сл., Asbach, стр. 96 сл.

[6]) Годъ возстанія Сатурнина представляется спорнымъ; ср. объ этомъ Schiller, Gesch. 1, 524, прим. 2; ср. также Th. Bergk, Zur Geschichte und Topographie der römischen Rheinlande, въ Bonner Iahrbücher, 58, 136 сл., Ritterling, Westdeutsche Zeitschrift т. XII, стр. 218 сл. и Gsell, стр. 197.

распространилось возмущеніе, чтобы усмотрѣть огромную разницу въ настроеніи массы населенія и въ частности войскъ. Да и верхнегерманское движеніе оказалось не особенно серіознымъ; еще раньше чѣмъ Маркъ Ульпій Траянъ, вызванный во главѣ седьмого легіона изъ Испаніи въ верхнюю Италію, куда двинулся и самъ Домиціанъ съ преторіанцами, успѣлъ совершить предписанное ему передвиженіе, Норбанъ Максимъ во главѣ четырехъ нижнегерманскихъ легіоновъ подавилъ возстаніе [1]): оттепель помѣшала варварамъ перейти черезъ Рейнъ и присоединиться къ Антонію Сатурнину [2]), но еще въ слѣдующемъ 89 году римскимъ войскамъ пришлось усмирять хаттовъ [3]).

Послѣ этого, говоритъ Діонъ, Домиціанъ немедленно приступилъ къ казнямъ и съ тѣхъ поръ погубилъ огромное число лицъ [4]). Что Л. Антоній Сатурнинъ имѣлъ сообщниковъ въ Римѣ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію: недаромъ побѣдитель, т.-е. Норбанъ Максимъ, по преданію, подъ страхомъ личной отвѣтственности поторопился уничтожить всѣ бумаги узурпатора [5]). Весьма возможно также, что и въ Римѣ послѣдо-

[1]) C. J. L. 6, 1347: „...Appi Maximi bis cos. confectoris belli Germanici"; ср. Mart. ep. 9, 84:

Cum tua sacrilegos contra, Norbane, furores
staret pro domino Caesare sancta fides...

Dio 67, 11, 1: Ἀντώνιος δέ τις ἐν Γερμανίᾳ ἄρχων κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον τῷ Δομιτιανῷ ἐπανέστη, ὃν Λούκιος Μάξιμος κατηγωνίσατο καὶ καθεῖλεν.

[2]) Suet. Dom. 6: bellum civile motum a L. Antonio, superioris Germaniae praeside, confecit absens felicitate mira, cum ipsa dimicationis hora resolutus repente Rhenus transituras ad Antonium copias barbarorum inhibuisset.

[3]) Ср. Asbach въ Bonner Iahrb. 81 (1886 г.), стр. 29, и Westdeutsche Zeitschrift, 3 (1884), стр. 11, 20 сл.

[4]) Dio 67, 11, 2: ὁ δὲ Δομιτιανὸς ἀφορμῆς ἐντεῦθεν εὐπορήσας, ἐπὶ τοὺς φόνους καὶ τῶν γραμμάτων χωρὶς ὁρμήσας, οὐδ' ἂν εἴποι τις ὅσους ἀπέκτεινεν. Ср. ib. 67, 3: πολλοὺς δὲ τῶν πρώτων ἀνδρῶν κατὰ πολλὰς προφάσεις φόνοις τε καὶ ὑπερορίαις ἐκποδὼν ποιούμενος.

[5]) Dio 67, 11, 2: ὅτι δὲ τὰ γράμματα ὅσα ἐν τοῖς τοῦ Ἀντωνίου κιβωτίοις εὑρέθη, παρὰ βραχὺ τὴν ἑαυτοῦ ἀσφάλειαν θέμενος, ἔκαυσεν, οὐχ' ὁρῶ πῶς ἂν αὐτὸν ἀξίως ὑμνήσαιμι.

валъ рядъ казней, когда слѣдствіе, несмотря на предосторожность Норбана, выяснило размѣры заговора [1]). Во всякомъ случаѣ опасное на первый взглядъ, возстаніе легіоновъ должно было усилить ту подозрительность, которую Домиціанъ раздѣлялъ съ своимъ прототипомъ и идеаломъ, Тиберіемъ [2]), и еще болѣе обострить и безъ того плохія отношенія между сенатомъ и принцепсомъ.

Сенатъ, правда, призналъ его достойнымъ двойнаго тріумфа надъ хаттами и даками, даровалъ ему титулъ „германскаго“ и перемѣнилъ названія двухъ мѣсяцевъ, назвавъ Сентябрь Германскимъ, а Октябрь Домиціановымъ мѣсяцемъ [3]). Да и послѣ этого масса сенаторовъ только въ безусловной покорности видѣла средство спасенія: „въ его честь было сдѣлано столько постановленій“, замѣчаетъ Діонъ, „что едва ли не пришлось бы наполнить всю находившуюся подъ его властью землю его изображеніями и серебряными да золотыми статуями“ [4]), а Плиній Младшій вполнѣ подтверждаетъ эти слова замѣчаніями о „состязаніи въ лести“, о стремленіи къ безпрестанному изобрѣтенію все новыхъ почестей для Домиціана [5]). А въ то же самое время Марціалъ, Стацій и Силій восхва-

[1]) Діонъ 67, 11, 4 упоминаетъ только Юлія Калуастра (χειλιαρχικὸς ἐς βουλείας ἐλπίδα).

[2]) Suet. Dom. 20: praeter commentarios et acta Tiberi Caesaris nihil lectitabat.

[3]) Suet. Dom. 13: post autem duos triumphos, Germanici cognomine assumpto, Septembrem mensem et Octobrem ex appellationibus suis Germanicum Domitianumque transnominavit, quod altero suscepisset imperium, altero natus esset. Ср. C. J. L. 8, 1027: „...donis donatus a Domitiano ob bellum Dacicum item ab eodem ob bellum Germanicum (т.-е. возстаніе Сатурнина) item torquibus armillis ob bellum Dacicum“.

[4]) Dio 67, 8, 1.

[5]) Plin. paneg. 54: nihil ante tam vulgare, tam parvum in senatu agebatur, ut non laudibus principum inmorarentur quibuscumque *censendi necessitas* accidisset. De ampliando numero gladiatorum aut de instituendo collegio fabrorum consulebamur, et quasi prolatis imperii finibus nunc ingentes arcus excessurosque templorum fastigium titulos, nunc menses etiam nec hos singulos nomini Caesarum dicabamus... ad certamen adulationum.

ляютъ его въ литературѣ, какъ нѣкогда Вергилій и Горацій восхваляли Августа [1]).

И тѣмъ не менѣе недовольство несомнѣнно существовало и росло, а параллельно съ нимъ росло и недовѣріе Домиціана, постепенно принявшее такія же болѣзненныя формы, какъ у Тиберія. Послѣдній толчекъ къ водворенію террора дали, повидимому, какія-то событія 93 года, приведшія къ многочисленнымъ казнямъ [2]): во всякомъ случаѣ въ нихъ одновременно были замѣшаны какъ сенаторы, такъ и проповѣдники стоицизма. Къ числу первыхъ принадлежалъ бывшій консулъ Ювенцій Цельсъ, игравшій большую роль въ какомъ-то заговорѣ противъ Домиціана, но, повидимому, успѣвшій спасти себя обѣщаніемъ доноса [3]); въ числѣ доктринеровъ стоиковъ особенно почетное мѣсто занимали Геренній Сенеціонъ, Аруленъ Рустикъ и Гельвидій Прискъ-сынъ.

Какова была связь между заговоромъ Цельса и дѣломъ стоиковъ, мы не знаемъ, да весьма вѣроятно, что внѣшней связи между ними вовсе не было. Фактъ тотъ, что съ этого времени [4]) не только послѣдовали казни цѣлаго ряда сенато-

---

[1]) См. ниже гл. III.

[2]) Тацитъ и Плиній сходятся въ томъ, что терроръ наступилъ съ конца 93 года. Ср. Tac. Agr. 44: nam sicut ei non licuit durare in hanc beatissimi saeculi lucem ac principem Traianum videre... ita festinatae mortis grande solacium tulit evasisse postremum illud tempus, quo Domitianus non iam per intervalla ac spiramenta temporum, sed continuo et velut uno ictu rem publicam exhausit. Агрикола умеръ 23 августа 93 года. Plin. paneg. 95: provectus ab illo insidiosissimo principe antequam profiteretur odium bonorum, postquam professus est, substiti, et cum viderem quae ad honores compendia paterent, longius iter malui: Плиній въ 93 году былъ преторомъ.

[3]) Dio 67, 13, 3—4: Ἰουουέντιος μέντοι τις Κέλσος συνομόσας τε ἀνὰ πρώτους μετὰ τινων ἐπ' αὐτῷ и т. д.

[4]) Кромѣ дѣла Антонія Сатурнина и его сообщниковъ Діонъ 67, 12, 2 сл. упоминаетъ ἐν τοῖς τότε (въ консульство Траяна и Ацилія Глабріона т.-е. въ 91 году) τελευτήσασι πολλοῖς только нѣкогда пощаженнаго Веспасіаномъ Мегія Помпузіана, еще раньше сосланнаго на островъ Корсику, а затѣмъ убитаго (ср. Suet. Dom. 10) и „софиста“ Матерна, ὅτι κατὰ τυράννων εἶπε τι ἀσκῶν.

ровъ, но были также приняты очень крутыя мѣры противъ литературно-философской оппозиціи. „Онъ убилъ многихъ сенаторовъ и среди нихъ нѣсколько бывшихъ консуловъ“, говоритъ Светоній [1]): „Цивику Церіалиса въ то время, когда онъ былъ проконсуломъ Азіи [2]), Сальвидіена Орфита [3]) и Ацилія Глабріона [4]) въ ссылкѣ; всѣ они были обвинены въ заговорѣ. Остальныхъ онъ погубилъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ: Элія Ламія за подозрительныя на первый взглядъ, но давнишнія и невинныя шутки (по поводу того, что Домиціанъ отнялъ у него жену) [5]); Сальвія Кокцейяна за то, что онъ праздновалъ день рожденія своего дяди, Оѳона [6]); Меттія Помпузіана за то, что о немъ говорили, будто у него императорскій гороскопъ, и за то, что онъ имѣлъ при себѣ пергаментную карту земли и выписки изъ Тита Ливія, содержавшія рѣчи царей и полководцевъ къ народу и что назвалъ своихъ рабовъ Магономъ и Ганнибаломъ [7]); Саллюстія Лукулла, намѣстника Британніи, за то, что онъ позволилъ называть копья новой формы Лукулловыми“.

Въ то же время были казнены Геренній Сенеціонъ, Аруленъ Рустикъ и Гельвидій Прискъ, первый за біографію Гельвидія Приска-отца и за систематическое удаленіе отъ дѣлъ,

---

[1]) Suet. Dom. 10.

[2]) Гай Веттуленъ Цивика Церіалисъ былъ consul suffectus незадолго до 77 года; затѣмъ намѣстникомъ нижней Мизіи въ 82 году, и около 88 года проконсуломъ Азіи. Prosop. III, стр. 416, ном. 352.

[3]) Ср. Philostr. v. Apoll. 7, 8. 33; 8, 7, 10.

[4]) Ср. Dio 67, 14; Iuven 4, 45. 95—103. Стацій его восхвалялъ за участіе въ германской войнѣ 83 года; въ 91 году онъ былъ консуломъ вмѣстѣ съ Траяномъ. Pros. I, стр. 7, № 54.

[5]) Л. Элій Плавтій Ламія Эліанъ (Pros. I, 20 № 166) былъ consul suffectus въ 80 году. Ср. Suet. Dom. 1. Dio 66, 3, 4. Iuven. 4, 154.

[6]) Л. Сальвій Оѳонъ Кокцеянъ (Pros. III, 169, № 110), сынъ Л. Сальвія Оѳона Тиціана, консула 52 года. Ср. Tac. Hist. 2, 48.

[7]) Л. Помпузій Меттій, онъ же Меттій Помпузіанъ, (Pros. III, 82, № 586) былъ префектомъ Сатурнова Эрарія (C. J. L. 6, 1495) и при Веспасіанѣ же консуломъ. Suet. Vesp. 14.

второй за сочиненіе, посвященное восхваленію Ѳразеи Пета и того же Гельвидія Приска, третій за драму, въ которой были усмотрены намеки на семейную жизнь Домиціана [1]). Тогда же изъ Рима и Италіи снова были изгнаны философы— лучшее доказательство, что и въ этомъ случаѣ Домиціанъ преслѣдовалъ не отдѣльныхъ, почему-либо ненавистныхъ ему людей, а желалъ уничтожить цѣлое литературно-философское направленіе, идеалы котораго рѣзко расходились съ его представленіемъ о желательной организаціи римскаго государства [2]).

Положеніе сената снова сдѣлалось такимъ же ужаснымъ, какъ въ эпоху Нерона. Недаромъ Тацитъ благословляетъ судьбу, что Агриколѣ „не пришлось видѣть сенатъ въ осадномъ положеніи и окруженнымъ войсками. Онъ не видѣлъ массовыхъ убійствъ столькихъ консуляровъ, павшихъ жертвой одного удара, не видѣлъ ссылки и бѣгства столькихъ благороднѣйшихъ женщинъ... Вскорѣ наши руки повлекли Гельвидія въ темницу, насъ поразилъ видъ Маврика и Рустика, насъ обрызгалъ невинной кровью Сенеціонъ. Неронъ хоть устранялъ свои глаза отъ зрѣлища казни и приказывалъ совершать преступленія, но не созерцалъ ихъ: одно изъ величайшихъ бѣдствій временъ Домиціана заключалось въ томъ, что его видишь и онъ смотритъ, что наши вздохи записывались, что было достаточно его жестокаго вида и красноты его лица, которой онъ защищалъ себя отъ стыда, чтобы подчеркнуть блѣдность столькихъ людей“ [3]).

Естественно, что обѣ стороны при такихъ условіяхъ должны были впасть въ своего рода нервное состояніе. Особенно характерно, что Домиціанъ въ концѣ концовъ перенесъ свою подозрительность на свою семью и на своихъ ближайшихъ

[1]) Suet. Dom. 10, Dio 67, 13, 2—3.

[2]) Suet. ib., Dio ib. Tac. Agr. 45. Изгнанію изъ Рима подвергся между прочимъ Діонъ Хрисостомъ: or. 3 (ed. Dind. 1, 40) и 13, 1 (ib. 1, 240 сл.). См. ниже.

[3]) Tac. Agr. 45. Plin. paneg. 76.

помощниковъ. Домиціанъ самъ не имѣлъ дѣтей: его единственный сынъ отъ Домитиллы рано умеръ [1]) и всѣ надежды на то, что его замѣнитъ другой, „которому отецъ послѣ столѣтій передастъ вѣчныя заботы и который старикомъ будетъ управлять міромъ съ еще болѣе старымъ отцомъ“, оказались тщетными [2]). А между тѣмъ вся монархическая политика Домиціана безусловно требовала обезпеченія престолонаслѣдія, да и безопасность самого принцепса, видимо, зависѣла отъ того, будетъ ли онъ имѣть наслѣдниковъ, способныхъ отстаивать въ случаѣ надобности одновременно и свои и его интересы. Съ другой стороны, властный характеръ Домиціана не могъ примириться съ провозглашеніемъ такого наслѣдника, который по своему возрасту и собственному положенію могъ бы претендовать на политическое вліяніе. Вотъ почему Домиціанъ оставилъ въ сторонѣ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Тита Флавія Сабина и Флавія Климента, и (вѣроятно, въ 94 году) объявилъ своими преемниками сыновей послѣдняго, давъ имъ при этомъ имена Веспасіана и Домиціана [3]) и поручивъ ихъ

[1]) На монетахъ онъ называется divus Caesar, ср. Eckhel, 6, 401; Cohen Dom. 1, стр. 459.

[2]) Marb. ср. 6, 3: nascere Dardanio promissum nomen Iulo,
vera deûm suboles, nascere, magne puer:
cui pater aeternas post saecula tradat habenas,
quique regat orbem cum seniore senex.
ipsa tibi nives trahet aurea pollice fila
et totam Phrixi Iulia nebit ovem.

[3]) Родословная Флавіевъ:

T. Flavius Petro
|
Flavius Sabinus ⁀ Vespasia Polla

Flavius Sabinus — T. Flavius Vespasianus ⁀ Flavia Domitilla

T. Flavius Sabinus cons. ord. a. 32 — Flavius Clemens cons. ord. a. 95 — Titus — Domitianus — Domitia

Vespasianus — Domitianus — Julia замужемъ за Т. Флавіемъ Сабиномъ — Flavia Domitilla замужемъ за Флавіемъ Климентомъ

воспитаніе Квинтиліану [1]). Въ слѣдующемъ 95 году ихъ отецъ Флавій Климентъ, несмотря на свой малодѣятельный характеръ, сдѣлался ординарнымъ консуломъ [2]).

При такихъ условіяхъ особенно характерно, что еще все въ томъ же 95 году Климентъ подвергся обвиненію въ „безбожіи“ и былъ казненъ, а жена его Домитилла, мать молодыхъ принцевъ, по той же причинѣ была сослана на островъ Пандатарію [3]). Вѣроятно еще до этого жертвой подозрительности Домиціана палъ и братъ Климента, Т. Флавій Сабинъ [4]), и Домиціанъ, такимъ образомъ, самъ лишилъ себя единственныхъ людей, интересы коихъ несмотря ни на какія недоразумѣнія [5]) были тѣсно связаны съ его собственными.

Гибель Климента должна была поразить и испугать не только сенатъ, но и весь дворъ Домиціана, а когда Домиціанъ въ то же самое время подвергнулъ казни Эпафродита, либерта Нерона, за то, что по преданію онъ помогъ Нерону совершить самоубійство, то даже самыя близкія къ императору лица должны были понять, что никакія заслуги не могли спасти разъ намѣченную жертву императорской подозрительности и произвола [6]). Подозрительность Домиціана, очевидно,

---

[1]) Quint, inst. or. 4 prooem. 2.

[2]) Suet. Dom. 15: contemptissimae inertiae. Весьма вѣроятно, что отвращеніе Климента къ общественной дѣятельности стояло въ связи съ его религіозными взглядами. См. выше стр. 147 пр. 4.

[3]) Dio 67, 14, 1: Suet. Dom. 15: Denique Flavium Clementem patruelem suum.., cuius filios etiam tum parvulos successores palam destinaverat, et abolito priore nomine, alterum Vespasianum appellari iusserat, alterum Domitianum, repente ex tenuissima suspicione tantum non in ipso eius consulatu interemit. Philostr. v. Apoll. 7, 7; 8, 25, 1. Ср. выше стр. 147 прим. 4.

[4]) Suet. Dom. 10: Flavium Sabinum, alterum e patruelibus, quod eum comitiorum consularium die destinatum perperam praeco non consulem ad populum, sed imperatorem pronuntiasset. Ср. впрочемъ Schiller, Gesch. 1, 537 пр. 4: So harmlos wie Sueton die Sache darstellt, wird der Irrtum des praeco nicht gewesen sein.

[5]) Домиціанъ жилъ съ женой Сабина, Юліей.

[6]) Suet. Dom. 14: Utque domesticis persuaderet, ne bono quidem exemplo audendam esse patroni necem Epaphroditum a libellis capitali poena

дошла до того, „что онъ изъ всѣхъ людей никому не вѣрилъ, такъ что не надѣялся ни на своихъ либертовъ, ни на преторіанскихъ префектовъ“ [1]).

Въ результатѣ гибель самого Домиціана могла быть только вопросомъ времени. Уже десять мѣсяцевъ спустя послѣ казни Климента составился обширный дворцовый заговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ придворные, занимавшіе особенно крупное положеніе. Завѣдывавшій императорской опочивальней либертъ Парѳеній соединился съ другимъ служащимъ того же вѣдомства Сигеріемъ, съ секретаремъ Домиціана Энтелломъ и прокураторомъ его жены Стефаномъ. Къ нимъ присоединились преторіанскіе префекты Норбанъ и Петроній Секундъ, и, повидимому, даже жена Домиціана, Домитилла [2]). 18 сентября 96 года Домиціанъ былъ убитъ въ своемъ дворцѣ и подоспѣвшіе слишкомъ поздно преторіанцы успѣли только убить Стефана.

Сенатъ не принялъ никакого серіознаго участія въ заговорѣ, и вопросъ о преемникѣ Домиціана былъ заранѣе рѣшенъ заговорщиками, вступившими въ согласіе съ Маркомъ Кокцеемъ Нервой и уговорившими его принять власть [3]).

Тѣмъ не менѣе сенатъ, разумѣется, „былъ до такой степени радъ (убійству Домиціана), что курія мгновенно наполнилась и не могла воздержаться отъ того, чтобы не поносить убитаго самымъ позорнымъ и жестокимъ родомъ возгласовъ; повелѣли внести лѣстницы и въ присутствіи всѣхъ снять

---

condemnavit, quod post destitutionem Nero in adipiscenda morte manu eius adiutus existimabatur. Dio 67, 14, 4.

[1]) Dio 67, 14, 4.

[2]) Dio 67, 15—16. Suet. Dom. 15—17.

[3]) Dio 67, 15, 4 сл.: οὐ μέντοι πρότερον ἐπεχείρησαν ἔργῳ πρὶν τὸν διαδεξάμενον τὴν ἀρχὴν αὐτοῦ βεβαιώσασθαι. διελέξαντο μὲν δὴ καὶ ἄλλοις τισί, μηδενὸς δὲ ἐκείνων δεξαμένου, πάντες γὰρ αὐτοὺς ὡς διαπειρωμένους σφῶν ἐφοβήθησαν, ἐπὶ τὸν Νερούαν ἦλθον, ἐπειδὴ καὶ εὐγενέστατος καὶ ἐπιεικέστατος ἦν, καὶ προσέτι καὶ ἐκινδύνευσε διαβληθεὶς ὑπ' ἀστρολόγων. ἐξ οὗπερ ῥᾷον ἔπεισαν αὐτὸν ἀναδέξασθαι τὴν ἡγεμονίαν.

и бросить на землю его щиты и статуи и въ концѣ концовъ постановили уничтожить на всѣхъ надписяхъ его имя и навѣки устранить память о немъ“ [1]). Народъ отнесся равнодушно къ вѣсти о его смерти; зато преторіанцы были глубоко возмущены, потребовали, чтобы онъ былъ признанъ богомъ, и видимо были готовы отомстить за него, но у нихъ не оказалось вождей и волненіе постепенно улеглось.

Въ лицѣ Домиціана погибъ злѣйшій врагъ, съ которымъ сенатъ когда-либо до этого времени имѣлъ дѣло, и снова выяснилось, что римское общество было готово примириться съ монархіей, но не желало допустить установленія чистаго деспотическаго режима эллинистическаго востока. Монархъ—гражданинъ былъ признанъ неизбѣжнымъ зломъ, монархъ—богъ и государь погибъ отъ руки своихъ же помощниковъ.

Гибель Домиціана не осталась безъ послѣдствій: послѣ нея Римъ въ теченіе 80 слишкомъ лѣтъ сравнительно спокойно жилъ подъ властью Антониновъ. Обѣ крайности, республиканская оппозиція части общества и деспотическія стремленія власти, оказались несвоевременными. Въ Римѣ водворяется своего рода просвѣщенная монархія, и пока сынъ Марка Аврелія, Коммодъ, не выступилъ противъ ея основныхъ устоевъ, ни одинъ изъ многочисленныхъ заговоровъ разныхъ авантюристовъ не имѣлъ успѣха. Коммодъ снова вернулся къ идеямъ Домиціана, хотя и безъ всякаго сознательнаго плана, и новый дворцовый заговоръ погубилъ династію Антониновъ, какъ почти сто лѣтъ раньше такой же заговоръ смелъ династію Флавіевъ.

---

[1]) Suet. Dom. 23.

ГЛАВА III.

Римское общество временъ Флавіевъ.

§ 1.

Зарожденіе оппозиціи.

Эпоха Флавіевъ представляетъ весьма любопытное явленіе не только съ точки зрѣнія развитія императорской власти, но и по своеобразному развитію политической мысли, замѣчающемуся въ это время. Впервые за все время своего существованія принципатъ встрѣчается съ болѣе серіозной принципіальной оппозиціей и естественно возникаетъ вопросъ, каково происхожденіе этой оппозиціи, насколько она была значительна и во имя какихъ идеаловъ она вступаетъ въ борьбу съ Веспасіаномъ и съ его сыновьями?

Къ сожалѣнію, намъ и здѣсь приходится отмѣтить тотъ же самый недостатокъ болѣе полныхъ и осмысленныхъ данныхъ, съ которымъ намъ уже неоднократно приходилось считаться. Произведенія и рѣчи главныхъ дѣятелей оппозиціи до насъ не дошли и мы можемъ только догадываться о ихъ характерѣ и содержаніи, но не имѣемъ возможности возсоздать ихъ основныя идеи съ должной полнотой. Светоній и Діонъ посвящаютъ имъ всего нѣсколько строкъ, а Тацитъ разсказываетъ намъ нѣсколько подробнѣе лишь о начальныхъ стадіяхъ

оппозиціоннаго движенія и въ нѣсколькихъ встревоженныхъ словахъ упоминаетъ о гибели его послѣднихъ крупныхъ представителей при Домиціанѣ. Діонъ Хрисостомъ даетъ обильный матеріалъ для нѣкоторыхъ теченій греческой мысли, но едва ли можетъ быть привлеченъ въ качествѣ источника для уразумѣнія собственно римскаго движенія, а біографія загадочнаго Аполлонія Тіанскаго представляетъ изъ себя нѣчто среднее между исторіей и романомъ и во всякомъ случаѣ также слишкомъ чужда римскихъ взглядовъ и традицій, чтобы изъ нея можно было много извлечь для нашей цѣли.

При такихъ условіяхъ чрезвычайно трудно точно установить разныя стадіи и направленія оппозиціоннаго движенія и еще труднѣе указать, какъ относилась къ каждому изъ нихъ масса общества. Тѣмъ не менѣе намъ невозможно обойти этотъ вопросъ молчаніемъ и необходимо сдѣлать попытку такъ или иначе отвѣтить на него. Нужно только помнить, что объ очень многомъ по необходимости можно будетъ только догадываться и что придется реконструировать движеніе по отчасти очень шаткимъ даннымъ [1]).

---

[1]) Главныя данныя о характерѣ политическаго міросозерцанія оппозиціи мы находимъ у Діона 66, 12—13 и 67, 12—13. Особенно важна тутъ разница между оцѣнкой дѣятельности Гельвидія Приска отца и его сообщниковъ съ одной и оппозиціи временъ Домиціана съ другой стороны: первые по его словамъ прямо выступали противъ монархіи, вторые, повидимому, скорѣе протестовали противъ тираніи и принимали мало участія въ практической дѣятельности. Вопросъ въ томъ, насколько можно положиться на слова Діона т.-е. какими источниками онъ въ данномъ случаѣ пользовался. Schmidt, Gesch. d. Denk- und Glaubensfreiheit, стр. 397, напримѣръ, предполагаетъ, что источникомъ Діона 66, 12—13 были предполагаемыя произведенія „Муціана и его партіи“. Само собою разумѣется, что мы не располагаемъ рѣшительно никакими прямыми данными для разрѣшенія этого вопроса. Въ общемъ Діонъ является довольно вѣрнымъ истолкователемъ аристократическихъ традицій и я не вижу основанія, почему бы мы должны были предположить, что онъ въ данномъ случаѣ передаетъ тенденціозные взгляды „Муціана и его партіи“. Для пониманія его отношенія къ разнымъ оппозиціоннымъ направленіямъ нужно только выяснить его собственные политическіе взгляды (для коихъ особенно характерны знаменитыя рѣчи 53 книги,

Изученіе литературы первыхъ временъ принципата отъ Августа до Нерона убѣдило насъ въ томъ, что за это время не встрѣчается ни одного признака систематической оппозиціи противъ принципата [1]), и въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мы видѣли, что самыя раннія времена принципата, т.-е. эпоха Августа, отмѣчены глубокой усталостью общества, радостью по поводу возстановленія внутренняго мира и порядка, бѣгствомъ отъ политической дѣятельности и безумной жаждой всякаго рода наслажденій. Несомнѣнно, что и тогда существовали недовольные, но ихъ недовольство разражалось мелкой фрондой, скверными сплетнями и стихотворными насмѣшками надъ властителемъ: „бѣшенство“ Лабіена и ожесточенная брань Кассія Севера не находили сочувствія даже въ сенатскомъ обществѣ, довольно спокойно подчинившемся своей судьбѣ. Начиная съ Тиберія, недовольство быстро растетъ, но параллельно съ нимъ растетъ и страхъ за свою жизнь, тотъ ежеминутный трепетъ, который такъ ярко характеризуетъ жизнь и сочиненія Сенеки. Общество, лишившееся во время гражданскихъ войнъ своихъ энергичнѣйшихъ и нравственно наиболѣе чистыхъ и стойкихъ членовъ и растратившее затѣмъ остатокъ своихъ силъ въ грубыхъ наслажденіяхъ мирной жизни, оказалось неспособнымъ отстоять не только свою безопасность, но и свою честь. Больше сорока лѣтъ оно только и знало, что оно безсильно, и матеріально и нравственно, и что принцепсъ можетъ съ нимъ сдѣлать, что ему угодно. Тиберій уничтожилъ въ немъ послѣдніе слѣды самостоятельности, а Гай, жены и придворные

особенно рѣчь Мецената, см. томъ I, стр. 39 прим. 1): Діонъ является безусловнымъ сторонникомъ монархіи и поэтому не можетъ сочувствовать Гельвидію Приску отцу, выступающему противъ возстановителя государства и монархіи, Веспасіана, но онъ врагъ деспотизма или, какъ тогда выражались, тираніи и поэтому сочувствуетъ оппозиціи противъ Домиціана. Подробнѣе о политическихъ взглядахъ Діона будетъ сказано въ третьемъ томѣ.

[1]) См. томъ I, стр. 323 сл., 485 сл.

Клавдія и, наконецъ, Неронъ заставили его допить чашу униженія до дна.

Первые признаки медленнаго нравственнаго возрожденія римскаго общества относится ко времени Нерона [1]). Безпрестанные доносы и казни постепенно научили его лучшихъ людей презирать жизнь и искать утѣшеніе въ догматахъ стоической философіи. Глубоко пессимистическіе взгляды Сенеки на жизнь особенно характерны потому, что на первомъ планѣ въ нихъ всегда стоитъ сознаніе необезпеченности жизни и счастія, превратности всего земного бытія: жестокости Цезарей лучше всего убѣждали его читателей въ глубокой правдивости его жалобъ. Отсюда еще было далеко до оппозиціи. Не только Сенека, но и гораздо болѣе стойкій Ѳразея Петъ не можетъ быть признанъ главой политической партіи или послѣдовательнымъ представителемъ опредѣленнаго политическаго идеала. Это не значитъ, чтобы у Ѳразеи или у Сенеки вовсе не было представленій о желательномъ устройствѣ государства: особенно Сенека въ первые годы Нерона успѣлъ доказать, что нормальныя условія государственной жизни по его мнѣнію нераздѣльно связаны съ мирнымъ сотрудничествомъ принцепса и сената, и къ тому же вѣроятнѣе всего сводились практическія надежды Ѳразеи. Съ другой стороны, однако, ни тотъ ни другой не имѣли никакого представленія о томъ, какими средствами можно было бы обезпечить такого рода компромиссъ отъ посягательствъ со стороны императоровъ, иначе говоря какъ устранить возможность деспотизма, и во всякомъ случаѣ не вели активной борьбы съ деспотизмомъ Нерона. Сенека довольствовался тѣмъ, что онъ покуда и насколько было возможно, умѣрялъ своимъ личнымъ вліяніемъ тиранническіе порывы своего ученика. Когда смерть Бурра и

[2]) Предшественникомъ Сенеки и Ѳразеи Пета, пожалуй, можетъ быть признанъ казненный Гаемъ Канъ Юлій, о которомъ у Сенеки встрѣчаются восторженные отзывы. Онъ былъ стоикомъ. См. Sen. de tranqu an. 14, 4—10.

возрастающее могущество Поппеи лишили его прежняго вліянія, онъ не всталъ во главѣ сената или какой-либо сенатской или иной общественной группы, чтобы бороться съ Нероном, а просто покинулъ дворъ и уступилъ мѣсто новымъ довѣреннымъ лицамъ молодого принцепса. Ѳразеѣ не пришлось имѣть и того вліянія, которымъ въ свое время пользовался Сенека: онъ прошелъ всѣ стадіи обычной сенаторской карьеры, не занявъ ни разу выдающагося положенія въ государственномъ управленіи, и еще раньше Сенеки удалился отъ дѣлъ, не сдѣлавъ также точно ни одной попытки бороться съ властью. Тѣмъ не менѣе ихъ удаленіе отъ дѣлъ имѣло симптоматическое значеніе: въ такое время, когда будущій любимецъ сената, императоръ Нерва вмѣстѣ съ Тигеллиномъ получилъ тріумфальныя инсигніи за усердную дѣятельность по раскрытію и наказанію пизоновскаго заговора, когда подавляющее большинство сенаторовъ пресмыкалось передъ либертами Нерона, удаленіе двухъ выдающихся по таланту или характеру консуляровъ отъ дѣлъ пріобрѣтало значеніе нравственнаго протеста и указывало на немаловажный поворотъ въ настроеніи общества. Не нужно только забывать, что это именно нравственный протестъ, не соединенный ни съ какими политическими послѣдствіями. „Ѳразея“, говоритъ Діонъ, „живя при Неронѣ, находился съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе не сказалъ и не сдѣлалъ ничего дерзновеннаго противъ него, а только счелъ невозможнымъ принимать участіе въ его дѣлахъ“ [1]).

Дѣло мѣняется лишь, когда подростаетъ новое поколѣніе, которому уже не приходится сдѣлать первые шаги, выпавшіе на долю Сенеки, Ѳразеи и Бареи Сорана, и которое уже имѣетъ предъ собою ихъ примѣръ. Стоическая проповѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ политическое значеніе и

[1]) Dio 66, 12, 3.

молодое поколѣніе стремится къ ея представителямъ. Не только Персій и Луканъ, но и Гельвидій Прискъ, Аруленъ Рустикъ, Юній Маврикъ и другіе воспитываются на началахъ стоической этики. Стоицизмъ становится моднымъ и въ результатѣ естественно пріобрѣтаетъ рядъ сторонниковъ, чисто внѣшнимъ образомъ примыкающихъ къ нему [1]). Тѣмъ не менѣе правительство чуетъ опасность его распространенія и когда разыгрался пизоновскій заговоръ, въ которомъ были непосредственно замѣшаны нѣкоторые его сторонники, впервые за все время существованія принципата вступаетъ въ борьбу не съ отдѣльными лицами, какъ Лабіенъ, Кассій Северъ, Овидій и Кремуцій Кордъ, а съ цѣлымъ фолософскимъ направленіемъ. Стоиковъ обвиняли въ томъ, что ихъ ученіе полно надменности, и дѣлаетъ своихъ послѣдователей безпокойными и заставляетъ ихъ (въ отличіе отъ эпикурейства) стремиться къ общественной дѣятельности [2])—и въ 65 году ихъ дѣятельность была оффиціально признана вредной. Еще во время процесса Ѳразеи зять Тигеллина, Капитонъ Коссутіанъ, утверждалъ, что Ѳразея „имѣетъ послѣдователей или вѣрнѣе подражателей, которые раздѣляютъ съ нимъ не только дерзость воззрѣній, но подражаютъ и его одеждѣ и виду; они строги и печальны, чтобы упрекнуть тебя (Нерона) въ распущенности... Эта секта уже породила Тубероновъ и Фавоніевъ, имена коихъ были неугодны уже при прежнемъ строѣ государства. Чтобы погубить власть, они восхваляютъ свободу; когда погубятъ ее, они нападутъ на самую свободу. Не стоило устранять Кассія, если ты до-

[1]) Напр., Tac. Ann. 16, 32: cliens hic (P. Egnatius) Sorani, et tunc emptus ad opprimendum amicum, auctoritatem Stoicae sectae praeferebat habitu et ore ad exprimendam imaginem honesti exercitus, ceterum animo perfidiosus, subdolus, avaritiam ac libidinem occultans...

[2]) Tac. Ann. 14, 57: adsumpta etiam stoicorum arrogantia sectaque, quae turbidos et negotiorum appetentes faciat. По ученію Эпикура, наиболѣе распространенному до этого времени среди римскаго общества, мудрецъ вовсе не долженъ принимать участія въ общественной жизни. Противъ этого взгляда высказываются, напр., Сенека, а также и Плутархъ.

пустишь этихъ подражателей Брутовъ плодиться и усиливаться“ [1]).

Въ результатѣ изъ Рима были сосланы не только стоики Музоній Руфъ [2]) и Анней Корнутъ [3]), циники Димитрій [4]) и Исидоръ [5]), а также зять Ѳразеи, Гельвидій Прискъ [6]), но— по крайней мѣрѣ, по словамъ Филострата—вообще всѣ философы. По его словамъ, въ 66 году Нероном былъ изданъ эдиктъ, „чтобы никто въ Римѣ не занимался философіей“, вслѣдствіе чего его герой, Аполлоній Тіанскій, будто бы отправился на западъ къ геркулесовымъ столбамъ, „такъ какъ онъ кое что слышалъ о философіи тамошняго населенія“ [7]).

Само собою разумѣется, что изгнаніе всѣхъ или части философовъ должно было еще увеличить ихъ враждебное отношеніе къ Нерону. Весьма возможно, что именно казнь Ѳразеи и собственная трехлѣтняя ссылка окончательно создали изъ Гельвидія Приска принципіальнаго врага принципата, какимъ онъ выступаетъ въ эпоху Веспасіана.

§ 2.

Гельвидій Прискъ. Первыя проявленія оппозиціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, сенатъ послѣ гибели Нерона поторопился вернуть всѣхъ сосланныхъ имъ, и тѣ изъ нихъ,

---

[1]) Tac. Ann. 16, 22.

[2]) Dio 62, 27, 4: Ῥοῦφος μέντοι Μουσώνιος ὁ φιλόσοφος ἐπὶ τούτοις ἐφυγαδεύθη. Tac. Ann. 15, 71; Verginium Flavum et Musonium Rufum claritudo nominis expulit: nam Verginius studia iuvenum eloquentia, Musonius praeceptis sapientae fovebat.

[3]) Dio 62, 29, 3.

[4]) Philostr. v. Apoll. 4, 25. 42; 5, 19; 7, 10. 16; 8, 10.

[5]) Suet. Nero 39.

[6]) Tac. Ann. 16, 33.

[7]) Philostr. v. Apoll. 4, 47: ἐξελαύνοντος δὲ ἐς τὴν Ἑλλάδα τοῦ Νέρωνος καὶ προκηρύξαντος δημοσίᾳ μηδένα ἐμφιλοσοφεῖν τῇ Ῥώμῃ τρέπεται ὁ Ἀπολλώνιος ἐπὶ τὰ ἑσπέρια τῆς γῆς... καὶ γάρ τι καὶ περὶ φιλοσοφίας τῶν ἐκείνῃ ἀνθρώπων ἤκουεν, ὡς ἐς πολὺ τοῦ θείου προηκόντων...

которые, какъ Гельвидій, принадлежали къ сенаторскому сословію, были немедленно такъ или иначе вознаграждены за перенесенныя бѣдствія: такъ Гельвидій, вѣроятно съ согласія Гальбы, немедленно былъ десигнированъ преторомъ на 70 годъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ вернулись Музоній Руфъ и другъ Θразеи Димитрій [1]). Къ нимъ по всему вѣроятію примкнулъ и Юній Аруленъ Рустикъ, который въ свое время въ юношескомъ увлеченіи хотѣлъ воспользоваться своей трибунской властью, чтобы не допустить процесса Θразеи [2]), а также и рядъ другихъ приверженцевъ стоическаго ученія [3]).

Выше мы уже видѣли, что деспотизмъ послѣднихъ Цезарей породилъ къ этому времени широко распространенное недовольство, которое послѣ возстанія Виндекса и формально республиканскихъ манифестовъ Гальбы, Вергинія Руфа и другихъ по крайней мѣрѣ среди части римскаго общества вызвало реакцію противъ принципата въ пользу аристократическо-сенатской республики. Первыя надежды на возстановленіе республики, если только они вообще получили сколько-нибудь осязательную форму, скоро оказались тщетными, но быстрая смѣна императоровъ настолько подорвала авторитетъ ихъ власти, что и послѣ того, какъ Нерона замѣнилъ Гальба, а Гальбу Οθонъ и Вителлій, сохранились еще такіе кружки, которые продолжали мечтать о республикѣ и думали вступить въ борьбу съ Веспасіаномъ. Наибольшее значеніе среди нихъ безспорно принадлежитъ кружку Гельвидія Приска и въ частности лично ему.

---

[1]) Tac. Ann. 16, 34. Dio 66, 12.

[2]) Tac. Ann. 16, 26: aderat consilio Rusticus Arulenus (Pros. 2, 233 № 471), flagrans iuvenis, et cupidine laudis offerebat se intercessurum senatus consulto: nam plebei tribunus erat. cohibuit spiritus eius Thrasea, ne vana et reo non profutura, intercessori exitiosa inciperet...

[3]) Dio 66, 13: ὡς δ' οὖν καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐκ τῶν στωικῶν καλουμένων λόγων προαχθέντες... διελέγοντο... Къ нимъ несомнѣнно принадлежалъ, напримѣръ, братъ Арулена и старшій другъ Плинія Младшаго, Юній Маврикъ.

Уже въ одномъ изъ первыхъ засѣданій сената послѣ гибели Вителлія Гельвидій, повидимому, выступилъ съ такой рѣчью, которая обратила на него вниманіе какъ сената, такъ и правительства. Къ сожалѣнію, текстъ соотвѣтственный главы Тацита испорченъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о рѣчи Приска. Тацитъ разсказываетъ, что сенатъ по предложенію десигнированнаго консула Валерія Азіатскаго постановилъ даровать Антонію Приму консульскія, Корнелію Фуску и Аррію Вару преторскія инсигніи и затѣмъ рѣшилъ возстановить Капитолій. Все это было предложено Валеріемъ: „остальные выражали свое согласіе всѣмъ своимъ видомъ или движеніемъ руки, тогда какъ немногіе, которыхъ отличали положеніе или привыкшій къ лести умъ, произносили хитросплетеныя рѣчи. Когда очередь дошла до десигнированнаго претора Гельвидія Приска, онъ высказалъ мнѣніе, одновременно почетное для новаго принцепса... Въ его словахъ не было лжи, и сенатъ въ нихъ возвеличивался. Этотъ день, главнымъ образомъ, былъ для него началомъ великой обиды и великой славы".

Что содержалось въ рѣчи Гельвидія, мы не знаемъ и несомнѣнно никогда не будемъ знать. Весьма возможно, что то возвеличеніе сената, о которомъ говоритъ Тацитъ, не имѣло чисто риторическаго характера, а такъ или иначе содержало политическую программу Гельвидія: иначе трудно понять, почему его рѣчь могла произвести такое большое впечатлѣніе и дать окраску всей его дальнѣйшей дѣятельности. Съ другой стороны можно думать, что она еще не содержала принципіальнаго протеста противъ принципата. Вѣроятнѣе всего въ ней приводилась мысль о верховенствѣ сената, какъ учрежденія, формально даровавшаго Веспасіану власть.

Во всякомъ случаѣ Тацитъ тутъ же считаетъ нужнымъ дать характеристику Гельвидія. „Интересъ дѣла", говоритъ онъ, „повидимому, требуетъ, чтобы я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о жизни, занятіяхъ и о судьбѣ этого дѣятеля, о

которомъ еще часто придется упоминать. Гельвидій Прискъ былъ италіанскаго происхожденія изъ города Клувій карацинскаго регіона. Отецъ его былъ примипиларіемъ. Еще юношей онъ посвятилъ свой выдающійся умъ высокимъ предметамъ не съ тѣмъ, какъ это дѣлаютъ многіе, чтобы прикрывать лѣнивый покой великолѣпнымъ словомъ, но чтобы приступить къ государственнымъ дѣламъ болѣе стойкимъ противъ случайностей судьбы. Онъ слушалъ преподавателей мудрости, которые только то считаютъ добромъ, что честно, только то зломъ, что постыдно, а благородное происхожденіе и все остальное, что не касается душевныхъ качествъ, не причисляютъ ни къ добру ни къ злу. Когда онъ отбылъ еще только квестуру, онъ былъ избранъ Ѳразеей Петомъ въ зятья и ничего не воспринялъ такъ ревностно изъ нравовъ тестя какъ свободу. Отличаясь одинаково выдающимися качествами какъ гражданинъ, какъ сенаторъ, супругъ, зять, другъ и вообще во всѣхъ условіяхъ жизни, онъ презиралъ богатство, былъ страстнымъ поклонникомъ правды и не зналъ страха. Нѣкоторымъ казалось, что онъ свыше мѣры стремится къ славѣ; вѣдь и мудрецы позднѣе всего избавляются отъ жажды славы“ [1]).

Еще до побѣды Веспасіана непосредственно послѣ своего возвращенія изъ ссылки онъ, какъ мы видѣли, доказалъ свою страстную энергію, поднявъ обвиненіе противъ одного изъ деляторовъ Ѳразеи, выдающагося оратора Эпрія Марцелла. Въ 65 году Неронъ самъ поручилъ послѣднему оказать содѣйствіе Капитону Коссутіану, который первымъ поднялъ обвиненіе противъ Ѳразеи [2]).

---

[1]) Tac. Hist. 4, 5—6: recti pervicax, constans adversus metus... famae adpetentior...

[2]) Tac. Hist. 4, 6: Marcellum Eprium, delatorem Thraseae, accusare adgreditur. Ср. Ann. 16, 22: adicitque Marcellum Eprium acri eloquentia, Ann. 16, 28: et initium faciente Cossutiano, maiore vi Marcellus summam rem publicam agi clamitabat, и 29: cum per haec atque talia Marcellus, ut erat torvus ac minax, voce vultu oculis ardesceret... Тацитъ лично зналъ Эпрія Марцелла, ср. dial. de orat.

Сочувствіе значительной части сената было несомнѣнно на сторонѣ Гельвидія, но процессъ и вѣроятное осужденіе Марцелла повлекли бы за собой массу аналогичныхъ процессовъ, первое увлеченіе сената уже прошло, а намѣренія Гальбы оставались неясными и по просьбѣ многихъ сенаторовъ, Гельвидій пока отказался отъ своего обвиненія: „мнѣніе людей объ этомъ, какъ всегда, было различное; одни хвалили его умѣренность, другіе спрашивали, гдѣ же тутъ послѣдовательность“ [1]).

Если столкновеніе Приска съ Марцелломъ сначала могло показаться результатомъ личнаго озлобленія Приска противъ смертельнаго врага его тестя, то оно скоро пріобрѣтаетъ извѣстное принципіальное значеніе, когда возобновляется въ одномъ изъ первыхъ засѣданій при Веспасіанѣ. Въ тотъ самый день, когда сенатъ даровалъ Веспасіану власть, было также рѣшено отправить къ Веспасіану посольство: „По этому поводу между Гельвидіемъ и Эпріемъ произошло рѣзкое столкновеніе: Прискъ требовалъ, чтобы послы были избраны присяжными магистратами, Марцеллъ требовалъ урны (т.-е. избранія по жребію) и таково было также мнѣніе десигнированнаго консула“ [2]).

Смыслъ предложенія Гельвидія, очевидно, заключался въ томъ, что онъ предполагалъ произвести давленіе на рѣшеніе вопроса о составѣ посольства. Магистраты, которымъ сенатъ поручилъ бы избрать пословъ, должны были принести клятву, что будутъ руководиться интересами государства и заслугами кандидатовъ. Марцеллъ въ свою очередь сознавалъ, сколько ненависти накопилось противъ него въ сенатѣ, и не могъ знать, какъ отнесется къ нему Веспасіанъ, а потому онъ естественно не желалъ, „чтобы другіе были избраны, а онъ остался бы въ сторонѣ“. Но мѣрѣ того, какъ обѣ стороны

[1]) Tac. Hist. 4, 6.
[2]) Ib.

высказывали свои взгляды на дѣло, послѣднее пріобрѣтало все болѣе крупное значеніе.

„Гельвидій спрашивалъ, почему Марцеллъ такъ опасается сужденія магистратовъ: вѣдь онъ обладаетъ и средствами и краснорѣчіемъ, которыми онъ бы превзошелъ многихъ, еслибы его не подавляла память о его позорныхъ дѣяніяхъ. Жребій и урна не различаютъ нравовъ: голосованія и мнѣнія сената для того и существуютъ, чтобы проникнуть въ жизнь и славу каждаго. Интересъ государства, честь Веспасіана требуютъ, чтобы къ нему на встрѣчу вышли честнѣйшіе изъ сената, которые могли бы обратиться къ слуху императора съ честными рѣчами. Веспасіанъ былъ нѣкогда въ дружбѣ съ Ѳразеей, съ Сораномъ, съ Сентіемъ: если даже не слѣдуетъ наказывать ихъ обвинителей, то во всякомъ случаѣ ихъ не слѣдуетъ выставлять на показъ. *Этимъ рѣшеніемъ сената какъ бы напоминается принцепсу, кому онъ долженъ вѣрить, кого опасаться.* Нѣтъ лучшаго орудія добраго управленія, чѣмъ хорошіе друзья“.

Весьма понятно, какую сенсацію должна была произвести подобная рѣчь. Хотя и въ самой мягкой формѣ, но въ ней совершенно ясно проводился взглядъ, что сенатъ имѣетъ право и долженъ давать принцепсу указанія: онъ даже указываетъ принцепсу, какими лицами онъ долженъ былъ бы окружить себя, чтобы сохранить довѣріе сената. Политическое значеніе рѣчи Гельвидія не могло ускользнуть отъ вниманія Марцелла. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ сначала сослался на прецедентъ въ пользу предлагаемаго консуломъ способа избранія посольства, но затѣмъ подробнѣе остановился на сущности вопроса. „Прежде всего слѣдуетъ избѣгать того, какъ бы не возбудить подозрѣнія въ новомъ принцепсѣ, который выжидаетъ событія и слѣдитъ за поведеніемъ и рѣчами всѣхъ. Онъ самъ (т.-е. Марцеллъ) помнитъ, въ какое время онъ родился, какой государственный строй установили ихъ отцы и дѣды; можно

изумляться прошлому, но нужно жить согласно настоящимъ условіямъ жизни; можно обѣтами молить, чтобы явились хорошіе императоры, нужно терпѣть какихъ бы то ни было. Ѳразея палъ не болѣе вслѣдствіе его (Марцелла) обвинительной рѣчи, чѣмъ вслѣдствіе сенатскаго рѣшенія; онъ такимъ путемъ обманывалъ жестокость Нерона, и ему эта дружба была не менѣе тяжела, чѣмъ другимъ ихъ ссылка. Пускай, наконецъ, Гельвидій сравнится по безстрашію и мужеству съ *Катонами и Брутами*: онъ, Марцеллъ, самъ принадлежитъ къ тому сенату, который вмѣстѣ съ нимъ покорялся власти. Онъ также совѣтуетъ Приску, *не подыматься надъ принцепсомъ* и не пытаться держать въ уздѣ Веспасіана, старика-тріумфатора, отца взрослыхъ юношей. *Если дурнымъ императорамъ нравится безграничная власть, то и выдающіеся любятъ, чтобы свобода имѣла свои предѣлы*“ [1]).

Неважное по своему первоначальному смыслу дѣло пріобрѣло такимъ образомъ крупное общее значеніе для выясненія вопроса объ отношеніяхъ сената къ новому принцепсу. Пренія, по словамъ Тацита, были горячія, но побѣда осталась за Марцелломъ: къ нему не только примкнули безусловные сторонники всякаго принципата, но и тѣ, что воздерживались отъ слишкомъ гнусныхъ дѣяній и желали возможно бо̀льшаго вліянія сената безъ рѣзкаго столкновенія съ принцепсомъ—Тацитъ называетъ ихъ „умѣренными“ или, точнѣе, „средними“ (это, такъ сказать, партія центра),—а также и тѣ, которые занимали особенно выдающееся положеніе и боялись, какъ бы они при выборахъ не остались въ сторонѣ [2]).

Гельвидій, однако, не успокоился на этой неудачѣ. Когда

---

[1]) Tac. Hist. 4, 8: ne supra principem scanderet... quo modo pessimis imperatoribus sine fine dominationem, ita quamvis egregiis modum libertatis placere.

[2]) Tac. ib.: vicit pars, quae sortiri legatos malebat, etiam mediis patrum adnitentibus retinere morem.

завѣдывавшіе эраріемъ преторы доложили о бѣдственномъ состояніи государственной казны и просили объ установленіи бюджета, а десигнированный консулъ предложилъ передать это дѣло, въ виду его сложности, принцепсу, Гельвидій настаивалъ на томъ, чтобы сенатъ самъ разобралъ и рѣшилъ этотъ вопросъ [1]). Оба предложенія представляются въ высшей степени характерными: предложеніе Валерія несомнѣнно такъ же соотвѣтствовало установившейся практикѣ и фактическому положенію сената, уже давно привыкшаго предоставлять всѣ сколько-нибудь важныя дѣла принцепсу, даже если они формально входили въ кругъ его собственной компетенціи, какъ предложеніе Гельвидія соотвѣтствовало взгляду радикальнаго меньшинства на самостоятельное и даже господствующее положеніе, которое, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ занимать сенатъ. Само собою разумѣется, что сенатъ только тогда могъ разсчитывать на выдающееся положеніе, если онъ дѣйствительно сталъ бы интересоваться дѣлами и на дѣлѣ доказалъ бы не только свое желаніе, но и свою способность играть руководящую роль. Въ сущности предложеніе Гельвидія стоитъ такимъ образомъ въ самой тѣсной внутренней связи съ разобраннымъ выше взглядомъ Ѳразеи на роль сената [2]): если Ѳразея оставляетъ въ сторонѣ крупные вопросы, по которымъ сенатъ при Неронѣ все равно не можетъ свободно высказаться, и сознательно останавливается на мелкихъ, чтобы доказать, что бездѣйствіе сената зависитъ не отъ его собственной воли, то Гельвидій дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ и пытается распространить дѣятельность сената на важнѣйшіе вопросы, подлежащіе его разсмотрѣнію.

Предложеніе Гельвидія повидимому было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ: по крайней мѣрѣ правительство прибѣгло къ чрезвычайной мѣрѣ, поручивъ трибуну Волкатію

[1]) Tac. Hist. 4, 9.
[2]) Ср. томъ I, стр. 488—489.

Тертуллину интерцедировать, когда консулы поставили вопросъ на голосованіе. Волкатій заявилъ, что не допуститъ, чтобы сенатъ рѣшилъ такое сложное дѣло въ отсутствіи принцепса [1]).

Не больше успѣха имѣло и третье характерное предложеніе Гельвидія. Когда разсматривался вопросъ о возстановленіи Капитолія, онъ предложилъ, чтобы реставрація производилась подъ руководствомъ и на средства, находившіяся въ распоряженіи сената, съ тѣмъ, чтобы Веспасіанъ оказалъ сенату только содѣйствіе, но не бралъ бы и этого дѣла на себя лично. Цѣль и тутъ совершенно ясна: на возстановленномъ Капитоліи не должно было красоваться имя Веспасіана, сенатъ и народъ римскій сами должны были возстановить величайшую изъ своихъ святынь, а надпись на храмѣ должна была доказать всѣмъ и каждому, что имъ, а не принцепсу принадлежитъ первое мѣсто въ государствѣ. „Всѣ наиболѣе скромные обошли это предложеніе молчаніемъ, а затѣмъ и забвеніемъ: были и такіе, которые его запомнили“ [2]).

Неудачи Гельвидія не остановили другихъ представителей стоицизма. Борьба была только перенесена на новую почву. Все въ тѣ же первые дни Веспасіанова принципата Музоній Руфъ обрушился на Публія Эгнатія Целера, нѣкогда подкупленнаго Нероном, чтобы погубить своимъ лжесвидѣтельствомъ Барею Сорана [3]). Несмотря на то, что этотъ процессъ долженъ былъ повлечь за собой рядъ другихъ и что „разъ умы были направлены на месть, то интересовались не столько Музоніемъ и Публіемъ, сколько Прискомъ и Марцелломъ и остальными“, обвиненіе было принято и слушаніе дѣла назначено на слѣдующій день, т.-е., нужно думать, на слѣдующее сенатское засѣданіе.

---

[1]) Tac. Hist. 4, 9.
[2]) Tac. Hist. 4, 9.
[3]) Ср. выше стр. 165 прим. 8.

Тѣмъ временемъ Муціанъ прибылъ въ Римъ и сразу захватилъ всю власть въ свои руки. Положеніе было тревожное: въ сенатѣ царили несогласія, побѣжденные были раздражены, побѣдители не имѣли никакого авторитета, „въ городѣ не было ни законовъ, ни принцепса“. Рядъ энергичныхъ мѣръ Муціана, устранившаго Антонія Прима и Аррія Вара отъ дѣлъ, скоро доказалъ, что временное правительство не склонно къ уступкамъ. Особенно убійство Кальпурнія Пизона Галеріана вызвало страхъ. Муціанъ окружилъ себя вооруженными и фактически безусловно господствовалъ надъ столицей [1]): седьмой и третій легіонъ, особенно преданные Антонію и Аррію, были удалены изъ Рима, часть оставшагося войска отправлена на германскую границу: „когда всѣ безпокойные элементы были устранены, городъ снова принялъ свой обычный видъ, а законы и магистраты снова начали дѣйствовать“ [2]).

Процессъ Эгнатія начался уже въ началѣ января 70 года, послѣ того какъ Домиціанъ вступилъ въ отправленіе обязанностей претора и предложилъ возстановить памятники Гальбѣ [3]). Положеніе Эгнатія было настолько скромно, что онъ не нашелъ защитниковъ и былъ осужденъ [4]). Любопытно, что по этому поводу произошло столкновеніе между самими представителями оппозиціи. Тогда какъ Музоній обвинялъ Эгнатія, циникъ Димитрій выступилъ на его защиту несмотря на то, что виновность его не подлежала сомнѣнію. Причина этого факта намъ неизвѣстна и, повидимому, уже Тацитъ не могъ себѣ объяснить поведенія Димитрія [5]). Шмидтъ, однако, высказываетъ остроумное предположеніе, что Димитрій не столько

---

[1]) Tac. Hist. 4, 10.

[2]) Tac. Hist. 4, 39.

[3]) Ср. выше стр. 92—93.

[4]) Tac. Hist. 4, 10: vilis et nocens reus protegi non poterat... 4, 40.

[5]) Tac. Hist. 4, 40: iustum officium explesse Musonius videbatur, diversa fama de Demetrio Cynicam sectam professo, quod manifestum reum *ambitiosius quam honestius* defendisset.

имѣлъ въ виду содѣйствовать оправданію виновнаго, сколько желалъ провести идею общей амнистіи: осужденіе Целера, какъ признаетъ и Тацитъ, должно было повлечь за собой рѣзкое проявленіе накопившейся ненависти противъ многихъ крупныхъ дѣятелей предшествовавшаго времени и весьма возможно, что цинику Димитрію хотѣлось удержать въ границахъ то страстное чувство мести, которымъ, несмотря на ихъ стоическія убѣжденія, кипѣли многіе изъ пострадавшихъ въ эпоху Нерона [1]). Во всякомъ случаѣ вся жизнь Димитрія доказываетъ, что онъ не дѣйствовалъ въ угоду власти, а слѣдовалъ какимъ-либо высшимъ соображеніямъ, о коихъ теперь можно только догадываться [2]).

Процессъ Эгнатія Целера далъ сигналъ къ общему нападенію на деляторовъ. Братъ Арулена Рустика, Юній Маврикъ, обратился къ правительству съ просьбой сообщить сенату документы, на основаніи которыхъ можно было бы выяснить, кто кого обвинилъ въ предшествующее время въ дурныхъ замыслахъ противъ власти, т.-е. говоря проще, просилъ передать на заключеніе сената сенаторскіе доносы временъ Нерона и его преемниковъ. Если вспомнить, до какой степени легко сенаторы обращались къ доносамъ, какъ къ средству обезпечить себѣ лично безопасность или благосклонность власти [3]), то можно себѣ представить, какія послѣдствія должно было

---

[1]) Schmidt, Gesch. d. Denk-und Glaubensfreiheit стр. 394—5: Seine Absicht ging sicher dahin, nicht von einem Schuldigen die Schuld abzuwälzen, sondern einer allgemeinen Amnestie das Wort zu reden, einem leidenschaftlichen Durchbruch des Rachegefühles sich entgegen zu stämmen, das, wenn einmal erst eine Spalte geöffnet war, ein unaufhaltsames und verderbliches Umsichgreifen besorgen liess.

[2]) См. о немъ Schmidt, loc. cit., стр. 387 сл. Шмидтъ впрочемъ въ общемъ относится слишкомъ довѣрчиво къ разсказу Филострата. Его общая точка зрѣнія очень часто заставляетъ вспомнить, что его книга написана въ эпоху разгара западноевропейской реакціи противъ февральской революціи.

[3]) Ср. томъ I, стр. 293—294.

имѣть подобное предложеніе. Значительная часть изъ оставшихся въ живыхъ членовъ сената, по всему вѣроятію, была бы опозорена, и потеряла бы то вліяніе, которое естественно перешло бы къ радикальной группѣ. Въ то же время сенатъ этимъ снова доказывалъ свое желаніе контролировать дѣятельность власти. Вотъ почему Домиціанъ рѣшилъ затянуть дѣло, заявивъ, что считаетъ нужнымъ узнать мнѣніе самого принцепса по этому важному дѣлу [1]).

Отвѣтъ Домиціана, однако, не удовлетворилъ сената. Настроеніе въ немъ было настолько возбужденное, что было принято предложеніе, чтобы всѣ сенаторы торжественно призвали боговъ въ свидѣтели, что они „съ своей стороны не сдѣлали ничего, что могло повредить безопасности кого-либо, и что они не искали вознагражденія или почестей, подвергая при этомъ согражданъ гибели“. Одинъ за другимъ, сначала магистраты, потомъ остальные сенаторы приносили присягу: весь сенатъ слѣдилъ за выраженіемъ лицъ, за точностью произнесенной формулы и громко выражалъ свое согласіе или свое негодованіе по поводу явно ложной присяги. Тацитъ отмѣчаетъ, что особенно рѣзко сенатъ выразилъ свое неудовольствіе — Тацитъ сравниваетъ его съ цензорскимъ осужденіемъ—по отношенію къ Саріолену Вокулѣ, Нонію Аттіану, Цестію Северу и Пакцію Африкану. Характерно однако, что ни одинъ изъ нихъ не занималъ особенно выдающагося положенія, а такъ какъ присяга приносилась по старшинству, то, по всему вѣроятію, еще раньше указанныхъ лицъ присягнули такіе крупные злодѣи, какъ Эпрій Марцеллъ или Вибій Криспъ: если Тацитъ не упоминаетъ о томъ, что сенатъ въ свое время обрушился и на нихъ, то это, по всему вѣроятію, значитъ, что у большинства не хватало мужества на это и что оно довольно

[1]) Tac. Hist. 4, 40: petit a Caesare Iunius Mauricus, ut commentariorum principalium potestatem senatui faceret, per quos nosceret, quem quisque accusandum poposcisset, consulendum tali super re principem respondit.

ствовалось нравственнымъ осужденіемъ мелкихъ злодѣевъ. Вотъ почему Пакцій Африканъ, котораго сенатъ такъ же, какъ Саріолена хотѣлъ вынудить къ удаленію изъ куріи, съ своей стороны напалъ на Вибія Криспа: Криспъ былъ не менѣе виновенъ его, и все же Криспа не трогали и онъ даже самъ нападалъ на Африкана. Аргументъ былъ настолько убѣдителенъ, что сенатъ долженъ былъ согласиться съ нимъ.

Между тѣмъ очередь дошла до Аквилія Регула, погубившаго при Неронѣ Красса и Орфита. Молодой Випстанъ Мессала, позднѣе бывшій другомъ Тацита, попытался защитить Аквилія, который былъ его братомъ, или вѣрнѣе сдѣлалъ попытку выпросить у сената для него прощеніе. Но тутъ выступилъ другой членъ радикальной группы, въ свое время также сосланный Нерономъ, Курцій Монтанъ, и снова произнесъ характерную рѣчь. Обвинивъ Аквилія въ томъ, что онъ приступилъ къ доносамъ не изъ страха за свою безопасность— ни имя, ни средства не могли возбудить Нерона противъ него,—а изъ кровожадности и корыстолюбія, и что онъ собралъ своими доносами огромное состояніе, онъ утверждалъ, что Аквилій „обвинялъ Нерона въ инертности, такъ какъ онъ утомляетъ и себя и деляторовъ преслѣдованіемъ отдѣльныхъ семействъ, тогда какъ можно было бы погубить весь сенатъ однимъ словомъ. Такъ удержите же, отцы сенаторы, и сохраните столь ловкаго человѣка, чтобы каждый возрастъ имѣлъ своего учителя, чтобы юноши также подражали Регулу, какъ старшіе изъ насъ подражали Марцеллу и Криспу. Даже въ несчастіи подлость находитъ подражателей: что если она будетъ процвѣтать и пользоваться силой? посмѣемъ ли мы оскорбить этого человѣка, когда онъ отбудетъ претуру и консулатъ, разъ мы не рѣшаемся оскорбить его теперь, когда онъ былъ только квесторомъ? Или вы считаете, что Неронъ былъ послѣднимъ деспотомъ? То же самое думали тѣ, которые пережили Тиберія, пережили Гая, тогда какъ послѣ нихъ

являлся болѣе невыносимый и болѣе жестокій деспотъ. Мы не боимся Веспасіана: возрастъ и умѣренность принцепса внушаютъ намъ довѣріе. Но примѣры дольше сохраняютъ свое вліяніе, чѣмъ нравы (отдѣльнаго лица). Мы опускаемся, отцы сенаторы, мы уже не являемся тѣмъ сенатомъ, который послѣ смерти Нерона требовалъ, чтобы деляторы и сообщники (Нерона) были наказаны по обычаю предковъ. Лучшимъ днемъ послѣ дурного принцепса является первый“ [1]).

Впечатлѣніе, произведенное рѣчью Монтана, было таково, что Гельвидій счелъ возможнымъ возобновить свое обвиненіе противъ Марцелла. Марцеллъ самъ почувствовалъ, что сенатъ страстно одобряетъ починъ его врага и, точно покидая навсегда сенатъ, воскликнулъ: „мы идемъ, о Прискъ, *и предоставляемъ тебѣ твой сенатъ: царствуй въ присутствіи Цезаря* (Домиціана)“. Его примѣру послѣдовалъ и Вибій Криспъ, но друзья удержали обоихъ и упросили ихъ остаться въ сенатѣ. Борьба партій между тѣмъ продолжалась: на сторонѣ Гельвидія и его друзей оказалось большинство, но оно не могло совладать съ огромнымъ вліяніемъ немногихъ противниковъ и засѣданіе не кончилось ничѣмъ [2]).

Когда сенатъ собрался для слѣдующаго засѣданія, правительство, до этого времени почти не вмѣшивавшееся въ ходъ дѣла, рѣшило воспользоваться своимъ вліяніемъ и положить чрезмѣрно страстнымъ и небезопаснымъ преніямъ предѣлъ. Домиціанъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой предлагалъ забыть печаль прежнихъ временъ и устранить гнѣвное ожесточеніе, а Муціанъ въ длинной рѣчи выступилъ на защиту деляторовъ и въ то же время мягко уговаривалъ и просилъ

[1]) Tac. Hist. 4, 42: an Neronem extremum dominorum putatis? Регулъ впослѣдствіи игралъ крупную роль при Домиціанѣ, на котораго Тацитъ такимъ образомъ и намекаетъ говоря о деспотѣ еще худшемъ чѣмъ Неронъ.

[2]) Ib. 4, 43: imus, inquit, Prisce, et relinquimus tibi senatum tuum; regna praesente Caesare... cum gliscerent certamen, hinc multi bonique, inde pauci et validi pertinacibus odiis tenderent, consumptus per discordiam dies.

ихъ враговъ и въ частности, повидимому, Гельвидія отказаться отъ обвиненія [1]). Вмѣшательство правительства сразу образумило сенатъ, и „сенаторы оставили свободу, которую пытались было пріобрѣсти“ [2]). Въ то же время Муціанъ счелъ нужнымъ, „чтобы не казалось, что сужденіе сената презирается и что даруется безнаказанность за все, совершенное при Неронѣ“, снова подвергнуть изгнанію двухъ сенаторовъ, Октавія Сагитту и Антистія Созіана, осужденныхъ раньше, повидимому, за уголовныя преступленія сенатомъ и своевольно вернувшихся послѣ смерти Нерона изъ ссылки. Само собою разумѣется, что эта полумѣра не могла удовлетворить сената, и что большинство было недовольно тѣмъ, что ему попрежнему приходится опасаться обвинителей, ихъ талантовъ, богатства и могущества [3]).

На этомъ обрывается разсказъ Тацита о внутреннихъ событіяхъ 70 года. Мы узнаемъ еще только, что вскорѣ послѣ этого было приступлено къ реставраціи Капитолія, которая, кстати сказать, была поручена не сенатору, а всаднику Л. Вестину, и что Гельвидій Прискъ въ качествѣ претора принималъ дѣятельное участіе въ освященіи того мѣста, гдѣ стоялъ старый храмъ. Его оппозиціонная дѣятельность не помѣшала ему, такимъ образомъ, играть выдающуюся роль въ сенатѣ и Римѣ [4]). Съ другой стороны, не мѣшаетъ отмѣтить, что онъ никогда не добился консулата.

§ 3.

Сенатъ и оппозиція.

Если наши свѣдѣнія о первыхъ дняхъ Веспасіанова принципата, благодаря Тациту, относительно очень полны, то по-

[1]) Tac. Hist. 4, 44.
[2]) Ib.: patres coeptatam libertatem, postquam obvium itum, omisere.
[3]) Ib.
[4]) Tac. Hist. 4, 53.

слѣдующее время, наоборотъ, намъ очень мало извѣстно. Мы не знаемъ, какъ развивалась оппозиція дальше, не знаемъ и, къ какимъ пріемамъ она прибѣгала, чтобы отстоять свои идеалы, не знаемъ наконецъ и того, какъ боролось съ нею правительство. Именно поэтому мы сочли нужнымъ остановиться подробнѣе на тѣхъ событіяхъ, которыя намъ лучше извѣстны: они прекрасно характеризуютъ положеніе дѣлъ и доказываютъ, сколько платоническаго сочувствія и какъ мало дѣйствительно серьезной поддержки встрѣчали люди, боровшіеся за вліяніе и могущество сената.

Большинство сенаторовъ, видимо, сочувствуетъ Гельвидію, Музонію, Юнія Маврику и Курцію Монтану и, пока намѣренія правительства неясны, увлекается ихъ рѣчами и поддерживаетъ ихъ предложенія. Да и то оно обращается очень осторожно съ ненавистными ему Марцелломъ и Вибіемъ Криспомъ, такъ какъ боится ихъ силы, и въ сущности лишь косвенно выражаетъ имъ свое порицаніе, а когда правительство, наконецъ, высказывается, сочувствіе сената сразу теряетъ всякое реальное значеніе. Но и раньше сенатъ уговариваетъ Приска отказаться отъ обвиненія Марцелла, соглашается передать вопросъ о государственныхъ финансахъ на разрѣшеніе принцепса и даже не останавливается на демонстративномъ предложеніи Приска, чтобы Капитолій реставрировался самимъ сенатомъ. Государственные вопросы интересуютъ его менѣе вопроса объ обезпеченіи личной безопасности его членовъ; наказаніе деляторовъ именно потому и увлекаетъ сенатъ, что онъ надѣется нагнать страхъ на тѣхъ, которые пожелали бы сыграть такую же роль при Веспасіанѣ, какую Саріоленъ и другіе играли при Неронѣ. Правда едва ли можно сомнѣваться, что и умѣренное большинство сената теоретически сочувствовало идеѣ сенатскаго верховенства, но ближайшій и главный интересъ его заключался не въ этомъ, а именно въ обезпеченіи личной безопасности. Въ моменты сильнаго воз-

бужденія оно могло примкнуть къ радикальной группѣ, но оно было неспособно сплотиться и вести продолжительную борьбу. Сто лѣтъ бдительнаго надзора принцепсовъ, сорокъ лѣтъ террора сдѣлали свое дѣло: большинство сената могло добиваться нѣкоторой умѣренности императорскаго режима, но, кромѣ развѣ моментовъ сильнаго увлеченія, перестало вѣрить въ возможность вернуть себѣ руководящее положеніе въ государствѣ.

При такихъ условіяхъ оппозиція Приска и его друзей была безнадежна, даже если оставить въ сторонѣ фактическое безсиліе сената, который въ лучшемъ случаѣ могъ нѣсколько затруднять дѣятельность правительства, но не обладалъ никакими войсками, безъ которыхъ серьезная борьба съ принцепсомъ была практически и невозможна и безполезна. Тѣмъ не менѣе оппозиція не прекращала своей дѣятельности и рядъ мѣръ Веспасіана долженъ былъ усиливать ея ожесточеніе. Мы ужъ видѣли, что Веспасіанъ и Титъ систематически стремились возродить и усилить авторитетъ власти: ихъ частыя консульства, ихъ цензура, произвольныя казни подозрительныхъ, наконецъ, ихъ усиленное стремленіе къ популярности, все это не могло не раздражать сената и обвинительныя рѣчи Приска постоянно встрѣчали въ немъ откликъ. Вдобавокъ Веспасіанъ не только не согласился наказать деляторовъ, но, по свидѣтельству Тацита, даже приблизилъ къ себѣ Эпрія Марцелла и Вибія Криспа. Въ діалогѣ объ ораторахъ онъ выводитъ одного изъ ораторовъ того времени, Апра, и заставляетъ его восхвалять ораторское искусство вообще и краснорѣчіе его времени въ частности. Упомянувъ о томъ, что Эпрій Марцеллъ будто бы былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ разгнѣваннаго сената своему ораторскому таланту [1]), Аперъ нѣ-

[1]) Tac. dial. 5: quid aliud infestis patribus nuper Eprius Marcellus quam eloquentiam suam opposuit? qua accinctus et minax disertam quidem sed inexercitatam et eius modi certaminum rudem Helvidii sapientiam elusit. Ку-

сколько дальше говоритъ: „я позволю себѣ утверждать, что Марцеллъ Эпрій, о которомъ я только что говорилъ, и Криспъ Вибій (я предпочитаю пользоваться новыми и свѣжими, а не отдаленными и забытыми примѣрами), не менѣе извѣстны въ отдаленнѣйшихъ частяхъ земли, чѣмъ въ Капуѣ или Верцеллахъ, гдѣ они родились. И это не потому, что одинъ владѣетъ двумя, другой тремя стами милліоновъ сестерціевъ, хотя можно сказать, что они достигли этого богатства благодаря краснорѣчію, а именно въ силу ихъ краснорѣчія... Чѣмъ грязнѣе и скромнѣе было ихъ происхожденіе, чѣмъ болѣе замѣтная бѣдность и недостатокъ окружали ихъ рожденіе, тѣмъ болѣе явными и подходящими для выясненія полезности ораторскаго искусства примѣрами они могутъ служить: безъ той рекомендаціи, которую можетъ дать происхожденіе, безъ средствъ, несмотря на то, что оба не отличаются благородствомъ характера, а внѣшній видъ одного изъ нихъ убогій, они уже много лѣтъ принадлежатъ къ наиболѣе могущественнымъ людямъ въ государствѣ; пока они сами того желали, они были первыми среди адвокатовъ, а нынѣ занимаютъ первое мѣсто среди друзей Цезаря, играютъ огромную роль *и самъ принцепсъ относится къ нимъ съ нѣкоторой почтительной любовью*; Веспасіанъ, этотъ почтенный старецъ, необыкновенно терпимый къ истинѣ, вѣдь хорошо понимаетъ, что его остальные друзья стремятся къ тому, что можно получить отъ него, накопить и передать другимъ, тогда какъ Марцеллъ и Криспъ принесли съ своей дружбой то, чего они не получили и чего нельзя получить отъ принцепса“ (т.-е. ораторскій талантъ [1]).

ріацій Матернъ, Маркъ Аперъ, Юлій Секундъ и Випстанъ Мессала бесѣдуютъ въ 74 году: ср. ib, 17: sextam iam felicis huius principatus stationem, quo Vespasianus rem publicam fovet.

[1]) См. отзывъ Матерна о нихъ, ib. 13: nam Crispus iste et Marcellus, ad quorum exempla me vocas, quid habent in hac sua fortuna concupiscendum? quod timent, an quod timentur? quod, cum cotidie aliquid rogentur, ii quibus (лакуна) praestant indignantur? quod adligati canina adulatione nec

Всѣ указанныя условія постоянно поддерживали оппозиціонное настроеніе, несмотря на всѣ несомнѣнныя заслуги Веспасіана. Стоическая проповѣдь попрежнему пользовалась громаднымъ успѣхомъ и попрежнему имѣла оппозиціонный характеръ. Снова начали появляться литературныя произведенія, въ которыхъ восхвалялся Катонъ и въ которыхъ современная публика, вѣроятно, находила немало намековъ на вопросы дня.

Правительство съ раздраженіемъ слѣдило за развитіемъ оппозиціоннаго настроенія. Все въ томъ же діалогѣ Тацита Аперъ серіозно совѣтуетъ своему собесѣднику Куріацію Матерну, недавно прочитавшему публично свою трагедію „Катонъ“ бросить это опасное занятіе. Въ городѣ ходили слухи, что Матернъ раздражилъ этимъ могущественныхъ людей [1]) и Аперъ доказываетъ ему превосходство краснорѣчія надъ поэзіей, а въ концѣ свой рѣчи онъ дѣлаетъ нѣсколько многозначительныхъ замѣчаній: „ты не можешь сослаться и на то, будто обиды, нанесенныя поэтомъ, менѣе опасны, чѣмъ усердіе ораторовъ. Сила твоей великолѣпной натуры увлекаетъ тебя и ты наносишь оскорбленія, говоря не за какого-нибудь друга, а что гораздо опаснѣе, за Катона. Такое оскорбленіе не можетъ быть извинено требованіями дѣла или обязанностями адвокатуры, или случаемъ, или увлеченіемъ неподготовленной рѣчи: должно казаться, что ты обдуманно выбралъ выдающееся лицо, о которомъ слѣдуетъ говорить серіозно. Я

imperantibus umquam satis servi videntur nec nobis satis liberi? quae haec summa eorum potentia est? tantum posse liberti solent.

[1]) Tac. dial. 2: nam postero die quam Curiatius Maternus Catonem recitaverat, cum offendisse potentium animos diceretur, tamquam in eo tragoediae argumento sui oblitus tantum Catonem cogitasset, eaque de re per urbem frequens sermo haberetur...; ib. cp. 3: tum Secundus: nihilne te inquit, Materne, fabulae malignorum terrent, quo minus offensas Catonis tui ames? an ideo librum istum adprehendisti, ut diligentius rectractares, et sublatis si qua pravae interpretationi materiam dederunt, emitteres Catonem non quidem meliorem, sed tamen securiorem?

чувствую, что мнѣ можно возразить: въ этомъ заключается залогъ огромнаго успѣха, такія темы больше всего восхваляются въ самихъ аудиторіяхъ и вскорѣ служатъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Такъ оставь же ссылку на покой и безопасность, соединенные съ поэтическими занятіями, разъ ты самъ готовишь себѣ чрезмѣрно сильнаго противника. *Для насъ достаточно вести свойственные частнымъ людямъ подходящіе къ нашему времени споры*: если намъ когда-нибудь и придется оскорбить слухъ слишкомъ могущественныхъ людей при защитѣ друзей, находящихся въ опасности, то этимъ только будетъ доказана наша вѣрность, а вольность рѣчи намъ (при такихъ условіяхъ) будетъ прощена“ [1]).

Нечего и говорить, какъ любопытны и характерны эти разсужденія. Матернъ, правда, утверждаетъ, что онъ считаетъ себя безусловно невиннымъ и не думаетъ, чтобы ему когда-либо пришлось защищаться предъ сенатомъ по обвиненію въ политической неблагонадежности [2]), но его собственная судьба— онъ былъ казненъ при Домиціанѣ за протесты противъ тираніи [3]),—а пожалуй, и та характеристика его, которую даетъ Тацитъ, доказываютъ, что власть, отличавшаяся такой подозрительностью, какъ римская императорская власть вообще и Флавіи въ частности, должна была отнестись съ подозрѣніемъ и къ нему [4]).

---

[1]) Ib. 10 въ концѣ.

[2]) ib. 11: nam statum hucusque ac securitatem melius innocentia tueor quam eloquentia, nec vereor, ne mihi umquam verba in senatu nisi pro alterius discrimine facienda sint. Его оппозиціонное настроеніе характеризуется у Тацита неоднократно: ср. выше стр. 184 прим. 1; ib. 13: nec plus habeam quam quod possim cui velim relinquere, 27: utere antiqua libertate, a qua vel magis degeneravimus quam ab eloquentia. Но тѣмъ не менѣе онъ сторонникъ принципата: ib. 40—41. Ср. ниже.

[3]) Ср. ниже.

[4]) См. дальше.

§ 4.

Характеръ и судьба республиканской оппозиціи.

Мы уже видѣли, что наши жалкіе источники не позволяютъ намъ точно выяснить разныя направленія среди оппозиціонной партіи: еще труднѣе установить, какое изъ этихъ направленій встрѣчало наибольшее сочувствіе. Съ другой стороны, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что оппозиція не представляла компактной группы съ одной общей программой. Повидимому, въ ней можно различать особенно два теченія, изъ коихъ одно было чисто республиканское и находило представителя въ лицѣ Гельвидія Приска, а другое примирилось съ монархіей, но стремилось къ ограниченію императорскаго произвола.

„Прискъ Гельвидій", разсказываетъ Діонъ [1]), „зять Ѳразеи, воспитавшійся на стоическомъ ученіи и не во время подражавшій свободѣ рѣчи Ѳразеи, будучи преторомъ не только не сдѣлалъ ничего въ честь императора, но вдобавокъ не переставалъ его поносить, такъ что трибуны его изъ-за этого арестовали и передали своимъ слугамъ, а Веспасіанъ былъ опечаленъ этимъ и ушелъ изъ сената со слезами на глазахъ, сказавъ только одно, что его преемникомъ будетъ его сынъ, или никто" [2]).

Послѣ этого вполнѣ выяснилось, что Веспасіанъ возненавидѣлъ Приска Гельвидія не столько изъ-за самого себя или изъ-за своихъ друзей, которыхъ тотъ оскорбилъ, сколько *изъ за того, что онъ былъ безспокойный человѣкъ и склонялся къ черни, всегда обвинялъ царскую власть и восхвалялъ демократію* и совершалъ соотвѣтственныя этому дѣянія, и возбудилъ нѣкоторыхъ, *точно это дѣло философіи поносить госу-*

[1]) Dio, 66, 12—13.
[2]) Ср. выше стр. 117 прим. 2.

дарей и возбуждать толпу, разстраивать установившійся порядокъ и подготовлять государственный переворотъ. Будучи зятемъ Ѳразеи, онъ старался подражать ему, но совершенно его не понялъ. Онъ былъ врагомъ Веспасіана и ни въ частной жизни ни публично не оставлялъ его въ покоѣ и погибъ за свои собственныя дѣянія, за которыя онъ когда-нибудь долженъ былъ быть наказанъ.

А такъ какъ и многіе другіе изъ стоиковъ были повинны въ томъ же, въ томъ числѣ и циникъ Димитрій, и такъ какъ они подъ предлогомъ философскихъ занятій публично говорили *много не соотвѣтствовавшаго существующему положенію вещей,* и погубили такимъ путемъ нѣкоторыхъ, то Муціанъ убѣдилъ Веспасіана выслать всѣхъ ихъ изъ Рима, обвиняя ихъ во многомъ, скорѣе изъ гнѣва, чѣмъ изъ любви къ истинѣ, а Веспасіанъ немедленно изгналъ изъ Рима всѣхъ философовъ кромѣ Музонія, Димитрія же и Гостилія онъ заточилъ на островахъ. Но и послѣ этого Гостилій продолжалъ говорить *противъ монархіи* и вскорѣ былъ также казненъ; Дмитрію Веспасіанъ, наоборотъ, велѣлъ сказать, что онъ не убиваетъ лающей собаки [1]).

Если вѣрить Діону, а мы не видимъ никакого основанія, почему бы намъ можно было не вѣрить его словамъ [2]), то мы имѣемъ въ лицѣ Гельвидія, Димитрія, Гостилія и многихъ другихъ

---

[1]) Ср. Suet. Vesp. 13: Demetrium Cynicum in itinere obvium sibi *post damnationem,* ac neque assurgere neque salutare se dignantem, oblatrantem etiam nescio quid, satis habuit canem appellare. Игра словъ не требуетъ поясненій. О Гостиліи мы кромѣ приведенныхъ словъ Діона ничего не знаемъ, что чрезвычайно характерно для состоянія нашихъ источниковъ.

[2]) Ср. выше стр. 161 прим. 1. Suet. Vesp. 15: Helvidio Prisco, qui et reversum se ex Syria solus privato nomine Vespasianum salutaverat et in praetura omnibus edictis sine honore ac mentione ulla transmiserat, non ante succensuit quam altercationibus insolentissimis paene in ordinem redactus. Hunc quoque quamvis relegatum primo, deinde et interfici iussum, magni aestimavit servare quoquo modo, missis qui percussores revocarent; et servasset nisi iam perisse falso renuntiatum esset... iustis suppliciis inlacrimavit etiam et ingemuit.

стоиковъ первый и единственный примѣръ сознательной республиканской оппозиціи противъ принципата. Гельвидій и его сторонники протестуютъ не противъ злоупотребленій императорской властью, а противъ монархіи, противъ императорской власти какъ таковой, но если ихъ идеалъ такимъ образомъ безспорно чисто республиканскій—и отдѣльныя мелкія черты изъ оппозиціонной дѣятельности Гельвидія, сообщаемыя Светоніемъ, вполнѣ подтверждаютъ въ этомъ отношеніи свидѣтельство Діона—то изъ этого еще нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго вывода о томъ, какую форму республиканскаго строя они имѣли въ виду. Судя по разсказу Тацита о первыхъ дѣйствіяхъ Гельвидія можно было бы подумать, что цѣлью его было возрожденіе сенатскаго могущества: сенатъ не только долженъ свободно управлять той частью имперіи и ея средствъ, которая со временъ Августа формально находится въ его распоряженіи, но долженъ также руководить управленіемъ самого принцепса. Принцепсъ не долженъ забывать, что онъ простой уполномоченный сената и народа: недаромъ Прискъ въ своихъ преторскихъ эдиктахъ также мало упоминаетъ о немъ, какъ и о любомъ изъ остальныхъ магистратовъ государства, и не считаетъ нужнымъ называть его иначе, какъ просто по имени. Принцепсъ долженъ быть высшимъ представителемъ исполнительной власти, но направленіе государственной жизни и политики опредѣляется сенатомъ. Таковъ выводъ, который можно сдѣлать изъ словъ Тацита. По словамъ Діона оппозиція Гельвидія шла гораздо дальше, и трудно рѣшить въ настоящее время, былъ ли онъ съ самаго начала принципіальнымъ противникомъ принципата, или онъ лишь постепенно самъ дошелъ до убѣжденія, что принципатъ, какъ таковой, совершенно несовмѣстимъ съ свободой? Возможно и то и другое: рѣзко монархическій характеръ веспасіанова принципата во всякомъ случаѣ долженъ былъ убѣдить Гельвидія въ томъ, что нечего ожидать какихъ-

либо уступокъ отъ новаго принцепса. Какъ бы то ни было, Діонъ положительно утверждаетъ, что Гельвидій принципіально высказывался противъ „царской власти“ и восхвалялъ демократію. Нужно замѣтить, что позднегреческіе писатели въ общемъ относятся также пренебрежительно къ народу, какъ и ихъ римскіе современники: народъ у нихъ мало чѣмъ отличается отъ „толпы“ или „черни“, и Плутархъ, напримѣръ, даетъ въ одномъ очень любопытномъ произведеніи чрезвычайно характерные совѣты, какъ „лучшіе люди“ должны обманывать народъ и дѣлать видъ, что онъ играетъ роль въ государственной жизни, сохраняя въ то же время всю власть въ своихъ рукахъ [1]). Въ виду этого замѣчаніе Діона, что Гельвидій „склонялся къ черни“ и „возбуждалъ массу“ или толпу, повидимому, должно быть понято въ томъ смыслѣ, что республиканскій идеалъ Гельвидія не имѣлъ характернаго, напр., для Тацита аристократическаго характера; Гельвидій въ это время, повидимому, не довольствовался возрожденіемъ сенатскаго могущества — возможно, что онъ понялъ безсиліе сената, а стремился къ возстановленію всего прежняго республиканскаго строя. Народныя собранія снова должны были занять подобающее имъ мѣсто, выбирать магистратовъ и законодательствовать. Если это такъ, то дѣятельность Приска становится особенно любопытной: безсиліе сенатской оппозиціи вообще объяснялось прежде всего ея рѣзко эгоистическимъ характеромъ. Сенатъ совершенно не дорожилъ правами народа и, какъ мы видѣли, въ свое время съ удовольствіемъ привѣтствовалъ перенесеніе магистратскихъ выборовъ изъ народнаго собранія въ сенатъ [2]): борьба между нимъ и народомъ продолжалась слишкомъ долго, связь цезаризма съ демократическимъ движеніемъ была слишкомъ очевидна, чтобы сенатъ могъ отнестись иначе къ произведенному Тиберіемъ перево-

[1]) Ср. Plut. Praec. ger. reip. 16.
[2]) Ср. томъ I стр. 262 сл.

роту или вообще заботиться объ интересахъ своего вѣкового врага. Тѣмъ не менѣе такая политика представляла грубѣйшую ошибку: самъ по себѣ сенатъ всегда долженъ былъ остаться безсильнымъ и только тогда онъ могъ бы разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ въ борьбѣ съ принципатомъ, если бы ему удалось пріобрѣсти довѣріе широкихъ массъ населенія защитой ихъ соціальныхъ и политическихъ интересовъ. На самомъ дѣлѣ онъ заботится только о себѣ, стремится къ обезпеченію личной безопасности однихъ только сенаторовъ, пренебрежительно относится даже къ всадникамъ, не говоря уже о народѣ, и только для себя лично претендуетъ на участіе въ государственной жизни. Если Прискъ обратился къ народу и сдѣлалъ попытку привлечь его на сторону оппозиціи, то это доказываетъ, что тяготѣвшій какъ надъ сенатомъ, такъ и надъ народомъ императорскій произволъ заставилъ по крайней мѣрѣ крайнюю оппозицію забыть о старой враждѣ и сознать необходимость совмѣстной борьбы противъ общаго врага. На практикѣ эта идея не имѣла, можно сказать, никакого успѣха. Число ближайшихъ, убѣжденныхъ сторонниковъ Приска было слишкомъ незначительно (замѣтимъ, что кромѣ Приска среди нихъ, повидимому, не было ни одного сенатора), а соціальная рознь и вражда слишкомъ велики, чтобы мысль Приска могла пріобрѣсти большое количество сторонниковъ и серіозное вліяніе. Тѣмъ не менѣе агитація Приска, очевидно, безпокоила власть, иначе она не прибѣгла бы къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ ссылка и казни. Но Прискъ и его друзья не нашли подражателей, и мы съ этихъ поръ ни разу больше не встрѣчаемъ въ Римѣ ни демагогической агитаціи, ни собственно республиканской партіи. Республиканская идея возродилась подъ впечатлѣніемъ разнузданнаго императорскаго террора, она пріобрѣла значеніе въ виду платоническаго сочувствія значительной части сената, протестовавшаго такимъ путемъ противъ

монархическихъ тенденцій Флавіевъ, но время для ея осуществленія безвозвратно прошло: сенатъ былъ способенъ фрондировать и сочувствовать оппозиціи, но боялся всякой серіозной борьбы, а народъ, по извѣстному выраженію Ювенала, требовалъ „хлѣба и зрѣлищъ“. Заботливая политика Веспасіана обезпечивала ему и то и другое и онъ не имѣлъ повода поддерживать Гельвидія.

§ 5.

Вторая группа оппозиціи: оппозиція противъ тираніи.

Несмотря на неудовлетворительное состояніе нашихъ источниковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что остальные извѣстные намъ представители сенатской оппозиціи, Аруленъ Рустикъ, Юній Маврикъ, Курцій Монтанъ и Куріацій Матернъ не раздѣлили судьбы Гельвидія и подверглись преслѣдованію только при Домиціанѣ.

Весьма вѣроятно, что причина этого любопытнаго факта заключается въ отличіи ихъ политическаго направленія отъ того, представителемъ котораго былъ Гельвидій. И они, правда, относились довольно скептически къ политикѣ Флавіевъ, но они не были принципіальными врагами принципата, и пока Флавіи, которыхъ нельзя было упрекнуть въ дурномъ управленіи, держались въ границахъ гражданской монархіи и не претендовали на званіе бога и государя, они не подавали непосредственнаго повода для столкновенія съ второй группой оппозиціи.

Нѣкоторое представленіе о политическихъ взглядахъ этой группы на нашъ взглядъ можетъ дать тацитовскій діалогъ объ ораторахъ. Тацитъ самъ былъ слушателемъ и ученикомъ двухъ изъ собесѣдниковъ, Марка Апра и Юлія Секунда [1]), былъ въ

[1]) Dial. 2: Marcus Aper et Julius Secundus, celeberrima tunc ingenia fori nostri, quos ego non in iudiciis modo studiose audiebam, sed domi quo-

пріятельскихъ отношеніяхъ съ Випстаномъ Мессалой [1]) и несомнѣнно былъ знакомъ съ Куріаціемъ Матерномъ, хотя бы уже потому, что встрѣчался съ нимъ въ сенатѣ, къ которому самъ принадлежалъ со временъ Веспасіана [2]). Несмотря на малый общій интересъ разсказанной имъ или точнѣе изобрѣтенной имъ бесѣды между этими четырьмя лицами, она любопытна потому, что Тацитъ, видимо, старается не только изложить нѣкоторые ихъ взгляды, но и дать представленіе объ ихъ характерѣ и міровоззрѣніи. А такъ какъ разбираемый въ діалогѣ вопросъ о преимуществахъ краснорѣчія и особенно о причинахъ его упадка въ силу огромнаго значенія краснорѣчія въ римской жизни не могъ быть разработанъ безъ хотя бы бѣглаго указанія на политическія условія жизни, то діалогъ мѣстами, какъ мы уже видѣли, можетъ дать намъ не мало любопытнаго матеріала. Выше мы уже познакомились съ отзывомъ Апра объ Эпріи Марцеллѣ и Вибіи Криспѣ и съ его взглядомъ на опасность такихъ поэтическихъ произведеній, какъ „Катонъ“ Матерна [3]). Здѣсь необходимо остановиться на заключительной рѣчи Матерна, въ которой онъ излагаетъ свою политическую profession de foi. Несмотря на то, что эта рѣчь, вѣроятно, никогда не была произнесена, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы она представляла чистый вымыселъ и совершенно не соотвѣтствовала образу мыслей Матерна. Матернъ былъ слишкомъ извѣстной личностью, чтобы можно было думать, что Тацитъ могъ бы приписать ему такія мысли, которыхъ онъ никогда не имѣлъ или не высказывалъ. Въ виду этого мы и тутъ считаемъ возможнымъ,

---

que et in publico adsectabar mira studiorum cupiditate et quodam ardore iuvenili, ut fabulas quoque eorum et disputationes et arcana semotae dictionis penitus exciperem...

[1]) Tac. dial. 15 и 32.

[2]) Tac. Hist. 1, 1: dignitatem nostram a Vespasiano inchoatam.

[3]) Ср. выше стр. 184.

воспользоваться діалогомъ для характеристики политическаго міросозерцанія Матерна.

Указавъ на то, что измѣненіе политическихъ условій играло большую роль въ упадкѣ краснорѣчія [1]), Матернъ продолжаетъ: „мы говоримъ не о покойномъ и мирномъ дѣлѣ, которое благоденствуетъ при честной умѣренности и скромности; великое и замѣчательное краснорѣчіе является порожденіемъ распущенности, которую глупые люди называютъ свободой, подругой безпорядковъ, возбудительницей разнузданнаго народа; оно не знаетъ ни повиновенія, ни истины, оно дерзко, безумно, отважно и надменно, однимъ словомъ оно не возникаетъ *въ благоустроенныхъ государствахъ*. Слышали ли мы что-нибудь о лакедемонскомъ или о критскомъ ораторѣ? а извѣстно, что въ этихъ государствахъ господствовали строжайшая дисциплина и строжайшіе законы. Мы не знаемъ также ничего о краснорѣчіи македонянъ и персовъ или любого народа, довольствовавшагося опредѣленнымъ порядкомъ. Ораторы появлялись среди родосцевъ и особенно многіе среди аѳинянъ, у которыхъ все было въ рукахъ народа, въ рукахъ неопытныхъ людей, все, если я могу такъ выразиться, было въ рукахъ всѣхъ. *Пока наше государство блуждало (въ поискахъ лучшаго), пока оно истощало себя борбой партій, несогласіями и междоусобіями, пока на форумъ не было мира, въ сенатъ не было согласія, въ судахъ умѣренности, пока не было уваженія къ высшимъ, пока магистраты не знали мѣры*, и наше государство безъ сомнѣнія порождало

[1]) Dial. 37: his accedebat splendor reorum et magnituto causarum, quae et ipsa plurimum eloquentiae praestant. nam multum interest, utrumne de furto aut formula et interdicto dicendum habeas, an de ambitu comitiorum, expilatis sociis et civibus trucidatis... crescit enim cum amplitudine rerum vis ingenii, nec quisquam claram et inlustrem orationem efficere potest nisi qui causam parem invenit; ib. 38: mediis divi Augusti temporibus..., postquam longa temporum quies et continuum populi otium et assidua senatus tranquillitas et maxime principis disciplina ipsam quoque eloquentiam sicut omnia alia pacaverat.

болѣе сильное краснорѣчіе, какъ необработанное поле порождаетъ нѣкоторые красивыя травы. Но какъ краснорѣчіе Гракховъ не стоило того, чтобы государство перенесло и ихъ законы, такъ и Цицеронъ заплатилъ за славу краснорѣчія дорогой цѣной своей ужасной смерти.

Такъ можно сказать, что и то, что осталось для нашихъ ораторовъ отъ стараго форума служитъ доказательствомъ, что государственный строй не достаточно улучшенъ и не доведенъ до желательнаго совершенства. И въ самомъ дѣлѣ, кто обращается къ намъ, какъ не несчастный или виновный? какой городъ вступаетъ въ нашу кліентелу, если онъ не страдаетъ отъ сосѣдняго народа или отъ внутренняго несогласія? какую мы защищаемъ провинцію, какъ не ограбленную и измученную? а вѣдь было бы лучше, если бы не пришлось жаловаться, чѣмъ довольствоваться тѣмъ, что можно наказать. Если бы нашелся городъ, въ которомъ никто бы не грѣшилъ, ораторъ былъ бы также ненуженъ среди невинныхъ, какъ врачъ среди здоровыхъ. И какъ искусство врача находитъ меньше всего примѣненія и менѣе всего выгодно среди тѣхъ народовъ, которые отличаются наибольшимъ здоровіемъ и наиболѣе сильными организмами, такъ честь ораторовъ меньше и слава ихъ незначительнѣе среди добрыхъ нравовъ и людей, готовыхъ къ повиновенію правителю. Къ чему могутъ потребоваться въ сенатѣ долгія рѣчи, разъ лучшіе быстро соглашаются? *къ чему нужно много совѣщаній съ народомъ, разъ государственныя дѣла разбираются не многими и неопытными, а однимъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ?* къ чему нужны добровольныя обвиненія, разъ грѣшатъ такъ рѣдко и такъ мало? къ чему защиты, полныя клеветы и не знающія мѣры, разъ милосердіе судьи само идетъ навстрѣчу тѣмъ, что находятся въ опасности? Повѣрьте мнѣ, превосходные и насколько нужно краснорѣчивѣйшіе мужи, что если бы либо вы родились въ предыдущіе вѣка, либо тѣ, которымъ мы уди-

вляемся, родились въ наше время, и какой-нибудь богъ внезапно измѣнилъ времена и условія жизни, то и вы не лишились бы той похвалы и славы въ области краснорѣчія, и они обладали бы мѣрой и сдержанностью. *А такъ какъ никто не можетъ одновременно добиться великой славы и полнаго спокойствія, то пусть каждый пользуется достоинствами своего времени безъ осужденія другихъ временъ*“ [1]).

Наиболѣе любопытная сторона этой любопытной рѣчи несомнѣнно заключается въ рѣзкомъ и безусловномъ осужденіи демократіи и въ полномъ признаніи преимуществъ монархической власти „мудрѣйшаго изъ всѣхъ“ [2]). Не слѣдуетъ забывать, что такъ говоритъ и думаетъ не безусловный сторонникъ всякой монархіи: мы уже видѣли, что Матернъ въ эпоху Веспасіана находился подъ подозрѣніемъ, а при Домиціанѣ подвергся казни за рѣчи противъ тиранніи [3]). Матернъ безспорно является сторонникомъ монархіи и отнюдь не раздѣляетъ республиканскихъ увлеченій Гельвидія, одна демократическая сторона которыхъ должна пугать такого поклонника твердаго порядка и внутренняго спокойствія. Ключъ къ его пониманію монархіи даетъ, какъ мнѣ кажется, его противоположеніе неопытной массы и *мудрѣйшаго* монарха. Въ рѣчи Матерна мы имѣемъ *отголосокъ того взгляда на монархію*,

---

[1]) Dial. 40—41. Ср. ib. 37: quae mala sicut non accidere melius est isque optimus civitatis status habendus, in quo nihil tale (интриги при выборахъ, разграбленіе союзниковъ, убійство гражданъ) patimur, ita cum acciderent, ingentem eloquentiae materiam subministrabant... meminerimus sciamusque de ea re loqui, quae facilius turbidis et inquietis temporibus existit.

[2]) Dial. 41: quid (scil. opus est) multis apud populum contionibus, cum de re publica non imperiti et multi deliberent, sed *sapientissimus* et unus... quid invidiosis et excedentibus modum defensionibus, cum clementia cognoscentis obviam periclitantibus eat.

[3]) Я не вижу основанія сомнѣваться, что тотъ Матернъ, о казни котораго упоминаетъ Діонъ (67, 12, 5: Ματέρνον δὲ σοφιστὴν, ὅτι κατὰ τυράννων εἶπέ τι ἀσκῶν, ἀπέκτεινε), и Куріацій Матернъ являются однимъ и тѣмъ же лицомъ. См. однако Prosop. 1, 485 № 1313: гдѣ говорится diversus videtur безъ указанія на основанія этого мнѣнія.

который въ теченіе послѣднихъ вѣковъ выработался въ Греціи и представителемъ котораго для насъ является Діонъ Хрисостомъ. Къ разсмотрѣнію этого взгляда намъ придется теперь перейти, такъ какъ съ этого времени греческая политическая доктрина пріобрѣтаетъ постоянно возрастающее вліяніе на политическую мысль римскаго общества, тогда какъ мы до этого времени не встрѣтили сколько нибудь существенныхъ признаковъ подобнаго вліянія. Недаромъ Ювеналъ такъ страстно нападаетъ на грековъ и другихъ уроженцевъ востока, переполняющихъ Римъ и измѣняющихъ его физіономію [1]): очевидно именно со временъ Флавіевъ (если не со временъ Нерона), наплывъ восточныхъ элементовъ въ Римъ былъ особенно силенъ и ихъ вліяніе быстро возрастало. Скоро настанетъ эпоха императоровъ филэллиновъ и одинъ изъ нихъ, Маркъ Аврелій, даже будетъ писать по гречески.

§ 6.

Очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на монархію.

Вопросъ объ отношеніи греческаго общества къ монархіи къ сожалѣнію до настоящаго времени очень мало разработанъ [2]).

---

[1]) Juven. Sat. 3, 60 сл.: non possum ferre, Quirites,
Graecam urbem, quamvis quota portio faecis Achaei?
Jam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes
Et linguam et mores et cum tibicine chordas
Obliquas nec non gentilia tympana secum.
Vexit et ad circum iussas prostare puellas...
Viscera magnorum domuum dominique futuri...
Grammaticus rhetor geometres pictor aliptes
Augur schoenobates medicus magus, omnia novit
Graeculus esuriens; in caelum iusseris, ibit.
Ср. Friedländer, предисловіе къ изд. Ювенала, т. I, стр. 31 сл.

[2]) Важнѣйшими новыми трудами по этому вопросу можно признать книгу Rehm'a, Geschichte der Staatsrechtswissenschaft въ Handbuch des oeffentlichen Rechts der Gegenwart, изданномъ подъ редакціей Марквардсена и Зейделя, т. I (1896) и небольшое послѣдованіе J. Kaerst'a, Studien zur

Само собою разумѣется, что это отношеніе неоднократно мѣнялось за то тысячелѣтіе, которое протекло со временъ Гомера до начала второй софистики, и несомнѣнно было бы въ высшей степени интересно подробнѣе прослѣдить эволюцію греческихъ взглядовъ на царскую власть. Въ настоящей работѣ намъ однако невозможно заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса: намъ придется указать лишь нѣсколько болѣе существенныхъ пунктовъ и затѣмъ остановиться непосредственно на взглядахъ Діона, не вникая глубже въ вопросъ, когда и кѣмъ они были установлены и въ какой мѣрѣ Діонъ видоизмѣнилъ прежніе взгляды, приноравливаясь къ условіямъ мѣста и времени, при которыхъ онъ произносилъ свои рѣчи. Можно только замѣтить, что въ общемъ его политическіе взгляды мало оригинальны и служатъ довольно точнымъ отраженіемъ господствовавшихъ въ греческомъ мірѣ на этотъ счетъ взглядовъ [1]).

Какъ большинство извѣстныхъ намъ народовъ, греки вступаютъ въ исторію съ патріархальной царской властью, окруженной и въ извѣстной мѣрѣ ограниченной аристократіей и народнымъ собраніемъ. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой мысли, въ Иліадѣ и Одиссеѣ, эта традиціонная царская власть, правда, вынуждена считаться не только съ знатью, но и съ народнымъ собраніемъ: недаромъ пѣвецъ напоминаетъ, что „владычество многихъ не къ добру; да бу-

Entwickelung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum въ Historische Bibliothek, herausgegeben von der Redaktion der Historischen Zeitschrift, т. VI (1898 г.). Рядъ отрывочныхъ, но не лишенныхъ интереса замѣчаній можно найти у Pöhlmann'a, Geschichte des antiken Communismus und Socialismus, passim. Ср. его же статью die Entstehung des Caesarismus въ сборникѣ Aus Altertum und Gegenwart. Болѣе ранняя литература (Hildenbrand, Lotze, Dilthey и т. д.) указана у Рема.

[1]) Намѣченному выше вопросу авторъ предполагаетъ посвятить особое изслѣдованіе. Матеріалъ для него собирался параллельно съ матеріаломъ для настоящаго изслѣдованія и разработка его должна дополнить изложенные въ этомъ и въ предъидущемъ томѣ взгляды и служить подготовленіемъ для изложенія дальнѣйшей исторіи римской императорской власти.

детъ одинъ владыка, одинъ царь: ему сынъ хитроумнаго Кроноса далъ скипетръ и законы, дабы онъ заботился о другихъ", недаромъ „презрѣнный Θерситъ", этотъ праобразъ позднѣйшихъ демагоговъ, играетъ у него такую позорную и жалкую роль. Тѣмъ не менѣе почти всѣ выдающіяся событія далекаго прошлаго были прочно соединены въ народномъ представленіи съ именами царей и такія имена, какъ, напримѣръ, имя Θезея, пользовались широкой популярностью.

Ростъ аристократіи положилъ патріархальной царской власти почти всюду ранній конецъ и изъ болѣе крупныхъ греческихъ общинъ только одна Спарта сохранила ее безпрерывно до конца III вѣка до нашей эры, но и тутъ, какъ извѣстно, она стала фактически безсильной. Уже въ VII и VI вѣкахъ традиція царской власти прерывается и когда внутреннія волненія или иныя событія приводятъ къ возрожденію монархіи, то на нее смотрятъ какъ на явленіе чрезвычайное и революціонное. Цари замѣняются тиранами или айсимнетами и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они обязаны своей властью добровольному рѣшенію гражданъ, ихъ положеніе вызываетъ нареканія, которыя становятся тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе греческое общество демократизируется. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что большинство грековъ V вѣка вполнѣ раздѣляло тѣ взгляды, которые Геродотъ приписываетъ персу Отану, совѣтующему персамъ послѣ убійства псевдо-Смердиса устранить монархію, „ибо она и непріятна и вредна". Какъ же въ самомъ дѣлѣ монархическая власть, т. е. власть не признающая отвѣтственности и совершающая все, что ей угодно, можетъ служить интересамъ подданныхъ? Ей свойственны и надменность и неблагонадежность. Тиранъ (для Отана понятія монархъ и тиранъ сливаются) относится враждебно къ лучшимъ людямъ и покровительствуетъ только самымъ дурнымъ, его не удовлетворишь ничѣмъ: если его восхвалять умѣренно, онъ не доволенъ, что ему недостаточно поклоняются;

если усиленно поклоняться, онъ не доволенъ, что ему льстятъ. А хуже всего то, что онъ „нарушаетъ отечественные законы, насилуетъ женщинъ и убиваетъ безъ суда“. Совсѣмъ другое дѣло демократія: во-первыхъ, она обезпечиваетъ „величайшее изъ благъ, равноправность“, а во-вторыхъ, неповинна ни въ одномъ изъ указанныхъ грѣховъ монархіи. Здѣсь власти избираются по жребію и отвѣтственны за свои дѣянія, а всѣ дѣла обсуждаются публично [1]).

„Нѣтъ ничего ужаснѣе для государства, чѣмъ тиранъ: главное то, что тамъ нѣтъ общаго для всѣхъ закона; одинъ захватилъ власть надъ закономъ и правитъ“, вторитъ этому популярному взгляду Эврипидъ [2]). Господствующій въ демократіяхъ взглядъ не отличаетъ болѣе монарха и тирана и это вполнѣ естественно, если принять въ разсчетъ греческій взглядъ на свободу. Подъ свободой подразумѣвается не обезпеченность извѣстныхъ основныхъ правъ и устраненіе всякихъ иныхъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя налагаются общимъ для всѣхъ закономъ, а равное участіе всѣхъ во власти. „Не одинъ мужъ управляетъ этимъ народомъ: нашъ городъ свободенъ“, говоритъ Ѳезей у Эврипида; „граждане поочереди управляютъ имъ“ [3]).

---

[1]) Her. 3, 80: ἐμοὶ δοκέει ἕνα μὲν ἡμέων μούναρχον μηκέτι γενέσθαι οὔτε γὰρ ἡδὺ οὔτε ἀγαθόν... κῶς δ' ἂν εἴη χρῆμα κατηρτημένον μουναρχίη, τῇ ἔξεστι ἀνευθύνῳ ποιέειν τὰ βούλεται;.. τὰ δὲ δὴ μέγιστα ἔρχομαι ἐρέων: νόμαιά τε κινέει πάτρια καὶ βιᾶται γυναῖκας κτείνει τε ἀκρίτους... πλῆθος δὲ ἄρχον πρῶτον μὲν οὔνομα πάντων κάλλιστον ἔχει, ἰσονομίην... πάλῳ μὲν ἀρχὰς ἄρχει. ὑπεύθυνον δὲ ἀρχὴν ἔχει, βουλεύματα δὲ πάντα ἐς τὸ κοινὸν ἀναφέρει.

[2]) Eur., Ἱκετ. ст. 429 сл.: οὐδὲν τυράννου δυσμενέστερον πόλει,
ὅπου τὸ μὲν πρώτιστον οὐκ εἰσὶν νόμοι
κοινοί, κρατεῖ δ' εἷς τὸν νόμον κεκτημένος.

Ср. Eur., Antig. fr. 5: οὔτ' εἰκὸς ἄρχειν, οὔτ' ἐχρῆν εἶναι νόμον,
τύραννον εἶναι μωρία δὲ καὶ θέλειν,
ὃς τῶν ὁμοίων βούλεται κρατεῖν μόνος.

[3]) Eur., Ἱκετ. ст. 404 сл.: οὐ γὰρ ἄρχεται
ἑνὸς πρὸς ἀνδρὸς, ἀλλ' ἐλευθέρα πόλις.
δῆμος δ' ἀνάσσει διαδοχαῖσιν ἐν μέρει
ἐνιαυσίαισιν...

Но въ то же самое время, когда властвующій народъ не въ однихъ Аѳинахъ крѣпко и нѣсколько наивно придерживался этого взгляда, аристократія и представители интеллигенціи уже начали взвѣшивать достоинства разныхъ формъ государственнаго устройства. Греческія государства никогда не отличались полнымъ единообразіемъ государственнаго строя: наряду съ демократическими Аѳинами Перикла стояли аристократическій Коринѳъ и Спарта, сохранившая внѣшнюю форму монархіи. Все въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ разсказываетъ о персидскихъ событіяхъ послѣ паденія псевдо-Смердиса и до избранія Дарія, Геродотъ не только приводитъ демократическія идеи Отана, но сопоставляетъ также демократію съ олигархіей и съ царской властью. Сторонникомъ олигархіи является Мегабизъ и заявляетъ, что „людямъ бѣгущимъ отъ произвола тирана должно быть совершенно невыносимо подпасть произволу необузданнаго демоса. Вѣдь, если тиранъ что-нибудь дѣлаетъ, онъ вѣдаетъ, что творитъ, народу же не свойственно знаніе. Какъ же въ самомъ дѣлѣ можетъ понимать свои дѣянія тотъ, который не обладаетъ образованіемъ и не содержитъ въ себѣ природнаго (родового) добра, а бурно и безъ разума накидывается на дѣла, подобно зимнему потоку?.. А лучшимъ людямъ свойственно приходить къ лучшимъ рѣшеніямъ“ [1]). Не менѣе характерны разсужденія защитника монархіи, Дарія. Онъ вполнѣ соглашается съ отзывомъ Мегабиза о демократіи, но полагаетъ, что „въ олигархіи, гдѣ многіе стараются отличиться доблестью, частная вражда обыкновенно переносится на государственныя дѣла. Каждый вѣдь желаетъ быть главой и обезпечить своимъ мнѣніямъ побѣду; отсюда они доходятъ до великой ненависти другъ къ другу, отъ чего происходятъ волненія, а изъ волненій убійства, а результатомъ убійствъ

[1]) Her. 3, 81: κῶς γὰρ γινώσκοι ὃς οὔτ' ἐδιδάχθη οὔτε εἶδε καλὸν οὐδὲν οἰκήιον ὠθέει τε ἐμπεσὼν τὰ πρήγματα ἄνευ νόου, χειμάρρῳ ποταμῷ εἰκελος;.. ἀρίστων δὲ ἀνδρῶν οἰκὸς ἄριστα βουλεύματα γίνεσθαι.

является монархія". Къ такому же результату приводятъ и свойственные демократіи недостатки: и тутъ въ концѣ концовъ какое-нибудь одно лицо становится во главѣ народа [1]). Но и независимо отъ того, что монархія такимъ образомъ является неизбѣжнымъ и спасительнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія, создаваемаго какъ олигархіей, такъ и демократіей, она и теоретически заслуживаетъ предпочтеніе. Если сравнить идеальную демократію, идеальную аристократію и идеальную монархію, то предпочтеніе должно быть отдано монархіи, „ибо ничто не можетъ быть лучше власти лучшаго мужа" [2]). Какъ видно, и Геродотъ различаетъ разныя формы государственнаго устройства исключительно по количеству лицъ, пользующихся властью, и затѣмъ приводитъ рядъ соображеній, указывающихъ достоинства и недостатки каждой изъ тѣхъ трехъ формъ государственнаго устройства, съ которыми грекамъ постоянно приходилось встрѣчаться въ ихъ обыденной политической жизни. Практически наибольшее значеніе имѣли для нихъ несомнѣнно аристократія и демократія; вѣдь и Спарта представляла въ сущности аристократическую республику. Между аристократіей и демократіей въ теченіе всего V и IV вѣка происходитъ повсемѣстная жестокая борьба. Значеніе пелопоннисской войны съ этой точки зрѣнія заключается въ томъ, что ея исходъ нанесъ демократической идеѣ такой тяжелый ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла вполнѣ оправиться.

Но и независимо отъ внѣшнихъ событій, сильно пони-

[1]) Her. 3, 82: ἐς ὃ ἂν προστάς τις τοῦ δήμου τοὺς τοιούτους παύσῃ. Cp. Thuc. 2, 65: καὶ ἐγένετο λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή.

[2]) Her. 3, 82: τριῶν γὰρ προκειμένων καὶ πάντων τῶν λέγω ἀρίστων ἐόντων, δήμου τε ἀρίστου καὶ ὀλιγαρχίης καὶ μουνάρχου, πολλῷ τοῦ τοῦτο προέχειν λέγω. ἀνδρὸς γὰρ ἑνὸς τοῦ ἀρίστου οὐδὲν ἀμεινον ἂν φανείη. Cp. ib. 7. 135: Ὕδαρνες, οὐκ ἐξ ἴσου γίνεται ἡ συμβουλίη ἡ ἐς ἡμέας τείνουσα. τοῦ μὲν γὰρ πεπειρημένος συμβουλεύεις, τοῦ δε ἄπειρος ἐών, τὸ μὲν γὰρ δοῦλος εἶναι ἐξεπίστεαι, ἐλευθερίης δὲ οὔκω ἐπειρήθης, οὔτ' εἰ ἔστι γλυκὺ οὔτ' εἰ μή, εἰ γὰρ αὐτῆς πειρήσαιο, οὐκ ἂν δόρασι συμβουλεύοις ἡμῖν περὶ αὐτῆς μάχεσθαι, ἀλλὰ καὶ πελέκεσι.

зившихъ престижъ Аѳинъ и ихъ политическаго устройства, во внутренней жизни прототипа греческихъ демократій, т.-е. аѳинскаго государства, проявились такія черты, которыя вызывали осужденіе или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно строгую критику. Со смертью Перикла медовые мѣсяцы аѳинской демократіи прошли: послѣ него по причинамъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, аѳинскій народъ долгое время не находитъ болѣе такихъ выдающихся руководителей, какими въ теченіе цѣлаго вѣка являлись Клисѳенъ, Аристидъ, Мильтіадъ, Ѳемистоклъ, Кимонъ, Ѳукидидъ, Эфіальтъ и наконецъ Периклъ. И въ то самое время, когда Периклъ замѣняется Клеономъ и Никіемъ, Алкивіадомъ, Ѳерименомъ и другими, отчасти безспорно талантливыми, но бо̀льшей частью лишенными прежняго почти религіознаго отношенія къ общественнымъ дѣламъ дѣятелями, и по тѣмъ же самымъ причинамъ мѣняется характеръ самого аѳинскаго демоса. Неудовлетворительныя черты непосредственнаго народнаго правленія выступаютъ все ярче: опытъ малоазіатскихъ демократій повторяется въ метрополіи. Соціальный вопросъ снова всплываетъ и пріобрѣтаетъ неизвѣстную раньше остроту. Властвующій народъ, отчасти по крайней мѣрѣ, почти нищенствуетъ, а между тѣмъ условія жизни во всѣхъ отношеніяхъ усложняются и необходимъ досугъ, чтобы стать наравнѣ съ вѣкомъ, чтобы не отстать отъ умственнаго движенія времени. Параллельно съ рознью между помѣщикомъ и арендаторомъ или крестьяниномъ, между капиталистомъ и рабочимъ или ремесленникомъ, пріобрѣтаетъ все бо̀льшее значеніе рознь между интеллигенціей и необразованной массой. Эта рознь едва ощущалась, покуда общій фонъ міросозерцанія былъ болѣе или менѣе однороденъ, все равно принадлежало ли данное лицо къ сильнымъ міра сего или нѣтъ. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивался запасъ пріобрѣтенныхъ наукой и философіей знаній и представленій, и особенно по мѣрѣ того, какъ со-

фистика разрушала всѣ основы предшествовавшаго міросозерцанія и дѣлала отдѣльную человѣческую личность мѣриломъ всѣхъ вещей, прежнія традиціонныя идеи, прежніе идеалы теряли свою безусловную для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для огромнаго большинства обязательность, и только индивидуальный умственный трудъ могъ служить основой новаго индивидуальнаго и индивидуалистическаго міросозерцанія. А для того, чтобы создать себѣ свое сознательное міросозерцаніе, необходимо было пріобрѣсти соотвѣтственныя знанія и выработать особый навыкъ къ отвлеченному мышленію. Само собою разумѣется, что даже при особо благопріятныхъ условіяхъ античной жизни все это было доступно только меньшинству и весьма естественно, что это меньшинство начало смотрѣть сверху внизъ на необразованную массу, которая „не вѣдаетъ, что творитъ“ и тѣмъ не менѣе править государствомъ [1]). Если старая, родовая аристократія презирала народъ за то, что ему не откуда имѣть „благородные“ инстинкты и взгляды [2]), то новая аристократія мысли презираетъ его за его невѣжество и невольно впадаетъ въ тонъ аристократическихъ представителей добраго стараго времени. Если прибавить къ этому соціальную рознь и неразрывную съ ней экономическую вражду, то станетъ понятной и та ожесточенная ненависть, съ которой относятся другъ къ другу аристократы и демократы этого и послѣдующаго времени [3]).

[1]) Рядъ очень интересныхъ замѣчаній по этому вопросу можно найти въ книгѣ Pöhlmann'a, Sokrates und sein Volk (Historische Bibliothek, томъ VIII, 1899 г.). Какъ всегда у Pöhlmann'a многое въ ней навѣяно нѣкоторыми событіями современной общественной жизни Германіи. На это впрочемъ указываетъ и второе заглавіе: ein Beitrag zur Geschichte der Lehrfreiheit.

[2]) Ср. рѣчь Мегабиза, выше стр. 200.

[3]) Считаемъ долгомъ замѣтить, что признавая огромное значеніе экономическихъ факторовъ народнаго развитія, мы не имѣемъ возможности и не считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ развитія греческихъ политическихъ взглядовъ.

Взаимная ненависть партій доходитъ до такой напряженности, что интересы государства совершенно отступаютъ на задній планъ, и побѣдившая въ данное время партія заботится исключительно о своихъ собственныхъ партійныхъ интересахъ. „Олигархія“, говоритъ нѣсколько позже Аристотель, „существуетъ для блага состоятельныхъ людей, а демократія для блага бѣдныхъ; общей пользы не имѣетъ въ виду ни та ни другая“ [1]). Раздраженные предшествовавшей борьбой и ожесточенные возможностью новаго поворота судьбы побѣдители не заботятся объ установленіи равно защищающаго интересы всѣхъ государственнаго строя, а смотрятъ на доставшуюся имъ власть, какъ на военную добычу и, сообразуясь исключительно съ своими партійными интересами, устанавливаютъ олигархію или демократію [2]).

При такихъ условіяхъ весьма естественно, что обѣ господствующія въ греческихъ политіяхъ формы государственнаго устройства подвергаются одинаково суровому осужденію со стороны всѣхъ наиболѣе выдающихся мыслителей эпохи. „Это, по нашему мнѣнію, не настоящія государства и не настоящіе законы, которые устанавливаются не въ интересахъ всего государства“, говоритъ, напримѣръ, Платонъ [3]).

Но разъ господствующая партія,—все равно будетъ ли она олигархической или демократической,—всегда думаетъ только о себѣ, и разъ такимъ образомъ противорѣчіе между дѣйстви-

---

[1]) Pol. 3, 5, 4. 1279b: ἡ δ' ὀλιγαρχία πρὸς τὸ (συμφέρον τὸ) τῶν εὐπόρων, ἡ δὲ δημοκρατία πρὸς τὸ συμφέρον τὸ τῶν ἀπόρων. πρὸς δὲ τὸ τῷ κοινῷ λυσιτελοῦν οὐδεμία αὐτῶν. Ср. Pöhlmann, Gesch. т. I, стр. 148: Man nahm es zuletzt wie etwas Selbstverständliches hin, politische Machtverhältnisse als sociale Herrschafts- und Ausbeutungsverhältnisse aufgefasst und ausgeübt zu sehen.

[2]) Arist. ib. 6, 9, 11. 1296a: διὰ τὸ στάσεις γίνεσθαι καὶ μάχας πρὸς ἀλλήλους τῷ δήμῳ καὶ τοῖς εὐπόροις ὁποτέροις ἂν μᾶλλον συμβῇ κρατῆσαι τῶν ἐναντίων, οὐ καθιστᾶσι κοινὴν πολιτείαν οὐδ' ἴσην, ἀλλὰ τῆς νίκης ἆθλον τὴν ὑπεροχὴν τῆς πολιτείας λαμβάνουσιν, καὶ οἱ μὲν δημοκρατίαν, οἱ δ' ὀλιγαρχίαν ποιοῦσι.

[3]) Plat. Leges 715b: ταύτας δήπου φαμὲν ἡμεῖς νῦν οὔτ' εἶναι πολιτείας, οὔτ' ὀρθοὺς νόμους, ὅσοι μὴ ξυμπάσης τῆς πόλεως ἕνεκα τοῦ κοινοῦ ἐτέθησαν εἰ δ' ἕνεκα τινῶν, στασιωτείας, ἀλλ' οὐ πολιτείας τούτους φαμέν, καὶ τὰ τούτων δίκαια ἃ φασιν εἶναι, μάτην εἰρῆσθαι.

тельной политикой государства и его настоящими интересами становится хроническимъ, положеніе дѣлъ скоро должно сдѣлаться невыносимымъ для большинства мыслящихъ людей, все равно къ какому лагерю они не принадлежатъ. Но и независимо отъ этого развитіе самостоятельнаго мышленія всегда ставитъ значительную часть интеллигенціи въ оппозицію къ традиціоннымъ взглядамъ предшествующаго времени, естественно сохраняющимся дольше всего среди полуобразованной или совсѣмъ необразованной массы: въ то время, когда старое міросозерцаніе и старый нравственный кодексъ еще сохраняетъ свою силу среди массы, философски или научно образованное меньшинство находится въ поискахъ лучшаго будущаго и въ связи съ усложненіемъ жизненныхъ условій вырабатываетъ болѣе сложные и тонкіе нравственные взгляды. Не только государственный строй, но и вся совокупность юридическихъ нормъ даннаго времени подвергается критикѣ. Но критика существующаго всегда предполагаетъ существованіе болѣе или менѣе ясно сознаннаго идеала для будущаго: исключительно разлагающая критика, за которой такъ или иначе не скрывалась бы потребность къ возсозданію критикуемаго на новыхъ основаніяхъ, представляется психологически невозможной и весь вопросъ только въ томъ, насколько ясно сознана потребность новаго идеала и насколько научно и опредѣленно онъ разработанъ.

Политическое міросозерцаніе каждаго отдѣльнаго лица или цѣлаго общества всегда покоится на его болѣе или менѣе ясно сознанномъ общемъ міросозерцаніи. Чѣмъ выше, сознательнѣе и научнѣе его общее міросозерцаніе, тѣмъ выше, сознательнѣе и научнѣе и его взглядъ на политическіе вопросы даннаго и будущаго времени. Вотъ почему вопросъ о религіозномъ и философскомъ міросозерцаніи даннаго народа или данной эпохи имѣетъ такое большое значеніе и для историка государственнаго развитія соотвѣтственнаго народа.

Переломъ въ умственной жизни греческаго народа, намѣчавшійся уже въ концѣ VII и въ VI вѣкѣ, какъ извѣстно и выше отмѣчено, наступилъ въ V вѣкѣ. Эпоха наибольшаго развитія софистики имѣла такое же значеніе въ умственной жизни древней Греціи, какое въ умственной жизни всей современной западной Европы имѣла эпоха просвѣтительной литературы XVIII вѣка. Аналогія идетъ, однако, еще дальше: дѣятельность и тѣхъ и другихъ *предшествуетъ* наивысшему расцвѣту научной дѣятельности соотвѣтственныхъ народовъ (и, разумѣется, подготовляетъ его). Безпощадная критика существующаго и тамъ и здѣсь основана, такимъ образомъ, преимущественно на спекулятивныхъ, не на собственно научныхъ началахъ: въ этомъ заключается одновременно и ея сила, выражающаяся въ сравнительно быстромъ усвоеніи ея основныхъ принциповъ, и ея слабость. Міросозерцаніе, изъ котораго исходятъ какъ софисты, такъ и просвѣтители, построено на слишкомъ слабомъ, произвольномъ и одностороннемъ фундаментѣ, чтобы обнять всю сложность жизненныхъ явленій.

На практикѣ идеологическій характеръ греческаго міросозерцанія этого и послѣдующаго періода находитъ себѣ особенно яркое выраженіе въ идеѣ естественнаго закона, закона природы, нравственное совершенство котораго противополагается несовершенствамъ существующихъ юридическихъ нормъ, въ идеѣ нравственно-идеальнаго естественнаго состоянія и въ идеѣ спекулятивнаго построенія идеальнаго государства будущаго, приводящей не только Платона, но и Аристотеля къ созданію болѣе или менѣе грандіозныхъ утопій. Оставляя въ сторонѣ идеалистическую высоту этихъ идей, нельзя не признать, что всѣ онѣ построены не на научныхъ данныхъ, а на чисто спекулятивныхъ соображеніяхъ, очень убѣдительныхъ для того общества, которое ихъ выработало, но неспособныхъ выдержать критики практической жизни.

Для насъ эти идеи особенно любопытны потому, что онѣ

ясно знаменуютъ полный разрывъ между дѣйствительностью греческой соціальной и политической жизни, съ одной, и идеалами интеллигентнаго меньшинства, съ другой стороны. Лучшіе представители послѣдняго ясно сознаютъ недостатки фактическаго положенія вещей, но утопическій характеръ тѣхъ средствъ для излѣченія стараго недуга, которыя они предлагаютъ, доказываетъ ихъ практическое безсиліе въ борьбѣ съ замѣченнымъ ими зломъ.

По мѣрѣ того, какъ растетъ соціальное зло и какъ параллельно съ этимъ выясняется неспособность и олигархіи и демократіи приняться за разрѣшеніе наболѣвшаго вопроса, собственно политическіе вопросы отступаютъ на задній планъ и усилія мыслителей сосредоточиваются не на торжествѣ свободы, а на обезпеченіи справедливости. Для Платона, напримѣръ, вопросъ о политической организаціи государства имѣетъ лишь постольку значеніе, поскольку отъ нея зависитъ справедливое равновѣсіе всѣхъ жизненныхъ отправленій его политіи. Съ этой точки зрѣнія въ высшей степени характернымъ представляется его разсужденіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ считаетъ возможнымъ осуществленіе того идеальнаго государства, картину котораго онъ съ такой любовью нарисовалъ въ своей „Политіи“.

Несмотря на весь свой безграничный идеализмъ, Платонъ не могъ не сознавать, что при данныхъ условіяхъ трудно разсчитывать на коренное переустройство всей греческой жизни, которое онъ считаетъ безусловно необходимымъ для осуществленія идеальнаго государства: всякія частныя мѣры, всякая дѣятельность на почвѣ существующихъ отношеній подобны борьбѣ съ гидрой, у которой вмѣсто одной отсѣченной головы немедленно выростаетъ десять новыхъ [1]). „Прибѣгая къ вся-

[1]) Polit. 4, 5, 426b: καὶ γὰρ πού εἰσι πάντων χαριέστατοι οἱ τοιοῦτοι, νομοθετοῦντες τε οἷα ἄρτι διήλθομεν καὶ ἐπανορθοῦντες ἀεὶ οἰόμενοί τι πέρας εὑρήσειν περὶ

каго рода врачебнымъ средствамъ, эти люди ничего не достигаютъ кромѣ того, что ихъ болѣзни становятся еще разнообразнѣе и больше, а они постоянно ожидаютъ, что стоитъ только имъ указать новое средство, чтобы они выздоровѣли“ [1]).

Для достиженія указанной Платономъ цѣли ему представляется необходимымъ полный переворотъ. А такъ какъ онъ по всему своему умственному складу и по всему своему міросозерцанію не можетъ допустить возможности, чтобы инициатива къ перевороту исходила отъ невѣжественной народной массы, то ему остается только надѣяться на интеллигенцію, которой счастливый случай долженъ дать безусловную власть надъ государствомъ. „Если философы не будутъ царствовать въ государствахъ или тѣ, что нынѣ называются царями и династами, не будутъ знаючи и правильно философствовать“, говоритъ платоновскій Сократъ своему собесѣднику „и если эти оба условія, политическое могущество и философская мысль, не совпадутъ и если то большое количество способностей, которыя нынѣ идутъ по разнымъ путямъ, не соединится, тогда, дорогой Главконъ, не будетъ конца тому злу, которымъ страдаютъ наши города, да я думаю, не будетъ конца и страданіямъ человѣчества, и раньше чѣмъ это условіе не осуществится, не увидитъ свѣта и тотъ государственный строй, который мы теперь разсматривали въ нашей бесѣдѣ“ [2]). Платонъ такимъ образомъ самъ признаетъ, что цѣль можетъ быть достигнута только благодаря счастливому случаю: только неограниченный монархъ, только „царь“ можетъ заставить подвластное ему населеніе подчиниться нормамъ идеальнаго госу-

---

τὰ ἐν τοῖς ξυμβολαίοις κακουργήματα καὶ περὶ ἃ νῦν δὴ ἐγὼ ἔλεγον, ἀγνοοῦντες ὅτι τῷ ὄντι ὥσπερ ὕδραν τέμνουσιν. Καὶ μήν, ἔφη, οὐκ ἄλλο τί γε ποιοῦσιν.

[1]) Pol. 4, 4. 426a.

[2]) Pol. 5, 18. 473d: ἐὰν μή, ἦν δ' ἐγώ, ἢ οἱ φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν ἐν ταῖς πόλεσιν ἢ οἱ βασιλεῖς τε νῦν λεγόμενοι καὶ δυνάσται φιλοσοφήσωσι γνησίως τε καὶ ἱκανῶς καὶ τοῦτο εἰς ταὐτὸν ξυμπέσῃ, δύναμίς τε πολιτικὴ καὶ φιλοσοφία... Ср. 6, 12. 499b. 6, 13. 500e 501c.

дарства и дать ему возможность убѣдиться на практикѣ въ томъ счастіи, которое имъ обезпечитъ новая политія. Царская или подобная ей власть становится средствомъ къ спасенію какъ греческаго народа, такъ и человѣчества: ни олигархія, ни демократія не способны на это такъ какъ имъ обѣимъ одинаково недоступна идея справедливости. Если вспомнить старую вражду грековъ къ монархіи, представленіе о которой еще недавно сливалось для нихъ съ представленіемъ о персидскомъ деспотизмѣ съ одной, о тираническомъ произволѣ съ другой стороны [1]), то станетъ яснымъ, какой огромный поворотъ въ области политической мысли знаменуютъ собой эти положенія Платона. Неудовлетворительность существующихъ условій была такимъ образомъ окончательно признана однимъ изъ крупнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ греческихъ писателей всѣхъ временъ, а его сношенія съ сиракузскими тиранами доказали, что его слова не являются только теоретическими разсужденіями [2]). Монархія сама по себѣ, а тѣмъ болѣе тиранія, его, разумѣется, нисколько не привлекаютъ: его цѣль заключается въ устраненіи соціальнаго и неразрывно связаннаго съ нимъ нравственнаго зла [3]) и монархическая власть для него только средство. И тѣмъ не менѣе характерно, что онъ признаетъ монарха болѣе способнымъ понять и осуществить идеальную политію, чѣмъ богатыхъ олигарховъ или обездоленную, но также полную эгоистическаго ожесточенія массу. Очевидно, и по его мнѣнію исклю-

[1]) Ср. выше стр. 198 сл.

[2]) Ср. объ этомъ Pöhlmann, loc. cit. 1, 477 сл.

[3]) Pöhlmann 1, 416: Nur im Besitz solcher absoluter Autorität kann er auch der Hindernisse Herr werden, welche die Gemüter der Menschen vernunftgemässer Belehrung unzugänglich macht, *und so das Volksleben mit einem neuen sittlichen Geist erfüllen, ohne welchen die beste staatliche Ordnung keinen Bestand hätte...* Der grosse Reinigungsprocess, welchen die Gesellschaft durchmachen muss, wenn der Ausbau des Idealstaates möglich werden soll, besteht daher vor allem darin, dass der reformatorische Staatsmann das Werk der Erziehung in die Hand nimmt.

чительное положеніе монарха позволяетъ послѣднему сохранить или пріобрѣсти бо́льшую долю безпристрастія: монархъ стоитъ выше партій и непосредственно заинтересованъ въ благоденствіи всего подвластнаго ему государства и населенія, тогда какъ демосъ и „богатые“ наборотъ всѣмъ характеромъ своей жизни постоянно вовлекаются въ экономическую борьбу, не могутъ подняться надъ своей партійной точкой зрѣнія и въ силу этого неспособны стремиться къ благу всего государства, иначе говоря неспособны преслѣдовать и свои собственные интересы и интересы враждебной имъ партіи [1]).

Но этимъ условнымъ признаніемъ достоинствъ абсолютной монархіи не ограничивается значеніе платоновской Политіи въ исторіи развитія греческихъ взгядовъ на царскую власть. Не менѣе любопытенъ съ этой точки зрѣнія и политическій строй его идеальнаго государства. Въ основѣ его, какъ извѣстно, лежитъ строгое раздѣленіе труда между общественными классами, при чемъ на долю одного изъ нихъ выпадаетъ исключительное право на управленіе жизнью всего государства и отдѣльныхъ его членовъ. Этимъ положеніемъ онъ обязанъ тому, что онъ содержитъ въ себѣ совокупность всѣхъ интеллигентныхъ силъ государства [2]); но такъ какъ главная цѣль управленія заключается въ постоянномъ сохраненіи основного принципа справедливости, въ распредѣленіи правъ и обязанностей согласно индивидуальнымъ способностямъ гражданъ, и такъ какъ только тотъ можетъ руководиться абстрактной справедливостью, кто стоитъ выше партій, иначе говоря, кто совершенно не подчиняется потребностямъ реальной жизни и чуждъ всякаго эгоизма, неразрывно связаннаго съ самостоятельнымъ хозяйствомъ, съ собственностью и семьей, то пра-

---

[1]) Plat. Politikos 302, 296 сл. Arist. 3, 5, 2. 1279a; 8, 8, 6. 1311a; 8, 9, 19. 1315a.

[2]) Правящій классъ въ свою очередь распадается на правителей (ἄρχοντες) и стражей (φύλακες).

вящій классъ и въ экономическомъ отношеніи долженъ занимать совершенно исключительное положеніе [1]): ему безусловно запрещается всякая индивидуальная хозяйственная дѣятельность, а средства къ жизни онъ долженъ получать отъ государства, причемъ государство назначаетъ опредѣленную круглую сумму не отдѣльнымъ членамъ правящаго класса для личнаго, а всѣмъ имъ вмѣстѣ для общаго пользованія. „Если бы они стали пріобрѣтать въ собственность землю и дома и деньги, они стали бы хозяевами и земледѣльцами вмѣсто того, чтобы быть стражами государства и сдѣлались бы господами и врагами, а не помощниками остальныхъ гражданъ, ненавидѣли бы сами и подвергались ненависти, злоумышляли бы и подвергались бы злоумышленію и такъ проводили бы всю жизнь“ [2]).

Главное преимущество идеальной Политіи съ этой точки зрѣнія заключается такимъ образомъ въ томъ, что представители государственной власти стоятъ внѣ партій и надъ ними. Только при этомъ условіи возможно правильное теченіе государственной жизни. Мысль Платона сама по себѣ такъ проста и убѣдительна, что должна была пріобрѣсти широкое распространеніе даже среди тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ не сочувствовалъ всѣмъ остальнымъ его взглядамъ. Другой вопросъ, возможно ли практическое осуществленіе этой идеи, иначе говоря, мыслимо ли вообще установленіе такой власти, которая ни въ чемъ даже безсознательно не подчинялась бы интересамъ господствующаго въ данное время общественнаго класса. Съ трезвостью, свойственной многимъ утопистамъ при оцѣнкѣ существующихъ отношеній и покидающей ихъ, когда они начинаютъ разрабатывать средства къ устраненію замѣченнаго зла, Платонъ вполнѣ понялъ

[1]) Ср. прекрасное изложеніе политической организаціи Политіи у Pöhlmann'a 1, 269 сл.

[2]) Plat. Resp. 3, 22, 416d. 417b. Текстъ приведеннаго мѣста ср. 417a—b.

огромную трудность обезпечить безусловное безпристрастіе власти. Это видно изъ необыкновенно рѣшительныхъ и практически совершенно неосуществимыхъ предложеній, которыя онъ самъ дѣлаетъ съ этой цѣлью. Въ высшей степени характерно, что онъ не довольствуется полной общностью женъ, дѣтей и средствъ къ жизни, которая должна царить среди „стражей“, но требуетъ также, чтобы ихъ жилища были совершенно отдѣлены отъ жилищъ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія [1]): этимъ очевидно предполагается устранить всякую возможность безсознательнаго давленія окружающихъ условій на дѣятельность „стражей“, которые должны руководиться исключительно предписаніями „правителей“, а не реальными желаніями тѣхъ или иныхъ группъ общества [2]).

Само собою ясно, какъ рѣзко подобная организація власти противорѣчитъ всему, что практически существовало не въ однихъ только греческихъ государствахъ. Одно изъ существенныхъ отличій аристотелевскаго государственнаго идеала

---

[1]) Resp. 415 d. Pöhlmann 1, 277.

[2]) Ср. характерное для Pöhlmann'a замѣчаніе объ этой мысли Платона, т. I., стр. 427: Erscheint diese Forderung (требованіе полной идейной независимости правящаго класса отъ условій реальной жизни) nicht geradezu wie ein prophetischer Hinweis auf eine wahrhaft staatliche Monarchie, wie sie vor allem der deutsche Staat verwirklicht hat? Wie ein moderner Socialpolitiker mit Recht bemerkt hat, beruht die Gesundheit des modernen Staates und der modernen Gesellschaft im Gegensatz zum antiken und teilweise auch zum mittelalterlichen Staate darauf, dass neben die Besitzenden, die so leicht der Abhängigkeit von ihren Sonderinteressen erliegen, eine breite einflussreiche Gesellschaftsschicht trat, die eine durchschnittlich idealere Gesinnung, nicht diese psychologische Abhängigkeit von egoistischen Klasseninteressen hat- unsere heutigen Staats-und Communalbeamten, Geistliche, Lehrer, Officiere u s. w... Eben dies, die Schaffung einer so gestellten und so gesinnten Gesellschaftschicht, wie sie der moderne Staat besitzt und der damalige entbehrte ist von Plato mit genialem Scharfblick als eine Haupt-und Grundfrage aller Politik erkannt worden. Позволяемъ себѣ думать, что Платонъ очень удивился бы, если бы ему указали на современное чиновничество какъ на осуществленіе его идеи о безусловно независимыхъ и облеченныхъ неограниченной властью „правителей“. За всѣмъ тѣмъ нельзя отрицать, что въ мысли Шмоллера (его Pöhlmann имѣетъ виду) есть извѣстная доля истины.

заключается между прочимъ въ томъ, что Аристотель отвергаетъ эту сторону платоновскаго идеала и предоставляетъ всѣмъ гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста, участіе въ государственномъ управленіи. Но и онъ допускаетъ подобное участіе во властвованіи только въ виду того, что въ идеальномъ государствѣ всѣ граждане въ нравственномъ и умственномъ отношеніи одинаково совершенны; а разъ это такъ, справедливость требуетъ, „чтобы всѣ участвовали въ управленіи, все равно будетъ ли это хорошо для управленія или нѣтъ“. Теоретически же и онъ признаетъ желательнымъ, чтобы власть оставалась постоянно въ однѣхъ и тѣхъ же опытныхъ рукахъ [1]).

Соціально-политическіе идеалы Платона, Аристотеля и ихъ преемниковъ, о которыхъ мы къ сожалѣнію очень мало знаемъ [2]), остались, разумѣется, на бумагѣ. Едва ли однако можно сомнѣваться, что такія убѣдительныя на первый взглядъ идеи, какъ выше изложенныя, должны были сильно повліять на политическіе взгляды греческаго общества. Въ глазахъ людей, не увлекавшихся надеждой на осуществленіе гигантскихъ утопій этой эпохи, оба изложенныхъ взгляда—о преимуществахъ царской власти и желательности стоящей надъ всѣмъ остальнымъ обществомъ власти—должны были сливаться.

Съ точки зрѣнія Платона, истиннымъ правителемъ вѣдь долженъ быть признанъ тотъ, кто постигъ искусство управлять и лишь тамъ, гдѣ влавствуетъ такой правитель, можно говорить о настоящей политіи. Такой правитель одинъ за-

---

[1]) Arist. 2, 1, 6. 1261 a: δῆλον ὡς τοὺς αὐτοὺς ἀεὶ βέλτιον ἄρχειν εἰ δυνατόν. ἐν οἷς δὲ μὴ δυνατὸν διὰ τὸ τὴν φύσιν ἴσους εἶναι πάντας, ἅμα δὴ καὶ δίκαιον, εἴτ' ἀγαθὸν εἴτε φαῦλον τῷ ἄρχειν, πάντας αὐτοῦ μετέχειν. Ср. Pöhlmann 1, 585.

[2]) Pöhlmann 1, 610 сл.: der sociale Weltstaat des Stifters der Stoa; ср. особ. 617: ...während das Zukunftsideal der Stoa zurückweist auf staatslose Zustände und völlig in Eins zusammenfliesst mit der Vorstellung jenes idealen Naturzustandes, für den es keines anderen als des natürlichen Rechtes bedarf.

служиваетъ званіе, „государственнаго дѣятеля“ и „царя“. Сколько лицъ будутъ пользоваться такой разумной властью, ему представляется безразличнымъ: во всякомъ случаѣ настоящая государственная мудрость всегда можетъ встрѣчаться лишь у немногихъ лицъ, у одного, двухъ или нѣсколькихъ.

Но разъ въ государствѣ имѣется хоть одинъ истинный правительственный умъ, способный руководиться исключительно вѣрно понятыми общими интересами, онъ долженъ пользоваться совершенно неограниченной властью. Законы, хотя бы и данные имъ самимъ, не должны его связывать: онъ долженъ руководиться исключительно своимъ просвѣщеннымъ пониманіемъ государственныхъ потребностей, иначе говоря онъ долженъ быть тѣмъ, что Аристотель называетъ „одухотвореннымъ“ или „олицетвореннымъ“ закономъ [1]).

Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ и взглядъ Платона на тиранію: тираномъ у него оказывается всякое лицо пользующееся властью неразумно, т.-е. не въ интересахъ всего государства, все равно пріобрѣло ли оно власть законнымъ или незаконнымъ путемъ: законный царь въ виду этого можетъ быть тираномъ, а тираны Писистратъ или Періандръ были настоящими царями. Если только правитель является настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, то представляется безразличнымъ, повинуется ли ему населеніе добровольно или нехотя и нарушаетъ ли онъ при своемъ управленіи существующіе законы или нѣтъ [2]).

Само собою разумѣется, что цѣлью Платона является вовсе не апологія монархіи, а проповѣдь истинно-философскаго правительства. Вопросъ поставленъ чисто теоретически, безотносительно къ дѣйствительному положенію вещей; разсматривается идеальное устройство государственной органи-

---

[1]) Rehm, loc. cit. 47.
[2]) Rehm, loc. cit. 51.

заціи, вопросъ о томъ, каковы должны быть правители, все равно сколько бы ихъ въ данномъ государствѣ ни было, и тѣмъ не менѣе ясно, что на практикѣ теоріи Платона даже помимо его воли могли пріобрѣсти монархическій оттѣнокъ.

А между тѣмъ какъ разъ въ это время политическая эволюція балканскаго полуострова и практически выдвигаетъ на первый планъ крупныя монархическія государства. Сначала Ясонъ во главѣ Θессаліи, затѣмъ Филиппъ во главѣ Македоніи начинаютъ стремиться къ поглощенію мелкихъ безпрерывно враждующихъ государствъ Эллады. Внутреннее развитіе послѣдней тѣмъ временемъ становится все болѣе безотраднымъ. Какъ пелопонниская война сломила гегемонію Аѳинъ, такъ битвы при Левктрѣ и Мантинеѣ погубили навсегда могущество Спарты. Послѣ смерти Эпаминонда истощенныя Θивы также недолго сохранили добытое съ напряженіемъ всѣхъ силъ первенствующее положеніе, вторая аѳинская симмахія снова распалась, а ахейскій и этолійскій союзы еще не выступили на первый планъ. Полной неустойчивости во взаимныхъ отношеніяхъ греческихъ государствъ соотвѣтствуетъ внутренняя неурядица. Смотря по мѣсту и времени либо олигархи, либо демосъ попрежнему злоупотребляютъ своимъ могуществомъ, соціальная рознь постоянно растетъ, а серіозная общественная дѣятельность становится все болѣе затруднительной и значительная часть интеллигенціи точно такъ же начинаетъ ее избѣгать, какъ мы это видимъ въ современной Франціи.

Въ настоящее время, когда мы располагаемъ далеко неудовлетворительными и сильно подкрашенными свѣдѣніями о событіяхъ этой эпохи, трудно составить себѣ ясное представленіе о настроеніи даже лучше всего извѣстнаго намъ аѳинскаго общества по отношенію къ надвигающемуся владычеству македонскихъ царей. Наряду съ сильной партіей свободы, къ главарямъ которой принадлежалъ Демосѳенъ, тутъ

несомнѣнно была и собственно македонская партія съ Эсхиномъ и другими, были сторонники мира во чтобы то ни стало, была и такая группа, которая съ Исократомъ надѣялась на своего рода національное объединеніе греческаго племени для борьбы съ наслѣдственнымъ врагомъ, т.-е. съ персами, подъ руководствомъ Македоніи. Рѣчи Демосѳена не позволяютъ намъ возстановить безпристрастно доводы македонской партіи [1]) и судить о томъ, какъ ея главари представляли себѣ положеніе Аѳинъ, примкнувшихъ къ Филиппу или Александру. Едвали однако можно сомнѣваться въ томъ, что неустанная дѣятельность и послѣдовательная политика такого выдающагося государя какъ Филиппъ II должна была произвести большое впечатлѣніе на греческое общество, со смерти Эпаминонда отвыкшее отъ крупныхъ личностей и событій и томившееся среди мелкихъ дрязгъ и обыденной жизни родной политіи.

Дѣятельность Александра Великаго, его блестящія способности, его колоссальные, чисто сказочные успѣхи въ борьбѣ съ „великимъ царемъ“, несомнѣнно, должны были чрезвычайно увеличить возросшій и безъ того престижъ монархической власти. Это не значитъ, чтобы даже тѣ, кто поддался этому впечатлѣнію, желали водворенія монархіи въ Элладѣ. Традиціонная самобытность греческихъ городовъ даже независимо отъ всѣхъ остальныхъ причинъ сама по себѣ не допускала добровольнаго подчиненія македонскому или иному царю, подъ

---

[1]) Ср. Polybios 18, 14: Ἦι καὶ Δημοσθένην κατὰ πολλά τις ἂν ἐπαινέσας ἐν τούτῳ μέμψαιτο, διότι πικρότατον ὄνειδος τοῖς ἐπιφανεστάτοις τῶν Ἑλλήνων εἰκῆ καὶ ἀκρίτως προσέρριψε, φήσας ἐν μὲν Ἀρκαδίᾳ τοὺς περὶ Κερκιδᾶν καὶ Ἱερώνυμον καὶ Εὐκαμπίδαν προδότας γενέσθαι τῆς Ἑλλάδος, ὅτι Φιλίππῳ συνεμάχουν... σὺν δὲ τούτοις καὶ πλείους ἑτέρους ἐξηριθμῆται, κατὰ πόλιν ὀνομάζων, καίτοι γε πάντων μὲν τῶν προειρημένων ἀνδρῶν πολὺν ἐχόντων λόγον καὶ φαινόμενον ὑπὲρ τῶν καθ' αὑτοὺς δικαίων... ὁ δὲ πάντα μετρῶν πρὸς τὸ τῆς ἰδίας πατρίδος συμφέρον, καὶ πάντας ἡγούμενος δεῖν τοὺς Ἕλληνας ἀποβλέπειν πρὸς Ἀθηναίους, εἰ δὲ μή, προδότας ἀποκαλῶν, ἀγνοεῖν μοι δοκεῖ καὶ πολὺ παραπαίειν τῆς ἀληθείας и т. д.

владычествомъ котораго эта самобытность несомнѣнно должна была бы подчиниться общимъ интересамъ всей монархіи. Въ каждомъ городѣ далѣе существовала болѣе или менѣе значительная, смотря по характеру даннаго государственнаго строя, группа лицъ, смотрѣвшая на городъ и его финансы, какъ на источникъ доходовъ и естественно вовсе не склонная дѣлить свое господство съ уполномоченными македонскаго царя или съ своими собственными согражданами, которые могли бы обратиться къ его покровительству. Возстаніе бо̀льшей части Греціи послѣ смерти Александра служитъ яркимъ доказательствомъ, насколько сильны были всѣ эти антимонархическія стремленія.

И тѣмъ не менѣе монархическая власть, ея достоинства, а вѣроятно и ея недостатки, становится теперь одной изъ излюбленныхъ темъ для философскихъ трактатовъ. Политика эпигоновъ Александра, особенно Птоломеевъ и Атталидовъ, съ ихъ покровительствомъ наукѣ, литературѣ и искусству еще усиливала интересъ писателей къ монархіи и ихъ далеко не всегда безкорыстную привязанность къ монархической идеѣ. Намъ нечего останавливаться на всякаго рода хвалебныхъ декретахъ греческихъ городовъ въ честь разныхъ царей этой эпохи или на обожествленіи и культѣ царей; для нашей цѣли особенно любопытно то немногое, что̀ намъ извѣстно о политическихъ теоріяхъ этого времени.

Весьма естественно, что онѣ тѣсно примыкаютъ къ теоріямъ непосредственно предшествовавшаго времени. Въ общемъ среди нихъ, повидимому, можно различать двѣ группы: отчасти онѣ посвящены изученію стараго городского государства, отчасти разсмотрѣнію строя и характера новыхъ крупныхъ монархій.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей политическихъ взглядовъ не только Платона, но и Аристотеля, какъ извѣстно, является тотъ фактъ, что ни тотъ, ни другой не

могли подняться надъ идеей городского государства и даже свое идеальное государство втиснули въ эти узкія рамки. Огромный эмпирическій матеріалъ, собранный Аристотелемъ и его учениками для построенія или оправданія ихъ общихъ политическихъ выводовъ, относится именно къ исторіи и государственному строю типичнаго на берегахъ средиземнаго моря городского государства. Мысль о возможности объединенія отдѣльныхъ городскихъ общинъ въ національное государство всегда оставалась чужда даже крупнѣйшимъ представителямъ греческой интеллигенціи, да и послѣ битвы при Херонеѣ автономія „союзныхъ“ съ Македоніей общинъ осталась почти нетронутой. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что политическая теорія и послѣ Аристотеля удѣляетъ особенно много мѣста изученію городского строя и установленію идеальнаго типа, къ которому этотъ строй долженъ стремиться.

Главное зло городской жизни этого періода, какъ мы видѣли, заключалось въ экономической и политической борьбѣ между капиталистами и демосомъ. Мы видѣли, какимъ путемъ Платонъ надѣялся устранить зависимость государственной власти отъ классовыхъ интересовъ. Аристотель нашелъ иной путь къ достиженію той же цѣли: онъ предлагалъ установить политическую организацію смѣшаннаго типа, въ которой олигархическія и демократическія начала взаимно дополняли бы другъ друга [1]). По этому же пути пошли и его преемники, при чемъ для насъ особенно интересно, что наряду съ олигархическимъ и демократическимъ элементомъ у нихъ появляется и монархическій. Уже ученикъ самого Аристотеля, Дикеархъ Мессенскій, пропагандировалъ въ особомъ сочиненіи идеальное сочетаніе указанныхъ элементовъ, причемъ, повидимому, основывался на примѣрѣ Спарты, гдѣ цар-

[1]) Arist. 3, 1279a, 25 сл.: μίξις ὀλιγαρχίας καὶ δημοκρατίας. Ср. Rehm, loc. cit. 119; 136—137.

ская власть уживалась съ аристократической герусіей и эфоратомъ и съ народнымъ собраніемъ [1]). Несомнѣнно, что внутреннее спокойствіе, которымъ до половины III вѣка отличалось спартанское государство, само по себѣ напрашивалось на сравненіе съ чрезвычайной неустойчивостью политической организаціи другихъ греческихъ общинъ: результатъ сравненія съ этой точки зрѣнія, безспорно, долженъ былъ быть благопріятенъ для Спарты, а отсюда до восхваленія ея государственнаго строя, очевидно, было недалеко, тѣмъ болѣе, что тенденція въ этомъ направленіи давно существовала среди олигархическихъ партій всѣхъ греческихъ городовъ. Тѣмъ не менѣе вниманіе, обращенное Дикеархомъ и его послѣдователями на практически безсильную царскую власть спартанскихъ Гераклидовъ, остается очень характернымъ для эпохи Александра Великаго и его преемниковъ. Древнеспартанская или ликургова политическая организація съ этихъ поръ представляетъ недосягаемый идеалъ, восхваленіемъ котораго заняты даже писатели римской эпохи вродѣ Плутарха [2]).

Но если вопросъ объ идеальномъ устройствѣ городской общины естественно продолжаетъ занимать умы, то фактическое господство великихъ эллинистическихъ монархій также не могло не возбудить вниманія. Въ теченіе третьяго и второго вѣка всѣ четыре крупныя философскія школы эпохи занимались вопросомъ о сущности и достоинствахъ монархической власти: самъ Эпикуръ [3]), стоики Клеанѳъ и Персей [4]), перипатетикъ Стратонъ [5]) и академикъ Ксенократъ [6]) писали

---

[1]) Rehm, loc. cit. стр. 132; ср. Oncken, die Staatslehre des Aristoteles, т. II, 370 сл.

[2]) На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Полибій, 6, 10.

[3]) Laert. Diog. 10, 28.

[4]) Laert. Diog. 7, 36 и 175. Персей, ученикъ Зенона, состоялъ въ сношеніяхъ съ Антигономъ Гонатомъ.

[5]) Ib. 5, 59.

[6]) Ib. 4, 14.

„о царской власти“ и Ксенократъ посвятилъ свое сочиненіе Александру Великому. О содержаніи ихъ произведеній можно только догадываться. По всѣмъ признакамъ они имѣли отвлеченно-философскій характеръ и обращали мало вниманія на внутреннюю организацію эллинистическихъ монархій. Да это и вполнѣ понятно: фактически государства Птоломеевъ, Селевкидовъ, Атталидовъ и т. д. были безусловно неограниченными монархіями, гдѣ воля монарха была закономъ и гдѣ не существовало никакихъ учрежденій, которыя сами по себѣ имѣли бы какое-либо политическое значеніе [1]). Населеніе здѣсь не играетъ никакой активной роли въ жизни государства. Вотъ почему политическія теоріи этого времени, поскольку онѣ не ограничиваются предѣлами городского государства, отмѣчены двумя характерными чертами, общимъ теоретическимъ оправданіемъ царской власти съ одной и своеобразнымъ истолкованіемъ понятія свободы съ другой стороны.

Въ основѣ и того и другого элемента этой теоріи лежатъ этическіе взгляды, по разнымъ причинамъ господствующіе надъ всѣмъ мышленіемъ и міросозерцаніемъ эпохи. Подобно тому, какъ истинная свобода совпадаетъ съ внутренней уравновѣшенностью мудреца [2]), такъ смыслъ и оправданіе царской власти заключается въ господствѣ мудрѣйшаго, т.-е. того истиннаго государственнаго мужа или царя, о которомъ говорилъ уже Платонъ [3]). Вопросъ о

---

[1]) Rehm, стр. 133—4: In einer absoluten Monarchie fehlt eine umfangreichere Staatsrechtsordnung—hier herrscht nicht Recht, sondern freies Ermessen—und damit besondere Veranlassung sich mit dem Recht derselben wissenschaftlich zu beschäftigen. Авторъ имѣетъ въ виду спеціально деспотическія государства греческаго востока.

[2]) Diog. Laers. 7, 121: εἶναι γὰρ τὴν ἐλευθερίαν ἐξουσίαν αὐτοπραγίας. Arr. diss. Epict. 4, 1, 1: ἐλεύθερός ἐστιν ὁ ζῶν ὡς βούλεται. Ср. Kaerst, Studien, стр. 29—30.

[3]) Ср. Kaerst, Studien стр. 31 сл.: Der König ist der beste der Menschen, der tapferste und gerechteste und menschenfreundlichste, durch keine Mühe und Begierde zu ueberwinden; ein König, der nicht von königlicher Gesinnung ist, der ist eben kein König. См. здѣсь же указанія на соотвѣтственные источники.

томъ, является ли данный монархъ и на самомъ дѣлѣ мудрецомъ и какъ обезпечить государство отъ вторженія лица, не соотвѣтствующаго этому идеалу, но захватившаго власть въ силу родства, узурпаціи или побѣдоносной войны, повидимому, вовсе не затрагивался писателями эллинистической эпохи. Практически они не могли не сознавать своего полнѣйшаго безсилія предъ властью; въ огромномъ большинствѣ случаевъ они были чистыми теоретиками и полнѣйшими дилетантами въ области практической общественной дѣятельности. Въ лучшемъ случаѣ они участвовали въ государственной жизни своей родной политіи: о непосредственномъ участіи въ общей политической жизни одной изъ крупныхъ монархій эпохи при данныхъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Имъ оставалось только одно, понять и объяснить, т.-е. оправдать существующее положеніе; но и тутъ они, сколько намъ извѣстно, исходили не изъ историческихъ фактовъ прошлаго и изъ фактическаго положенія даннаго времени, а изъ общефилософскихъ соображеній о цѣли государства, каковой со временъ Сократа считалась справедливость, т.-е. равномѣрное просвѣщенное обезпеченіе интересовъ всѣхъ классовъ населенія, и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ эта цѣль лучше всего можетъ быть достигнута. А съ этой точки зрѣнія и при устраненіи всякихъ соображеній практическаго характера власть мудреца-монарха, обладающаго высшей степенью умственнаго и нравственнаго совершенства и не встрѣчающаго на своемъ пути никакихъ преградъ, естественно должна была представляться идеаломъ. При такихъ условіяхъ также вполнѣ естественно, что власть такого монарха должна быть безусловно неограниченной [1]): съ одной стороны, его собственная мудрость служитъ лучшей гарантіей въ соблюденіи интере-

[1]) Stob. Ecl. 6, 6: τὴν γὰρ βασιλείαν ἀρχὴν ἀνυπεύθυνον εἶναι καὶ τὴν ἀνωτάτω καὶ τὴν ἐπὶ πάσαις; Laert. Diog. 7, 22; Suid. s. v. βασ (ed. Bernhardy, т. I, стр. 956, 13): βασιλεία ἐστὶν ἀνυπεύθυνος ἀρχή.

совъ всѣхъ его подданныхъ и не нуждается въ ограниченіяхъ, съ другой стороны его власть по самому существу своему должна быть неограниченной, такъ какъ иначе его просвѣщенная воля можетъ столкнуться съ эгоистическими интересами разныхъ группъ населенія и можетъ быть побѣждена ими. А въ такомъ случаѣ власть монарха теряетъ всякій смыслъ и въ государствѣ снова водворяется классовая борьба со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями.

Но разъ монархъ обладаетъ своей властью только потому, что онъ мудрецъ, и разъ основной цѣлью его власти признается не его собственная, а государственная польза, то изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что власть не можетъ быть передана по наслѣдству или на основаніи закона, а должна быть пріобрѣтена въ силу дѣйствительнаго призванія [1]), и что „царская власть представляетъ одно изъ достояній государства, а не государство одно изъ достояній царской власти“ [2]). Несмотря на всю свою неограниченность и неотвѣтственность, власть такимъ образомъ въ теоріи сохраняетъ служебный характеръ. Государь признается первымъ, мудрѣйшимъ и вполнѣ неограниченнымъ слугой государства. Его дѣятельность всегда должна совпадать съ правильно понятымъ интересомъ государства: всякаго рода насилія и чрезмѣрные налоги поэтому должны быть признаны дѣйствіями тираническими и лицо, совершающее ихъ, не имѣетъ права на дѣтское повиновеніе подданныхъ [3]).

---

[1]) Suid. ib. 15 сл.: οὔτε φύσις οὔτε τὸ δίκαιον ἀποδιδοῦσι τοῖς ἀνθρώποις τὰς βασιλείας, ἀλλὰ τοῖς δυναμένοις ἡγεῖσθαι στρατοπέδου καὶ χειρίζειν πράγματα νουνεχῶς— οἷος ἦν Φίλιππος καὶ οἱ διάδοχοι Ἀλεξάνδρου. τὸν γὰρ υἱὸν κατὰ φύσιν οὐδὲν ὠφέλησεν ἡ συγγένεια διὰ τὴν τῆς ψυχῆς ἀδυναμίαν, τοὺς δὲ μηδὲν προσήκοντας βασιλεῖς γενέσθαι σχεδὸν ἁπάσης τῆς οἰκουμένης. Ср., впрочемъ, ib. 5. (ниже стр. 223 прим. 1).

[2]) Suid. I. 957, 6 сл.: ὅτι ἡ βασιλεία κτῆμα τῶν κοινῶν, ἀλλ' οὐ τὰ δημόσια τῆς βασιλείας κτήματα.

[3]) Suid. ib: διὸ τὰς ἐξ ἀνάγκης καὶ μεθ' ὕβρεως εἰσπράξεις ὥσπερ τυραννικὰς ἀκολασίας μισεῖν δεῖ. τὰς δὲ σὺν λόγῳ καὶ φιλανθρωπίᾳ τῶν εἰσφόρων ἀπαιτήσεις ὥσπερ κηδεμονίαν τιμᾶν.

Различіе между царемъ и тираномъ сохраняетъ такимъ образомъ тотъ своеобразно-отвлеченный характеръ, который оно имѣетъ уже у Платона [1]): не характеръ пріобрѣтенія власти и не закономѣрность, а цѣлесообразность политической дѣятельности даннаго лица опредѣляетъ его принадлежность къ той или иной изъ этихъ категорій. Вопросъ о томъ, какія лица или учрежденія должны имѣть право произнести вердиктъ надъ дѣятельностью государя и въ случаѣ надобности признать его дѣйствія тираническими, повидимому, не занималъ философовъ, писавшихъ о царской власти. Трудно даже сказать, давали ли они указанія относительно того, какія мѣры можетъ и должно принять населеніе, чтобы устранить тирана: повидимому они и тутъ довольствовались чисто теоретическимъ указаніемъ на различіе между царемъ и тираномъ, не вдаваясь ни въ какія практическія соображенія.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что вся эта до крайности отвлеченная теорія представляетъ лишь литературное отраженіе безусловнаго господства монархическаго начала, окончательно установившагося на востокѣ со временъ Александра Великаго. Несмотря на то, что фактическій характеръ жизни и управленія эллинистическихъ царей чрезвычайно мало соотвѣтствовалъ философской теоріи монархической власти, основныя черты этой теоріи такъ прочно установились, что остались безъ всякаго существеннаго измѣненія и тогда, когда въ Римѣ установилась имперія. Принцепсы въ глазахъ греческаго общества заняли мѣсто Птоломеевъ и Селевкидовъ и если масса усматривала въ нихъ такихъ же боговъ, какими до этого времени для нея были разные Антіохи,

---

[1]) У Свиды (I, 956, 4 сл.) встрѣчается, впрочемъ, и иная теорія: διαφέρει βασιλεὺς τυράννου, βασιλεὺς μὲν γὰρ ἀπὸ προγόνων κατὰ διαδοχὴν τὴν ἀρχὴν ἐπὶ ῥητοῖς λαβὼν γέρασι, τύραννος δὲ, ὃς βιαίως τὴν ἀρχὴν σφετερίζεται. χρῶνται δὲ ἀδιαφόρως ἑκατέροις ὀνόμασιν. Ἱέρωνα γὰρ βασιλέα Πίνδαρος καλεῖ, τύραννον ὄντα, καὶ Διονύσιον. καὶ Εὔπολις Πεισίστρατον βασιλέα καλεῖ, καὶ τοὺς βασιλεῖς τυράννους.

Птоломеи и самый Римъ, то интеллигенція признавала ихъ либо царями-мудрецами, либо тиранами и примѣняла къ нимъ такимъ образомъ выработанные въ эпоху діадоховъ взгляды.

Если мы почти ничего не знаемъ о греческой теоріи монархіи до римскаго періода, то счастливая случайность позволяетъ намъ познакомиться съ нею въ томъ видѣ, который она приняла въ концѣ перваго вѣка нашей эры въ примѣненіи къ римскимъ принцепсамъ. Сочиненія Діона Хрисостома и въ частности его четыре рѣчи о царской власти даютъ объ этомъ чрезвычайно ясное представленіе, интересъ котораго еще усиливается, если вспомнить ходъ развитія этой теоріи.

§ 7.

Діонъ Хрисостомъ.

Вторая половина перваго вѣка нашей эры отмѣчена своего рода возрожденіемъ умственной жизни греческой части имперіи, выражающимся въ нарожденіи такъ называемой второй софистики. Причины этого чрезвычайно важнаго явленія до сихъ поръ не могутъ быть признаны вполнѣ ясными [1]). Несомнѣнно лишь то, что съ этого времени замѣчается значительный подъемъ въ умственной и литературной жизни эллинистическаго міра и что именно съ этого времени начинаетъ устанавливаться то господство греческой культуры во всей жизни имперіи, которое, какъ за-

[1]) Ср. E. Rohde, der griechische Roman und seine Vorläufer III изд. стр. 310 (= стр. 288 II изд.), die griechische Sophistik der Kaiserzeit, указываетъ на три причины: покровительство императоровъ, внутреннюю художественную потребность грековъ въ украшеніи рѣчи и возрожденіе національнаго самосознанія эллиновъ. Ясно, что всѣ эти объясненія не исчерпываютъ вопроса. См. также Bernhardy, Innere Geschichte der griech. Litt. стр. 509 сл.; Christ, Griech. Litt. стр. 710 сл.

мѣчено, проявляется уже въ началѣ II вѣка и чѣмъ дальше тѣмъ болѣе ярко характеризуетъ всю жизнь римскаго общества и государства. Римское общество снова усиленно воспринимаетъ религіозные и политическіе, литературные и этическіе взгляды, выработанные среди греческихъ и полугреческихъ народовъ востока: перенесеніе столицы въ Византію внѣшнимъ образомъ закончитъ этотъ любопытный процессъ.

Однимъ изъ первыхъ крупныхъ представителей этого движенія долженъ быть признанъ Діонъ изъ Прусы въ Виѳиніи [1]), впослѣдствіи получившій прозвище „Златоуста“ [2]). Принадлежа къ знатной и богатой семьѣ — его дѣдъ со стороны матери пріобрѣлъ даже право римскаго гражданства [3])—онъ рано посвятилъ себя краснорѣчію и уже въ эпоху Веспасіана пріобрѣлъ извѣстность даже въ Римѣ. Синесій разсказываетъ, что онъ въ это время по примѣру своихъ учителей былъ ярымъ противникомъ философіи: являясь представителями практическихъ и эстетическихъ интересовъ, софисты-риторы съ давнихъ поръ находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ теоретиками-философами. И тѣ, и другіе стремятся захватить въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, но тогда какъ софисты довольствуются указаніями здраваго смысла и стремятся сдѣлать человѣка способнымъ къ непосредственной практической дѣятельности, для которой сила и красота рѣчи въ античномъ мірѣ имѣетъ такое же значеніе, какое бойкое перо въ настоящее время имѣетъ для публициста, философы стре-

---

[1]) См. v. Arnim, Leben und Werke des Dio von Prusa, mit einer Einleitung, Sophistik, Rhetorik, Philosophie in ihrem Kampf um die Jugendbildung. 1898. I. Burckhardt, Ueber den Wert des Dio Chrysostomos für die Kenntniss seiner Zeit въ Schweizer Museum 4, 97—191. Мы пользовались старымъ изданіемъ Диндорфа, 1857 года.

[2]) Филостратъ, упоминающій неоднократно о Діонѣ въ біографіи Аполлонія Тіанскаго и посвятившій его біографіи спеціальный отдѣлъ въ своихъ жизнеописаніяхъ софистовъ (v. soph. 1, 7) еще не знаетъ этого прозвища.

[3]) v. Arnim, 122 сл.

мятся систематически провѣрить здравый смыслъ, углубить мышленіе своихъ учениковъ и сообщить имъ научное міросозерцаніе. Весьма понятно, что обѣ стороны презираютъ другъ друга: софисты презираютъ философовъ за глубокомысленный видъ, съ которымъ они приступаютъ къ разсмотрѣнію самыхъ, казалось бы, простыхъ вопросовъ, и упрекаютъ ихъ въ томъ, что они напрасно мудрятъ съ своими учениками, дѣлая ихъ неспособными къ практической жизни; философы въ свою очередь презираютъ софистовъ за ихъ поверхностность, за то, что они ставятъ практическіе интересы выше теоретическихъ, идейныхъ. Борьба между обоими направленіями при такихъ условіяхъ неизбѣжна и никогда не прекращается: это въ сущности греческая форма борьбы между техническимъ и отвлеченно научнымъ образованіемъ и преподаваніемъ [1]).

Въ этомъ смыслѣ такимъ образомъ нападенія Діона на философію не представляютъ ничего исключительнаго. Они становятся въ высшей степени интересными лишь если вспомнить, что они совпадаютъ съ гоненіемъ на философовъ, къ которому Веспасіанъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть въ виду антиправительственнаго направленія, особенно сильнаго среди стоиковъ и циниковъ, занимавшихъ тогда господствующее мѣсто среди философовъ этой эпохи. Къ сожалѣнію сочиненія Діона „противъ философовъ“ и „къ Музонію“, о которыхъ упоминаетъ Синесій, для насъ потеряны. Мы знаемъ только, что оба сочиненія, а особенно вѣроятно первое изъ нихъ, написаны съ страстностью, поражавшей еще Синесія, и содержатъ самыя рѣзкія нападенія на старыхъ и новыхъ философовъ: осыпавъ Сократа и Зенона злыми насмѣшками комедіи, Діонъ не постѣснился посовѣтовать власти изгнать

---

[1]) v. Arnim, введеніе о софистикѣ, риторикѣ и философіи, стр. 4—114 и стр. 132 сл., das Bildungsideal der zweiten Sophistik.

ихъ преемниковъ „*какъ злѣйшихъ враговъ городовъ и государства*“ [1]).

Если вспомнить позднѣйшее поведеніе Діона, его долголѣтнюю ссылку при Домиціанѣ, упорство, съ которымъ онъ предпочиталъ бродячую и полную лишеній жизнь оратора-проповѣдника всякому примиренію съ „государемъ и богомъ“, котораго онъ по его собственнымъ словамъ безъ труда могъ добиться какими-нибудь льстивыми рѣчами [2]), если принять далѣе во вниманіе ту проповѣдь идеальной монархіи, съ которой онъ выступилъ при Траянѣ, то рѣзкій протестъ Діона противъ стоической оппозиціи временъ Веспасіана пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Для объясненія такихъ кажущихся противорѣчій обыкновенно слишкомъ легко прибѣгаютъ къ обвиненію въ безхарактерности, въ угодничествѣ передъ властями, въ измѣнѣ убѣжденіямъ. На самомъ дѣлѣ вопросъ обыкновенно разрѣшается не такъ просто: такъ въ данномъ случаѣ все поведеніе Діона становится вполнѣ понятнымъ, если принять въ расчетъ принципіальную разницу въ оппозиціи Гельвидія Приска и его друзей съ одной, Діона, Куріація Матерна и иныхъ съ другой стороны. Гельвидій Прискъ, какъ мы видѣли, былъ врагомъ монархіи какъ таковой, Діонъ былъ врагомъ тиранніи; первый добивался возстановленія республики, второй сознавалъ необходимость монархіи и видѣлъ въ ней единственно возможный строй, единственный, обезпечивавшій спокойствіе и многообразные интересы имперскаго населенія. При такихъ условіяхъ онъ былъ также въ правѣ нападать на стоиковъ, какъ впослѣдствіи на Домиціана [3]).

---

[1]) Synes. у v. Arnim'a loc. cit.: ὡς ὄντας κῆρας πόλεων τε καὶ πολιτείας.

[2]) Dio, or. 3 стр. 41, 5 сл.; ср. or. 45 томъ I стр. 118, 10 сл.: καὶ ταῦτα οὐ Ἠωπεύων αὐτὸν οὐδὲ τὴν ἔχθραν παραιτούμενος.

[3]) Также v. Arnim, 150: als Anhänger der verfassungsmässigen Monarchie des Vespasian greift er die stoische Oppositionspartei an, die um utopistischer Ideale willen Frieden und Ordnung des Reiches durch ihre Umtriebe leichtfertig bedroht.

Ближайшимъ поводомъ къ его изгнанію послужила, однако, по его словамъ, не оппозиція, а близость съ какимъ-то знатнымъ и могущественнымъ лицомъ, состоявшимъ въ родствѣ съ самимъ императоромъ и именно поэтому имъ казненнымъ [1]). Въ виду того, что Діонъ говоритъ о родствѣ неизвѣстнаго намъ лица съ Домиціаномъ было высказано довольно правдоподобное предположеніе, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ Домиціана: а такъ какъ Флавій Климентъ былъ казненъ приблизительно за десять мѣсяцевъ до убійства Домиціана, тогда какъ Діонъ неоднократно упоминаетъ о многихъ годахъ, проведенныхъ имъ въ изгнаніи [2]), то представляется болѣе вѣроятнымъ, что тѣмъ лицомъ, близость котораго погубила Діона, былъ Флавій Сабинъ [3]). Къ какому времени относится его казнь, въ точности неизвѣстно [4]): по всему вѣроятію она принадлежитъ эпохѣ полнаго развитія домиціанова террора, т. е. началу 90-хъ годовъ [5]).

Какъ бы то ни было, Діонъ былъ изгнанъ нетолько изъ Рима и Италіи, но и изъ родной Виѳиніи [6]) и въ связи съ

---

[1]) Dio or. 13 de exilio стр. 240: ὅτε φεύγειν συνέβη με φιλίας ἕνεκεν λεγομένης ἀνδρὸς οὐ πονηροῦ, τῶν δὲ τότε εὐδαιμόνων τε καὶ ἀρχόντων ἐγγύτατα ὄντος, διὰ ταῦτα δὲ καὶ ἀποθανόντος, δί ἃ πολλοῖς καὶ σχεδὸν πᾶσιν ἐδόκει μακάριος, διὰ τὴν ἐκείνων οἰκειότητα καὶ συγγένειαν, ταύτης ἐνεχθείσης ἐπ' ἐμὲ τῆς αἰτίας, ὡς δὴ τἀνδρὶ φίλον ὄντα καὶ σύμβουλον.

[2]) Dio or. стр. 88, 18: ἐν τοσούτοις ἔτεσι φυγῆς.

[3]) Emperius, Opuscula philologica et historica 102—110; v. Arnim, 223—231.

[4]) Emperius и v. Arnim въ указанныхъ мѣстахъ на основаніи неправильной интерпретаціи словъ Светонія Dom. 10 приходятъ къ заключенію, что казнь Сабина относится къ году его консульства, т.-е. къ 82 году, и что изгнаніе Діона продолжалось 14 лѣтъ. Ср. Prosop. 2.

[5]) Слова Діона о „столькихъ годахъ изгнанія“ этому не противорѣчатъ. Они нелѣпы, если изгнаніе продолжалось всего десять мѣсяцевъ, но вполнѣ допустимы въ рѣчи ритора-философа I вѣка, если изгнаніе продолжалось три-четыре года. Ср. Tac. Dial. 17: longum et unum annum. Ср. впроч. or. 1, стр. 11, 15 сл.: καὶ πολλήν γε χάριν οἶδα τοῖς θεοῖς, ὅτι με οὐκ εἴασαν θεατὴν γενέσθαι πολλῶν καὶ ἀδίκων πραγμάτων.

[6]) v. Arnim, 231—234.

этимъ въ его жизни и міросозерцаніи происходитъ полный переломъ: блестящій софистъ и врагъ философіи подъ ударами судьбы поневолѣ пріучается сознавать тщету внѣшняго блеска и примыкаетъ къ циническій школѣ, однимъ изъ выдающихся практическихъ представителей которой онъ съ этого времени становится [1]). Все время ссылки онъ проводитъ въ безпрестанныхъ странствованіяхъ, доводящихъ его до предѣловъ цивилизованнаго міра, но тѣмъ не менѣе, если вѣрить его показаніямъ, онъ не перестаетъ нападать на Домиціана и его оппозиціонныя рѣчи быстро расходятся среди враждебнаго власти общества [2]). На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что такой подозрительный государь, какъ Домиціанъ, могъ допустить, чтобы изгнанный имъ же Діонъ продолжалъ оппозиціонную дѣятельность въ изгнаніи. Бездѣятельность власти объясняется, повидимому, тѣмъ, что оппозиція Діона проявлялась въ болѣе или менѣе прозрачныхъ аллегоріяхъ и намекахъ и формально не подавала повода къ придиркѣ, и главное тѣмъ, что виѳинскій софистъ самъ по себѣ представлялъ слишкомъ ничтожную величину, чтобы власть сочла нужнымъ обратить на него вниманіе: самое его изгнаніе вѣдь было вызвано не его личнымъ вліяніемъ или опасностью для власти, а тѣмъ, что онъ въ числѣ другихъ былъ близокъ съ знатнымъ римскимъ сенаторомъ. Безъ подобныхъ связей онъ былъ безсиленъ.

Объ оппозиціонныхъ произведеніяхъ Діона мы можемъ себѣ составить представленіе по его рѣчи „о Діогенѣ или о тираніи“. По весьма вѣроятному предположенію Арнима, эта

---

[1]) v. Arnim, 237 сл. Dio or. 13 стр. 241, 2: τότε δ' οὖν, ἐπεί με φεύγειν ἔδοξεν, ἐσκόπουν πότεροι ὄντως χαλεπὸν τι καὶ δυστυχὲς εἴη τὸ τῆς φυγῆς κατὰ τὴν τῶν πολλῶν δόξαν... ib. стр. 244, 4: ἐδόκουν δὲ μοι πάντες ἄφρονες, ὡς ἔπος εἰπεῖν, καὶ οὐδεὶς οὐδὲν ὧν ἔδει πράττειν οὐδὲ σκοπεῖν ὅπως ἀπαλλαγεὶς τῶν παρόντων κακῶν καὶ τῆς πολλῆς ἀμαθίας καὶ ταραχῆς ἐπιεικέστερον καὶ ἄμεινον βιώσεται...

[2]) Dio or. 45 (т. I стр. 118, 22): ἀλλὰ ἐρεθίζων ἄντικρυς καὶ τὰ προσόντα κακὰ μὰ Δί' οὐ μέλλων νῦν ἐρεῖν ἢ γράφειν, ἀλλὰ εἰρηκὼς ἤδη καί γε γραφὼς, καὶ τούτων πανταχῇ τῶν λόγων καὶ τῶν γραμμάτων ὄντων...

рѣчь относится именно къ эпохѣ его изгнанія [1]). Ненависть къ тому, „кого всѣ греки и варвары называли государемъ и богомъ, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ злымъ демономъ“ [2]), до такой степени раздражила Діона, что даже такой поклонникъ монархіи, какъ онъ, по крайней мѣрѣ на словахъ примыкаетъ къ республиканской оппозиціи и не дѣлаетъ различія между монархомъ и тираномъ [3]). Выше мы уже видѣли, что республиканская терминологія часто служила средствомъ для особенно яркаго протеста, даже если протестующій на самомъ дѣлѣ былъ монархистомъ: желая подчеркнуть свое недовольство по возможности рѣзко, онъ дѣлаетъ видъ, что является врагомъ не одной только тираніи, но монархіи какъ таковой. Указанная рѣчь Діона представляется особенно характерной въ этомъ смыслѣ. Никто изъ его слушателей или читателей въ самомъ дѣлѣ не могъ сомнѣваться, что его слова относятся къ Домиціану. Но съ внѣшней стороны рѣчь можетъ быть признана безобидной: въ ней разсказывается, какъ Діогенъ сравнивалъ свою жизнь съ жизнью персидскаго царя, какъ онъ одного себя признавалъ безусловно свободнымъ и какъ онъ презиралъ и жалѣлъ великаго царя. Слушатели, разумѣется, ловили всѣ намеки — а ихъ, какъ мы увидимъ, много — налету, но формально рѣчь шла о давнопрошедшихъ временахъ и вовсе не касалась настоящаго положенія вещей въ имперіи.

Персидскій царь по мнѣнію Діогена, „является самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ людей: среди своихъ несмѣтныхъ богатствъ онъ боится нищеты, боится болѣзней и не имѣетъ возможности устранить то, что̀ причиняетъ болѣзнь, страшится смерти и думаетъ, что всѣ, не исключая дѣтей и братьевъ, интригуютъ противъ него. Поэтому онъ не можетъ наслаж-

[1]) v. Arnim, l. c. 245.
[2]) Dio or. 45, т. II стр. 118, 8—10.
[3]) v. Arnim. ib.

даться ѣдой, хотя ему доступны всѣ наслажденія, и не можетъ забыть за виномъ о заботахъ. Ему нелегко прожить хоть одинъ день такъ, чтобы нельзя было убѣдиться, что онъ переноситъ величайшія страданія... но самое безсмысленное то, что онъ боится безоружныхъ, а вѣритъ вооруженнымъ, что онъ обыскиваетъ посѣщающихъ его, нѣтъ ли у нихъ оружія, а самъ живетъ среди тѣхъ, что носятъ оружіе. Онъ бѣжитъ отъ безоружныхъ къ вооруженнымъ, а отъ вооруженныхъ къ безоружнымъ: отъ народа вѣдь его должна защищать гвардія, а отъ гвардіи евнухи. И все же онъ, несмотря на всѣ свои старанія, не имѣетъ вокругъ себя такихъ людей, которымъ онъ могъ бы вѣрить такъ, чтобы прожить хоть одинъ день безъ страха. Онъ не можетъ опереться даже на родныхъ, ни на дѣтей, ни на жену. А все-таки онъ и не желаетъ и не можетъ отказаться отъ власти, несмотря на то, что монархическая власть представляетъ такое тяжелое и несчастное явленіе... Тиранъ не легко доживаетъ до старости и старость не легка для тирана... Всѣ несчастія, и нищета, и изгнаніе, и тюрьма, и безчестіе, вообще скорѣе способны испугать тѣхъ, кто ихъ ожидаетъ, чѣмъ огорчать тѣхъ, кто ихъ испробовалъ. Если же кто отниметъ у смерти страхъ, то не остается болѣе ничего ужаснаго. Тогда она не только сама не мучаетъ страдающихъ, но они вообще не огорчаются больше ничѣмъ. Страхъ передъ смертью вѣдь такъ тяжелъ, что многіе изъ-за него ускоряютъ самую смерть: окруженные бурей на кораблѣ не дожидались крушенія и сами убивали себя... А этотъ ужасъ, между тѣмъ, постоянно окружаетъ монарховъ какъ днемъ, такъ и ночью. Осужденнымъ на смерть назначается извѣстный день, когда они должны умирать, монарху же и это неизвѣстно: они не знаютъ, наступитъ ли она скоро или сейчасъ и ни одинъ моментъ, даже самый короткій, не свободенъ отъ этого страха; имъ приходится трепетать и во время ѣды и во время жертвоприношенія, они пьютъ съ этимъ страхомъ

въ душѣ и спятъ съ нимъ, такъ что мнѣ кажется, что тиранъ можетъ почувствовать радость только въ тотъ моментъ, когда на него сыплются удары, которые освобождаютъ его отъ величайшаго зла". И что всего страннѣе, „тираны, окруженные величайшими бѣдствіями, сами считаютъ, что живутъ среди величайшаго счастья, обманутые, какъ я думаю, насчетъ ужаса ихъ положенія общимъ мнѣніемъ другихъ людей. Это богъ снабдилъ ихъ этимъ непониманіемъ, чтобы они испытали наказаніе". Счастливымъ людямъ жизнь кажется пріятной, а смерть ужасной, несчастнымъ жизнь представляется горькой, а смерть облегченіемъ; одни тираны не знаютъ ни того, ни другого утѣшенія: „они живутъ гораздо менѣе пріятно, чѣмъ тѣ, что больше всего жаждутъ смерти, а смерти боятся не менѣе тѣхъ, что находятъ жизнь безконечно сладкой". Тиранъ не можетъ имѣть друзей: онъ принужденъ награждать окружающихъ его всякими дарами, „иначе онъ скоро погибнетъ. А дарить часто и многимъ не легко, если не грабить другихъ. Вслѣдствіе этого ограбленные его ненавидятъ, а оставшіеся нетронутыми подозрѣваютъ его и ищутъ, какъ бы скорѣе отъ него избавиться. Тѣхъ, что далеки отъ него, онъ боится изъ-за ихъ отдаленности, а близкихъ изъ-за ихъ близости, отъ отдаленныхъ ожидается возстаніе, отъ близкихъ заговоръ. Миръ онъ считаетъ нежелательнымъ изъ-за досуга, который онъ даетъ людямъ, а войну изъ-за того, что ради нея необходимо огорчать подданныхъ сборомъ денегъ и вынужденными походами. Вотъ почему они во время войны страстно желаютъ мира, а когда наступитъ миръ, немедленно готовятъ войну". „Каждый изъ нихъ вспоминаетъ смерти тирановъ и заговоры противъ нихъ, какіе только когда-либо произошли, и разыскиваетъ всѣ эти опасности вокругъ себя и доходитъ до такого страха, точно онъ подвергается самъ всѣмъ этимъ видамъ смерти. Ожидая постоянно быть убитымъ, онъ желалъ бы постоянно смотрѣть кругомъ и оглядываться, и не можетъ

этого сдѣлать изъ страха и ради стыда. Вѣдь чѣмъ яснѣе страхъ тирана, тѣмъ болѣе заговоровъ возникаетъ среди презирающихъ его трусость". „Тѣ, что сдѣлались тиранами одного города или небольшой области, тѣ имѣютъ хоть возможность бросить свою власть, бѣжать и жить въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ никто вѣдь не любитъ тирана, а всѣ его ненавидятъ и подозрѣваютъ и легко выдаютъ его тѣмъ, которые потерпѣли отъ его несправедливости. Тѣмъ же, которые властвуютъ надъ многими городами и народами и надъ огромной страной, какъ, напримѣръ, персидскій царь, тѣмъ невозможно даже понять ужасъ своего положенія, развѣ что какой либо богъ откроетъ имъ глаза, да и тогда имъ невозможно бѣжать... Вѣдь если кто съ нимъ смѣло поговоритъ, онъ сердится и боится свободы слова, а когда подслуживаешься и поклоняешься ему, онъ подозрѣваетъ рабскую лесть. Тѣ, что говорятъ свободнѣе, по его мнѣнію, оскорбляютъ его, а другіе его обманываютъ. Поэтому онъ совершенно лишенъ прекраснѣйшаго и полезнѣйшаго дара, истиннаго расположенія и дружбы. И онъ не можетъ надѣяться ни на кого: скорѣе ихъ жертвы полюбятъ дикихъ львовъ, чѣмъ полюбятъ тирановъ ихъ слуги и близкіе. Я же, говорилъ онъ (т.-е. Діогенъ), и ночью, и днемъ иду одинъ, куда хочу, и безъ страха прохожу, когда нужно, черезъ лагерь и среди разбойниковъ. У меня нѣтъ врага или противника на моемъ пути" [1]).

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на этой рѣчи. Она представляетъ прекрасный образчикъ той полускрытой, но вполнѣ понятной для общества этого времени оппозиціи, съ которой пришлось бороться Флавіямъ. Страхъ тирана передъ заговорами и возстаніями, ужасныя послѣдствія котораго извѣстны, напр., изъ исторіи Тиберія, Клавдія и Домиціана, очерченъ здѣсь рукой первокласснаго мастера.

---

[1]) Dio or. 6, стр. 102—108.

Недовѣріе ко всему окружающему, вражда къ свободному слову, политическое значеніе либертовъ и преторіанцевъ, грабежи, вынужденные необходимостью всякаго рода даровъ и пожалованій,—все это встрѣчается въ исторіи домиціанова принципата, все это должно было показаться слушателямъ Діона давно знакомымъ зломъ. Само собою разумѣется, однако, что страстный протестъ противъ тираніи и въ глазахъ оратора, и въ глазахъ общества былъ чисто платоническимъ и въ крайнемъ случаѣ долженъ былъ образумить принцепса яркой картиной тѣхъ бѣдствій, которыя неразрывно связаны съ тираніей.

Во всякомъ случаѣ не эти рѣчи и не крупное общественное движеніе погубили Домиціана: мы уже видѣли, что его гибель въ отличіе отъ гибели Нерона представляетъ результатъ чисто дворцоваго переворота, въ которомъ не только провинціальное, но и столичное общество не принимало никакого непосредственнаго участія. Тѣмъ не менѣе его смерть вызвала восторгъ среди очень значительной части имперской интеллигенціи: естественно, что именно образованное общество было главнымъ образомъ оскорблено и раздражено его деспотическими претензіями и преслѣдованіемъ философіи. Съ устраненіемъ тирана оно немедленно забыло всѣ тѣ полуреспубликанскія фразы, которыми оно протестовало противъ тираніи. Принципатъ перешелъ къ Нервѣ, затѣмъ къ Траяну, и даже Тацитъ нашелъ, что при такихъ условіяхъ возможно соединеніе свободы съ императорской властью.

Наиболѣе полнымъ выразителемъ этого взгляда для насъ является именно Діонъ. Смерть Домиціана дала ему возможность вернуться изъ изгнанія въ Прусу, и сограждане сразу обратились къ нему съ просьбой выхлопотать имъ разрѣшеніе цѣлаго ряда ихъ желаній отъ Нервы, съ которымъ онъ еще до своего изгнанія былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Смерть Нервы задержала путешествіе Діона, но въ 100-мъ году мы

его встрѣчаемъ при дворѣ Траяна, гдѣ онъ произноситъ свои четыре рѣчи „о царской власти“, дающія намъ, какъ уже сказано, наиболѣе ясное представленіе о греческой теоріи монархіи.

Основными положеніями Діона являются строгое принципіальное различеніе царя и тирана, проповѣдь божественнаго происхожденія царской власти, опредѣленіе ея какъ власти мудрѣйшаго изъ людей и признаніе ея неограниченности.

Строго говоря Діонъ различаетъ даже три рода власти: ἀρχή, βασιλεία и τυραννίς [1]). При неясности его разсужденій однако трудно сказать, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ первой. Вотъ какъ онъ ихъ опредѣляетъ точнѣе.

„Подъ властью (въ узкомъ смыслѣ) подразумѣвается законное управленіе людьми и попечительная забота о людяхъ, руководимая законами; царская же власть является властью неотвѣтственной, а закономъ здѣсь является воля царя; тираніей же наоборотъ именуется насильственная и противозаконная эксплоатація людей со стороны наиболѣе сильнаго“ [2]).

Разъ отличительными признаками царской власти отъ „власти“ въ узкомъ смыслѣ являются неотвѣтственность царской власти и ея неограниченность въ области законодательства [3]), то подъ „властью“, подчиненной законамъ и отвѣтственной, очевидно только и можно подразумѣвать власть республикан-

---

[1]) Dio or. 3 стр. 43, 8 сл.: ποιήσομαι τοὺς λόγους ὑπὲρ τοῦ χρηστοῦ βασιλέως, ὁποῖον εἶναι δεῖ καὶ τίς ἡ διαφορὰ τοῦ προσποιουμένου μὲν ἄρχοντος εἶναι, πλεῖστον δὲ ἀπέχοντος ἀρχῆς καὶ βασιλείας.

[2]) Dio or. 3 стр. 46, 28 сл.: λέγεται γὰρ ἡ μὲν ἀρχὴ νόμιμος ἀνθρώπων διοίκησις καὶ πρόνοια ἀνθρώπων κατὰ νόμον, βασιλεία δὲ ἀνυπεύθυνος ἀρχή, ὁ δὲ νόμος βασιλέως δόγμα. Ὁ δὲ τύραννος καὶ ἡ τυραννὶς ἐναντίον τούτοις βίαιος καὶ παράνομος χρῆσις ἀνθρώπων τοῦ δοκοῦντος ἰσχύειν πλέον.

[3]) Ср. также Dio or. 56 (томъ II стр. 177, 13—15): καὶ ἡ ἀρχὴ αὕτη, ἣν λέγεις, τὸ καθόλου ἀνθρώπων ἄρχειν καὶ ἐπιτάττειν ἀνθρώποις ἀνυπεύθυνον ὄντα βασιλεία καλεῖται; ib. стр. 179, 10: αὐτὸς ὢν κύριος ἁπάντων τῶν πραγμάτων; or. 3 стр. 40, 28: τῷ μείζονι τῶν νόμων.

скаго магистрата (или царскаго должностного лица). Дѣятельность императора, какъ мы видѣли, не подлежитъ отвѣтственности, а его дискреціонную власть довольно трудно отличить отъ неограниченной законодательной власти. Въ виду этого вполнѣ естественно, что греки вообще и Діонъ въ частности не признаютъ императора магистратомъ, а видятъ въ немъ, смотря по характеру его управленія, либо настоящаго царя либо тирана.

Противоположность царской власти и магистратуры съ одной и тираніи съ другой стороны подчеркивается Діономъ какъ нельзя болѣе рѣзко, и тѣмъ не менѣе его взглядъ не можетъ быть признанъ яснымъ въ юридическомъ отношеніи. Царь и тиранъ очевидно одинаково мало отвѣтственны за свои дѣянія и одинаково стоятъ выше закона. Въ объемѣ власти между ними такимъ образомъ нѣтъ никакой существенной разницы. Характеръ пріобрѣтенія власти очевидно также не имѣетъ значенія, иначе Діонъ долженъ былъ бы упомянуть о немъ. Разница между ними заключается исключительно въ томъ, что тиранъ эксплоатируетъ подданныхъ и заботится не о нихъ, а только о своей собственной выгодѣ, тогда какъ царь пользуется своею властью всецѣло въ интересахъ подвластнаго ему населенія.

Таковъ дѣйствительно взглядъ Діона, повторяющаго такимъ образомъ одно изъ основныхъ ученій уже извѣстной намъ теоріи [1]).

„Большинство династовъ“, говоритъ онъ въ рѣчи о царской власти и тираніи, „желаютъ имѣть все, такъ какъ они имѣютъ право все взять. А такъ какъ право въ ихъ рукахъ, они сами не признаютъ права; такъ какъ они не боятся законовъ, имъ кажется, что ихъ нѣтъ; такъ какъ они не при-

[1]) Dio or. 3 стр. 46, 25 сл.: ὅμοια δὲ (тому, что говорилъ по его разсказу Сократъ) εἰρήκασι περὶ ἀρχῆς καὶ βασιλείας οἱ μετ' αὐτὸν, ὡς οἷόν τε ἑπόμενοι τῇ σοφωτάτῃ γνώμῃ.

нуждены трудиться, они, не переставая, предаются излишествамъ; такъ какъ никто не можетъ защитить себя отъ того зла, которое они ему причиняютъ, они только и знаютъ, что творятъ зло. Добрый же властитель стремится къ противоположному: онъ ничего не желаетъ себѣ присвоить, ибо знаетъ, что ему все принадлежитъ, онъ избѣгаетъ наслажденія, онъ болѣе справедливъ чѣмъ всѣ остальные, ибо онъ обезпечиваетъ всѣмъ справедливость, онъ наслаждается трудами, такъ какъ трудится охотно, онъ любитъ законы, такъ какъ не боится ихъ“ [1]).

Ясно, что всѣ эти разсужденія имѣютъ совершенно отвлеченно-этическій, а не политическій характеръ. То же самое въ общемъ нужно сказать и относительно первой рѣчи Діона о царской власти, гдѣ онъ особенно долго останавливается на занимающемъ насъ вопросѣ. Нарисовавъ картину „истиннаго царя“, онъ здѣсь разсказываетъ, какъ онъ еще во время своего изгнанія получилъ отъ божества порученіе отправиться къ Траяну и разсказать ему о томъ, какъ Гераклъ выбиралъ между царской властью и тиранiей [2]).

Гераклъ, оказывается, вовсе не былъ странствующимъ съ львиной шкурой и палицей богатыремъ, а былъ царемъ отъ восхода и до заката солнца и съ сильнымъ войскомъ завоевывалъ города и изгонялъ тирановъ, а вовсе не занимался истребленіемъ дикихъ звѣрей и исполненіемъ прихотей Эврисѳея [3]). Когда Зевсъ, его отецъ, увидѣлъ, что Гераклъ отличается необыкновенными нравственными достоинствами и хочетъ властвовать вовсе не изъ-за наслажденій или корысто-

[1]) Dio or. 62; т. II стр. 200 сл.: οἱ μὲν γὰρ πολλοὶ τῶν ἐν ταῖς δυναστείαις.... ὁ δὲ ἀγαθὸς ἄρχων.

[2]) Dio or. 1, стр. 12, 15: καὶ σὺ δὲ ἐλήλυθας, ἔφη, οὐκ ἄνευ θείας τύχης εἰς τόνδε τὸν τοπον... ib, 12, 23: συμβαλεῖς δὲ, ἔφη, ποτὲ ἀνδρὶ καρτερῷ, πλείστης ἄρχοντα χώρας καὶ ἀνθρώπων. τούτῳ μήποτε ὀκνήσῃς εἰπεῖν τόνδε τὸν μῦθον, εἰ καί σου καταφρονεῖν τινες μέλλοιεν ὡς ἀδολέσχου καὶ πλάνητος.

[3]) Ib. стр. 13 и 18.

любія, а изъ желанія дѣлать возможно большему количеству людей возможно больше добра [1]), онъ послалъ къ нему Гермеса, который долженъ былъ его познакомить съ характеромъ царской власти и тираніи. Гермесъ повелъ Геракла по недоступнымъ для смертныхъ путямъ въ то мѣсто, гдѣ недалеко другъ отъ друга возвышаются замки Царской власти и Тираніи и далъ ему возможность ихъ сравнить. На той горѣ, гдѣ обрѣталась Царская власть, — она была выше другой, а доступъ къ ней былъ удобенъ и широкъ — Гераклъ увидѣлъ на великолѣпномъ тронѣ величественную и красивую женщину въ бѣлой одеждѣ съ скипетромъ не изъ золота или серебра, а изъ другого чистаго и великолѣпнаго вещества. Ея лицо было одновременно и ласково и величественно, такъ что всѣ добрые могли смѣло смотрѣть на нее, а дурные не могли вынести его вида. Гермесъ ему объяснилъ, что это и есть блаженный демонъ царской власти, дочь царя Зевса. Ее окружалъ рядъ женщинъ, Справедливость и Законность и Миръ, и одинъ сильный и гордый мужъ, Законъ, который именуется также Правдой, ихъ совѣтникъ и помощникъ, безъ котораго онѣ не имѣютъ права дѣлать или рѣшать что-нибудь [2]).

Совершенно иной видъ имѣла Тиранія. Она видимо подражала Царской власти и желала ее перещеголять: ея тронъ былъ выше, но основа его была шатка [3]), и всѣ драгоцѣнныя украшенія, которыми она была осыпана, были разсчитаны на то, чтобы произвести впечатлѣніе, но были грубы

[1]) Ib. стр. 14: ἐπεὶ δὲ ἑώρα βουλόμενον ἄρχειν αὐτόν, οὐ τῶν ἡδονῶν οὐδὲ τῶν πλεονεξιῶν ἐπιθυμοῦντα, ὧν ἕνεκεν οἱ πολλοὶ τούτου ἐρῶσιν, ἀλλ' ὡς ἂν δύνηται πλεῖστα καὶ πλείστους εὖ ποιεῖν, ἐπιστάμενος αὐτοῦ γενναῖ ν οὖσαν τὴν φύσιν...

[2]) Dio or. 1 стр. 16, 21: οὗτος δὲ καλεῖται Νόμος. ὁ δ' αὐτὸς καὶ λόγος ὀρθὸς κέκληται, σύμβουλος καὶ πάρεδρος, οὗ χωρὶς οὐδὲν ἐκείναις πρᾶξαι θέμις οὔτε διανοηθῆναι. Ср. выше: μακαρία δαίμων Βασιλεία, Διὸς βασιλέως ἔκγονος.. Δίκη... Εὐνομία.. Εἰρήνη.

[3]) Dio ib. стр. 17, 17: τὴν δὲ βάσιν οὐκ ἦν ἀσφαλὴς ὁ θρόνος οὐδὲ ἡδρασμένος ἀλλὰ κινούμενός τε καὶ ὀκλάζων.

и навязчивы по сравненію съ величавой простотой Царской власти. Сама она желала казаться возвышенной, а была только надменна, и поэтому была всѣмъ ненавистна, а сама всѣхъ подозрѣвала и, не будучи въ состояніи подавить внутренній страхъ, часто оглядывалась кругомъ [1]). Ея окружали Жестокость, Произволъ, Беззаконіе и Междуусобіе, а мѣсто Дружбы занимала Лесть [2]).

Гераклъ, разумѣется, не колебался въ своемъ выборѣ, и „Зевсъ поручилъ ему царить надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, такъ какъ онъ оказался достойнымъ этого. Съ тѣхъ поръ онъ всюду наказывалъ и уничтожалъ тиранію, всюду, гдѣ онъ ее видѣлъ—у грековъ ли или у варваровъ,—царскую же власть и царей онъ всюду чтилъ и защищалъ. И поэтому онъ былъ признанъ спасителемъ земного шара и рода людского“ [3]).

Характеристика царской власти и тираніи и въ данномъ случаѣ представляется совершенно отвлеченной: различіе между ними съ этой точки зрѣнія заключается исключительно въ нравственномъ характерѣ управленія царя и тирана. Дѣло не въ томъ, на какомъ основаніи данное лицо обладаетъ властью, а въ томъ, „пользуется ли оно ею законно и справедливо,.. является ли оно благомыслящимъ, человѣколюбивымъ, управляетъ ли оно согласно законамъ и заботится ли оно о спасеніи и благѣ подданныхъ, счастливо ли оно само въ лучшемъ смыслѣ этого слова и сообщаетъ ли оно свое счастіе другимъ, не отдѣляя своей выгоды отъ блага подданныхъ, а радуясь больше всего и считая величайшимъ счастьемъ, когда увидитъ ихъ благополучіе; въ такомъ случаѣ оно пользуется величайшей властью и дѣйствительно является царемъ. Если

---

[1]) Dio ib. стр. 17, 19—18, 9.

[2]) Dio ib. стр. 18, 12: Ὠμότης καὶ Ὕβρις καὶ Ἀνομία καὶ Στάσις, αἳ πᾶσαι διέφθειρον αὐτὴν καὶ κάκιστα ἀπώλλυον. ἀντὶ δὲ Φιλίας Κολακεία παρῆν...

[3]) Dio ib. стр. 18, 24 сл.: ὡς ὄντι ἱκανῷ.

же оно стремится къ наслажденіямъ и къ богатству и управляетъ произвольно и беззаконно, думая только о собственномъ возвеличеніи... и считая всѣхъ подданныхъ рабами и слугами своихъ прихотей, если оно не имѣетъ вида добраго пастыря,.. а само первымъ грабитъ и губитъ и другимъ поручаетъ то же,.. то я не могу назвать его властителемъ или императоромъ или царемъ, а тираномъ и палачемъ [1]).

Въ результатѣ единственнымъ дѣйствительнымъ критеріемъ для различенія царя и тирана признается ихъ образъ управленія. Съ этой точки зрѣнія очевидно представляется совершенно безразличнымъ, какъ данное лицо пріобрѣло власть. Формально оно можетъ имѣть безусловно ясныя права на престолъ и все-таки оно должно быть признано тираномъ, разъ его управленіе не соотвѣтствуетъ тому идеалу, который выработала философски-политическая доктрина данной эпохи [2]).

Если довести этотъ взглядъ до его логическаго завершенія, то нельзя не будетъ признать эту теорію въ полномъ смыслѣ слова анархической. Предоставляя царю самую неограниченную власть, она, какъ ужъ замѣчено, нигдѣ не затрагиваетъ ни вопроса о томъ, какое учрежденіе или какія лица будутъ имѣть право объявить того или иного царя тираномъ, ни также вопроса объ объективныхъ признакахъ, на основаніи которыхъ политика даннаго лица можетъ быть признана тираническою. При такихъ условіяхъ любое учрежденіе и любое лицо пріобрѣтаютъ опасное право объявить царя тираномъ и согласно теоріи о тираноубійствѣ устранить его посредствомъ возстанія, заговора или просто убійства, а исходъ предпріятія и отношеніе общественнаго мнѣнія къ нему можетъ или санкціонировать, или осудить его, но нравственное право на возстаніе и цареубійство въ такомъ

[1]) Dio or 3 стр. 45, 28 сл.

[2]) Dio or. 3 стр. 45, 24 (слова Сократа о персидскомъ царѣ): οὐδὲ τοῦτο οἶδα ὅλως γε, εἰ βασιλεύς ἐστι τὴν ἀρχὴν οὐδεμίας πόλεως ἢ κώμης.

случаѣ должно быть признано за каждымъ членомъ общества. На самомъ дѣлѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ даже намека на такой выводъ, и это вполнѣ естественно: императорская власть могла сочувствовать философскому оправданію ея существованія, но допустить распространеніе подобнаго рода анархическихъ взглядовъ она, разумѣется, не могла. Мы не будемъ отрицать, что тѣ или иныя возстанія и заговоры противъ власти могли подчасъ прикрываться такого рода теоріями, не думаемъ также отрицать, что участники въ подобныхъ предпріятіяхъ подчасъ субъективно могли быть совершенно увѣрены въ своемъ нравственномъ правѣ бороться съ лицомъ, которое они вполнѣ искренно признавали тираномъ, мы только хотимъ сказать, что указанный выводъ изъ занимающей насъ теоріи никогда не былъ сдѣланъ писателями этой эпохи и ужъ во всякомъ случаѣ не получилъ оффиціальнаго признанія со стороны власти [1]).

При всемъ стараніи разграничить царскую власть и тиранію Діонъ такимъ образомъ не въ состояніи подняться надъ общими разсужденіями нравственнаго характера, нисколько не выясняющими юридической стороны вопроса. Вполнѣ ясно лишь одно: царская власть признается безусловно неограниченной и неотвѣтственной, воля монарха равносильной закону, а монархія сама по себѣ наиболѣе совершенной изъ практически осуществимыхъ формъ государственнаго устройства.

Въ теоріи въ самомъ дѣлѣ Діонъ, слѣдуя и тутъ старой греческой традиціи, различаетъ три формы государственнаго устройства, при существованіи которыхъ возможна законность и справедливость [2]): монархію, аристократію и демократію,

[1]) Ср. наши замѣчанія насчетъ теоріи Моммзена о „юридически признанномъ правѣ народа на возстаніе“ въ первомъ томѣ этого изслѣдованія, стр. 48 прим. 3.

[2]) Dio or. 3 стр. 47, 1 сл.: τρία γὰρ εἴδη τὰ φανερώτατα πολιτειῶν ὀνομάζεται γιγνομένων κατὰ νόμον καὶ δίκην μετὰ δαίμονός τ' ἀγαθοῦ καὶ τύχης ὁμοίας...

и три ихъ извращенія: тиранію, олигархію и охлократію. Тѣмъ не менѣе онъ среди первыхъ отдаетъ предпочтеніе монархіи, а среди остальныхъ тираніи. Демократія, правда, имѣла бы и по его мнѣнію большія достоинства, если бы только она была осуществима: на самомъ же дѣлѣ она изъ всѣхъ трехъ идеальныхъ формъ государственнаго устройства представляется наиболѣе неустойчивой [1]). Аристократія, т.-е. управленіе немногихъ лучшихъ людей, также далеко уступаетъ монархіи въ осуществимости и цѣлесообразности [2]). Выше всѣхъ ихъ и по своимъ достоинствамъ и по своей осуществимости стоитъ такимъ образомъ монархія, при существованіи которой „городъ или нѣсколько племенъ или все человѣчество хорошо управляются мыслью и доблестью одного добраго мужа“ [3]).

Монархія является выраженіемъ „естественнаго владычества и заботливаго управленія лучшаго надъ худшими“ [4]). Ея идеальнымъ прототипомъ слѣдуетъ признать господство перваго и лучшаго изъ боговъ надъ міромъ [5]).

Царская власть даруется Зевсомъ [6]). „Вѣдь царь является

---

[1]) Dio ib. стр. 47, 15 сл.: τρίτη δὲ πασῶν ἀδυνατάτη σχεδὸν ἡ σωφροσύνη καὶ ἀρετῇ δήμου προσδοκῶσά ποτε εὑρήσειν κατάστασιν ἐπιεικῆ καὶ νόμιμον, δημοκρατία προσαγορευομένη, ἐπιεικὲς ὄνομα καὶ πρᾶον, εἴπερ ἦν δύνατον.

[2]) Dio ib. стр. 47, 7 сл.: πλεῖον ἀνέχουσα ἤδη τοῦ δυνατοῦ καὶ τοῦ συμφέροντος.

[3]) Dio ib. стр. 47, 4 сл.: μία μὲν ἡ πρώτη καὶ μάλιστα συμβῆναι δυνατή, περὶ ἧς νῦν ὁ λόγος, εὖ διοικουμένης πόλεως ἢ πλειόνων ἐθνῶν ἢ συμπάντων ἀνθρώπων ἑνὸς ἀνδρὸς ἀγαθοῦ γνώμῃ καὶ ἀρετῇ. Ср. здѣсь же, строка 20 сл.: ἡ μὲν πρώτη καὶ ἀρίστη καὶ μόνη δυνατή, τυραννίς, ἑνὸς ὕβρει καὶ βίᾳ τοῦ κακίστου τῶν ἄλλων ἀπολλυμένων.

[4]) Dio ib. стр. 48, 5 сл.: τὴν κατὰ φύσιν τοῦ κρείττονος τῶν ἐλαττόνων ἀρχὴν καὶ πρόνοιαν. Ср. ib. стр. 49, 26: πανταχοῦ τὸ βέλτιον τοῦ ἥττονος ἔταξεν ὁ θεὸς προνοεῖν τε καὶ ἄρχειν, οἷον τέχνην μὲν ἀτεχνίας, ἀσθενείας δὲ δύναμιν, τοῦ δὲ ἀνοητοῦ τὸ φρόνιμον προνοεῖν καὶ προβουλεύειν ἐποίησεν. Ср. or. 4 стр. 75, 15.

[5]) Dio ib. стр. 48, 9 сл.: οὐ μὴν φανερώτερον οὐδὲ κάλλιον ἕτερον ἂν γένοιτο (παράδειγμα) τῆς τοῦ παντὸς ἡγεμονίας, ἢ ὑπὸ τῷ πρώτῳ τε καὶ ἀρίστῳ θεῷ τάττεται.

[6]) Dio or. стр. 10, 15: ἅτε οἶμαι παρὰ τοῦ Διὸς ἐχόντων τὴν δύναμιν καὶ τὴν ἐπιτροπὴν... ὃς δ' ἂν παραβῇ καὶ ἀτιμάσῃ τὸν ἐπιτρέψαντα καὶ δόντα τὴν δωρεὰν ταύτην..; or. 1 стр. 18, 23 сл. (Ср. выше стр. 238 прим. 1).

лучшимъ изъ людей, самымъ мужественнымъ, самымъ справедливымъ, самымъ человѣколюбивымъ, котораго никакой трудъ и никакая страсть не могутъ побѣдить“ [1]), и лишь Зевсъ можетъ дать ему всѣ эти качества, въ силу которыхъ онъ только и имѣетъ право на званіе царя. „Онъ самъ прежде всего и больше всѣхъ обладаетъ этими качествами и сообщаетъ ихъ кому хочетъ; а кому онъ ихъ сообщитъ, тѣ всѣ являются и называются сынами Зевса. Или ты думаешь (обращается Діогенъ къ Александру Великому), что это софисты могутъ научить царствовать? Большинство изъ нихъ вѣдь не только не знаетъ, какъ царствовать, но не знаетъ и какъ жить“ [2]). Нужно родиться царемъ милостью Зевса; никакая наука не можетъ дать неподходящему человѣку царскій характеръ и образъ мыслей [3]).

Но Зевсъ „великій царь царей, покровитель и отецъ людей и боговъ“ [4]), не только даруетъ царскую власть, онъ также самъ наказываетъ тирановъ. Когда онъ видитъ, что какой-нибудь человѣкъ „совершаетъ насилія и несправедливости и беззаконія и пользуется своимъ могуществомъ не противъ внѣшнихъ враговъ, а противъ подданныхъ и друзей, что онъ ненасытенъ въ удовольствіяхъ, ненасытенъ въ корыстолюбіи, склоненъ къ подозрѣніямъ, гнѣвенъ до неумолимости, склоненъ къ клеветѣ, не поддается разумнымъ доводамъ... возвеличиваетъ дурныхъ, ненавидитъ добрыхъ, лишенъ образованія, не признаетъ никого своимъ другомъ и не имѣетъ друзей,.. тогда онъ его сгоняетъ и устраняетъ его съ позоромъ и стыдомъ за то, что онъ недостоенъ царить и дѣлить съ нимъ (съ Зевсомъ) честь и званіе царя“ [5]).

---

[1]) Dio or. 4 стр. 68, 11 сл.: ὁ γὰρ βασιλεὺς ἀνθρώπων ἄριστός ἐστιν...

[2]) Ib. стр. 68, 27 сл.

[3]) Ib. стр. 67, 23 сл.; стр. 69: οὐ γὰρ μαθεῖν, ἀλλ' ὑπομνησθῆναι δεῖται μόνον.

[4]) Dio or. 2 стр. 37, 16—18: ὁ δὴ μέγας βασιλεὺς βασιλέων, ἅτε κηδεμὼν καὶ πατὴρ κοινὸς ἀνθρώπων καὶ θεῶν, Ζεύς...

[5]) Dio ib. Ясно, что при этой характеристикѣ тирана Діонъ имѣетъ въ виду Домиціана.

Весьма понятно, что царь, получающій свою власть отъ боговъ, прежде всего долженъ усердно имъ поклоняться: „никто вѣдь не можетъ такъ убѣдительно руководить справедливымъ и добрымъ мужемъ, какъ справедливѣйшіе и совершеннѣйшіе боги. А если какой нибудь злой человѣкъ полагаетъ, что онъ чтитъ боговъ, онъ уже по этому самому оскорбляетъ ихъ, такъ какъ считаетъ божество или неразумнымъ или злымъ“ [1]).

Второю обязанностью царя является забота о людяхъ; онъ долженъ любить и чтить добрыхъ, заботиться же обо всѣхъ [2]). Кто другой въ самомъ дѣлѣ долженъ быть столь человѣколюбивымъ какъ тотъ, кто властвуетъ надъ огромнымъ числомъ людей [3])? Властвовать вообще дѣло не легкое, а наоборотъ очень трудное: власть даетъ не спокойствіе и отдыхъ, а заботы и труды [4]). Но для того, чтобы съ честью занять положеніе царя, нужно быть лучшимъ, т.-е. добродѣтельнѣйшимъ, т.-е. мудрѣйшимъ изъ людей [5]). А такъ какъ высшая

---

[1]) Dio or. 1, стр. 4, 12: ἔστι δὴ πρῶτον μὲν θεῶν ἐπιμελης καὶ τὸ δαιμόνιον προτιμῶν.

[2]) Dio or. 1 стр. 4, 18: μετὰ δὲ τοὺς θεοὺς ἀνθρώπων ἐπιμελεῖται, τιμῶν μὲν καὶ ἀγαπῶν τοὺς ἀγαθοὺς, κηδόμενος δέ πάντων...

[3]) Dio or. 1, стр. 4, 25: ἢ ὅστις πλείστων μὲν ἀνθρώπων ἐγκρατής ἐστι...

[4]) Dio or. 3 стр. 49, 29 сл.: ἐν πάσαις δὲ ταύταις ταῖς ἐπιμελείαις τὸ ἄρχειν οὐδαμῶς ῥᾴθυμον, ἀλλ' ἐπίπονον, οὐδὲ πλεονεκτοῦν ἀνέσεως καὶ σχολῆς, ἀλλὰ φροντίδων καὶ πόνων. Власть царя сравнивается съ властью пастуха надъ стадомъ, ср. or. 56 (томъ II стр. 176, 9 сл.): εἰσί τινες ἀνθρώπων ἄρχοντες, ὥσπερ ἕτεροι μὲν αἰγῶν, ἕτεροι δὲ ὑῶν, οἱ δέ τινες ἵππων, οἱ δὲ καὶ βοῶν, σύμπάντες οὗτοι οἱ καλούμενοι κοινῇ ποιμένες. ἢ οὐκ ἀνέγνωκας τοῦτο τὸ ἔπος Κρατίνου

ποιμὴν καθέστηκ', αἰπόλος καὶ βουκόλος;

Ср. также сравненіе царя съ племеннымъ бычкомъ, or. 2, стр. 35.

Ср. or. 3 стр. 48, 11: τοιοῦτος δὲ ὢν πρῶτον μέν ἐστι θεοφιλής, ἅτε τῆς μεγίστης τυγχάνων παρα θεῶν τιμῆς καὶ πίστεως. καὶ πρῶτόν γε καὶ μάλιστα θεραπεύσει τὸ θεῖον, οὐχ ὁμολογῶν μόνον, ἀλλὰ καὶ πεπεισμένος εἶναι θεούς, ἵνα δὴ καὶ αὐτὸς ἔχῃ τοὺς κατ' ἀξίαν ἄρχοντας и т. д.

[5]) Ср. выше стр. 243 прим. 1 и or. 2 стр. 34, 32: ὅτι πάντων ἄριστον οἴεται δεῖν τὸν βασιλέα εἶναι. Высшая добродѣтель и высшая мудрость, какъ извѣстно, совпадаютъ по греческому взгляду, установившемуся еще со временъ Сократа.

добродѣтель представляетъ совокупность четырехъ основныхъ качествъ: справедливости, мудрости, мужественной энергіи и самообладанія [1]), то царь долженъ обладать всѣми этими качествами въ самой высокой степени: „кто въ самомъ дѣлѣ нуждается въ большей мудрости чѣмъ тотъ, кто обсуждаетъ величайшія дѣла? кто такъ нуждается въ безспорной справедливости какъ тотъ, кто стоитъ выше законовъ? кто въ такомъ безграничномъ самообладаніи какъ тотъ, кому все позволено? кто въ болѣе сильной энергіи чѣмъ тотъ, кѣмъ все спасается? кому болѣе къ лицу всѣ добродѣтели чѣмъ тому, зрителемъ и свидѣтелемъ духовной жизни котораго является весь родъ человѣческій“ [2])?

Такой царь заслуживаетъ страстную любовь подданныхъ [3]). Онъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ стремится быть „отцомъ гражданъ и подданныхъ“ [4]) и не только не желаетъ называться господиномъ или государемъ свободныхъ, но не желалъ бы быть имъ и по отношенію къ рабамъ [5]). „Онъ знаетъ, что онъ царствуетъ не ради себя, а ради всѣхъ людей“ [6]) и уже однимъ этимъ вмѣсто окружающаго тирана страха вызываетъ почтительную любовь къ себѣ.

Такова въ общихъ чертахъ греческая теорія монархической власти, какъ она изложена въ произведеніяхъ Діона. Останавливаться на всѣхъ тѣхъ практическихъ выводахъ, которые Діонъ дѣлаетъ изъ вышеизложенныхъ общихъ положе-

---

[1]) Windelband, Geschichte der alten Philosophie стр. 238.

[2]) Dio or. 3 стр. 40, 26: мѣсто платоновской σοφία занимаетъ у Діона φρόνησις.

[3]) Dio or. 1 стр. 5, 5 сл.: ἀλλὰ γὰρ ἀνάγκη τὸν ἥμερον καὶ φιλάνθρωπον βασιλέα μὴ μόνον φιλεῖσθαι ὑπ' ἀνθρώπων ἀλλὰ καὶ ἐρᾶσθαι.

[4]) Ib. стр. 5, 21 сл.: πατέρα δὲ τῶν πολιτῶν καὶ τῶν ἀρχομένων οὐ λόγῳ κεκλῆσθαι μόνον, ἀλλὰ τοῖς ἔργοις τοῦτο ἐπιδείκνυσθαι.

[5]) Ib. стр. 5, 23 сл.: δεσπότην δὲ οὐχ ὅπως τῶν ἐλευθέρων, ἀλλὰ μηδὲ τῶν δούλων χαίρειν καλούμενον.

[6]) Ib. стр. 5, 25—26: βασιλεύειν γὰρ οὐχ αὑτοῦ χάριν οἴεται μᾶλλον ἑνὸς ὄντος ἢ τῶν ἀνθρώπων ἁπάντων.

ній, намъ нѣтъ нужды. Замѣтимъ только, что истинный царь по его мнѣнію придаетъ большее значеніе дружбѣ чѣмъ родству [1]), т.-е. предпочитаетъ сознательный выборъ помощниковъ случайностямъ кровной связи. Хотя Діонъ самъ нигдѣ не говоритъ о характерѣ престолонаслѣдія—да это и вполнѣ понятно въ виду поразительной отвлеченности всей его теоріи—изъ этого замѣчанія можно заключить, что онъ и въ этомъ отношеніи строго слѣдовалъ старымъ взглядамъ эллинистической эпохи и признавалъ, что власть должна переходить не къ ближайшему родственнику умершаго царя, а къ наиболѣе достойному, хотя бы и постороннему лицу [2]). Эта мысль, какъ ужъ замѣчено, нигдѣ не высказывается, но она логически слѣдуетъ изъ всѣхъ основныхъ положеній Діона.

Въ результатѣ разобранная нами теорія представляетъ въ высшей степени интересную попытку философскаго оправданія неограниченной монархіи. Изъ всѣхъ возможныхъ формъ государственнаго устройства она является въ одно и то же время и единственной осуществимой и безусловно наиболѣе цѣлесообразной. Возвышаясь уже въ силу своей неограниченной власти надъ партіями и надъ ихъ борьбой, царь-мудрецъ служитъ исключительно общему благу: мудрость даетъ ему возможность вѣрно разрѣшить всѣ сложнѣйшіе вопросы государственной жизни, присущая ему справедливость не позволяетъ ему увлечься какими-нибудь партійными интересами, самообладаніе не даетъ ему злоупотреблять своею властью ради какихъ-либо экспериментовъ или личныхъ прихотей, энергія дѣлаетъ его способнымъ подавить всякое неразумное сопротивленіе. Идеальный типъ государственной жизни такимъ образомъ найденъ и всякая попытка протеста противъ него представляется не только нелѣпой, но и преступной.

---

[1]) Dio or. 4 стр. 60, 20: ὅπῃ καὶ μεῖζον ἀγαθὸν νενόμικε τὴν φιλίαν τῆς συγγενείας

[2]) Этимъ объясняется и анекдотъ о послѣднихъ минутахъ жизни царя-героя, Александра Великаго. Ср. Plut. v. Alex. M.

Если оставить въ сторонѣ эту философски-идеалистическую фразеологію, то практическое значеніе этой теоріи сводится къ безусловному признанію абсолютной монархіи. Тѣмъ не менѣе однако это не деспотическая монархія, какую, повидимому, имѣлъ въ виду Домиціанъ. Монархъ получаетъ свою власть отъ боговъ, но онъ самъ не богъ; онъ не отвѣчаетъ за свои дѣянія передъ людьми, но онъ отвѣчаетъ за нихъ передъ богомъ; власть его существуетъ не ради него, а ради подданныхъ. Царствовать значитъ служить высшимъ интересамъ людей по порученію боговъ. Монархъ, который объявляетъ себя богомъ, который не признаетъ себя отвѣтственнымъ передъ Зевсомъ, который эксплоатируетъ подданныхъ ради собственныхъ интересовъ, даже больше, монархъ, который не доказываетъ на дѣлѣ свое призваніе къ власти, перестаетъ быть царемъ и является тираномъ. А противъ тирана всѣ средства признаются хорошими.

§ 8.

Судьба монархической оппозиціи.

Выше мы видѣли, что греческая теорія монархической власти въ эпоху Флавіевъ проникла и въ римское общество. Мы видѣли, что Куріацій Матернъ рѣшительно предпочитаетъ республикѣ единую власть мудрѣйшаго. Но если римское общество примирилось съ монархическимъ характеромъ принципата и для оправданія его по обыкновенію заимствовало философскіе доводы у грековъ, то оно несомнѣнно еще болѣе грековъ должно было подчеркивать служебное значеніе монархической власти. Греческая теорія именно потому могла сравнительно равно привиться даже среди римской оппозиціи, что она отнюдь не проповѣдывала безграничнаго произвола „государя и бога“, а налагала на царя весьма тяжелыя обязанности и смотрѣла на его власть какъ на высокую миссію. За исключеніемъ сравнительно очень немногочислен-

ныхъ идеалистовъ, вродѣ Гельвидія Приска, потерявшихъ подъ вліяніемъ казней и ссылокъ эпохи Нерона и кажущагося возрожденія республиканскихъ идей послѣ возстанія Гальбы всякое чутье дѣйствительности, даже огромное большинство оппозиціи не могло не признать несомнѣннаго факта неизбѣжности монархической власти принцепса. Монархическій характеръ принципата былъ признанъ всѣми, и оппозиція направлена не противъ монархіи какъ таковой, а противъ произвола.

Уже въ эпоху Веспасіана и Тита монархическая оппозиція находила достаточно матеріала для жалобъ и протеста. Авторитетное обращеніе Веспасіана съ сенатомъ, его рѣшительныя мѣры по очисткѣ и пополненію сената, изгнаніе философовъ и казнь Гельвидія, наконецъ особенно рядъ другихъ произвольныхъ казней, приписанныхъ личному вліянію Тита, все это вмѣстѣ давало поводъ къ разнаго рода оппозиціоннымъ рѣчамъ и намекамъ. Съ другой стороны, однако, заслуги Веспасіана были слишкомъ несомнѣнны, чтобы эта оппозиція могла сдѣлаться болѣе ожесточенной; да съ формальной стороны даже его отношеніе къ сенату не могло быть признано вызывающимъ.

Дѣло мѣняется, когда принципатъ переходитъ къ Домиціану. Пріобрѣтеніе цензорской власти рѣзко нарушаетъ кажущееся равновѣсіе полномочій принцепса и сената, его обращеніе съ сенатомъ становится высокомѣрно-презрительнымъ, а его нескрываемыя претензіи на званіе государя и бога доказываютъ, что онъ желаетъ придать своей власти именно тотъ характеръ, который ненавистенъ большинству сената и части остального общества. Недовольство, утихшее за немногіе годы единоличнаго управленія Тита, снова быстро возрастаетъ и находитъ себѣ выраженіе въ возстаніи и заговорахъ, въ возрастающей подозрительности власти и въ открытой рѣзкой оппозиціи части общества.

Выше мы уже замѣтили, что наши источники не даютъ

намъ возможности нарисовать полную картину общественныхъ настроеній эпохи. Если бы мы повѣрили тѣмъ писателямъ, произведенія которыхъ появились въ эпоху Флавіевъ и въ частности въ эпоху Домиціана, мы бы могли себѣ составить совершенно ложное представленіе объ отношеніи общества къ новой династіи. Не только Марціалъ, Стацій и Силій, но и Плиній Старшій [1]), не дожившій, впрочемъ, до принципата Домиціана, и Квинтиліанъ [2]) только и дѣлаютъ, что восхваляютъ властителей. По словамъ Квинтиліана, напримѣръ, Домиціанъ подарилъ власть отцу и брату и самъ посвятилъ себя поэзіи; онъ одновременно является и величайшимъ изъ поэтовъ и замѣчательнѣйшимъ ораторомъ: Квинтиліанъ обращается къ нему съ мольбой, чтобы удостоиться его божественной под-

---

[1]) Plin. Nat. Hist. praef. ad l. I: triumphalis et censorius tu (т-е. Титъ, которому Плиній посвящаетъ свой трудъ), sexiesque consul, ac tribuniciae potestatis particeps: et quod his nobilius fecisti, dum illud patri pariter et equestri ordini praestas, praefectus praetorio eius: *omniaque haec reipublicae*... nec quicquam in te mutavit fortunae amplitudo, nisi ut prodesse tantundem posses, ut velles... fulgurat in nullo unquam verius dicta vis eloquentiae, tribuniciae potestatis facundia... Te quidem in excelsissimo humani generis fastigio positum, summa eloquentia, summa eruditione praeditum, religiose adire etiam a salutantibus scio. Et ideo subit cura, ut quae tibi dicantur te digna sint... nec ulli fuit vitio deos colere quoquo modo posset... Плиній самъ принадлежалъ къ сословію всадниковъ и умеръ начальникомъ мизенскаго флота.

[2]) Inst. orat. praef. ad l. IV: nova insuper mihi diligentiae causa et altior sollicitudo, quale indicium hominum emererer, accessit... Cum vero mihi Domitianus Augustus sororis suae nepotum delegaverit curam, non satis honorem iudiciorum coelestium intelligam, nisi ex hoc oneris quoque magnitudinem metiar. Quis enim mihi aut mores excolendi sit modus, ut eos non immerito probaverit sanctissimus censor? aut studia ne fefellisse in his videar principem ut in omnibus ita in eloquentia quoque eminentissimum?.. nunc omnes in auxilium deos ipsumque in primis quo neque praesentius aliud, nec studiis magis propitium numen est, invocem. Ср. ib. 10, 1, 91: hos nominavimus, quia Germanicum Augustum ab institutis studiis deflexit cura terrarum, parumque diis visum est esse eum maximum poetarum. Quid tamen his ipsis eius operibus, in quae *donato imperio* iuvenis secesserat, sublimius, doctius, omnibus denique numeris praestantius? Quis enim caneret bella melius, quam qui sic gerit? и т. д.

держки въ предпринятомъ имъ трудѣ и не знаетъ, какъ заслужить выпавшую на его долю честь быть воспитателемъ наслѣдниковъ „святѣйшаго цензора“. И несмотря на эту грубую лесть, заклятый врагъ Домиціана Плиній Младшій отзывается съ полнымъ почтеніемъ о Квинтиліанѣ, который былъ и его учителемъ. Дѣло въ томъ, что подобнаго рода фразы при данныхъ условіяхъ признавались обязательными и неизбѣжными: еще со временъ Августа болѣе или менѣе неумѣренное восхваленіе даннаго принцепса вошло въ нравы, и намъ представляется совершенно излишнимъ останавливаться на отзывахъ поэтовъ эпохи Флавіевъ о Веспасіанѣ, Титѣ и Домиціанѣ [1]).

Мы не нуждаемся въ ихъ свидѣтельствѣ, чтобы знать, что значительная часть общества относилась равнодушно къ политическимъ вопросамъ и желала только одного, внутренняго мира и спокойствія. Но и среди той не менѣе значительной части общества, которая еще не потеряла интереса къ общественнымъ дѣламъ, огромное большинство ограничивалось глухимъ недовольствомъ и тщательно старалось скрыть его отъ принцепса. Тацитъ и Плиній Младшій добились при Домиціанѣ претуры, а затѣмъ вѣроятно и намѣстничества, а Агрикола назначилъ его однимъ изъ своихъ наслѣдниковъ, чѣмъ по словамъ Тацита Домиціанъ будто бы очень гордился, забывая „что хорошій отецъ назначаетъ наслѣдникомъ только дурного принцепса“. Во всякомъ случаѣ ясно, что если даже эти люди ничѣмъ не рѣшались проявить свое несомнѣнное недовольство, то большинство сената поступало не иначе.

---

[1]) Болѣе любопытно было бы разсмотрѣть произведенія Іосифа Флавія, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ особенно его изложеніе еврейской войны искажено стремленіемъ угодить Веспасіану и особенно Титу, но такъ какъ въ связи съ этимъ пришлось бы коснуться общаго вопроса о достовѣрности Іосифа, то это завело бы насъ слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ онъ сознательно стремится по возможности подчеркнуть опасность войны и значеніе побѣды Тита, весь военный престижъ котораго былъ связанъ съ подавленіемъ этого возстанія.

Дѣятельная оппозиція противъ Домиціана опять исходитъ отъ авантюристовъ, сознательно ставящихъ на карту все свое существованіе, чтобы воспользоваться общимъ недовольствомъ для достиженія личныхъ благъ, съ одной стороны и отъ небольшой кучки идеалистовъ съ другой. Аруленъ Рустикъ, Геренній Сенеціонъ, Гельвидій Прискъ сынъ, и Куріацій Матернъ, всѣ люди такъ или иначе тѣсно связанные съ прежней оппозиціей противъ Веспасіана, но не подвергшіеся тогда по указанной выше причинѣ преслѣдованію, выступаютъ противъ тирана и одинъ за другимъ погибаютъ.

Уже въ 89 году Домиціанъ, какъ мы видѣли, снова изгналъ философовъ изъ Рима [1]), въ 91 году былъ казненъ Куріацій Матернъ „за то, что говорилъ противъ тирановъ“ [2]), въ 94 и 95 году „онъ казнилъ Рустика Арулена за то, что онъ былъ преданъ философіи и называлъ Θразею святымъ, а Геренніа Сенеціона за то, что онъ послѣ того, какъ былъ квесторомъ, за всю свою долгую жизнь не искалъ ни одной магистратуры, и за то, что онъ составилъ біографію Гельвидія Приска. Тогда же погибли еще и очень многіе другіе, все потому же, что они были увлечены философіей, а всѣ остальные снова были изгнаны изъ Рима“ [3]). Въ числѣ другихъ тогда былъ казненъ и Гельвидій Прискъ — сынъ за то, что въ одномъ его драматическомъ произведеніи были усмотрѣны намеки на разводъ Домиціана съ Домитиллой [4]). Ссылкѣ

[1]) Eusebius-Hier. стр. 160—161 къ 2105 году.

[2]) Dio 67, 12, 5; ср. выше стр. 153 прим. 4.

[3]) Dio 67, 13, 2—3: τὸν γὰρ δὴ Ῥούστικον τὸν Ἀρουλῆνον ἀπέκτεινεν ὅτι ἐφιλοσόφει καὶ ὅτι τὸν Θρασέαν ἱερὸν ὠνόμαζε, καὶ Ἐρέννιον Σενεκίωνα ὅτι τε οὐδεμίαν ἀρχὴν ἐν πολλῷ βίῳ μετὰ τὴν ταμιείαν ἠτήκει καὶ ὅτι τοῦ Πρίσκου τοῦ Ἑλουιδίου τὸν βίον συνέγραψεν. ἄλλοι τε ἐκ τῆς αὐτῆς ταύτης τῆς κατὰ τὴν φιλοσοφίαν αἰτίας συχνοὶ διώλοντο, καὶ οἱ λοιποὶ πάντες ἐξηλάθησαν αὖθις ἐκ τῆς Ῥώμης. Ср. Eusebius-Hier, стр. 162—163 къ 2111 году. Suet, Dom. 10: Junium Rusticum, quod Paeti Thraseae et Helvidi Prisci laudes edidisset appellassetque eos sanctissimos viros; cuius criminis occasione philosophos omnis urbe Italiaque summovit.

[4]) Suet. Dom. ib.: occidit et Helvidium filium, quasi scaenico exodio sub persona Paridis et Oénones divortium suum cum uxore taxasset.

подверглись братъ Рустика, Юній Маврикъ [1]), нѣкій Метій Модестъ [2]), дочь Ѳразеи и жена Гельвидія Приска Старшаго, Фаннія, по просьбѣ которой Геренній Сенеціонъ составилъ біографію послѣдняго респубиканца [3]), вдова Ѳразеи Пета и мать Фаннии, Аррія [4]), наконецъ нѣкая Верулана Гратилла [5]). Въ числѣ философовъ, принужденныхъ покинуть Римъ, былъ зять Музонія Руфа, Артемидоръ, съ которымъ Плиній Младшій былъ въ такихъ же добрыхъ отношеніяхъ, какъ съ большинствомъ пострадавшихъ въ это время [6]), и Эпиктетъ [7]).

Если повѣрить нашимъ источникамъ, то всѣ эти казни и ссылки представляются совершенно нелѣпыми и непонятными. Всѣ они, Тацитъ и Плиній, Светоній и Діонъ Кассій объя-

---

[1]) Plin. ep. 3, 11, 3: septem amicis meis aut occisis aut relegatis, occisis Senecione Rustico Helvidio, relegatis Maurico Gratilla Arria Fannia. Ср. Tac. Agr. 45. Его восхваляетъ и Марціалъ 5, 28.

[2]) Plin. ep. 1, 5, 5: nitebamur nos in parte causae sententia Meti Modesti, optimi viri: is tunc in exilio erat, a Domitiano relegatus. Онъ впрочемъ былъ сосланъ еще до казни Рустика, ib: aderam Arionillae, Timonis uxori, rogatu Aruleni Rustici.

[3]) Plin. ep. 7, 19, 3—6: animus tantum et spiritus viget Helvidio marito, Thrasea patre dignissimus; reliqua labuntur... bis maritum in exilium secuta est (при Неронѣ и при Веспасіанѣ), tertio ipsa propter maritum relegata. Nam cum Senecio reus esset, quod de vita Helvidi libros composuisset, rogatumque se a Fannia in defensione dixisset, quaerente minaciter Metio Caro an rogasset respondit „rogavi“, an commentarios scripturo dedisset, „dedi“, an sciente matre, „nesciente“: postremo nullam vocem cedentem periculo emisit. quin etiam illos ipsos libros, quamquam ex necessitate et metu temporum abolitos senatus consulto, publicatis bonis servavit, habuit, tulitque in exilium exilii causam. Гельвидій Прискъ младшій былъ ея пасынкомъ.

[4]) Prosop. 1, 142 N. 917.

[5]) Prosop. 3, 406 N. 289. Epict. diss. 2, 7, 8.

[6]) Plin. ep. 3, 11, 1—2; ib. 4: C. Musonium, socerum eius... Ср. Paneg. 47: quem honorem dicendi magistris, quam dignationem sapientiae doctoribus habes! Ut sub te spiritum et sanguinem et patriam receperunt studia! quae priorum temporum immanitas exiliis puniebat, cum sibi vitiorum omnium conscius princeps inimicas vitiis artes non odio magis quam reverentia relegaret.

[7]) Aul. Gell., noct. att. 15, 11, 4: etiam Domitiano imperante senatus consulto eiecti (philosophi) atque urbe et Italia interdicti sunt. Qua tempestate Epictetus quoque philosophus... Nicopolim Roma decessit.

сняютъ терроръ послѣднихъ лѣтъ Домиціана исключительно гнусностью его кровожаднаго характера и желаніемъ устранить людей, чистота взглядовъ и жизни которыхъ служила живымъ укоромъ полному всякихъ пороковъ „святѣйшему цензору“ [1]). На самомъ дѣлѣ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ такъ просто. Домиціанъ не былъ такимъ нелѣпо-взбалмошнымъ деспотомъ, какъ Гай, и если онъ прибѣгнулъ къ крайнимъ мѣрамъ, то онъ несомнѣнно былъ субъективно вполнѣ увѣренъ въ ихъ необходимости для прочности своей собственной власти. Вся его дѣятельность вызывала постоянно усиливавшееся недовольство, въ существованіи котораго онъ не могъ сомнѣваться: возстаніе Сатурнина должно было убѣдить его, что безпокойные элементы уже чуютъ возможность переворота, а въ то же время въ самомъ Римѣ раздаются смѣлые голоса, протестующіе противъ тираніи или восхваляющіе послѣднихъ представителей республиканскаго времени. Не слѣдуетъ забывать, какую роль по преданію, хотя и ложному, игралъ Ѳразея при Неронѣ, какую роль въ дѣйствительности игралъ Гельвидій Прискъ при Веспасіанѣ. Восхваленіе ихъ было равносильно не только осужденію его дѣятельности, но и восхваленію республики. Можно, разумѣется, сомнѣваться, стоило ли прибѣгать къ такимъ жестокостямъ противъ совершенно платоническаго, какъ оказалось, движенія, но признать мѣры Домиціана результатомъ безсмысленной кровожадности также едва ли возможно. Деспотъ по натурѣ и взглядамъ, онъ съ обычной энергіей рѣшаетъ уничтожить въ корнѣ движеніе, доставившее серіозное безпокойство уже его отцу, тѣмъ болѣе, что вліяніе философовъ на молодежь могло содѣйствовать дальнѣйшему распространенію ненавистныхъ ему взглядовъ.

На первый взглядъ успѣхъ остался на сторонѣ власти. Сенатъ по необходимости не только постановилъ изгнать фи-

[1]) Plin. paneg. 47.

лософовъ и уничтожить сочиненія, содержаніе которыхъ было признано преступнымъ [1]), но присудилъ къ казни или ссылкѣ всѣхъ, на кого ему было указано. Плиній Младшій впослѣдствіи гордился тѣмъ, что онъ тайкомъ пробрался въ подгородную виллу, гдѣ временно скрывался Артемидоръ, и помогъ ему выбраться изъ Италіи [2]), но это не мѣшало ему принять участіе въ постановленіяхъ сената, которыми осуждались его „друзья“. Тацитъ гораздо откровеннѣе, съ откровенностью человѣка, глубоко чувствовавшаго недостойность своего поведенія и страдавшаго отъ этого сознанія, признаетъ, что весь сенатъ и онъ самъ въ томъ числѣ былъ виновенъ въ жестокостяхъ этого времени, такъ какъ не сдѣлалъ рѣшительно ничего, чтобы воспрепятствовать имъ [3]). Сенатъ несомнѣнно былъ возмущенъ политикой Домиціана, но онъ слишкомъ хорошо сознавалъ все свое безсиліе, всю невозможность бороться съ всемогущимъ принцепсомъ, покуда придворная челядь и войско были на его сторонѣ, а масса населенія оставалась равнодушнымъ къ политическимъ вопросамъ зрителемъ совершавшихся въ Римѣ событій.

Основная причина безсилія активной и пассивной сенатской оппозиціи, какъ мы уже замѣтили, заключалась въ ея изолированности, которая въ свою очередь непосредственно проистекала изъ эгоистическаго характера сенатскихъ идеаловъ. Сенатъ никогда не могъ забыть своей старой вражды къ народу, никогда не могъ или не хотѣлъ понять, что именно въ этой враждѣ заключалась причина возникновенія и упроченія принципата. Оппозиція опиралась не на сочувствіе народа, которое она могла себѣ обезпечить только защитой его матеріальныхъ и иныхъ интересовъ, а на философскія идеи и логическія соображенія объ истинномъ ха-

[1]) Ср. выше стр. 252 пр. 3.
[2]) Plin. ep. 3, 11.
[3]) Tac. Agr. 45. Ср. выше.

рактерѣ монархической власти и на традиціонныя права сената. Ея недовольство въ крайнемъ случаѣ проявлялось въ рѣчахъ и памфлетахъ и въ общемъ не имѣло непосредственно никакого серіознаго практическаго значенія. Опасность его для власти заключалась исключительно въ томъ, что оно усиливало нервную подозрительность власти, заставляло послѣднюю дѣлать ошибки и расчищало такимъ образомъ путь для заговоровъ, которые рано или поздно устраняли даннаго принцепса, но не устраняли тѣхъ недостатковъ въ организаціи принципата, которые во всякое время могли дать обильный матеріалъ для возрожденія того же недовольства.

Причина, почему принципатъ побѣдилъ сенатъ, заключается такимъ образомъ въ томъ, что при нормальныхъ условіяхъ не сенатъ, а принцепсъ являлся представителемъ общегосударственныхъ интересовъ, а при ненормальныхъ условіяхъ, т.-е. въ случаѣ тираническихъ злоупотребленій властью со стороны принцепса, отъ нихъ больше всего страдало непосредственно окружавшее его общество съ сенатомъ во главѣ, которое и устраняло даннаго тирана, чтобы затѣмъ снова предоставить заботу объ интересахъ государства его преемнику, добиваясь для себя не правъ и участія въ этихъ заботахъ, а только сословныхъ привилегій. Слово объ „абсолютной монархіи, ограниченной убійствомъ“ ни къ одному государству не можетъ быть примѣнено съ такимъ правомъ, какъ къ римской имперіи.

Гибель Домиціана исходила не отъ сената, а отъ придворной челяди и тѣмъ не менѣе она стояла въ самой тѣсной связи съ недовольствомъ сената. Убійство „государя и бога“ и послѣдующія уступки Нервы и Траяна доказали, что Домиціанъ такъ же мало понималъ свое время, какъ Гельвидій Прискъ. Съ гибелью Приска запоздалая попытка возродить республиканскую идею навсегда отошла въ область преданія, съ гибелью Домиціана на много десятилѣтій за-

глохла мысль о превращеніи принципата въ монархію эллинистическаго типа.

Республиканская и деспотическая идея оказались равно неосуществимыми. Наступаетъ время римскаго просвѣщеннаго абсолютизма, щадящаго философско-политическіе идеалы и практическіе интересы интеллигенціи и усматривающаго смыслъ своего существованія въ служеніи государству. Если Шиллеръ говоритъ спеціально про Гадріана, что онъ „въ полномъ смыслѣ слова былъ первымъ слугой государства“ [1]), то тоже самое съ полнымъ правомъ можно стазать про его двухъ предшественниковъ и двухъ преемниковъ. Если греческая идея идеальной монархіи когда либо была близка къ осуществленію, то это было именно въ эпоху этихъ пяти принцепсовъ. Въ этомъ и заключается причина, почему общество, вообще говоря, такъ сочувственно отнеслось къ преемникамъ Домиціана, почему Тацитъ могъ привѣтствовать совмѣщеніе „свободы и власти“ [2]). Катонъ и Брутъ или даже Гельвидій Прискъ, правда, едва ли могли бы признать, чтобы абсолютная монархія Антониновъ обезпечивала свободу въ ихъ смыслѣ, въ смыслѣ свободнаго участія въ политической жизни государства, но современники Траяна и Гадріана были довольны „счастливыми условіями времени, при которыхъ можно думать, что хочешь и говорить, что думаешь“ [3]) Если принцепсы измѣнили свой взглядъ на принадлежавшую имъ власть, то общество измѣнило свой взглядъ на ту свободу, на которую оно имѣло право. Эпоха Флавіевъ представляетъ то критическое время, когда горькій опытъ принудилъ обѣ стороны къ уступкамъ, обезпечившимъ имперіи девяносто лѣтъ сравнительно спокойнаго развитія.

---

[1]) Schiller, Gesch. 1, 605.

[2]) Tac. Agr. 3.

[3]) Tac. Hist. 1, 1: rara temporum felicitate, ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet.

ГЛАВА IV.

Эпоха Нервы и Траяна.

§ 1.

Нерва.

Дворцовая революція, приведшая къ давно ожидаемой частью общества [1]) гибели Домиціана, не повлекла за собой общаго потрясенія внутренняго порядка имперіи. Сенатъ и значительная часть интеллигенціи, какъ мы видѣли, отнеслись къ ней съ восторженнымъ сочувствіемъ, а масса римскаго и провинціальнаго населенія, несмотря на заботы Домиціана о немъ, взглянула вполнѣ равнодушно на замѣну одного императора другимъ [2]). Да это и вполнѣ естественно: безспорно внимательное управленіе Домиціана не отличалось никакими выдающимися по своему блеску чертами и само по себѣ не могло заинтересовать массы и не могло привлечь ея фантазіи

[1]) Suet. Dom. 23: Ante paucos quam occideretur menses cornix in Capitolio elocuta est: ἔσται πάντα καλῶς. nec defuit qui ostentum sic interpretaretur:

Nuper Tarpeis quae sedit culmine cornix
Est bene non potuit dicere, dixit: erit.

Ср. Dio ep. 67, 18, 1—2 разсказъ о томъ, какъ Аполлоній Тіанскій въ самый день убійства Домиціана въ Эфесѣ воскликнулъ καλῶς Στέφανε, εὖγε, Στέφανε. παῖε τὸν μιαίφονον, ἔπληξας, ἔτρωσας, ἀπέκτεινας. Діонъ прибавляетъ: τοῦτο μὲν οὕτως ἐγένετο, κἂν μυριάκις τις ἀπιστήσῃ.

[2]) Suet. Dom. 23: occisum eum populus indifferenter.. tulit.

на свою сторону. Еще Тацитъ замѣчаетъ, что принцепсъ раздѣляетъ славу хорошаго управленія со всѣми должностными лицами, тогда какъ всѣ недостатки политики и администраціи приписываются ему одному [1]). А такъ какъ всякаго рода неудачныя мѣры представлялись неизбѣжными даже при самомъ внимательномъ отношеніи принцепса—къ числу ихъ при Домиціанѣ, напримѣръ, принадлежитъ насильственное сокращеніе занятой виноградниками площади италіанскихъ и провинціальныхъ земель, цѣлью котораго было искусственное возрожденіе хлѣбопашества [2]) — то среди населенія всегда имѣется налицо извѣстное количество недовольства, расхолаживающаго его чувства по отношенію къ власти. Вдобавокъ трудно было бы сказать, въ чемъ могло бы проявиться недовольство населенія по поводу убійства императора: лишенное всякаго участія въ общей политической жизни имперіи, оно именно при нормальныхъ условіяхъ, т.-е. если оно не было доведено до отчаянія политикой власти или усложненіемъ соціально-экономическихъ условій, естественно представляло жертву совершавшихся въ Римѣ событій и пассивно принимало всякаго императора. Лишь въ случаяхъ накопившагося за многіе годы крайняго ожесточенія, какъ, напримѣръ, въ 68 и слѣдующихъ годахъ, а затѣмъ послѣ гибели Коммода, и масса населенія могла выйти изъ своего обычнаго пассивнаго состоянія и подготовить почву для грандіозныхъ внутреннихъ войнъ и смутъ. Гораздо болѣе любопытно, что и населеніе столицы, находившееся въ болѣе благопріятномъ положеніи для проявленія своихъ политическихъ настроеній, осталось спокойнымъ зрителемъ совершившагося убійства

[1]) Tac. Ann. 3, 53 (рѣчь Тиберія): et cum recte factorum sibi quisque gratiam trahant, unius invidia ab omnibus peccatur.

[2]) Suet. Dom. 7: ad summam quondam ubertatem vini, frumenti vero inopiam existimans nimio vinearum studio neglegi arva, edixit, ne quis in Italia novellaret, utque in provinciis vineta succiderentur, relicta ubi plurimum dimidia parte; nec exequi rem perseveravit.

императора, забавлявшаго его великолѣпными зрѣлищами и всячески стремившагося привлечь его на свою сторону дарами и заботой о его продовольствіи. Рѣдко кто изъ императоровъ такъ сознательно добивался народнаго сочувствія, какъ Домиціанъ и если ему это такъ мало удалось, то причина по всему вѣроятію заключалась въ холодной надменности его натуры, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться даже въ циркѣ и въ театрѣ [1]), съ одной, во вліяніи сенаторовъ и ихъ кліентовъ и въ избалованности римской черни съ другой стороны. Эта чернь также не сдѣлала бы ничего для устраненія Домиціана и, если бы онъ остался живъ, съ любопытствомъ слѣдила бы за казнями заговорщиковъ и принимала бы новые дары отъ ихъ палача, но она не могла чувствовать истинной привязанности къ суровому брату Тита.

Учрежденіемъ, на которомъ безспорно покоились всѣ надежды Домиціана, было войско и въ частности преторіанцы. Одно уже тяжелое для государственной казны увеличеніе его содержанія на 33% должно было обезпечить популярность Домиціана среди войска [2]), А между тѣмъ мы ничего не узнаемъ о крупныхъ военныхъ мятежахъ. Только въ Римѣ преторіанцы отнеслись съ крайнимъ раздраженіемъ къ гибели ихъ императора, но и тутъ они по недостатку вождей не успѣли отомстить за его смерть или провозгласить угоднаго имъ принцепса. Ихъ волненіе, правда, улеглось не сразу и только Траяну, какъ мы увидимъ, удалось успокоить ихъ строгими мѣрами [3]). Во всякомъ случаѣ можно было ожидать худшаго, если вспомнить событія послѣ смерти Гая и послѣ гибели Нерона. Среди провинціальныхъ войскъ спокойствіе, повидимому, вовсе не было серіозно нарушено: только изъ біографіи Діона Хрисостома мы знаемъ, что мѣстами проис-

[1]) Dio 69, 6, 1.
[2]) См. выше стр. 136—137.
[3]) См. ниже.

ходили волненія, но что ихъ удалось подавить безъ всякаго труда [1]).

Спокойствіе войска послѣ катастрофы 96 года лучше всего доказываетъ, что обычное представленіе о безусловномъ господствѣ военнаго элемента въ политической жизни имперіи сильно преувеличено. Войско лишь тогда становится активнымъ факторомъ внутренней эволюціи имперіи, когда оно сознательно или безсознательно является выразителемъ общаго недовольства. Разъ масса населенія въ общемъ довольна, мы встрѣчаемъ единичные мятежи, вызванные спеціальными условіями военной организаціи имперіи (напримѣръ, въ 14 году), но не видимъ массовыхъ движеній, охватывающихъ всю имперію. Дисциплина въ римскихъ войскахъ была едва ли хуже чѣмъ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ. Даже преторіанская гвардія, и та въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ имперіи отнюдь не заслуживаетъ упрека въ хроническомъ мятежномъ настроеніи. Кромѣ 68 года масса преторіанцевъ также мало участвуетъ въ переворотахъ какъ остальныя войска: иниціатива и осуществленіе переворотовъ 41, 68 и 96 года принадлежитъ преторіанскимъ трибунамъ и центуріонамъ. Въ 41 году преторіанцы негодуютъ по поводу убійства Гая [2]), въ 68 году Нимфидій Сабинъ съ трудомъ подымаетъ ихъ противъ Нерона [3]), въ 96 году они готовы отомстить за До-

---

[1]) Philostr. v. soph. p. 206 (ed. Kayser т. II стр. 8): θαμίζων δὲ ἐς τὰ στρατόπεδα, ἐν οἷσπερ εἰώθει τρύχεσθαι, καὶ τοὺς στρατιώτας ὁρῶν ἐς νεώτερα ὁρμῶντας ἐπὶ Δομετιανῷ ἀπεσφαγμένῳ οὐκ ἐφείσατο ἀταξίαν ἰδὼν ἐκραγεῖσαν, ἀλλὰ γυμνὸς ἀναπηδήσας ἐπὶ βωμὸν ὑψηλὸν ἤρξατο τοῦ λόγου ὧδε.

αὐτὰρ ὁ γυμνώθη ῥακέων πολυμήτις Ὀδύσσευς,

καὶ εἰπὼν ταῦτα καὶ δηλώσας ἑαυτόν, ὅτι μὴ πτωχός, μηδὲ ὃν ὤοντο, Δίων δὲ εἴη ὁ σοφὸς, ἐπὶ μὲν τὴν κατηγορίαν τοῦ τυράννου πολὺς ἔπνευσεν, τοὺς δὲ στρατιώτας ἐδίδαξεν ἀμείνω φρονεῖν τὰ δοκοῦντα Ῥωμαίοις πράττοντας. καὶ γὰρ ἡ πειθὼ τοῦ ἀνδρὸς οἵα κἀταθέλξαι καὶ τοὺς μὴ τὰ Ἑλλήνων ἀκριβοῦντας. Ср. v. Arnim, loc. cit. стр. 309 сл.

[2]) См. томъ I стр. 400 сл.

[3]) См. выше стр. 33 пр. 4.

миціана и въ концѣ концовъ добиваются наказанія главныхъ виновниковъ его смерти [1]). Если преторіанцы послѣ переворотовъ наоборотъ нескоро успокаиваются—послѣ смерти Гая они нѣсколько дней грабятъ дворцы, послѣ гибели Нерона примыкаютъ къ Оѳону и играютъ видную роль въ борьбѣ Веспасіана съ Вителліемъ, послѣ убійства Домиціана они долгое время плохо признаютъ авторитетъ Нервы, — то въ этомъ въ свою очередь нѣтъ ничего удивительнаго. Убійство императора не можетъ не подорвать дисциплины и можно только удивляться, что она такъ скоро возстанавливается.

Критическимъ моментомъ въ развитіи имперіи вообще, въ исторіи политическаго вліянія военнаго элемента въ частности долженъ быть признанъ конецъ второго и особенно третій вѣкъ. Впослѣдствіи намъ придется остановиться на разсмотрѣніи еще далеко недостаточно выясненныхъ внутреннихъ причинъ этого грандіознаго кризиса въ жизни римскаго государства и мы тогда убѣдимся, что и тутъ военная анархія объясняется глубокимъ недовольствомъ всего римскаго общества.

Здѣсь достаточно будетъ отмѣтить, что переворотъ 96 года произошелъ съ поразительной легкостью и спокойствіемъ и что спокойствіе населенія и войска дѣлали императорскій дворъ и сенатъ господами положенія. Дворъ задумалъ и провелъ революцію; онъ не только устранилъ одного императора, но самъ рѣшилъ и вопросъ о его преемникѣ. Заговорщики, какъ мы видѣли, принадлежали большей частью къ вліятельнѣйшимъ вольноотпущенникамъ, очевидно разсчитывавшимъ на молчаливое сочувствіе сената и всѣхъ сановниковъ имперіи, но принужденнымъ искать кандидата на престолъ внѣ своей среды среди сенаторовъ. Уже одинъ этотъ фактъ самъ по

[1]) Suet. Dom. 28: occisum eum... miles gravissime tulit, statimque Divum appellare conatus est, paratus et ulcisci, nisi duces defuissent; quod quidem paulo post fecit, expostulatis ad poenam pertinacissime caedis auctoribus.

себѣ долженъ былъ снова увеличить въ концѣ потрясенный авторитетъ сената. А между тѣмъ къ этому необходимо прибавить, что успѣхъ заговора былъ тѣсно связанъ съ ненавистью сената къ Домиціану, а признаніе новаго императора намѣстниками въ значительной мѣрѣ зависѣло опять-таки отъ отношенія сената къ нему. Провозглашенный по иниціативѣ придворной челяди императоръ очевидно долженъ былъ опереться на сочувствіе сената, такъ какъ о дѣятельномъ сочувствіи войска и народа не могло быть и рѣчи.

Императоръ Нерва Цезарь Августъ [1]) несомнѣнно вполнѣ сознавалъ всю шаткость своего положенія и всю свою нравственную зависимостъ отъ сената. По своему происхожденію

---

[1]) Имя см. Prosop. 1, 429 № 974. Источники особенно скудны для эпохи Нервы и Траяна. Тацитъ (въ біографіи Агриколы) даетъ лишь нѣсколько любопытныхъ замѣчаній относительно разныхъ теченій общественной мысли вскорѣ послѣ гибели Домиціана. Плиній Младшій даетъ рядъ характерныхъ анекдотовъ (въ перепискѣ) и крайне одностороннюю, хотя и въ высшей степени важную общую характеристику первыхъ временъ Траяна (въ панегирикѣ); въ остальномъ его произведенія болѣе интересны для интимной, домашней и литературной, чѣмъ для политической жизни общества. Его переписка съ Траяномъ даетъ представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ между императоромъ и намѣстниками и о степени упадка городского самоуправленія. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что Виѳинія, намѣстникомъ которой былъ Плиній, находилась въ исключительномъ положеніи: упадокъ мѣстной жизни дошелъ здѣсь до такой степени, что оказалось необходимымъ передать эту провинцію изъ вѣденія сената въ вѣденіе императора. Біографіи Светонія кончаются Домиціаномъ, позднѣйшій сборникъ біографій (scriptores historiae Augustae) начинается съ жизнеописанія Гадріана. Со времени принципата послѣдняго мы располагаемъ также отсутствующими для Нервы и Траяна данными Юстиніанова кодекса. Діонъ Кассій сохранился только въ скудныхъ и безпорядочныхъ византійскихъ выдержкахъ, но по прежнему является нашимъ главнымъ источникомъ. Эвтропій, Аврелій Викторъ и т. д. еще менѣе содержательны.—Поэты даютъ много матеріала для нравственной и умственной, но очень мало для политической жизни общества. Тоже самое относится къ философамъ и риторамъ кромѣ Діона Хрисостома. Надписи даютъ массу очень важныхъ свѣдѣній какъ о внѣшней такъ и о внутренней (напр. административной) исторіи эпохи, но не имѣютъ почти никакого значенія для занимающаго насъ вопроса. То же самое относится и къ монетамъ.

онъ принадлежалъ къ новой императорской знати [1]): уже его прадѣдъ Маркъ Кокцей Нерва былъ консуломъ (въ 35 году до нашей эры); его дѣдъ знаменитый юристъ, ученикъ Лабеона, также Маркъ Кокцей Нерва, былъ консуломъ при Тиберіи и настолько близокъ съ нимъ, что вмѣстѣ съ нимъ удалился изъ Рима и раздѣлялъ его добровольное уединеніе, покуда страшныя казни послѣднихъ лѣтъ Тиберія не привели его въ 33 году къ рѣшенію покончить съ собою голодомъ [2]). Отецъ императора Нервы также былъ юристомъ и ссылки на его рѣшенія и произведенія неоднократно встрѣчаются въ дигестахъ [3]). Выдающееся положеніе предковъ поставило самого будущаго императора сразу въ очень благопріятное положеніе и онъ сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ Нерона, поэтическія наклонности котораго онъ раздѣлялъ: Неронъ называлъ его своимъ Тибулломъ [4]), а Плиній младшій защищаетъ себя отъ упрековъ въ легкомысленности своихъ эпиграммъ указаніемъ на то, что въ числѣ другихъ этимъ былъ грѣшенъ и божественный Нерва [5]). Въ 65 году онъ уже былъ десигнированнымъ преторомъ (изъ чего заключаютъ, что онъ родился въ 35 году) [6]) и, какъ мы видѣли, игралъ немаловажную роль въ раскрытіи пизоновскаго заговора, за что и былъ награжденъ инсигніями тріумфатора [7]). Ни до ни послѣ этого времени онъ ни въ чемъ не проявлялъ самостоятельнаго отно-

---

[1]) Eutr. 8, 1: nobilitatis mediae. Ср. Prosop. 1, 427—430, № 970—974.

[2]) Tac. Ann. 6, 26: omnis divini humanique iuris sciens. Ср. Dig. 1, 2, 2, 48. (Pomponius).

[3]) Pomponius Dig. 1, 2, 2, 52. Ср. Lenel, Palingensia iur. rom. civ. т. I, стр. 791.

[4]) Mart. 8, 70, 7: Sed tamen hunc nostri scit temporis esse Tibullum,
Carmina qui docti nota Neronis habet.
Ср. id. 9, 26, 9: Ipse tuas etiam veritus Nero dicitur aures
Lascivum iuvenis cum tibi lusit opus.

[5]) Plin. ep. 5, 3, 5: et si non sufficiunt exempla privata, divum Iulium, divum Augustum, divum Nervam, Tiberium Caesarem?

[6]) Prosop. 1, 430 № 974.

[7]) См. выше стр. 25.

шенія къ политическимъ вопросамъ. Человѣкъ, который былъ вознагражденъ за преслѣдованіе заговора, къ которому прямо или косвенно примыкали всѣ лучшіе люди Рима, очевидно не отличался сильными общественными инстинктами и какъ при Клавдіяхъ, такъ и при Флавіяхъ продолжалъ быть вѣрнымъ слугой даннаго императора. Веспасіанъ наградилъ его ординарнымъ консулатомъ въ 71 году, Домиціанъ—въ 90 году, слѣдовательно уже послѣ заговора Сатурнина.

Если шестидесятилѣтній старикъ съ такимъ почетнымъ и спокойнымъ прошлымъ согласился встать во главѣ заговора противъ Домиціана, то это произошло очевидно подъ давленіемъ крайней необходимости и поэтому нѣтъ основанія сомнѣваться въ показаніи Діона, что подозрительность Домиціана уже готовила смерть ему самому и что успѣхъ заговора одинъ могъ спасти его отъ гибели [1]). Не принципіальная вражда къ тирану и не забота о государствѣ, а необходимость предупредить готовящійся ударъ заставила Нерву протянуть руку, чтобы захватить императорскую власть.

Тѣмъ не менѣе принципатъ при немъ естественно теряетъ тотъ демонстративно-деспотическій характеръ, который Домиціанъ постарался ему придать. Полуоффиціальные титулы бога и государя исчезаютъ вмѣстѣ съ званіемъ, но не съ полномочіями постояннаго цензора [2]); Нерва отказывается также отъ 24 ликторовъ, сопровождавшихъ Домиціана, и отъ другихъ внѣшнихъ отличій, коими послѣдній постарался увеличить внѣшній блескъ принципата [3]). Въ тоже время процессы объ оскорбленіи величества были прекращены, сосланные по политическимъ дѣламъ возвращены, а рабы и вольноотпущенники, донесшіе на своихъ господъ, а также и нѣкоторые де-

---

[1]) Dio 67, 15, 4 сл. Совершенно вздорны слова Филострата v. Apoll. 7, 8, 1 и 8, 7, 34 сл., а тѣмъ болѣе Vict. Caes. 12.

[2]) См. ниже.

[3]) См. выше стр. 138 прим. 3.

ляторы изъ свободныхъ казнены [1]). Обвиненія въ оскорбленіи величества и въ наклонности къ іудейству были запрещены и на будущее время [2]). Конфискованныя имущества были возвращены, поскольку они находились еще въ рукахъ фиска, а несмѣтныя богатства, собранныя въ дворцахъ Домиціана, розданы [3]).

Но важнѣе всего этого въ глазахъ сената было то, что Нерва согласился на формальное осужденіе памяти Домиціана [4])—характерно, что несмотря на это совершенныя послѣднимъ пожалованія были утверждены [5])—и принесъ торжественную присягу въ сенатѣ, коей онъ обязывался не подвергать казни ни одного сенатора [6]). Значеніе этихъ двухъ фактовъ очевидно. Первымъ формально осуждалась вся политика Домиціана, но на практикѣ для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ было совершенно ясно, что имѣлась въ виду спеціально его политика по отношенію къ сенату, его сознательное стремленіе и принципіально и на практикѣ низвести сенатъ до положенія безусловно зависимаго отъ принцепса государственнаго совѣта и лишить самихъ сенаторовъ того почета, на который они считали себя въ правѣ претендовать. Стремленіе къ установленію деспотической монархіи бога и государя было признано преступнымъ и позорнымъ. Принцепсъ не долженъ былъ забывать, что онъ не богъ и не государь, а первый слуга государства.

---

[1]) Dio 68, 1, 2: καὶ ὁ Νερούας τούς τε κρινομένους ἐπ' ἀσεβείᾳ ἀφῆκε καὶ τοὺς φεύγοντας κατήγαγε, τούς τε δούλους καὶ τοὺς ἐξελευθέρους τοὺς τοῖς δεσπόταις σφων ἐπιβουλεύσαντας πάντας ἀπέκτεινε..... πολλοὶ δὲ καὶ τῶν συκοφαντησάντων θάνατον κατεδικάσθησαν. ἐν οἷς καὶ Σέρας ἦν ὁ φιλόσοφος.

[2]) Dio ib.: οὔτ' ἀσεβείας οὔτ' Ἰουδαικοῦ βίου κοταιτιᾶσθαί τινας.

[3]) Dio 68, 2, 2: τοῖς δὲ τῶν οὐσιῶν ἐπὶ τοῦ Δομιτιανοῦ μάτην ἐστερημένοις πάντα ἀπέδωκεν ὅσα ἐν τῷ βασιλείῳ ἔτι ὄντα εὑρέθη.

[4]) Suet. Dom. 23.

[5]) Cp. Mommsen, R. St. 2, 1075. 1072 пр. 4.

[6]) Dio 68, 2, 3: ὤμοσε δὲ καὶ ἐν τῷ συνεδρίῳ μηδένα τῶν βουλευτῶν φονεύσειν, ἐβεβαίωσέ τε τὸν ὅρκον καίπερ ἐπιβουλευθείς.

Само собою разумѣется, что одного принципіальнаго осужденія домиціановой политики было слишкомъ мало, чтобы обезпечить сенатъ отъ возрожденія аналогичныхъ попытокъ. Для достиженія этой цѣли потребовались бы серьезныя практическія ограниченія императорской власти, которыя дали бы сенату возможность бороться съ произволомъ. А между тѣмъ сенатъ удовольствовался ограниченіемъ одной только уголовной юрисдикціи императора, да и то только по отношенію къ самому сенату. Принципіальное значеніе этого ограниченія безспорно было значительно, но практически оно очевидно не достигало цѣли.

Прежде всего характерно уже то, что единственное ограниченіе императорской власти, котораго сенатъ когда либо добился, не вылилось въ законодательную форму и было обезпечено исключительно добровольной присягой императора. Въ случаѣ нарушенія императоромъ его обѣщанія не подвергать сенаторовъ казни сенатъ не могъ обвинить его въ незаконномъ дѣйствіи и могъ жаловаться только на нарушеніе имъ чисто-нравственнаго обязательства. При сохраненіи неограниченной власти принцепса иначе впрочемъ и быть не могло: разъ принцепсъ имѣетъ право издавать въ интересахъ государства всякаго рода распоряженія общаго или частнаго характера и разъ его дискреціонная власть не подчинена рѣшительно никакому контролю, всякое ограниченіе послѣдней можетъ быть только добровольное. Юридическая формулировка указаннаго обѣщанія Нервы непремѣнно нуждалась бы въ какой нибудь санкціи, въ указаніи тѣхъ послѣдствій, которымъ императоръ подвергаетъ себя въ случаѣ если онъ превыситъ свою власть въ данномъ направленіи. Такими послѣдствіями могли бы быть отказъ въ повиновеніи, низложеніе и т. д., не говоря уже о томъ, что распоряженіе о казни сенатора должно бы было быть признано ipso facto незаконнымъ и не подлежащимъ исполненію. Такъ аррагонскіе кортесы прися-

гали королю условно, обѣщая ему свое повиновеніе, если онъ будетъ съ своей стороны соблюдать ихъ права и законы страны и прибавляя къ этому многознаменательныя слова: se no, no. Ничего подобнаго мы въ данномъ случаѣ не видимъ. Сенатъ вполнѣ сознаетъ свое безсиліе заставить императора исполнить неугодное ему обѣщаніе и понимаетъ, что только добровольное обѣщаніе императора имѣетъ практическое значеніе: за сто слишкомъ лѣтъ существованія принципата власть принцепса не только успѣла пріобрѣсти безусловно доминирующее положеніе въ практической жизни государства, но была также признана всѣмъ населеніемъ настоящимъ нравственнымъ центромъ государства, а сенатъ сталъ архаическимъ учрежденіемъ, по традиціи сохранявшимъ нѣкоторыя совершенно несообразныя съ новымъ строемъ притязанія. Съ каждымъ новымъ принципатомъ власть принцепса все глубже проникала въ жизнь населенія и сама становилась все болѣе традиціонной, а авторитетъ сената постоянно падалъ даже среди тѣхъ провинцій, намѣстники которыхъ формально поставлялись самимъ сенатомъ, и постепенно терялъ свою традиціонную силу. Авторитетъ сената имѣлъ свои корни не въ настоящей жизни, а въ далекомъ прошломъ римскаго государства, и чѣмъ дальше отъ Рима тѣмъ меньшее значеніе имѣла эта историческая традиція при столкновеніи съ реальной жизнью. Уже поэтому сенатъ даже и самъ не могъ мечтать о той роли, которую впослѣдствіи играли аррагонскіе кортесы и другія сословныя учрежденія XIII и слѣдующихъ вѣковъ, тѣсно связанныя съ дѣйствительной жизнью тѣхъ народовъ, представителями которыхъ они такъ или иначе являлись.

Такова первая характерная черта разбираемаго ограниченія римской императорской власти: это добровольная уступка неограниченнаго властителя, которая должна быть повторена каждымъ его преемникомъ, чтобы сохранить свою нравствен-

ную силу во время его принципата. Сенатъ не имѣетъ ни права ни возможности принудить принцепса дать это обѣщаніе или исполнить его.

О второй характерной особенности этого акта мы уже говорили. Ограниченіе уголовной юрисдикціи императора касается только однихъ сенаторовъ: не только масса населенія, но даже второе сословіе имперіи, всадники, остаются безусловно подчиненными судебной власти императора. Сенатъ думаетъ только о себѣ и именно этотъ его эгоизмъ дѣлаетъ его безсиліе хроническимъ и лишаетъ его возможности опереться противъ произвола власти на массу.

Но и независимо отъ этого самое ограниченіе императорской юрисдикціи, цѣлью котораго безспорно является обезпеченіе нѣкоторой нравственной самостоятельности сената, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ даже съ этой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что источники положительно утверждаютъ, что Нерва обѣщалъ только не подвергать сенаторовъ *казни*. Объ изгнаніи, заключеніи въ темницу и т. д. вовсе не говорится у нихъ и вѣроятно не говорилось также и въ императорской присягѣ. Но при такихъ условіяхъ судьба сенаторовъ, а слѣдовательно и всего сената, очевидно, на практикѣ по прежнему находилась въ полной зависимости отъ воли императора. Единственное практическое основаніе, почему сенатъ такъ дорожилъ присягой Нервы и его преемниковъ, заключалось такимъ образомъ въ томъ, что на каждаго тирана, какъ доказали событія 41, 68 и 96 года, находилась управа и что изгнаніе поэтому все таки не было такимъ непоправимымъ зломъ, какъ казнь.

Практическое значеніе того ограниченія императорской власти, которое заключалось въ присягѣ Нервы и его преемниковъ, было такимъ образомъ чрезвычайно скромно. И тѣмъ не менѣе его нравственное и принципіальное значеніе должно быть признано очень крупнымъ. Давая опредѣленное обѣща-

ніе, подтвержденное присягой, императоръ хоть въ этомъ отношеніи ставилъ своей власти предѣлъ и нарушеніе такого торжественнаго обѣщанія впредь само по себѣ превращало его изъ законнаго принцепса въ тирана. При всеобщемъ распространеніи греческой теоріи о тираноубійствѣ существованіе объективнаго критерія для распознаванія монарха и тирана имѣло немалое значеніе. Такими легко распознаваемыми объективными критеріями теперь являются притязанія на званіе бога и государя (осужденныя въ лицѣ Домиціана) и нарушеніе указанной присяги. Лицо, совершающее подобнаго рода акты, ipso facto нарушаетъ неписанную конституцію римской имперіи и—въ виду античныхъ взглядовъ на тираноубійство—можетъ быть смѣло убито. Всякій заговоръ противъ него нравственно освящается. Клятвенное обѣщаніе императора имѣетъ такое же значеніе для его управленія, какое „священный законъ“ нѣкогда имѣлъ для управленія сената и народа. И тамъ и тутъ не указывается никакихъ законныхъ гарантій для обезпеченія тѣхъ обязательствъ, которыя беретъ на себя императоръ или народъ, и тамъ и тутъ характеръ этихъ обязательствъ является чисто нравственнымъ, и тамъ и тутъ единственная практическая гарантія ихъ отъ всякаго рода нарушеній заключается въ возможности революціи и въ страхѣ предъ ней. Разница только въ томъ, что въ зависимости отъ внѣшнихъ условій революція въ одномъ случаѣ обыкновенно будетъ имѣть характеръ народнаго возстанія, а въ другомъ случаѣ обыкновенно характеръ заговора.

Въ результатѣ гибель Домиціана и особыя условія, среди коихъ власть перешла къ его преемнику, привели къ тому, что принцепсъ со стороны власти и общества былъ признанъ первымъ почти безусловно неограниченнымъ слугой государства, а тенденція къ установленію деспотической и божественной эллинистической монархіи была устранена и осуждена, и въ то же время было признано нравственное право сената на

исключительное положеніе по крайней мѣрѣ въ судебномъ отношеніи.

Если вѣрить Діону Кассію или, вѣрнѣе, его эпитоматору, Нерва самъ пошелъ впрочемъ еще дальше. „Онъ ничего не дѣлалъ иначе какъ при участіи первыхъ людей“, говорится здѣсь [1]). Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ „первыми людьми“ здѣсь слѣдуетъ понимать сенатъ или своего рода сенатскую коммиссію [2]) и невольно возникаетъ вопросъ, не счелъ ли Нерва нужнымъ выдвинуть сенатъ на первое мѣсто и превратить принцепса въ его высшій исполнительный органъ? Къ сожалѣнію наши свѣдѣнія о принципатѣ Нервы слишкомъ отрывочны, да и самый принципатъ его былъ слишкомъ непродолжительнымъ, чтобы мы имѣли возможность дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ или выяснить себѣ принципіальное значеніе того факта, что при Нервѣ въ послѣдній разъ былъ приведенъ въ дѣйствіе законодательный аппаратъ временъ республики и были изданы настоящіе „законы“, а не только сенатусконсульты или эдикты [3]) Слѣдуетъ ли изъ этого, что Нерва желалъ возстановить принципатъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ при Августѣ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ болѣе вѣроятно, что обращеніе къ старымъ республиканскимъ формамъ въ области законодательства объяснялось какими-нибудь неизвѣстными намъ спеціальными соображеніями (замѣтимъ, что упоминаемый въ дигестахъ законъ Нервы касался аграрныхъ отношеній), чѣмъ чтобы нашлись еще люди, которые мечтали о возрожденіи народныхъ собраній.

---

[1]) Dio ep. 68, 2, 3: ἔπραττε δὲ οὐδὲν ὅ τι μὴ μετὰ τῶν πρώτων ἀνδρῶν.

[2]) Ср. напр. Schiller, Gesch. 1, 539: in der Regierung wurde die Körperschaft in ihren Vertretern ueberall zugezogen.

[3]) Dig. 47, 21, 3, 1: Lege agraria quam divus Nerva tulit. Ср. томъ I стр. 202 и Dio 68, 2, 4: ἐνομοθέτησε δὲ ἄλλα τε καὶ περὶ τοῦ μὴ εὐνουχίζεσθαί τινα μηδὲ ἀδελφιδῆν γαμεῖν. Трудно сказать, употребляетъ ли Діонъ слово νομοθέτειν въ его настоящемъ смыслѣ.

Что касается въ частности отношенія Нервы къ сенату, то сенатъ несомнѣнно игралъ при немъ выдающуюся роль, но руководство дѣлами, по крайней мѣрѣ по болѣе важнымъ политическимъ вопросамъ, оставалось за Нервой. Сенатъ и его представители участвуютъ въ разсмотрѣніи сильно потрясеннаго финансоваго положенія государства [1]), въ организаціи созданныхъ по иниціативѣ Нервы колоній [2]) и въ контролѣ надъ алиментарными учрежденіями [3]). Съ другой стороны сенатъ и теперь, какъ при Веспасіанѣ, не могъ добиться наказанія болѣе крупныхъ дѣляторовъ предшествовавшаго времени. Какъ и въ 69 году воцареніе новаго принцепса дало просторъ накопившейся противъ дѣятелей предшествовавшаго времени ненависти и мы уже видѣли, что рядъ болѣе мелкихъ злодѣевъ были казнены [4]). Весьма естественно однако, что общество этимъ не удовлетворилось: большинство сената желало наказанія М. Аквиллія Регула, Фабриція Веіентона, Публиція Церта и другихъ крупныхъ помощниковъ Домиціана, и Плиній Младшій, типичный представитель этого большинства, пытался привлечь Церта къ отвѣтственности [5]). Тѣмъ не менѣе всѣ эти попытки остались безъ результата:

---

[1]) Plin. ep. 2, 1, 9 (о Вергиніи Руфѣ): quin etiam in hac novissima valitudine veritus, ne forte inter quinqueviros crearetur, *qui minuendis publicis sumptibus iudicio senatus constituebantur*,... Вергиній Руфъ умеръ въ консульство Тацита (ib. 2, 1, 6: laudatus est a consule Cornelio Tacito) т.-е. въ 97 году.

[2]) Dio 68, 2, 1: τοῖς τε πάνυ πένησι τῶν Ῥωμαίων ἐς χιλιάδα καὶ πεντακοσίας μυριάδας γῆς κτῆσιν ἐχαρίσατο, βουλευταῖς τισι τήν τε ἀγορασίαν αὐτῶν καὶ τὴν διανομὴν προστάξας. Ср. Plin. ep. 7, 31, 4: a Corellio nostro ex liberalitate imperatoris Nervae emendis dividendisque agris adiutor adsumptus (Claudius Polio). Кв. Корелліи Руфъ, другъ Плинія, былъ консуломъ еще до 82 года, когда онъ сдѣлался намѣстникомъ верхней Германіи. См. dipl. mil. III стр. XIV. Ср. C. J. L. 6. 1548: (misso a?) divo Nerva agros dividendos.

[3]) Ср. Hirschfeld, Verwaltungsgeschichte стр. 121.

[4]) Plin. ep. 9, 13, 4: ac primis quidem diebus redditae libertatis pro se quisque inimicos suos, dumtaxat minores, incondito turbidoque clamore postulaverant simul et oppresserant.

[5]) Plin. ep. 9, 13. Ср. 1, 5. 4, 2. 5, 5. 6, 2, 8, 12. См. ниже гл. V.

Нерва, которому консулы доложили объ обвиненіи Церта, не допустилъ дальнѣйшаго обсужденія, и общество должно было успокоиться на томъ, что Цертъ не получилъ консулата, на который онъ по общему порядку имѣлъ бы право [1]). Болѣе спокойные люди сочувствовали Нервѣ: когда обвинительная горячка достигла высшаго предѣла, консулъ Фронтонъ замѣтилъ, что „если имѣть императора, при которомъ никому ничего не позволено, есть несчастіе, то еще хуже императоръ, при которомъ всѣмъ позволено все“ [2]).

Еще гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ прекращеніе процессовъ противъ деляторовъ, имѣлъ другой актъ Нервы, предпринятый имъ повидимому безъ всякаго предварительнаго обсужденія его съ сенатомъ, а именно усыновленіе намѣстника верхней Германіи, Марка Ульпія Траяна. Причины, побудившія принцепса искать себѣ помощника, остаются почти неизвѣстными. Повидимому больной и бездѣтный старикъ понялъ, что не обладаетъ достаточно сильнымъ авторитетомъ и необходимой энергіей, чтобы устранить всякое сопротивленіе [3]). Заговоръ сенатора Кальпурнія Красса [4]), котораго онъ сослалъ въ Тарентъ, и поддержанное ихъ префектомъ Эліаномъ Касперіемъ волненіе преторіанцевъ доказывали, что необходима сильная рука для поддержанія порядка: несмотря на

---

[1]) Plin. ep. 9, 13, 22: et relationem quidem de eo Caesar ad senatum non remisit: optinui tamen quod intenderam. nam collega Certi consulatum, successorem Certus accepit, planeque factum est quod dixeram in fine, „reddat praemium sub optimo principe, quod a pessimo accepit“. Ср. Aur. Vict. ep. 12, 5.

[2]) Dio 68, 1, 3: ταραχῆς οὖν γενομένης οὐ τῆς τυχούσης ἐκ τοῦ πάντας πάντων κατηγορεῖν, λέγεται Φρόντωνα τὸν ὕπατον εἰπεῖν ὡς κακὸν μέν ἐστιν αὐτοκράτορα ἔχειν ἐφ' οὗ μηδενὶ μηδὲν ἔξεστι ποιεῖν, χεῖρον δὲ ἐφ' οὗ πᾶσι πάντα καὶ ὁ Νερούας ἀκούσας ταῦτα ἀπηγόρευσε τοῦ λοιποῦ γίνεσθαι τὰ τοιαῦτα.

[3]) Dio 68, 1, 3: ἦν δὲ ὁ Νερούας ὑπό τε τοῦ γήρως καὶ ὑπ' ἀρρωστίας, ἀφ' ἧς καὶ τὴν τροφὴν ἀεί ποτε ἤμει, ἀσθενέστερος.

[4]) Dio 68, 3, 2: τῶν Κράσσων ἐκείνων ἐκγόνου. Aur. Vict. ep. 12, 7: Calpurnium Crassum, promissis ingentibus animos militum pertentantem, detectum confessumque, Tarentum cum exore removit, patribus lenitatem eius increpantibus. Діонъ ничего не говоритъ о ссылкѣ Красса.

рѣшительное сопротивленіе императора, преторіанцы убили главныхъ виновниковъ смерти Домиціана, Петронія и Парѳенія, и Касперій принудилъ Нерву признать ихъ дѣйствія правильными, а убійцъ Домиціана—гнусными преступниками [1]).

При такихъ условіяхъ понятно, что Нерва по совѣту Л. Лициніи Суры [2]) рѣшилъ усыновить одного изъ выдающихся генераловъ временъ Домиціана, котораго онъ самъ незадолго до этого назначилъ намѣстникомъ верхней Германіи. Около 27 октября 97 года Нерва формально объявилъ Траяна въ Капитоліи своимъ сыномъ и вслѣдъ затѣмъ провозгласилъ его въ сенатѣ Цезаремъ [3]). Тогда же сенатъ вѣроятно даровалъ Траяну если не всѣ, то существенную часть императорскихъ полномочій, а Нерва извѣстилъ его особымъ посланіемъ о совершившихся событіяхъ и гомеровскимъ стихомъ пригласилъ его отомстить своимъ оружіемъ данайцамъ за его слезы [4]). Мѣсяца три спустя, 27 января 98 года, Нерва умеръ и принципатъ перешелъ безъ всякихъ затрудненій къ Траяну.

---

[1]) Dio 68, 3, 3: Αἰλιανὸς δὲ ὁ Κασπέριος ἄρχων καὶ ὑπ' αὐτοῦ, καθάπερ ὑπὸ τοῦ Δομιτιανοῦ, τῶν δορυφόρων γενόμενος τοὺς στρατιώτας ἐστασίασε κατ' αὐτοῦ, παρασκευάσας ἐξαιτῆσαί τινας ὥστε θανατωθῆναι и т. д. Имена убитыхъ названы у Авр. Викт. ep. 12, 7—8 и здѣсь же говорится: qui (Casperius) scelere tam truci insolentior, Nervam compulit referre apud populum gratias militibus. quia nefandos pessimosque omnium mortalium peremissent.

[2]) Aur. Vict. ep. 13, 6: hic ob honorem Surae, cuius studio imperium arripuerat, lavacra condidit. Ср. Dio 68, 15, 3 сл.

[3]) Aur. Vict. ep. 12, 9: Hic Traianum in liberi locum inque partem imperii cooptavit: cum quo tribus vixit mensibus.

[4]) Dio 68, 3, 4: ὅθεν ὁ Νερούας διὰ τὸ γῆρας καταφρονούμενος ἀνέβη τε ἐς τὸ Καπιτώλιον καὶ ἔφη γεγωνήσας „ἀγαθῇ τύχῃ τῆς τε βουλῆς καὶ τοῦ δήμου τῶν Ῥωμαίων καὶ ἐμοῦ αὐτοῦ Μάρκον Οὔλπιον Νερούαν Τραιανὸν ποιοῦμαι", καὶ μετὰ ταῦτα ἐν τῷ συνεδρίῳ Καίσαρα τε αὐτὸν ἀπέδειξε..... τίσειαν Δαναοὶ ἐμὰ δάκρυα σοίσι βέλεσσιν. Plin. paneg 8: Simul filius simul Caesar et mox imperator et consors tribuniciae potestatis, et omnia pariter et statim factus.

§ 2.

Императоръ Цезарь Нерва Траянъ Августъ [1]), какъ извѣстно, былъ первымъ провинціаломъ на императорскомъ престолѣ, ибо Нерва „зналъ, что слѣдуетъ принимать во вниманіе не родину, а доблесть“ [2]). Впрочемъ уже отецъ его, М. Ульпій Траянъ успѣлъ выдвинуться при Флавіяхъ: родомъ изъ Италики въ Испаніи, онъ принималъ участіе въ войнѣ съ евреями и при Веспасіанѣ не только сталъ консуломъ, но былъ также включенъ въ число патриціевъ. Въ 76—77 году онъ былъ намѣстникомъ Сиріи и вѣроятно именно тутъ заслужилъ инсигніи тріумфатора, а въ 79 году сталъ проконсуломъ Азіи [3]).

Подобно отцу императоръ Траянъ вплоть до паденія Домиціана вѣрно служилъ династіи Флавіевъ, которой его семья была обязана своимъ возвышеніемъ. Родившись въ 53 или 56 году [4]), онъ въ теченіе десяти лѣтъ отбывалъ воинскую службу, къ которой онъ чувствовалъ несомнѣнное призваніе [5]), до 87 года былъ преторомъ [6]) и въ 88—89 году, по

---

[1]) Имя: Prosop. 3, 464 № 575.

[2]) Dio ep. 68, 4, 1—2: οὐδ' αὖ ὅτι Ἴβηρ ὁ Τραιανὸς ἀλλ' οὐκ Ἰταλὸς οὐδ' Ἰταλιώτης ἦν, ἧττον τι παρὰ τοῦτο αὐτὸν ἐποιήσατο, ἐπειδὴ μηδεὶς πρόσθεν ἀλλοεθνὴς τὸ τῶν Ῥωμαίων κράτος ἐσχήκει. τὴν γὰρ ἀρετὴν ἀλλ' οὐ τὴν πατρίδα τινὸς ἐξετάζειν δεῖν ᾤετο.

[3]) Plin. paneg. 9: patricio et consulari et triumphali patre genitum; ib. 14, 58, 89. Хронологическія данныя см. Prosop. 3, 463 № 574. Годъ его консульства правильнѣе отнести съ Ваддингтономъ къ 70 или 71 году. Онъ умеръ во всякомъ случаѣ до произнесенія панегирика, а вѣроятно и до усыновленія его сына Нервой.

[4]) Eutrop. 8, 5 и Vict. ep. 13, 14 даютъ 53, Діонъ 68, 6, 3 и Zon. 11, 21 даютъ 56 годъ.

[5]) Plin. paneg. 15: neque enim prospexisse castra brevemque militiam quasi transisse contentus, ita egisti tribunum ut esse dux statim posses nihilque discendum haberes tempore docendi. Cognovisti per stipendia decem mores gentium, regionum situs, opportunitates locorum и т. д.

[6]) v. Hadr. 1, 4.

приказанію Домиціана, поспѣшилъ съ своимъ легіономъ изъ Испаніи въ Германію противъ возставшаго здѣсь Антонія Сатурнина. [1]). Въ 91 году онъ былъ награжденъ за это ординарнымъ консульствомъ и присутствовалъ при многочисленныхъ казняхъ того года [2]). Послѣ смерти Домиціана Нерва поручилъ ему управленіе верхней Германіей [3]), а послѣ усыновленія ему былъ данъ второй ординарный консулатъ вмѣстѣ съ Нервой на 98 годъ [4]). Карьера его отца и его самого не представляетъ ничего исключительнаго, и мы не видимъ, чтобы они занимали особенно видное мѣсто среди римской знати временъ Флавіевъ и не узнаемъ рѣшительно ничего о ихъ политическихъ взглядахъ [5]). Личность императора Траяна вообще должна быть признана одной изъ наименѣе намъ извѣстныхъ: у насъ нѣтъ для него такого сборника интимныхъ анекдотовъ, какимъ мы по милости Светонія обладаемъ для двѣнадцати первыхъ Цезарей, а восторженные отзывы Плинія и отрывочныя свѣдѣнія Діона имѣютъ крайне шаблонный характеръ и не даютъ отчетливаго представленія объ императорѣ [6]).

Судя по усиленной военной дѣятельности, наполняющей весь его принципатъ, Траянъ повидимому былъ преимуще-

---

[1]) Plin. paneg. 14. Ср. Mommsen, Hermes т. III стр. 118.

[2]) Dio 67, 12.

[3]) Plin. paneg. 5, 9, 44, 94.

[4]) Нерва былъ консуломъ 97 и 98 года, въ 97 году съ П. Вергиніемъ Руфомъ. Во время своего единоличнаго управленія Траянъ еще четыре раза былъ консуломъ, въ 100 году съ Секстомъ Юліемъ Фронтиномъ, въ 101 году съ Кв. Артикулеемъ Петомъ, въ 103 году съ Маніемъ Лаберіемъ Максимомъ, въ 112 году съ Титомъ Секстіемъ Африканомъ.

[5]) Plin. paneg. 44: vixisti nobiscum, periclitatus es, timusti, quae tunc erat innocentium vita.

[6]) Характеристика Траяна у Діона имѣетъ также панегирическій характеръ. Ср. 68, 7, 4: οἶδα μὲν ὅτι καὶ περὶ μειράκια καὶ περὶ οἶνον ἐσπουδάκει, ἀλλ' εἰ μέν τι ἐκ τούτων ἢ αἰσχρὸν ἢ κακὸν ἢ ἐδεδράκει ἢ ἐπεπόνθει, ἐπηγορίαν ἂν εἶχε, νῦν δὲ τοῦ τε οἴνου διακόρως ἔπινε καὶ νήφων ἦν, ἔν τε τοῖς παιδικοῖς οὐδὲνα ἐλύπησεν.

ственно воинъ [1]), и весьма возможно, что именно его военныя способности, его умѣніе соблюдать строгую дисциплину [2]) и въ то же время пріобрѣсти широкую популярность среди солдатъ [3]), остановили выборъ Нервы на немъ. Солдатъ по призванію, онъ повидимому не успѣлъ пріобрѣсти болѣе широкаго литературно-риторическаго образованія, обычнаго среди римскаго общества его времени [4]). Выросши среди лагерей, онъ научился не только повелѣвать, но и повиноваться и подчинять свои личные интересы общимъ. Высокая оцѣнка порядка и дисциплины сочеталась въ немъ съ несочувствіемъ къ произволу власти. „Сколь полезно дойти до счастья черезъ несчастье“, восклицаетъ по этому поводу Плиній Младшій. „Ты жилъ съ нами, находился въ опасности, боялся, однимъ словомъ велъ ту жизнь, которая тогда (т.-е. при Домиціанѣ) доставалась на долю порядочныхъ людей. Ты знаешь и испыталъ, какъ сильно ненавидятъ дурныхъ принцепсовъ даже тѣ, кто дѣлаютъ ихъ дурными. Ты помнишь, что ты вмѣстѣ съ нами привыкъ желать, на что ты привыкъ жаловаться“ [5]).

---

[1]) Dio 68, 7, 5: εἰ δὲ καὶ φιλοπόλεμος ἦν... Ср. Plin. paneg. 16.

[2]) Dio ib:: οὐδὲ γὰρ οὐδ' ὅπερ εἴωθεν ἐν τοῖς τοιούτοις γίνεσθαι, τὸ τοὺς στρατιώτας ἐξογκοῦσθαί τε καὶ ὑπερφρονεῖν, συνέβη ποτὲ ἐπ' αὐτοῦ. οὕτως ἐγκρατῶς αὐτῶν ἦρχε. Ср. Plin. paneg. 18: disciplinam castrorum lapsam extinctamque refovisti. Ср. Dig. 49, 16, 4. 12. 5. 1. 5.

[3]) Plin. paneg. 9: credentne posteri patricio et consulari et triumphali patre genitum, cum fortissimum amplissimum amantissimum sui exercitum regeret, imperatorem non ab exercitu factum. Ср. ib. 13: haec tibi apud hostes veneratio. Quid apud milites? quam admirationem quemadmodum comparasti? cum tecum inediam, tecum ferrent sitim... quam magnum est, unum ex omnibus patrio more, patria virtute laetari, et sine aemulo, sine exemplo secum certare, secum contendere, ac sicut imperat solus, solum ita esse qui debeat imperare! ib. 15: quotus enim quisque cuius tu non ante commilito quam imperator? Inde est quod prope omnes nomine appellas, quod singulorum fortia facta commemoras,..

[4]) Dio 68, 7, 4: Παιδείας μὲν γὰρ ἀκριβοῦς, ὅση ἐν λόγοις, οὐ μετέσχε τό γε μὴν ἔργον αὐτῆς καὶ ἠπίστατο καὶ ἐποίει.

[5]) Plin. paneg. 44.

Реакція противъ деспотическаго произвола Домиціана возвела на престолъ одного изъ наиболѣе энергичныхъ людей, выдвинувшихся въ его время и испытавшихъ всю нравственную тяжесть его управленія. Траянъ еще болѣе энергично чѣмъ Нерва отрекается отъ деспотическихъ замашекъ послѣдняго Флавія и рѣзко подчеркиваетъ, что признаетъ себя лишь первымъ слугою государства.

„Когда онъ сталъ императоромъ (т.-е. когда до него дошла вѣсть о смерти Нервы), онъ отправилъ сенату собственноручное посланіе, въ которомъ помимо другого говорилось, что онъ не казнитъ и не обезчеститъ ни одного добраго мужа, и онъ подтвердилъ это не только тогда, но и позднѣе клятвами“ [1]). Конституціонное ограниченіе императорской юрисдикціи было такимъ образомъ немедленно подтверждено и, судя по словамъ Діона, даже расширено. Траянъ по этому извѣстію отказался не только отъ права казни добрыхъ мужей, т.-е. сенаторовъ, но и отъ права налагать на нихъ наказанія, способныя повлечь за собой capitis deminutionem, т.-е., напр., ссылку и т. д., и Діонъ добавляетъ, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе, несмотря на то, что, подобно Нервѣ, подвергался заговорамъ. „Вѣдь онъ по натурѣ не имѣлъ въ себѣ ничего двойственнаго или обманчиваго или вспыльчиво-жестокаго“ [2]).

Его отношеніе къ сенату было самое благожелательное. „Онъ не завидовалъ никому и никого не унижалъ, а наоборотъ чтилъ и возвышалъ всѣхъ добрыхъ мужей и поэтому самому никого изъ нихъ не боялся и не ненавидѣлъ. Онъ совсѣмъ не вѣрилъ доносамъ, не подчинялся гнѣву, и также точно воздерживался отъ чужихъ средствъ, какъ отъ несправедливыхъ казней. Онъ истратилъ огромныя деньги на войны и огромныя деньги на мирныя дѣла и, соорудивъ много крайне необходимыхъ дорогъ и гаваней и общественныхъ построекъ,

[1]) Dio 68, 5, 2.
[2]) Dio 68, 5, 3.

не пролилъ ничьей крови на все это“... „Онъ милостиво относился къ народу и жилъ съ сенатомъ, сохраняя свое величіе, любимый всѣми, страшный однимъ только врагамъ“ [1]).

Однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было наказаніе Эліана Касперія и преторіанцевъ: они не только нарушили самымъ рѣшительнымъ образомъ военную дисциплину, но заставили Нерву публично осудить убійцъ Домиціана и тѣмъ самымъ какъ бы признать правильность дѣйствій послѣдняго. Для силы его авторитета особенно характерно то, что онъ могъ рѣшиться вызвать Эліана съ частью преторіанцевъ въ Германію и подвергнуть самого Эліана казни, а преторіанцевъ по крайней мѣрѣ отчасти удалить изъ гвардіи и распредѣлить ихъ по легіонамъ [2]). Въ принципіальной связи съ этимъ стоитъ и наказаніе многочисленныхъ деляторовъ предшествовавшаго времени, вызвавшее восторгъ Плинія и имѣвшее цѣлью доказать, что Траянъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ Нерва, осуждаетъ терроризмъ Домиціана и его сообщниковъ. Деляторы были арестованы, посажены на корабли и предоставлены игрѣ волнъ [3]), наказанія за ложные доносы были

---

[1]) Dio 68, 7, 1—3. Plin. paneg. 23: gratum erat cunctis quod senatum osculo exciperes, ut dimissus osculo fueras, gratum quod equestris ordinis decora honore nominum sine monitore signares...

[2]) Dio 68, 5, 4: Αἰλιανὸν δὲ καὶ τοὺς δορυφόρους τοὺς κατὰ Νερούα στασιάσαντας ὡς καὶ χρησόμενος τι αὐτοῖς μεταπεμψάμενος ἐκποδὼν ἐποιήσατο. Ср. Zon. 11, 21 стр. 508.

[3]) Plin. paneg. 34: vidimus delatorum iudicium, quasi grassatorum, quasi latronum. Non solitudinem illi, non iter, sed templum, sed forum insederant; nulla iam testamenta secura, nullus status certus: non orbitas, non liberi proderant... Advertisti oculos et ut ante castris ita postea pacem foro reddidisti: excidisti intestinum malum et provida severitate cavisti ne fundata legibus civitas eversa legibus videretur... nihil tamen gratius, nihil saeculo dignius, quam quod contigit desuper intueri delatorum supina ora retortasque cervices. Agnoscebamus et fruebamur, cum velut piaculares publicae sollicitudinis victimae supra sanguinem noxiorum ad lenta supplicia gravioresque poenas ducerentur. Congesti sunt in navigia raptim conquisita ac tempestatibus dediti: abirent, fugerent vastatas delationibus terras...

сильно повышены [1]), а процессы объ оскорбленіи величества снова совершенно запрещены [2]).

Но характернѣе всего этого было его поведеніе въ качествѣ кандидата на консулатъ и въ качествѣ консула и особенно нѣсколько изрѣченій, въ которыхъ онъ подчеркивалъ свой взглядъ на служебный характеръ императорской власти и признавалъ своего рода нравственную отвѣтственность власти передъ народомъ. Въ нихъ выражается то пониманіе принципата, которое должно быть признано характернымъ какъ для Траяна, такъ и для трехъ его ближайшихъ преемниковъ. Восторгъ Плинія по этому поводу не знаетъ границъ, и мы позволимъ себѣ привести нѣсколько относящихся сюда мѣстъ изъ его панегирика. Они доказываютъ не только, какое значеніе общество придавало такого рода фактамъ, но лучше всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени монархическая идея проникла въ нравы общества и какъ мало послѣднее было способно самостоятельно добиваться какихъ-либо уступокъ со стороны власти и защищать ихъ, разъ онѣ были сдѣланы.

„Я возвращаюсь“, говоритъ онъ, „къ твоему консульству, хотя есть кое-что, что̀ касается консульства, но произошло

[1]) Plin. paneg. 35: quos quidem non in praesens tantum sed in aeternum repressisti, in illa poenarum indagine inclusos. Ereptum alienas pecunias eunt; perdant quas habent: expellere penatibus gestiunt; suis exturbentur... expectent paria praemio damna, nec maiores spes quam metus habeant, timeantque quantum timebantur. Ср. Schiller, Gesch. 1, 564: die Delation durchgehends, wenn sie keinen Erfolg hatte, als Kalumnie beurteilen.

[2]) Plin. et Trai. ep. 82, 1: potuisti non haerere, mi Secunde carissime, circa id de quo me consulendum existimasti (ср. ib. 81, 2), cum propositum meum optime nosces non ex metu nec terrore hominum aut criminibus maiestatis reverentiam nomini meo adquiri. Omissa ergo ea quaestione, quam non admitterem, etiam si exemplis adiuvaretur... Ср. ib. 97: sine auctore vero propositi libelli in nullo crimine locum habere debent. Nam et pessimi exempli nec nostri saeculi est. l. 5 D. 48, 19 (Ulp.): absentem in criminibus damnari non debere divus Traianus Iulio Frontoni rescripsit. Sed nec de suspicionibus debere aliquem damnari divus Traianus Adsidio Severo rescripsit: satius enim esse inpunitum relinqui facinus nocentis quam innocentem damnari.

до него, и прежде всего то, что ты присутствовалъ, когда тебя избирали, въ качествѣ кандидата не только на консульство, но и на безсмертіе и славу, съ тѣмъ, чтобы дать примѣръ, которому будутъ слѣдовать добрые, будутъ удивляться дурные принцепсы. Тебя видѣлъ римскій народъ на древнемъ мѣстѣ его могущества (т.-е. въ избирательномъ народномъ собраніи): ты терпѣливо присутствовалъ при долгихъ избирательныхъ церемоніяхъ, надъ которыми теперь уже нельзя смѣяться, и сдѣлался консуломъ такъ, какъ любой изъ насъ, которыхъ ты дѣлаешь консулами. Сколько изъ предшествующихъ принцепсовъ оказали эту честь консулату или народу? Одни ожидали вѣстниковъ своего избранія сонные и полные вчерашняго ужина. другіе правда бодрствовали и не спали, но въ своей спальнѣ готовили тѣмъ консуламъ, которые ихъ самихъ провозглашали консулами, изгнаніе и казнь. Какое это неразумное и не понимающее истиннаго величія честолюбіе, когда желаешь имѣть честь, которую презираешь!.. Станешь ли ты презирать голоса, на которые ты надѣешься ради твоей чести, можешь ли ты довольствоваться приказаніемъ провозгласить тебя консуломъ и тѣмъ самымъ устранить даже призракъ свободнаго государства? Станешь ли ты удаляться отъ избирательнаго собранія, уединяться и скрываться, точно тебѣ не дается консульство, а у тебя отнимается власть? Вѣдь только надменнѣйшіе деспоты думали, что они перестаютъ быть принцепсами, разъ они поступятъ въ чемъ либо какъ сенаторы... Другіе заслуживали консульство, пока его не имѣли, ты заслужилъ его уже сдѣлавшись консуломъ. Торжественная церемонія избранія была окончена, если принять въ разсчетъ, что тутъ былъ избранъ консуломъ принцепсъ, и толпа уже вся пришла въ движеніе, когда ты къ изумленію всѣхъ подошелъ къ сидѣнію (предсѣдательствовавшаго) консула и предлагаешь взять съ тебя присягу, извѣстную остальнымъ принцепсамъ только потому, что они заставляли другихъ при-

нести ее. Ты самъ видишь, какъ было необходимо, чтобы ты не отказался отъ консулата. Еслибъ ты отказался, мы бы не считали возможнымъ, чтобы ты могъ это сдѣлать. Я поверженъ въ изумленіе, отцы сенаторы, и не вѣрю моимъ глазамъ и ушамъ и въ одно и то же время спрашиваю себя, слышалъ ли я это, видѣлъ ли я это дѣйствительно. Такъ въ самомъ дѣлѣ, значитъ, императоръ и Цезарь и Августъ и верховный понтифъ стоялъ передъ сидѣніемъ консула, а консулъ сидѣлъ, тогда какъ принцепсъ стоялъ передъ нимъ, и сидѣлъ спокойно, безъ страха и точно всегда такъ дѣлается? Даже больше, сидя онъ первый произносилъ слова присяги, а тотъ присягалъ, и ясно и отчетливо произносилъ слова, которыми онъ предавалъ божественному гнѣву свою главу, свой домъ, если онъ сознательно совершитъ проступокъ. Слава твоя, о Цезарь, будетъ грандіозна и достойна тебя, все равно сдѣлаютъ ли то же самое позднѣйшіе принцепсы или не сдѣлаютъ“ [1]).

Мы не будемъ останавливаться дольше на характерно-высокопарныхъ разсужденіяхъ Плинія: намъ придется еще вернуться къ нимъ при разборѣ политическаго настроенія общества эпохи Нервы и Траяна. Замѣтимъ только, что не мéньшій восторгъ вызываетъ тотъ фактъ, что консулъ Траянъ признаетъ для себя обязательными законы вообще и тѣ изъ нихъ, которые относятся къ консульской власти, въ частности [2]), что Траянъ, согласно съ этимъ, передъ отреченіемъ отъ консульства соблаговолилъ произнести обычную присягу, что онъ не совершилъ ничего незаконнаго [3]), что онъ при-

[1]) Plin. paneg. 63—64.

[2]) Plin. paneg. 65: in rostris quoque simili religione ipse te legibus subiecisti, legibus, Caesar, quas nemo principi scripsit. Sed tu nihil amplius vis tibi licere quam nobis: sic fit ut nos tibi plus velimus. Quod ego nunc primum audio, nunc primum disco, non est princeps super leges, sed leges super principem, idemque Caesari consuli quod ceteris non licet.

[3]) Ib.: Itaque et abiturus consulatu iurasti te nihil contra leges fecisse. Magnum hoc erat, cum promitteres; maius, postquam praestitisti.

глашалъ сенатъ къ свободѣ обсужденія [1]), наконецъ, что въ формулу обѣтовъ за благоденствіе принцепса были внесены слова: „*если онъ будетъ управлять государствомъ хорошо и въ общихъ интересахъ*“ [2]).

Наиболѣе интереснымъ для взгляда Траяна на принципатъ представляется условность обѣтовъ за его благоденствіе, особенно если сопоставить ее съ словами, произнесенными имъ при назначеніи Л. Лицинія Суры преторіанскимъ префектомъ. По установившемуся обычаю назначеніе преторіанскаго префекта сопровождалось торжественной передачей ему меча императоромъ. Назначая Суру, Траянъ вынулъ мечъ изъ ноженъ и сказалъ передавая его Сурѣ: „*бери этотъ мечъ, чтобы пользоваться имъ для моей защиты, если я буду хорошо править, а въ противномъ случаѣ, чтобы воспользоваться имъ противъ меня*“ [3]).

Значеніе этихъ актовъ было прекрасно понято обществомъ. „Вотъ обѣты, достойные того, чтобы ихъ постоянно давали“, говоритъ Плиній. „По твоей собственной иниціативѣ, о Цезарь, государство обратилось къ богамъ, чтобы они тебя хранили здравымъ и невредимымъ, если ты будешь такъ охранять другихъ; въ противномъ случаѣ пусть и боги отвернутъ свои

---

[1]) Ib. 66: Inluxerat primus consulatus tui dies, quo tu curiam ingressus, nunc singulos nunc universos adhortatus es *resumere libertatem, capessere quasi communis imperii curas*, invigilare publicis utilitatibus et insurgere. Omnes ante te eadem ista dixerunt, nemini tamen ante te creditum est... Iubes esse liberos; erimus; iubes quae sentimus proferre in medium; proferemus.

[2]) Ib. 67: Nuncupare vota et pro aeternitate imperii et pro salute principum, immo pro salute principum ac propter illos pro aeternitate imperii solebamus. Haec pro imperio nostro in quae sint verba suscepta operae pretium est adnotare „si bene rempublicam et ex utilitate omnium rexeris“.

[3]) Dio 68, 16, 1: ἀλλὰ καὶ ὅτε πρῶτον αὐτῷ μέλλοντι τῶν δορυφόρων ἐπάρξειν τὸ ξίφος, ὃ παραζώννυσθαι αὐτὸν ἐχρῆν, ὥρεξεν, ἐγύμνωσέ τε αὐτὸ καὶ ἀνατείνας ἔφη „λαβὲ τοῦτο τὸ ξίφος, ἵνα, ἂν μὲν καλῶς ἄρχω, ὑπὲρ ἐμοῦ, ἂν δὲ κακῶς, κατ' ἐμὸν αὐτῷ χρήσῃ“. Cp. Plin. panag. 67: ego quidem in me, si omnium utilitas ita posceret, etiam praefecti manum armavi.

очи отъ охраны твоей главы и предоставятъ тебя обѣтамъ, которыхъ нельзя произносить открыто. Другіе желали пережить государство и достигли этого: тебѣ противно твое собственное спасеніе, если оно не соединяется съ спасеніемъ государства. Ты не допускаешь, чтобы тебѣ желали что либо, что невыгодно для самихъ выражающихъ пожеланія, ты приглашаешь боговъ каждый годъ имѣть сужденіе о тебѣ и требуешь, чтобы они измѣнили свое сужденіе, еслибъ ты пересталъ быть таковымъ, какимъ ты былъ при избраніи. Съ спокойной совѣстью ты вступаешь въ договоръ съ богами, о Цезарь, чтобы они тебя хранили, если ты того заслужишь, вѣдь ты знаешь, что никто лучше боговъ не знаетъ, заслуживаешь ли ты ихъ охрану. Не согласитесь ли вы, отцы сенаторы, что онъ (т.-е. Траянъ) и днемъ и ночью заботиться объ этомъ: „я правда вооружилъ даже руку префекта противъ меня самого, если того потребуетъ всеобщая польза, но я не стараюсь также испросить у боговъ, чтобы они положили гнѣвъ на милость или не слѣдили за мной. Наоборотъ я прошу и молю, чтобы государство никогда не приносило обѣтовъ за мое благоденствіе противъ своей воли, или чтобы оно не было связано ими, если оно ихъ принесло“. А потому ты принимаешь свое благоденствіе, о Цезарь, какъ результатъ согласнаго рѣшенія боговъ. Вѣдь разъ ты желаешь, чтобы боги тебя хранили, пока ты правишь хорошо и въ общихъ интересахъ, ты можешь быть увѣренъ, что правишь хорошо, покуда они тебя хранятъ. Вотъ почему день твой кончается спокойно и весело, тогда какъ онъ наполнялъ другихъ принцепсовъ заботой и страхомъ: возбужденные и напуганные и не вѣря въ наше терпѣніе, они отовсюду ожидали вѣстниковъ общественнаго рабства... Твое спокойствіе не нарушаетъ ни задержка вѣстниковъ, ни медленность письменныхъ донесеній. *Ты знаешь, что тебѣ всюду присягаютъ, ибо ты присягнулъ всѣмъ.* Каждый это сдѣлаетъ въ собственномъ интересѣ. Мы тебя любимъ, насколько ты

этого заслуживаешь, но *это мы дѣлаемъ не изъ любви къ тебѣ, а изъ любви къ намъ* и да не настанетъ никогда такой день, о Цезарь, когда обѣты за твое благоденствіе произнесетъ не наша польза, а наша вѣрность“ [1]).

Смыслъ этой напыщенной тирады представляется совершенно яснымъ. Принцепсъ торжественно призналъ себя первымъ слугою государства, призналъ, что власть его только тогда имѣетъ внутренній смыслъ и заслуживаетъ защиты боговъ и повиновенія людей, если онъ пользуется ею не для удовлетворенія личныхъ капризовъ, а для обезпеченія спокойствія и благоденствія всего государства. Весьма естественно, что на первомъ планѣ при этомъ стоитъ санкція боговъ: кто лучше ихъ можетъ оцѣнить заслуги или недостатки принцепса? Но по крайней мѣрѣ въ теоріи одному изъ подданныхъ самимъ императоромъ предоставлено право слѣдить за дѣйствіями императора и въ случаѣ надобности выступить противъ него и даже убить его.

Траянъ очевидно желаетъ подчеркнуть, что разъ власть принцепса перестанетъ быть благодѣтельной для всего государства, принцепсъ теряетъ нравственное право на нее и не только можетъ, но и долженъ быть замѣненъ другимъ лицомъ. Но кто же на практикѣ долженъ производить оцѣнку его дѣятельности?

Ясно, насколько вся эта идея непрактична и обоюдоостра. Если принцепсъ заслуживаетъ свою власть и любовное повиновеніе гражданъ, покуда его хранятъ боги, то весь вопросъ сводится къ тому, насколько сильна въ обществѣ вѣра въ постоянное, дѣятельное вмѣшательство боговъ и въ какихъ формахъ оно представляетъ себѣ возможнымъ ихъ вмѣшательство: не можетъ ли быть признано таковой и удачное, т.-е. поддерживаемое богами возстаніе? Но если это такъ, то нѣтъ

[1]) Plin. paneg. 67—68.

никакой возможности различать законное въ нравственномъ смыслѣ возстаніе отъ незаконнаго: въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ будетъ разрѣшенъ результатомъ возстанія. Побѣдитъ принцепсъ, значитъ боги на его сторонѣ; побѣдятъ его враги, значитъ боги осудили принцепса. Анархическая теорія нравственнаго права народа на возстаніе всегда тѣсно связана съ нравственнымъ оправданіемъ насилія и права сильнаго. Разъ одинъ только успѣхъ оправдываетъ дѣйствія той и другой стороны, успѣхъ самъ по себѣ становится цѣлью и всѣ другіе критеріи должны замолкнуть. Объ опасности, политической и нравственной, подобнаго взгляда не стоитъ и распространяться. Всякаго рода безпокойные элементы, люди, добивающіеся исключительно личныхъ выгодъ, не говоря уже о людяхъ, исполненныхъ неправильныхъ или неосуществимыхъ идеаловъ, имѣютъ возможность прикрыться этой теоріей и повергнуть все государство въ смуты.

Но обращеніе Траяна къ Л. Лицинію Сурѣ указываетъ повидимому еще и на другой выходъ. Принцепсъ не довольствуется общимъ признаніемъ своей нравственной отвѣтственности передъ божествомъ, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ, какую кару оно сочтетъ нужнымъ возложить на него за произвольное пользованіе данной ему властью; онъ независимо отъ этого предоставляетъ одному изъ наиболѣе близкихъ къ нему лицъ право протестовать противъ его собственныхъ уклоненій отъ идеальной нормы управленія. Богатая многими конституціонными аномаліями римская имперія такимъ образомъ обогащается еще однимъ крайне удивительнымъ явленіемъ: начальникъ императорской гвардіи, значеніе котораго въ политической жизни имперіи и безъ того постоянно возрастаетъ, становится чѣмъ-то вродѣ цензора императорской дѣятельности и обладая всѣми своими полномочіями отъ имени и по порученію принцепса долженъ слѣдить за тѣмъ, исполняетъ ли самъ принцепсъ должнымъ образомъ свои обязанности по от-

ношенію къ государству. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ только въ средневѣковой конституціи аррагонскаго королевства, гдѣ хустиція не только слѣдитъ за законностью дѣйствій короля, но въ случаѣ надобности имѣетъ также право протестовать противъ его дѣйствій и пригласить населеніе къ вооруженному возстанію. Аналогія однако представляется чисто внѣшней: тогда какъ хустиція несмѣняемъ и является представителемъ интересовъ аррагонскихъ сословій, а слѣдовательно вполнѣ независимъ отъ короля, преторіанскій префектъ свободно назначается и смѣняется императоромъ и является первымъ представителемъ интересовъ власти и безопасности императора, а слѣдовательно вполнѣ зависитъ отъ послѣдняго. Вдобавокъ хустиція является защитникомъ дѣйствующихъ въ странѣ законовъ и долженъ ихъ охранять отъ односторонних, произвольныхъ и незаконныхъ актовъ короля, тогда какъ префектъ долженъ слѣдить за цѣлесообразностью императорской политики, при оцѣнкѣ которой невозможно руководиться такими объективными критеріями, какъ при контролѣ надъ законностью дѣйствій власти. Если бы слова Траяна пріобрѣли практическое значеніе, то преторіанскій префектъ ipso facto сдѣлался бы соправителемъ съ правомъ интерцессіи противъ неправильныхъ по его мнѣнію дѣйствій императора. Едва ли стоитъ доказывать, что Траянъ никогда не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду подобнаго результата, а разъ это такъ, то его торжественное обращеніе къ Сурѣ практически представляетъ лишь пустой звукъ безъ всякаго реальнаго значенія для обезпеченія принципата отъ произвола. Назначаемый императоромъ изъ числа самыхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ, преторіанскій префектъ даже при всемъ желаніи меньше всякаго другого лица будетъ способенъ отнестись критически къ дѣятельности государя.

Практически всѣ разобранные акты и волеизъявленія Траяна не имѣютъ такимъ образомъ никакого значенія, поскольку го-

сударство ими должно быть обезпечено отъ эгоизма, нерадѣнія или произвола власти. Они имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они указываютъ на то, что общество сознало опасность, которая заключалась для него въ неограниченной власти принцепса, и старалось найти противовѣсъ противъ него, и поскольку они выясняютъ взглядъ самого Траяна на его власть. Очень интереснымъ представляется также и то обстоятельство, что не сенатъ долженъ быть контролирующей инстанціей по отношенію къ императору, а единственное лицо, обладающее въ Римѣ и во всей Италіи военной властью, т.-е. преторіанскій префектъ. Безсиліе сената въ борьбѣ съ властью было доказано всей столѣтней исторіей принципата и никто не сомнѣвался, что появись на престолѣ новый Неронъ или Домиціанъ, сенатъ будетъ также покорно повиноваться ему, какъ самому Траяну. Обращеніе Траяна къ Сурѣ имѣетъ симптоматическое значеніе въ исторіи возрастающаго упадка сенатскаго авторитета и быстраго роста политическаго вліянія новой императорской бюрократіи. Не сенатъ, а преторіанскій префектъ занимаетъ второе мѣсто въ имперіи, несмотря даже на то, что онъ принадлежитъ не къ первому, а ко второму сословію имперіи, не къ сенаторамъ, а ко всадникамъ.

Усматривать въ приведенныхъ актахъ Траяна какое-либо ограниченіе императорской власти такимъ образомъ нельзя. Они знаменуютъ самый рѣзкій протестъ противъ домиціанова взгляда на принцепса, какъ на государя и бога, но въ нихъ не содержится ни малѣйшей гарантіи противъ возрожденія этого взгляда. Но мы бы удалились еще дальше отъ истины, если бы мы приписали Траяну желаніе возстановить старое значеніе народныхъ собраній или сената и сдѣлать принцепса послушнымъ имъ исполнительнымъ органомъ. Траянъ обѣщаетъ управлять хорошо и въ общихъ интересахъ, онъ обѣщаетъ подчинить всю свою дѣятельность *интересамъ, но не волѣ сената и народа.* Онъ одинъ отвѣчаетъ за свою дѣя-

гельность передъ богами, но въ виду этого онъ одинъ долженъ обладать и верховной властью. Онъ признаетъ себя уполномоченнымъ сената и народа, поскольку подъ ихъ именами подразумѣвается все римское государство, но онъ вовсе не предполагаетъ подчиняться ихъ указаніямъ или испрашивать ихъ. Траянъ не менѣе Веспасіана признаетъ себя монархомъ, но сознаетъ, что монархическая власть принцепса установлена не въ интересахъ принцепса, а въ интересахъ государства и должна имъ служить. Онъ обращается съ уваженіемъ съ сенатомъ и съ сенаторскимъ сословіемъ, но сенатъ для него не владыка, которому онъ долженъ или намѣренъ подчиняться, а лишь государственный совѣтъ. Обращаться пренебрежительно съ совѣтомъ, содержащимъ всѣ лучшія силы страны,—такъ по крайней мѣрѣ думаетъ почти все общество,—значило бы умалять достоинство и престижъ самой власти [1]). Обращаться пренебрежительно съ сословіемъ, изъ котораго произошелъ самъ императоръ, было бы не менѣе унизительно для послѣдняго. Но отсюда до хотя бы теоретическаго возрожденія прежняго сенатскаго авторитета хотя бы въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ первые годы Тиберія или даже въ первые годы Нерона, еще очень далеко. Эпоха Флавіевъ и въ частности эпоха Домиціана не прошла даромъ; удары, нанесенные за это время самостоятельности и престижу сената, были слишкомъ тяжелы и сенатъ уже никогда болѣе не возвращался къ тому положенію, которое онъ по крайней мѣрѣ формально занималъ до этого времени.

Выше мы уже видѣли, что послѣдній призракъ самостоятельности сената былъ окончательно устраненъ, когда Доми-

[1]) Dio 68, 9, 7: καὶ πρέσβεις (Декебала) ἐπὶ τούτοις ἐς τὸ βουλευτήριον ἔπεμψεν, ὅπως καὶ παρ' ἐκείνου τὴν εἰρήνην βεβαιώσηται; ib. 68, 10, 1; ib. 68, 10, 4, οὕτως δὴ καὶ αὖτις πολέμιον αὐτὸν ἡ βουλὴ ἐψηφίσατο; ib. 68, 15, 2: ὅτι ὁ Τραιανὸς τοὺς πρεσβευτὰς τοὺς παρὰ τῶν βασιλέων ἀφικνουμένους ἐν τῷ βουλευτικῷ θεάσασθαι ἐποίει; ib. 68, 16, 2: τοῦς μέντοι ἐπιβουλεύοντας αὐτῷ, ἐν οἷς ἦν καὶ Κράσσος, ἐτιμωρεῖτο ἐσάγων ἐς τὴν βουλήν.

ціанъ присоединилъ къ остальнымъ полномочіямъ принцепса еще и власть цензора, т.-е. право безконтрольнаго назначенія и исключенія сенаторовъ. Траянъ правда не принялъ цензорской власти, и Плиній не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы восхвалять его скромность и умѣренность [1]), но это не помѣшало ему пользоваться тѣми полномочіями, которыя до этого времени всегда были связаны съ цензорской властью. Такъ, напримѣръ, положительно извѣстно, что онъ креировалъ патриціевъ [2]), а изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что онъ присвоилъ себѣ всѣ полномочія настоящаго обладателя цензорской власти. „Нѣкоторые императоры", говоритъ Діонъ Кассій въ своемъ систематическомъ обзорѣ правъ принцепса, „присвоили себѣ цензорскую власть согласно старымъ обычаямъ (то были Августъ, Клавдій и Веспасіанъ), а Домиціанъ захватилъ ее пожизненно. Теперь это однако болѣе не случается: имѣя сущность ея, они (т.-е. императоры) не избираются болѣе цензорами и не пользуются этимъ званіемъ" [3]). На общемъ значеніи этого факта намъ здѣсь нечего останавливаться: мы уже постарались его выяснить по поводу пожизненной цензуры Домиціана [4]). Для насъ въ данный моментъ важно только то, что Траянъ не задумался сохранить за собою полномочія, превращавшія сенатъ на практикѣ въ назначаемый императоромъ и безусловно зависимый отъ него государственный совѣтъ, и что мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на недовольство сената по этому случаю. Сенатъ былъ такъ радъ прекращенію тяготѣвшаго надъ нимъ террора, обѣщанію императоровъ не подвергать казни его чле-

[1]) Plin. paneg. 45: et ideo non censuram *adhuc*, non praefecturam morum recepisti, quia tibi beneficiis potius, quam remediis ingenia nostra experiri placet.

[2]) C. I. L. 9, 1123. R. St. 2, 1101 пр. 5.

[3]) Dio 53, 18, 5: τὸ γὰρ ἔργον αὐτῆς ἔχοντες οὔτε αἱροῦνται ἐπ' αὐτὴν οὔτε τὴν πρόκλησιν αὐτῆς πλὴν ἐν ταῖς ἀπογραφαῖς κτώνται.

[4]) Ср. выше стр. 138 сл.

новъ и многочисленнымъ практически достаточно безсодержательнымъ любезностямъ власти, что мысль о возстановленіи его формальной самостоятельности, имѣвшей скорѣе принципіальное, чѣмъ реальное значеніе, его повидимому, вовсе не занимала.

Если повѣрить нѣкоторымъ высокопарнымъ риторическимъ оборотамъ плиніева панегирика, то можно было бы правда подумать, что значеніе сената при Траянѣ было весьма велико. Оказывается, напримѣръ, что сенатъ не только просилъ, но и „приказалъ“ Траяну принять четвертый консулатъ, и Плиній старается увѣрить его, что это дѣйствительное приказаніе, а не новый родъ лести [1]): очевидно тогда былъ предложенъ и принятъ сенатусконсультъ, въ которомъ было заявлено, что сенатъ въ интересахъ государства считаетъ необходимымъ, чтобы Траянъ принялъ четвертый консулатъ, но только грубая лесть могла усмотрѣть въ этомъ приказаніе, долженствующее сломить скромность императора. Нѣсколько строкъ дальше тотъ же Плиній признаетъ, что вполнѣ зависитъ отъ самого Траяна, сочтетъ ли онъ нужнымъ исполнить желаніе сената, или нѣтъ [2]).

Но лучшей критикой на приведенныя слова Плинія слѣдуетъ признать все содержаніе его панегирика, съ которымъ намъ въ общихъ чертахъ сейчасъ еще придется познакомиться, а особенно его дѣловая переписка съ Траяномъ. Характерно уже то, что Плиній неизмѣнно называетъ Траяна „государемъ“ и что Траянъ нигдѣ не протестуетъ противъ этого [3]).

[1]) Plin. paneg. 78: quo iustius senatus ut susciperes quartum consulatum et rogavit et *iussit. Imperii hoc verbum, non adulationis esse* obsequio tuo crede, quod non alia in re magis aut senatus exigere a te aut tu praestare senatui debes. Ср. удивительно безтактное замѣчаніе ib. 61: uterque nuper consulatum alterum gesserat, *a patre tuo, id est quanto minus quam a te datum!*

[2]) Ib. 79: pietati senatus cum modestia principis felix speciosumque certamen, seu fuerit victa seu vicerit.

[3]) Еще въ эпоху Сенеки названіе dominus употреблялось въ разговорѣ и перепискѣ между частными лицами въ смыслѣ „милостивый государь“,

А между тѣмъ Плиній занимаетъ выдающееся мѣсто среди римской знати этого времени и если не признать, что принципатъ къ этому времени пріобрѣлъ всѣ черты настоящей монархіи, то разительное неравенство въ положеніи принцепса и консуляра представляется прямо страннымъ. Не менѣе характеренъ и весь тонъ писемъ Траяна: въ нихъ слышится властный голосъ настоящаго монарха, быстро и энергично разрѣшающаго всѣ подчасъ мелочныя сомнѣнія своего уполномоченнаго и покровительственно относящагося къ его нуждамъ [1]).

Но переписка Траяна съ Плиніемъ представляется крайне интересной и съ другой болѣе общей точки зрѣнія. Она не только рисуетъ намъ обычныя въ то время отношенія между принцепсомъ и намѣстниками, она доказываетъ также какъ значительно было вмѣшательство императорской власти въ провинціальную жизнь. Къ сожалѣнію провинція Виѳинія, намѣстникомъ которой былъ Плиній, какъ мы видѣли, находилась въ исключительныхъ условіяхъ и такъ какъ она нуждалась въ особенномъ вниманіи власти, то мы не имѣемъ права признать выясняющуюся изъ указанной переписки картину отношеній императора къ провинціальному управленію и къ городскому самоуправленію безусловно типичной. Тѣмъ не менѣе едва ли можно согласиться съ Шиллеромъ, будто эта переписка не мо-

---

ср. томъ I стр. 155 прим. 1 и Sen. ep. 1, 3, 1: itaque sic priore illo verbo quasi publico usus es et sic illum amicum vocasti, quomodo omnes candidatos bonos viros dicimus, *quomodo obvios*, *si nomen non succurrit*, *dominos salutamus*. Въ данномъ случаѣ однако только одинъ Плиній называетъ такъ Траяна, но никогда не Траянъ Плинія и въ результатѣ слово dominus пріобрѣтаетъ смыслъ „государь“.

[1]) Plin. et Trai. ep. 18: cuperem sine querella corpusculi tui et tuorum pervenire in Bithyniam potuisses... Provinciales, credo, prospectum sibi a me intellegent. Nam et tu dabis operam ut manifestum sit illis electum te esse, qui ad eosdem mei loco mittereris. Неоднократно въ отвѣтахъ Траяна звучитъ нотка недовольства по поводу безпрестанныхъ мелочныхъ запросовъ и вѣчной нерѣшительности Плинія. Ср. ib. 117 и ниже глава V.

жетъ служить матеріаломъ для сужденія въ обычныхъ административныхъ пріема Траяна [1]). Намъ, правда, извѣстно, что преемники Домиціана не съумѣли сохранить того строгаго порядка въ провинціальномъ управленіи, который установился при немъ, и что масса населенія послѣ его смерти больше прежняго страдала отъ произвола и лихоимства намѣстниковъ [2]), но дѣлать изъ этого выводъ, что Траянъ сознательно предоставлялъ своимъ намѣстникамъ особенно большую долю самостоятельности, мы едва ли имѣемъ право. При римскихъ условіяхъ административной жизни, при огромномъ вліяніи намѣстника въ провинціи и при сравнительной медленности сообщеній, одной бдительности центральной власти не хватило, чтобы удерживать намѣстниковъ отъ всякаго рода беззаконій. Для этого были необходимы особыя условія и нельзя не замѣтить, что провинціальное управленіе достигло высшей степени совершенства именно въ эпоху Тиберія и Домиціана, т.-е. императоровъ, передъ которыми римская знать постоянно трепетала. Сознаніе, что императоръ относится къ сенаторамъ, въ томъ числѣ и къ намѣстникамъ, съ подозрительной враждой, что онъ будетъ радъ всякому случаю, къ которому можно будетъ придраться, чтобы унизить своихъ

[1]) Schiller, Gesch. 1, 568: Die Provincialregierung war insofern nicht gleich lobenswert, als hier der militärische Charakter zu sehr ueberwog. Der Commandeur einer Heeresabteilung muss mit grosser Verantwortung ausgestattet sein, weil sein Amt eine Instruktion und Beaufsichtigung von Fall zu Fall nicht gestattet. Dieses Verhältniss uebertrug Traian auf die Provincialregierung (здѣсь совершенно непонятная ссылка на v. Alex. Sev. 65, 5: et id quidem ab Homullo ipsi Traiano dictum est, cum ille diceret Domitianum pessimum fuisse, amicos autem bonos habuisse, atque ideo † illum magis odio fuisse, quae rem p. temporis vitae ille—Madvig: quam rem publicam temporis sui laesisse—quia melius est unum malum pati quam multa). Er griff eigentlich nur in besonderen Fällen ein, wenn die Verhältnisse wirklich unhaltbar geworden waren, wie in Bithynien. In solchem Falle liess er aber auch jede Kleinigkeit zu seiner Entscheidung kommen und es gab kein Verhältniss der Provinz welches nicht unmittelbar an ihn gelangt wäre и т. д.

[2]) Suet. Dom. 8.

перовъ и въ то же время доказать населенію свою неустанную заботу о немъ, вотъ что̀ лучше всего сдерживало намѣстниковъ. Какъ только это сознаніе исчезало или ослаблялось, а при Нервѣ и Траянѣ это несомнѣнно такъ и было, какъ только намѣстники снова чувствовали, что могутъ разсчитывать на снисходительность власти, ихъ наклонность къ превышенію власти и къ эксплоатаціи подданныхъ, вытекавшая именно изъ величины ихъ полномочій и невозможности постояннаго контроля надъ ихъ дѣйствіями, снова должна была пріобрѣсти значительные размѣры и подать поводъ къ жалобамъ [1]). Но отсюда до сознательнаго ослабленія обычнаго контроля очень далеко. Одна изъ основъ императорскаго могущества заключалась въ возможно болѣе строгомъ и возможно болѣе постоянномъ надзорѣ надъ всѣми намѣстниками и въ возможно большемъ ослабленіи ихъ мѣстнаго авторитета; отъ степени дѣйствительности императорскаго контроля въ значительной мѣрѣ зависѣла не только степень благосостоянія, а слѣдовательно и вѣрности провинцій, но и безопасность самой власти. При такихъ условіяхъ контрольная дѣятельность центральной власти имѣетъ естественную тенденцію къ постоянному усиленію и расширенію, и не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что сто-тридцатилѣтнее существованіе принципата само по себѣ должно было привести къ значительному сокращенію той полудиктаторской самостоятельности, которой пользовались проконсулы и пропреторы временъ республики. Ростъ и усложненіе императорскаго контроля, а параллельно съ этимъ упадокъ самостоятельности намѣстниковъ и фактическое сокращеніе ихъ компетенціи не представляютъ случайнаго явленія, зависящаго отъ личныхъ качествъ того или иного принцепса, а необходимый и неизбѣжный результатъ существованія императорской власти. Вотъ

[1]) Изъ переписки Плинія съ его друзьями извѣстно нѣсколько процессовъ противъ намѣстниковъ по жалобамъ подданныхъ.

почему никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы Траянъ сознательно отрекся отъ одного изъ наиболѣе существенныхъ завоеваній, сдѣланныхъ принципатомъ въ его вѣковой борьбѣ съ старыми факторами государственной жизни. Весьма возможно, что Траянъ полусознательно предоставлялъ намѣстникамъ больше свободы дѣйствій, чѣмъ болѣзненно подозрительный Домиціанъ, но дѣлать изъ этого съ Шиллеромъ выводъ, что онъ „собственно говоря только въ исключительныхъ случаяхъ вмѣшивался въ провинціальное управленіе“, было бы совершенно произвольно и неправильно. Подобная политика шла бы въ разрѣзъ со всѣмъ прошлымъ и всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ принципата: если бы развитіе императорскаго управленія было подвержено подобнаго рода перемѣнамъ и перерывамъ, то быстрое развитіе центральныхъ учрежденій, пріобрѣтающихъ уже при Гадріанѣ и оффиціально огромное значеніе, было бы невозможно.

Въ результатѣ мы имѣемъ право сказать, что дѣловая переписка Плинія съ Траяномъ едва ли очень значительно уклонялась отъ обычной переписки намѣстниковъ съ императорами этого и особенно послѣдующаго времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что надзоръ Траяна за внутреннимъ упорядоченіемъ виѳинскаго управленія и самоуправленія былъ болѣе внимателенъ чѣмъ надзоръ за управленіемъ провинцій, гдѣ нормальный порядокъ не былъ настолько нарушенъ. Не слѣдуетъ однако и преувеличивать строгости этого надзора. Съ одной стороны вопросъ о реорганизаціи виѳинской провинціи вовсе не представлялъ особенной важности для власти—иначе не Плиній, а какой-нибудь изъ болѣе близкихъ и довѣренныхъ лицъ императора былъ бы назначенъ ея намѣстникомъ [1]),—съ другой стороны, самая переписка дока-

[1]) Для опредѣленія соціальнаго положенія Плинія и его политическаго вліянія при дворѣ имѣетъ рѣшающее значеніе тотъ фактъ, что онъ добился только одного консулата въ 100 году и то не ординарнаго, тогда какъ рядъ

зываетъ, что Траянъ вовсе не желалъ разрѣшать лично всѣ дѣла и предполагалъ предоставить своему намѣстнику извѣстную свободу дѣйствій, которой тотъ однако не умѣлъ или не хотѣлъ воспользоваться. „Я къ тому и избралъ тебя (точнѣе твою разумность)“, пишетъ ему между прочимъ Траянъ, „чтобы *ты самъ* позаботился объ упорядоченіи нравовъ этой провинціи и чтобы ты далъ ей такое устройство, которое содѣйствовало бы постоянному ея спокойствію“ [1]). Постоянные, подчасъ до нельзя мелочные запросы Плинія очевидно вывели императора наконецъ изъ терпѣнія и заставили его напомнить намѣстнику, что онъ съ тѣмъ и назначенъ, чтобы насколько возможно замѣщать императора и не доводить всякихъ мелочей до его свѣдѣнія.

Поразительная нерѣшительность и неувѣренность Плинія едва ли можетъ быть объяснена исключительно особенностями его личнаго характера. Контроль центральной власти, фактически неспособной услѣдить за всѣмъ, но именно поэтому стремящейся къ возможно болѣе бдительному надзору, при такой государственной организаціи, какую мы имѣемъ предъ собой въ римской имперіи, неизбѣжно парализуетъ постепенно самодѣятельность мѣстныхъ властей и заставляетъ ихъ постоянно оглядываться боязливо на центръ и искать въ немъ одобренія всѣхъ ихъ дѣйствій. Нужно ли разрѣшить болѣе серьезные вопросы или рѣшить, слѣдуетъ ли достроить театръ въ

лицъ, болѣе вліятельныхъ или болѣе близкихъ къ Траяну получили по нѣсколько консулатовъ.

[1]) Plin. et Trai. ep. 117. Ср. ib. 82: Potuisti non haerere, mi Secunde carissime, circa id de quo me consulendum existimasti..., ib. 40: quid oporteat fieri circa theatrum, quod inchoatum apud Nicaeenses est in re praesenti optime deliberabis et constitues. Mihi sufficiet indicari cui sententiae accesseris... Quid Claudiopolitanis circa balineum, quod parum, ut scribis, idoneo loco inchoaverunt, suadendum sit tu constitues. Architecti tibi deesse non possunt. Nulla provincia est quae non peritos et ingeniosos homines habeat; modo ne existimes brevius esse ab urbe mitti, cum ex Graecia etiam ad nos venire soliti sint.

Никеѣ или бани въ Клавдіополѣ, Плиній обращается къ Траяну: онъ даже не рѣшается самъ нанять архитекторовъ для осмотра начатыхъ построекъ и просить Траяна прислать таковыхъ изъ Рима. „Не можетъ быть, чтобы у тебя былъ недостатокъ въ архитекторахъ“, отвѣчаетъ ему весьма резонно Траянъ. „Нѣтъ такой провинціи, въ которой бы не было опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и талантливыхъ людей: или ты быть можетъ думаешь, что ихъ можно скорѣе прислать изъ Рима, тогда какъ они и къ намъ обыкновенно приходятъ изъ Греціи?“ [1]). Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, власть въ концѣ концовъ сама тяготится нерѣшительностью своихъ органовъ, несмотря на то, что послѣдняя ею же вызвана. Изъ переписки Плинія и Траяна становится очевиднымъ, что значеніе центральнаго управленія быстро ростетъ: центръ не только даетъ общія руководящія указанія, но отчасти по собственной волѣ, отчасти поневолѣ принужденъ разрѣшать массу вопросовъ чисто мѣстнаго характера, которые при нормальной организаціи мѣстнаго управленія должны бы были разрѣшаться на мѣстѣ.

Разсмотрѣніе развитія императорскаго управленія не входитъ въ кругъ нашихъ задачъ, и если мы нѣсколько дольше остановились на административной политикѣ Траяна, то мы сочли нужнымъ это сдѣлать отчасти въ виду крайне односторонняго и неправильнаго взгляда Шиллера на этотъ вопросъ, а главнымъ образомъ потому, что практика траянова управленія вполнѣ подтверждаетъ все, что нами было сказано о чисто-монархическомъ характерѣ его принципата.

Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особенный интересъ и тотъ фактъ, что Траянъ впервые систематически пользуется титуломъ проконсула, каждый разъ, когда онъ покидаетъ Римъ и Италію [2]). Онъ не дѣлаетъ при этомъ никакого различія

[1]) Ib. 40, 3. Ср. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Ср. Моммзенъ R. St. 2, стр. 777 сл.

между императорскими и сенатскими провинціями: дарованная Августу въ 23 году проконсульская власть, какъ мы видѣли, относится и къ тѣмъ и къ другимъ, но до Траяна принцепсы довольствовались общимъ указаніемъ на эту власть и не присваивали себѣ титула проконсула. Въ нововведеніи Траяна очевидно выражается его намѣреніе не ослабить, а усилить контроль центральной власти надъ провинціальнымъ управленіемъ, что какъ нельзя болѣе рѣзко противорѣчитъ взгляду Шиллера, а если Траянъ не называлъ себя проконсуломъ въ Римѣ и Италіи, то это, правда, съ одной стороны доказываетъ, что старый взглядъ на Италію, какъ на страну, господствующую надъ остальной имперіей и слѣдовательно не представляющую изъ себя провинціи, формально еще сохранялся — онъ былъ принципіально устраненъ только Септиміемъ Северомъ, — но изъ этого съ другой стороны нельзя дѣлать выводъ, будто Траянъ воздерживался отъ вмѣшательства въ италіанскія дѣла.

Изъ того, что Траянъ признаетъ себя верхознымъ уполномоченнымъ „сената и народа римскаго“, т.-е. всей имперіи, не слѣдуетъ, чтобы онъ особенно довѣрялъ управленію римскаго сената или городскому самоуправленію, этому послѣднему уже начинавшему погибать обломку прежней свободы. Что касается сената, то Траянъ не только отнялъ у него провинцію Виѳинію [1]), но серіозно вмѣшался и въ древнѣйшую область консульско-сенатскаго управленія, въ управленіе Италіей, назначивъ рядъ спеціальныхъ коммиссаровъ для надзора надъ управленіемъ, т.-е. преимущественно надъ финансами, италіанскихъ городовъ [2]). Подчиненіе городского само-

[1]) По мнѣнію Borghesi, Oeuvres 5, 407—415, сенатъ тогда же получилъ въ обмѣнъ Памфилію. Это однако несомнѣнно такъ только со временъ Гадріана, Marquardt, St. V. 1, 218.

[2]) Подробности (исключительно на основаніи эпиграфическихъ данныхъ) см. Mommsen, R. St, 2, 1083. Ср. напр. C. I. L. 9, 16, 19: honoratus ad curam kalendarii rei p. Canusinorum a divo Traiano Parthico et ab imp.

управленія правительственному контролю было непосредственно вызвано внутреннимъ упадкомъ городовъ, на причинахъ котораго мы здѣсь не имѣемъ возможности остановиться [1]), и не ограничивалось предѣлами Италіи [2]). Значеніе этого факта въ жизни римской имперіи представляется огромнымъ: упадокъ городского самоуправленія является прелюдіей къ полной централизаціи всего государственнаго управленія въ рукахъ императора и его помощниковъ. Какъ въ большей части западной Европы въ XIV и слѣдующихъ вѣкахъ, такъ и въ римской имперіи во II и III вѣкѣ постоянно возрастаетъ количество городовъ, подчиненныхъ правительственной опекѣ, и ростетъ количество мѣстныхъ должностныхъ лицъ, а съ теченіемъ времени это неминуемо должно породить потребность въ іерархической организаціи всемогущей бюрократіи. Ни въ западной Европѣ въ указанное время, ни въ римской имперіи власть не отдавала себѣ отчета въ огромномъ значеніи самоуправленія для процвѣтанія государства и, увидя симптомы его упадка, не попыталась устранить ихъ причины и содѣйствовать внутреннему оздоровленію экономической и соціальной жизни городовъ, а предпочла сначала ограничить, а затѣмъ и уничтожить самую автономію мѣстныхъ центровъ. Въ перепискѣ Плинія и Траяна есть два любопытныхъ письма, касающихся свободнаго города Апамеи. Въ первомъ изъ нихъ Плиній докладываетъ императору, что онъ счелъ нужнымъ ревизовать книги города Апамеи для выясненія выданныхъ городомъ въ долгъ суммъ, ея доходовъ и расходовъ и сообщаетъ, что жители, правда, признали подобнаго рода ревизію очень желательной, но заявили, что ни одинъ проконсулъ никогда не ревизовалъ ихъ финансовъ и что они обладаютъ

Hadriano Augusto; C. I. L. 5, 4368; 10, 6006. Ср. Henzen, Sui curatori delle città antiche въ Annali dell'inst. за 1851 г., стр. 5 сл.

[1]) Ср. малоудовлетворительныя разсужденія Liebenam'а.

[2]) Ср. Plin. et Trai. ep. 113: adversus eos, qui inviti fiunt decuriones...

„привилегіей и древнѣйшимъ обычаемъ“, въ силу котораго они самостоятельно управляютъ своимъ городомъ. Въ виду этого Плиній предложилъ имъ составить докладную записку на имя императора, которую и переслалъ послѣднему, и испрашиваетъ у него инструкцій, какъ въ данномъ случаѣ поступить [1]). Отвѣтъ Траяна не оставляетъ сомнѣній, что онъ не обратилъ бы никакого вниманія на привилегіи колоніи, если бы послѣдняя посмѣла сопротивляться его уполномоченному: „докладная записка Апамейцевъ, которую ты приложилъ къ твоему письму“, пишетъ онъ Плинію, „избавила меня отъ необходимости разсмотрѣть, на какомъ это основаніи они считаютъ, что тѣ, которые назначаются проконсулами этой провинціи, воздерживались отъ ревизіи ихъ финансовъ, разъ они не сопротивлялись тому, чтобы ты ихъ ревизовалъ. Въ виду этого слѣдуетъ вознаградить ихъ честное отношеніе къ дѣлу и пусть они знаютъ, что все, что̀ ты сдѣлаешь при ревизіи, ты сдѣлаешь согласно моей волѣ безъ нарушенія ихъ привилегій“ [2]). Интересы порядка очевидно стояли въ глазахъ Траяна гораздо выше самоуправленія.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе остальныхъ сторонъ административной дѣятельности Траяна. Это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ нашей ближайшей цѣли. Того, что̀ сказано, вполнѣ достаточно, чтобы уразумѣть общій характеръ его управленія. Принцепсъ рѣшительно открещивается отъ всякаго рода деспотическихъ поползновеній, но онъ вовсе не собирается ограничить свое монархическое всевластіе и если

---

[1]) Plin. et Trai. ep. 47: numquam tamen esse lectas ab ullo proconsulum, habuisse privilegium et vetustissimum morem arbitrio suo rem publicam administrare. „Привилегіи и древнѣйшіе обычаи“ лежатъ также въ основаніи автономіи средневѣковыхъ городовъ.

[2]) Ib. ep. 48: hoc quod inspecturus es ex mea voluntate salvis quae habent privilegiis facturum. Ср. Mommsen St. R. 2, 1083 пр. 2: ...giebt Traian... zugleich nicht undeutlich zu verstehen, dass es der Bürgerschaft nichts geholfen haben würde, wenn sie sich geweigert hätte.

онъ торжественно отказывается отъ примѣненія своей уголовной юрисдикціи къ сенаторамъ, то онъ дѣлаетъ это добровольно и для обезпеченія перваго сословія имперіи, къ которому онъ самъ принадлежалъ и принадлежитъ, отъ унижающей зависимости отъ власти. Съ точки зрѣнія Траяна и его преемниковъ ихъ присяга не казнить сенаторовъ представляетъ торжественное подтвержденіе одной изъ привилегій, которыми такъ богаты сословія и города имперіи, но не содержитъ внѣшняго и вынужденнаго ограниченія императорской власти. Просвѣщенный или, какъ выражались въ тѣ времена, мудрый монархъ не станетъ зря нарушать освященныхъ вѣками правъ сословій и городовъ, но это также мало мѣшаетъ ему быть неограниченнымъ монархомъ, какъ королю Франціи и Наварры то обстоятельство, что перы королевства могутъ быть судимы только перами же.

Съ принципатомъ Траяна на долгое время кончается эпоха смѣняющихъ другъ друга террора и заговоровъ. Власть отказывается отъ деспотическихъ идеаловъ и замашекъ, а общество отъ практическаго осуществленія республиканскихъ традицій и вожделѣній. Управленіе Траяна свободно отъ всякихъ колебаній и всякой нерѣшительности: въ немъ нѣтъ ни подозрительной неувѣренности Августа, Тиберія, Клавдія и даже Веспасіана, нѣтъ безумной жажды Гая и Нерона поразить общество своимъ всевластіемъ, нѣтъ и холоднаго деспотизма Домиціана. Траянъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ могуществѣ и въ своемъ правѣ на власть. Онъ не только не считаетъ нужнымъ подчеркивать безграничность своихъ полномочій, но вполнѣ признаетъ свою нравственную отвѣтственность передъ богами и населеніемъ и демонстративно выражаетъ это свое отношеніе къ собственной власти. Принципатъ не только по конституціонному положенію принцепса, но и по взглядамъ власти и общества окончательно превратился въ монархію. Но эта монархія по духу рѣзко отличается отъ эллинисти-

ческой монархіи бога и государя. Монархъ обладаетъ властью не по собственному праву, а въ качествѣ верховнаго и неограниченнаго уполномоченнаго „сената и народа римскаго“, т.-е. всего государства; его управленіе поэтому должно соотвѣтствовать не его личнымъ вкусамъ и взглядамъ, а правильно, „мудро“, понятымъ интересамъ всей имперіи. Онъ является не владыкой, а слугой государства.

Таковъ тотъ взглядъ на принципатъ, который имѣетъ рѣшающее значеніе вплоть до воцаренія Коммода и который окончательно примиряетъ общество съ принципатомъ.

ГЛАВА V.

Римское общество временъ Нервы и Траяна.

§ 1.

Тацитъ.

Эпоха Нервы и Траяна дала римскому обществу возможность высказать тѣ взгляды, которые накопились въ немъ въ эпоху Флавіевъ. Тацитъ, Плиній и Ювеналъ, Діонъ Хрисостомъ и Плутархъ, не говоря уже о болѣе мелкихъ писателяхъ, являются выразителями его настроеній, надеждъ и идей. Само собою разумѣется, что мы не можемъ льстить себѣ надеждой, что наши источники достаточно разнообразны и безпристрастны, чтобы возстановить всѣ разнообразныя теченія мысли этого времени. Тѣмъ не менѣе, кромѣ эпохи Цицерона и пожалуй эпохи Л. Аннея Сенеки, ни одинъ періодъ умственной и политической жизни римскаго общества не далъ намъ столько матеріала для реконструкціи его характерныхъ особенностей, какъ этотъ послѣдній періодъ богатаго развитія римской литературы.

Подобно тому, какъ вторая половина XV и первая половина XVI вѣка является эпохой „послѣднихъ рыцарей“ или, иначе говоря, эпохой вымиранія феодальныхъ нравовъ и идей, такъ конецъ перваго и начало второго вѣка нашей эры мо-

жетъ быть названъ эпохой „послѣднихъ римлянъ“ и мы бы не задумались назвать этимъ именемъ, напримѣръ, Траяна и Тацита. Начиная съ Гадріана римскія начала жизни чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе отступаютъ на задній планъ и самъ Гадріанъ съ его безпокойными поисками чего-то лучшаго, съ его неувѣренностью въ смыслѣ жизни, съ его нервной подвижностью, съ его космополитическими тенденціями знаменуетъ собой нарожденіе новаго, болѣе нервнаго, менѣе устойчиваго типа, чѣмъ тотъ, представителемъ котораго является менѣе сложная, но болѣе спокойная натура Траяна. Неудовлетворенность жизнью, такъ ярко проявляющаяся еще у предтечи новаго для римлянъ, но стараго на греческомъ и полугреческомъ востокѣ психическаго движенія, у Сенеки, охватываетъ все бо̀льшіе круги общества и какъ всегда ярче всего ощущается обездоленной во всѣхъ отношеніяхъ массой съ одной, наиболѣе чуткими въ нравственномъ отношеніи представителями интеллигенціи—съ другой стороны. Весьма естественно также, что на первыхъ порахъ это движеніе принимаетъ весьма разнообразныя, отчасти и чрезвычайно странныя формы и лишь постепенно все опредѣленнѣе принимаетъ религіозную и въ частности мистически-аскетическую форму. Рѣзкое возрожденіе жестокихъ насмѣшекъ надъ старыми богами въ произведеніяхъ Лукіана идетъ рука объ руку съ усиленіемъ наиболѣе строгихъ этическихъ ученій греческой философіи, съ ростомъ религіознаго синкретизма и съ нарожденіемъ и развитіемъ христіанской этики и догматической философіи. Античный міръ извѣрился въ своихъ устояхъ и окруженный возрастающимъ нравственнымъ и соціальнымъ зломъ страстно ищетъ выхода изъ невыносимаго положенія. Безпокойный скептицизмъ Гадріана и глубоко пессимистическій стоицизмъ Марка Аврелія представляютъ такіе же этапы на новомъ пути, какъ вольтеровскій смѣхъ Лукіана или какъ его противоположность, гностицизмъ и творенія отцовъ церкви.

Римское общество, какъ всегда, идетъ и тутъ по стопамъ греческаго. Какъ въ эпоху Цицерона, такъ и въ эпоху Марка Аврелія оно ищетъ разъясненія своимъ сомнѣніямъ и надѣется найти руководящія мысли у греческихъ философовъ и писателей. Разница только въ характерѣ его сомнѣній и тѣхъ отвѣтовъ, которые оно желаетъ найти и такъ или иначе находитъ у своихъ учителей, а также и въ томъ, что ко времени Марка Аврелія оно по причинамъ, до сихъ поръ мало выясненнымъ, утрачиваетъ даже ту долю умственной самостоятельности, которая позволяла Цицерону или Сенекѣ придать ихъ философіи эклектическій характеръ, т.-е. свободно брать у разныхъ школъ и направленій то, что̀ имъ нравилось, хотя бы отъ этого и страдала стройность и послѣдовательность всей системы. Со временъ Тацита и Ювенала римское общество по крайней мѣрѣ въ области мысли и литературы не выставляетъ болѣе ни одной крупной личности: единственной отраслью, въ которой еще продолжаетъ проявляться его творческая дѣятельность, должна быть признана юриспруденція, да и тутъ вліяніе греческой философской мысли именно въ это время становится особенно замѣтнымъ. При сравненіи съ быстрымъ упадкомъ римской мысли, поразительная живучесть и плодотворность греческой бросается въ глаза особенно ярко, но мы уже видѣли, что причины этого характернаго различія должны быть признаны неясными, и во всякомъ случаѣ намъ здѣсь не мѣсто высказывать свои соображенія по этому поводу.

Какъ бы то однако ни было, фактъ, что со второго вѣка господство греческой мысли становится неоспоримымъ и окончательнымъ, не подлежитъ сомнѣнію. Ни Аппулей, ни жалкіе компиляторы вродѣ Авла Геллія и буквоѣды вродѣ Фронтона не могутъ сохранить той славы, которую пріобрѣли римской литературѣ Цицеронъ и Цезарь, Вергилій, Горацій и Овидій, Сенека и Луканъ, Марціалъ, Ювеналъ и Тацитъ.

Но Тацитъ можетъ быть признанъ однимъ изъ „послѣд-

нихъ римлянъ“ не только потому, что послѣ него римская письменность не могла болѣе выставить ни одного первокласснаго таланта. Онъ и по духу, по всему своему міросозерцанію принадлежитъ не къ новой космополитической и нравственно вѣчно безпокойной полосѣ римской и всей античной жизни, а съ Траяномъ является послѣднимъ крупнымъ представителемъ старыхъ римскихъ взглядовъ со всей ихъ цѣльностью и со всей ихъ подчасъ поразительной узостью [1]). Вскорѣ послѣ него наступитъ, правда, эпоха сознательнаго стремленія къ древней старинѣ, къ М. Порцію Катону старшему и другимъ героямъ добраго стараго времени, но все это движеніе отличается искусственнымъ, вымученнымъ и чисто внѣшнимъ характеромъ. Тациту, наоборотъ, нечего стремиться къ архаическимъ оборотамъ и взглядамъ, онъ самъ является обломкомъ римской старины и тотъ трагизмъ, которымъ вѣетъ отъ его произведеній, отчасти по крайней мѣрѣ, объясняется тѣмъ, что онъ свято хранитъ старыя традиціи среди новаго поколѣнія, которое можетъ ему удивляться, но которому онъ въ сущности чуждъ. Если мы выше замѣтили, что не Ѳразея Петъ, а Сенека являлся типичнымъ представителемъ общества временъ Гая, Клавдія и Нерона, то здѣсь мы должны отмѣтить, что не мрачная сила Тацита, а самолюбивая, тщеславная и мелкая но болѣе подвижная натура Плинія младшаго

[1]) Ср. напр. l. 10 § 1 D. 29, 5 (de senatus consulto Silaniano et Claudiano): sub divo Traiano constitutum est de his libertis, quos vivus manumiserat, quaestionem haberi. Случай практическаго примѣненія этого ужаснаго распоряженія (ср. Mommsen, Röm. Strafrecht стр. 630—631) разсказанъ у Плинія, ep. 8, 14, 12: referebatur de libertis Afrani Dextri consulis, incertum sua an suorum manu, scelere an obsequio perempti. hos alius (quis? inquis: ego: sed nihil refert) post quaestionem supplicio liberandos, alius in insulam relegandos, alius morte puniendos arbitrabantur..... ib. 24: Qui ultimum supplicium sumendum esse censebat... omissa sententia sua accessit releganti, veritus scilicet ne, si dividerentur sententiae, quod alioqui fore videbatur, ea quae absolvendos esse censebat numero praevaleret. Etenim longe plures in hac una quam in duabus singulis erant. Ср. разсказъ Тацита объ убійствѣ Педанія Секунда, Ann. 14, 42—45.

представляется типичной для эпохи послѣдняго Флавія, Нервы и Траяна. Нельзя не признать характернымъ, что значительная часть произведеній Тацита погибла для насъ (а вѣроятно, погибло бы еще больше, если бы императоръ Тацитъ не позаботился о сохраненіи произведеній того, котораго онъ считалъ своимъ предкомъ), тогда какъ вся пошлая переписка Плинія и его пустой панегирикъ Траяну дошли до насъ. Тацитъ, очевидно, принадлежалъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ больше восхваляютъ, нежели читаютъ [1]) и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что онъ уже при жизни былъ въ достаточной мѣрѣ одинокъ, а потому мы лишь съ большой осторожностью можемъ пользоваться его произведеніями для характеристики *преобладающаго* политическаго настроенія данной эпохи. Мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ исключительной личностью, настроенія и взгляды которой, по всему вѣроятію, находили полное сочувствіе лишь среди очень небольшого кружка его современниковъ.

Жизнь Публія Корнелія Тацита намъ очень мало извѣстна [2]). Мы не знаемъ рѣшительно ничего объ его происхожденіи и его отцѣ [3]). Во всякомъ случаѣ онъ по рожденію не принадлежалъ самъ къ сенаторскому сословію, а былъ сыномъ всадника, но вѣроятно, довольно состоятельнаго и зани-

---

[1]) Что имя Тацита пользовалось широкой извѣстностью, видно изъ разсказа Плинія ep. 9, 23, 2—3: numquam tamen maiorem cepi voluptatem, quam nuper ex sermone Corneli Taciti. Narrabat sedisse se cum quodam Circensibus proximis: hunc post varios eruditosque sermones requisisse: „Italicus es an provincialis?“ se respondisse „nosti me et quidem ex studiis“. Ad hoc illum „Tacitus es an Plinius?“

[2]) Литературу о немъ см. у Teuffel, Gesch. d. röm. Lit. т. II стр. 829 прим. 10 и стр. 833 прим. 17 и у Schanz, Gesch. d. röm. Lit.

[3]) Вопросъ о собственномъ имени Тацита разрѣшенъ недавно найденной надписью ср. Bull. de corresp. hell. 1890, стр. 621. Изъ словъ Плинія Старшаго (Plin. N. H. 7, 76: ipsi non pridem vidimus eadem ferme omnia.. in filio Corneli Taciti, equitis Romani, Belgicae Galliae rationes procurantis) нѣкоторые считаютъ возможнымъ сдѣлать заключеніе, что тутъ говорится объ отцѣ историка.

мавшаго хорошее общественное положеніе. Иначе позднѣйшему историку едва ли удалось бы проникнуть въ сенатъ и жениться на дочери патриція и консуляра Агриколы. При Веспасіанѣ Тацитъ, повидимому, былъ допущенъ къ низшимъ должностямъ, открывавшимъ надежду на сенаторскую карьеру, т.-е. къ военному трибунату и вигинтивирату, а при Титѣ онъ съ должностью квестора получилъ доступъ въ сенатъ, но всей своей дальнѣйшей карьерой онъ по собственному признанію былъ обязанъ Домиціану [1]), при которомъ онъ уже въ 88 году (ему тогда было около 33 лѣтъ [2]), былъ преторомъ и членомъ одной изъ жреческихъ коллегій [3]). Послѣ претуры онъ по всему вѣроятію былъ намѣстникомъ какой-либо провинціи и поэтому не присутствовалъ при смерти своего тестя Агриколы, послѣдовавшей въ 93 году [4]).

Этими немногими данными исчерпывается все, что̀ намъ извѣстно о внѣшнихъ фактахъ жизни Тацита. О ходѣ его образованія и развитія мы знаемъ также мало. Въ діалогѣ объ ораторахъ онъ самъ сообщаетъ, что учился краснорѣчію у Марка Апра и Юлія Секунда [5]), а изъ нѣкоторыхъ замѣ-

---

[1]) Tac. Hist. 1, 1: dignitatem nostram a Vespasiano inchoatam, a Tito auctam, a Domitiano longius provectam non abnuerim, Ср. интерпретацію этого мѣста, предложенную Borghesi, oeuvres 7, 322 сл. и Urlichs, de Taciti vita et honoribus, стр. 2.

[2]) Законный возрастъ для квестуры — 25 лѣтъ, а такъ какъ Тацитъ сталъ квесторомъ при Титѣ, т.-е. въ 80 или 81 году, то онъ родился около 55 года. По dial. de orat. 1 онъ въ 75 году былъ iuvenis admodum. Согласно съ этимъ Плиній Младшій, родившійся въ 61—62 году говоритъ про себя и Тацита ep. 7, 20, 3—4: duo homines aetate dignitate propemodum aequales.. equidem adolescentulus, cum iam tu fama gloriaque floreres, te sequi, tibi longo sed proximus intervallo et esse et haberi concupiscebam.

[3]) Ann. 11, 11: is quoque (Домиціанъ) edidit ludos saeculares, iisque intentius adfui sacerdotio quindecimvirali praeditus ac tunc praetor.

[4]) Agric. 44: excessit... Collega Priscoque consulibus; ср. 45: sed mihi filiaeque eius.. auget maestitiam, quod adsidere valetudini, fovere deficientem... non contigit.

[5]) Dial. de or. 2.

чаній Плинія вытекаетъ, что онъ велъ судебныя дѣла [1]) и славился своимъ краснорѣчіемъ; его рѣчи, по словамъ Плинія, отличались величавой простотой [2]).

Если къ этому прибавить, что Тацитъ непосредственно послѣ убійства Домиціана, т.-е. еще въ 97 году, получилъ консулатъ, а позднѣе (вѣроятно въ 112—113 году), какъ доказываетъ найденная въ 1890 году въ Малой Азіи надпись, былъ проконсуломъ провинціи Азіи, то мы тѣмъ самымъ собрали всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя о его жизни. Съ внѣшней стороны она, какъ видно, не представляетъ ничего исключительнаго и мало соотвѣтствуетъ обычному представленію о характерѣ взглядовъ и жизни Тацита.

Трагизмъ личной судьбы Тацита, отразившійся особенно на его болѣе позднихъ произведеніяхъ [3]), заключается въ несоотвѣтствіи его натуры и тѣхъ внѣшнихъ условій, среди коихъ онъ жилъ, которыя онъ былъ принужденъ признать неизбѣжными и которымъ онъ поневолѣ покорялся даже въ такихъ случаяхъ, когда они рѣзко расходились съ его нравственными потребностями и идеалами. Тацитъ отнюдь не былъ боевой натурой и не только не протестовалъ открыто противъ

---

[1]) Cp. Plin. 2, 11, 2: Marius Priscus, accusantibus Afris, quibus pro consule praefuit, omissa defensione iudices petiit. ego et Cornelius Tacitus adesse provincialibus iussi.. 19: in fine sententiae adiecit (Cornutus Tertullus, consul designatus), quod ego et Tacitus iniuncta advocatione diligenter et fortiter functi essemus, arbitrari senatum, ita nos fecisse ut dignum mandatis partibus fuerit.

[2]) Ib. 2, 11, 17: respondit Cornelius Tacitus eloquentissime et, quod eximium orationi eius inest, σεμνῶς. Ср. ep. 4, 3, 11 (къ Тациту): rogo ut ex copia studiosorum quae ad te ex admiratione ingenii tui convenit circumspicias praeceptores quos sollicitare possimus, чтобы рекомендовать ихъ жителямъ города Comum для преподаванія краснорѣчія.

[3]) Діалогъ объ ораторахъ былъ написанъ и изданъ вѣроятнѣе всего еще при Титѣ. Непосредственно послѣ смерти Домиціана появилась біографія Агриколы, а нѣсколько позднѣе трактатъ о Германіи. Исторія эпохи отъ смерти Нерона до смерти Домиціана, содержавшая повидимому, 12 книгъ, была написана около 106—109 года, а Анналы, содержавшія повидимому 18 книгъ, до 117 года.

тираніи Домиціана, но по собственному признанію участвовалъ даже въ процессахъ, приведшихъ къ гибели Арулена Рустика, Гереннія Сенеціона и Гельвидія Приска сына. Онъ вполнѣ сознавалъ, что правда на ихъ сторонѣ, и какъ видно, изъ эпилога къ біографіи Агриколы самъ мучился своей недостойной ролью жестокаго судьи невинныхъ [1]), но у него не хватило геройства, чтобы протестовать противъ казней, которыя онъ осуждалъ, или чтобы удалиться изъ сената. Онъ слишкомъ хорошо понималъ полную безполезность всякой оппозиціи противъ такого деспота, какъ Домиціанъ, и не пожелалъ пожертвовать собой, сознавая, что кромѣ удовлетворенія своего нравственнаго чувства онъ не могъ ожидать ничего отъ протеста, „который его самого погубилъ бы, не побудивъ другихъ стремиться къ свободѣ“ [2]). Въ настоящее время можетъ показаться, что порядочный человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не совершилъ бы дѣянія, въ которомъ съ болью признается Тацитъ: не слѣдуетъ однако забывать, среди какихъ условій жилъ Тацитъ, какой огромный героизмъ былъ необходимъ, чтобы пойти безъ всякой поддержки въ обществѣ на совершенно безполезную гибель ради отвлеченнаго принципа; не слѣдуетъ также забывать ни того, что формальное участіе въ казняхъ принцепса давно сдѣлалось обычнымъ для сената явленіемъ, что въ бесѣдахъ между собою сенаторы несомнѣнно отвергали всякую отвѣтственность за вынужденное повиновеніе, ни того, что Тацитъ самъ, очевидно, не могъ удовлетвориться такимъ поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу и глубоко страдалъ, что поступилъ согласно доводамъ разсудка, а не согласно потребностямъ своей натуры. Событія послѣднихъ лѣтъ Домиціана навсегда набросили тѣнь на его внутреннюю жизнь и сдѣлали его тѣмъ пессимистомъ, какимъ онъ

[1]) Ср. выше стр. 155.

[2]) Ср. его знаменитыя слова о Ѳразеѣ Ann. 14, 12: ac sibi causam periculi fecit, ceteris libertatis initium non praebuit.

чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе является передъ нами. Для оцѣнки нравственной чуткости и чистоты Тацита необходимо сравнить его съ Плиніемъ. Тогда какъ Тацитъ не думаетъ отвергать свою долю нравственной отвѣтственности въ гибели жертвъ домиціанова деспотизма, и вся жизнь его, благодаря этому, покрыта и грустью и глубокимъ ожесточеніемъ противъ деспотизма, Плиній, какъ мы видѣли, хвалится тѣмъ, что тайкомъ далъ деньги философу Артемидору, чтобы тотъ имѣлъ возможность удалиться изъ Италіи [1]), и спокойно занимается всякаго рода риторическими упражненіями. Въ душѣ Плинія нѣтъ никакого разлада: онъ вполнѣ довольствуется шаблонными соображеніями, которыми сенаторы оправдывали свое поведеніе; его мелкая натура не знаетъ тѣхъ угрызеній совѣсти, которыя несомнѣнно никогда окончательно не покидали Тацита.

По натурѣ и по всему своему міросозерцанію Тацитъ былъ типичнымъ римскимъ аристократомъ со всѣми его хорошими, но и со всѣми его отрицательными чертами. Сознаніе своего достоинства, уваженіе къ великимъ традиціямъ прошлаго, строгіе нравственные принципы переплетаются въ немъ съ глубокимъ презрѣніемъ къ массѣ, съ узкимъ консерватизмомъ, съ отсутствіемъ сильной и свободной критической мысли и съ бездной всякаго рода предразсудковъ. Какъ настоящій римлянинъ временъ Катона, онъ чуждъ всякой гуманности, которая ему представляется сентиментализмомъ. Когда въ 19 году сенатъ запрещаетъ египетскій и еврейскій культъ и высылаетъ 4000 либертовъ, „зараженныхъ этими суевѣріями“, въ Сардинію для борьбы съ мѣстнымъ разбоемъ, онъ замѣчаетъ, что если бы они и погибли отъ нездороваго климата, то это было бы „ничтожной потерей“ [2]). Когда Неронъ сваливаетъ вину въ пожарѣ Рима на христіанъ и сжигаетъ ихъ въ своихъ садахъ, онъ, правда, осуждаетъ ненужныя и без-

[1]) Ср. выше стр. 254.

[2]) Ann. 2, 85: et, si ob gravitatem caeli interissent, vile damnum,

образныя жестокости, но съ характернымъ высокомѣріемъ не считаетъ нужнымъ познакомиться съ „гибельнымъ суевѣріемъ“ и признаетъ „ненавистныхъ изъ-за ихъ преступленій“ христіанъ „виновными въ ненависти къ роду человѣческому“ и заслуживающими въ интересахъ государства „самыя строгія наказанія“ [1]).

Но онъ относится съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ не только къ провинціальной, но и къ римской массѣ и къ народу вообще. Въ городѣ Римѣ стекается все жестокое и позорное и пользуется поклоненіемъ неразумной толпы [2]). Тацитъ, правда, признаетъ, что и среди народа есть еще здоровые элементы, но это тѣ, что такъ или иначе примыкаютъ къ домамъ сенаторовъ [3]). Въ общемъ же народъ заслуживаетъ только презрѣнія и почти всюду называется чернью. Его единственная забота заключается въ обезпеченіи продовольствія [4]) и во всякаго рода зрѣлищахъ [5]); онъ не имѣетъ никакого отношенія къ государственнымъ дѣламъ [6]), а радъ

---

[1]) Ср. знаменитое мѣсто Ann. 15, 44: quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat... exitiatilis superstitio... haud proinde in crimine incendii quam odio generis humani convicti sunt unde.. quamquam adversus sontes et novissima exempla meritos miseratio oriebatur, tamquam non utilitate publica, sed in saevitiam unius absumerentur.

[2]) Тамъ же: per urbem etiam, quo cuncta undique atrocia aut pudenda confluunt celebranturque.

[3]) Ср. очень характерныя разсужденія Hist. 1, 4: sed *patres* laeti, usurpata statim libertate licentius ut erga principem novum et absentem; *primores equitum* proximi gaudio patrum; *pars populi integra* et magnis domibus adnexa, *clientes libertique* damnatorum et exulum in spem erecti: *plebs sordida* et circo ac theatris sueta, *simul deterrimi servorum*, aut qui adesis bonis per dedecus Neronis alebantur, maesti et rumorum avidi.

[4]) Hist. 4, 38: vulgus alimenta in dies mercari solitum, cui una ex re publica annonae cura; Ann. 15, 36: haec atque talia plebi volentia fuere, voluptatum cupidine et, quae praecipua cura est, rei frumentariae angustias, si abesset (Nero), metuenti. Ср. Ann. 6, 13; Hist. 1, 88.

[5]) Ann. 14, 14: ut est vulgus cupiens voluptatum et, si eodem princeps trahat, laetum. Ann. 15, 36: voluptatum cupidine.

[6]) Hist. 1, 89: sed vulgus et magnitudine nimia communium curarum expers populus.

всякому волненію [1]) и полонъ распущенности, особенно въ театрахъ [2]). Онъ готовъ поклоняться и льстить всякому принцепсу [3]) и едва замѣчаетъ, какъ лишаютъ его послѣднихъ политическихъ правъ [4]). Да это и вполнѣ естественно: вѣдь число свободнорожденныхъ съ каждымъ днемъ уменьшается [5]) и населеніе Рима пополняется вчерашними рабами или ихъ потомками, которыхъ очень много среди всадниковъ и не мало даже среди сенаторовъ [6]), а между тѣмъ, только свободное происхожденіе и наслѣдственная доблесть сообщаютъ человѣку право на участіе въ общественной жизни и на уваженіе. Гораздо выше населенія самого Рима стоитъ и въ этомъ и во всѣхъ отношеніяхъ населеніе старыхъ колоній и муниципій, въ которыхъ Тацитъ, очевидно, усматриваетъ истинный оплотъ государства: они съ отвращеніемъ относятся къ кривлянію Нерона на сценѣ [7]) и ихъ строгіе нравы благопріятно измѣняютъ характеръ римской жизни при Веспасіанѣ [8]). Но и они должны знать себѣ мѣсто и не должны стремиться въ высшіе круги римскаго общества: прямо странно читать, съ какимъ отвращеніемъ Тацитъ разсказываетъ о томъ, какъ внучка Августа, невѣстка Тиберія, жена Друза, Ливилла осквернила себя, своихъ предковъ и потомковъ связью съ „муниципальнымъ любовникомъ“, Сеяномъ [9]), или какъ онъ признаетъ

---

[1]) Hist. 1, 80: vulgus, ut mos est, cuiuscumque motus novi cupidum.

[2]) Hist. 1, 72: ubi plurima vulgi licentia, in circum ac theatra effusi seditiosis vocibus strepere.

[3]) Hist. 1, 32: tradito more quemcunque principem adulandi licentia adclamationum et studiis inanibus.

[4]) Ann. 1, 15: neque populus ademptum ius questus est nisi inani rumore.

[5]) Ann. 4, 27: minore in dies plebe ingenua.

[6]) Ann. 13, 27: late fusum id corpus (либерты): hinc plerumque tribus, decurias, ministeria magistratibus et sacerdotibus, cohortes etiam in urbe conscriptas; et plurimis equitum, plerisque senatoribus non aliunde originem trahi: si separarentur libertini manifestam fore penuriam ingenuorum.

[7]) Ann, 16, 5. Ср. выше стр. 22—23.

[8]) Ср. выше стр. 108—109.

[9]) Ann. 4, 3: municipali adultero.

общественнымъ бѣдствіемъ тотъ фактъ, что Тиберій выдалъ Юлію, дочь Друза, за Рубеллія Бланда, дѣдъ котораго еще былъ всадникомъ [1]). Онъ стыдится наводить справки о происхожденіи консуляра Курція Руфа, о которомъ нѣкоторые утверждали, что онъ былъ сыномъ гладіатора [2]), и не считаетъ возможнымъ назвать имена тѣхъ аристократовъ, которыхъ Неронъ заставилъ выступить на сценѣ, чтобы не опозорить и ихъ и ихъ предковъ [3]).

При такихъ условіяхъ само собою разумѣется, что политическая дѣятельность по его взгляду должна быть доступна только „благороднымъ“ по преимуществу, т.-е. сенаторамъ. Тацитъ является однимъ изъ типичныхъ представителей того узкаго сенатскаго эгоизма, о которомъ мы неоднократно говорили. Его одинаково раздражаетъ политическое вліяніе либертовъ и всадниковъ и онъ несомнѣнно вполнѣ сочувствовалъ тѣмъ словамъ о великомъ значеніи сената, которыя онъ, какъ мы видѣли, влагаетъ въ уста Оѳона, когда солдаты собирались истребить тѣхъ, которыхъ они привыкли считать врагами императоровъ. Сенатъ и для него несомнѣнно является нравственнымъ „главой государства и средоточіемъ лучшихъ силъ всѣхъ провинцій“; созданный Ромуломъ, онъ является хранителемъ древнѣйшихъ традицій Рима: отъ его безопасности зависитъ „вѣчный порядокъ вещей и миръ народовъ“ и безопасность самихъ императоровъ [4]).

Несмотря на то, что Тацитъ теоретически признаетъ наи-

---

[1]) Ann. 6, 27: tot luctibus funesta civitate pars maeroris fuit, quod Julia Drusi filia, quondam Neronis uxor, denupsit in domum Rubellii Blandi, cuius avum Tiburtem equitem Romanum plerique meminerant.

[2]) Ann. 11, 21: de origine Curtii Rufi, quem gladiatore genitum quidam prodidere, neque falsa prompserim et vera exsequi pudet..... cum hisce verbis Tiberius dedecus natalium eius velavisset: Curtius Rufus videtur mihi ex se natus.

[3]) Ann. 14, 14: quos fato perfunctos ne nominatim tradam, maioribus eorum tribuendum puto; ib. 14, 15.

[4]) Hist. 1, 84. Ср. выше стр. 50—51.

болѣе совершенной формой государственнаго строя „смѣшанную“, т.-е. содержащую какъ монархическіе, такъ и аристократическіе и демократическіе элементы [1]), и несмотря на то, что онъ на практикѣ при наличныхъ условіяхъ признаетъ необходимость монархіи [2]), всѣ его симпатіи находятся на сторонѣ патріархальнаго республиканскаго режима, какъ онъ по его мнѣнію существовалъ до Гракховъ. Тогда еще не было борьбы между сенатомъ и плебсомъ и не было того ужасающаго неравенства, которое начало распространяться, когда вселенная была покорена, а всѣ соперники уничтожены и можно было свободно стремиться къ чрезмѣрнымъ богатствамъ, возбуждавшимъ зависть и вражду и приводившимъ къ гражданскимъ смутамъ и войнамъ [3]).

Свобода для него неразрывно связана съ существованіемъ республики: она была установлена вмѣстѣ съ паденіемъ царей и съ созданіемъ консулата [4]), тогда какъ послѣ Марія, Суллы и Помпея борьба всегда была вызвана стремленіемъ къ принципату [5]), а послѣ гибели Брута и Кассія не было болѣе

---

[1]) Ann. 4, 33: nam cunctas nationes et urbes populus aut primores aut singuli regunt: delecta ex iis et consociata rei publicae forma laudari potius quam evenire, vel si evenit, haud diuturna esse potest.

[2]) См. ниже.

[3]) Hist. 2, 38: Vetus ac iam pridem insita mortalibus potentiae cupido cum imperii magnitudine adolevit erupitque; nam rebus modicis aequalitas facile habebatur. Sed ubi subacto orbe et aemulis urbibus regibusve excisis securas opes concupiscere vacuum fuit, prima inter patres plebemque certamina exarsere, modo turbulenti tribuni, modo consules praevalidi, et in urbe ac foro temptamenta civilium bellorum. Ср. также Ann. 6, 42: nam populi imperium iuxta libertatem, paucorum dominatio regiae libidini propior est.

[4]) Ann. 1, 1: urbem Romam a principio reges *habuere*. Libertatem et consulatum L. Brutus instituit.

[5]) Hist. 2, 38: mox e plebe infima C. Marius et nobilium saevissimus L. Sulla victam armis libertatem in dominationem verterunt, post quos Cn. Pompeius occultior, non melior, et nunquam postea nisi de principatu quaesitum, non discessere ab armis in Pharsalia ac Philippis civium legiones, ne dum Othonis ac Vitellii exercitus sponte posituri bellum fuerint: eadem illos deum ira, eadem hominum rabies, eaedem scelerum causae in discordiam egere.

войскъ, которыя сражались за государство [1]). Настоящей республики не видалъ никто, кто родился послѣ битвы при Филиппахъ [2]).

Власть Августа въ сущности была „господствомъ“, не принципатомъ [3]). Человѣкъ, глубоко неискренній [4]), онъ сумѣлъ воспользоваться общимъ утомленіемъ, привлекъ всѣхъ возстановленіемъ порядка, обезпеченіемъ мира и всякаго рода дарами, и дѣлая видъ, что довольствуется званіемъ консула и трибунской властью, постепенно захватилъ всѣ права сената, магистратовъ и законовъ [5]) и водворилъ въ Римѣ покорное молчаніе [6]).

Въ эпоху Августа и въ первыя времена Тиберія, правда, еще сохранялись „слѣды умирающей свободы“ [7]) и такіе крупные представители старой знати, какъ Гней Кальпурній Пизонъ, не только ставили себя выше остальныхъ членовъ императорскаго дома [8]), но рѣшались даже противорѣчить самому принцепсу [9]). Но надежды на возстановленіе старой свободы

---

[1]) Ann. 1, 2: postquam Bruto et Cassio caesis nulla iam publica arma...

[2]) Ann, 1, 3: quotusquisque reliquus qui rem publicam vidisset?

[3]) Ann. 1, 3: Ceterum Augustus subsidia *dominationi* Claudium Marcellum... M. Agrippam ..sumpsit. Ann. 1, 4: pars multo maxima inminentis *dominos* variis rumoribus differebant. Cp. ib. 1, 1: nomine principis sub imperium accepit; ib. 1, 4: eductum in domo regnatrice (Tiberium).

[4]) Ann. 1, 2: principes iuventutis appellari, destinari consules specie recusantis flagrantissime cupiverat. Ib. 1, 10: pietatem erga parentem et tempora rei publicae obtentui sumpta: ceterum cupidine dominandi... ne Tiberium quidem caritate aut rei publicae cura successorem adscitum, sed quoniam adrogantiam saevitiamque eius introspexerit, comparatione deterrima sibi gloriam quaesivisse.

[5]) Ann. 1, 2.

[6]) Dial. de or. 38: mediis Augusti temporibus... postquam longa temporum quies et continuum populi otium et assidua senatus tranquillitas et maxime principis disciplina ipsam quoque eloquentiam sicut omnia alia pacaverat.

[7]) Ann. 1, 74: manebant etiam tum vestigia morientis libertatis.

[8]) Ann. 2, 43: vix Tiberio concedere, liberos eius ut multum infra despectare. Cp. Ann. 2, 57.

[9]) Ann. 1, 74.

уже почти не было: народъ, правда, надѣялся еще на либерализмъ Друза старшаго, а позднѣе Германика и его сыновей [1]), но всѣ эти надежды имѣли чисто платоническій характеръ, да и то раздѣлялись лишь немногими [2]), а Августъ самъ и, нужно думать, большинство общества были заняты только вопросомъ о его преемникѣ [3]).

Августъ заблаговременно позаботился „обезпечить своимъ наслѣдникамъ достаточное могущество противъ государства“ [4]) и вплоть до смерти Нерона государство представляло нѣчто вродѣ наслѣдственнаго достоянія одной семьи [5]). Его преемникъ еще усилилъ власть принцепса и окончательно уничтожилъ всякую свободу. До перенесенія выборовъ изъ народнаго собранія хоть кое-что еще зависѣло отъ трибъ, хотя и тогда уже всѣ существенные вопросы рѣшались волей принцепса [6]). Тиберій формально, правда, предоставлялъ сенату „призракъ свободы“ [7]), но даже тамъ, гдѣ онъ какъ, напримѣръ, при надзорѣ надъ судами дѣйствовалъ согласно интересамъ

---

[1]) Ann. 1, 33: quippe Drusi magna apud populum Romanum memoria, credebaturque, si rerum potitus foret, libertatem redditurus, unde in Germanicum favor et spes eadem. Ср. ib. 2, 82; 3, 4; 3, 11; 11, 12.

[2]) Ann. 1, 4: pauci bona libertatis in cassum disserere.

[3]) Ann. 1, 13: quippe Augustus supremis sermonibus cum tractaret, quinam adipisci principem locum suffecturi abnuerent aut inpares vellent vel idem possent cuperentque, M. Lepidum dixerat capacem sed aspernantem, Gallum Asinium avidum et minorem, L. Arruntium non indignum et, si casus daretur, ausurum. de prioribus consentitur, pro Arruntio quidam Cn. Pisonem tradidere.

[4]) Ann. 1, 8: provisis etiam heredum in rem publicam opibus.

[5]) Hist. 1, 16: sub Tiberio et Gaio et Claudio unius familiae quasi hereditas fuimus.

[6]) Ann. 1, 15: nam ad eam diem etsi potissima arbitrio principis, quaedam tamen studiis tribuum fiebant.

[7]) Ann. 1, 77: silente Tiberio, qui ea simulacra libertatis senatui praebebat. Рѣчь идетъ о столкновеніи Азинія Галла съ трибуномъ Гатеріемъ Агриппой. Ср. Ann. 3, 60: sed Tiberius vim principatus sibi firmans, imaginem antiquitatis senatui praebebat, postulata provinciarum ad disquisitionem patrum mittendo.

государства, онъ тѣмъ самымъ устранялъ свободу магистратовъ [1]), власть которыхъ и безъ того была парализована принципатомъ [2]). Сенаторы еще не отвыкли высказывать свои взгляды на нужды государства, когда очередь доходила до нихъ [3]), и Тиберій позволялъ имъ обсуждать вопросы, касавшіеся отношеній принцепса и сената другъ къ другу: въ концѣ концовъ дѣла все равно рѣшались согласно его желанію, даже если онъ его не выражалъ опредѣленно [4]). Вѣдь даже сыновья его, Германикъ и Друзъ, были сильнѣе законовъ и сенатъ старался угодить ихъ желаніямъ [5]). Вотъ почему онъ спокойно могъ отказываться отъ какихъ-либо новыхъ полномочій и указывать на то, что „принцепсу невозможно охватить всѣ дѣла“ [6]). Фактическое могущество было въ его рукахъ и онъ укрѣплялъ его даруя сыну трибунскую власть [7]) и обезпечивая даже въ формальныхъ вопросахъ свою исключительную власть надъ войскомъ [8]). Всѣ его кажущіяся уступки были результатомъ свойственнаго ему лице-

---

[1]) Ann. 1, 75: sed dum veritati consulitur, libertas corrumpebatur.

[2]) Ann. 1, 3: eadem magistratuum vocabula.

[3]) Ann. 2, 33: erat quippe adhuc frequens senatoribus, si quid e re publica crederent, loco sententiae promere. Рѣчь идетъ о предложеніи законодательныхъ мѣръ противъ роскоши.

[4]) Ann. 2, 35: res eo anno (16 годъ) prolatas haud referrem, ni pretium foret Cn. Pisonis et Asinii Galli super eo negotio diversas sententias noscere. Piso, quamquam afuturum se dixerat Caesar, ob id magis agendas censebat, ut absente principe senatum et equites posse sua munia sustinere decorum rei publicae foret. Gallus, quia speciem libertatis Piso praeceperat, nihil satis inlustre aut ex dignitate populi Romani nisi coram et sub oculis principis, eoque conventum Italiae et adfluentis provincias praesentiae eius servanda dicebat. audiente haec Tiberio ac silente magnis utrimque contentionibus acta, sed res dilatae.

[5]) Ann. 2, 51: victa est sine dubio lex...

[6]) Ann. 3, 69 по поводу предложенія Долабеллы, ne quis vita probrosus et opertus infamia provinciam sortiretur, idque princeps diiudicaret.

[7]) Ann. 3, 60. Ср. выше стр. 316 прим. 7.

[8]) Ann. 3, 74: concessit quibusdam et Augustus id (imperatoris) vocabulum, ac tunc Tiberius Blaeso postremum. Ср. Ann. 6, 3.

мѣрія [1]). Онъ привыкъ „прикрывать новыя преступленія почтенными по своей древности именами“ и дѣлать видъ, что еще существуютъ законы, консулы и республика: увѣрялъ же онъ, что спасеніе государства зависитъ отъ бдительности консуловъ [2]). А между тѣмъ вѣдь строй римскаго государства уже былъ кореннымъ образомъ измѣненъ и въ сущностя оно было въ рукахъ одного лица [3]). Къ чему было дѣлать разницу между эраріемъ и фискомъ; развѣ они не находились одинаково въ распоряженіи принцепса [4]) и развѣ Тиберій не былъ въ сущности тираномъ [5]) и вдобавокъ тираномъ боявшимся свободной рѣчи и въ то же время ненавидѣвшимъ лесть, такъ что всякое слово, такъ или иначе, могло вызвать его неудовольствіе [6])?

Но у Тиберія все же были заслуги, хотя всѣ положительныя стороны его дѣятельности и объяснялись страхомъ передъ тѣми или иными соперниками [7]). У Гая, наоборотъ, не было никакихъ заслугъ: „прикрывая звѣрскій нравъ ложной скромностью“, онъ ничѣмъ не выразилъ своего чувства,

---

[1]) Отзывы о характерѣ Тиберія. Ann. 1, 4. 5. 54. 76; 2, 65. 87; 3, 37. 59; 4, 6. 7. 36. 37. 38. 71; 6, 6. 24. 30. 32. 38. 51.

[2]) Ann. 4, 19: precante reo brevem moram dum accusator consulatu abiret, adversatus est Caesar: solitum quippe magistratibus diem privatis dicere: nec infringendum consulis ius, cuius vigiliis niteretur, ne quod res publica detrimentum caperet. proprium id Tiberio fuit scelera nuper reperta priscis verbis obtegere. igitur multa adseveratione, *qnasi aut legibus cum Silio ageretur aut Varro consul aut illud respublica esset*, coguntur patres.

[3]) Ann. 4, 33: converso statu neque alia re Romana, quam si unus imperitet.

[4]) Ann. 6, 2: et bona Seiani ablata aerario, ut in fiscum cogerentur, tamquam referret.

[5]) Ann. 6, 6: neque frustra praestantissimus sapientiae firmare solitus est, si recludantur tyrannorum mentes, posse aspici leniatus et ictus, quando ut corpora verberibus, ita saevitia libidine malis consultis animus dilaceretur, quippe Tiberium non fortuna, non solitudines protegebant, quin tormenta pectoris suasque ipse poenas fateretur.

[6]) Ann. 2, 87: unde angusta et lubrica oratio sub principe qui libertatem metuebat, adulationem oderat.

[7]) Ann. 6, 51.

когда мать его была осуждена на изгнаніе, когда его братья были убиты и во всемъ, въ настроеніи, въ одеждѣ, въ словахъ подражалъ Тиберію, такъ что ораторъ Пассіенъ мѣтко замѣтилъ, что не можетъ быть лучшаго раба и худшаго господина, чѣмъ онъ [1]). Самъ Тиберій сказалъ о немъ, что онъ обладаетъ всѣми пороками и ни однимъ изъ достоинствъ Суллы [2]), и лишь съ большой неохотой сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ, боясь, какъ бы память Августа и имя Цезарей не были покрыты насмѣшками и позоромъ, если онъ передастъ государство [3]) кому-либо не принадлежащему къ ихъ дому [4]).

Принципатъ Гая превзошелъ худшія ожиданія, но и при Клавдіи дѣло мало измѣнилось къ лучшему. Клавдій также захватилъ рѣшительно всѣ дѣла въ свои руки, открывъ, такимъ образомъ, своимъ приближеннымъ широкій просторъ для грабежа [5]). Онъ, правда, когда это ему было удобно, признавалъ себя однимъ изъ гражданъ, обязаннымъ повиноваться сенату и народу [6]), но на дѣлѣ государствомъ управляли либерты и позоръ дошелъ до того, что Нарциссъ хоть одинъ день, но командовалъ преторіанцами [7]), а Поликлитъ подвергалъ осмотру британскія войска [8]).

---

[1]) Ann. 6, 20: neque meliorem umquam servum neque deteriorem dominum fuisse.

[2]) Ann. 6, 46: omnia Sullae vitia et nullam eiusdem virtutem habiturum.

[3]) Ib.: dubitavit de tradenda re publica.

[4]) Ib.: sin extra domum successor quaereretur, ne memoria Augusti, ne nomen Caesarum in ludibria et contumelias verterent, metuebat.

[5]) Ann. 11, 5: nam cuncta legum et magistratuum munia in se trahens princeps materiam praedandi patefecerat.

[6]) Ann. 12, 5: percontatusque (Vitellius) Caesarem, an iussis populi an auctoritati senatus cederet, ubi ille unum se civium et consensui imparem respondit... Рѣчь идетъ о бракѣ Клавдія съ Агриппиной. Ср. Ann, 12, 11: ut non dominationem et servos, sed rectorem et cives cogitaret.

[7]) Ann. 11, 33.

[8]) Ann. 14, 39: sed hostibus inrisui fuit, apud quos flagrante etiam tum libertate nondum cognita libertinorum potentia fuit; mirabanturque quod

При Неронѣ тиранія достигаетъ высшихъ предѣловъ: ни одинъ царскій дворъ не отличался такимъ количествомъ подлѣйшихъ приспѣшниковъ, какъ тотъ, въ которомъ господствовалъ Неронъ [1]), и никогда безстыство и звѣрство власти не достигали такихъ размѣровъ, какъ при немъ.

Съ его гибели настаетъ эпоха ужасныхъ гражданскихъ войнъ, усложненныхъ борьбою съ внѣшними врагами. Прекращеніе первой династіи, правда, освобождаетъ Римъ, хотя и не надолго, отъ прежняго позорнаго положенія, когда онъ какъ бы по наслѣдству переходилъ отъ одного Цезаря къ другому [2]), а внѣшнія условія заставляютъ Оѳона признать достоинство и авторитетъ сената [3]), но практически мало что измѣняется къ лучшему. Гальба неожиданно оказывается неспособнымъ къ власти [4]) и вмѣсто него управляютъ его недостойные приближенные; Оѳонъ не можетъ заставить общество забыть о его прошломъ и единственное, что́ можно похвалить въ немъ, это его смерть [5]); Вителлій наполняетъ Римъ массой разнузданнаго войска и думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ, не обращая вниманія на государство и сенатъ [6]). Веспасіанъ, правда, является единственнымъ изъ принцепсовъ, измѣнившихся къ лучшему во время принципата [7]), и благодаря ему и Титу его династія отнюдь не заслуживаетъ огульнаго осужденія [8]), но независимо отъ не-

---

dux et exercitus tanti belli confector servitiis oboedirent. Это произошло впрочемъ уже при Неронѣ.

[1]) Ann. 14, 13: contra deterrimus quisque, quorum non alia regia fecundior extitit.

[2]) Hist. 1, 16.

[3]) Ср. выше стр. 50.

[4]) Hist. 1, 49. Ср. выше стр. 47 прим. 2.

[5]) Ср. выше стр. 54 прим. 3.

[6]) Ср. выше стр. 57 сл.

[7]) Hist. 1, 50: solusque omnium ante se principum in melius mutatus est. Ср. выше стр. 62 прим. 4.

[8]) Hist. 2, 1: imperio, quod varia sorte laetum rei publicae aut atrox.

достатковъ ихъ собственныхъ принципатовъ [1]) всѣ ихъ заслуги уничтожаются памятью объ ужасномъ времени Домиціана. Уже въ ранней юности, когда онъ очутился въ Римѣ единственнымъ представителемъ новой династіи, онъ „насиліями и прелюбодѣяніями доказывалъ, что онъ является сыномъ принцепса“ [2]), и отличался непомѣрнымъ честолюбіемъ, которое доводило его даже до мысли о заговорѣ противъ отца [3]), а время его принципата отличается особенной жестокостью и ненавистью къ добродѣтели [4]). „Мы право дали доказательство великаго терпѣнія“, говоритъ Тацитъ объ этой эпохѣ, „и какъ древнее время видѣло крайнее зло, заключающееся въ свободѣ, такъ мы видѣли худшую сторону рабства, когда полицейскія разслѣдованія отняли у насъ даже возможность говорить и слушать. Мы бы потеряли съ рѣчью и самую память, если бы забвеніе было такъ же въ нашей власти, какъ молчаніе“ [5]).

Зато послѣ смерти Домиціана, наконецъ, наступило счастливое время. „Наконецъ-то мы снова вздохнули свободно. Но хотя Нерва Цезарь сейчасъ же при самомъ наро-

[1]) Такъ какъ почти вся исторія Веспасіана (а также Тита) не дошли до насъ, то мы не можемъ подробнѣе судить объ отношеніи Тацита къ ихъ принципатамъ. Отзывъ о Веспасіанѣ въ діалогѣ объ ораторахъ имѣетъ слишкомъ общій характеръ, вложенъ въ уста другого лица и, главное, написанъ, когда династія Флавіевъ еще не пала, а потому не можетъ имѣть для насъ значенія. Привычка Тацита не давать общихъ характеристикъ главнѣйшихъ дѣятелей, а характеризовать ихъ постепенно въ связи съ событіями ихъ жизни, прекрасно выяснена въ небольшомъ, но очень цѣнномъ трудѣ недавно умершаго Брунса: Ivo Bruns, die Persönlichkeit in der Geschichtschreibung der Alten. Eine Untersuchung zur Technik der antiken Historiographie (Berlin 1898). См. стр. 74: wir haben also davon auszugehen, dass Tacitus von dem Manne, von dem fast jede Seite der 6 Bücher handelt, es vermieden hat, eine directe zusammenfassende Charakteristik zu entwerfen. Характеръ Веспасіана и его принципата, какъ онъ представлялся самому Тациту, несомѣнно былъ выясненъ такимъ же образомъ.

[2]) Hist. 4, 2: stupris et adulteriis filium principis agebat.

[3]) Ср. выше стр. 73 прим. 1.

[4]) Agr. 1: incusaturus tam saeva et infesta virtutibus tempora.

[5]) Agr. 2.

жденіи счастливѣйшаго вѣка соединилъ несоединимыя до сихъ поръ явленія, принципатъ и свободу, и хотя Нерва Траянъ ежедневно увеличиваетъ счастье нашего времени и общественная безопасность не представляетъ болѣе предмета надежды и молитвы, а пріобрѣла достовѣрность и прочность, тѣмъ не менѣе цѣлебныя средства по слабости человѣческой природы дѣйствуютъ медленнѣе, чѣмъ зло, которое они должны устранить, и подобно тому, какъ наши тѣла медленно растутъ, но скоро гибнутъ, такъ легче задавить умы и умственныя занятія, чѣмъ ихъ возродить... Какъ? Развѣ это ничего не значитъ, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ, представляющихъ такой большой срокъ въ жизни смертнаго, столько людей погибло отъ случайныхъ причинъ, тогда какъ лучшіе люди были погублены жестокостью принцепса, а немногіе пережили, если можно такъ выразиться, не только другихъ, но и самихъ себя; столько лѣтъ отнято изъ ихъ жизни, что въ теченіе ихъ молодые люди въ молчаніи достигли старости, а старики дошли почти до предѣловъ жизни“ [1]).

Но если принципатъ Домиціана оставилъ въ Тацитѣ особенно тяжелыя воспоминанія личнаго и общественнаго характера, то изъ обзора его отношеній къ другимъ принцепсамъ видно, что онъ относится отрицательно не только къ Домиціану, но и къ огромному большинству, если не ко всѣмъ его предшественникамъ, и только Нерва и Траянъ удостаиваются его неограниченной похвалы. Если, однако, вспомнить, что его восторженные отзывы о нихъ относятся къ первому времени послѣ гибели Домиціана и, слѣдовательно, написаны при жизни восхваляемыхъ или, по крайней мѣрѣ, Траяна, и вспомнить то, что Тацитъ самъ говоритъ о затруднительности откровенныхъ отзывовъ о живыхъ принцепсахъ [2]), то мы бу-

[1]) Agr. 3. Ср. ib. 44.

[2]) Hist. 1, 1: nam post conditam urbem octingentos et viginti prioris aevi annos multi auctores rettulerunt, dum res populi Romani memorabantur

демъ въ правѣ спросить себя, можно ли безусловно довѣриться его сужденію, произнесенному при исключительныхъ обстоятельствахъ, и былъ ли Тацитъ въ самомъ дѣлѣ такъ безусловно доволенъ новыми порядками? Изъ предисловія къ его исторіямъ мы знаемъ, что онъ предполагалъ посвятить эпохѣ Нервы и Траяна особый трудъ „въ виду рѣдкаго счастья этого времени, когда можно думать, что хочешь, и высказать, что думаешь“ [1]). Между тѣмъ, этотъ планъ остался невыполненнымъ и Тацитъ вмѣсто этого вернулся къ первымъ временамъ принципата, чтобы набросать мрачную картину деспотизма Тиберія и Гая, Клавдія и Нерона и въ немногихъ словахъ осудить память самого Августа. Давно уже было замѣчено, что въ анналахъ нигдѣ не упоминается о счастливыхъ временахъ, наступившихъ послѣ убійства Домиціана и что нигдѣ міросозерцаніе Тацита и его отзывы о людяхъ и мотивахъ ихъ дѣйствій не исполнены такого пессимизма, какъ именно въ его послѣднемъ трудѣ. Выводъ, что Тацитъ съ теченіемъ времени усумнился въ счастіи своего времени, что онъ не счелъ возможнымъ сказать все, что онъ думалъ о принципатѣ Нервы и Траяна, и потому предпочелъ заняться эпохой, къ которой онъ, казалось, могъ отнестись „безъ гнѣва и пристрастія“, напрашивается самъ собой и былъ уже неоднократно сдѣланъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что

---

pari eloquentia ac libertate: postquam bellatum apud Actium atque omnem potentiam ad unum conferri pacis interfuit, magna illa ingenia cessere; simul veritas pluribus modis infracta, primum inscitia rei publicae ut alienae, mox libidine adsentandi aut rursus odio adversus dominantes: ita neutris cura posteritatis inter infensos vel obnoxios. sed ambitionem scriptoris facile averseris, obtrectatio et livor pronis auribus accipiuntur; quippe adulationi foedum crimen servitutis, malignitati falsa species libertatis inest... sed incorruptam fidem professis neque amore quisquam et sine odio dicendus est. Ann. 1, 1: florentibus ipsis ob metum falsae, postquam occiderant recentibus odiis compositae sunt (res).

[1]) Hist. 1, 1: quod si vita suppeditet, principatum divi Nervae et imperium Traiani, uberiorem securioremque materiam, senectuti seposui...

когда первое увлеченіе „возстановленной свободой“ [1]) прошло и Тацитъ убѣдился, что была возстановлена не свобода, а только одинъ призракъ ея, онъ снова и съ удвоенной силой почувствовалъ, что государство уже не принадлежитъ гражданамъ [2]) и что власть принцепса, даже если принцепсъ этого вовсе не желаетъ, давитъ на общество и сковываетъ тѣ порывы къ самодѣятельности, которые въ немъ еще сохранились послѣ столѣтняго террора, какимъ его мрачно настроенному воображенію представлялась почти вся предшествовавшая исторія принципата.

Симпатіи Тацита несомнѣнно не находятся на сторонѣ принципата, и если онъ признаетъ его необходимость, то какъ бы противъ воли и скрѣпя сердце. Свобода, опасности которой онъ сознаетъ, но которой онъ все-таки поклоняется [3]), окончательно погибла съ установленіемъ принципата [4]), сенатъ играетъ то жалкую, то гнусную роль [5]) и даже въ благопріятные для него моменты, какъ въ первые годы Нерона, не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, магистраты лишены всякаго серіознаго значенія [6]), народъ чуждъ всякимъ заботамъ о государствѣ [7]), — что можетъ быть отраднаго въ подобномъ зрѣлищѣ для такого неумолимо-строгаго наблюдателя, какъ Тацитъ? Но это не значитъ, чтобы онъ восхвалялъ республику какъ таковую. Онъ вполнѣ сознаетъ, что послѣд-

[1]) Ср. характерныя надписи на монетахъ 97 и слѣдующихъ годовъ: Libertas publica и Roma renascens, ср. Cohen, Nerv. 50—55, 103—106, 117. 518. Ср. C. J. L. 6, 472: Libertati ab Imp. Nerva... restitutae. Ср. Plin. ep. 9, 13, 4.

[2]) Hist. 1, 1: inscitia rei publicae ut alienae.

[3]) Ср. напр. отзывы о свободѣ германцевъ, Germ. pass. или рѣчь Калгака, Agr. 30—32.

[4]) Ср. выше стр. 315 прим. 2.

[5]) Ср. напр. Ann. 1, 7: at Romae ruere in servitium consules, patres, eques.

[6]) Agr. 6: ludos et inania honoris (praeturae).. duxit, Hist. 3, 73: Quintium Atticum consulem, umbra honoris et suamet vanitate monstratum...

[7]) Ср. выше стр. 311 прим. 6.

нія времена республики отличались не менѣе отрицательными въ своемъ родѣ чертами и что они были очень далеки отъ идеала. Республиканскій строй тѣсно связанъ съ равенствомъ между гражданами и извѣстнымъ патріархальнымъ согласіемъ между ними: разъ они исчезли, неизбѣжно наступаетъ эпоха внутреннихъ раздоровъ и смутъ и единовластіе становится необходимымъ.

Культурные народы давно пережили свое наиболѣе счастливое время. Одни финны еще пользуются блаженствомъ естественнаго первобытнаго состоянія: „они, правда, отличаются удивительной дикостью и отвратительной бѣдностью, не имѣютъ ни оружія, ни коней, ни пенатовъ; растенія составляютъ ихъ пищу, шкуры ихъ одежду, земля служитъ имъ ложемъ; ихъ единственное богатство заключается въ стрѣлахъ, которыя они за отсутствіемъ желѣза покрываютъ костями. Охота одинаково кормитъ и мужчинъ и женщинъ; они охотятся вмѣстѣ и каждый требуетъ себѣ часть добычи. Дѣти не имѣютъ иного убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождей, кромѣ вѣтвей какого либо дерева; сюда же возвращаются юноши, здѣсь находятъ помѣщеніе старики. Но они считаютъ подобную жизнь болѣе счастливой, чѣмъ со стонами трудиться надъ полями, чѣмъ работать надъ постройкой домовъ, чѣмъ сравнивать съ надеждой и страхомъ свои собственныя средства съ чужими. Увѣренные въ своей безопасности по отношенію къ людямъ и богамъ они достигли самаго труднаго: они не нуждаются даже въ обѣтахъ“ [1]).

Но такъ, какъ теперь живутъ финны, нѣкогда жили всѣ люди. „Древнѣйшіе изъ смертныхъ проводили жизнь еще безъ всякой дурной страсти, безъ позора и преступленія, а потому и безъ наказанія и внѣшней сдержки. Тогда не было надобности и въ наградахъ, такъ какъ они стремились къ честному

[1]) Germ. 46.

по собственной природной потребности, а такъ какъ они не желали ничего несогласнаго съ обычаемъ, то не было ничего такого, что запрещалось бы страхомъ. *Но когда начало падать справедливое равенство*, а вмѣсто умѣренности и стыда (т.-е. стыдливаго почтенія къ обычаю) появились честолюбіе и насиліе, тогда народились деспотическія власти и у многихъ народовъ сохранились навѣки. Нѣкоторые предпочли сразу или, когда царская власть успѣла вызвать отвращеніе, законы. Законы первоначально были просты въ виду грубости людей; больше всего славились законы критянъ, которые далъ Миносъ, и спартанцевъ, которые далъ Ликургъ, а вскорѣ Солонъ составилъ уже болѣе сложные и многочисленные для аѳинянъ. Нами Ромулъ властвовалъ произвольно; затѣмъ Нума связалъ народъ культами и божественнымъ правомъ, а кое-что было установлено Тулломъ и Анкомъ. Но главнымъ законодателемъ былъ Сервій: его законамъ должны были повиноваться и цари. Послѣ изгнанія Тарквинія народъ многое сдѣлалъ въ борьбѣ противъ партій сената для обезпеченія свободы и укрѣпленія согласія; были избраны децемвиры и, когда было собрано отовсюду все замѣчательное, были составлены двѣнадцать таблицъ, конецъ равнаго для всѣхъ права. Вѣдь слѣдующіе за симъ законы хотя иногда и устанавливались противъ злодѣевъ въ виду извѣстнаго проступка, но чаще всего были результатомъ несогласія сословій или были даны для достиженія неразрѣшенныхъ почестей или изгнанія славныхъ мужей или по другимъ дурнымъ поводамъ и подъ вліяніемъ насилія“ [1]).

Тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ величиной государства росла и прорвалась „старая и давно свойственная смертнымъ жажда власти: пока государство имѣло скромные размѣры, равенство легко соблюдалось. Но когда была покорена вселенная, а соперничающіе города или цари были уничтожены, и когда

[1]) Ann. 3, 26—27.

свободно можно было стремиться къ обезпеченному отъ внѣшнихъ враговъ богатству, начались первыя столкновенія между сенатомъ и плебсомъ“ [1]). „Тогда появились Гракхи и Сатурнины, волновавшіе народъ, а не лучшую роль сыгралъ и Друзъ своими обѣщаніями отъ имени сената. Союзники соблазнялись надеждами или раздражались интерцессіей, но и послѣ италійской, а затѣмъ и гражданской войны были изданы многія и разнообразныя постановленія. Диктаторъ Л. Сулла наконецъ ненадолго возстановилъ спокойствіе въ этой области, устранивъ или измѣнивъ многое изъ прежняго и прибавивъ еще больше. Вскорѣ послѣдовали вызывавшіе волненіе законопроекты Лепида, а немного спустя трибунамъ было возвращено право возбуждать народъ, какъ имъ было угодно. И законы создавались уже не для всего государства, а противъ отдѣльныхъ людей и во время полнаго разложенія государства число законовъ было особенно велико. Послѣ этого Гней Помпей былъ избранъ въ третій разъ консуломъ для исправленія нравовъ, но его средства оказались хуже, чѣмъ то зло, противъ котораго они были направлены, а онъ явился самъ и создателемъ и нарушителемъ своихъ же законовъ и оружіемъ потерялъ то, что̀ защищалъ оружіемъ. Засимъ въ теченіе двадцати лѣтъ безпрерывно продолжались междоусобія, не было ни обычая, ни законовъ; худшіе поступки оставались безнаказанными, а много честнаго приводило къ гибели. Наконецъ Цезарь Августъ, увѣренный въ своей власти, уничтожилъ во время своего шестого консульства то, что̀ установилъ во время тріумвирата, и далъ законы, въ силу которыхъ мы должны были пользоваться миромъ и принцепсомъ“ [2]).

Если разсмотрѣть ближе основные взгляды Тацита на ходъ римской исторіи, изложенные въ приведенныхъ отрывкахъ, то не трудно будетъ убѣдиться, что онъ исходитъ изъ

[1]) Hist. 2, 38.
[2]) Ann. 3, 27—28.

установившагося еще давно въ Греціи взгляда на ходъ человѣческой исторіи [1]). Главное зло культурной жизни съ этой точки зрѣнія заключается въ соціальномъ неравенствѣ, проистекающемъ изъ свойственнаго человѣку эгоизма и жадности. Разъ равенство нарушено, развиваются всякаго рода скверныя страсти и государственный строй становится въ зависимость отъ борьбы партій, а государство превращается въ арену для партійнаго эгоизма, которымъ одинаково заражены и оптиматы и масса. Лично Тацитъ даже признаетъ, что господство оптиматовъ даетъ худшій результатъ, чѣмъ господство массы: первое, по его мнѣнію, походитъ на деспотизмъ царей, второе— на свободу [2]). Ни тѣ, ни другіе однако не заботятся о государствѣ, а думаютъ только о себѣ: не только вожди популяровъ, но и представитель сената, Друзъ, прибѣгаетъ къ худшимъ средствамъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ; не только Марій, „происходившій изъ низшихъ классовъ народа“, но и „самый жестокій среди знати“ Сулла, не только Цезарь, но и Помпей руководятся только личными интересами.

Въ общемъ Тацитъ различаетъ три момента въ исторіи прогрессивнаго упадка общественныхъ инстинктовъ: первый изъ нихъ связанъ съ нарушеніемъ идеальнаго равновѣсія, свойственнаго жизни первобытнаго человѣка, второй наступаетъ послѣ составленія законодательства двѣнадцати таблицъ, третій, наконецъ, начинается съ установленія мірового господства Рима и съ послѣдовавшаго за нимъ періода соціальныхъ и политическихъ смутъ. Идея объ идеальномъ равновѣсіи первобытнаго состоянія, сыгравшая такую большую роль въ исторіи умстренныхъ движеній XVIII и XIX вѣковъ, не принадлежитъ, разумѣется, лично Тациту, а занимаетъ широкое мѣсто уже въ произведеніяхъ Платона и во взглядахъ совре-

[1]) Для выясненія его особенно много сдѣлалъ Pöhlmann, преимущественно въ Geschichte des antiken Communismus und Socialismus.

[2]) Ср. выше стр. 314 пр. 3.

меннаго ему общества: она служитъ своего рода историческимъ оправданіемъ его утопическихъ фантазій и надеждъ. Переходъ отъ первобытнаго состоянія къ слѣдующимъ стадіямъ культурнаго развитія разсматривается и объясняется при этомъ исключительно съ этической точки зрѣнія: онъ признается результатомъ свойственныхъ человѣку эгоизма, корыстолюбія и честолюбія.

Вторая, сравнительно менѣе совершенная, но все же еще очень высокая стадія развитія отмѣчена законодательствомъ Миноса, Ликурга, Солона и XII таблицъ. Особенно критское и спартанское законодательство сплошь и рядомъ служитъ базисомъ для философско-политическихъ разсужденій Платона и другихъ писателей. Здѣсь уже приходится считаться съ наличностью дурныхъ страстей и преступленій, здѣсь уже необходимы законы, способные внушить людямъ страхъ и удерживающіе ихъ такимъ путемъ отъ такихъ поступковъ, о которыхъ они въ прежнее время не могли бы и подумать. Но зато эти законы въ своемъ родѣ идеальны и способны превосходно исполнять свою предупредительную и воспитательную цѣль. Ихъ постановленія всегда имѣютъ глубокій смыслъ, хотя не всегда легко его угадать, а ихъ устраненіе приводитъ къ окончательному упадку созданнаго ими относительно совершеннаго государственнаго строя. Вотъ почему для римлянина Тацита законодательство XII таблицъ имѣетъ такое же огромное значеніе, какъ, напримѣръ, для грека Плутарха законодательство Ликурга. Законодательство XII таблицъ представляется ему воплощеніемъ „равно справедливаго для всѣхъ права“, а по мѣрѣ того, какъ оно падаетъ или замѣняется другими законами, падаетъ и самое государство. Особенно быстро это паденіе совершается, правда, со временъ Гракховъ, но уже до этого времени идеальный строй утратилъ значительную долю своей высоты и только внѣшнія причины, малые размѣры государства и существованіе опасныхъ внѣшнихъ

враговъ, нѣсколько задержали неизбѣжный при данныхъ условіяхъ упадокъ.

Нечего указывать на поверхностность и односторонность всей этой концепціи, далеко не охватывающей всѣхъ трудностей сложнаго вопроса о культурномъ прогрессѣ и регрессѣ. Стоитъ только вспомнить огромное вліяніе теоріи Жана-Жака Руссо на европейское человѣчество, стоитъ обратить вниманіе на то, какую роль еще въ настоящее время играетъ идеализація естественнаго или первобытнаго состоянія въ современныхъ соціалистическихъ доктринахъ, чтобы отнестись болѣе справедливо къ античнымъ взглядамъ и въ частности къ взляду Тацита на прошлыя судьбы окружавшаго его міра.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ ключъ къ политическимъ взглядамъ Тацита заключается именно въ указанныхъ соображеніяхъ. Единовластіе явилось неизбѣжнымъ результатомъ не личнаго честолюбія двухъ-трехъ дѣятелей, а всего неправильнаго внутренняго развитія Рима. Причины этого внутренняго упадка заключаются въ широкомъ распространеніи антисоціальныхъ тенденцій и взглядовъ среди всего римскаго народа, приведшемъ къ безпрестаннымъ раздорамъ и смутамъ. „Перенесеніе всей власти на одно лицо было необходимо въ интересахъ внутренняго мира“ [1]).

Но изъ того, что Тацитъ признаетъ необходимость монархіи, разумѣется, еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ готовъ признать какую угодно монархію, или что онъ не имѣетъ своего представленія о томъ, какова должна быть признанная необходимой монархія.

„Если-бы огромное дѣло имперіи могло стоять или держаться въ равновѣсіи безъ правителя“, говоритъ Гальба при усыновленіи Пизона, „я былъ бы достоинъ того, чтобы съ меня началась республика. Между тѣмъ уже раньше дѣло

[1]) Hist. 1, 1: omnem potentiam ad unum conferri pacis interfuit.

дошло до того, что ни моя старость не можетъ дать римскому народу ничего больше, чѣмъ хорошаго преемника, ни твоя молодость ничего больше, чѣмъ хорошаго принцепса. При Тиберіи и Гаѣ и Клавдіи мы были нѣчто вродѣ наслѣдственнаго достоянія одной семьи; пусть у насъ будетъ хоть столько свободы, чтобы мы (т.-е. императоры) подвергались избранію и пусть послѣ прекращенія дома Юліевъ и Клавдіевъ усыновленіе отмѣтитъ наилучшаго. Быть зачатымъ и рожденнымъ отъ принцепсовъ есть дѣло случая и результатъ никѣмъ не взвѣшивается: при усыновленіи мы руководимся разумомъ и согласное мнѣніе людей даетъ намъ указанія, когда мы хотимъ выбрать преемника. Обрати вниманіе на Нерона, непомѣрно гордившагося длинной цѣпью Цезарей; его свергнулъ не Виндексъ съ безоружной провинціей и не я съ моимъ единственнымъ легіономъ, а его собственное звѣрство, его собственная распущенность; а вѣдь до сихъ поръ еще не было примѣра осужденнаго (при жизни) принцепса... Всѣ худшіе всегда будутъ желать возвращенія Нерона: намъ съ тобой нужно стремиться къ тому, чтобы его возвращенія не пожелали и лучшіе. Самое вѣрное и самое простое средство для различенія добра и зла должно заключаться въ томъ, чтобы подумать, что бы ты пожелалъ или не пожелалъ подъ властью другого принцепса. Вѣдь тутъ нѣтъ опредѣленной династіи, какъ у народовъ, живущихъ подъ царской властью, и остальное населеніе не находится въ рабствѣ. Ты долженъ повелѣвать людьми, которые не могутъ перенести ни полнаго рабства, ни полной свободы“ [1]).

Само собою ясно и давно уже признано, что Тацитъ высказываетъ этими словами свой собственный взглядъ на принципатъ. Принцепсъ не долженъ быть царемъ-деспотомъ вродѣ парѳянскаго царя, а долженъ править въ интересахъ государства и гражданъ. Происхожденіе отъ прежнихъ принцепсовъ

[1]) Hist. 1, 16.

или родство съ ними не должны имѣть никакого значенія, такъ какъ они не могутъ обезпечить его способности къ управленію и его безкорыстнаго отношенія къ государству и его интересамъ. Принцепсъ долженъ быть первымъ изъ гражданъ не только по своей власти, но и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, и общественное мнѣніе безъ труда отмѣтитъ наиболѣе достойнаго для усыновленія и властвованія.

Въ основѣ своей этотъ взглядъ такимъ образомъ находится въ самой тѣсной связи съ разобранной выше греческой теоріей монархической власти, съ которой Тацитъ, какъ видно хотя бы изъ его діалога объ ораторахъ, несомнѣнно былъ знакомъ [1]). Выдающіяся личныя достоинства и заслуги, какъ нравственная основа императорской власти, служебный характеръ послѣдней, исключающій деспотизмъ и произволъ, принципіальное осужденіе прямого наслѣдованія власти членами одной и той же династіи и замѣненіе его усыновленіемъ того изъ гражданъ, котораго общественное мнѣніе признаетъ наиболѣе достойнымъ власти, все это намъ уже извѣстно изъ рѣчей Діона Хрисостома и изъ произведеній его отчасти очень отдаленныхъ предшественниковъ. Разница только въ томъ, что Діонъ противополагаетъ царя и тирана, а Тацитъ и другіе римляне его времени принцепса и господина или государя. Во всемъ остальномъ взглядъ Тацита ничѣмъ существенно не отличается отъ взгляда Діона; Діонъ только успѣлъ совершенно забыть о республикѣ, тогда какъ Тацитъ въ душѣ не перестаетъ скорбѣть объ ея упадкѣ. Да это и вполнѣ естественно: тогда какъ греческое общество въ теченіе четырехъ вѣковъ только и видѣло, что неограниченныя греческія царства или римскую монархію, въ римскомъ обществѣ монархія представлялась явленіемъ сравнительно новымъ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, въ какихъ именно пра-

[1]) Ср. выше стр. 193 сл.

ктическихъ чертахъ принципатъ, по мнѣнію Тацита, долженъ былъ отличаться отъ деспотической власти царя. Если судить по приведеннымъ выше отзывамъ о принципатѣ Нервы и Траяна, то можно было бы подумать, что ихъ управленіе безусловно соотвѣтствовало идеальному представленію Тацита о принципатѣ, какъ онъ долженъ быть. Но мы ужъ видѣли, что мы не имѣемъ права довольствоваться ссылкой на эти отзывы Тацита, если хотимъ выяснить себѣ не временное настроеніе историка, высказанное при исключительныхъ условіяхъ, а настоящія основы его политическаго міросозерцанія. Если вспомнить его безпрестанныя сѣтованія на недостойное положеніе сената, на упадокъ значенія и власти магистратовъ и на безсиліе законовъ, то едва ли можно думать, чтобы онъ былъ безусловно доволенъ монархическимъ режимомъ Траяна. Онъ, правда, нигдѣ не высказываетъ положительнымъ образомъ своего взгляда на ту форму взаимныхъ отношеній сената и императора, которую онъ самъ призналъ бы желательной, но по нѣкоторымъ даннымъ можно составить себѣ представленіе объ его идеалѣ. Нѣкоторое указаніе на его основныя черты можно усмотрѣть въ его отзывѣ о первыхъ годахъ Тиберія и о политической программѣ первыхъ лѣтъ Нерона. Особенно любопытно первое мѣсто и мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ.

„Я счелъ бы желательнымъ“, говоритъ онъ здѣсь послѣ перечисленія римскихъ военныхъ силъ, „охарактеризовать и остальныя стороны государственной жизни, чтобы указать въ какомъ положеніи онѣ находились до этого дня, такъ какъ этотъ годъ (23 п. Р. Хр.) служитъ началомъ ухудшенія въ принципатѣ Тиберія. Прежде всего государственныя и важнѣйшія изъ частныхъ дѣлъ разсматривались въ сенатѣ и первымъ его членамъ давалась возможность говорить, а предававшихся лести онъ сдерживалъ самъ; должности онъ раздавалъ обращая вниманіе на знатность предковъ, на славу

военной дѣятельности, на выдающіяся домашнія качества, такъ чтобы было несомнѣнно, что не было болѣе достойныхъ. Консулы и преторы занимали подобающее имъ мѣсто и власть меньшихъ магистратовъ также находила себѣ примѣненіе; законы, если исключить процессы объ оскорбленіи величества, дѣйствовали хорошо. Налоги хлѣбомъ и деньгами и остальные государственные доходы взымались товариществами римскихъ всадниковъ. Свое собственное имущество Цезарь поручалъ наиболѣе выдающимся людямъ, отчасти даже не зная ихъ и руководясь только общественнымъ мнѣніемъ, и разъ кто былъ назначенъ, онъ его удерживалъ безъ срока, такъ что многіе состарились въ той же должности. Народъ, правда, страдалъ отъ дороговизны хлѣба, но за принцепсомъ тутъ не было никакой вины: онъ шелъ на встрѣчу безплодію земель или морскимъ бѣдствіямъ, насколько это зависитъ отъ средствъ или заботливости. Онъ слѣдилъ также за тѣмъ, чтобы провинціи не приводились въ волненіе новыми поборами и чтобы они переносили старые, не страдая отъ жадности или жестокости магистратовъ: не было ни тѣлесныхъ наказаній, ни конфискацій, итальянскія земли Цезаря не были велики, рабы его скромны, домъ находился въ рукахъ немногихъ либертовъ; а если у него возникали процессы съ частными людьми, они разрѣшались обычнымъ законнымъ порядкомъ. Все это онъ сохранялъ въ такомъ видѣ безъ всякой любезности, но жестко и внушая часто страхъ, покуда положеніе не измѣнилось со смертью Друза“ [1]).

Отзывъ Тацита охватываетъ всѣ стороны жизни и видимо содержитъ цѣлую программу управленія. Сенатъ долженъ свободно обсуждать всѣ государственныя и важнѣйшія изъ частныхъ дѣлъ и лицемѣрная лесть не должна пользоваться сочувствіемъ власти. Магистраты должны назначаться изъ старой

[1]) Ann. 4, 6—7.

знати и согласно личнымъ заслугамъ, а власть ихъ не должна подвергаться ограниченіямъ, превращающимъ ихъ званіе въ пустой звукъ. Законы должны соблюдаться, а процессовъ объ оскорбленіи величества вовсе не должно быть. Второе сословіе государства, всадники, должны сохранить свое традиціонное участіе во взысканіи налоговъ, обезпечивающее имъ и вліятельное положеніе и необходимыя для жизни средства. Принцепсъ долженъ устранять возможность злоупотребленій при управленіи фискомъ, долженъ заботиться о хлѣбномъ продовольствіи Рима и о благополучіи провинцій; онъ не долженъ злоупотреблять своей властью для увеличенія своихъ богатствъ и не долженъ давать волю своимъ рабамъ и либертамъ; онъ не долженъ, наконецъ, внушать страхъ, а обращаться любезно съ гражданами и особенно, разумѣется, съ сенатомъ.

Политическіе вопросы поставлены здѣсь на первый планъ и первое мѣсто среди нихъ занимаетъ право сената на свободное обсужденіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Вопросъ о томъ, какъ принцепсъ долженъ относиться къ рѣшенію сената, т.-е. долженъ ли онъ ему подчиняться, вовсе не затрагивается, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Тацитъ считалъ бы нормальнымъ, что принцепсъ долженъ подчиниться авторитету сената, „главы имперіи и средоточія лучшихъ силъ провинцій“, какъ выражается Оѳонъ. Недаромъ онъ сочувствуетъ обѣщанію Нерона, предоставить сенату его старыя обязанности, предоставить ему и консуламъ управленіе Италіей и „государственными“, т.-е. сенатскими провинціями, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ сохранилъ управленіе войсками и тѣми провинціями, въ коихъ послѣднія были расположены [1]). Вотъ почему въ первые годы Нерона, покуда Бурръ не умеръ и

[1]) Ann. 13, 4: teneret antiqua munia senatus, consulum tribunalibus Italia et publicae provinciae adsisterent: illi patrum aditum praeberent, se mandatis exercitibus consulturum. Nec defuit fides multaque arbitrio senatus constituta sunt.

Сенека не удалился отъ дѣлъ, „еще сохранялось нѣкоторое подобіе республиканскаго строя“ [1]).

Въ результатѣ можно признать очень вѣроятнымъ, что Тацитъ больше всего сочувствовалъ бы такому положенію дѣлъ, гдѣ сенатъ фактически стоялъ бы во главѣ всѣхъ дѣлъ и давалъ бы принцепсу, какъ высшему исполнительному органу государства, руководящія указанія относительно всѣхъ государственныхъ дѣлъ.

Въ дѣйствительности положеніе дѣлъ было какъ разъ обратное. Руководство всѣми дѣлами принадлежало принцепсу и отъ его благоусмотрѣнія зависѣло, какія дѣла онъ предоставитъ обсужденію государственнаго совѣта, членовъ котораго онъ самъ назначалъ и самъ могъ исключить. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе Тацитъ долженъ былъ убѣждаться, что въ этомъ отношеніи принципатъ Траяна рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ. Если Траянъ не былъ деспотомъ, то это не мѣшало ему быть и признавать себя монархомъ, уполномоченнымъ государства, а не сената. Едва ли мы ошибемся, если объяснимъ возрастающій съ годами пессимизмъ Тацита между прочимъ и тѣмъ, что онъ окончательно убѣдился въ томъ, что принцепсъ настолько переросъ сенатъ, что не только о подчиненіи его сенату, но и о равенствѣ между ними не могло быть и рѣчи. Двойственное въ основѣ своей созданіе политической фантазіи Тацита,—монархическая власть, добровольно подчиняющаяся аристократическому собранію,—оказалось нежизнеспособнымъ и такъ какъ монархическая власть опиралась на самыя сильныя жизненныя потребности населенія, а аристократія опиралась только на традицію, то монархическая власть, разумѣется, взяла верхъ, а идеалы Тацита оказались фантазіями.

---

[1]) Ann. 13, 28: manebat nihilo minus quaedam imago rei publicae. Ср. 13, 48. 51—52. 57.

При такихъ условіяхъ теоретически разсуждая были возможны два исхода: либо Тацитъ долженъ былъ поднять знамя оппозиціи и дѣятельно бороться съ отрицательными чертами существующаго строя, либо онъ долженъ былъ покориться неизбѣжной судьбѣ, уйти въ себя и больше прежняго отдаться своему тяготѣнію къ историческимъ разысканіямъ. На дѣлѣ о первомъ, т.-е. объ энергичной и послѣдовательной оппозиціи, не могло быть и рѣчи, нестолько потому, что Траянъ не допустилъ бы ея или что Тацитъ не нашелъ бы поддержки среди хотя бы очень небольшой группы единомышленниковъ— на его сторонѣ, по всему вѣроятію, оказался бы, напримѣръ, братъ казненнаго Арулена Рустика, Юній Маврикъ—сколько потому, что Тацитъ въ силу всего своего прошлаго и въ силу глубокаго сознанія безполезности всякой оппозиціи въ сенатѣ самъ былъ неспособенъ придти къ подобному рѣшенію. Могъ ли бороться съ Траяномъ человѣкъ, участвовавшій при Домиціанѣ въ осужденіи его жертвъ?

Но и независимо отъ этого Тацитъ принципіально не сочувствуетъ оппозиціи противъ принцепсовъ, единственнымъ результатомъ которой могутъ быть казни, безполезныя для государства. Такія личности, какъ Кремуцій Кордъ, Ѳразей Петъ и Гельвидій Прискъ, Геренній Сенеціонъ и Аруленъ Рустикъ внушаютъ ему, правда, необыкновенное почтеніе и онъ поклоняется имъ и особенно Ѳразеѣ Пету, но это не мѣшаетъ ему осуждать ихъ оппозицію, провозглашать, что „слѣдуетъ молиться о дарованіи хорошихъ императоровъ, но переносить какихъ бы то ни было“ [1]) и восхвалять такихъ

[1]) Hist. 4, 8 (рѣчь Эпрія Марцелла): bonos imperatores voto expetere, qualescumque tolerare. Ср. ib. 4. 74: et laudatorum principum usus ex aequo quamvis procul agentibus: saevi proximis ingruunt. quo modo sterilitatem aut nimios imbres et cetera naturae mala, ita luxum vel avaritiam dominantium tolerate, vitia erunt, donec homines, sed neque haec continua et meliorum interventu pensantur.

умѣренныхъ и осторожныхъ людей, какъ Маній Лепидъ [1]), какъ Луцій Пизонъ [2]), и особенно какъ тесть Тацита, Гай Юлій Агрикола.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ біографіи послѣдняго, безспорно, заключается въ томъ, что Тацитъ не довольствуется въ ней описаніемъ жизни своего героя, но видимо защищаетъ и его, и себя, и бо́льшую часть сената отъ упрековъ въ сервилизмѣ, которые, повидимому, сыпались на нихъ въ первыя времена послѣ гибели Домиціана. Реакція противъ его деспотизма была настолько сильна, что всѣ, кто такъ или иначе, добровольно или по принужденію, приняли участіе въ произвольныхъ дѣяніяхъ и казняхъ его времени, подвергались рѣзкому осужденію. Часть ихъ, въ томъ числѣ и Плиній, торопились доказать, что они подчинялись только насилію, но въ сущности сочувствовали жертвамъ Домиціана и готовы мстить тѣмъ клевретамъ Домиціана, которые въ качествѣ деляторовъ и т. д. играли активную роль въ преслѣдованіяхъ его времени. Они подымаютъ гоненіе на деляторовъ, забывъ о своей собственной неоспоримой нравственной отвѣтственности. Тацитъ взглянулъ на это дѣло совсѣмъ иначе: съ одной стороны, онъ, какъ мы видѣли, открыто признаетъ долю нравственной отвѣтственности, падающую на сенатъ за произнесенные имъ смертные приговоры, и лишь мимоходомъ упоминаетъ о мѣрахъ, принятыхъ Домиціаномъ для обезпеченія ему безмолвнаго повиновенія, съ другой стороны онъ заявляетъ,

---

[1]) Ann. 4, 20: hunc ego Lepidum temporibus illis gravem et sapientem virum fuisse comperior: nam pleraque ab saevis adulationibus aliorum in melius flexit, neque tamen temperamenti egebat, cum aequabili auctoritate et gratia apud Tiberium viguerit. unde dubitare cogor, fato et sorte nascendi, ut cetera, ita principum inclinatio in hos, offensio in illos, an sit aliquid in nostris consiliis *liceatque inter abruptam contumaciam et deforme obsequium pergere iter ambitione ac periculis vacuum.* Ср. Ann. 6, 27.

[2]) Ann. 6, 10: per idem tempus L. Piso pontifex, rarum in tanta claritudine, fato obiit, nullius servilis sententiae sponte auctor, et quotiens necessitas ingrueret, sapienter moderans. Это и есть первый городской префектъ.

что и жертвы Домиціана вовсе не являются вполнѣ невинными и также несутъ долю нравственной отвѣтственности въ томъ, что дѣло дошло до ихъ казни и что сенатъ былъ вынужденъ ихъ осудить. „Природа Домиціана была склонна къ гнѣву“, говоритъ онъ, „и чѣмъ болѣе онъ скрывался, тѣмъ онъ былъ неумолимѣе и тѣмъ не менѣе его гнѣвъ былъ ослабленъ умѣренностью и разумностью Агриколы: *онъ не вызывалъ славы и гибели непокорностью и пустымъ хвастовствомъ свободою.* Пусть тѣ, которые привыкли удивляться запрещенному, знаютъ, что и подъ властью дурныхъ принцепсовъ могутъ существовать великіе люди, и что повиновеніе и скромность, если они соединены съ талантомъ и энергіей, даютъ право на такую же похвалу, какъ та, которой многіе достигли среди опасностей, умирая честолюбивой смертью безъ всякой пользы для государства“ [1]). Если сопоставить съ этимъ уже приведенный выше отзывъ о Ѳразеѣ, „повергшемъ самого себя въ опасность, не успѣвъ возбудить въ другихъ стремленія къ свободѣ“ [2]), если вспомнить, что Тацитъ приводитъ мнѣнія тѣхъ, которые считали, что Гельвидій Прискъ отецъ слишкомъ стремился къ славѣ [3]) и если обратить вниманіе на то, что онъ очевидно намѣренно подчеркиваетъ, что Агрикола бросилъ занятія философіей какъ недостойныя римлянина и сенатора [4]), то не останется сомнѣнія, что Тацитъ отнюдь не одобряетъ вызывающаго образа дѣйствій противъ власти. Вызывающая непокорность можетъ привести только къ безполезной для государства смерти и нужно отличаться неразумнымъ честолюбіемъ,

[1]) Agr. 42.

[2]) Ann. 14, 12. Ср. выше стр. 309 прим. 2.

[3]) Hist 4, 6. Ср. выше стр. 169.

[4]) Agr. 4: memoria teneo solitum ipsum narrare se prima in iuventa studium philosophiae acrius, ultra quam concessum Romano ac senatori, hausisse, ni prudentia matris incensum ac flagrantem animum coercuisset. scilicet sublime et erectum ingenium pulchritudinem ac speciem magnae excelsaeque gloriae vehementius quam caute adpetebat, mox mitigavit ratio et aetas, retinuitque, quod est difficillimum, ex sapientia modum.

чтобы искать славу „пустымъ хвастовствомъ свободой“, которой всеравно не возстановить. Интересы государства требуютъ, по его мнѣнію, не такого безполезнаго самопожертвованія, а скромной работы при какихъ бы то ни было условіяхъ. Работа на пользу государства подъ властью деспота требуетъ не меньшее, но менѣе замѣтное, менѣе показное самопожертвованіе, чѣмъ открытая, но ненужная борьба съ нимъ. Въ этомъ и заключается заслуга такихъ людей, которые умѣютъ найти „путь лишенный честолюбія и опасностей, между дерзкой непокорностью и отвратительнымъ раболѣпіемъ“ [1]).

Весьма возможно, что этотъ взглядъ на оппозицію противъ принцепсовъ выработался у Тацита подъ вліяніемъ страстнаго желанія оправдать передъ самимъ собой свое поведеніе въ эпоху Домиціана,—поведеніе, которое его самого несомнѣнно не удовлетворяло и память о которомъ отравила его жизнь навсегда. Во всякомъ случаѣ этотъ взглядъ у него твердо установился и не допускалъ и мысли о борьбѣ съ нежелательными чертами существующаго порядка. Послѣ короткаго періода слѣтлыхъ надеждъ въ первыя времена Нервы и Траяна Тацитъ снова впадаетъ въ уныло-пессимистическое настроеніе, и только своими историческими произведеніями, и особенно анналами, протестуетъ противъ всевластія принцепса и жалкаго положенія сената. Авторъ самъ поневолѣ отказался отъ всякихъ надеждъ не только на республику, но и на болѣе или менѣе равныя отношенія между принцепсомъ и сенатомъ, но всѣ его симпатіи на сторонѣ свободы, и его произведенія ярко отражаютъ накопившееся въ немъ ожесточеніе противъ этой власти, которая „соблазнила солдатъ дарами, народъ хлѣбомъ, всѣхъ сладостью покоя“, которая постепенно росла, „присваивая себѣ обязанности и права сената, магистратовъ и законовъ“ и заставила всѣхъ забыть о свободѣ. Онъ какъ

[1]) Ann. 4, 20 Ср. выше стр. 338 прим. 1.

бы самъ не можетъ простить себѣ, что и онъ уже не вѣритъ болѣе въ свободу, что онъ такъ же, какъ всѣ остальные, надѣется только на благоразуміе и добровольныя уступки принцепса. Послѣдній активный представитель республиканской идеи погибъ съ Гельвидіемъ Прискомъ, послѣдній римлянинъ съ чисто-республиканскими идеями и симпатіями погибъ съ Тацитомъ. Полныя ненависти, печали и отчаянія, его анналы являются лебединой пѣснью старыхъ римскихъ традицій [1]).

§ 2.

Плиній Младшій.

Мы ужъ видѣли, что Гай Плиній Цецилій Секундъ такъ же, какъ нѣкогда философъ Сенека, можетъ быть признанъ типичнымъ представителемъ большинства лучшихъ людей своего времени. Онъ такъ же, какъ Тацитъ, принадлежитъ къ новой знати, выдвинувшейся въ эпоху Флавіевъ и принесшей съ собою болѣе строгіе нравы и болѣе скромныя претензіи въ жизнь сената и столицы. Люди съ хорошими, но далеко не гигантскими средствами, они не связаны такъ непосредственно съ традиціями старой знати, какъ Сульпиціи, Кальпурніи, Эмиліи, Корнеліи и другіе старые роды, игравшіе первенствующую роль еще въ эпоху республики и всегда являвшіеся естественными соперниками данной династіи принцепсовъ. Тогда

[1]) Поразительная односторонность и узость взгляда Шиллера нигдѣ такъ ярко не бросается въ глаза какъ въ его шаблонной характеристикѣ Тацита. Достаточно замѣтить, что онъ считаетъ безусловно самымъ совершеннымъ произведеніемъ Тацита его діалогъ объ ораторахъ и очевидно вовсе не чувствуетъ того грандіознаго трагизма, которымъ отличаются анналы: онъ отмѣчаетъ только, что ихъ географическія показанія не заслуживаютъ вѣры. Schiller, Gesch. 1, 586 сл. (ср. 1, 140). Вопросъ объ источникахъ даннаго писателя и объ его собственномъ значеніи какъ источника слишкомъ часто заслоняетъ личность самого писателя, даже если это такая первоклассная величина, какъ Тацитъ.

какъ старая знать быстро вымирала подъ вліяніемъ казней и собственнаго распутства, новая знать большей частью муниципальнаго происхожденія не менѣе быстро пополняла опустѣвшіе ряды сенаторской аристократіи и медленно, но вѣрно измѣняла физіономію сената и его внутреннее отношеніе къ принцепсу. Новая знать, правда, считаетъ себя правопреемницей старой и стремится занять ея мѣсто и въ качествѣ представительницы старыхъ сенатско-аристократическихъ традицій. Но только такой исключительной личности, какъ Тацитъ, удается дѣйствительно проникнуться этими традиціями, которыя сродни его мрачно неподвижной натурѣ. Масса новой знати на дѣлѣ не можетъ забыть своего должностного характера и происхожденія и старыя сенатскія традиціи удивительно переплетаются въ ней съ культомъ императорской власти, которой эта знать обязана всѣмъ своимъ положеніемъ. Тацитъ тоже признаетъ необходимость императорской власти, но о такомъ почти религіозно-почтительномъ отношеніи къ ней, какое мы встрѣчаемъ не только въ панегирикѣ, но и въ перепискѣ Плинія, у него не можетъ быть и рѣчи.

Плиній Младшій принадлежитъ къ небольшому числу римскихъ государственныхъ дѣятелей и писателей, жизнь которыхъ намъ особенно хорошо извѣстна: независимо отъ его собственныхъ произведеній, бо́льшая часть которыхъ такъ или иначе всегда касается его собственной особы, до насъ дошелъ рядъ надписей, дающихъ довольно полную картину его служебной карьеры [1]). Плиній былъ сыномъ римскаго всадника, уроженца сѣверо-итальянскаго города Comum, Луція Цецилія Цилона [2]), а со стороны матери племянникомъ Плинія Стар-

---

[1]) См. о немъ Mommsen, zur Lebensgeschichte des jüngeren Plinius въ Hermes 3 (за 1869 годъ), стр. 31—139 (ср. переводъ съ дополненіями автора C. Morel въ Bibliothèque de l'école des hautes études, 15 за 1873 годъ).

[2]) C. J. L. 5, 5279. Ср. 5, 745: L. Caecilius C. f. Ouf. Secundus и примѣчаніе Моммзена.

шаго, послѣ усыновленія которымъ онъ сталъ называться Гаемъ Плиніемъ Цециліемъ Секундомъ. Отецъ его, очевидно, занималъ видное положеніе, такъ какъ Вергиній Руфъ послѣ его смерти и до усыновленія его сына Плиніемъ согласился быть опекуномъ его малолѣтняго сына, и, по словамъ послѣдняго, относился къ нему съ отеческой нѣжностью [1]). Молодой Плиній, разумѣется, получилъ тщательное воспитаніе риторически-литературнаго характера: однимъ изъ его учителей былъ знаменитый преподаватель краснорѣчія Квинтиліанъ [2]). Четырнадцати лѣтъ его ученикъ уже написалъ греческую трагедію, о которой онъ впослѣдствіи вспоминалъ не безъ иронiи [3]). Самъ Плиній не безъ удовольствія разсказываетъ, что онъ во время знаменитаго изверженія Везувія въ 79 году—ему тогда было 18 лѣтъ—читалъ Тита Ливія и дѣлалъ изъ него выписки, несмотря на то, что весь Мизенумъ, гдѣ онъ тогда находился, былъ въ волненіи, а его дядя отправился морскимъ путемъ ближе къ мѣсту изверженія [4]). „Я привыкъ

---

[1]) Plin. ep. 2, 1, 7—8: nobis tamen quaerendus ac desiderandus est ut exemplar aevi prioris, mihi vero praecipue, qui illum non solum publice quantum admirabar tantum diligebam; primum quod utrique eadem regio, municipia finitima, agri etiam possessionesque coniunctae, praeterea quod ille mihi tutor relictus adfectum parentis exhibuit.

[2]) Plin. ep. 2, 14, 10; 6, 6, 3. Здѣсь же названъ еще другой, Никита Сацердосъ изъ Смирны, рѣчи котораго имѣли большой успѣхъ въ Азіи (Tac. dial. 15). Ср. о немъ Philostr., v. soph. 1, 19.

[3]) Plin. ep. 7, 4, 2: numquam a poëtice.. alienus fui; quin etiam quattuordecim natus annos Graecam tragoediam scripsi. Qualem? Inquis. Nescio: tragoedia vocabatur.

[4]) Plin. ep. 6, 20: profecto avunculo ipse reliquum tempus studiis (ideo enim remanseram) inpendi; mox balineum, cena, somnus inquietus et brevis. Praecesserat per multos dies tremor terrae minus formidolosus quia Campaniae solitus. Illa vero nocte ita invaluit, ut non movere omnia sed verti crederentur. Inrumpit cubiculum meum mater; surgebam, invicem, si quiesceret, excitaturus. Residimus in area domus, quae mare a tectis modico spatio dividebat. Dubito constantiam vocare an inprudentiam debeam: agebam enim duodevicensimum annum: posco librum Titi Livi et quasi per otium lego atque etiam, ut coeperam, excerpo. Ecce amicus avunculi, qui nuper ad eum ex Hispania venerat, ut me et matrem sedentes, me vero etiam

и почитать и удивляться всѣмъ тѣмъ, которые предаются умственнымъ занятіямъ", говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]), и это искреннее уваженіе къ учености хоть нѣсколько скрашиваетъ тотъ педантизмъ, которымъ вѣетъ не только отъ его поведенія во время постигшаго Кампанію бѣдствія, но и отъ всѣхъ его произведеній. Личность и всесторонняя ученость его дяди, отмѣчающаго въ предисловіи къ своему большому труду, что онъ прочиталъ около 2.000 томовъ [2]), очевидно, сильно импонировала ему, но тогда какъ Плиній Старшій отличался дѣйствительной любознательностью и въ концѣ концовъ сдѣлался жертвой ея, его племянникъ видимо увлекается болѣе формальной стороной дѣла, и когда старикъ его приглашаетъ поѣхать съ нимъ, чтобы изслѣдовать вблизи грандіозное изверженіе, онъ предпочитаетъ остаться дома и почитать, что̀ ему дядя укажетъ [3]). Весь этотъ эпизодъ представляется необыкновенно характернымъ: Плиній во всѣхъ своихъ произведеніяхъ въ сущности всегда оставался педантомъ и формалистомъ и нигдѣ у него не чувствуется живая мысль и сильное чувство. Мелкая и совершенно внѣшняя натура, онъ во всемъ всегда скользитъ по поверхности и довольствуется шаблонными разсужденіями человѣка изъ „хорошаго общества". Его переписка, особенно если перейти къ ней отъ переписки Цицерона, всегда поражаетъ своимъ однообразіемъ, необыкновенной пустотой и напыщенностью и преобладающимъ интересомъ къ внѣшней формѣ. Плиній при-

legentem videt, illius patientiam, securitatem meam corripit; nihilo segnius ego intus in librum. Весь тонъ этого разсказа чрезвычайно характеренъ для Плинія и его мелкаго честолюбія.

[1]) Plin. ep. 6, 17, 5: equidem omnes qui aliquid in studiis faciunt venerari etiam mirarique soleo. Est enim res difficilis ardua fastidiosa et quae eos a quibus contemnitur invicem contemnat.

[2]) Plin. nat. hist. praef. 17: lectione voluminum circiter duum milium.

[3]) Plin. ep. 6, 16: magnum propiusque noscendum, ut eruditissimo viro, visum. Iubet liburnicam aptari: mihi, si venire una vellem, facit copiam: respondi studere me malle, et forte ipso quod scriberem dederat.

надлежитъ къ тѣмъ безгранично тщеславнымъ людямъ, которые неспособны ни одно слово сказать просто, у которыхъ всякій жестъ, всякій поступокъ, даже всякое воспоминаніе разсчитаны на эффектъ. Переписка его съ Траяномъ, какъ мы видимъ, рисуетъ его еще и съ другой стороны: этотъ человѣкъ, гордящійся своей славой писателя и оратора и сплошь и рядомъ подчеркивающій благородство своихъ чувствъ, помимо всего остального, совершенно лишенъ иниціативы и энергіи и безпрестанно обращается къ императору съ совершенно вздорными просьбами и сомнѣніями. Всѣ эти отрицательныя черты не мѣшаютъ ему однако быть честнымъ и благожелательнымъ человѣкомъ, заботящимся объ интересахъ не только своихъ друзей и ихъ семействъ, но и своего родного города и ввѣренныхъ ему провинціаловъ. Человѣкъ безъ настоящаго чувства своего достоинства, безъ собственныхъ мыслей и безъ глубокаго чувства, онъ именно въ силу этого является характернымъ представителемъ своей эпохи, въ глазахъ которой онъ занимаетъ такое же видное мѣсто, какъ Тацитъ.

Карьера Плинія съ внѣшней стороны была блестящая, хотя и она не содержитъ ничего исключительнаго[1]). Начавъ съ участія въ судебной коллегіи децемвировъ[2]), онъ послѣдовательно былъ военнымъ трибуномъ третьяго галльскаго легіона, стоявшаго въ Сиріи[3]), и севиромъ римскихъ всадниковъ, въ 89 году сдѣлался квесторомъ и въ частности квесторомъ Цезаря, т.-е. Домиціана[4]), затѣмъ, вѣроятно въ 91 году, трибуномъ[5]), а

---

[1]) C. I. L. 5, 5262. Orelli-Henzen 1172. Wilmanns 1162b.

[2]) Это такъ называемые X viri stlitibus iudicandis.

[3]) Ср. ep. 3, 11, 5; 1, 10, 2.

[4]) Plin. ep. 7, 16, 2: Calestrium Tironem familiarissime diligo, et privatis mihi et publicis necessitudinibus inplicitum. Simul militavimus, simul quaestores Caesaris fuimus. Ille me in tribunatu liberorum iure praecessit, ego illum in praetura sum consecutus, cum mihi Caesar annum remisisset. Годъ его квестуры продолжался отъ іюня 89 до іюня 90 года.

[5]) Plin. ep. 1, 23, 2; 7, 16, 2. Годъ его трибуната продолжался вѣроятно отъ декабря 91 до декабря 92 года.

въ 93 или 94 году преторомъ [1]). Онъ самъ разсказываетъ, что претура ему была дана раньше срока [2]), а слѣдовательно, Домиціанъ, уже приступившій къ преслѣдованію оппозиціи, не только не считалъ его сторонникомъ Арулена Рустика и его друзей, но, наоборотъ, видѣлъ въ немъ безусловнаго сторонника власти. Воспоминаніе объ этомъ, очевидно, сохранилось и послѣ гибели Домиціана: еще въ панегирикѣ Траяну Плиній счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ и объяснить свое поведеніе: онъ заявляетъ, что его карьера была болѣе быстра, чѣмъ обыкновенно, но только покуда Домиціанъ еще не исполнился ненависти ко всѣмъ добрымъ людямъ; послѣ этого онъ предпочелъ болѣе медленное движеніе, такъ какъ понялъ, что иначе онъ будетъ вынужденъ совершать прямо гнусныя дѣянія. Въ эпоху общественныхъ несчастій онъ самъ былъ среди тѣхъ, что трепетали и были печальны, и только послѣ установленія лучшихъ порядковъ онъ способенъ радоваться и чувствовать себя въ безопасности. Онъ даже утверждаетъ, что Домиціанъ его такъ же ненавидѣлъ, какъ онъ самъ любитъ „лучшаго изъ принцепсовъ“, т.-е. Траяна [3]).

Но и независимо отъ этого мѣста Плиній неоднократно стремится оправдать свой образъ дѣйствій при Домиціанѣ и довольно прозрачно намекаетъ, что въ сущности его поведеніе было даже геройское. Особенно характерно его письмо къ Юлію Генитору, на содержаніе котораго намъ уже неодно-

---

[1]) Plin. ep. 3, 11, 2: equidem, cum essent philosophi ab urbe summoti, fui apud illum (Artemidorum) in suburbano, et quo notabilius, hoc est periculosius esset, fui praetor. Какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа это было уже послѣ казни Гереннія, Рустика и т. д. Ср. выше стр. 345 пр. 4.

[2]) Plin. ep. 7, 16, 2.

[3]) Paneg. 95: vos modo favete huic proposito et credite, si cursu quodam provectus ab illo insidiosissimo principe ante quam profiteretur odium bonorum, postquam professus est, substiti, et cum viderem quae ad honores compendia paterent, longius iter malui; si malis temporibus inter maestos et paventes, bonis inter securos gaudentesque numeror; si denique in tantum diligo optimum principem in quantum invisus pessimo fui.

кратно приходилось ссылаться. „Нашъ Артемидоръ“, говоритъ онъ здѣсь, „вообще отличается такимъ благожелательнымъ характеромъ, что превозноситъ заслуги друзей выше мѣры: точно также онъ распространяетъ и мою заслугу хотя и вѣрными, но преувеличенными разсказами. Я дѣйствительно былъ у него въ его подгородномъ имѣніи, когда философы были изгнаны изъ Рима, и что еще замѣчательнѣе, такъ какъ этимъ увеличивалась опасность, я былъ у него будучи преторомъ. Я ему далъ также деньги задаромъ, чтобы онъ могъ уплатить долги, въ которые онъ вошелъ по самымъ прекраснымъ причинамъ, занявъ ихъ самъ у недовольныхъ этимъ вліятельныхъ и богатыхъ друзей. И я это сдѣлалъ, когда семь моихъ друзей были казнены или сосланы—казнены были Сенеціонъ, Рустикъ и Гельвидій, сосланы—Маврикъ, Гратилла, Аррія и Фаннія — когда я чуть не сожженный самъ такимъ количествомъ молній, ударившихъ вокругъ меня, по опредѣленнымъ даннымъ предчувствовалъ, что гибель грозитъ и мнѣ. Но я не считаю, что пріобрѣлъ этимъ выдающуюся славу, какъ онъ говоритъ, а полагаю, что только избавился отъ позора... Когда я вспоминаю все это, то мнѣ, правда, пріятно, что онъ осыпаетъ меня похвалами какъ предъ другими, такъ и предъ тобой, но я опасаюсь, какъ бы онъ не терялъ чувства мѣры, которымъ его благожелательный характеръ (я возвращаюсь такимъ образомъ къ тому, съ чего началъ) не привыкъ руководиться“ [1]). Съ неменьшимъ удовольствіемъ и еще болѣе подробно онъ разсказываетъ о своемъ столкновеніи съ однимъ изъ опаснѣйшихъ дѣляторовъ временъ Нерона и Домиціана, съ Маркомъ Аквиліемъ Регуломъ: во время одного процесса передъ трибуналомъ центумвировъ Регулъ его спросилъ, что онъ думаетъ о нѣкоемъ Метіи Модестѣ, сосланномъ при Домиціанѣ и свидѣтельство котораго имѣло рѣшающее

[1]) Plin. ep. 3, 11.

значеніе для исхода процесса. Цѣль Регула была ясна: онъ хотѣлъ принудить Плинія либо высказаться одобрительно о Модестѣ, какъ это требовали не только интересъ защищаемаго Плиніемъ дѣла, но и истина, и тѣмъ возбудить гнѣвъ Домиціана противъ него, либо заставить его отозваться о Модестѣ отрицательно и проиграть дѣло. Рядомъ довольно удачныхъ отвѣтовъ Плинію удалось избѣжать необходимость опредѣленнаго отвѣта и обойти грозившую ему лично, по крайней мѣрѣ по его собственному мнѣнію [1]), опасность безъ вреда для защищаемой имъ по просьбѣ Арулена Рустика Арріониллы. „Наконецъ онъ замолчалъ: меня преслѣдовали похвала и поздравленія, что я не опозорилъ своего имени какимъ-нибудь хотя бы и выгоднымъ, но безчестнымъ отвѣтомъ и не запутался въ сѣтяхъ такихъ опасныхъ разспросовъ“ [2]).

Недаромъ наконецъ Плиній при каждомъ удобномъ случаѣ подчеркиваетъ свою дружбу къ жертвамъ Домиціана,— дружбу, которая однако не помѣшала ему, хотя бы и подъ сильнымъ внѣшнимъ давленіемъ, принять участіе въ ихъ осужденіи. Онъ чрезвычайно цѣнитъ свои добрыя отношенія къ брату Рустика, Юнію Маврику, по просьбѣ котораго онъ подыскиваетъ дочери Рустика жениха [3]), а его сыновьямъ преподавателя [4]). Самъ Маврикъ отличается необыкновенной

---

[1]) Ср. Tac. dial. 10: nobis satis sit privatas et nostri saeculi controversias tueri, *in quibus si quando necesse sit pro periclitante amico potentiorum aures offendere, et probata sit fides et libertas excusata.*

[2]) Plin. ep. 1, 5, 5—8: ecce tibi Regulus „quaero“, inquit, „Secunde, quid de Modesto sentias“. Vides, quod periculum, si respondissem „bene“, quod flagitium, si „male“.. „Respondebo“ inquam „si de hoc centumviri iudicaturi sunt.“ Rursus ille „quaero quid de Modesto sentias“. Iterum ego, „solebant testes in reos, non in damnatos interrogari“. Tertio ille „non iam quid de Modesto, sed quid de pietate Modesti sentias“. „Quaeris“, inqam, „quid sentiam: et ego ne interrogare quidem fas puto de quo pronuntiatum est“. Въ послѣднемъ отвѣтѣ въ сущности заключается осужденіе Модеста.

[3]) Plin. ep. 1, 14. (къ Юнію Маврику).

[4]) Plin. ep. 2, 18 къ нему же. Здѣсь же характерный для тщеславія Плинія разсказъ: sedeo inter iuvenes, ut solebam, atque etiam experior quan-

стойкостью и правдивостью, и Плиній, самъ неспособный на открытое неодобреніе дѣйствій правительства, съ удовольствіемъ разсказываетъ объ его бутадахъ по адресу власти [1]). Съ еще бо́льшимъ почтеніемъ онъ отзывается о самомъ Рустикѣ [2]), о Геренніи Сенеціонѣ, съ которымъ онъ въ 93 году по порученію сената обвинялъ Бебію Масса въ разграбленіи провинціи Бетики [3]), о Гельвидіи Прискѣ отцѣ [4]) и сынѣ, объ отомщеніи котораго онъ самъ написалъ особую книгу [5]), объ Арріи и Фанніи [6]).

Если безусловно повѣрить его безпрестаннымъ увѣреніямъ въ безграничной преданности и искренней дружбѣ къ названнымъ лицамъ, а также и его самодовольнымъ разсказамъ объ его поведеніи при Домиціанѣ, то можно составить себѣ совершенно неправильное представленіе о его характерѣ, міро-

---

tum apud illos auctoritatis ex studiis habeam. Nam proxime frequenti auditorio inter se coram multis ordinis nostri clare iocabantur: intravi, conticuerunt, quod non referrem, nisi ad illorum magis laudem quam ad meam pertineret, ac nisi sperare te vellem posse fratris tui filios probe discere.

[1]) Plin. ep. 4, 22, 3: quo viro nihil firmius nihil verius... Idem apud imperatorem Nervam non minus fortiter. Coenabat Nerva cum paucis: Veiento proximus atque etiam in sinu recumbebat: dixi omnia, cum hominem nominavi. Incidit sermo de Catullo Messalino, qui luminibus orbatus ingenio saevo mala caecitatis addiderat: non verebatur, non erubescebat, non miserebatur; quo saepius a Domitiano non secus ac tela, quae et ipsa caeca et inprovida feruntur, in optimum quemque contorquebatur. De huius nequitia sanguinariisque sententiis in commune omnes super cenam loquebantur, cum ipse imperator „quid putamus passurum fuisse, si viveret"? et Mauricus „nobiscum cenaret". Cp. Aur. Vict. ep. 12, 5.

[2]) Plin. ep. 1, 14, 1 (Iunio Maurico): scis enim quanto opere summum illum virum suspexerim dilexerimque, quibus ille adulescentiam meam exhortationibus faverit, quibus etiam laudibus ut laudandus viderer effecerit. Cp. ib. 1, 5, 2. 5; 5, 1, 8. 2, 18.

[3]) Plin. ep. 7, 33, 4 сл. Cp. ib. 4, 7, 5: itaque Herennius Senecio mirifice Catonis illud de oratore in hunc (M. Regulum) e contrario vertit „orator est vir malus dicendi imperitus". Non me Hercule Cato ipse tam bene verum oratorem quam hic Regulum expressit.

[4]) Plin. ep. 4, 21, 4.

[5]) Plin. ep. 4, 21, 4; 7, 30, 4: libellos meos de ultione Helvidi; 9, 13.

[6]) Plin. ep. 9, 13, 3. 7, 18.

созерцаніи и образѣ дѣйствій. Само собою разумѣется, что мы вовсе не предполагаемъ, чтобы онъ сознательно говорилъ неправду. Весьма вѣроятно, что онъ дѣйствительно былъ преданъ Арулену и Гельвидію и Маврику; нѣтъ основанія сомнѣваться, что онъ не совершалъ по собственной иниціативѣ никакихъ гнусностей. Но также мало подлежитъ сомнѣнію, что онъ не только осторожно воздерживался отъ всякаго проявленія недовольства, и развѣ только тайкомъ помогалъ мало интересовавшему власть Артемидору, но принималъ также участіе въ сенатскихъ приговорахъ противъ своихъ „друзей", какъ и Тацитъ. Да онъ и самъ въ одномъ письмѣ неожиданно сознается, что онъ былъ нѣкогда друженъ съ Гельвидіемъ, „насколько была возможна дружба съ человѣкомъ, который въ виду ужаса времени скрывалъ великое имя и равныя ему качества въ удаленіи отъ дѣлъ" [1]). Если бы онъ дѣйствительно былъ такимъ близкимъ другомъ осужденныхъ, какъ можно было бы предположить по его остальнымъ письмамъ, то Домиціанъ его несомнѣнно также мало пощадилъ бы, какъ престарѣлую Фаннію, вдову Ѳразеи Пета, или какъ Юнія Маврика. Впослѣдствіи, когда эпоха домиціанова террора прошла и когда Плиній всѣми средствами старался возстановить память Гельвидія Приска, и общество, и онъ самъ легко могли повѣрить и повѣрили, что его отношенія къ казненнымъ были дѣйствительно близкими.

О какихъ-либо серіозныхъ оппозиціонныхъ наклонностяхъ Плинія и въ послѣдніе годы Домиціана такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи: Плиній, правда, не получилъ за это время консулата, но зато онъ съ 95 по 97 годъ былъ префектомъ военнаго эрарія [2]). Какъ всѣ или по крайней мѣрѣ огромное

---

[1]) Plin. ep. 9, 13, 2: fuerat alioqui mihi cum Helvidio amicitia, quanta potuerat esse cum eo qui metu temporum nomen ingens paresque virtutes secessu tegebat, fuerat cum Arria et Fannia.

[2]) Prosop. 3, 49, № 370.

большинство сенаторовъ, онъ несомнѣнно втайнѣ былъ возмущенъ деспотизмомъ и казнями Домиціана, но покорно „давалъ доказательство великаго терпѣнія“ и выжидалъ наступленія лучшихъ временъ, не дѣлая рѣшительно ничего для его ускоренія.

Гибель Домиціана и принципатъ Нервы, какъ мы видѣли, вызвали сильнѣйшую реакцію въ обществѣ: Плиній и въ данномъ случаѣ вполнѣ поддался общему настроенію, увлекся общей ненавистью противъ деляторовъ [1]) и рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы отомстить главнымъ виновникамъ гибели Рустика, Гельвидія и другихъ. Выступить противъ М. Аквилія Регула онъ, правда, не рѣшился, несмотря на то, что онъ „готовилъ Арулену Рустику гибель и до того восторгался его казни, что публично прочиталъ и издалъ книгу, въ которой онъ нападалъ на Рустика и называлъ его обезьяной стоиковъ“, и несмотря на его нападенія на Гереннія Сенеціона и на самого Плинія [2]). Онъ рѣшилъ обождать возвращеніе Юнія Маврика съ тѣмъ, чтобы раздѣлить съ нимъ отвѣтственность. „Я нисколько не забываю, что Регула трудно побѣдить“, пишетъ онъ Воконію Роману [3]), „онъ богатъ, имѣетъ сторонниковъ; многіе за нимъ ухаживаютъ, еще больше народа его боится, а страхъ чаще сильнѣе любви. Можетъ однако случиться, что все это поддастся ударамъ: вѣдь успѣхъ дурныхъ также невѣренъ, какъ они сами. Но, чтобы снова повторить сказанное, я ожидаю Маврика. Онъ человѣкъ серіозный, разумный, изощренный долгимъ опытомъ и способенъ

---

[1]) Plin. ep. 1, 5, 1: vidistine quemquam M. Regulo timidiorem humiliorem post Domitiani mortem? sub quo non minora flagitia commiserat quam sub Nerone, sed tectiora. Coepit vereri, ne sibi irascerer; nec fallebatur irascebar. Регулъ является единственнымъ еще находящимся въ живыхъ лицомъ, о которомъ Плиній рѣшается отозваться отрицательно въ своей перепискѣ. Ср. ib. 14: Regulus, omnium bipedum nequissimus.

[2]) Ib. 1, 5, 2—15.

[3]) Ib. 1, 5, 15—17. Prosop. 2, 280 № 144.

предвидѣть будущее (т.-е. отношеніе власти къ обвиненію Регула) на основаніи прошлаго. Для меня будетъ одинаково достойно и попытать кое-что и остаться спокойнымъ смотря по его рѣшенію".

Вмѣсто Регула Плиній, какъ мы уже видѣли, обратился противъ гораздо менѣе замѣтнаго Публиція Церта, пріобрѣвшаго печальную извѣстность тѣмъ, что онъ выступилъ оффиціальнымъ обвинителемъ Гельвидія Приска сына. Въ письмѣ къ Квадрату онъ утверждаетъ, что его побудили къ этому какъ старая дружба съ Гельвидіемъ, такъ главнымъ образомъ интересъ государства и гнусность факта и желаніе дать примѣръ наказанія делятора [1]), и здѣсь же онъ подробно разсказываетъ въ высокой степени характерный ходъ дѣла. Первое увлеченіе общества послѣ паденія Домиціана уже прошло, когда Плиній рѣшилъ поднять обвиненіе противъ Церта: онъ самъ старается объяснить свое запоздалое обвиненіе тѣмъ, что онъ будто бы не желалъ, чтобы обвиненіе и наказаніе Церта совершилось какъ бы между прочимъ, среди наказанія другихъ дѣляторовъ, а хотѣлъ погубить его „его собственнымъ преступленіемъ". Вдова и другія родственницы Гельвидія, Антеія, Аррія и Фаннія, по его предложенію, присоединились къ нему и въ ближайшемъ засѣданіи сената онъ испросилъ себѣ разрѣшеніе высказать свое мнѣніе по поводу важнаго дѣла и „сказалъ нѣсколько словъ при величайшемъ одобреніи". Когда онъ началъ точнѣе указывать на преступленіе, не называя пока еще именъ, поднялось сильное волненіе. Одни заявляли, что знаютъ, о какомъ дѣлѣ онъ говоритъ внѣ обычнаго порядка, другіе восклицали „кто можетъ быть признанъ обвиняемымъ раньше оффиціальнаго доклада по его дѣлу?" третьи выражали желаніе, чтобы оставшіеся въ живыхъ сенаторы пользовались безопасностью. Сенатъ, очевидно, колебался,

[1]) Plin. ep. 9, 13, 3: sed non ita me iura privata ut publicum fas et indignitas facti et exempli ratio incitabat.

и большинство желало уклониться отъ новыхъ преслѣдованій, а предсѣдательствовавшій консулъ видимо хотѣлъ отклонить немедленное разсмотрѣніе неожиданнаго обвиненія противъ бывшаго претора, занимавшаго тогда должность префекта эрарія. Пока обсуждались другія дѣла, къ Плинію одинъ за другимъ подошли два его друга изъ консуляровъ и старались его уговорить отказаться отъ необдуманнаго и небезопаснаго предложенія. Они утверждали, что будущіе принцепсы (тогда еще никто не могъ предвидѣть, что преемникомъ Нервы будетъ Траянъ) запомнятъ его имя: „на что ты рѣшаешься?“ — говорилъ одинъ изъ нихъ, „куда ты стремишься? Какимъ опасностямъ ты подвергаешь себя? Какъ можешь ты такъ довѣряться настоящему положенію вещей, забывъ о будущемъ? Ты нападаешь на человѣка, который теперь уже префектъ эрарія, а скоро будетъ консуломъ,—человѣка, располагающаго крупными связями и друзьями?“ Онъ тутъ же указалъ Плинію на такого друга Церта, одного изъ крупныхъ намѣстниковъ востока, о которомъ ходили „великіе и сомнительные слухи“, вѣроятно въ томъ смыслѣ, что онъ или будетъ назначенъ преемникомъ Нервы, или самъ захватитъ власть. Плиній, по его собственнымъ словамъ, заявилъ, что онъ все взвѣсилъ и „рѣшилъ, если такова будетъ судьба, потерпѣть наказаніе за честнѣйшій поступокъ, лишь бы отомстить за позорнѣйшій“. Тѣмъ временемъ дѣло дошло до обсужденія его предложенія. Десигнированный консулъ Домицій Аполлинарисъ, бывшій три раза консуломъ Фабриціи Веіентонъ, Фабій Максиминъ [1]), Ветгій Прокулъ [2]), коллега Публиція Церта по префектурѣ эрарія и вотчимъ покойной жены Плинія, наконецъ Аммій Флаккъ [3]), одинъ за другимъ высказались за Церта. Съ другой

[1]) Prosop. 2, 50 № 45.

[2]) Вѣрнѣе Квинтъ Фульвій Гиллонъ Биттій Прокулъ, консулъ 98 года: Pl. ib. 23. Pros. 2, 93, № 369.

[3]) Кромѣ этого о немъ ничего неизвѣстно. Pros. 1, 53 № 416.

стороны Плинія поддержали Авидій Квіетъ [1]) и Корнутъ Тертуллъ, котораго консулы по просьбѣ матери назначили опекуномъ дочери Гельвидія [2]): первый заявилъ, что было бы крайне несправедливо отнять у родственниковъ Гельвидія право жаловаться на его обвинителя, къ какому бы онъ сословію не принадлежалъ, а второй отъ имени вдовы и дочери Гельвидія сказалъ, что онѣ удовольствуются тѣмъ, что сенату было указано на „кровавую лесть“ Церта по адресу Домиціана, и просятъ, чтобы Цертъ былъ отмѣченъ своего рода цензорскимъ осужденіемъ, если ему будетъ прощено наказаніе за несомнѣннѣйшее преступленіе. Сенатъ продолжалъ колебаться и пріятель Церта, Сатрій Руфъ, уже рѣшился хотя и осторожно, но все же предложить сенату оправдать Церта. Наконецъ очередь дошла до Плинія и задѣтый за живое видимой неудачей онъ отвѣтилъ каждому изъ предыдущихъ ораторовъ. Содержаніе ихъ и его рѣчей онъ позднѣе изложилъ въ своемъ произведеніи объ отомщеніи Гельвидія, которое до насъ не дошло. Въ письмѣ къ Квадрату онъ разсказываетъ только о крайне благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ его отвѣтомъ на сенатъ. „Достойно удивленія“, говоритъ онъ, „съ какимъ сочувствіемъ, съ какими криками все было принято тѣми, которые еще недавно возражали. Таковъ былъ поворотъ, вызванный или достоинствомъ дѣла, или характеромъ рѣчи, или стойкостью оратора. Я кончаю; Веіентонъ начинаетъ

---

[1]) Онъ былъ консуломъ при Домиціанѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ѳразеей Петомъ и съ Плиніемъ: Plin. ep. 6, 29. Pros. 1, 189 № 1172. Онъ умеръ до 107 года и не былъ въ живыхъ, когда Плиній написалъ письмо Квадрату.

[2]) Онъ былъ десигнированнымъ консуломъ, когда Тацитъ и Плиній по порученію сената обвиняли Марія Приска въ вымогательствахъ, совершенныхъ въ провинціи Африкѣ, намѣстникомъ которой онъ былъ, т.-е. въ 99—100 году. Ср. Plin. ep. 2, 11 и 12, 2; Prosop. 2, 188 № 187. Плиній съ нимъ переписывался, ср. ep. 7, 21 и 7, 31, но особенной близости между ними не было, какъ видно изъ тона писемъ (ср. напр. 7, 21, 1: collega carissime).

возражать, но никто этого не допускаетъ: ему мѣшаютъ и шумятъ до такой степени, что онъ говоритъ: прошу васъ, отцы сенаторы, не заставляйте меня обратиться къ помощи трибуновъ. А трибунъ Мурена тотчасъ говоритъ: я позволяю тебѣ говорить, знатнѣйшій мужъ Веіентонъ. Но и тогда ему возражаютъ. Тѣмъ временемъ консулъ вызываетъ имена и, произведши голосованіе, распускаетъ сенатъ и едва не оставляетъ Веіентона, который все еще стоитъ и пытается говорить. Веіентонъ много жаловался на этотъ позоръ (такъ онъ это называлъ)... а въ сенатѣ не было почти никого, кто бы не обнялъ меня, не расцѣловалъ и не покрылъ похвалами за то, что я по собственному почину возстановилъ уже давно забытый обычай предлагать на обсужденіе дѣла государственной важности и что я наконецъ избавилъ сенатъ отъ того страстнаго несочувствія, съ которымъ остальныя сословія относились къ нему за то, что, будучи строгъ противъ другихъ, онъ щадилъ однихъ сенаторовъ, какъ бы взаимно прикрывавшихъ свои преступленія".

Исходъ дѣла намъ уже извѣстенъ: Нерва не допустилъ дальнѣйшаго обсужденія дѣла, но и Цертъ былъ наказанъ тѣмъ, что не получилъ ожидаемаго консулата, тогда какъ его коллега Веттій Прокулъ вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ консуломъ [1]).

Къ сожалѣнію, мы знаемъ все это дѣло только по письму самого Плинія, вдобавокъ написанному много лѣтъ спустя, когда значительная часть свидѣтелей уже исчезла [2]). При такихъ условіяхъ очень трудно составить себѣ вполнѣ правильную картину о дѣйствительномъ ходѣ дѣла и особенно о мотивахъ дѣйствующихъ лицъ. Насколько Плиній могъ быть пристрастнымъ, мы хорошо знаемъ изъ его панегирика, отличающагося одинаково неумѣренной лестью по адресу Траяна

[1]) Plin. ep. 9, 13.

[2]) Ср. Mommsen, loc. cit.

и крайнимъ, отчасти совершенно нелѣпымъ, ожесточеніемъ противъ Домиціана. Вѣрить ему на слово, гдѣ онъ упоминаетъ о своемъ собственномъ благородствѣ и чуть не геройской стойкости, мы не имѣемъ ни основанія, ни права. При оцѣнкѣ его дѣятельности никогда не слѣдуетъ забывать ни его крайней осторожности при Домиціанѣ—замѣтимъ еще разъ, что онъ въ самые послѣдніе годы Домиціана занималъ крупное оффиціальное положеніе въ столицѣ, на глазахъ принцепса — ни той лести, которой онъ въ изобиліи осыпаетъ Траяна. Допустить, чтобы онъ съ самаго начала пошелъ сознательно противъ теченія, когда рѣшилъ обвинить Церта, едва ли представляется возможнымъ. Гораздо болѣе вѣроятнымъ можно признать, что принужденный общественными приличіями жить въ уединеніи по случаю смерти своей жены[1]), онъ на мгновеніе утратилъ связь съ господствующимъ настроеніемъ, пропустилъ наступившій въ немъ поворотъ въ пользу деляторовъ или вѣрнѣе противъ ихъ преслѣдованія и въ результатѣ выступилъ въ сенатѣ со своей рѣчью, когда время, благопріятное для того, чтобы пріобрѣсти преслѣдованіемъ деляторовъ дешевые лавры, уже прошло. Только если допустить это предположеніе, его поведеніе становится понятнымъ. А что онъ не отказался отъ обвиненія, когда встрѣтилъ сильное сопротивленіе, это нисколько не удивительно при его колоссальномъ тщеславіи, въ которомъ онъ нисколько не уступаетъ Цицерону.

Если устранить такимъ образомъ основное недоумѣніе, вызываемое разсказомъ Плинія, то онъ во всемъ остальномъ представляется въ высшей степени характернымъ для современнаго ему общества и прекрасно иллюстрируетъ его настроеніе и поведеніе послѣ гибели Домиціана. Ожесточеніе сената

[1]) Plin. ep. 9, 13, 4: quamquam tum maxime tristis amissa nuper uxore, mitto ad Anteiam (nupta haec Helvidio fuerat), rogo ut veniat, *quia me recens adhuc luctus limine contineret.*

противъ Домиціана и его помощниковъ не подлежитъ сомнѣнію. Но это ожесточеніе не направляется противъ основной мѣры его принципата, противъ соединенія цензорской власти съ принципатомъ, и не приводитъ къ возстановленію формальной самостоятельности сената, а наоборотъ, направляется почти исключительно противъ личности и внѣшнихъ формъ управленія „государя и бога“. Осужденіе его памяти, уничтоженіе его статуй, упраздненіе титула, но не власти „постоянная ценсора“, замѣна 24 ликторовъ прежними двѣнадцатью,— вотъ въ чемъ практически сенатъ протестуетъ противъ деспотизма послѣдняго Флавія. Какъ всегда, его главный интересъ заключается не въ серьезныхъ реформахъ политическаго и административнаго характера, а въ обезпеченіи личной безопасности его членовъ. Вотъ почему сенатскіе историки такъ цѣнятъ вышеупомянутую клятву Нервы и вотъ почему они, какъ мы ужъ видѣли, всегда съ особымъ ожесточеніемъ относятся къ деляторамъ, послушнымъ и добровольнымъ сообщникамъ деспотизма.

При желаніи сенатъ могъ бы принудить Нерву къ гораздо болѣе серьезнымъ уступкамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ добился: власть его была еще менѣе обезпечена, чѣмъ тридцать лѣтъ раньше власть Гальбы. Въ его распоряженіи небыло никакой военной силы: преторіанцы были недовольны убійствомъ Домиціана, а о томъ, какъ отнесутся къ перевороту провинціальные намѣстники и войска и не воспользуется ли кто либо изъ намѣстниковъ, по примѣру Вителлія и Веспасіана, случаемъ, чтобы провозгласить себя императоромъ, объ этомъ совершенно нельзя было судить. Сенатъ при такихъ условіяхъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое время являлся единственной опорой новаго принципата и если онъ не воспользовался въ высшей степени благопріятнымъ для него положеніемъ, если не нашлось ни одного человѣка, который, по примѣру Гельвидія Приска отца, попытался защитить и

обезпечить интересы сената, то это ясно доказываетъ, что въ сенатѣ не было никакой партіи съ опредѣленной политической программой и что уровень политическихъ интересовъ и политическаго міросозерцанія сената былъ необычайно низокъ. Домиціанъ, правда, былъ убитъ, но еще до своей смерти онъ успѣлъ погубить послѣднихъ людей, являвшихся носителями оппозиціонныхъ традицій предшествующей эпохи и обладавшихъ не только болѣе или менѣе опредѣленнымъ политическимъ міросозерцаніемъ, но и достаточно сильнымъ характеромъ, чтобы въ случаѣ надобности постоять за свои убѣжденія и умереть за нихъ.

Вмѣсто вопроса о политическихъ реформахъ, обезличенный долгимъ террором сенатъ „въ первые дни послѣ возвращенія свободы“ занялся преслѣдованіемъ деляторовъ: по словамъ Плинія, это преслѣдованіе имѣло чисто личный характеръ— каждый набрасывался на своихъ личныхъ враговъ—и сенаторы осторожно обходили крупныхъ деляторовъ вродѣ Регула и довольствовались мелкими. При всеобщемъ возбужденіи все дѣло приняло крайне безпорядочный и суммарный характеръ: осужденіе и наказаніе почти непосредственно слѣдовали за обвиненіемъ. Деспотизмъ Домиціана былъ замѣненъ деспотизмомъ сената [1]).

Мы уже видѣли, что болѣе благоразумные люди не сочувствовали этому лихорадочному увлеченію [2]). Съ одной

[1]) Plin. ep. 9, 13, 4: ac primis quidem diebus redditae libertatis pro se quisque inimicos suos, dumtaxat minores, incondito turbidoque clamore postulaverant simul et oppresserant.

[2]) Ср. выше стр. 272 и Plin. ep. 9, 13, 6: omnia ego semper ad Corellium rettuli, quem providentissimum aetatis nostrae sapientissimumque cognovi: in hoc tamen contentus consilio meo fui, veritus ne vetaret; erat enim cunctantior cautiorque. Sed non sustinui inducere in animum quo minus illi eodem die facturum me indicarem quod an facerem non deliberabam, expertus usu de eo quod destinaveris non esse consulendos quibus consultis obsequi debeas. Квинтъ Кореллій Руфъ былъ консуломъ во время Веспасіана или Тита, въ 82 году былъ намѣстникомъ верхней Германіи и умеръ въ 97—98 году. Ср. о немъ ep. 1, 12, 8—9. 3, 3. 4, 17. 5, 1, 5. 7, 11, 3. 7, 31, 4.

стороны, нельзя было быть увѣреннымъ, не замѣнитъ ли скоро старика Нерву какой-нибудь новый деспотъ вродѣ того намѣстника, на котораго указывалъ Плинію его пріятель изъ консуляровъ; съ другой стороны, преслѣдованіе деляторовъ пріобрѣло такой безобразный характеръ, что мало соотвѣтствовало достоинству сената и государства. Да и власть не могла сочувствовать распущенности сенатскихъ страстей. Начали раздаваться протесты противъ нея и какъ разъ со стороны наиболѣе вліятельныхъ въ сенатѣ лицъ и въ сенатѣ наступила реакція, которую Плиній въ своемъ уединеніи легко могъ не замѣтить. Удаленіе отъ общества въ такое горячее время несомнѣнно должно было тяготить его подвижную и тщеславную натуру, и видя, какъ легко поразить деляторовъ, онъ рѣшилъ обратиться противъ одного изъ болѣе крупныхъ среди нихъ и сгладить всякое воспоминаніе о своемъ предшествующемъ поведеніи громкимъ процессомъ противъ обвинителя Гельвидія. Его неожиданное предложеніе сначала не встрѣчаетъ сочувствія, и лишь люди, связанные съ нимъ пріятельскими отношеніями или оффиціально призванные защищать интересы семьи казненнаго Гельвидія, высказываются за него, да и то смягчая его требованія: характерно, что среди нихъ нѣтъ ни Тацита, ни вообще ни одного человѣка съ крупнымъ именемъ или виднымъ положеніемъ. Рѣчь Плинія однако, если вѣрить его показаніямъ, вызываетъ полный поворотъ въ настроеніи сената, и весьма возможно, что это было и дѣйствительно такъ: реакція противъ преслѣдованія деляторовъ была вызвана не столько измѣненіемъ отношенія сената къ нимъ, сколько нѣкоторымъ давленіемъ со стороны вліятельнаго меньшинства, и при такихъ условіяхъ рѣчь Плинія, ораторское искусство котораго очевидно высоко цѣнилось его современниками, могла снова возбудить ожесточеніе большинства сенаторовъ противъ деляторовъ и заставить ихъ позабыть о совѣтахъ благоразумныхъ людей. Сенатъ снова требовалъ

преслѣдованія, но на этотъ разъ жертвой его долженъ былъ быть видный членъ сената, а въ такомъ случаѣ ни Регулъ, ни Фабрицій Веіентонъ не могли быть спокойны, что скоро не потревожатъ и ихъ. Отъ судьбы Публиція Церта зависѣла судьба многихъ другихъ лицъ, занимавшихъ очень крупное положеніе. Естественно, что власть не позволила сенату продолжать обсужденіе дѣла, а сенатъ по обыкновенію безпрекословно повиновался, какъ только встрѣчалъ сколько-нибудь серьезный отпоръ даже со стороны такого слабаго принцепса, какъ Нерва. Крупные деляторы и теперь остались безнаказанными и сенату не удалось нагнать на нихъ спасительный страхъ. Утвержденіе Плинія, будто онъ достигъ своей цѣли, и всѣ громкія словы, которыми онъ пересыпаетъ свой разсказъ, такимъ образомъ, очень мало соотвѣтствуютъ истинѣ: человѣкъ, погубившій Гельвидія Приска, не только не подвергся участи своей жертвы, но его дѣйствія даже съ нравственной точки зрѣнія не были формально осуждены сенатомъ.

Въ легкой побѣдѣ слабой власти Нервы надъ сенатомъ заключается весь внутренній интересъ этого эпизода. Послѣ этого было бы странно ожидать отъ этого сената какой-либо оппозиціи противъ власти: онъ можетъ увлечься въ исключительныя минуты и пока власть не протестуетъ противъ его увлеченій, но отстаивать не только государственные, но даже свои собственные интересы онъ совершенно не способенъ. Недаромъ Тацитъ такъ часто подчеркиваетъ въ своихъ историческихъ произведеніяхъ, что бѣдствія перваго вѣка имперіи проистекаютъ не только изъ деспотизма Цезарей, но и изъ сервилизма сената, и признаетъ, что Тиберій имѣлъ право презирать сенатъ [1]), а Неронъ могъ „торжествовать побѣду надъ общественнымъ раболѣпіемъ“ [2]). Среди окружающаго

[1]) Tac. Ann. 3, 65.
[2]) Tac. Ann. 14, 13.

его общества онъ находилъ достаточное количество примѣровъ и доказательствъ въ пользу своего взгляда.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ памятниковъ этого сервилизма для насъ является неоднократно упомянутый панегирикъ Плинія Траяну [1]). Назначенный въ январѣ 98 года префектомъ эрарія Сатурна [2]) и выпросивъ черезъ посредство намѣстника верхней Германія Л. Юлія Урса Сервіана у Траяна такъ называемое ius trium liberorum [3]), онъ еще будучи префектомъ эрарія былъ назначенъ добавочнымъ консуломъ съ сентября 100 года [4]). По заведенному обычаю онъ долженъ былъ произнести въ сенатѣ въ присутствіи императора благодарственную рѣчь за это назначеніе: эта рѣчь и называется обыкновенно панегирикомъ въ честь Траяна, каковымъ она на самомъ дѣлѣ и является.

---

[1]) Ср. Ioh. Dierauer, экскурсъ ueber den Panegyricus des jüngeren Plinius, стр. 187—217 въ Untersuchungen Büdinger'a.

[2]) Ср. указанную выше надпись и paneg. 91: nondum biennium compleveramus in officio laboriosissimo et maximo, cum tu nobis, optime princeps, fortissime imperatorum, consulatum obtulisti, ut ad summum honorem gloria celeritatis accederet. Ср. Pl. et Trai. ep. 3: ut primum me, domine, indulgentia vestra promovit ad praefecturam aerarii Saturni...

[3]) Ср. характерное благодарственное письмо Траяну, Pl. et Trai. ep. 2: exprimere, domine, verbis non possum quantum mihi gaudium attuleris, quod me dignum putasti iure trium liberorum. Quamvis enim Iulii Serviani, optimi viri tuique amantissimi, precibus indulseris, tamen etiam ex rescripto intellego libentius hoc ei te praestitisse, quia pro me rogabat. Video ergo summam voti mei consecutus, cum inter initia felicissimi principatus tui probaveris me ad peculiarem indulgentiam tuam pertinere; eoque magis liberos concupisco и т. д. Юлій Сервіанъ, женатый на сестрѣ императора Гадріана, игралъ видную роль при дворѣ Траяна и Гадріана и былъ три раза консуломъ. Ср. Prosop. 2, 221 № 417.

[4]) Plin. paneg. 92: illud vero quam insigne, quod nobis (ему и его коллегѣ и другу Гаю Юлію Корнуту Тертуллу) praefectis aerario consulatum ante quam successorem dedisti... Quid, quod eundem in annum consulatum nostrum contulisti? Ergo non alia nos pagina quam te consulem accipiet, et nostra quoque nomina addentur fastis quibus ipse praescriberis. Tu comitiis nostris peaesidere, tu nobis sanctissimum illud carmen praeire dignatus es, tuo iudicio consules facti, tua voce renuntiati sumus, ut idem honoribus nostris suffragator in curia, in campo declarator existeres. Nam quod ei nos potissimum mensi attribuisti quem tuus natalis exornat, quam pulchrum nobis! и т. д.

Рѣчь, произнесенная по этому случаю Плиніемъ, не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ самъ разсказываетъ, что, „произнесши ее по обычаю въ сенатѣ согласно условіямъ мѣста и времени, онъ счелъ самымъ подходящимъ для хорошаго гражданина дѣломъ изложить тоже самое обширнѣе и подробнѣе въ особой книгѣ, во-первыхъ, чтобы отмѣтить нашему императору его достоинства посредствомъ истинной похвалы, затѣмъ, чтобы внушить будущимъ принцепсамъ не въ качествѣ учителя, но съ указаніемъ на примѣръ, какимъ путемъ они вѣрнѣе всего могутъ стремиться къ такой же славѣ. Поучать, каковъ долженъ быть принцепсъ, хотя и прекрасно, но трудно и почти надменно, хвалить же превосходнаго принцепса и такимъ путемъ какъ бы съ нѣкоторой возвышенности показывать будущимъ принцепсамъ свѣточъ, которому они должны слѣдовать, такъ же полезно, и все же въ этомъ нѣтъ никакого высокомѣрія“. Въ виду этого онъ значительно расширилъ содержаніе рѣчи и къ своему удовольствію убѣдился, что друзья безъ утомленія и скуки въ теченіе трехъ дней выслушивали чтеніе его произведенія: онъ самъ объясняетъ этотъ довольно удивительный для современнаго читателя непомѣрно длиннаго, однообразнаго и поразительно скучнаго панегирика успѣхъ не тѣмъ, что онъ сталъ послѣ обработки болѣе краснорѣчивымъ чѣмъ раньше, а тѣмъ, что онъ теперь не былъ связанъ условіями мѣста и времени, а потому писалъ свободнѣе, а слѣдовательно и охотнѣе [1]).

Одинъ изъ изслѣдователей этой эпохи, Дирауеръ, сдѣлалъ интересную и въ общемъ очень удачную попытку выдѣлить позднѣйшія добавленія и возстановить первоначальный планъ и содержаніе рѣчи. Для нашей цѣли, которая сводится къ тому, чтобы возстановить на основаніи панегирика, насколько это

[1]) Plin. ep. 3, 18: accedet ergo hoc quoque laudibus principis nostri, quod res antea tam invisa quam falsa nunc ut vera ita amabilis facta est.

возможно, политическое міросозерцаніе ея автора и его времени, вопросъ о томъ, какая именно часть его входила въ самомъ дѣлѣ въ текстъ произнесенной имъ рѣчи и что было добавлено впослѣдствіи, очевидно не имѣетъ значенія, и мы поэтому не будемъ на немъ останавливаться. Въ общемъ Дирауеру прекрасно удалось показать, къ какимъ механическимъ пріемамъ Плиній прибѣгалъ при расширеніи первоначальнаго текста и насколько онъ ими запуталъ первоначально довольно ясный ходъ мысли. Замѣтимъ только, что къ числу болѣе позднихъ добавленій принадлежатъ между прочимъ почти всѣ рѣзкіе и ожесточенные отзывы о Домиціанѣ, которыми Плиній впослѣдствіи постарался оттѣнить громадныя достоинства Траяна.

Первоначальная цѣль рѣчи несомнѣнно заключалась просто въ томъ, чтобы поблагодарить Траяна за данное ея автору консульство и показать его краснорѣчіе во всемъ его блескѣ. Если Плиній впослѣдсвіи разсказывалъ своему пріятелю Курію Северу, что онъ имѣлъ въ то же время въ виду изобразить идеальнаго принцепса, примѣръ котораго долженъ былъ бы пріобрѣсти обязательное значеніе для преемниковъ Траяна, то Плиній съ теченіемъ времени, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ увѣрилъ себя, что имѣлъ подобную цѣль [1]), на самомъ же дѣлѣ его рѣчь изображаетъ идеальнаго принцепса развѣ только въ томъ смыслѣ, что онъ не стѣсняется находить идеальными всѣ дѣянія и весь характеръ Траяна. Идеалъ Плинія имѣетъ до такой степени реальный оттѣнокъ, что всѣ его

---

[1]) Ср. Paneg. 4: sed parendum est senatus consulto, quo ex utilitate publica placuit ut consulis voce sub titulo gratiarum agendarum boni principes quae facerent recognoscerent, mali, quae facere deberent. Позволительно сомнѣваться, чтобы когда либо былъ изданъ подобный сенатусконсультъ. Но если даже предположить, что онъ былъ изданъ, то онъ очевидно является лишь однимъ изъ примѣровъ утонченной лести этого времени. Во всякомъ случаѣ онъ не относился спеціально къ эпохѣ Траяна: gratiarum actio была обязательна задолго до него.

разсужденія гораздо болѣе похожи на беззастѣнчивую лесть, чѣмъ на поученіе и нравственно-политическую проповѣдь. Каждый, кто читалъ понегирикъ Плинія, согласится, что нужно быть очень наивнымъ, чтобы повѣрить новому геройству его автора.

Плиній правда самъ неоднократно настаиваетъ на томъ, что онъ очень далекъ отъ мысли льстить Траяну [1]), который вѣдь и самъ не любитъ лести [2]), но это не мѣшаетъ ему признать Траяна съ первыхъ же словъ „цѣломудренно-чистымъ и святымъ и чрезвычайно похожимъ на боговъ принцепсомъ", „замѣчательнымъ и прекраснымъ даромъ боговъ" [3]). А если онъ нѣсколько дальше говоритъ о томъ, что онъ желалъ бы изобразить идеальнаго принцепса, то нужно только прислушаться къ его словамъ, чтобы убѣдиться, что онъ и тутъ преслѣдуетъ все ту же цѣль по возможности расхвалить и возвеличить Траяна. „Часто", говоритъ онъ, „я въ молчаніи обдумывалъ, отцы сенаторы, каковъ и какъ великъ долженъ быть тотъ, волей и мановеніемъ руки котораго управляются земли и моря, миръ и войны; но когда я изображалъ и рисовалъ себѣ въ своей фантазіи принцепса, которому приличествовала бы близкая къ безсмертнымъ богамъ власть, мнѣ никогда не приводилось хотя бы въ молитвѣ представить себѣ принцепса подобнаго тому, котораго мы теперь видимъ. Нѣкоторые пріобрѣли выдающіяся заслуги во время войны, но опускались въ мирное время; другихъ покрыла почетомъ тога, но не оружіе; одинъ добивался почтенія страхомъ, другой любви униженіемъ; тотъ потерялъ пріобрѣтенную дома славу, когда перешелъ къ общественнымъ дѣламъ, другой потерялъ

[1]) Paneg. 1: tantumque a specie adulationis absit gratiarum actio mea quantum abest a necessitate.

[2]) Ib. 3: magna et inusitata principis gloria, cui gratias acturus non tam vereor ne me in laudibus suis parcum quam ne nimium putet.

[3]) Ib. 1: quod enim praestabilius est aut pulchrius munus deorum quam castus et sanctus et diis simillimus princeps.

славу дома пріобрѣвъ ее на общественномъ поприщѣ: однимъ словомъ до сихъ поръ не было такого принцепса, достоинства котораго не страдали бы отъ ихъ близости съ пороками. Какое наоборотъ согласіе и какая гармонія всякихъ похвалъ и всякой славы отличаетъ нашего принцепса! Его строгость не терпитъ ущерба отъ его яснаго веселія, ни его строгое достоинство отъ его простоты, ни его веселіе отъ его гуманности. И крѣпость его организма и высокій ростъ, и почтенный видъ головы и достоинство, написанное на его лицѣ, и непоколебленная зрѣлость возраста, и волосы, украшенные не безъ участія боговъ для увеличенія величія ускоренными признаками старости, развѣ все это не указываетъ въ немъ ясно и несомнѣнно принцепса? Таковъ долженъ былъ быть тотъ, котораго даровали землѣ не гражданскія войны и не порабощенное оружіемъ государство, а миръ и усыновленіе и боги, наконецъ побѣжденные мольбами людей“ [1]).

Изъ приведеннаго отрывка становится совершенно яснымъ, что Плиній отнюдь не устанавливаетъ абстрактнаго идеала принцепса, а просто объявляетъ Траяна т.-е. то лицо, къ которому обращена его рѣчь, идеальнымъ принцепсомъ, настолько идеальнымъ, что самому Плинію при всемъ желаніи не удавалось представить себѣ нѣчто подобное. Нечего и говорить, какъ невѣроятно груба эта лесть, и тѣмъ не менѣе въ ней съ точки зрѣнія и самого Плинія и большинства современнаго ему общества заключается доля, и даже довольно значительная доля, искренняго поклоненія. Не слѣдуетъ забывать, что несмотря на всю слабость и всѣ недостатки характера Плиній все-таки является типичнымъ представителемъ лучшей части римскаго общества, что онъ не игралъ, подобно Регулу, Публицію Церту и другимъ активной роли въ терроризмѣ послѣднихъ лѣтъ Домиціана и былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ лучшими людьми

[1]) Ib. 4.

своего времени. Для справедливой оцѣнки его отношенія къ Траяну необходимо поэтому видѣлить изъ массы льстивыхъ выраженій ту группу восторженныхъ возгласовъ Плинія, которые служатъ настоящимъ, внутреннимъ основаніемъ для его преклоненія передъ Траяномъ. Это намъ дастъ возможность выяснить себѣ, въ чемъ именно Плиній и его современники усматривали достоинства траянова принципата и какія черты послѣдняго они особенно высоко цѣнили.

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что съ этой точки зрѣнія центральной мыслью панегирика должно быть признано рѣзкое противоположеніе домината и принципата, т.-е. не связаннаго рѣшительно ничѣмъ деспотизма и уважающей преданія старины и обычаи общества монархіи. „Ты знаешь“, обращается Плиній къ Траяну, „насколько разнятся по своей природѣ деспотическая власть и принципатъ и что никому принцепсъ не бываетъ милѣе, чѣмъ тѣмъ, которые больше всего недовольны деспотомъ. Ихъ (т.-е. враговъ деспотизма) ты выдвигаешь и выставляешь какъ своего рода примѣръ и доказательство того, какова цѣль твоей жизни, какой родъ людей тебѣ нравится; поэтому ты не принялъ пока ни цензуры ни префектуры нравовъ, такъ какъ ты предпочитаешь испытать наши умы благодѣяніями, а не строгими средствами“ [1]). Твои статуи, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя нѣкогда воздвигались частнымъ людямъ за выдающіяся заслуги передъ государствомъ. Статуи Цезаря сдѣланы изъ того же матеріала, какъ статуи Брутовъ и Камилловъ, тогда какъ статуи Домиціана, какъ и статуи боговъ были изъ золота и серебра. Да онѣ и воздвигаются по аналогичной причинѣ. „Тѣ отогнали царей и побѣдоноснаго врага отъ стѣнъ города: онъ (т.-е. Траянъ) удаляетъ и устраняетъ самую царскую власть и остальное зло

[1]) Paneg. 45: scis, ut sunt diversa natura dominatio et principatus, ita non aliis esse principem gratiorem quam qui maxime dominum graventur.

плѣненія и занимаетъ мѣсто принцепса, чтобы не было мѣста для деспота“ [1]).

Ясно, что въ этихъ словахъ выражается основа политическаго міросозерцанія римскаго общества временъ Нервы и Траяна. Оно испытало всѣ ужасы чистаго деспотизма и самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ него. Другіе принцепсы были господами гражданъ [2]) и считали недостойнымъ походить въ чемъ либо на сенаторовъ: [3]) Траянъ, наоборотъ, признаетъ, что если консулъ долженъ какъ можно рѣзче отличаться отъ частнаго лица, чтобы поддержать достоинство своей власти, то принцепсъ долженъ стремиться, какъ можно меньше отличаться отъ частныхъ людей, т.-е. не долженъ подчеркивать своей власти и своего всемогущества [4]): иначе говоря власть перваго сама по себѣ слишкомъ слаба, чтобы импонировать, власть второго, наоборотъ, слишкомъ велика, чтобы нуждаться во внѣшнихъ формахъ. Граждане находятся подъ его управленіемъ и подчинены ему, но подчинены ему такъ же, какъ и законамъ. И законы удерживаютъ страсти и распущенность, но какъ бы живутъ съ гражданами и среди нихъ. Такъ и Траянъ: онъ возвышается и отличается отъ остальныхъ людей въ силу своей власти и своихъ полномочій, которыя стоятъ выше людей, но имѣютъ человѣческое происхожденіе и характеръ [5]). Онъ обращается съ гражда-

---

[1]) Paneg. 55: hic regnum ipsum, quaeque alia captivitas gignit, arcet ac summovet, sedemque obtinet principis ne sit domino locus.

[2]) Ib. 88: plerique principum, cum essent civium domini...

[3]) Ib. 63: haec persuasio superbissimis dominis erat ut sibi viderentur principes esse desinere, si quid facerent tamquam senatores.

[4]) Ib. 59: cupimus tamen experiri an nunc quoque una eademque res sit bonus consul et bonus princeps, nam praeter id quod est arduum, duas easque simul capere potestates summas, tum inest utrique nonnulla diversitas, cum principem quam simillimum esse privato, consulem quam dissimillimum deceat.

[5]) Ib. 24: regimur quidem a te et subiecti tibi, sed quemadmodum legibus sumus. Nam et illae cupiditates nostras libidinesque moderantur, nobis-

нами, какъ отецъ съ дѣтьми [1]), и сдѣлавшись императоромъ сохраняетъ свое прежнее отношеніе къ нимъ, признаетъ себя равнымъ всѣмъ а высшимъ лишь постольку, поскольку онъ лучше всѣхъ [2]). Онъ не допускаетъ процессовъ объ оскорбленіи величества, довольный тѣмъ настоящимъ величіемъ, котораго больше всего недоставало тѣмъ, которые приписывали себѣ его и защищали его судомъ [3]). Онъ запретилъ рабамъ доносъ на ихъ господъ и не цѣнитъ любовь чужихъ рабовъ выше привязанности своихъ согражданъ [4]). Онъ не заставляетъ гражданъ составлять завѣщанія въ его пользу, и принцепсъ не является болѣе единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ то потому, что онъ названъ, то потому, что онъ не названъ въ завѣщаніи [5]). Онъ заботится объ улучшеніи нравовъ юношества и не преслѣдуетъ, подобно Домиціану, боявшемуся ихъ нравственной возвышенности, умственныя занятія и ихъ представителей [6]). Онъ знаетъ, что лучшая охрана принцепса заключается въ

---

cum tamen et inter nos versantur. Emines, excellis, ut honor, ut potestas, quae super homines quidem, hominum sunt tamen.

[1]) Ib. 21: ut cum civibus tuis quasi cum liberis parens vivis!

[2]) Ib. 21: eosdem nos, eundem te putas, par omnibus, et hoc tantum ceteris maior quod melior.

[3]) Ib. 42: locupletabant et fiscum et aerarium non tam Voconiae et Iuliae leges quam maiestatis singulare et unicum crimen eorum qui crimine vacarent. Huius tu metum penitus sustulisti, contentus magnitudine, qua nulli magis caruerunt quam qui sibi maiestatem vindicabant.

[4]) Ib.: reddita est amicis fides, liberis pietas, obsequium servis: verentur et parent et dominos habent. Non enim iam servi nostri principis amici, sed nos sumus, nec pater patriae alienis se mancipiis cariorem quam civibus suis credit. Omnes accusatore domestico liberasti unoque salutis publicae signo illud, ut sic dixerim, servile bellum sustulisti.,.

[5]) Ib. 43.

[6]) Ib. 47: quid? vitam, quid? mores iuventutis quam principaliter formas! quem honorem dicendi magistris, quam dignationem sapientiae doctoribus habes! Ut sub te spiritum et sanguinem et patriam receperunt studia! quae priorum temporum immanitas exiliis puniebat... (Plin. ep. 1, 10, 1: si quando urbs nostra liberalibus studiis floruit, nunc maxime floret). Cp. ib. 48: illa inmanissima belua...

его невинности [1]), и поэтому широко раскрылъ ворота своего дворца, въ которомъ жестокій звѣрь недавно то лизалъ кровь своихъ родныхъ, то готовилъ избіеніе самыхъ выдающихся гражданъ [2]), и не окружаетъ себя постоянно стражей [3]). Онъ не только не присваиваетъ себѣ собственности другихъ лицъ, но даже возвращаетъ многое изъ того, что захватили его предшественники [4]), процессы его фиска съ частными лицами разрѣшаются на общемъ законномъ основаніи [5]), а самъ онъ не только подобно Нервѣ не пользуется государственными средствами для удовлетворенія личныхъ потребностей, но передалъ государству и то, что унаслѣдовалъ отъ самого Нервы [6]). Онъ не воздвигаетъ себѣ храмовъ или алтарей или статуй среди боговъ и входитъ въ храмъ только, чтобы поклоняться богамъ [7]). Онъ не требуетъ, чтобы сенатъ по поводу всякаго пустяка восхвалялъ принцепса и неохотно принимаетъ всякаго рода почести, а часто и вовсе отказывается отъ нихъ [8]), но дѣлаетъ это безъ всякой надменности, а только изъ здравой

---

[1]) Ib. 49: fidissimam esse custodiam principis ipsius innocentiam. Haec arx inaccessa, hoc inexpugnabile munimentum, munimento non egere.

[2]) Ib. 47—48.

[3]) Ib. 23.

[4]) Ib. 50: est quod Caesar non suum viderat, tandemque imperium principis quam patrimonium maius est. Multa enim ex patrimonio refert in imperium, quae priores principes occupabant, non ut ipsi fruerentur, sed ne quis alius.

[5]) Ib. 36: eodem foro utuntur principatus et libertas. quae praecipua tua gloria est, saepius vincitur fiscus; cuius mala causa numquam est, nisi sub bono principe.

[6]) Ib. 51: praeterea pater tuus usibus suis detrahebat quae fortuna imperii dederat, tu tuis quae pater.

[7]) Ib. 52: horum unum si praestitisset alius, iam dudum illi radiatum caput et media inter deos sedes auro staret aut ebore augustioribusque aris et grandioribus victimis invocaretur. Tu delubra non nisi adoraturus intras...

[8]) Ib. 54: sed quid ego istud admiror, cum eos quoque honores qui tibi a nobis offeruntur aut delibare parcissime aut omnino soleas recusare? nihil ante tam vulgare tam parvum in senatu agebatur ut non laudibus principum inmorarentur quibuscumque censendi necessitas accidisset.

умѣренности [1]). Онъ не присваиваетъ себѣ ежегоднаго консулата и однимъ изъ признаковъ возвращенія свободы является тотъ фактъ, что и частные люди даютъ году свое имя и попадаютъ въ фасты на первое мѣсто: „такъ нѣкогда послѣ изгнанія царей начался свободный годъ; такъ нѣкогда устраненіе рабства ввело въ фасты имена частныхъ лицъ“ [2]). Теперь онъ долженъ уступить желаніямъ сената и принять новый, четвертый, консулатъ, чтобы возвысить этимъ самый консулатъ: если онъ снова откажется отъ него, то это можетъ вызвать двусмысленныя толкованія и дать поводъ подумать, что онъ пренебрегаетъ консулатомъ [3]). А между тѣмъ одна изъ его величайшихъ заслугъ заключается въ томъ, какъ онъ принялъ и велъ себя во время своего третьяго консулата; онъ присутствовалъ при актѣ избранія и ренунціаціи и не освободилъ себя отъ длинныхъ связанныхъ съ этимъ церемоній, принесъ обычную присягу и вообще подчинился всѣмъ законамъ, опредѣляющимъ обязанности и образъ дѣйствій консуловъ [4]). Онъ сдѣлалъ формулу обѣтовъ за его благоденствіе условной и пригласилъ боговъ быть его судьями и въ то же времѣ вооружилъ руку преторіанскаго префекта противъ самого себя на случай, если онъ забудетъ свою обязанность управлять государствомъ хорошо и согласно общимъ

---

[1]) Ib. 55: ut appareat non superbia et fastidio te amplissimos honores repudiare, qui minores non dedigneris. Pulchrius hoc, Caesar, quam si recusares omnes: nam recusare omnes ambitionis, moderatio est eligere parcissimos.

[2]) Ib. 58: non te ad exemplar eius voco, qui continuis consulatibus fecerat longum quendam et sine discrimine annum... contigit ergo privatis aperire annum fastosqūe reserare, et hoc quoque redditae libertatis indicium fuit quod consul alius quam Caesar esset. Sic exactis regibus coepit liber annus: sic olim servitus pulsa privata fastis nomina induxit.

[3]) Ib. 56: sed iam tempus est te ipsi consulatui praestare, ut maiorem eum suscipiendo gerendoque facias. Nam saepius recusare ambiguam ac potius illam interpretationem habet, tamquam minorem putes... 60; vis illud augustissimum consulum quondam tribunal maiestati suae reddere? ascende.

[4]) См. выше стр. 279 сл.

интересамъ [1]). Будучи консуломъ, онъ далъ сенату возможность свободно обсуждать государственныя дѣла, и побѣда оставалась за наиболѣе вѣрнымъ сужденіемъ [2]). Въ отличіе отъ многихъ своихъ предшественниковъ, бывшихъ господами гражданъ, но рабами своихъ либертовъ, по одному знаку которыхъ они раздавали претуры и консулаты, онъ, правда, оказываетъ своимъ либертамъ высшую честь, но они все же остаются либертами. Вѣдь онъ знаетъ, что величіе либертовъ есть лучшее доказательство недостатковъ принцепса, и сдерживая ихъ, онъ дѣлаетъ ихъ достойными того, чтобы сенатъ оказывалъ имъ всякій почетъ, такъ какъ онъ не вынуждается къ этому внѣшними условіями [3]).

„Такъ развѣ не по справедливымъ причинамъ присвоилъ тебѣ сенатъ и народъ римскій прозвище „наилучшаго“? И эта честь была уже готова и привычна и все-таки она нова. Такъ знай же, что никто до сихъ поръ не заслужилъ такой почести, которую не пришлось бы придумывать, если только онъ ее вообще заслужилъ. Развѣ было бы лучше называться

---

[1]) См. выше стр. 282. См. также paneg. 86.

[2]) Ib. 76: iam quam antiquum quam consulare, quod triduum totum senatus sub exemplum tui sedit, cum interea nihil praeter consulem ageres! Interrogavit quisque quod placuit: dissentire, discedere et copiam iudicii rei publicae facere tutum fuit: consulti omnes atque etiam dinumerati sumus, vicitque sententia non prima sed melior. At quis antea loqui, quis hiscere audebat praeter miseros illos, qui primi interrogabantur.

[3]) Все это мѣсто (Paneg. 88) очень характерно какъ для высокомѣрнаго отношенія сенаторовъ къ министрамъ изъ либертовъ, такъ и для фактическаго могущества послѣднихъ: plerique principes, cum essent civium domini, libertorum erant servi: horum consiliis nutu regebantur, per hos audiebant, per hos loquebantur, per hos praeturae etiam et sacerdotia et consulatus, immo et ab his petebantur. *Tu libertis tuis summum quidem honorem, sed tamquam libertis habes*, abundeque sufficere iis credis, si probi et frugi existimentur. Scis enim praecipuum esse indicium non magni principis magnos libertos. Ac primum neminem in usu habes nisi aut tibi aut patri tuo aut optimo cuique principum dilectum, statimque hos ipsos; cotidie deinde ita formas ut se non tua fortuna, sed sua metiantur: *et tanto magis digni quibus honor omnis praestetur a nobis, quia non est necesse.*

счастливымъ — вѣдь это прозвище касается не нравовъ, а судьбы, — или великимъ, что не столько прекрасно, сколько возбуждаетъ зависть? Тебѣ лучшій принцепсъ присвоилъ свое имя посредствомъ усыновленія, сенатъ точно такъ же присвоилъ тебѣ званіе наилучшаго... Зоветъ ли тебя кто Траяномъ или „наилучшимъ“, оба обозначенія одинаково ясно и опредѣленно относятся къ тебѣ: такъ нѣкогда Пизоны были отмѣчены порядочностью, Леліи мудростью, Метеллы благочестіемъ. Всѣ эти качества вмѣстѣ содержатся въ одномъ словѣ: наилучшій. Вѣдь наилучшимъ не можетъ быть признанъ тотъ, кто не превосходитъ всѣхъ лучшихъ каждаго въ его области. Вотъ почему это званіе по справедливости было присвоено тебѣ послѣ всѣхъ, такъ какъ оно выше всѣхъ. Вѣдь быть императоромъ и Цезаремъ и Августомъ значитъ меньше, чѣмъ быть лучше всѣхъ императоровъ и Цезарей и Августовъ. Вотъ почему отецъ людей и боговъ пользуется поклоненіемъ подъ именемъ лучшаго и затѣмъ уже величайшаго. Тѣмъ болѣе блестящей является твоя слава, такъ какъ всѣ знаютъ, что ты и лучшій и величайшій. Ты пріобрѣлъ званіе, которое не можетъ перейти къ другому: у хорошаго принцепса оно будетъ признано чужимъ, у дурного — невѣрнымъ. Пусть его позднѣе захватятъ даже всѣ, оно все-таки всегда будетъ признаваться твоимъ“ [1]).

Вотъ въ общихъ чертахъ та характеристика Траяна, какъ идеальнаго принцепса, которую мы встрѣчаемъ у Плинія. Къ приведеннымъ выше чертамъ слѣдуетъ еще прибавить его военныя заслуги [2]), его заботу о военной дисциплинѣ [3]) и объ интересахъ солдатъ [4]), наконецъ его заботливое отношеніе

[1]) Pan. 88.

[2]) Ib. 12. 14.

[3]) Ib. 13, 15. 18: quam speciosum est enim quod disciplinam castrorum lapsam extinctamque refovisti depulso prioris saeculi malo, inertia et contumacia et dedignatinoe parendi. Ср. 25.

[4]) Ib. 15.

къ римскому народу [1]) и къ провинціямъ [2]). Въ своей совокупности всѣ его качества и заслуги вмѣстѣ и даютъ ему право на званіе „наилучшаго", въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ заключается оправданіе его власти и его господствующаго положенія, которое вообще никоимъ образомъ не слѣдуетъ искать въ происхожденіи.

Изъ рѣчи, приписанной Тацитомъ Гальбѣ, мы уже знаемъ, какое принципіальное значеніе современное ему общество придавало усыновленію будущаго принцепса и почему оно предпочитало эту форму перехода власти отъ одного лица къ другому установленію строго наслѣдственнаго замѣщенія престола [3]). Наслѣдственность власти, казалось, не только устраняла всякій слѣдъ свободы, но не обезпечивала также внутреннихъ достоинствъ правителя. Тѣ же мысли только въ еще болѣе опредѣленной формѣ встрѣчаются и у Плинія. Только усыновленіе могло дать имперіи такого идеальнаго принцепса, какъ Траянъ [4]) „Между усыновляющимъ и усыновляемымъ не было никакого родства, никакой связи кромѣ той, что оба были наилучшими, достойными, одинъ быть избраннымъ, другой избирать. Ты былъ усыновленъ не такъ,

---

[1]) Ib. 25—28. См. 26: locupletes ad tollendos liberos ingentia praemia et pares poenae adhortantur; pauperibus una ratio est bonus princeps. Hic fiducia sui procreatos nisi larga manu fovet, auget, amplectitur, occasum imperii, occasum rei publicae adcelerat frustraque proceres plebe neglecta, ut defectum corpore caput nutaturumqve instabili pondere, tuetur. 27: magnum quidem est educandi incitamentum tollere liberos in spem alimentorum, in spem congiariorum; maius tamen, in spem libertatis, in spem securitatis. 28: paulo minus, patres conscripti, quinque milia ingenuorum fuerunt, quae liberalitas principis nostri conquisivit, invenit, adscivit. Hi subsidium bellorum, ornamentum pacis publicis sumptibus aluntur, patriamque non ut patriam tantum verum ut altricem amare condiscunt. Ex his castra, ex his tribus replebuntur... 29: instar ego perpetui congiarii reor adfluentiam annonae...

[2]) Особенно 29—32. Ср. также 70.

[3]) Ср. выше стр. 330.

[4]) Paneg. 5: talem esse oportuit quem non bella civilia nec armis oppressa res publica sed pax et adoptio et tandem exorata terris numina dedissent.

какъ прежде тотъ или иной, въ угоду женѣ. Тебя сдѣлалъ своимъ сыномъ не вотчимъ, а принцепсъ, и божественный Нерва точно такъ же сдѣлался твоимъ отцомъ, какъ онъ былъ отцомъ всѣхъ. Иначе и не долженъ быть избранъ сынъ, если онъ избирается принцепсомъ. Или когда ты собираешься передать сенатъ и народъ римскій, войска, провинціи и союзниковъ одному лицу, ты возьмешь себѣ преемника изъ утробы жены и будешь искать наслѣдника высшей власти исключительно въ своемъ собственномъ домѣ? не осмотришь ли ты все государство и не сочтешь ли ты ближайшимъ къ тебѣ, наиболѣе связаннымъ съ тобой того, котораго ты найдешь наилучшимъ и болѣе всѣхъ похожимъ на боговъ? Тотъ, кто долженъ править всѣми, долженъ быть и избранъ среди всѣхъ. Вѣдь ты не собираешься дать господина своимъ рабамъ, чтобы довольствоваться неизбѣжнымъ законнымъ наслѣдникомъ, а въ качествѣ императора хочешь дать гражданамъ принцепса. Если ты усыновишь того, который и безъ усыновленія несомнѣнно будетъ править, то это должно быть признано актомъ надменнымъ и достойнымъ царя... Вотъ почему твое усыновленіе было произведено не въ спальнѣ, а въ храмѣ, не передъ супружескимъ ложемъ, а передъ престоломъ наилучшаго и величайшаго Юпитера; этимъ наконецъ было обезпечено не наше рабство, а свобода и спасеніе и безопасность“ [1]).

Мы имѣемъ полное основаніе сомнѣваться, чтобы Плиній когда либо рѣшился открыто произнести эти слова, если бы Траянъ не былъ усыновленъ Нервой или если бы онъ какъ Веспасіанъ имѣлъ сыновей, которые могли бы сдѣлаться его преемниками. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности Плинія, когда онъ превозноситъ свободный выборъ и усыновленіе наслѣдника престола и предпочитаетъ его другимъ формамъ престолонаслѣдія. Плиній въ данномъ случаѣ

[1]) Ib. 7—8.

высказываетъ не какую-нибудь новую мысль, которую ему могли бы внушить условія времени и желаніе угодить императору, а излагаетъ взглядъ, уже давно установившійся и уже извѣстный намъ. Въ основѣ его панегирика лежитъ все тотъ же взглядъ на монархію, съ которымъ мы познакомились по произведеніямъ Діона Хрисостома и который мы только что встрѣтили у Тацита. Разница только въ томъ, что Тацитъ лишь со скорбью и съ душевной болью примиряется съ необходимостью монархіи, тогда какъ Плиній, а съ нимъ вмѣстѣ несомнѣнно и большинство его современниковъ, уже вполнѣ привыкли къ существованію монархіи и принимаютъ ее не какъ необходимое зло, а какъ давно существующій и благодѣтельный фактъ. Съ этой точки зрѣнія основной смыслъ панегирика сводится къ тому, чтобы доказать, что Траянъ въ силу своихъ исключительныхъ достоинствъ вполнѣ заслуживаетъ занимать положеніе принцепса, что онъ обязанъ своей властью не случайности, а тому, что онъ является лучшимъ изъ всѣхъ римлянъ, наиболѣе похожимъ на боговъ и слѣдовательно достойнымъ высшей власти.

Всѣ основныя черты разобранной выше теоріи монархической власти встрѣчаются и у Плинія: принципатъ отличается отъ тираніи, не подлежитъ случайностямъ неизбѣжнымъ при господствѣ частнаго наслѣдственнаго права, а долженъ быть достояніемъ наилучшаго; принцепсъ не долженъ быть деспотомъ, для котораго существуетъ только его собственный интересъ, а первымъ слугою государства, блюдущимъ интересы подданныхъ; по своимъ внутреннимъ достоинствамъ онъ близокъ къ богамъ, но не равенъ имъ, а отвѣчаетъ передъ ними за свое управленіе. Все это мы уже встрѣчали у Діона и у Тацита, но если послѣдній высказываетъ свои взгляды только отрывочно, а первый по крайней мѣрѣ нигдѣ прямо не говоритъ, что Траянъ вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу монарха, то Плиній не стѣсняется никакими приличіями и ясно и опредѣ-

ленно заявляетъ, что Траянъ даже выше самыхъ идеалистическихъ представленій объ идеальномъ принцепсѣ, а потомъ также мало стѣсняется прибавить, что цѣль его рѣчи собственно говоря заключается въ поученіи будущихъ принцепсовъ.

Таковъ основной смыслъ и характеръ плиніева панегирика. Въ видѣ дополненія намъ остается еще отмѣтить, что протестуя противъ деспотизма Плиній отнюдь не высказывается противъ неограниченной власти принцепса или не признаетъ ея существованія. Безсиліе Нервы передъ мятежными преторіанцами ему представляется „великимъ позоромъ вѣка, нанесшимъ государству тяжелую рану: императоръ и отецъ рода человѣческаго осаждается, берется въ плѣнъ, содержится подъ стражей; у снисходительнѣйшаго старца отнята власть спасать людей; у принцепса отнято лучшее достоинство принципата, а именно, что нѣтъ возможности добиться чего-нибудь силой“ [1]). Принявъ при такихъ условіяхъ власть, Траянъ спасъ государство отъ гибели подавивъ всякое сопротивленіе [2]). Плиній вполнѣ признаетъ, что въ сущности всѣ средства частныхъ лицъ принадлежатъ въ то же время и принцепсу, какъ главѣ государства, въ случаѣ надобности имѣющаго право требовать отъ гражданъ все, что покажется необходимымъ въ общихъ интересахъ [3]). Отъ его воли зависитъ дать направленіе жизни всего государства и въ частности сената: „ты приказываешь намъ быть свободными: мы будемъ свободны; ты приказываешь намъ высказывать, что мы думаемъ: мы выскажемъ. Вѣдь мы

---

[1]) Paneg. 6: magnum quidem illud saeculo dedecus, magnum rei publicae vulnus impressum est: imperator et parens generis humani obsessus captus inclusus, ablata mitissimo seni *servandorum hominum potestas, ereptumque principi illud in principatu beatissimum, quod nihil cogitur.*

[2]) Paneg. 5: cogi porro non poteras nisi periculo patriae et nutatione rei publicae... 6: expectatum est tempus quo liqueret non tam accepisse te beneficium quam dedisse. Confugit in sinum tuum concussa res publica, ruensque imperium super imperatorem imperatoris tibi voce delatum est.

[3]) Paneg. 27: nam cuius est quidquid est omnium, tantum ipse quantum omnes habet.

и до сихъ поръ перестали дѣлать это не въ силу постыдной лѣни или врожденной инертности: трепетъ и страхъ и несчастный, наученный опасностями разсудокъ научили насъ отвернуть отъ общественныхъ дѣлъ (да тогда вовсе не было общественныхъ дѣлъ) наши глаза, уши и умы. Довѣряя твоему слову и твоимъ обѣщаніямъ и опираясь на нихъ, мы теперь открываемъ закрытые долгимъ рабствомъ рты и даемъ волю связанному столькими бѣдствіями языку. Вѣдь ты въ самомъ дѣлѣ хочешь, чтобы мы были таковыми, каковыми ты намъ приказываешь быть; въ твоихъ словахъ нѣтъ ничего показного, ничего обманчиваго, ничего такого, что могло бы ввести довѣрчиваго человѣка въ обманъ“ [1]). „Мы повинуемся только тебѣ, если собираемся въ куріи не для соревнованія въ лести, но для того, чтобы заняться исправленіемъ правосудія...“ [2]). Принцепсъ во всѣхъ отношеніяхъ обладаетъ верховной властью надъ государствомъ [3]); ему вовсе не нужно обладать цензорской властью или префектурой нравовъ; одного его примѣра, одного его знака достаточно, чтобъ обезпечить ему повиновеніе: „послушные, мы слѣдуемъ за принцепсомъ, куда бы онъ насъ ни повелъ, и, такъ сказать, склонны идти за нимъ. Ему мы желаемъ быть дороги, его одобренія мы добиваемся, на что непохожіе на него напрасно стали бы надѣяться, и мы доходимъ въ нашемъ повиновеніи до того, что почти всѣ люди живутъ согласно нравамъ одного человѣка. Вѣдь не такъ же плохо въ самомъ дѣлѣ все устроено, чтобы мы могли подражать дурному, но не могли бы подражать хорошему принцепсу. Продолжай только, о Цезарь, и твои намѣренія,

---

[1]) Ib. 66: iubes esse liberos; erimus: iubes quae sentimus in medium proferre: proferemus... Neque enim umquam deceptus est princeps nisi qui prius ipse decepit.

[2]) Ib. 54.

[3]) Ib. 56: At postquam ad te imperii summam et cum omnium rerum tum etiam sui potestatem dii transtulerunt...

твои дѣйствія пріобрѣтутъ силу и дадутъ результаты цензуры. Жизнь принцепса вѣдь является цензурой и притомъ постоянной: мы сообразуемся съ ней, мы подчиняемся ей и намъ не столько нужно властное требованіе, сколько примѣръ“ [1]). Принцепсъ является средоточіемъ всей жизни государства: „всѣ дѣла находятся во власти одного лица, которое одно въ общихъ интересахъ взяло на себя заботы и труды всѣхъ; нѣкоторые однако благодаря его спасительной умѣренности доходятъ и до насъ подобно ручьямъ, вытекающимъ изъ этого благожелательнѣйшаго источника; ихъ мы можемъ рѣшать и сообщать о нихъ письменно нашимъ друзьямъ“, признается Плиній въ письмѣ къ Мессію Максиму [2]).

Неограниченность власти принцепса не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію. Старыя магистратуры фактически поте-

---

[1]) Ib. 45.

[2]) Plin. ep. 3, 20: sunt quidem cuncta sub unius arbitrio, qui pro utilitate communi solus omnium curas laboresque suscepit; quidam tamen salubri temperamento ad nos quoque velut rivi ex illo benignissimo fonte decurrunt, quos et haurire ipsi et absentibus amicis quasi ministrare possumus. Если принять въ разсчетъ, что Плиній нѣсколько разъ заявляетъ, что считаетъ долгомъ сообщать друзьямъ о болѣе важныхъ дѣлахъ, обсуждавшихся въ сенатѣ (Ср. ep. 2, 11: solet esse gaudio tibi, si quid actum est in senatu ordine illo и 3, 20: haec tibi scripsi, primum, ut aliquid novi scriberem, deinde, ut nonnumquam de re publica loquerer, *cuius materiae nobis quanto rarior quam veteribus occasio* tanto minus omittenda est), то малое количество подобныхъ дѣлъ, упоминаемыхъ въ его долголѣтней перепискѣ съ разными лицами пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Общественныхъ дѣлъ касаются такъ или иначе ep. 1, 5 (о дѣяторахъ и въ частности о Регулѣ, ep. 2, 20; 4, 2, 4, 7, 6, 2); 2, 1 (о смерти и заслугахъ Вергинія Руфа ep. 9, 19); 2, 7 (о дарованіи Вестрицію Спуриннѣ инсигній тріумфатора); 2, 11 и 12 (о процессѣ Марія Приска); 3, 4 и 3, 9 (о процессѣ провинціи Бетики противъ Классика) 3, 20 (о введеніи закрытой баллотировки при сенатскихъ выборахъ ep. 4, 25) 4, 9 (о процессѣ Юлія Басса); 5, 4 (о дѣлѣ Туспилія Номината съ Вицетинцами ср. 5, 13); 5, 20 (о процессѣ виѳинцевъ съ Варономъ ср. 6, 5. 7, 6. 13); 6, 19 (объ упорядоченіи выборныхъ порядковъ въ сенатѣ и объ эдиктѣ, повелѣвающемъ сенаторамъ помѣстить третью часть своего состоянія въ италіанскихъ земляхъ); 8, 14 (о наказаніи либертовъ по поводу убійства господина).

ряли всякое значеніе [1]), а сенатъ отвыкъ отъ дѣлъ [2]) и принцепсъ вынужденъ бороться съ его „инертнымъ" и все же распущеннымъ" поведеніемъ [3]). На дѣлѣ совѣтъ принцепса имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ сенатъ и Плиній чрезвычайно польщенъ не только приглашеніемъ въ совѣтъ императора [4]), но и своимъ участіемъ въ совѣтѣ городского префекта [5]). Протесты Плинія и его современниковъ направлены такимъ образомъ отнюдь не противъ неограниченности императорской власти, но только противъ деспотической тираніи „бога и государя". Монархія сама по себѣ признана не только необходимымъ, но и въ высшей степени благодѣтельнымъ учрежденіемъ. Цѣль ея заключается въ „спасеніи людей" [6]): располагая неограниченно средствами всей имперіи принцепсъ имѣетъ возможность оказывать всѣмъ ея областямъ именно ту помощь, въ которой онѣ нуждаются. Не будь его власти, Египетъ въ самомъ началѣ траянова принципата, былъ бы напримѣръ постигнутъ тяжелымъ голодомъ, такъ какъ тамъ не произошло обычнаго наводненія и его населеніе

[1]) Plin. ep. 1, 23 (Pompeio Falconi, консулу 109 года; ср. Pros. 3, 134 № 68): consulis an existimem te in tribunatu causas agere debere. *Plurimum refert quid esse tribunatum putas, inanem umbram et sine honore nomen an potestatem sacrosanctam* et quam in ordinem cogi ut a nullo ita ne a se quidem deceat. *Ipse cum tribunus essem, erraverim fortasse qui me aliquid putavi, sed tamquam essem* abstinui causis agendis. Ср. Plin. et Trai. ep. 3.

[2]) Plin. ep. 8, 14: priorum temporum servitus ut aliarum optimarum artium sic etiam iuris senatorii oblivionem quandam et ignorantiam induxit. Quotus enim quisque tam patiens ut velit discere quod in usu non sit habiturus?.. Itaque reducta libertas rudes nos et inperitos deprehendit: cuius dulcedine accensi cogimur quaedam facere ante quam nosse.

[3]) Plin. ep. 4, 25, 5: quo te vertas? quae remedia conquiras? ubique vitia remediis fortiora. Ἀλλὰ ταῦτα τῷ ὑπὲρ ἡμᾶς μελήσει, cui multum cotidie vigiliarum, multum laboris adicit haec nostra iners et tamen effrenata petulantia. Ср. ep. 6, 19.

[4]) Plin. ep. 4, 20: interfui principis optimi cognitioni in concilium adsumptus. Предметъ обсужденія слишкомъ ничтоженъ, чтобы онъ самъ по себѣ заслуживалъ быть сообщеннымъ. Ср. 6, 22.

[5]) Plin. ep. 6, 11.

[6]) Paneg. 6: servandorum hominum potestas.

погибло бы, еслибъ оно было свободно. Теперь, когда принцепсъ не только обошелся безъ египетскаго подвоза для обезпеченія хлѣбнаго продовольствія Рима, но спасъ отъ голода его житницу, „всѣ провинціи радуются, что они попали подъ нашу охрану и власть, съ тѣхъ поръ какъ появился принцепсъ, который перевозитъ и возвращаетъ плоды земель то сюда то туда смотря по тому, какъ это требуютъ условія времени, который кормитъ и защищаетъ отдѣленное отъ насъ морями племя, точно часть римскаго народа и плебса... Пусть они узнаютъ, насколько лучше несогласій свободы для покоренныхъ *быть покорными одному*“ [1]).

Нигдѣ у Плинія не встрѣчается ни малѣйшаго намека на хотя бы платоническія симпатіи къ республикѣ. Онъ гордится всякимъ знакомъ довѣрія принцепса и въ случаѣ надобности самъ обращается къ нему съ униженной просьбой о дарованіи ему какого-нибудь новаго отличія, напримѣръ, званія члена коллегіи авгуровъ [2]). Принцепсъ для него является воплощеніемъ государства и нечего молиться сначала за сенатъ и народъ римскій, а потомъ за него, нечего даже ставить его имя на первомъ планѣ и прибавлять къ нему имена сената и народа римскаго; достаточно молиться за него одного: въ немъ содержится и государство и сенатъ [3]).

---

[1]) Paneg. 31—32: actum erat de fecundissima gente, si libera fuisset... et discant quanto libertate discordi servientibus sit utilius unum esse cui serviant.

[2]) Plin. ep. 4, 8: gratularis mihi quod acceperim auguratum. Iure gratularis, primum, quod gravissimi principis iudicium in minoribus etiam rebus consequi pulchrum est. Ср. Plin. et Trai. ep. 13: cum sciam, domine, ad testimonium laudemque morum meorum pertinere tam boni principis iudicio exornari, rogo dignitati ad quam me provexit indulgentia tua vel auguratum vel septemviratum, quia vacant, adicere digneris, ut iure sacerdotii precari deos pro te publico possim, quos nunc precor pietate privata.

[3]) Paneg. 72: nam quod precatus es ut illa ipsa ordinatio comitiorum bene ac feliciter eveniret nobis, rei publicae, tibi, nonne tale est ut nos hunc ordinem votorum convertere debeamus? deos denique obsecrare ut omnia quae facis quaeque facies prospere cedant tibi, rei publicae, nobis? vel si brevius

Никакой монархъ не могъ желать болѣе яснаго и опредѣленнаго признанія его верховнаго положенія и неограниченной власти. Взгляды Плинія, все равно изложены ли они въ его панегирикѣ или въ его перепискѣ съ друзьями, вполнѣ соотвѣтствуютъ тону его переписки съ Траяномъ: такъ пишетъ не членъ равноправнаго съ принцепсомъ учрежденія, а подданный, удостоенный высшей властью разнаго рода крупныхъ должностей [1]. Если Тацитъ еще мечтаетъ о нѣкоторомъ равенствѣ сената и императора и пожалуй даже о господствѣ сената, то Плиній и огромное большинство его современниковъ давно отказались отъ подобной мечты и безусловно признаютъ господство императора. Хорошій и сознающій свои собственные интересы императоръ не станетъ злоупотреблять своей властью, такъ какъ можетъ этимъ вызвать недовольство, а тамъ и возстанія и заговоры; онъ будетъ щадить традиціонные порядки и невинныя привилегіи сената [2]. Но вся власть безусловно въ его рукахъ и нѣтъ законныхъ средствъ, чтобы устранить произволъ и злоупотребленія властью, да ихъ и не должно быть. Вѣдь одна изъ самыхъ счастливыхъ особенностей принципата заключается въ томъ, что ничего нельзя добиться силой, т.-е. противъ воли принцепса [3].

Произведенія Тацита и Плинія [4], ихъ собственные взгляды

---

sit optandum, ut uni tibi? in quo et res publica et nos sumus. Ср. ib. 94: simplex cunctaque ista conplexum omnium votum est, salus principis.

[1]) Paneg. 77: et sane aequum est tantum ceteris praestare consulibus ipsum qui consules facit: quippe etiam fortuna videbatur indignum, si posset honores dare, qui gerere non posset. Ср. ib. 92.

[2]) Сюда относится и то удивившее Плинія обстоятельство, что Траянъ призналъ для себя *въ качествѣ консула* обязательными всѣ законы, регулировавшіе избраніе и дѣятельность консуловъ. Ср. выше стр. 279 сл.

[3]) Ср. выше стр. 376 пр. 1.

[4]) О другихъ писателяхъ этой эпохи мы не считаемъ нужнымъ говорить. Произведенія Діона Хрисостома уже разобраны нами, поскольку они содержатъ интересующій насъ матеріалъ. Ювеналъ сообщаетъ преимущественно данныя, относящіяся къ соціальной исторіи и къ исторіи нравовъ. Плутархъ даетъ обильный и очень интересный матеріалъ для изображенія

и ихъ отзывы и замѣчанія о настроеніи и поведеніи современнаго имъ общества, доказываютъ, что оппозиція, которую встрѣчали на своемъ пути Флавіи, погибла съ ними. Эта оппозиція народилась подъ вліяніемъ террора Гая, Клавдія и Нерона, выросла на почвѣ стоическихъ ученій и никогда не успѣла пріобрѣсти особенно большое количество сторонниковъ. Она рѣзко отличается отъ оппозиціонныхъ настроеній предшествующаго и послѣдующаго времени своимъ вполнѣ сознательнымъ характеромъ. Наиболѣе крайніе представители ея исполнены антимонархическихъ, республиканскихъ идеаловъ и гибнутъ еще при Веспасіанѣ. Болѣе умѣренные признаютъ необходимость монархіи, но протестуютъ противъ деспотизма и требуютъ, чтобы монархъ былъ не владыкой, а слугой государства. Столкнувшись на своемъ пути съ сознательнымъ стремленіемъ Домиціана къ установленію деспотической монархіи эллинистическаго типа, они не довольствуются тѣмъ молчаливымъ ожесточеніемъ, соединеннымъ съ фактической покорностью, которое характеризуетъ отношеніе сената къ Домиціану, и падаютъ жертвой своего принципіальнаго протеста противъ его политики.

Гибель Домиціана выдвигаетъ на первый планъ представителей недовольнаго его режимомъ общества. Сначала Нерва, затѣмъ Траянъ осуждаютъ его стремленія, отказываются отъ тираніи, но сохраняютъ власть и положеніе монарха. Общество усматриваетъ въ нихъ носителей своихъ идеаловъ и въ лицѣ Тацита, Плинія и Діона Хрисостома привѣтствуетъ новый порядокъ. Незначительное меньшинство, представителемъ котораго является Тацитъ, нѣкоторое время продолжаетъ на-

---

греческой муниципальной и культурной исторіи, но нигдѣ не высказываетъ болѣе подробно своихъ общихъ политическихъ взглядовъ: по отдѣльнымъ замѣчаніямъ, однако, можно сдѣлать весьма естественное и помимо нихъ заключеніе, что и онъ раздѣляетъ давнишній греческій взглядъ на монархію и отличаетъ тиранію и царскую власть.

дѣяться, что формальное возвышеніе сената въ первые дни послѣ убійства Домиціана приведетъ и къ фактическому увеличенію или точнѣе возстановленію его правъ, но скоро убѣждается, что его надежды были обманчивы и поневолѣ покоряется условіямъ времени. Огромное большинство, представителями котораго являются среди грековъ Діонъ, среди римлянъ Плиній, наоборотъ безусловно довольно новыми порядками и привѣтствуетъ просвѣщенную монархію Нервы и особенно Траяна. Оно интересуется исключительно внѣшней формой взаимныхъ отношеній императора и сената, и нисколько не оскорбляется фактическимъ безсиліемъ сената. Тацитъ можетъ быть признанъ послѣднимъ представителемъ того взгляда на сенатъ, который видѣлъ въ сенатѣ суверенное учрежденіе, лишенное принципатомъ его правъ; Плиній можетъ быть названъ однимъ изъ первыхъ представителей новаго взгляда на сенатъ, какъ на высшее совѣщательное учрежденіе имперіи, какъ на государственный совѣтъ всесильнаго принцепса.

Эпоха Флавіевъ, какъ уже замѣчено, является критическимъ моментомъ въ исторіи императорской власти. Послѣ гибели Домиціана не только монархическій характеръ принципата, но и цѣлесообразность монархіи и нравственное право принцепса на неограниченную власть не подвергаются болѣе сомнѣнію. Сенатъ окончательно примирился съ своимъ зависимымъ положеніемъ назначаемаго принцепсомъ государственнаго совѣта.

ГЛАВА VI.

Эпоха Гадріана, Антонина и Марка Аврелія.

§ 1.

Общій характеръ эпохи.

Эпоха трехъ ближайшихъ преемниковъ Траяна въ политическомъ отношеніи отличается тѣми же самыми основными чертами, какъ и время Нервы и самого Траяна. Послѣ долгихъ колебаній между деспотизмомъ и всякаго рода попытками къ его устраненію, римская имперія наконецъ въ теченіе восьмидесяти лѣтъ переживаетъ сравнительно спокойное время. Заговоры, правда, встрѣчаются и теперь, но они проистекаютъ не столько изъ общаго недовольства противъ злоупотребленій императорской властью, сколько изъ честолюбія отдѣльныхъ представителей знати и вплоть до принципата Коммода не пріобрѣтаютъ особенно серіознаго характера. Даже наиболѣе грозное изъ всѣхъ этихъ движеній, возстаніе Авидія Кассія противъ Марка Аврелія, было чрезвычайно быстро подавлено, несмотря на то, что въ первое время на сторону Авидія стали такія важныя и богатыя провинціи, какъ Сирія и Египетъ.

Второй вѣкъ нашей эры въ виду этого принято считать наиболѣе счастливымъ временемъ для имперіи и ея населенія

и до извѣстной степени это несомнѣнно вѣрно. За все время своего существованія римская имперія никогда не пользовалась въ одно и то же время такимъ продолжительнымъ внутреннимъ миромъ и такимъ числомъ выдающихся по своимъ умственнымъ или нравственнымъ качествамъ правителей, ставившихъ на первый планъ не свои личные, а государственные интересы, какъ за тѣ восемьдесять слишкомъ лѣтъ, которые слѣдовали за убійствомъ Домиціана и предшествовали принципату Коммода. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать благополучіе имперіи и безусловно довѣряться восторженнымъ отзывамъ Аристида или Аппіана. Второй вѣкъ отмѣченъ не только внутреннимъ миромъ и заботливымъ управленіемъ императоровъ, но и цѣлымъ рядомъ явленій, предвѣщающихъ тяжелый кризисъ третьяго вѣка. Къ этому времени относится рядъ данныхъ, указывающихъ на серіозное ухудшеніе экономическаго и соціальнаго положенія земледѣльческой массы и на нарожденіе колоната [1]). Переселеніе варваровъ въ опустошенныя чумой 160 и слѣдующихъ годовъ провинціи доказываетъ, что населеніе и физически настолько истощено борьбой за существованіе, что оно неспособно заполнить образовавшіеся въ его рядахъ пробѣлы [2]). Сохраненіе и расширеніе установленнаго Траяномъ административнаго надзора надъ городскимъ самоуправленіемъ служитъ доказательствомъ упадка городской жизни, причину котораго слѣдуетъ искать въ экономическомъ развитіи имперіи, въ податной и соціальной политикѣ правительства [3]). Упадокъ научной дѣятельности — самостоятельная работа со второй половины второго вѣка замѣняется все болѣе ученическими работами компиляторовъ и эпитоматоровъ, — упадокъ литературной и художественной продуктивности указываютъ на своего рода психи-

[1]) Сюда относится, напримѣръ, созданіе алиментарныхъ учрежденій. Ср. Plin. ep. 3, 19; 4, 6; 6, 3; 7, 30; 9, 15. 37.

[2]) V. Marci 13, 3—5; 22, 2.

[3]) Ср. выше стр. 297 сл.

ческое вырожденіе, на отсутствіе сильнаго притока свѣжихъ силъ, способныхъ внести новые элементы въ обиходъ общества и удержать его творческую дѣятельность на разъ достигнутой высотѣ или подвинуть ее впередъ [1]). Возрастающее распространеніе аскетическихъ и мистическихъ взглядовъ, постепенно вытѣсняющихъ трезвую въ основѣ своей мысль Тацита или Плиніевъ, усиливающаяся наклонность къ пессимистическому отрицанію жизни и вліяніе, которое это направленіе пріобрѣтаетъ на наиболѣе чуткихъ въ нравственномъ отношеніи людей, какъ, напримѣръ, Маркъ Аврелій, все это вмѣстѣ доказываетъ, что общество отнюдь не удовлетворено окружающей его жизнью, но либо вовсе не находитъ выхода изъ нея, либо ожидаетъ его не отъ дѣятельной борьбы со зломъ, а отъ вмѣшательства сверхъестественныхъ силъ.

Записки Марка Аврелія, на которыхъ намъ еще придется остановиться, чрезвычайно ярко характеризуютъ безнадежное настроеніе общества. „Срокъ человѣческой жизни“, — пишетъ царственный философъ во время войны съ маркоманнами, — „ничтожный моментъ. Сущность ея — измѣненіе. Его ощущенія темны. Суть его тѣла—гніеніе. Душа его—вѣчное безпокойство. Судьба его непостижима. Его слава неизвѣстна. Однимъ словомъ все, что касается его тѣла подобно вѣчно текущей рѣчкѣ, все, что касается его души подобно сну и дыму. Жизнь его, это вѣчная борьба и остановка въ чужой странѣ. Посмертная память о немъ, это забвеніе. Что же можетъ облегчить ему его путешествіе? Единственно и исключительно философія. Смыслъ ея заключается въ томъ, что она дѣлаетъ душу человѣческую (точнѣе внутренняго демона) неспособною ощущать оскорбленія и обиды, ставитъ ее выше удовольствій и страданій, не позволяетъ ему (человѣку) подчиняться случаю, или быть лживымъ или лицемѣрнымъ, дѣлаетъ его независимымъ отъ дѣя-

[1]) Ср. Fustel de Coulanges, Hist. des inst. т. II, стр. 184 сл., 217 сл.

тельности или бездѣятельности другихъ, научаетъ его принимать все, что случается и происходитъ, какъ даръ, исходящій оттуда, откуда онъ и самъ появился, и, наконецъ, ожидать смерть съ спокойной душой, какъ простое разложеніе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ каждое существо. Вѣдь если для его составныхъ частей нѣтъ ничего ужаснаго въ томъ, чтобы измѣнить свою сущность, къ чему тогда относиться недружелюбно къ измѣненію и уничтоженію всѣхъ ихъ или бояться его. Вѣдь все это совершается согласно законамъ природы. А что совершается согласно законамъ природы, то не есть зло“ [1]). Тоскливая резиньяція, которой вѣетъ отъ этихъ и многихъ подобныхъ имъ строкъ, представляетъ итогъ жизни и мыслей не одного Марка Аврелія, а значительнаго числа лучшихъ людей этой эпохи. Но какъ бы пессимизмъ ихъ ни былъ понятенъ при данныхъ условіяхъ, онъ все-таки по самому существу своему представляетъ явленіе въ общественномъ смыслѣ отрицательное, антисоціальное. Пессимизмъ отрицаетъ не только смыслъ жизни вообще, но и всякую дѣятельную борьбу съ тѣмъ зломъ, которое въ данное время и при данныхъ условіяхъ окружаетъ человѣка и дѣлаетъ его существованіе окончательно невыносимымъ. Всякая дѣятельность признается безплодной: „кто видѣлъ то, что просходитъ теперь, тотъ видѣлъ все, и то, что было въ прошломъ, и то, что будетъ въ безконечномъ будущемъ. Все вѣдь имѣетъ одинаковый характеръ и одинаковый видъ“ [2]).

Само собою разумѣется, что не все общество раздѣляло эти взгляды и главнымъ образомъ не стремилось устроить всю свою жизнь сообразно съ ними, какъ это дѣлалъ Маркъ Аврелій. Число тѣхъ людей, которые въ нормальное время живутъ безъ глубокихъ размышленій о смыслѣ жизни и объ идеальномъ ея

[1]) M. Aur. Comm. 2, 17:
[2]) M. Aur. Comm. 6, 37. Ср. подробное развитіе этой мысли ib. 4, 32.

устройствѣ, несомнѣнно во всякія времена было значительнѣе, чѣмъ число тѣхъ, которые стараются отдать себѣ отчетъ въ окружающихъ ихъ явленіяхъ. Но лучшіе люди этого времени, наиболѣе чуткіе и наиболѣе тонко организованные, повидимому, приходили именно къ такимъ результатамъ, какъ Маркъ Аврелій, а до него Гадріанъ [1]).

Пессимизмъ въ концѣ концовъ является результатомъ и признаніемъ неспособности даннаго ума или умственной дѣятельности цѣлой эпохи разгадать законы бытія и найти выходъ изъ непомѣрно сложныхъ и тяжелыхъ условій жизни. Отсюда ясно, что пессимизмъ и широкая творческая дѣятельность ума, созданіе новыхъ идей и идеаловъ, представляются несовмѣстимыми. Пессимизмъ, отсутствіе вѣры въ жизнь и въ свою дѣятельность, можетъ совмѣщаться съ культомъ идеаловъ недавняго или давняго прошлаго безъ вѣры въ возможность ихъ осуществленія, и въ такомъ случаѣ можетъ оставить грандіозные памятники глубокаго разочарованія, какъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ Тацита или Байрона, но онъ неспособенъ подняться надъ этими разбитыми идеалами и указать новые, основанные на большемъ знаніи жизни, болѣе близкіе къ истинѣ и поэтому самому болѣе высокіе. Въ этомъ смыслѣ пессимистическое настроеніе того или иного общества должно быть признано доказательствомъ его внутренняго нездоровія и его слабости.

Уже въ первыя времена имперіи, въ эпоху Луція Аннея Сенеки, римское общество пережило такую эпоху глубокаго разочарованія, связаннаго съ терроризмомъ первыхъ цезарей. Паденіе Нерона и пополненіе рядовъ римской знати муници-

[1]) V. Hadr. 25, 9: et moriens quidem hos versus fecisse dicitur:

animula vagula blandula,
hospes comesque corporis,
quae nunc abibis in loca
pallidula rigida nudula
nec ut soles dabis iocos!

палами привело къ нѣкоторому подъему настроенія, отразившемуся, напримѣръ, въ діалогѣ объ ораторахъ, а позднѣе, послѣ гибели Домиціана, въ произведеніяхъ Плинія Младшаго. Если оставить въ сторонѣ одинокій пессимизмъ старика Тацита, то настроеніе римскаго общества временъ Траяна въ общемъ можетъ быть названо бодрымъ: самъ Траянъ, съ его огромными военными предпріятіями, меньше всего зараженъ мрачнымъ взглядомъ на жизнь и задается необыкновенно широкими планами, преимущественно, впрочемъ, въ области внѣшней политики. Его побѣды надъ Декебаломъ и надъ парѳянами, завоеваніе парѳянской столицы и присоединеніе цѣлаго ряда новыхъ провинцій, несомнѣнно должны были удовлетворить традиціонную гордость римлянъ [1]) и придать имъ новую вѣру въ провиденціальное значеніе имперіи и римскаго народа [2]).

Положеніе дѣла мѣняется, однако, уже при его преемникѣ. Съ одной стороны, Гадріанъ признаетъ необходимымъ отказаться въ виду повсемѣстныхъ возстаній, начавшихся еще при Траянѣ, именно отъ тѣхъ его завоеваній, которыя больше всего льстили самолюбію римлянъ, и съ этого времени наступательное движеніе имперіи окончательно смѣняется обороной того, что было достигнуто войнами временъ республики, Августа, Клавдія, Домиціана и Траяна, а въ связи съ этимъ долженъ былъ пасть и тотъ нѣсколько искусственный подъемъ духа, который стоялъ въ связи съ недавними гигантскими успѣхами

---

[1]) Ср. отзывъ Тацита о Тиберіи: proferendi imperii incuriosus.

[2]) Отраженіе этой вѣры можно найти въ рѣчи Петилія Церіалиса къ галламъ у Тацита Hist. 4, 73—74: nam pulsis, quod di prohibeant, Romanis quid aliud quam bella omnium inter se gentium existent? octingentorum annorum fortuna disciplinaque compages haec coaluit, quae convelli sine exitio convellentium non potest... proinde pacem et urbem, quam victi victoresque eodem iure obtinemus, amate colite: moneant vos utriusque fortunae documenta, ne contumaciam cum pernicie quam obsequium cum securitate malitis.

римскаго оружія. Съ другой стороны, самъ Гадріанъ, какъ уже было замѣчено, по всему своему нравственному и умственному складу, рѣзко отличается отъ Траяна и едва ли можно допустить, чтобы онъ представлялъ вполнѣ исключительное явленіе среди общества его времени. Бодрая жизнерадостность Траяна замѣняется нервнопреувеличенной подвижностью Гадріана, постоянно находящагося въ поискахъ новыхъ ощущеній, постоянно неудовлетвореннаго тѣмъ, что достигнуто, и тѣмъ, что его окружаетъ. Неестественное возбужденіе Гадріана не можетъ не вызвать реакціи и она наступаетъ въ видѣ меланхолической неподвижности Антонина, чтобы дойти въ лицѣ Марка Аврелія до полнаго пессимизма. Не слѣдуетъ, разумѣется, преувеличивать значеніе личныхъ качествъ правителей въ жизни цѣлаго общества, но мы едва ли ошибемся, если припишемъ характеру принципатовъ трехъ преемниковъ Траяна извѣстное симптоматическое значеніе, особенно въ виду того, что преемство здѣсь не регулируется чисто-наслѣдственнымъ путемъ. Императоры свободно намѣчаютъ своихъ преемниковъ, выбирая ихъ сознательно изъ числа лучшихъ людей эпохи, и въ этомъ заключается извѣстная гарантія, что ихъ избранники болѣе или менѣе опредѣленно отражаютъ господствующее среди лучшей части даннаго поколѣнія настроеніе.

Характерной чертой всей занимающей насъ эпохи слѣдуетъ признать отсутствіе крупныхъ идей и крупныхъ людей. Эпоха римской имперіи вообще не отличается богатствомъ политическихъ идей, но если въ эпоху глухой борьбы принципата съ сенатомъ причину политической безъидейности римскаго общества можно искать въ глубокой усталости общества, въ недовѣріи власти къ политической мысли и въ своеобразномъ состояніи гипноза, въ которое терроризмъ власти повергъ общество, только и видѣвшее, что всевластіе императора и періодическія вспышки деспотизма, то во времена Траяна внѣшнія условія для развитія

умственной жизни общества, казалось, настолько измѣнились, что можно было ожидать новый подъемъ въ этой области. Отмѣченныя выше грозныя явленія соціально-экономическаго упадка требовали серьезное вниманіе и могли дать богатый матеріалъ для размышленій политическаго и соціальнаго характера. Между тѣмъ, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы эти явленія сдѣлались предметомъ изученія и породили хотя бы утопическія соображенія объ ихъ устраненіи, не встрѣчаемъ ни одного человѣка, который сдѣлалъ бы попытку серьезно разобраться въ окружающихъ условіяхъ общественной жизни. Сама власть, несмотря на всѣ выдающіяся качества ея представителей и ихъ безспорно добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, отличается не меньшимъ отсутствіемъ широкихъ идей, и всѣ ея мѣры, вся ея политика имѣетъ исключительно палліативный характеръ. Мы не видимъ ни одной попытки приняться за крупныя реформы: общество, а съ нимъ вмѣстѣ и власть, плохо сознаетъ причины зла и не дѣлаетъ рѣшительно ничего для ихъ устраненія, а борется только съ его симптомами. Неблагопріятныя стороны общественнаго развитія принимаются какъ фактъ, объясняющійся вѣчными и неизмѣнными особенностями нравственной природы человѣка и по этому самому неустранимый. Мѣсто государственныхъ людей, всѣми силами стремящихся понять и устранить разъ замѣченное зло, занимаютъ дѣловые люди, разсматривающіе отдѣльный фактъ и разрѣшающіе отдѣльный вопросъ безъ связи съ совокупностью явленій, или пессимисты, сознающіе недостаточность такихъ отдѣльныхъ мѣръ, но полагающіе, что безъ едва ли возможнаго нравственнаго возрожденія всего человѣчества никакой прочный результатъ не можетъ быть достигнутъ и остается только дѣлать свое обычное дѣло, устранять по мѣрѣ возможности симптомы и предоставить общее развитіе своему естественному теченію. Если Римъ нѣкогда произвелъ Гракховъ, если Греція породила цѣлый рядъ поли-

тическихъ мыслителей и создала замѣчательныя по глубинѣ концепціи утопіи, то римская имперія и въ частности занимающая насъ эпоха выдвинула только хорошихъ администраторовъ, наиболѣе выдающіеся изъ коихъ сами повидимому плохо вѣрили въ свое дѣло.

Отсутствіе рѣзкихъ столкновеній съ сенатомъ съ одной, отсутствіе крупныхъ политическихъ идей съ другой стороны придаютъ эпохѣ Гадріана, Антонина и Марка Аврелія чрезвычайно однообразный характеръ, чему впрочемъ не мало содѣйствуетъ и особенная скудость литературныхъ памятниковъ [1]), за которую насъ въ данномъ вопросѣ не можетъ вознаградить богатство эпиграфическихъ данныхъ [2]). Отношенія между принцепсомъ и сенатомъ, повидимому, были особенно благопріятны для послѣдняго при Антонинѣ, но въ общемъ развитіе монархическихъ началъ государственной жизни безпрерывно и безпрепятственно продолжается за все это время.

---

[1]) Діонъ Кассій сохранился только въ скудныхъ эксцерптахъ, сохранившихъ особенно мало матеріала для принципата Антонина: ср. Dio Cass. ep. 70, 1, 1: ἰστέον ὅτι τὰ περὶ τοῦ Ἀντωνίνου τοῦ Εὐσεβοῦς ἐν τοῖς ἀντιγράφοις τοῦ Δίωνος οὐχ εὑρίσκεται, παθόντων τι ὡς εἰκὸς τῶν βιβλίων, ὥστε ἀγνοεῖσθαι τὴν κατ' αὐτὸν ἱστορίαν σχεδὸν σύμπασαν. Scriptores historiae augustae даютъ отрывочный и сбивчивый матеріалъ, почерпнутый изъ Марія Максима, и требуютъ большой осторожности при пользованіи имъ. Біографіи Гадріана, Антонина и Марка Аврелія впрочемъ признаются наиболѣе цѣнными. См. H. Peter, die scriptores hist. Aug. (ср. его же Geschichtliche Litteratur ueber die römische Kaiserzeit т. I стр. 392 сл., т. II, стр. 338 сл.) и указанную въ его изданіи 1884 года, praef. стр. XXXV сл. и у Teuffel-Schwabe, Gesch. d. röm. Litter, т. II стр. 988 пр. 3 литературу; о Маріи Максимѣ см. также J. J. Müller, der Geschichtschreiber Marius Maximus въ Untersuchungen Budinger'a т. III, стр. 19 сл. Записки Марка Аврелія даютъ богатый матеріалъ для характеристики самого императора, но не для исторіи имперіи. Переписка Фронтона представляется еще значительно болѣе безсодержательной чѣмъ переписка Плинія. Остальные писатели эпохи, Авлъ Геллій, Аппулей, Фронтинъ, Гай, Аристидъ, Аппіанъ, Лукіанъ и др. даютъ лишь отрывочныя данныя и интересны преимущественно со спеціальной или съ культурно-исторической точки зрѣнія.

[2]) Ср. отзывъ Herzog'a, Gesch. und Syst. 2, 356 пр. 2: die monumentalen Quellen sind zahlreich, doch fehlen Urkunden ersten Ranges.

Не возбуждая принципіальныхъ вопросовъ конституціоннаго характера принцепсы подъ давленіемъ жизненныхъ потребностей постепенно все болѣе развиваютъ и упорядочиваютъ организацію собственно императорскаго управленія и тѣмъ самымъ не только съуживаютъ сферу сенатской компетенціи, но парализуютъ его авторитетъ и тамъ, гдѣ онъ формально сохраняетъ свои полномочія.

Особенно большое значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи принципатъ Гадріана [1]), вліяніе котораго на внутреннюю организацію имперіи можетъ быть сопоставлено съ вліяніемъ самого основателя принципата [2]).

§ 2.

Гадріанъ.

Императоръ Цезаръ Траянъ Гадріанъ Августъ, какъ и его родственникъ Траянъ, былъ испанскаго происхожденія. Отецъ его Публій Элій Гадріанъ Аферъ происходилъ изъ Италики [3]) и добился претуры [4]), но рано умеръ, оставивъ десятилѣтняго сына на попеченіе Траяна и римскаго всадника Аттіана [5]). Получивъ обычное воспитаніе знатнаго римлянина, онъ особенно увлекся греческой литературой и пріобрѣлъ

---

[1]) Ср. о немъ кромѣ соотвѣтственныхъ главъ у Шиллера, Герцога и т. д. Gregorovius, der Kaiser Hadrian II изд. 1884; Дыдынскій, императоръ Адріанъ, историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава 1896; Dürr, die Reisen des Kaisers Hadrian 1881; Caillet, de ratione и т. д. 1857.

[2]) Ср. Camille Jullian, les transformations politiques de l'Italie sous les empereurs romains (въ Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome т. 37, 1884 г.) стр. 118: il est certain que depuis Auguste jusqu'à Constantin l'empire n'eut pas de plus actif administrateur.

[3]) v. Hadr. 1, 1—2. Ср. C. J. L. 3,550 (до 112 года).

[4]) Dio 69, 3, 1,

[5]) v. Hadr. 1, 4, Dio 69, 1, 2. Гадріанъ родился 24 января 76 года.

обширное образованіе [1]). Вскорѣ послѣ дистиженія пятнадцатилѣтняго возраста онъ началъ свою государственную службу, былъ членомъ коллегіи децемвировъ, севиромъ отряда римскихъ всадниковъ, префектомъ латинскаго праздника, въ 93—4 году сталъ трибуномъ легіона и въ этомъ званіи прослужилъ въ разныхъ войскахъ, а въ 97 году былъ посланъ въ Германію къ Траяну поздравить его отъ имени мизійскаго войска съ усыновленіемъ и былъ переведенъ въ германское войско. Узнавъ о смерти Нервы, онъ поспѣшилъ къ Траяну, чтобы сообщить ему первымъ о совершившемся событіи, что́ ему и удалось [2]).

Воцареніе Траяна естественно приблизило его ко двору, но карьера его отъ этого не ускорилась [3]). По достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста онъ въ 101 году сдѣлался квесторомъ и въ частности квесторомъ императора, при чемъ былъ осмѣянъ сенатомъ за свое нечистое произношеніе [4]). Послѣ квестуры онъ завѣдывалъ сенатскимъ архивомъ [5]), затѣмъ сопровождалъ Траяна въ Дакію и дважды удостоился военныхъ отличій [6]), а въ 105 году сдѣлался трибуномъ [7]). Назначенный начальникомъ легіона, онъ снова провожалъ Траяна въ Дакію и, по словамъ біографа, настолько при этомъ отличился, что Траянъ ему подарилъ перстень, полученный имъ

---

[1]) v. Hadr. 1, 5: inbutusque inpensius graecis studiis, ingenio eius sic ad ea declinante ut a nonnullis Graeculus diceretur. Dio 69, 3, 1: φύσει δὲ φιλόλογος ἐν ἑκατέρᾳ τῇ γλώσσῃ.

[2]) v. Hadr. 2, 2—6 и названная надпись.

[3]) v. Hadr. 2, 7: fuitque in amore Traiani. Впослѣдствіи между ними почему то произошла размолвка, ср. ib. 2, 10: denique statim suffragante Sura ad amicitiam Traiani pleniorem redit, nepte per sororem Traiani uxore accepta favente Plotina, Traiano leviter, ut Marius Maximus dicit, volente.

[4]) v. Hadr. 3, 1: quaesturam gessit Traiano quater et Articuleio consulibus, in qua cum orationem imperatoris in senatu agrestius pronuntians risus esset...

[5]) v. Hadr. 3, 2.

[6]) Ср. C. J. L. 3, 550.

[7]) v. Hadr. 3, 4—5.

самимъ отъ Нервы и „этимъ возвысилъ его до надежды на назначеніе наслѣдникомъ“ [1]). Отбывъ претуру, расходы на которую Траянъ уплатилъ самъ [2]), онъ въ 107—108 году былъ намѣстникомъ нижней Паннонiи и за успѣхи противъ сарматовъ и хорошее управленіе въ 108 году былъ награжденъ консулатомъ, но не ординарнымъ, а только добавочнымъ [3]). Достигнувъ такимъ образомъ 32 лѣтъ консулата, онъ, повидимому, сталъ играть болѣе значительную роль при дворѣ; на него уже указывали какъ на кандидата на принципатъ [4]), а послѣ смерти Л. Лицинiя Суры, наиболѣе близкаго къ Траяну лица, онъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ приближенныхъ послѣдняго, чему помимо его образованiя, въ которомъ нуждался Траянъ, по слухамъ, содѣйствовала и жена послѣдняго, Плотина [5]). Въ парѳянскомъ походѣ Траяна онъ съ 114 года принялъ участiе въ качествѣ его легата, а въ 117 году былъ назначенъ намѣстникомъ особенно важной въ это время провинцiи Сирiи и ординарнымъ консуломъ на 118 годъ [6]): оба назначенiя выдвигали его окончательно на первый планъ [7]) и когда онъ объявилъ, что получилъ документъ о своемъ усыновленiи Траяномъ, а нѣсколько дней спустя

---

[1]) v. Hadr. 3, 6—7: ad spem successionis erectus est.

[2]) Ib. 3, 8.

[3]) Ib. 3, 9: Sarmatas compressit, disciplinam militarem tenuit, procuratores latius evagantes cohercuit. ob id consul est factus.

[4]) Ib. 3, 10: in quo magistratu ut a Sura conperit adoptandum se a Traiano esse, ab amicis Traiani contempni desiit ac neglegi.

[5]) Ib. 3, 11: causa praecipue orationum quas pro imperatore dictaverat, usus Plotinae quoque favore... Дальше 4, 2 говорится о какомъ-то таинственномъ заговорѣ его враговъ Авла Авредiя Пальмы (консула 99 и 109 года) и Луцiя Публицiя Цельса (бывшаго вторично консуломъ въ 113 году), приближенныхъ Траяна, которымъ послѣдній воздвигнулъ статуи: in adoptionis sponsionem venit Palma et Celso, inimicis semper suis et quos postea ipse insecutus est, in suspicionem adfectae tyrannidis lapsis. Подъ tyrannis въ позднѣйшихъ источникахъ подразумѣвается всякая неудачная узурпацiя. О судьбѣ названныхъ лицъ см. ниже стр. 397.

[6]) v. Hadr. 4, 1. Dio 68, 33, 1.

[7]) v. Hadr. 4, 4: secundo consul... totam praesumptionem adoptionis emeruit.

было объявлено о смерти императора, онъ безпрепятственно былъ признанъ принцепсомъ [1]).

Право даннаго императора на назначеніе себѣ преемника было такимъ образомъ безусловно признано на практикѣ и войско ни минуты не задумалось признать Гадріана императоромъ. Самъ Гадріанъ однако счелъ умѣстнымъ извиниться въ особомъ посланіи, въ которомъ онъ сообщалъ сенату о совершившемся фактѣ, въ поспѣшности своихъ дѣйствій, сославшись на то, что „государство не можетъ существовать безъ императора“, а слѣдовательно не было возможности выслушать мнѣніе сената [2]). Въ то же время онъ запретилъ сенату поднести ему какія либо почести, не испросивъ предварительно его разрѣшенія [3]), и клятвенно обѣщалъ дѣйствовать всегда въ интересахъ государства и не подвергать сенаторовъ казни; въ противномъ случаѣ онъ взывалъ къ карѣ боговъ [4]).

Торжественное обѣщаніе Гадріана править въ духѣ его ближайшихъ предшественниковъ несомнѣнно не только должно было привлечь на его сторону сенатъ, но и соотвѣтствовало вполнѣ его намѣреніямъ. Гадріанъ меньше всего можетъ быть

---

[1]) Dio 69, 1: Ἁδριανὸς δὲ ὑπὸ μὲν Τραιανοῦ οὐκ ἐσεποιήθη; Діонъ ссылается на разсказъ своего отца, Кассія Апроніана, бывшаго тогда намѣстникомъ Киликіи, гдѣ умеръ Траянъ. Ср. также v. Hadr. 4, 8—10: frequens sane opinio fuit Traiano id animi fuisse, ut Neratium Priscum, non Hadrianum successorem relinqueret... nec desunt qui factione Plotinae mortuo iam Traiano Hadrianum in adoptionem adscitum esse prodiderint. Странно въ такомъ случаѣ, что между извѣстіемъ объ усыновленіи (9 августа) и извѣстіемъ о смерти Траяна (11 августа) прошло столько времени.

[2]) Dio 69, 2, 2: ἔγραψε δὲ πρὸς τὴν βουλὴν ὁ Ἁδριανὸς ἀξιῶν βεβαιωθῆναι αὐτῷ τὴν ἡγεμονίαν καὶ παρ' ἐκείνης. V. Hadr. 6, 2: veniam petit, quod de imperio suo iudicium senatui non dedisset, salutatus scilicet praepropere a militibus imperator, *quod esse res publica sine imperatore non posset.*

[3]) Dio ib.: καὶ ἀπαγορεύων μηδὲν αὐτῷ μήτε τότε μήτε ἄλλοτε τιμὴν δή τινα φέρον, οἷα εἰώθει γίγνεσθαι, ψηφισθῆναι, πλὴν ἄν τι αὐτός ποτε ἀξιώσῃ.

[4]) Dio 69, 2, 4: ἐπομόσας μήτε τι ἔξω τῶν τῷ δημοσίῳ συμφερόντων ποιήσειν μήτε βουλευτήν τινα ἀποσφάξειν, καὶ ἐξώλειαν ἑαυτῷ, ἂν καὶ ὁτιοῦν αὐτῶν ἐκβῇ, προσεπαρασάμενος.

обвиненъ въ тираническихъ наклонностяхъ, и если онъ въ самомъ началѣ и въ послѣднія времена своего принципата прибѣгалъ къ казнямъ или по крайней мѣрѣ допустилъ ихъ, то мы имѣемъ основаніе предположить, что онъ субъективно былъ вполнѣ увѣренъ въ ихъ неизбѣжности. Гордые маршалы Траяна, изъ коихъ многіе до сихъ поръ занимали болѣе блестящее положеніе, чѣмъ самъ Гадріанъ, повидимому, остались недовольны тѣмъ, что власть перешла къ нему и что ихъ вліянію пришелъ конецъ. Дошли ли они въ своемъ недовольствѣ до того, чтобы составить формальный заговоръ съ цѣлью устранить Гадріана, мы не знаемъ: мы знаемъ только, что четыре консуляра Гай Авидій Нигринъ [1]), Луцій Публицій Цельсъ, Авлъ Аврелій Пальма [2]) и Лузій Квіетъ [3]) были казнены въ разныхъ мѣстахъ „по приказанію сената“ [4]). Самъ Гадріанъ впослѣдствіи, правда, увѣрялъ, что казни были совершены противъ его воли, но отвѣтственность за нихъ несомнѣнно падала на него [5]) и въ виду этого онъ, повидимому, счелъ необходимымъ по возвращеніи въ Римъ увеличить обычные

---

[1]) Годъ его добавочнаго консулата неизвѣстенъ. Pros. 1, 188 № 1169.

[2]) О нихъ см. выше стр. 395 пр. 5.

[3]) Годъ его добавочнаго консулата также неизвѣстенъ (Pros. 2, 308 № 325). Гадріанъ его устранилъ отъ должности, какъ только сталъ принцепсомъ: v. Hadr. 5, 8.

[4]) v. Hadr. 7, 1: Nigrini insidias, quas ille sacrificanti Hadriano conscio sibi Lusio et multis aliis paraverat, cum etiam successorem Hadrianus sibimet destinasset, evasit. quare..... senatu iubente, invito Hadriano, ut ipse in vita sua dicit, occisi sunt. Dio 69, 2, 5—6: οἱ μὲν ἐν ᾗρᾳ δῆθεν ἐπιβεβουλευκότες αὐτῷ, οἱ δὲ ἐφ' ἑτέροις δή τισιν ἐγκλήμασιν, οἷα μεγάλα δυνάμενοι καὶ πλούτου καὶ δόξης εὖ ἥκοντες. ἐφ' οἷς Ἁδριανὸς οὕτω τῶν λογοποιουμένων ἤσθετο ὥστε καὶ ἀπελογήσατο καὶ ἐπώμοσε μὴ κεκελευκέναι ἀποθανεῖν αὐτούς.

[5]) v. Hadr. 7, 3: ad refellendam tristissimam de se opinionem, quod occidi *passus esset* uno tempore quattuor consulares. Друзья его (особенно Аттіанъ), повидимому, совѣтовали ему устранить еще рядъ другихъ лицъ, городского префекта Бебія Макра и Лаберія Максима, qui suspectus imperio in insula exulabat, и Фруги Красса, повидимому, также находившагося въ изгнаніи: quamvis Crassum postea procurator egressum insula, quasi res novas moliretur, iniusso eius occiderit. Ср. v. Hadr. 5, 5—6.

дары народу, извиниться въ происшедшемъ и снова принести присягу, что „онъ никогда не накажетъ сенатора иначе какъ по приговору самого сената“ [1]).

Фактическая недѣйствительность того ограниченія императорской юрисдикціи, на которое впервые согласились Нерва и Траянъ, выяснилась такимъ образомъ уже при Гадріанѣ. Даже если власть формально соблюдала данное разъ обѣщаніе, у нея было много разныхъ средствъ обойти его: императоръ не только самъ могъ предложить сенату разсмотрѣть дѣло тѣхъ или иныхъ неугодныхъ ему лицъ и сенатъ не обладалъ необходимой самостоятельностью, чтобы рѣшить его въ случаѣ надобности по совѣсти и противъ воли императора, императоръ могъ даже совершенно устранить себя отъ дѣла и предоставить иниціативу своимъ довѣреннымъ лицамъ, которыя всегда имѣли возможность произвести надлежащее давленіе на сенатъ. Такъ, повидимому, въ данномъ случаѣ и было: устраненіе слишкомъ вліятельныхъ среди войска генераловъ Траяна несомнѣнно соотвѣтствовало интересамъ Гадіана, прочности его власти и спокойствію имперіи, но не желая взять на себя непосредственную отвѣтственность за ихъ казнь, онъ предоставилъ иниціативу своимъ довѣреннымъ въ столицѣ и послѣдніе, повидимому, заставили сенатъ произнести суммарный смертный приговоръ безъ настоящаго судебнаго разбора дѣла обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ лицъ. Именно это послѣднее обстоятельство вѣроятно и возбудило особенно сильное негодованіе: сенатъ не могъ претендовать на то, чтобы его сочлены вовсе не подвергались тяжкимъ наказаніямъ, хотя бы они совершили самыя тяжелыя преступленія, но въ виду даннаго императоромъ слова онъ могъ требовать, чтобы дѣла сенаторовъ не разсматривались бы подъ

---

[1]) v. Hadr. 7, 4: iuravit se numquam senatorem nisi ex senatus sententia puniturum.

постороннимъ давленіемъ и главное, чтобы ихъ разборъ былъ обставленъ всѣми законными гарантіями.

Въ послѣднія времена Гадріана отмѣчаются новыя казни сенаторовъ, при чемъ причина ихъ остается совершенно неясной, хотя и есть указанія на то, что она стояла въ связи съ урегулированіемъ престолонаслѣдія. Усыновленіе Луція Цеіонія Коммода Гадріаномъ (въ 136 году), повидимому, вызвало недовольство девятидесятилѣтняго Луція Юлія Урса Сервіана, женатаго на Домиціи Паулинѣ, сестрѣ Гадріана, и разсчитывавшаго на власть либо для себя лично, либо для своего восемнадцатилѣтняго внука Педанія Фуска. Самъ Урсъ игралъ видную роль уже при Траянѣ, при которомъ онъ достигъ второго консулата, и ходили слухи, что онъ еще тогда пытался конкурировать съ Гадріаномъ [1]). Тѣмъ не менѣе послѣдній далъ ему въ 134 году третій консулатъ. Его внукъ отъ дочери происходилъ изъ старой и знатной семьи: уже его прадѣдъ Гней Педаній Салинаторъ былъ въ 60-мъ году консуломъ, его дѣдъ Педаній Фускъ Салинаторъ около 100 года былъ проконсуломъ Азіи, его отецъ также добился консулата въ 118 году [2]). Все это имѣло несомнѣнно большое значеніе въ глазахъ общества и оба, дѣдъ и внукъ, поэтому естественно считали себя оскорбленными рѣшеніемъ Гадріана [3]). Сдѣлали ли они какую-либо попытку устранить его и Коммода, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ они были

---

[1]) v. Hadr. 2, 6: festinans ad Traianum, ut primus nuntiaret excessum Nervae a Serviano, sororis viro (qui et sumptibus et aere alieno eius prodito Traiani odium in eum movit) diu detentus fractoque consulte vehiculo tardatus, pedibus iter faciens eiusdem Serviani beneficiarium antevenit.

[2]) См. обо всѣхъ этихъ лицахъ Pros. 2, 221 № 417 и Pros. 3, 19—20, № 142—145.

[3]) Dio 69, 17, 3: τὸν δὲ Σερουιανὸν τοῦτον Ἀδριανὸς καὶ τῆς αὐταρχίας ἄξιον ἐνόμισεν εἶναι. εἰπών γοῦν ποτε ἐν συμποσίῳ τοῖς φίλοις ἵνα αὐτῷ δέκα ἄνδρας μοναρχεῖν δυναμένους ὀνομάσωσιν, εἶτ' ὀλίγον ἐπισχὼν ἔφη ὅτι ἐννέα δέομαι μαθεῖν. τὸν γὰρ ἕνα, τοῦτ' ἐστι Σερουιανόν, ἔχω.

казнены скоро послѣ усыновленія Коммода, при чемъ наши источники намъ не сообщаютъ, совершилась ли ихъ казнь по приговору сената или нѣтъ [1]). Мы узнаемъ только, что эти казни произвели чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе на общество, дали поводъ говорить о природной жестокости Гадріана и послѣ его смерти вызвали такую реакцію противъ его принципата, что сенатъ сдѣлалъ неудачную попытку осудить его память и отказать ему въ званіи „божественнаго“ [2]).

Несмотря на всѣ свои старанія удовлетворить сенатъ внѣшними либеральными формами Гадріанъ никогда не былъ популяренъ. Учитель Марка Аврелія, риторъ и консулъ Фронтонъ, впослѣдствіи сознавался, что онъ почиталъ Гадріана, но какъ грозное божество, а не любилъ его: любовь не можетъ существовать безъ довѣрія и извѣстной интимной близости, а характеръ Гадріана не допускалъ ни того ни другого [3]). Общество не могло не признавать его большихъ заслугъ и

---

[1]) Dio 69, 17, 1: ὡς καὶ ἀγανακτήσαντας ἐπὶ τούτῳ ἐφόνευσε (ср. 69, 2, 6), V. Hadr. 23, 8: tunc libere Servianum quasi adfectatorem imperii, quod servis regiis cenam misisset, quod in sedili regis iuxta lectum posito sedisset, quod erectus ad stationes militum senex nonagenarius processisset mori coegit multis aliis interfectis vel aperte vel per insidias.

[2]) Dio 69, 2, 5: Ἁδριανὸς δὲ καίτοι φιλανθρωπότατα ἄρξας, ὅμως διά τινας φόνους ἀρίστων ἀνδρῶν... διεβλήθη καὶ ὀλίγου διὰ ταῦτ' οὐδὲ ἐς τοὺς ἥρωας ἀνεγράφη. Ib. 23, 2: οὗτος ἐμισήθη μὲν ὑπο τοῦ δήμου, καίτοι τἄλλα ἄριστα αὐτῶν ἄρξας, διά τε τοὺς πρώτους καὶ τοὺς τελευταίους φόνους ἅτε ἀδίκως καὶ ἀνοσίως γενομένους... οὐ μέντοι ἀλλ' ἡ γερουσία ἐπὶ πολὺ ἀντέσχε, τας τιμὰς μὴ ψηφίσασθαι ἐθέλουσα, καὶ αἰτιωμένη τινὰς ἐπ' αὐτοῦ πλεονασάντων καὶ διὰ τοῦτο τιμηθέντων, οὕς καὶ κολασθῆναι ἔδει. V. Hadr. 23, 7: et omnem quidem vim crudelitatis ingenitae usque eo repressit, donec in villa Tiburtina profluvio sanguinis paene ad exitum venit (ср. 5, 5: tantum autem statim clementiae studium habuit...) Ib. 27, 1—2: in mortuum eum a multis multa sunt dicta. acta eius inrita fieri senatus volebat nec appellatus esset divus, nisi Antoninus rogasset.

[3]) Front. ep. 2, 1: Hadrianum autem ego, quod bona venia pietatis tuae dictum sit, ut Martem Gradivom, ut Ditem Patrem, propitium et placatum magis volui, quam amavi. Quare? quia ad amandum fiducia aliqua opus est et familiaritate: quia fiducia mihi defuit, eo quem tantopere venerabar, non sum ausus diligere.

чрезвычайныхъ способностей, но его вѣчно-подвижная натура не внушала довѣрія, а его безпокойное самолюбіе, его наклонность къ ироніи и насмѣшкамъ, его любопытство, и соединенное съ жаждой знанія высокомѣріе на рѣдкость образованнаго человѣка отдаляли людей отъ него [1]). „Въ одно и то же время онъ былъ суровъ и веселъ, снисходителенъ и строгъ, распущенъ и медлителенъ, бережливъ и щедръ, жестокъ и милостивъ, и всегда во всемъ разнообразенъ", говоритъ его біографъ [2]). Постоянно окруженный риторами, поэтами, живописцами, философами и астрологами [3]) онъ во всѣхъ отношеніяхъ желалъ быть первымъ [4]) и его собесѣдники сознавались, что поневолѣ приходится признавать самымъ образованнымъ того, кто располагаетъ тридцатью легіонами [5]), хотя нѣкоторыя его сужденія и поражали своей парадоксальностью: такъ онъ ставилъ Катона выше Цицерона, Эннія выше Виргилія, Целія выше Саллюстія и не стѣснялся осуждать Гомера и Платона [6]).

Всѣ его отрицательныя или несимпатичныя черты покрывались однако рѣдкой въ античномъ обществѣ жаждой зна-

---

[1]) V. Hadr. 14, 9—10: fuit enim poematum et litterarum *nimium* studiosissimus. arithmeticae, geometriae, picturae peritissimus. iam psallendi et cantandi scientiam prae se ferebat... idem armorum peritissimus et rei militaris scientissimus, gladiatoria quoque arma tractavit. Ср. Ranke, Weltgeschichte IV, стр. 295: Hadrian war recht ein Mann der allgemeinen Cultur.

[2]) Ib. 14, 11.

[3]) Ib. 16, 10: in summa familiaritate Epictetum et Heliodorum philosophos, et, ne nominatim de omnibus dicam, grammaticos, rhetores, musicos, geometras, pictores, astrologos habuit, prae ceteris, ut multi adserunt, eminente Favorino.

[4]) Ib. 16, 1: famae celebris... tam cupidus fuit... 7: mathesin sic scire sibi visus est, ut sero kalendis Ianuariis scripserit, quod ei toto anno posset evenire. 8: in reprehendendis musicis tragicis comicis grammaticis, rhetoribus, oratoribus facilis...

[5]) Ib. 15, 12—13 (изрѣченіе Фаворина): non recte suadetis, familiares, qui non patimini me illum doctiorem omnibus credere, qui habet triginta legiones.

[6]) Ib. 16, 5—6.

нія [1]) и поразительнымъ знакомствомъ со всѣми деталями государственной жизни и изумительнымъ, совершенно безкорыстнымъ трудолюбіемъ. Задача нашей работы не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на его административной дѣятельности во всей ея полнотѣ: мы постараемся оттѣнить лишь то обще-политическое значеніе, которое имѣло его управленіе въ исторіи развитія императорской власти.

Особенно большой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ его мѣры, которыя касались организаціи центральнаго управленія. Выше мы ужъ видѣли, что по первоначальному своему смыслу принципатъ представлялъ чрезвычайную власть, порученную государствомъ его наиболѣе выдающемуся гражданину съ тѣмъ, чтобы послѣдній пользовался ею лично для руководства и надзора надъ всѣми дѣлами. Поскольку онъ признавался намѣстникомъ цѣлаго ряда преимущественно пограничныхъ провинцій и иныхъ областей, онъ естественно съ самаго начала нуждался въ помощникахъ, которые могли бы его освободить отъ необходимости присутствовать одновременно въ разныхъ далекихъ другъ отъ друга странахъ: согласно установившемуся обычаю, онъ набираетъ этихъ помощниковъ преимущественно среди сенаторовъ, тогда какъ всадники въ общемъ назначаются лишь на второстепенныя должности. Въ центрѣ онъ первоначально имѣетъ только одного оффиціальнаго помощника, а именно преторіанскаго префекта изъ всадниковъ. Во всемъ остальномъ онъ дѣйствуетъ самолично и единолично: имперія не имѣетъ никакихъ органовъ центральнаго управленія помимо императора. На практикѣ такого рода органы однако неминуемо должны возникнуть, какъ потому, что императоръ подчасъ не желаетъ взять всю отвѣтственность за свою политику на себя одного, такъ и потому, что онъ физически не въ состояніи справиться одинъ

[1]) Ib. 17, 8: peregrinationis ita cupidus, ut omnia, quae legerat de locis orbis terrarum, praesens vellet addiscere.

со всей постоянно возрастающей массой текущихъ дѣлъ. Въ результатѣ мы еще при Августѣ видимъ зачатки позднѣйшаго императорскаго совѣта и позднѣйшихъ министровъ.

Что касается прежде всего императорскаго совѣта, то функціи его могли быть двоякаго рода, смотря по тому представлялись ли на его заключенія дѣла судебнаго или дѣла политическаго характера. И то и другое встрѣчается уже при Августѣ [1]). Въ частности намъ извѣстно, что онъ предложилъ сенату избирать сначала на каждое полугодіе по пятнадцати, а съ 13 года ежегодно по двадцати лицъ, которыя вмѣстѣ съ Тиберіемъ, съ настоящими и десигнированными консулами и съ тѣми, кого онъ въ каждомъ данномъ случаѣ самъ пригласитъ, составляли бы его совѣтъ, разсматривали и рѣшали дѣла на тѣхъ же основаніяхъ какъ и весь сенатъ. Моммзенъ, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе ученые, полагаетъ, что этотъ политическій совѣтъ слѣдуетъ строго отличать отъ того судебнаго, которымъ Августъ, какъ каждый магистратъ, имѣлъ право окружать себя для рѣшенія какого-либо процесса [2]). На первый взглядъ мнѣніе Моммзена очень убѣди-

---

[1]) Ср. Suet. Aug. 33: ipse ius dixit assidue... et cum de falso testamento ageretur omnesque signatores lege Cornelia tenerentur, non tantum duas tabellas, damnatoriam et absolutoriam, *simul cognoscentibus* dedit sed tertiam quoque, quo ignosceretur iis, quos fraude ad signandum vel errore inductos constitisset. Dio 56, 28, 2: καὶ συμβούλους ὑπὸ τοῦ γήρως, ὑφ' οὗπερ οὐδ' ἐς τὸ βουλευτήριον ἔτι πλὴν σπανιώτατα συνεφοίτα, εἴκοσιν ἐτησίους ἠτήσατο. πρότερον γὰρ (т.-е. до 13 г. по Р. Хр.) καθ' ἑκάμηνον πεντεκαίδεκα προσετίθετο. καὶ προσεψηφίσθη, πανθ' ὅσα ἂν αὐτῷ μετά τε τοῦ Τιβερίου καὶ μετ' ἐκείνων τῶν τε ἀεὶ ὑπατευόντων καὶ τῶν ἐς τοῦτο ἀποδεδειγμένων, τῶν τε ἐγγόνων αὐτοῦ τῶν ποιητῶν δῆλον ὅτι, τῶν τε ἄλλων ὅσους ἂν ἑκαστότε προσπαραλάβῃ, βουλευομένῳ δόξῃ κύρια ὡς καὶ πάσῃ τῇ γερουσίᾳ ἀρέσαντα εἶναι. Ср. Suet. Aug. 35: sibique instituit consilia sortiri semenstria, cum quibus de negotiis ad frequentem senatum referendis ante tractaret. Ср. также Dio 57, 7, 2 сл.: καὶ συμβούλους ἀεὶ κατὰ τὸν Αὔγουστον παρελάμβανεν, οὐ μέντοι καὶ διῴκει λόγου τι ἄξιον ὃ μὴ καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπεκοίνου... 6: ἐδίκαζε μὲν οὖν ὥσπερ εἶπον... Ios. Fl. Ant. 17, 9, 5: ἔδοξε μοι καὶ τῷ ἐμῷ συμβουλίῳ μετὰ ὁρκωμοσίας...

[2]) R. St. 2, 992: Von dem politischen Staatsrath, den wir wenigstens für Augustus, Tiberius und Alexander nachweisen können, ist dies gerichtliche

тельно; тѣмъ не менѣе противъ него можно привести различныя соображенія. Прежде всего источники не только не говорятъ, чтобы поступавшія на заключеніе императора судебныя дѣла были изъяты изъ вѣдѣнія означеннаго совѣта, которому приписываются прямо всеобъемлющія функціи, но наоборотъ положительно утверждаютъ, что Тиберій именно судилъ при участіи того совѣта изъ двадцати сенаторовъ, которымъ онъ себя окружилъ по примѣру Августа [1]). Если далѣе въ настоящее время строгое разграниченіе компетенцій служитъ однимъ изъ признаковъ благоустроенной администраціи и если намъ подобное строгое различеніе судебнаго и политическаго совѣта императора можетъ показаться вполнѣ естественнымъ, то не слѣдуетъ забывать, какъ медленно сложилось современное раздѣленіе компетенцій и какъ долго такія учрежденія какъ парламентъ французскихъ капетинговъ, какъ королевская курія нормандскихъ королей, какъ боярская дума московскихъ князей совмѣщали и судебную и финансовую и административную и общеполитическую компетенцію. Мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы развитіе центральнаго управленія римской имперіи шло быстрѣе: неопредѣленность компетенцій такихъ министровъ IV вѣка какъ преторіанскіе префекты или magistri officiorum, какъ извѣстно, чрезвычайно затрудняетъ изображеніе административной системы этой эпохи,

---

Consilium unzweifelhaft zu unterscheiden, wenn gleich es wohl sein kann, dass alle Mitglieder des ersteren auch dem letzteren angehört haben, и здѣсь же прим. 4: Dass Augustus den Staatsrath zuweilen auch als Consilium für seine Rechtspflege benutzte (Dio 55, 27), ist für die Verschiedenheit beider Institutionen nur eine Bestätigung mehr. Въ указанномъ здѣсь мѣстѣ Діона не говорится ни слова о совѣтѣ Августа. Ср. R. St. 2, 902: Durchaus verschieden von dieser Einrichtung eines allgemeinen Staatsraths ist die Zuziehung von Rathsmännern für den einzelnen Fall. Ср. Karlowa, R. Rg. 1, 546; Herzog, Gesch. und Syst. 2, 756. Иначе Cuq, le conseil des empereurs d'Auguste à Dioclétien, стр. 319.

[1]) Suet. Tib. 55: super veteres amicos ac familiares viginti sibi e numero principum civitatis depoposcerat velut consiliarios in negotiis publicis. Ср. Dio 57, 7, 2—6 (выше стр. 403, прим. 1).

а священная императорская консисторія, преемница и наслѣдница совѣта Августа, еще въ V и слѣдующихъ вѣкахъ вѣдала одинаково и судебныя и политическія дѣла [1]). Что касается наконецъ того обстоятельства, что принцепсъ eo ipso имѣетъ общее всѣмъ магистратамъ право окружать себя для разсмотрѣнія процесса составленнаго ad hoc совѣтомъ, то добровольное отреченіе отъ этого права и стремленіе формально предоставить сенату вліяніе на составъ совѣта вполнѣ соотвѣтствуетъ всей не въ мѣру осторожной и двуличной политикѣ Августа и Тиберія: при такихъ условіяхъ естественно не могло быть и рѣчи, чтобы сенатъ въ каждомъ данномъ случаѣ выбиралъ своихъ представителей въ императорскій совѣтъ, и какъ для этой судебной, такъ и для политической дѣятельности императоръ въ опредѣленные сроки окружался опредѣленнымъ числомъ совѣтниковъ изъ среды сената, къ которымъ онъ затѣмъ могъ въ каждомъ данномъ случаѣ прибавить угодныхъ ему людей.

Въ виду указанныхъ соображеній мы считаемъ невозможнымъ утверждать, чтобы Августъ пользовался двумя различными родами совѣтовъ. При немъ и при Тиберіи принцепсъ имѣлъ одинъ совѣтъ, значительная часть членовъ котораго избиралась сенатомъ и компетенція котораго простиралась одинаково какъ на политическія, такъ и на судебныя дѣла, причемъ фактическое значеніе совѣта зависѣло отъ воли императора. Въ послѣдніе годы Августа совѣтъ фактически замѣнялъ сенатъ, въ первые годы Тиберія наоборотъ всѣ сколько-нибудь важныя дѣла поступали послѣ разсмотрѣнія ихъ въ совѣтѣ на разрѣшеніе сената [2]). При Тиберіи по крайней мѣрѣ членамъ совѣта предоставлялась въ то же время большая свобода [3]).

---

[1]) См. хотя бы Mommsen, Abriss стр. 358 и 360.

[2]) Ср. выше стр. 403, прим. 1: Dio 57, 7, 2; ср. ib. 60, 4, 3.

[3]) Dio 57, 7, 3 сл. Само собою разумѣется, что существованіе оффиціальнаго совѣта принцепса не лишало его возможности въ случаѣ надоб-

Созданное Августомъ и перенятое Тиберіемъ учрежденіе просуществовало однако очень не долго. Уже долголѣтнее удаленіе Тиберія изъ Рима не могло не отразиться на немъ, а послѣдовавшая послѣ его смерти эпоха террора и господства либертовъ окончательно погубила императорскій совѣтъ, какъ опредѣленное учрежденіе съ болѣе или менѣе постояннымъ составомъ отчасти изъ избранниковъ сената, отчасти изъ избранниковъ принцепса. Принцепсы, разумѣется, и послѣ этого пользуются совѣтомъ разныхъ лицъ, но составъ ихъ совѣта при этомъ мѣняется смотря по характеру дѣла и по условіямъ мѣста и времени. Вплоть до Гадріана нѣтъ болѣе императорскаго совѣта; встрѣчаются только лица, съ которыми императоръ болѣе или менѣе часто совѣтуется [1]).

Такъ Неронъ совѣщался съ Бурромъ и Сенекой, когда пришло извѣстіе о неудавшемся покушеніи на жизнь Агриппины [2]), и съ „первыми лицами“ государства, когда возникъ вопросъ о мирѣ съ парѳянами [3]); такъ онъ же уже послѣ возстанія Виндекса вызвалъ ночью первѣйшихъ сенаторовъ и

ности совѣщаться по особо важнымъ дѣламъ не съ нимъ, а съ особенно довѣренными лицами: ср. Tac. Ann. 3, 10: igitur paucis familiarum adhibitis minas accusantium et hinc preces audit integramque causam ad senatum remittit (о дѣлѣ Пизона). Но судебнаго рѣшенія онъ не постановилъ.

[1]) Ср. вироч. Dio 60, 4, 3—4 о Клавдіи: καὶ καθ' ἑκάστην γε ὡς εἰπεῖν ἡμέραν, ἤτοι μετὰ πάσης τῆς γερουσίας ἢ καὶ ἰδιᾳ, τὸ μὲν πλεῖστον ἐν τῇ ἀγορᾷ, ἤδη δὲ καὶ ἄλλοθι, ἐπὶ βήματος ἐδίκαζε. καὶ γὰρ τὸ κατὰ τοὺς συνέδρους, ἐκλειφθὲν ἐξ οὗ ὁ Τιβέριος ἐς τὴν νῆσον ἐξεχώρησεν, ἀνενεώσατο. Это мѣсто едва ли можетъ быть понято иначе какъ въ томъ смыслѣ, что Клавдій вернулся къ порядку временъ Августа и первыхъ лѣтъ Тиберія, т.-е. окружилъ себя такимъ же точно совѣтомъ какъ они, при участіи котораго онъ обыкновенно судилъ. Ср. Tac. Ann. 11, 1—3 (дѣло Валерія Азіатскаго): neque data senatus copia: intra cubiculum auditur, Messalina coram (11, 2): тутъ присутствовалъ Вителлій, высказавшійся за казнь, и quidam, предлагавшіе болѣе мягкія наказанія. Судя по Tac. Ann. 12, 4 (non enim se omnium negotiorum iudicem fore, ut clausis unam intra domum accusatoribus et reis paucorum potentia grassaretur) этотъ порядокъ былъ впослѣдствіи оставленъ или оказался настолько неблагопріятнымъ для сената, что былъ устраненъ Нерономъ.

[2]) Tac. Ann. 14, 7.

[3]) Ann. 15, 25: consuluit inter primores civitatis Nero.

всадниковъ, „какъ бы для того, чтобы сообщить имъ кое-что о дѣлахъ“, и, очевидно чтобы доказать свою полную увѣренность въ побѣдѣ надъ возставшими, занялъ ихъ бесѣдой о пустякахъ [1]). Точно также онъ рѣшалъ и процессы при участіи совѣтниковъ, подававшихъ письменно свои голоса, послѣ чего онъ объявлялъ свое рѣшеніе, утверждая, что оно является рѣшеніемъ большинства [2]). Такіе же порядки сохранились и послѣ него: такъ Гальба совѣщался съ немногими приближенными объ усыновленіи Пизона [3]); такъ Веспасіанъ судилъ при участіи довѣренныхъ лицъ и въ частности Тита [4]); такъ Домиціанъ по извѣстному разсказу Ювенала вызвалъ въ свой дворецъ рядъ выдающихся лицъ, чтобы обсудить съ ними по примѣру Нерона не военныя дѣла, а вопросъ о приготовленіи одной рыбы [5]); такъ наконецъ Траянъ приглашалъ въ свой совѣтъ Плинія и Юнія Маврика для рѣшенія судебныхъ дѣлъ [6]).

Въ теченіе всего этого времени императорскаго совѣта, какъ постояннаго и опредѣленнаго организованнаго учрежденія съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ, какъ уже замѣчено, вовсе не существовало. Можно признать весьма вѣроятнымъ, что при каждомъ императорѣ существовалъ извѣстный кругъ лицъ, которыя въ большинствѣ случаевъ, если только они находились въ Римѣ, участвовали въ совѣщаніяхъ какъ

---

[1]) Dio 63, 26, 4: ὡς καὶ περὶ τῶν παρόντων τι κοινωνῶν σφισι...

[2]) Suet. Nero 15: quotiens autem ad consultandum secederet, neque in commune quicquam neque propalam deliberabat, sed et conscriptas ab uno quoque sententias tacitus ac secreto legens, quod ipsi libuisset perinde atque pluribus idem videretur, pronuntiabat.

[3]) Tac. Hist. 1, 7. Ср. выше стр. 45 сл.

[4]) Suet. Tit. 7.

[5]) Ср. Iuv. Sat. 4, 37—154. Ср. примѣчанія Фридлендера въ его изданіи Ювенала.

[6]) Plin. ep. 4, 22: gymnicus agon apud Viennenses ex cuiusdam testamento celebratur. Hunc Trebonius Rufinus, vir egregius nobisque amicus, in duumviratu tollendum abolendumque curavit. Negabatur ex auctoritate publica fecisse. Egit ipse causam; ср. 6, 22 (процессъ Монтана Аттицина) 6, 31 (дѣло Клавдія Аристона).

политическаго, такъ и судебнаго характера, но они не были оффиціальными совѣтниками императора, и послѣдній имѣлъ полную возможность составлять свой совѣтъ въ каждомъ данномъ случаѣ изъ самыхъ разнообразныхъ лицъ. Нѣкоторое представленіе объ обычномъ составѣ подобныхъ совѣтовъ даетъ уже упомянутый разсказъ Ювенала о совѣтѣ въ албанскомъ дворцѣ Домиціана: по его словамъ тутъ присутствовали городской префектъ Пегасъ, Вибій Криспъ, Маній Ацилій Глабріонъ съ сыномъ, Рубрій Галлъ, Монтанъ, преторіанскіе префекты Криспинъ и Корнелій Фускъ, Гн. Помпей Феруксъ Лициніанъ, Веіентонъ и Катуллъ. Кромѣ двухъ преторіанскихъ префектовъ и молодого сынъ Глабріона (бывшаго консуломъ въ 91 году, послѣ того какъ Корнелій Фускъ около 88 года погибъ въ борьбѣ съ даками), всѣ остальные участники совѣта принадлежатъ къ бывшимъ консуламъ, а часть ихъ, какъ напримѣръ, Вибій Криспъ и Веіентонъ играли выдающуюся роль въ эпоху Флавіевъ. Другіе были извѣстны какъ особенно опасные деляторы и всѣ очевидно принадлежатъ къ довѣреннымъ лицамъ Домиціана. Нечего и говорить, что блестящій разсказъ Ювенала о томъ, какъ названныя лица должны были совѣтовать, какъ сварить особенно крупную рыбу, поднесенную Домиціану, не заслуживаетъ особеннаго довѣрія: помимо всего остального едва ли Домиціанъ выбралъ особенно близкихъ людей, чтобы доказать имъ свое полное презрѣніе [1]). Тѣмъ

[1]) Отмѣтимъ неожиданно мягкое сужденіе Ювенала о Вибіи Криспѣ и Веіентонѣ, которые оба подвергаются суровому осужденію у Тацита (Hist. 2, 10)

Ср. 4, 81 сл.: venit et Crispi iucunda senectus,
cuius erant mores, qualis facundia, mite
ingenium. maria ac terras populosque regenti
quis comes utilior, si clade et peste sub illa
saevitiam damnare et honestum adferre liceret
consilium?

4, 113: et cum mortifero prudens Veiento Catullo.

Ср. вообще объ этомъ совѣтѣ Borghesi, Oeuvres т. V стр. 513 сл.; Friedländer, Darstellungen т. I стр. 213 и примѣчанія въ его изданіи Ювенала.

не менѣе мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы именно указанные вельможи обыкновенно участвовали въ его совѣтѣ: помимо восьми видныхъ сенаторовъ и городского префекта, также принадлежавшаго къ сенатскому сословію, здѣсь участвуютъ наиболѣе выдающіеся представители сословія всадниковъ [1]).

Какъ бы то ни было, на практикѣ совѣтъ императора въ большинствѣ случаевъ долженъ былъ состоять изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, хотя и не имѣвшихъ оффиціальнаго званія совѣтниковъ императора, но особенно близкихъ къ нему и поэтому естественно прежде всего призванныхъ оказывать ему гдѣ нужно помощь. Естественнымъ результатомъ этого являлось далѣе то обстоятельство, что особенное вліяніе и опытность этихъ лицъ сообщали по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ аналогичное значеніе и послѣ перехода власти къ другому лицу и Свѣтоній разсказываетъ, что Титъ „выбралъ себѣ друзей, къ которымъ и послѣдующіе принцепсы (т.-е. не только Домиціанъ, но и Нерва и Траянъ) привыкли въ виду ихъ незамѣнимости какъ для нихъ такъ и для государства, и услугами которыхъ они преимущественно пользовались“ [2]): въ частности намъ извѣстно, что одинъ изъ близкихъ друзей Домиціана, Фабрицій Веіентонъ, занималъ выдающееся мѣсто и при Нервѣ, въ чемъ послѣдняго и упрекнулъ Юній Маврикъ [3]).

Недостатокъ такого рода порядка помимо неопредѣленности состава совѣта заключался очевидно въ томъ, что не всегда приближенныя къ императору лица отличались необходимымъ для разрѣшенія даннаго вопроса знаніемъ дѣла. Осо-

[1]) Ср. C. I. L. 9, 5420: adhibitis utriusque ordinis splendidis viris cognita causa.

[2]) Suet. Tit. 7. Объ amici Caesaris ср. Mommsen R. St. 2, 834 и въ Hermes 4, 127 сл.; Friedländer, Darstellungen т. I стр. 205 сл.

[3]) Plin. ep. 4, 22 (ср. выше стр. 349 прим. 1). О близости Веіентона къ Домиціану можно судить по тому, что онъ при немъ вмѣстѣ съ Випіемъ Криспомъ получилъ третій консулатъ и былъ членомъ цѣлаго ряда жреческихъ коллегій, связанныхъ съ культомъ императоровъ. Ср. Dessau, Inscr. 1010.

бенно въ сложныхъ судебныхъ дѣлахъ участіе профессіональныхъ юристовъ часто должно было оказаться если не необходимымъ, то крайне желательнымъ. Приглашать юристовъ въ совѣтъ по каждому данному вопросу естественно представлялось неудобнымъ и поэтому Гадріанъ наконецъ приступилъ къ реформѣ весьма существеннаго характера. „Когда онъ судилъ", говоритъ его біографъ, „онъ призывалъ въ свой совѣтъ не только друзей и приближенныхъ, но и юрисконсультовъ, особенно Ювенція Цельса, Сальвія Юліана, Нерація Приска и другихъ, *которыхъ однако сенатъ всѣхъ раньше одобрилъ*" [1]). „Онъ сообщилъ государственнымъ и придворнымъ, а также и военнымъ должностямъ ту форму, которая послѣ немногочисленныхъ измѣненій, внесенныхъ Константиномъ, сохраняется до настоящаго дня", замѣчаетъ нѣсколько преувеличенно Аврелій Викторъ [2]).

Съ этого времени по крайней мѣрѣ часть совѣта получаетъ постоянный характеръ. Наряду съ безформеннымъ штатомъ друзей и приближенныхъ императора появляется группа лицъ, призванныхъ помогать императору въ частности въ его судебной дѣятельности. На ряду съ ними правда продолжаютъ засѣдать лица, не являющіяся постоянными совѣтниками принцепса и принадлежащія одинаково какъ къ сенаторамъ, такъ и къ всадникамъ. Гадріанъ, говоритъ его біографъ, „не позволялъ римскимъ всадникамъ ни въ его присутствіи, ни безъ него, судить сенаторовъ". „Тогда существовалъ обычай", прибавляетъ онъ, „что принцепсъ, когда онъ разсматривалъ судебныя дѣла, призывалъ въ свой совѣтъ и сенаторовъ и римскихъ всадниковъ и произносилъ вердиктъ послѣ совмѣстнаго обсужденія дѣла" [3]).

---

[1]) V. Hadr. 18, 1.

[2]) Aur. Vict. ep. 14.

[3]) V. Hadr. 8, 8—9. Ср. Cuq, указ. соч., стр. 328 сл.: по его мнѣнію Гадріанъ задался цѣлью расширить императорскую юрисдикцію по вопросамъ гражданскаго права.

На практикѣ спеціалисты очевидно должны были играть преобладающую роль въ совѣтѣ, и уже въ одномъ сохранившемся рескриптѣ Марка Аврелія и Вера императоры говорятъ только о нихъ, когда отмѣчаютъ, что разсматривали данное дѣло въ своемъ совѣтѣ [1]). Какъ постоянные члены его совѣта юристы, все равно, принадлежатъ ли они къ сенаторскому сословію или къ всадникамъ, принадлежатъ къ „друзьямъ“ императора [2]), называются оффиціально его „совѣтниками“ [3]) и вѣроятно съ самаго начала получаютъ опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ [4]).

Для обсужденія дѣлъ политическаго характера и послѣ Гадріана нѣтъ особаго совѣта съ опредѣленнымъ составомъ: точно такъ же много вѣковъ спустя безформенная курія Капетинговъ выдѣлила прежде всего судебное учрежденіе, парижскій парламентъ, тогда какъ для политическихъ дѣлъ короли по прежнему окружали себя тѣми или иными лицами или всѣмъ составомъ своей куріи, не нуждаясь долгое время въ особомъ государственномъ совѣтѣ.

Учрежденіе постояннаго судебнаго совѣта императоровъ представляетъ первый важный шагъ Гадріана въ дѣлѣ организаціи центральнаго управленія.

Вторымъ важнымъ рѣшеніемъ Гадріана было превращеніе должностей начальниковъ двухъ важнѣйшихъ придворныхъ канцелярій изъ придворныхъ въ государственныя должности.

---

[1]) l. 17 D. 37, 14: sed et Volusius Maecianus amicus noster ut et iuris civilis praeter veterem et bene fundatam peritiem anxie diligens religione rescripti nostri ductus sit ut coram nobis adfirmavit non arbitratum se aliter respondere debere. *sed cum et ipso Maeciano et aliis amicis nostris iuris peritis adhibitis* plenius tractaremus, magis visum est...

[2]) Ср. предыд. прим.

[3]) C. I. L. 6, 1518: in con(silio imp.) Caesaris L. Aur. (Commodi); C. I. L. 10, 6662: centenario consiliario Aug(usti)... adsumpto in consilium ad (sestertium) LX m(ilia) n(ummum), iuris perito.

[4]) Въ третьемъ вѣкѣ различаются три группы совѣтниковъ, получающихъ ежегодно по 60000, 100000 или 200000 сестерціевъ. R. St. 2, 990.

„Онъ первый назначилъ римскихъ всадниковъ начальниками вѣдомствъ ab epistulis и a libellis“, коротко говоритъ его біографъ [1]).

Выше мы уже замѣтили, что императоры съ самаго начала нуждались не только въ совѣтникахъ, снимавшихъ съ нихъ часть отвѣтственности за ихъ дѣятельность и помогавшихъ имъ разобраться въ сложныхъ вопросахъ, подлежавшихъ ихъ разрѣшенію, но и въ болѣе скромной помощи такихъ лицъ, которыя избавляли бы ихъ отъ чисто канцелярской работы. Пользоваться съ этой цѣлью услугами сенаторовъ и всадниковъ они первоначально не могли, даже если бы они этого пожелали.

Несмотря на высокое положеніе принцепса ни одинъ сенаторъ или всадникъ не могъ унизиться до того, чтобы занять положеніе, которое у другихъ магистратовъ занимали либерты или рабы. Да при такихъ принцепсахъ какъ Августъ или Тиберій работа въ канцеляріяхъ центральной власти имперіи не допускала бы ни малѣйшей самостоятельности.

Первыми помощниками императора въ центрѣ были поэтому либерты. Они стояли во главѣ постепенно развивавшихся или возникавшихъ заново канцелярій по управленію фискомъ (a rationibus), по оффиціальной перепискѣ императора (ab epistolis), по принятію и разрѣшенію прошеній (a libellis) и т. д. Безгласные при первыхъ двухъ принцепсахъ, они уже при Гаѣ и особенно при Клавдіи начинаютъ играть огромную роль. Неспособность, неопытность, слабохарактерность или лѣнь императоровъ естественно выдвигаютъ на первый планъ либертовъ, которые формально только докладываютъ ему о дѣлахъ и исполняютъ его рѣшенія, но на дѣлѣ безконтрольно хозяйничаютъ каждый въ своемъ вѣдомствѣ. Контроль надъ всѣмъ государственнымъ управленіемъ, надъ прокураторами,

[1]) V. Hadr. 22, 8. Ср. Hirschfeld, Verwaltungsgeschichte 1, 32. Friedländer, Darstellungen 1, 171 сл.

намѣстниками и даже надъ самимъ сенатомъ, находится въ ихъ рукахъ; они разрѣшаютъ прошенія частныхъ лицъ, поданныя на высочайшее усмотрѣніе; они могутъ и задержать и ускорить карьеру любого сенатора. Каллистъ при Гаѣ, Нарциссъ, Палласъ и Полибій при Клавдіи, Поликлитъ и Гелій при Неронѣ имѣютъ больше силы и вліянія чѣмъ весь сенатъ вмѣстѣ взятый.

Не смотря на всю ненависть римской знати къ могущественнымъ либертамъ неизбѣжность возвышенія начальниковъ центральныхъ вѣдомствъ не могла ускользнуть отъ ея вниманія и уже Вителлій сдѣлалъ попытку сдѣлать ихъ должности государственными, назначивъ на нихъ всадниковъ. Мотивы его рѣшенія намъ неизвѣстны: усматривать въ этомъ сознательное стремленіе самого Вителлія къ цѣлесообразной реформѣ центральнаго управленія мы въ виду всего, что извѣстно о его принципатѣ, едва ли имѣемъ право. Вѣроятнѣе всего его рѣшеніе было ему навязано лицами, которыя поняли огромное значеніе презираемыхъ нѣкогда должностей и пожелали занять при нимъ мѣсто всемогущихъ министровъ Клавдія [1]).

Гибель Вителлія во всякомъ случаѣ повлекла за собою устраненіе его реформы. Какъ Веспасіанъ, такъ и Титъ предпочли вернуться къ старому порядку: возможно, что имъ, вообще, какъ мы видѣли, сильно озабоченнымъ усиленіемъ императорскаго авторитета, показалось небезопаснымъ поручить такія важныя должности всадникамъ, сравнительно болѣе независимымъ отъ императора, чѣмъ могли быть простые либерты. При Домиціанѣ мы снова замѣчаемъ тенденцію замѣнить либертовъ всадниками, но тутъ въ основѣ лежало по всему вѣроятію не намѣреніе сдѣлать министровъ болѣе самостоятельными, а желаніе увеличить внѣшній престижъ принцепса и удалить слишкомъ ничтожныхъ по своему соціаль-

[1]) Tac. Hist. 1, 58: ministeria principatus per libertos agi solita in equites Romanos disponit.

пому положенію помощниковъ [1]). При Нервѣ и Траянѣ центральныя должности снова очутились въ рукахъ либертовъ, не игравшихъ такой роли какъ при Клавдіи, но все же достаточно вліятельныхъ, чтобы Плиній призналъ ихъ достойными всякого уваженія [2]).

Гадріанъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ двумъ изъ центральныхъ вѣдомствъ вернулся къ идеѣ Вителлія [3]). Причина, почему онъ ограничился ими и не распространилъ этой мѣры на въ высшей степени важную должность начальника финансоваго вѣдомства, намъ неизвѣстна. Можно только предположить, что если всадники были назначены начальниками вѣдомствъ ab epistolis и a libellis, то причина оказаннаго имъ предпочтенія вѣроятнѣе всего заключалась въ томъ, что именно въ этихъ вѣдомствахъ сосредоточивалась переписка съ намѣстниками и другими высокопоставленными представителями власти съ одной, значительная часть указной дѣятельности императоровъ (поскольку послѣдняя была вызвана прошеніями на высочайшее имя) съ другой стороны. По сравненію съ этими группами дѣлъ, дѣятельность финансоваго вѣдомства, какъ бы она ни была важна по существу, съ внѣшней стороны, представлялась болѣе интимной и мелкой. Иначе по крайней мѣрѣ трудно объяснить, почему реформа Гадріана не коснулась этого вѣдомства [4]).

---

[1]) Suet. Dom. 7: quaedam ex maximis officiis inter libertos equitesque Romanos communicavit.

[2]) Ср. выше стр. 371.

[3]) Ср. v. Hadr. 21, 2—3: libertos suos nec sciri voluit in publico nec aliquid apud se posse, dicto suo omnibus superioribus principibus vitia imputans libertorum, damnatis omnibus libertis suis, quicumque se de eo iactaverant. unde extat illud saeve quidem sed prope ioculare de servis. nam cum quodam tempore servum suum inter duos senatores e conspectu ambulare vidisset, misit, qui ei collafum daret diceretque: „noli inter eos ambulare, quorum esse adhuc potes servus“.

[4]) Какое значеніе Гадріанъ самъ придавалъ финансамъ, видно изъ случайнаго замѣчанія его жалкаго біографа 20, 11: omnes publicas rationes ita complexus est, ut domum privatam quivis paterfamilias diligens non setius

Во всякомъ случаѣ и эта реформа Гадріана имѣетъ большое принципіальное и практическое значеніе. Если созданіе постояннаго императорскаго совѣта хотя бы только по судебнымъ дѣламъ не могло не отразиться на значеніи сената, какъ высшаго совѣщательнаго органа имперіи, то созданіе центральныхъ учрежденій, непосредственно зависѣвшихъ отъ императора, причемъ ихъ начальники все-таки состоятъ на государственной службѣ, означаетъ важный шагъ въ процессѣ развитія собственно императорской бюрократіи. А каждый шагъ на этомъ пути, каждый новый успѣхъ и безъ того чрезвычайно могущественной императорской бюрократіи является тяжелымъ ударомъ для старой республиканской магистратуры. При Августѣ императорская власть покоилась исключительно на личности императора, со всѣхъ сторонъ окруженнаго учрежденіями республиканскаго типа. Не говоря уже о сенатѣ, о городскихъ магистратахъ и о намѣстникахъ сенатскихъ провинцій, даже уполномоченные самого императора были созданы по образу и подобію республиканскихъ проконсуловъ и пропреторовъ. Императоръ не имѣлъ постояннаго совѣта; у него не было такихъ учрежденій, которыя помимо его участія могли бы взять на себя часть надзора за управленіемъ. Всѣ намѣстники, всѣ прокураторы были подчинены непосредственно ему самому. Въ этомъ отношеніи не представляли исключенія и такія должности, какъ должности городского префекта, префекта анноны и префекта полицейской стражи города Рима, въ извѣстномъ смыслѣ уже подготовлявшія разложеніе старой магистратуры въ самомъ центрѣ. Развитіе императорской власти неизбѣжно должно было привести къ развитію центральныхъ учрежденій, способныхъ взять на себя разрѣшеніе текущихъ дѣлъ и наблюдать за ходомъ мѣстнаго управленія, къ созданію постояннаго совѣта, способнаго замѣнить слишкомъ много-

norit. Первое извѣстіе о всадникѣ, стоявшемъ во главѣ вѣдомства a rationibus, относится къ принципату Антонина, ср. Friedländer, Darstellungen 1, 173.

численный, неуклюжій и вдобавокъ возбуждавшій подчасъ подозрѣнія сенатъ, наконецъ къ развитію іерархіи должностей, которая должна была дать возможность усилить контроль, облегчая въ то же время обязанности центральныхъ вѣдомствъ.

Реформы Гадріана ясно доказываютъ, что за полтораста лѣтъ своего существованія имперія уже успѣла сдѣлать рядъ шаговъ въ этомъ направленіи, хотя окончательный результатъ былъ достигнутъ только въ четвертомъ вѣкѣ. Наряду съ постояннымъ совѣтомъ появляются зачатки позднѣйшихъ министерствъ. Императоръ сваливаетъ съ себя часть своихъ наиболѣе мелкихъ и обременительныхъ обязанностей, передавая ихъ лицамъ, принадлежащимъ къ второму сословію имперіи. Не самъ императоръ, а они будутъ впредь состоять во главѣ двухъ изъ важнѣйшихъ вѣдомствъ: вѣдь до этого времени, какъ бы либерты не были практически могущественны, формально и намѣстники и частныя лица имѣли дѣло непосредственно съ императоромъ, а либерты были его личными слугами, не государственными должностными лицами. Теперь наоборотъ оффиціально возникаютъ центральныя учрежденія и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сенатъ теряетъ свое положеніе единственнаго центральнаго учрежденія, существующаго на ряду съ императоромъ и подъ его властью.

Въ связи съ этимъ необходимо отмѣтить еще одно послѣдствіе принципата Гадріана, едва ли предусмотрѣнное имъ, но непосредственно вытекавшее изъ его безпрестанныхъ путешествій и крайне тяжело отражавшееся на положеніи сената и всѣхъ безъ исключенія намѣстниковъ, а именно быстрое возвышеніе преторіанской префектуры. Изъ двадцати двухъ лѣтъ своего принципата Гадріанъ провелъ въ Римѣ только около семи лѣтъ [1]): все остальное время было сплошь посвя-

[1]) Принципатъ Гадріана продолжался отъ 13 августа 117 до 10 іюля 138 года. Въ первый разъ онъ прибылъ въ Римъ лѣтомъ 118 года. Уже въ 119 году онъ объѣхалъ южную Италію; съ 121 по 127 годъ и съ 129 по

щено объѣзду или вѣрнѣе обходу провинцій, войскъ и границъ. Реформы, постройки и другія мѣры, принятыя имъ за это время, насъ не касаются. Замѣтимъ только, что ему приписывается особенно строгій надзоръ надъ намѣстниками, крайнее развитіе тайной полиціи [1]) и коренная реорганизація военнаго дѣла, которымъ онъ вообще чрезвычайно интересовался [2]).

Само собою разумѣется, что центральныя учрежденія не могли перемѣщаться съ одного мѣста въ другое, и уже поэтому Гадріанъ долженъ былъ имѣть въ Римѣ довѣренное лицо, которому онъ могъ поручить завѣдываніе поступавшими въ эти учрежденія дѣлами. Но и независимо отъ этого въ столицѣ должно было быть лицо, способное поддержать авто-

---

134 годъ онъ обошелъ буквально всѣ провинціи имперіи и только въ промежутки между этими путешествіями онъ появлялся въ Римѣ. Хронологія принципата Гадріана впрочемъ очень запутана: выдержки изъ Діона и біографія почти вовсе не даютъ хронологическихъ указаній, а годы трибунской власти на надписяхъ при немъ почти никогда не отмѣчаются. Консуломъ онъ былъ только въ 119 году (въ третій разъ), императоромъ онъ не провозглашался въ виду отсутствія крупныхъ войнъ (кромѣ еврейской войны, по окончаніи которой онъ въ 135 году принялъ вторично титулъ императора въ республиканскомъ смыслѣ побѣдоноснаго полководца) и только появленіе титула отца отечества, принятаго имъ въ 128 году, даетъ нѣкоторыя, далеко не удовлетворительныя, указанія. Ср. Dürr, ук. соч. стр. 28 сл.

[1]) V. Hadr. 13, 10: et circumiens quidem provincias procuratores et praesides pro factis suppliciis adfecit, ita severe ut accusatores per se crederetur inmittere. Ср. 11, 4: et erat curiosus non solum domus suae, sed etiam amicorum, ita ut per frumentarios occulta omnia exploraret, nec adverterent amici sciri ab imperatore suam vitam, priusquam ipse hoc imperator ostenderet. Ср. Hirschfeld, die Sicherheitspolizei im römischen Kaiserreich въ Sitzungsberichte Берлинской Академіи Наукъ за 1891 годъ стр. 845 сл. и особ. стр. 856.

[2]) V. Hadr. 10, 2 сл.: pacisque magis quam belli cupidus militem, quasi bellum immineret, exercuit... si quidem ipse post Caesarem Octavianum labentem disciplinam incuria superiorum principum retinuit ordinatis et officiis et inpendiis... V. 21, 9: a militibus propter curam exercitus nimiam multum amatus est, simul quod in eos liberalissimus fuit. Ср. C. I. L. 8, 2532 (дневной приказъ Гадріана въ Африкѣ): Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, т. II стр. 174.

ритетъ вѣчно отсутствовавшаго императора и слѣдить изъ центра какъ за сенатомъ, такъ и за преторіанцами и за тѣми провинціями, въ коихъ императоръ въ данное время не находился. Такое положеніе въ свое время занимали Меценатъ и Агриппа при Августѣ, Сеянъ при Тиберіи, Софоній Тигеллинъ и либертъ Гелій при Неронѣ: остальные императоры кромѣ развѣ Траяна лишь изрѣдка и ненадолго покидали столицу. Кто занималъ указанное положеніе при Траянѣ, намъ неизвѣстно: нѣкоторое по крайней мѣрѣ время довѣреннымъ лицомъ императора въ столицѣ вѣроятно былъ Луцій Лициній Сура. При Гадріанѣ одинаковую роль игралъ преторіанскій префектъ Квинтъ Марцій Турбонъ Фронтонъ Публицій Северъ [1]), бывшій другомъ Гадріана, когда послѣдній еще не былъ принцепсомъ [2]). Траянъ ему поручилъ подавленіе еврейскаго возстанія въ Египтѣ и Киренаикѣ [3]), а Гадріанъ сейчасъ же послѣ вступленія на престолъ отправилъ его въ Мавританію, гдѣ опала, которой подвергся мавританскій князь Лузій Квіетъ, также вызвала возстаніе [4]). Послѣ подавленія и этого возстанія онъ временно былъ поставленъ во главѣ Дакіи и Панноніи и „для увеличенія его авторитета“ въ то же время назначенъ префектомъ Египта [5]): подчиненіе такихъ

---

[1]) C. I. L. 3, 1462 и 14, 4243.

[2]) V. Hadr. 4, 2: utebatur Hadrianus amicitia Sosi Papi et Platori Nepotis ex senatorio ordine, ex equestri autem Attiani, tutoris quondam sui, et Liviani (et) Turbonis. О Созіи Папѣ см. Pros. 3, 255 № 559; о Платоріи Непотѣ ib. 3, 43 № 337, о Целіи Аттіанѣ ib. 1, 258 № 96, о Клавдіи Ливіанѣ, преторіанскомъ префектѣ при Гадріанѣ ib. 1, 384 № 735, о Турбонѣ ib. 2, 339 № 179.

[3]) Euseb., hist. eccles. 4, 2; v. Hadr. 5, 8. Ср. Dio.

[4]) v. Hadr. 5, 8: Lusium Quietum sublatis gentibus Mauris, quas regebat, quia suspectus imperio fuerat, exarmavit Marcio Turbone Iudaeis compressis ad deprimendum tumultum Mauretaniae destinato.

[5]) V. Hadr. 6, 7: Marcium Turbonem post Mauretaniam praefecturae infulis ornatum Pannoniae Daciaeque praefecit, покуда онъ самъ въ Мезіи отражалъ набѣги Сарматовъ и Роксолановъ. Ср. ib. 7, 3: Dacia Turboni credita, titulo Aegyptiacae praefecturae, quo plus auctoritatis haberet, ornato-

важныхъ областей, какъ Паннонія и Дакія, во главѣ которыхъ обыкновенно стояли намѣстники сенаторскаго происхожденія, всаднику лучше всего доказываетъ, какъ велико было довѣріе Гадріана къ нему и какую роль онъ игралъ при его дворѣ. Какъ только Гадріанъ прибылъ въ Римъ, онъ устранилъ бывшихъ еще при Траянѣ преторіанскими префектами Целія Аттіана и Гая Сульпиція Симилиса отъ ихъ должности и замѣнилъ ихъ Турбономъ и Септиціемъ Кларомъ [1]): если принять въ разсчетъ, что Аттіанъ былъ опекуномъ Гадріана, что Симилисъ пользовался большимъ вліяніемъ при Траянѣ [2]), и что оба много содѣйствовали переходу власти къ Гадріану [3]), то замѣна ихъ Турбономъ—Септиціи Кларъ очевидно игралъ

Весьма возможно, что назначеніе Турбона префектомъ Египта предшествовало назначенію его намѣстникомъ Панноніи и Дакіи и должно было служить наградой за его успѣшныя дѣйствія противъ евреевъ и мавровъ. Затѣмъ, когда Паннонія, Дакія и Мезія грозила опасность отъ варваровъ, Гадріанъ временно назначилъ его намѣстникомъ двухъ первыхъ областей, но предполагалъ послать его потомъ въ Египетъ и поэтому оставилъ за нимъ званіе префекта этой провинціи. Указаніе на это можно найти въ 6, 7. Едва ли назначеніе префектомъ Египта должно было только увеличить авторитетъ Турбона, который такъ недавно отличился именно въ Египтѣ и Киренаикѣ.

[1]) V. Hadr. 9, 3—5: Cum Attiani, praefecti sui et quondam tutoris, potentiam ferre non posset, nisus est eum obtruncare, sed revocatus est, quia iam quattuor consularium occisorum, quorum quidem necem in Attiani consilia refundebat, premebatur invidia. cui iam successorem dare non posset, quia non petebat, id egit, ut peteret, atque, ubi primum petit, in Turbonem transtulit potestatem; cum quidem etiam Simili alteri praefecto Septicium Clarum successorem dedit. Ср. ib. 8, 7: senatus fastigium in tantum extulit difficile faciens senatores, ut, cum Attianum ex prafecto praetorii ornamentis consularibus praeditum faceret senatorem, nihil se amplius habere, quod in eum conferri posset, ostenderit. Весьма возможно, что отставка Аттіана между прочимъ должна была служить удовлетвореніемъ сенату за казнь четырехъ консуляровъ. Назначеніе его сенаторомъ едва ли имѣетъ то значеніе, которое ему приписываетъ біографъ: оно имѣетъ сильно ироническій оттѣнокъ.

[2]) Ср. Dio 69, 19, 1—2. Онъ былъ послѣдовательно префектомъ анноны (ср. fragm. Vatic. 233: Ulp. de officio praetoris tutelaris), префектомъ Египта ок. 108—109 г. (C. I. Gr. 4713c и 4714) и преторіанскимъ префектомъ.

[3]) V. Hadr. 9, 6: summotis his a praefectura, quibus debebat imperium...

второстепенную роль и вдобавокъ скоро былъ устраненъ и замѣненъ другимъ неизвѣстнымъ намъ лицомъ [1])—то это снова доказываетъ, что Турбонъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императора, которое онъ утратилъ, повидимому, только въ послѣдніе годы его принципата [2]).

Постоянное присутствіе подобнаго лица въ Римѣ, тогда какъ императоръ столь же постоянно находился въ болѣе или менѣе отдаленныхъ провинціяхъ, несомнѣнно должно было въ значительной мѣрѣ содѣйствовать возвышенію занимаемой имъ должности и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно въ это время гражданскія полномочія преторіанскаго префекта получили широкое развитіе. Турбонъ, по всему вѣроятію, замѣнялъ Гадріана во всѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ власти съ сенатомъ и отъ его имени руководилъ дѣятельностью центральныхъ учрежденій. Если онъ и былъ обязанъ бо̀льшей частью своего вліянія не столько занимаемой имъ должности, сколько абсолютному довѣрію Гадріана, то его личное положеніе несомнѣнно, особенно въ виду продолжительности его префектуры (повидимому, онъ занималъ ее въ теченіе 18 лѣтъ), должно было еще усилить и безъ того очень значительное могущество преторіанскаго префекта. Вотъ почему уже современникъ Гадріана, юристъ Помпоній, приравниваетъ преторіанскаго префекта къ должности tribuni celerum царскаго и къ должности magistri equitum республиканскаго періода: подобно тому, какъ начальники конницы занимали второе мѣсто при царяхъ и диктаторахъ, такъ префектъ занимаетъ второе мѣсто при императорѣ [3]). Съ этого времени его компетенція

---

[1]) V. Hadr. 11, 3: Septicio Claro praefecto praetorii et Suetonio Tranquillo epistularum magistro multisque aliis... successores dedit. Это произошло около 121—122 года.

[2]) V. Hadr. 15, 7. О времени его опалы даетъ представленіе Dio 69, 18, 1—2: повидимому она относится къ 136 году.

[3]) l. q. § 15 и 19 D. 1. 2: isdem temporibus et tribunum celerum fuisse constat: is autem erat qui equitibus praeerat et veluti secundum locum a

постоянно расширяется и быстро становится всеобъемлющей, а префекты скоро являются опасными конкурентами самихъ императоровъ.

Въ данный моментъ для насъ важно другое: возвышеніе преторіанскихъ префектовъ явно и болѣе непосредственно, чѣмъ созданіе постояннаго императорскаго совѣта и другихъ центральныхъ учрежденій, содѣйствуетъ дальнѣйшему упадку авторитета сената, республиканской магистратуры и намѣстниковъ какъ сенатскихъ, такъ и императорскихъ провинцій, и даетъ центральнымъ учрежденіямъ и ихъ вліянію особенно прочную опору.

Упадокъ сенатскаго авторитета сопровождается и иллюстрируется еще и другими явленіями, изъ коихъ особенно замѣчательны постепенная замѣна сенатусконсультовъ императорскими указами и новое, особенно рѣзкое, вмѣшательство императорской власти въ сферу наиболѣе древней компетенціи сената, т.-е. въ управленіе Италіи.

Что касается перваго пункта, то объ огромномъ значеніи его не стоитъ распространяться. Внѣшнимъ образомъ развитіе указной дѣятельности императора въ ущербъ сенату доказывается тѣмъ, что еще въ началѣ III вѣка указы Гадріана пользуются особымъ вниманіемъ [1]), что гадріановы эдикты и рескрипты часто цитируются въ дигестахъ и, что, составленный по приказанію Юстиніана, сборникъ императорскихъ эдиктовъ содержитъ эдикты, начиная со временъ Гадріана [2]). Не подле-

---

regibus optinebat... Et his dictatoribus magistri equitum iniungebantur sic, quo modo regibus tribuni celerum: quod officium fere tale erat, quale hodie praefectorum praetorio... Указаніе на это явленіе, но безъ объясненія его причины см. у Моммзена, R. St. 2, 1117 пр. 1. Ср. также Herzog, Gesch. und Syst. 2, 362.

[1]) Сборникъ составленный Досиѳеемъ: Dosithei magistri interpretamentorum liber tertius, ed. Böcking 1832. Ср. Herzog 2, 366. О Досиѳеѣ вообще см. Karlowa, R. R. G. 1, 763 сл.

[2]) Codex Grogorianus также содержалъ указы только начиная съ Гадріана. Ср. Krüger, Geschichte der Quellen und Litteratur des romischen Rechts стр. 279.

житъ никакому сомнѣнію, что сокращеніе законодательной дѣятельности сената представляетъ результатъ не принципіальнаго измѣненія его положенія, а чисто фактическаго расширенія конкурирующей дѣятельности императора. Подобно тому, какъ нѣкогда законъ былъ вытѣсненъ сенатусконсультомъ, такъ теперь послѣдній вытѣсняется императорскимъ указомъ. Что эта эволюція имѣетъ симптоматическое значеніе, разумѣется, также не подлежитъ сомнѣнію, но мы бы очень ошиблись, если бы приписали Гадріану сознательное намѣреніе умалить значеніе сената. Съ одной стороны, авторитетъ сената и безъ того палъ чрезвычайно глубоко и Гадріанъ, судя по согласному свидѣтельству источниковъ, скорѣе заботился о его поддержаніи, съ другой стороны постоянное отсутствіе императора должно было затруднять его постоянныя сношенія съ сенатомъ и естественно приводило къ эмансипаціи императора отъ сотрудничества сената даже въ той области, въ которой послѣднее дольше всего сохранялось [1]).

Не меньшее принципіальное значеніе имѣетъ и вмѣшательство Гадріана въ управленіе Италіей. Уже Траянъ, какъ мы видѣли, подчинилъ городское самоуправленіе какъ въ провинціяхъ, такъ и въ Италіи надзору особыхъ временныхъ комисаровъ, задача которыхъ заключалась въ упорядоченіи городскихъ финансовъ. При Гадріанѣ не только сохраняются эти временные коммисары, но наряду съ ними появляются вдобавокъ еще четыре консуляра для судебныхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ опредѣленнымъ округомъ: только городъ Римъ и его ближайшія окрестности не были имъ подчинены [2]). Цѣль этой реформы, повидимому, заключа-

[1]) Ср. томъ I стр. 201 сл. и Herzog, Gesch. и Syst. 2, 369.

[2]) V. Hadr. 22, 13: quattuor consulares per omnem Italiam iudices constituit. О ихъ компетенціи см. Mommsen, R. St. 2, 1085: für das Fideicommisswesen, sowie für die Vormünderernennung und die Streitigkeiten um den Decurionat; Keller, Civilprocess § 6; Bethmann-Hollweg, Civilprocess 2, 66 прим. 10.

лась въ облегченіи дѣятельности городскихъ магистратуръ, и въ обезпеченіи болѣе быстраго и близкаго суда для населенія, и если бы означенные судьи избирались сенатомъ, а не назначались императоромъ, то эта мѣра не имѣла бы политическаго значенія. Но именно то обстоятельство, что судьи назначаются императоромъ, придаетъ ихъ появленію болѣе крупное значеніе. До Траяна италіанское управленіе представляло безусловную домену сената: Траянъ сдѣлалъ первый, Гадріанъ второй шагъ, чтобы подчинить и Италію непосредственно власти императора. Съ этого времени Италія начинаетъ терять свое привилегированное положеніе и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе приближается къ положенію остальныхъ областей имперіи, т.-е. и сама начинаетъ превращаться въ провинцію, а компетенція сената и республиканской магистратуры терпитъ новый весьма существенный уронъ. Весьма понятно, что сенатъ не могъ сочувствовать подобнаго рода реформѣ и этимъ вѣроятно объясняется, что преемникъ Гадріана упразднилъ его мѣру и снова предоставилъ сенату и магистратурѣ ихъ прежнія права. Лучшимъ доказательствомъ неизбѣжности указанной эволюціи и невозможности сохраненія стараго порядка, однако, является тотъ фактъ, что уже Маркъ Аврелій счелъ необходимымъ вернуться къ идеѣ Гадріана [1]).

Мы не будемъ останавливаться на другихъ реформахъ Гадріана, такъ какъ онѣ имѣютъ не столько политическое, сколько административное значеніе [2]), и отмѣтимъ только еще вызванную имъ кодификацію магистратскихъ эдиктовъ, такъ какъ она положила предѣлъ законодательной, въ широкомъ

---

[1]) V. Marci 11: datis iuridicis Italiae consuluit ad id exemplum, quo Hadrianus consulares viros reddere iura praeceperat. Судя по Аппіану, bell. civ. 1, 38 Антонинъ не сразу упразднилъ реформу Гадріана.

[2]) Болѣе крупное значеніе имѣетъ начинающееся съ этого времени вытѣсненіе откупной системы взиманія податей прямымъ взиманіемъ. Ср. напр. Hirschfeld, Verwaltungsgeschichte, стр. 64 сл.

смыслѣ слова, дѣятельности республиканскихъ магистратовъ [1]). По порученію Гадріана крупнѣйшій юристъ его времени Сальвій Юліанъ собралъ все такъ называемое ius honorarium, поскольку оно имѣло и должно было имѣть силу, и составленное такимъ образомъ edictum perpetuum по предложенію Гадріана было утверждено сенатусконсультомъ, а измѣненіе заключавшихся въ немъ нормъ должно было исходить отъ императора [2]). Само собой разумѣется, что преторы и до этого времени съ самаго основанія принципата едва ли рѣшались издавать новыя постановленія по сколько-нибудь важнымъ вопросамъ, не испросивъ предварительно разрѣшеніе императора. Тѣмъ не менѣе изданіе „вѣчнаго эдикта“ впервые принципіально отнимало у нихъ это право и передало его окончательно императорамъ, указы и рескрипты которыхъ замѣняютъ такимъ образомъ не только сенатусконсульты, но и магистратскіе эдикты.

Въ результатѣ нельзя не признать, что конституціонное и политическое значеніе гадріанова принципата было чрезвычайно велико. Со временъ Августа ни одинъ изъ предшествующихъ принцепсовъ, кромѣ Тиберія и Домиціана, не сдѣлалъ столько для консолидаціи императорской власти и для разложенія стараго порядка, какъ Гадріанъ. Тиберій уничто-

---

[1]) См. подробнѣе Karlowa, R. Rg. 1, 628 сл. Послѣднее изданіе edicti perpetui принадлежитъ Lenel'y. 1883.

[2]) См. l. 2. § 18 C. I. 1, 17: non desperamus quaedam postea emergi negotia, quae adhuc legum laqueis non sunt innodata. si quid igitur tale contigerit, Augustum imploretur remedium, quia ideo imperialem fortunam rebus humanis deus praeposuit, ut possit omnia quae noviter contingunt et emendare et componere et modis et regulis competentibus tradere. et hoc non primum a nobis dictum est, sed ab antiqua descendit prosapia: cum et ipse Iulianus legum et edicti perpetui subtilissimus conditor in suis libris hoc rettulit, *ut, si quid imperfectum inveniatur, ab imperiali sanctione hoc repleatur. et non ipse solus, sed et divus Hadrianus in compositione edicti et senatus consulto, quod eam secutum est, hoc apertissime definivit, ut si quid in edictum positum non inveniatur, hoc ad eius regulas eiusque coniecturas et imitationes possit nova instruere auctoritas* (т.-е. новый императорскій указъ).

жилъ значеніе народныхъ собраній и съ нимъ вмѣстѣ только что возстановленный Августомъ старый республиканскій строй, Домиціанъ превратилъ сенатъ изъ формально до извѣстной степени самостоятельнаго учрежденія въ государственный совѣтъ, Гадріанъ цѣлымъ рядомъ мѣръ уничтожилъ административное, судебное и законодательное значеніе сената и республиканской магистратуры и создавалъ базисъ для развитія бюрократической монархіи послѣдующихъ временъ.

Какъ ужъ замѣчено, мы не думаемъ, чтобы Гадріанъ сознательно стремился къ уничтоженію сената. Источники совершенно опредѣленно говорятъ о знакахъ уваженія, которыми онъ всегда окружалъ какъ сенатъ, такъ и отдѣльныхъ сенаторовъ: помимо того, что онъ предоставилъ сенату одобрить выбранныхъ имъ для его совѣта юрисконсультовъ и не допускалъ, чтобы всадники судили сенаторовъ, онъ привлекъ наиболѣе выдающихся членовъ сената къ своему двору, не допускалъ процессовъ объ оскорбленіи величества, помогалъ обѣднѣвшимъ не по своей винѣ сенаторамъ, охотно давалъ имъ третьи и особенно вторые консулаты, тогда какъ самъ довольствовался тремя консулатами и долго не принималъ званія отца отечества, да и вообще во всемъ велъ себя какъ частный человѣкъ, т.-е. не выставлялъ на показъ свою власть [1]). Діонъ вполнѣ подтверждаетъ слова біографа Гадріана: Гадріанъ по его словамъ управлялъ самымъ человѣколюбивымъ образомъ [2]), отличался заботливостью, прозорливостью, величіемъ и справедливостью [3]), совершалъ все важное и наиболѣе

[1]) См. v. Hadr. 6, 1—5; 7, 4. 9—11; 8, 1: optimos quosque de senatu in contubernium imperatoriae maiestatis adscivit. 8, 3: et in contione et in senatu saepe dixit, ita se rem publicam gesturum, ut sciret populi rem esse, non propriam. 8, 4—11. 9, 8: omnia denique ad privati hominis modum fecit. 17, 8; 18, 1. 4; 19, 9; 20, 1.

[2]) Dio 69, 2, 5: φιλανθρωπότατα ἄρξας.

[3]) Dio 69, 5, 1: ἠτιῶντο μὲν δὴ ταῦτά τε αὐτοῦ καὶ τὸ πάνυ ἀκριβὲς τό τε περίεργον καὶ τὸ πολύπραγμον· ἐθεράπευε δὲ αὐτὰ καὶ ἀνελάμβανε τῇ τε ἄλλῃ ἐπιμελείᾳ καὶ προνοίᾳ καὶ μεγαλοπρεπείᾳ καὶ δεξιότητι, καὶ τῷ μήτε τινὰ πόλεμον τα-

существенное при участіи сената [1]) и т. д.: кто знаетъ, до какой степени характеръ отношеній императора къ сенату вліялъ на сужденіе историковъ о разныхъ принципатахъ, тотъ пойметъ, что сочувственное отношеніе Діона къ Гадріану было бы немыслимо, если бы послѣдній былъ врагомъ сената и сознательно стремился къ его униженію. Гадріанъ, правда, не представлялся потомству такимъ идеальнымъ принцепсомъ, какъ Траянъ, но причина этого заключается не въ его антисенатской политикѣ, а въ казняхъ 118 и 136 года [2]) и въ его личномъ характерѣ, непонятномъ и несипатичномъ для большинства [3]).

Но чѣмъ меньше у насъ имѣется основанія считать Гадріана заклятымъ врагомъ сената, тѣмъ болѣе характерной представляется его дѣятельность и ея конечный результатъ. Реформы Гадріана и вся его политика кромѣ назначенія консуляровъ для судебныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ Италіи, не вызывали, очевидно, никакихъ протестовъ: сенатъ не понялъ ихъ значенія, да и самъ Гадріанъ интересовался лишь ихъ административнымъ, а не ихъ общимъ политическимъ значеніемъ. Ясно, что это было возможно только, если они не содержали ничего для даннаго времени существенно новаго и лишь приводили въ систему уже готовые результаты предыдущаго развитія, иначе говоря, если сенатъ не только потерялъ всякое реальное значеніе, но и привыкъ къ своему безсилію. Само собою разумѣется, что даже при такихъ условіяхъ реформы Гадріана еще усиливали могущество императорской власти и ея должностныхъ лицъ и содѣйствовали дальнѣйшему упадку сенатскаго авторитита, хотя бы онѣ и

ράξαι καὶ τοὺς ὄντας παῦσαι, μήτε τινὸς χρήματα ἀδίκως ἀφελέσθαι, καὶ πολλοῖς πολλὰ, καὶ δήμοις καὶ ἰδιώταις καὶ βουλευταῖς τε καὶ ἱππεῦσι, χαρίσασθαι и т. д.

[1]) Dio 69, 7, 1: ἔπραττε δὲ καὶ διὰ τοῦ βουλευτηρίου πάντα τὰ μεγάλα καὶ ἀναγκαιότατα, καὶ ἐδίκαζε μετά τῶν πρώτων и т. д.

[2]) Ср. выше стр. 397 сл.

[3]) Ср. Dio 69, 3, 3—5, 1.

не имѣли боевого характера. Во всякомъ случаѣ, политика Гадріана не могла бы имѣть такого быстраго и легкаго успѣха, если бы онъ, подобно Домиціану, вводилъ въ римскую жизнь новыя начала. Гадріанъ былъ выдающимся администраторомъ, но новыхъ политическихъ идей мы бы напрасно старались искать у него. Онъ подводитъ итоги административному развитію первыхъ полутора вѣковъ существованія имперіи, но если онъ и самъ показываетъ во многихъ отношеніяхъ своимъ преемникамъ путь, то только въ административномъ же отношеніи. Политическія послѣдствія его реформъ не предусмотрѣны имъ самимъ и тѣмъ не менѣе его принципатъ представляетъ огромный шагъ по направленію къ бюрократической имперіи четвертаго и слѣдующихъ вѣковъ. Имперія съ неограниченнымъ принцепсомъ, окруженнымъ сенатомъ и республиканскими, или полуреспубликанскими магистратами съ одной, огромнымъ количествомъ автономныхъ общинъ съ другой стороны, замѣняется новымъ государственнымъ строемъ, гдѣ монархъ окруженъ совершенно зависимыми совѣтами и безчисленнымъ количествомъ іерархически организованныхъ и взаимно контролирующихъ другъ друга чиновниковъ.

§ 3.

Антонинъ.

Вернувшись въ 134 году въ Римъ, Гадріанъ началъ подумывать о назначеніи себѣ преемника. Самому Гадріану въ это время было всего 58 лѣтъ, но организмъ его, повидимому, былъ истощенъ и послѣдніе годы жизни онъ постоянно страдалъ отъ мучительной болѣзни, доводившей его по словамъ его біографа неоднократно до мысли о самоубійствѣ, и омрачавшей его и безъ того безпокойный и невеселый нравъ [1]).

[1]) V. Hadr. 24, 8—25, 4: ultimo vitae taedio iam adflictus; ib. 23, 7. Dio 69, 20, 1.

Весьма понятно, что дворъ былъ чрезвычайно заинтересованъ результатомъ его выбора, обсуждалъ и выставлялъ кандидатовъ, и смотря по личнымъ надеждамъ раздѣлялся на партіи. Кандидатами на принципатъ считались: старикъ Сервіанъ и его внукъ, Платорій Непотъ, одинъ изъ старшихъ друзей Гадріана, и Теренцій Генціанъ, на сторонѣ котораго стояло большинство сената [1]). Выборъ Гадріана, повидимому неожиданно для всѣхъ, палъ на Луція Цеіонія Коммода, отецъ и дѣдъ котораго уже были консулами, тогда какъ онъ самъ былъ преторомъ въ 130 и ординарнымъ консуломъ въ 136 году: въ томъ же 136 году онъ былъ усыновленъ Гадріаномъ и назывался съ этого времени Луціемъ Эліемъ Цезаремъ [2]). Тогда же онъ получилъ трибунскую власть [3]) и второй ординарный консулатъ на 137 годъ и былъ назначенъ намѣстникомъ Панноніи [4]). Насколько его усыновленіе было неожиданно, можно заключить изъ того, что біографъ Гадріана

---

[1]) V. Hadr. 23, 1—9.

[2]) Ср. о немъ Prosop. 1, 326 № 503. Здѣсь исправлены неточности въ показаніяхъ біографа Гадріана 23, 10—13 и его собственнаго біографа 3, 2 объ его родственныхъ связяхъ и cursus honorum. См. здѣсь же стр. 328 его родословную.

[3]) Ср. C. I. L. 3, 4366: L. Aelius Caesar trib. pot. cos. II Hadrianus trib. potest. XXI cos III imp. II. Двадцать первый годъ трибунской власти Гадріана продолжался отъ 10 декабря 136 до того же дня 137 года. Надпись относится къ 137 году. Ср. Ephem. epigr. 7, 1197 и C. I. L. 11, 5957. Этимъ опровергаются слова его біографа 2, 1—2: nihil habet in sua vita memorabile, nisi quod primus *tantum Caesar* est appellatus, non testamento, ut antea solebat, neque eo modo quo Traianus est adoptatus, sed eo prope genere, quo nostris temporibus a vestra clementia (Діоклеціанъ) Maximianus atque Constantius Caesares dicti sunt quasi quidam principum filii virtute designati augustae maiestatis heredes (ср. ib. 6, 6: neque quicquam de regia ni mortis habuit dignitatem) и заключеніе Herzog'a, 2, 376: er legte in den Namen Caesar formell die Aussicht auf die Zukunft, die sonstigen Machtbefugnisse der Mitregentschaft aber gab er ihm nicht sofort.

[4]) Dio 69, 17, 1. V. Ael. 3, 2; adoptatus... a Hadriano... statimque praetor factus (см. прим. 2) et Pannoniis dux ac rector inpositus, mox consul creatus (см. тамъ же) et, quia erat deputatus imperio, iterum consul designatus est.

объясняетъ его только красотой Коммода [1]) и что при дворѣ рѣшеніе Гадріана вызвало сильное волненіе: тогда подверглись казни Сервіанъ и Фускъ и тогда же, вѣроятно, впалъ въ немилость и Турбонъ и другіе приближенные Гадріана [2]).

Выборъ Гадріана оказался неудачнымъ въ виду крайней болѣзненности Коммода [3]) и въ обществѣ, повидимому, уже начали ходить слухи, что императоръ раскаивается въ своемъ рѣшеніи и предполагаетъ замѣнить своего избранника другимъ лицомъ [4]), когда Коммодъ умеръ 1 января 138 года [5]), и Гадріанъ поспѣшилъ усыновить 25 февраля немолодого уже консуляра Тита Аврелія Фульва Боіонія Антонина. Антонинъ сейчасъ же получилъ титулъ императора, проконсульскую и трибунскую власть и сдѣлался соправителемъ, при чемъ онъ самъ долженъ былъ усыновить своего племянника, восемнадцатилѣтняго Марка Аннія Вера, называвшагося съ этого времени Маркомъ Авреліемъ Антониномъ, и сына умершаго Луція Элія Цезаря, Луція Элія Аврелія Коммода [6]).

Императоръ Титъ Элій Гадріанъ Антонинъ Августъ Бла-

---

[1]) V. Hadr. 23, 10: sibi forma commendatum. Ср. v. Ael. 3, 8; 5, 1—2.

[2]) V. Hadr. 15, 7—8: Umidium Quadratum et Catilium Severum et Turbonem graviter insecutus est, Servianum... mori coegit. Ср. Dio 69, 17—18. О Гаѣ Уммидіи Квадратѣ (консулъ въ 118 году) Pros. 3, 470 № 603: онъ былъ поклонникомъ Плинія Младшаго; о Катиліи Северѣ Pros. 1, 319 № 463: онъ былъ вторично консуломъ въ 120 году, а въ 138 году былъ городскимъ префектомъ: v. Hadr. 24, 6 ср. v. Marci 1, 4.

[3]) Dio 69, 17, 1: καίτοι αἷμα ἐμοῦντα; ср. V. Hadr. 23, 14—16. v. Ael. 3, 7—8.

[4]) V. Hadr. 23, 14: in caducum parietem nos inclinavimus; ср. v. Ael. 3, 7—8; 4, 4: ego mihi divum adoptavi non filium.

[5]) Dio 69, 20, 1: ὑπὸ τοῦ αἵματος πολλοῦ τε καὶ ἀθρόου ἐκπεσόντος. О днѣ смерти v. Ael, 4, 7.

[6]) V. Ant. 4, 5—7: adoptionis lex huiusmodi data est, ut quemadmodum Antonius ab Hadriano adoptabatur, ita sibi ille adoptaret M. Antoninum, fratris uxoris suae filium, et L. Verum, Helii Veri, qui ab Hadriano adoptatus fuerat, filium, qui postea Verus Antoninus est dictus. adoptatus est V kl. Martiis die... factusque est patri et in imperio proconsulari et in tribunicia potestate collega. Ему было дано время на размышленіе ib. 4, 4. Ср. Dio 69, 20—21.

гочестивый (послѣднее знаніе онъ получилъ уже во время своего принципата) принадлежалъ къ старой императорской знати и происходилъ изъ галльскаго города Немауза (Nîmes). Дѣдъ его со стороны отца Титъ Аврелій Фульвъ былъ ординарнымъ консуломъ въ 85 году съ Домиціаномъ и впослѣдствіи добился второго консулата и городской префектуры [1]). Его отецъ былъ также ординарнымъ консуломъ, повидимому въ 89 году [2]). Его дѣдъ со стороны матери Аррій Антонинъ былъ также дважды консуломъ и пользовался большимъ почетомъ въ обществѣ Плинія Младшаго [3]). Самъ Антонинъ родился въ 86 году въ Италіи и былъ такимъ образомъ всего на десять лѣтъ моложе Гадріана: [4]) отбывъ квестуру и претуру, онъ въ 120 году былъ консуломъ [5]), затѣмъ проконсуломъ Азіи [6]) и вернувшись въ Римъ занялъ видное мѣсто среди приближенныхъ Гадріана [7]), который, между прочимъ, назначилъ его однимъ изъ четырехъ консуляровъ, управлявшихъ судебными дѣлами Италіи [8]).

У Марка Аврелія сохранилась чрезвычайно интересная характеристика Артонина. „Смотри, какъ бы ты не злоупотреблялъ властью по цезарски, что-бы ты не потерпѣлъ крушенія; это бываетъ“, обращается Маркъ Аврелій къ самому себѣ. „Продолжай стремиться быть простымъ, добрымъ, чистымъ нравами, серьезнымъ, врагомъ шутокъ, справедливымъ, благочестивымъ, творящимъ добро, человѣческимъ, сильнымъ

[1]) Pros. 1, 206 № 1255. V. Ant. 1, 2.

[2]) Pros. 1, 205 № 1254.

[3]) Pros. 1, 138 № 890. Ср. Plin. ep. 4, 3. 18; 5, 15.

[4]) V. Ant. 1, 8—9.

[5]) V. Ant. 2, 9: fuit quaestor liberalis, praetor splendidus, consul cum Catilio Severo.

[6]) V. Ant. 3, 2: proconsulatum Asiae sic egit, ut solus avum vinceret.

[7]) V. Ant. 3, 8: post proconsulatum in consiliis Hadriani Romae frequens vixit.

[8]) V. Ant. 2, 11: ab Hadriano inter quattuor consulares, quibus Italia committebatur, electus est ad eam partem Italiae regendam, in quā plurimum possidebat...

въ подобающихъ тебѣ дѣлахъ. Старайся остаться тѣмъ, чѣмъ философъ хотѣлъ тебя сдѣлать. Почитай боговъ, оберегай людей. Жизнь коротка: единственный смыслъ земной жизни заключается въ святости жизни и полезной для общества дѣятельности. Поступай во всемъ какъ ученикъ Антонина. Вспомни его способность дѣйствовать всегда согласно разуму, постоянное равновѣсіе его духа, его святость, ясность его чела, его мягкій нравъ, его презрѣніе къ пустой славѣ, его страсть проникать въ дѣла. Вспомни, какъ онъ не пропускалъ ни одного дѣла, не разсмотрѣвъ его сначала хорошо и не изучивъ его основательно, какъ онъ переносилъ несправедливые упреки, не отвѣчая на нихъ упреками же, какъ онъ никогда не торопился, не принималъ доносовъ и строго изучалъ нравы и дѣйствія каждаго, какъ онъ никогда не говорилъ дурного о людяхъ, не былъ ни боязливъ, ни подозрителенъ, ни мелоченъ какъ софистъ. Вспомни сколь немногимъ онъ довольствовался въ обстановкѣ своего дома, въ одеждѣ, ѣдѣ и относительно прислуги. Онъ былъ трудолюбивъ и полонъ высокихъ мыслей... Вспомни его твердость и постоянство въ дружбѣ и какъ онъ допускалъ свободныя возраженія противъ его взглядовъ и радовался, если мнѣніе кого-либо оказывалось болѣе правильнымъ чѣмъ его собственное. Вспомни его благочестіе, свободное отъ всякихъ суевѣрій и стремись къ тому, чтобы твой послѣдній часъ засталъ тебя въ такомъ же состояніи, какъ его“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Маркъ Аврелій еще подробнѣе останавливается на характерѣ Антонина, онъ прибавляетъ къ указаннымъ въ приведенномъ мѣстѣ чертамъ еще одну очень характерную черту: „онъ во всемъ дѣйствовалъ согласно завѣтамъ предковъ“, говорится здѣсь, „но отнюдь не старался подчеркнуть этого“ [2]).

---

[1]) M. Aur. comm. 6, 30: ὅρα, μὴ ἀποκαισαρωθῇς, μὴ βαφῇς· γίνεται γαρ. Ср. ib. 1, 16.

[2]) Ib. 1, 16 (ed. Stich стр. 8, 8—10): πάντα δὲ κατὰ τὰ πάτρια πρήσσων, οὐδ' αὐτὸ τοῦτο ἐπιτηδεύων φαίνεσθαι, τὸ τὰ πάτρια φυλάσσειν.

„Онъ отличался строгими нравами, былъ милостивъ, спокоенъ лицомъ, выдѣлялся исключительнымъ умомъ, блестящимъ краснорѣчіемъ, выдающейся начитанностью, былъ скроменъ въ своихъ потребностяхъ, внимательный хозяинъ, снисходителенъ, щедръ и не корыстолюбивъ и все это въ мѣру и безъ хвастовства. Вообще онъ во всемъ заслуживаетъ похвалу и по заслугамъ сравнивается добрыми людьми съ Нумой Помпиліемъ“, говоритъ, въ свою очередь, его біографъ, Юлій Капитолинъ [1]).

Принципатъ Антонина, какъ уже замѣчено, принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ, а, повидимому, и къ числу наименѣе замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи римской имперіи [2]). Послѣ лихорадочной дѣятельности и многочисленныхъ реформъ Гадріана внезапно наступаетъ полное затишье: мы не узнаемъ ни объ одной серьезной реформѣ, ни объ одномъ новомъ предпріятіи за всѣ 23 года управленія Антонина. Наиболѣе значительная мѣра его принципата заключается въ томъ, что онъ упразднилъ итальянскихъ консуляровъ, т.-е. возстановилъ старое устройство судебной организаціи Италіи [3]).

Подобно Гадріану Антонинъ является исключительно заботливымъ и трудолюбивымъ администраторомъ, но если Гадріанъ схватывалъ основныя административныя потребности имперіи и цѣлымъ рядомъ крупныхъ реформъ реорганизовалъ центральное управленіе, военную и финансовую систему или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ первые шаги къ ихъ реорганизаціи, если онъ такимъ образомъ былъ новаторомъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, то Антонинъ не только ни въ чемъ не проявилъ яснаго пониманія крупныхъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣла

---

[1]) V. Ant. 2, 1—2.

[2]) О немъ Sievers въ Studien zur Geschichte der römischen Kaiser стр. 173—223; Bossart и Müller въ Büdinger, Untersuchungen 2, 290—320;

[3]) Ср. выше стр. 423 пр. 1.

судьба имперіи, но и въ собственно административномъ отношеніи безусловно подчинялся установившимся порядкамъ и не оставилъ послѣ себя никакого индивидуальнаго слѣда въ исторіи государственныхъ учрежденій. Живя почти безвыѣздно въ Римѣ—Маркъ Аврелій между прочимъ хвалитъ и эту неподвижность его, такъ ярко отличавшую его отъ Гадріана, [1])—онъ всецѣло занятъ самымъ мелочнымъ надзоромъ надъ государственнымъ управленіемъ и отношеніями къ сенату. Ни одной свѣжей мысли, ни одного энергичнаго импульса; ихъ мѣсто занимаютъ старчески-педантическое трудолюбіе и стремленіе, никого не обидѣть и всѣхъ удовлетворить. Ренанъ какъ-то замѣчаетъ, что тѣ характеристики близкихъ къ нему людей, которыя содержатся въ первой книгѣ записокъ Марка Аврелія, даютъ намъ возможность „понять сколько честности, достоинства, прямоты и гражданскаго или, если можно будетъ такъ выразиться, даже республиканскаго духа еще сохранилось въ старыхъ римскихъ семействахъ, видѣвшихъ управленіе дурныхъ императоровъ“ [2]). Но въ то же самое время эти записки Марка Аврелія съ ихъ силуэтами Антонина, Севера, учителей и друзей императора и вмѣстѣ съ характеромъ его собственнаго принципата и принципата его отца доказываютъ, что для римскаго общества наступили сумерки. Усталая резиньяція, соединенная съ честнымъ исполненіемъ долга и съ отсутствіемъ настоящей мысли и настоящей энергіи,—вотъ основныя черты этого общества, и порядочныя посредственности вродѣ самого Антонина, вродѣ Фронтона, Авла Геллія, и другихъ—являются его героями.

Именно то обстоятельство, что Антонинъ не подымался надъ уровнемъ честной посредственности, дѣлало его особенно популярнымъ среди современнаго ему общества. Онъ не по-

[1]) M. Aur. comm. 1, 16 (ed. Stich. стр. 8, 10 сл.): ἔτι δὲ τὸ μὴ εὐμετακίνητον καὶ ῥιπταστικὸν, ἀλλὰ καὶ τόποις, καὶ πράγμασι τοῖς αὐτοῖς ἐνδιατριπτικόν.

[2]) Rénan, Marc Aurèle, стр. 5.

ражалъ и не раздражалъ общество своими многообразными способностями, своимъ пытливымъ умомъ, своими насмѣшками, своимъ болѣзненнымъ самолюбіемъ, своимъ вѣчнымъ безпокойствомъ, какъ Гадріанъ. Онъ никогда не забывалъ, что онъ „мужчина, старикъ, государственный человѣкъ, римлянинъ и правитель“ [1]) и что онъ въ силу этого обязанъ вести образъ жизни, достойный предковъ и чтитъ ихъ взгляды: во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ прямой противоположностью Гадріана и настоящимъ представителемъ застывшей въ старыхъ взглядахъ и формахъ жизни римской знати.

Все, что мы знаемъ объ общемъ характерѣ его принципата, доказываетъ, что онъ строго соблюдалъ привилегіи сената. „Онъ низвелъ внѣшній блескъ императорской власти до вполнѣ гражданскихъ размѣровъ, отчего онъ на дѣлѣ еще увеличился“, говоритъ его біографъ [2]). Придворные будто бы были безсильны при немъ [3]), „а сенату онъ въ качествѣ императора удѣлилъ столько чести, сколько онъ въ качествѣ частнаго человѣка самъ желалъ отъ принцепса“ [4]). „Онъ всегда отдавалъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ сенатѣ или черезъ эдикты“ [5]).

Но какъ бы ни было хорошо отношеніе Антонина къ сенату, и какъ бы Антонинъ ни былъ популяренъ среди римскаго общества, все-таки изъ этого ни слѣдуетъ, чтобы сила императорской власти за его время потерпѣла какой либо уронъ. Когда сенатъ пожелалъ осудить память Гадріана, Антонинъ не допустилъ подобнаго оскорбленія имени его отца [6]). Несмотря на все свое отвращеніе къ пустымъ поче-

---

[1]) Ср. M. Aur. comm. 3, 5 и 2, 5.
[2]) V. Ant. 6, 4. ср. 11, 6.
[3]) Ib. ср. 11, 1.
[4]) V. Ant. 6, 5.
[5]) V. Ant. 12, 3.
[6]) V. Hadr. 27. V. Ant. 5, 1. Dio 70, 1, 3: τὸ δέ τί καὶ τοῦς στρατιώτας φοβηθεῖσα (ἡ βουλή).

стямъ, онъ не отказался отъ золотой статуи, которую сенатъ постановилъ ему воздвигнуть: а мы знаемъ, что одно изъ обвиненій противъ Домиціана заключалось въ томъ, что онъ сооружалъ себѣ статуи изъ того же металла, которымъ пользовались и для статуй боговъ [1]). Онъ назначилъ квестора Марка Аврелія консуломъ, не обращая вниманія на законный порядокъ [2]). Если онъ избѣгалъ рѣшать дѣла единолично, то онъ съ другой стороны совѣтовался обыкновенно не со всѣмъ сенатомъ, а со своими „друзьями“ [3]), а если онъ избѣгалъ подвергать сенаторовъ казни за уголовныя преступленія и даже за отцеубійство, то это не помѣшало ему подвергнуть — по рѣшенію сената — казни Атилія Титіана, обвиненнаго въ оскорбленіи величества [4]). При такихъ условіяхъ само собою разумѣется, что онъ не отказался ни отъ одного изъ полномочій принцепса и сохранилъ всю неограниченность императорской власти; стоитъ только обратить вниманіе на тонъ писемъ Фронтона къ нему, если возможно, еще болѣе униженный, чѣмъ тонъ писемъ Плинія къ Траяну, чтобы убѣдиться, что положеніе сената въ сущности нисколько не измѣнилось къ лучшему при Антонинѣ. И при немъ сенатъ также безсиленъ и роль его также ничтожна какъ при Траянѣ и Гадріанѣ: разница, по сравненію съ принципатомъ Гадріана, заключается только въ томъ, что постоянное пребываніе прин-

---

[1]) V. Ant. 6, 8: statuam auream delatam a senatu positam suscepit.

[2]) V. Ant. 6, 9: petente senatu. Ср. 10, 3.

[3]) V. Ant. 6, 11: neque de provinciis neque de ullis actibus quicquam constituit, nisi quod prius ad amicos rettulit, atque ex eorum sententia formas conposuit. Ср. 11, 1: amicis suis in imperio suo non aliter usus est quam privatus.

[4]) V. Ant. 7, 3: publicatio bonorum rarior quam umquam fuit, ita ut unus tantum proscriberetur adfectatae tyrannidis reus, hoc est Atilius Titianus, senatu puniente, a quo conscios requiri vetuit, filio eius ad omnia semper adiuto. perit et Priscianus reus adfectatae tyrannidis, sed morte voluntaria. de qua coniuratione quaeri vetuit. Ср. ib, 8, 10: usque adeo sub eo nullus percussus est senator...

цепса въ Римѣ дѣлаетъ сотрудничество его съ сенатомъ болѣе постояннымъ, хотя оно и сохраняетъ чисто формальный характеръ, а личная умѣренность и мягкость Антонина облегчаетъ сенаторамъ сношенія съ властью. Считать Антонина „сенатскимъ императоромъ“ въ томъ смыслѣ, что Антонинъ смотрѣлъ на себя какъ на исполнительный органъ сената, мы не имѣемъ никакого основанія.

§ 4.

Маркъ Аврелій.

Императоръ Цезарь Маркъ Аврелій Антонинъ Августъ принадлежитъ къ числу самыхъ симпатичныхъ и самыхъ несчастныхъ людей античнаго міра [1]). Облеченный неограниченной властью, полный самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ взглядовъ на жизнь и самыхъ лучшихъ стремленій для ихъ осуществленія, безусловно безкорыстный искатель истины и общественной пользы, онъ повсюду, въ семьѣ, при своемъ дворѣ, въ обществѣ, во внутреннемъ и внѣшнемъ управленіи наталкивается на такое непониманіе и на такія препятствія, съ которыми онъ можетъ бороться, но для устраненія которыхъ у него самого не хватитъ ни безпощадной энергіи, ни геніальности. Отъ Антонина онъ получилъ въ наслѣдство не только нравственный примѣръ жизни, посвященной исполненію нѣсколько мелко понятаго долга, но и государство, потрясенное въ своихъ основахъ прилежной, но недальновидной и лишенной энергіи административной рутиной [2]). Рядъ возстаній въ

[1]) См. о немъ Rénan, Marc Aurèle et la fin du monde antique.

[2]) Schiller, Gesch. 1, 633 и 634. Duruy, Hist. 4, 432: En trouvant après lui les légions sans discipline, les frontières sans sécurité, les Parthes redevenus audacieux, les Barbares franchissant à la fois le Rhin, le Danube, les Alpes, et arrivant jusqu'à Aquilée sur la route de Rome, jusqu' à Elatée au coeur de la Grèce, on a le droit de penser qu'Antonin avait été trop

провинціяхъ [1]), напримѣръ, въ Ахайѣ и Египтѣ [2]), доказывалъ, что положеніе населенія, несмотря на отсутствіе императорскаго террора, продолжаетъ ухудшаться, а послѣ смерти Антонина мы снова узнаемъ о подобнаго рода вспышкахъ въ Галліи и Испаніи [3]), а въ связи съ возстаніемъ Авидія Кассія на востокѣ, въ Сиріи и Египтѣ [4]). Ни одно изъ этихъ движеній, правда, не пріобрѣло особенно крупныхъ размѣровъ, но вмѣстѣ со страшнымъ распространеніемъ занесенной съ востока чумы, они служатъ свидѣтельствомъ того внутренняго упадка, который скрывался за торжественными фразами оффиціальныхъ надписей и восторженными отзывами писателей и которому было суждено проявиться послѣ безумнаго владычества Коммода и привести государство до края гибели, когда во главѣ имперіи не стояла больше желѣзная воля Септимія Севера. Въ то же самое время, когда внутреннее состояніе имперіи ухудшается, внѣшніе враги начинаютъ свои безпрестанные набѣги на ея границы: уже при Антонинѣ мы узнаемъ о затрудненіяхъ на парѳянской границѣ и объ учащеніи столкновеній съ варварами, особенно съ германцами и сарматами [5]). Принципатъ Марка Аврелія начинается съ вторженія парѳянъ,

---

amoureux de son repos, trop appliqué, pour complaire au sénat, à tenir une conduite différente de celle qu'avait eue son prédécesseur.

[1]) V. Ant. 12, 2: seditiones ubicumque factas non crudelitate sed modestia et gravitate compressit.

[2]) V. Ant. 5, 5: in Achaia etiam atque Aegypto rebelliones repressit.

[3]) V. Marci 22, 10—11: res etiam in Sequanis turbatas censura et auctoritate reppressit. conpositae res et in Hispania, quae per Lusitaniam turbatae erant.

[4]) V. Marci 25, 8—10; 26, 3; v. Av. Cass. 7, 4. 8.

[5]) V. Ant. 5, 4: per legatos suos plurima bella gessit: nam et Britannos... vicit... et Mauros ad pacem postulandam coegit, et Germanos et Dacos et multas gentes atque Iudaeos rebellantes contudit... ib. 5, 5: Alanos molientis saepe refrenavit. 9, 9: Olbiopolitis contra Tauroscythas in Pontum auxilia misit... Костобоки подверглн грабежамъ весь балканскій полуостровъ и дошлы до Элатеи въ Греціи: Paus. 10, 34, 2. Ср. объ этомъ и о парѳянскихъ дѣлахъ Schiller, Gesch. 1, 631—633.

и послѣ его счастливаго отраженія [1]) весь наполненъ крайне опасной и продолжительной войной съ маркоманнами, квадами и ихъ союзниками [2]), представляющей первый симптомъ возрождающагося наступленія сѣверныхъ варваровъ на имперію. Уже въ первые годы Марка Аврелія эти войны истощили всю огромную казну, собранную Антониномъ [3]), и ихъ продолженіе должно было привести къ возрастанію налоговъ, падавшихъ на истощенное и безъ того населеніе.

При такихъ условіяхъ римская имперія очевидно нуждалась въ коренныхъ реформахъ, а ожидать подобнаго рода реформы можно было только отъ человѣка съ геніальными способностями и несокрушимой энергіей. Остановить начинавшійся упадокъ можно было только при ясномъ пониманіи экономическаго, соціальнаго и политическаго зла, подтачивавшаго существованіе государства, и прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ: но для этого прежде всего была необходима вѣра въ себя и въ возможность добиться крупными мѣрами крупныхъ результатовъ. У Марка Аврелія не было ни того, ни другого: человѣкъ долга и самоотреченія по преимуществу, царственный философъ не только не смотрѣлъ на всѣ вопросы жизни исключительно съ этической точки зрѣнія и не сознавалъ огромнаго значенія, которое имѣютъ учрежденія и весь строй экономической и соціальной жизни для народнаго развитія, но и не вѣрилъ въ высшую цѣлесообразность не только своей дѣятельности, но общественной дѣятельности вообще. Въ тече-

---

[1]) V. Marci 8, 6. 9. 12; 9, 1—2; v. Veri 7, 1—2; 8, 2—4. Dio 71, 2.

[2]) Кромѣ войны съ маркоманнами источники отмѣчаютъ затрудненія и войны въ Британніи и на Рейнѣ v. Marci 8, 7—8, съ буколами въ Египтѣ Dio 70, 4, 1—2.

[3]) Dio, 73, 8, 3: 2.700.000.000 сестерціевъ. Ср. v. Marci 17, 4: cum autem adhoc bellum omne aerarium exhausisset suum neque in animum induceret, ut extra ordinem provincialibus aliquid imperaret, ...auctionem ornamentorum imperialium fecit... Это очевидно чрезвычайная мѣра, которой предполагалось устранить особенно острое безденежье даннаго момента, но безъ увеличенія налоговъ правительство едва ли могло обойтись.

ніе всего своего принципата онъ довольствуется частичными мѣрами и палліативными средствами, примѣненіе которыхъ требуетъ данный моментъ: и нигдѣ не замѣтно широкое пониманіе государственныхъ задачъ, а тѣмъ болѣе нѣтъ и помина о попыткѣ къ разрѣшенію слишкомъ сложныхъ для этого общества вопросовъ.

Принципатъ Марка Аврелія лучше всего доказываетъ, какъ слаба была политическая мысль древняго міра вообще, общества эпохи имперіи въ частности, и къ какимъ плачевнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи привелъ односторонній интересъ къ вопросамъ индивидуальной этики, давно преобладавшій среди лучшихъ представителей греческой, а затѣмъ и римской мысли. Не безъ основанія Ренанъ усматриваетъ въ трагической безполезности этого принципата признакъ крушенія философскихъ и практическихъ идеаловъ античнаго міра. Маркъ Аврелій является представителемъ выработанныхъ въ теченіе многихъ вѣковъ идей греческой, преимущественно стоической, философіи и если онъ въ своихъ запискахъ признаетъ полную невозможность осуществить хотя бы отчасти философскій идеалъ, то въ этомъ признаніи содержится и осужденіе этого идеала и осужденіе его собственной дѣятельности.

Маркъ Анній Веръ, подобно Антонину, происходилъ изъ старой императорской знати; уже его прадѣдъ былъ преторомъ, его дѣдъ былъ трижды консуломъ (въ третій разъ въ 126 году), его отецъ рано умеръ, достигнувъ претуры. Со стороны матери онъ происходилъ отъ Катилія Севера, бывшаго дважды консуломъ и состоялъ въ родствѣ съ Антониномъ [1]). Самъ Гадріанъ рано обратилъ вниманіе на необычайно чистаго правдиваго ребенка и уже восьми лѣтъ сдѣлалъ его членомъ одной изъ древнѣйшихъ жреческихъ коллегій [2]). Послѣ смерти отца, онъ былъ усыновленъ своимъ дѣдомъ со стороны отца,

---

[1]) V. Marci 1, 1—4. Онъ родился 26 апрѣля 121 года.

[2]) V. Marci 1, 10: post excessum vero patris (ок. 130 года) ab Hadriano Verissimus vocatus est; ib. 4, 1: educatus est in Hadriani gremio, qui illum

М. Аннiемъ Веромъ, и воспитывался въ его домѣ. „Серiозный съ ранняго дѣтства“ [1]), онъ скоро пересталъ увлекаться дѣтскими играми и развлеченiями [2]), и уже одиннадцати лѣтъ проявилъ свою наклонность къ практической философiи эпохи съ ея презрѣнiемъ къ внѣшнимъ благамъ жизни [3]). Само собою разумѣется, что онъ получилъ самое тщательное грамматически-риторическое образованiе въ духѣ эпохи и по собственнымъ словамъ увлекался декламацiями и диспутами на тѣ удивительно безжизненныя и искусственныя темы, которыя систематически отучали юношество отъ трезвой мысли и яснаго пониманiя жизни, чему въ данномъ случаѣ еще содѣйствовало то обстоятельство, что онъ воспитывался, вопреки совѣтамъ Квинтилiана, дома [4]). Какъ всегда, философiя завершала циклъ образованiя, и, въ виду господства стоицизма въ рим-

---

ut supra diximus, Verissimum nominabat et qui ei honorem equi publici sexenni detulit, octavo aetatis anno in saliorum collegium rettulit. Dio 69, 21, 2: προετίμησε δὲ τὸν Οὐῆρον διά τε τὴν συγγένειαν αὐτοῦ καὶ διὰ τὴν ἡλικίαν, καὶ ὅτι φύσιν ψυχῆς ἐρρωμενεστάτην ἤδη ὑπέφαινεν. ἀφ' οὗ καὶ Οὐηρίσσιμον αὐτόν, πρὸς τὴν τοῦ Ῥωμαικοῦ ῥήματος ἔννοιαν κομψευόμενος, ἀπεκάλει. Ср. надпись на монетѣ Verissimus Caesar: Eckhel 7 стр. 69 и Iust. Mart. Apol. 1, 1.

[1]) V. Marci 2, 1: fuit a prima infantia gravis.

[2]) V. Marci 4, 9: amavit pugillatum, luctamina et cursum et aucupatus et pila lusit adprime et venatus est. sed ab omnibus his intentionibus studium eum philosophiae abduxit seriumque et gravem reddidit.

[3]) V. Marci 2, 6: philosophiae operam vehementer dedit et quidem adhuc puer. nam duodecimum annum ingressus habitum philosophi sumpsit et deinceps tolerantiam, cum studeret in pallio et humi cubaret, vix autem matre agente instrato pellibus lectulo accubaret.

[4]) V. Marci 2, 1: at ubi egressus est annos, qui nutricum foventur auxilio, magnis praeceptoribus traditus ad philosophiae scita pervenit. usus est magistris ad prima elementa Euforione litteratore et Gemino comoedo, musico Androne eodemque geometra... usus praeterea grammaticis Graeco Alexandro Cotiaensi, Latinis Trosio Apro et Polione et Eutychio Proculo Siccensi. oratoribus usus est graecis Aninio Macro, Caninio Celere et Herode Attico, Latino Frontone Cornelio. Ср. Marci comm. 1, 4 (ed. Stich. 1, 10—13): παρὰ τοῦ προπάππου, τὸ μὴ εἰς δημόσιας διατριβὰς φοιτῆσαι· καὶ τὸ ἀγαθοῖς διδασκάλοις κατ' οἶκον χρήσασθαι, καὶ τὸ γνῶναι, ὅτι εἰς τὰ τοιαῦτα δεῖ ἐκτενῶς ἀναλίσκειν. Блестящую характеристику учебной системы этого времени и ея вліянія на молодежь даетъ G. Boissier, la fin du paganisme т. I.

скомъ обществѣ, Маркъ Аврелій слушалъ стоиковъ Аполлонія Халкидонскаго, внука Плутарха, Секста Херонейскаго, Юнія Рустика, Клавдія Максима и Цинна Катулу, а также и перипатетика Клавдія Севера и другихъ [1]). Большинству изъ нихъ, а также Корнелію Фронтону и Діогниту, изъ коихъ первый обучалъ его латинской риторикѣ, а второй живописи, онъ воздвигнулъ памятники въ своихъ запискахъ [2]).

Наибольшее вліяніе изъ всѣхъ этихъ лицъ имѣлъ на него Юній Рустикъ, „самый выдающійся знатокъ стоической дисциплины“ [3]). Въ своихъ запискахъ Маркъ Аврелій отмѣчаетъ, что онъ обязанъ ему сознаніемъ необходимости исправить свои нравы и работать надъ ихъ усовершенствованіемъ и онъ же его убѣдилъ, что не слѣдуетъ увлекаться софистикой, ни писать объ отвлеченныхъ вопросахъ, не слѣдуетъ декламировать поучительныхъ и пустыхъ рѣчей или хвастаться своей воздержностью и добродѣтелью, что, наоборотъ, слѣдуетъ отказаться отъ риторики и стихотворства и красиваго слога. Онъ же, наконецъ, первый досталъ Марку Аврелію изложеніе рѣчей Эпиктета [4]). Всѣ эти совѣты ясно указываютъ на то, что Рустикъ, занимавшій выдающееся положеніе въ римскомъ обществѣ — онъ былъ дважды консуломъ,—былъ безусловнымъ сторонникомъ того практически-этическаго направленія въ философіи, однимъ

---

[1]) V. Marci 2, 7—3, 3. Ср. 3, 6: studuit et iuri audiens Lucium Volusium Maecianum.

[2]) О Діогнитѣ M. Aur. comm. 1, 6 (ed. Stich. стр. 2, 3—12): καὶ τὸ ἀνέχεσθαι παρρησίας; о Рустикѣ ib. 1, 7 (Stich. стр. 2, 13—3, 5); объ Аполлоніи ib. 1, 8 (Stich. стр. 3, 6—18); о Секстѣ ib. 1, 9 (Stich. стр. 3, 19—4, 9); о Фронтонѣ ib. 1, 11 (Stich. стр. 4, 17—20); о Катулѣ ib. 1, 13 (Stich. стр. 5, 1—6) и т. д.

[3]) V. Marci 3, 3: et praecipue Iunium Rusticum, quem et reveritus est et sectatus, qui domi militiaeque pollebat, stoicae disciplinae peritissimum. Юній Рустикъ былъ добавочнымъ консуломъ въ 133 году (C. I. L. 6, 858), а въ 162 году непосредственно послѣ воцаренія M. Аврелія получилъ второй (ординарный) консулатъ и былъ назначенъ городскимъ префектомъ; см. Pros. 2, 243 № 535.

[4]) M. Aur. comm. 1, 7.

изъ самыхъ видныхъ представителей котораго былъ современникъ Траяна и Гадріана, Эпиктетъ. На ряду съ пустозвонствомъ риторики и софистики, онъ отвергаетъ и изслѣдованіе „отвлеченныхъ вопросовъ", т.-е. всякую попытку разобраться въ тайнахъ мірозданія, и усматриваетъ центръ тяжести философіи въ проповѣди и осуществленіи нравственнаго возрожденія отдѣльной личности [1]). Все содержаніе записокъ его ученика доказываетъ, что ему вполнѣ удалось убѣдить Марка Аврелія въ правильности этой идеи.

Цѣль нашей работы не позволяетъ намъ остановиться на крайне любопытномъ и важномъ вопросѣ, чѣмъ объясняется такая односторонность въ пониманіи философіи и ея задачъ. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что въ ней выражается горькое сознаніе неспособности понять окружающія явленія въ ихъ совокупности и выяснить какъ зависимость отдѣльной личности отъ окружающихъ условій, такъ и степень и средства ея вліянія на послѣднія. Разъ смыслъ жизни сводится къ нравственному самосовершенствованію, отдѣльная человѣческая личность рано или поздно должна потерять связь съ умственной и нравственной жизнью себѣ подобныхъ и не можетъ не дойти въ своемъ самоуглубленіи до того полнаго одиночества, которое, какъ доказываетъ каждая строка его записокъ, въ концѣ концовъ наложила свою тяжелую печать на жизнь вѣрнаго ученика Рустика.

Нравственный идеалъ стоицизма, особенно стоицизма этой эпохи, имѣетъ въ сущности аскетическій характеръ и записки Марка Аврелія полны разсужденій о тщетѣ всего земного, о тщетѣ смерти и посмертной славы [2]) и о добродѣтели, какъ

[1]) M. Aur. comm. 1, 17 (Stich. стр. 9 сл.): παρὰ τῶν θεῶν... τὸ μὴ ἐπὶ πλέον με προκόψαι ἐν ῥητορικῇ, καὶ ποιητικῇ, καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπιτηδεύμασιν... ὅπως τε ἐπεθύμησα φιλοσοφίας, μὴ ἐμπεσεῖν εἴς τινα σοφιστὴν, μηδὲ ἀποκαθίσαι ἐπὶ τοὺς συγγραφεῖς, ἢ συλλογισμοὺς ἀναλύειν, ἢ περὶ τὰ μετεωρολογικὰ καταγίνεσθαι...

[2]) Ср. M. Aur. comm. 4, 19 (Stich стр. 36, 4—14); 4, 32 (Stich 40, 14—41, 10) 4, 33 (Stich 41, 11—25), 4, 35 (Stich 42, 3—4) и т. д.

объ исключительномъ благѣ. А добродѣтель въ его глазахъ заключается преимущественно въ самоотреченіи и воздержаніи, въ умерщвленіи не только всѣхъ дурныхъ или пошлыхъ инстинктовъ, но инстинктовъ вообще [1]), въ безусловномъ господствѣ духа надъ плотью. Подобная философія не дѣлаетъ людей способными понимать чувства, надежды и интересы другихъ людей и едва ли могла сослужить хорошую службу неограниченному правителю огромной имперіи, принужденному именно въ силу своего державнаго положенія считаться съ тѣми естественными душевными движеніями и повседневными интересами населенія, которые онъ самъ систематически искоренялъ въ себѣ.

Стоическая философія не дала Марку Аврелію ни сознательнаго общаго міросозерцанія, ни настоящаго интереса къ крупнымъ практическимъ вопросамъ государственной жизни. Она дала и могла дать только высокій идеалъ личной нравственности, одной изъ существенныхъ сторонъ которой является и съ ея точки зрѣнія сознаніе и исполненіе долга по отношенію къ обществу, и это сознаніе играло большую роль въ жизни императора.

Онъ отнюдь не увлекается своимъ положеніемъ: его внѣшній блескъ полонъ тщеты [2]), слава императора не болѣе долговѣчна, чѣмъ слава другихъ людей — вѣдь и Августъ и Гадріанъ уже забыты [3]),—побѣдоносныя войны мало чѣмъ отличаются отъ крупнаго разбоя [4]), придворная жизнь его тяготитъ [5]), а внутренняя дѣятельность безплодна.

Жизнь представляется ему однообразнымъ круговоротомъ

---

[1]) M. Aur. comm. 6, 13 (Stich 65, 17—19): καὶ ἐπὶ τῶν κατὰ τὴν συνουσίαν, ἐντερίου παράτριψις καὶ μετὰ τινὸς σπασμοῦ μυξαρίου ἔκκρισις.

[2]) M. Aur. comm. 6, 13 (Stich 65, 15—17): καὶ ἡ περιπόρφυρος, τριχία προβατίου, αἱματίῳ κόγχης δεδευμένα; 4, 3 (Stich 31).

[3]) M. Aur. comm. 4, 33 (Stich 41).

[4]) M. Aur. comm. 10, 10 (Stich 133): ἀράχνιον μυῖαν θηράσαν μέγα φρονεῖ, ἄλλος δὲ λαγίδιον, ἄλλος δὲ ὑποχῇ ἀφύην, ἄλλος δὲ συΐδια, ἄλλος δὲ ἄρκτους, ἄλλος Σαρμάτας. Οὗτοι γὰρ οὐ λῃσταί, ἐὰν τὰ δόγματα ἐξετάζῃς;

[5]) M. Aur. comm. 6, 12 (Stich 65); ср. 5, 16 (Stich 56): οἷον, ὅτι ὅπου ζῆν ἐστιν, ἐκεῖ καὶ εὖ ζῆν· ἐν αὐλῇ δε ζῆν ἐστιν· ἔστιν ἄρα καὶ εὖ ζῆν ἐν αὐλῇ.

однихъ и тѣхъ же явленій, въ безпрестанную смѣну которыхъ никакая власть не можетъ внести разнообразія. Всякая попытка въ этомъ направленіи должна быть признана безплодной.

„Прослѣди для примѣра времена Веспасіана и ты увидишь все то же самое, что и теперь. Ты увидишь людей, вступающихъ въ бракъ и воспитывающихъ своихъ дѣтей, болѣющихъ и умирающихъ, ведущихъ войны и празднующихъ праздники, купцовъ и земледѣльцевъ, льстецовъ и гордецовъ, людей полныхъ подозрѣній и готовящихъ гибель другимъ, желающихъ умереть и недовольныхъ тѣмъ, что есть, предающихся страсти, собирающихъ сокровища, стремящихся къ званію консула или къ власти царя. Жизнь всѣхъ ихъ прошла безъ слѣда. Перейди къ временамъ Траяна: и тамъ ты увидишь все то же самое. И та жизнь кончилась. Разсмотри такъ же памятники всѣхъ другихъ временъ и цѣлыхъ народовъ и замѣть, сколько людей мучились въ своей жизни и скоро умерли и разложились на свои составныя части“ [1]). „Помни всегда, что все, что теперь происходитъ, происходило и прежде и всегда будетъ происходить и вспомни всѣ драмы и всѣ сцены этого рода, которыя ты знаешь по собственному опыту или изъ исторіи, вспомни напримѣръ весь дворъ Гадріана и весь дворъ Антонина и весь дворъ Филиппа и Александра и Креза. Повсюду все было то же самое, только дѣйствующія лица были другія“ [2]). Люди внушаютъ ему бо̀льшей частью глубокое недовѣріе и характеристика, которую онъ даетъ имъ, отличается необыкновенной строгостью. „Бываютъ люди съ мрачнымъ характеромъ, бываютъ и распущенные; другіе бываютъ суровы, жестоки, грубы; еще другіе — пошлые болтуны, трусы, лицемѣры, шуты, обманщики и тираны“ [3]).

---

[1]) M. Aur. comm. 4, 32 (Stich 40).

[2]) Ib. 10, 27.

[3]) Ib. 4, 28: μέλαν ἦθος, θῆλυ ἦθος, περισκελὲς ἦθος, θηριῶδες, παιδαριῶδες, βοσκηματῶδες, βλακικόν, κίβδηλον, βωμολόχον, καπηλικόν, τυραννικόν.

Они слишкомъ ничтожны и онъ слишкомъ понимаетъ источникъ ихъ недостатковъ, чтобы они могли его оскорбить или остановить его. „Говори себѣ утромъ: я буду имѣть дѣло съ людьми безпокойными, неблагодарными, наглыми, невѣрными, завистливыми и лишенными общественныхъ инстинктовъ. Всѣ эти ихъ черты являются результатомъ того, что они не знаютъ добра и зла“ [1]).

Но если это такъ, то нечего ждать успѣха даже отъ самой просвѣщенной дѣятельности. „Первопричина подобна горному потоку: она все увлекаетъ за собой. Какъ ничтожны эти политическія разсужденія и надежда, будто можно заставить людей подчиниться предписаніямъ философіи. Все это лишь игра дѣтей. О человѣкъ, что ты дѣлаешь? Дѣлай то, что нынѣ требуетъ природа вещей. Пытайся дѣлать добро, если это возможно, и не обращай вниманія, пойметъ ли его кто-нибудь. *Не мечтай о платоновской политіи* (*т.-е. объ идеальномъ государствѣ вообще*); будь доволенъ, если тебѣ удастся хотя что-нибудь, и смотри даже на такой успѣхъ какъ на немалую вещь. Можетъ ли кто измѣнить ихъ взгляды (т.-е. взгляды народа)? Но если ихъ взгляды не измѣняются, то чего же можно достигнуть кромѣ рабской покорности стонущихъ подъ насиліемъ и лицемѣрнаго повиновенія? Пускай мнѣ приводятъ въ примѣръ Александра и Филиппа и разсказываютъ про Димитрія Фалерскаго. Нужно было бы посмотрѣть, знали ли они, что требуетъ общая природа людей, и работали ли они надъ своимъ самосовершенствованіемъ? Если они только разыгрывали героевъ, никто меня не заставитъ подражать имъ. Философія учитъ простотѣ и скромности; не старайся побудить меня разыгрывать величественную, но пустую игру“ [2]).

---

[1]) Ib. 2, 1.

[2]) M. Aur. comm, 9, 29. Ср. ib. 5, 28: οὔτε τραγῳδός, οὔτε πόρνη.

Природа людей слишкомъ испорчена; они слишкомъ далеки отъ естественной жизни, какъ ее понимаетъ философія. А разъ это такъ, то нечего думать о широкихъ задачахъ. Нужно довольствоваться мелкимъ, повседневнымъ дѣломъ; нужно по возможности залечивать раны, не заботясь о той болѣзни, которая ихъ вызываетъ. Эта болѣзнь слишкомъ глубока и самъ больной ея не понимаетъ и не желаетъ отъ нея излечиться. А принудить его къ леченію нѣтъ возможности: это значило бы установить самый жестокій деспотизмъ. „Люди существуютъ другъ для друга: либо поучай ихъ тому, какъ они должны быть, либо переноси ихъ, какъ они есть“, замѣчаетъ Маркъ Аврелій въ другомъ мѣстѣ и самъ онъ, какъ видно, довольствовался послѣднимъ [1]). Да и въ самомъ дѣлѣ, если усматривать причину всего зла въ нравственной испорченности человѣчества, то нужно быть очень наивнымъ, чтобы мечтать о быстромъ перерожденіи людей, и очень жестокимъ, чтобы понуждать ихъ къ этому мѣрами строгости. „Какъ смѣшенъ и пустъ тотъ, кто удивляется чему либо, что происходитъ въ жизни“. „Стремиться къ невозможному есть сумасшествіе; а добиться того, чтобы дурные люди не дѣлали чего-нибудь соотвѣтствующаго ихъ природѣ, невозможно“ [2]).

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было удалиться отъ жизни. Давно извѣстно, что человѣкъ созданъ для общежитія [3]) и, поскольку это позволяютъ его собственныя силы и внѣшнія условія, онъ долженъ стремиться подчинить свои собственные интересы общимъ и дѣлать добро не обращая

---

[1]) Ib. 8, 59 (Stich 112, 8—9): οἱ ἄνθρωποι γεγόνασιν ἀλλήλων ἕνεκεν. Ἢ δίδασκε οὖν, ἢ φέρε.

[2]) Ib. 12, 13 (Stich 160, 20—21): πῶς γελοῖος καὶ ξένος, ὁ θαυμάζων ὁτιοῦν τῶν ἐν βίῳ γενομένων! Ср. ib. 5, 17: τὸ τὰ ἀδύνατα διώκειν, μανικόν· ἀδύνατον δέ, τὸ τοὺς φαύλους μὴ τοιαῦτά τινα ποιεῖν.

[3]) Ср. напр. 5, 16 (Stich 57, 4—5): ὅτι γὰρ πρὸς κοινωνίαν γεγόναμεν, πάλιν δέδεικται. Ib, 5, 6 (Stich 50, 14—16): ἴδιον γὰρ (φησὶ) τοῦ κοινωνικοῦ, τὸ αἰσθάνεσθαι, ὅτι κοινωνικῶς ἐνεργεῖ, καὶ νὴ Δία βούλεσθαι καὶ τὸ κοινωνὸν αἰσθέσθαι.

вниманія на толки людей [1]). Маркъ Аврелій глубоко благодаренъ своему учителю Фронтону за то, что онъ ему показалъ настоящую сущность деспотизма, его пустоту, внѣшній характеръ его блеска и окружающее его лицемѣріе [2]), а своему двоюродному брату Северу за то, что онъ его познакомилъ съ личностями Θразея, Гельвидія, Катона, Діона сиракузскаго и Брута: ему онъ обязанъ тѣмъ, что онъ оцѣнилъ *мысль о свободномъ государствѣ, гдѣ господствуетъ равенство и свобода рѣчи, и о царской власти, уважающей больше всего свободу подданныхъ* [3]).

Какъ бы велико ни было уваженіе Марка Аврелія къ свободѣ, *онъ очевидно отожествляетъ власть принцепса съ царской властью*. Онъ знаетъ, что онъ созданъ помогать другимъ людямъ не только потому, что онъ человѣкъ, но и потому что онъ правитъ ими какъ баранъ правитъ своимъ стадомъ, а волъ своимъ [4]). Это сравненіе намъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, но имъ тогда широко пользовались для характеристики патріархальныхъ отношеній идеальнаго царя къ подданнымъ. Уже Гомеръ сравнивалъ Агамемнона съ воломъ, управляющимъ стадомъ, и Діонъ Хрисостомъ такъ поясняетъ смыслъ этого сравненія: „это онъ (т.-е. Гомеръ) сказалъ не спроста, какъ мнѣ кажется, и не только потому, что желалъ похвалить и показать его силу. Если бы онъ имѣлъ въ виду только это, онъ могъ бы его сравнить со львомъ и

---

[1]) Ib. 7, 36 (Stich 87, 20—21): Ἀντισθενικόν. „Βασιλικόν, εὖ μὲν πράττειν, κακῶς δὲ ἀκούειν.

[2]) Ib. I, 11 (Stich 4, 17 сл.): παρὰ Φρόντωνος, τὸ ἐπιστῆσαι, οἵα ἡ τυραννικὴ βασκανία καὶ ποικιλία καὶ ὑπόκρισις...

[3]) Ib. 1, 14 (Stich, 5, 8—13): παρὰ τοῦ ἀδελφοῦ μου Σεουήρου... τὸ δι' αὐτοῦ γνῶναι Θρασέαν, Ἑλβίδιον, Κάτωνα, Δίωνα, Βροῦτον, καὶ φαντασίαν λαβεῖν πολιτείας ἰσονόμου, κατ' ἰσότητα καὶ ἰσηγορίαν διοικουμένης, καὶ βασιλείας τιμώσης πάντων μάλιστα τὴν ἐλευθερίαν τῶν ἀρχομένων.

[4]) M. Aur. comm. 11, 18: καὶ πρῶτον, τίς ἡ πρὸς ἀνθρώπους μοι σχέσις· καὶ ὅτι ἀλλήλων ἕνεκεν γεγόναμεν· καὶ καθ' ἕτερον λόγον, προστησόμενος αὐτῶν γέγονα, ὡς κριὸς ποίμνης, ἢ ταῦρος ἀγέλης.

это сравненіе могло бы показаться красивымъ. Но онъ выразился такъ, чтобы указать на человѣчность его природы и заботливость о подданныхъ. Волъ не только принадлежитъ къ благороднымъ животнымъ, но не пользуется своей силой только ради себя, подобно льву и кабану и орламъ, преслѣдующимъ остальныя животныя и пріобрѣтающимъ силу отъ того, что они питаются ими. Ихъ скорѣе можно было бы назвать примѣрами тираніи, а не царской власти. Волъ же, какъ мнѣ кажется, вполнѣ правильно признается символомъ царской власти и царя... Онъ царствуетъ и управляетъ себѣ подобными съ благожелательностью и, если можно такъ выразиться, съ заботливымъ вниманіемъ“ [1]).

Сознаніе свой отвѣтственности никогда не покидаетъ Марка Аврелія. Каждое дѣло онъ считаетъ необходимымъ разрѣшить по совѣсти, т.-е. согласно своему внутреннему убѣжденію и онъ такъ высоко цѣнитъ свободу своихъ мнѣній, что нѣсколько разъ считаетъ нужнымъ напоминать самому себѣ, что нѣтъ ничего дурного въ томъ, если онъ измѣнитъ свой первоначальный взглядъ подъ вліяніемъ представленныхъ ему друзьями соображеній: вѣдь и тогда онъ подчинится не чужимъ взглядамъ, а такимъ доводамъ, которые ему самому показались убѣдительными. А слѣдовательно онъ будетъ въ состояніи взять на себя и отвѣтственность за сдѣланный изъ нихъ выводъ [2]). Но если всякое рѣшеніе его должно быть его собственнымъ рѣшеніемъ, то одно это достаточно ясно доказываетъ, какъ мало значенія имѣютъ для него взгляды его друзей и сената сами по себѣ: только то обязательно для

---

[1]) Dio or. 2 (ed. Dind. т. I стр. 35).

[2]) M. Aur. comm. 8, 16 (Stich 100, 10—13): μέμνησο, ὅτι καὶ τὸ μετατίθεσθαι καὶ ἕπεσθαι τῷ διορθοῦντι ὁμοίως ἐλεύθερόν ἐστι. σὴ γὰρ ἐνέργεια κατὰ τὴν σὴν ὁρμὴν καὶ κρίσιν, καὶ δὴ καὶ κατὰ νοῦν τὸν σὸν περαινομένη. Ср. ib. 7, 7 (Stich 81, 14—17). Ср. съ этимъ v. Marci 22, 4: denique sententia illius praecipua semper haec fuit: „aequius est, ut ego tot talium amicorum consilium sequar, quam ut tot tales amici meam unius voluntatem sequantur“.

него, что онъ самъ признаетъ правильнымъ. Мнѣніе окружающихъ и самого сената не ограничиваетъ ни его свободы, ни его отвѣтственности. Онъ выслушиваетъ его, но онъ выслушиваетъ его какъ царь, не связанный ничѣмъ кромѣ собственнаго сознанія своего общественнаго долга.

Въ основѣ всей его дѣятельности лежитъ это сознаніе общественнаго долга. „Подобно тому, какъ ты (по своему положенію) завершаешь политическую систему“, обращается онъ къ самому себѣ, „такъ и каждое твое дѣяніе должно содѣйствовать совершенству политической жизни. Каждое твое дѣяніе, которое не будетъ имѣть непосредственной или косвенной цѣлью общественный интересъ, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на жизнь, устраняетъ ея цѣльность и имѣетъ такой же антигосударственный (точнѣе мятежный характеръ) какъ въ демократическомъ государствѣ образованіе партіи, уничтожающее общественную гармонію“ [1]). Онъ сознаетъ, что то, что вредно для всего улья, вредно и для пчелъ [2]), и наоборотъ, что то, что полезно для государства, полезно и для отдѣльнаго гражданина: „вспоминай это правило каждый разъ, когда тебѣ покажется, что ты въ чемъ-нибудь обиженъ. Если государство отъ этого не страдаетъ, то не страдаю и я; если же государство страдаетъ, то и тогда не слѣдуетъ сердиться на виновнаго. Какая польза отъ этого?“ [3]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько это послѣднее заключеніе правильно, и принимая во вниманіе общее отношеніе Марка Аврелія къ вопросамъ государственной жизни, нельзя не признать, что его взглядъ на императорскую власть

---

[1]) M. Aur. comm. 9, 23 (Stich 119, 18—25): ὥσπερ ἐν δήμῳ ὁ τὸ καθ' αὑτὸν μέρος διϊστάμενος ἀπὸ τῆς τοιαύτης συμφονίας. Терминъ δῆμος очень часто означаетъ не народъ, а народовластіе.

[2]) Ib. 6, 54 (Stich 78, 22): τὸ τῷ σμήνει μὴ συμφέρον, οὐδὲ τῇ μελίσσῃ συμφέρον.

[3]) Ib. 5, 22 (Stich 58, 15—20): ὃ τῇ πόλει οὐκ ἔστι βλαβερόν, οὐδὲ τὸν πολίτην βλάπτει.

въ сущности ничѣмъ не отличается отъ уже извѣстныхъ намъ взглядовъ Діона Хрисостома. Императорская власть ничѣмъ не отличается отъ царской власти, но рѣзко отличается и должна отличаться отъ власти тирана и деспота. А разница между императоромъ или царемъ и тираномъ заключается не въ томъ, что власть перваго ограничена, а власть второго нѣтъ, а въ томъ, что первый пользуется своей неограниченной властью для блага государства и не видитъ въ подданныхъ безправныхъ рабовъ, жизнью и имуществомъ которыхъ онъ можетъ пользоваться по собственному усмотрѣнію, тогда какъ второй, наоборотъ, злоупотребляетъ своей властью и не признаетъ ни чьихъ-либо нравственныхъ правъ, ни другой цѣли, кромѣ собственной выгоды.

Но для достиженія поставленной ей цѣли, т.-е. для обезпеченія общественнаго блага, власть императора по самому существу своему должна быть неограниченной и не должна быть связана ни законами, ни какими-либо учрежденіями. Біографъ Марка разсказываетъ, что „онъ постоянно повторялъ изреченіе Платона, что государства будутъ процвѣтать, либо если философы будутъ править, либо если правители будутъ руководиться философіей“ [1]). Философія и есть единственная руководительница Марка и онъ не стѣсняется прямо нарушать законы, если они по его мнѣнію несогласны съ ея гуманными положеніями [2]), или возстановить крайне непопулярную среди сената должность итальянскихъ консуляровъ, разъ онъ признаетъ ее необходимой въ интересахъ населенія [3]).

Руководясь во всемъ стремленіемъ къ справедливости, онъ, съ другой стороны, относится съ величайшей предупредитель-

---

[1]) V. Marci 27, 7.

[2]) V. Marci 24, 1: erat mos iste Antonino, ut omnia crimina minore supplicio, quam legibus plecti solent, puniret, quamvis nonnunquam contra manifestos et gravium criminum reos inexorabilis permaneret.

[3]) V. Marci 11, 6. Ср. выше стр. 423 прим. 1.

ностью къ нравственнымъ правамъ своего брата по усыновленію, Луція Аврелія Вера, и къ привилегіямъ сената. Относительно Вера онъ въ сущности сдѣлалъ больше, чѣмъ былъ обязанъ: хотя и усыновленный Антониномъ по приказанію Гадріана, легкомысленный сынъ Луція Элія Цезаря не получилъ отъ Антонина никакихъ политическихъ полномочій и очевидно намѣренно былъ обойденъ имъ при рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи [1]). Тѣмъ не менѣе Маркъ Аврелій сдѣлалъ его своимъ соправителемъ на почти совершенно равныхъ правахъ [2])—только титулъ верховнаго понтифа остался за однимъ Маркомъ [3])—и послалъ его въ качествѣ главнокомандующаго въ Сирію для отраженія парѳянъ и наступательной войны съ ними [4]), причемъ впрочемъ высшее руководство на дѣлѣ осталось за Маркомъ [5]). Съ одинаковой предупредительностью онъ воздерживался отъ титуловъ „парѳянскій“ и „ар-

---

[1]) V. Marci 12, 5: Marco Antonino rem publicam et filiam praesentibus praefectis commendavit Fortunamque auream, quae in cubiculo principum poni solebat, transferri ad eum iussit. Веръ родился въ 130 году и при жизни Антонина получилъ только квестуру (раньше законнаго срока, v. Anton. 6, 10) и два консулата въ 154 году и въ 161 году, послѣдній вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ. Ср. v. Anton. 10, 3; v. Veri 3, 3. Во всемъ остальномъ онъ сохранилъ положеніе частнаго человѣка, v. Veri 3, 4—5: diu autem et privatus fuit et ea honorificentia caruit, qua Marcus ornabatur. Nam neque in senatu ante quaesturam sedit neque in itinere cum patre sed cum praefecto praetorii vectus est, nec aliud ei honorificentiae adnomen adiunctum est, quam quod Augusti filius appellatus est.

[2]) V. Marci 7, 5—6: post excessum divi Pii a senatu coactus regimen publicum capere (ср. v. Veri 3, 8: cum illi soli senatus detulisset imperium) fratrem sibi participem in imperio designavit, quem Lucium Aurelium Verum Commodum appellavit Caesaremque atque Augustum dixit. atque ex eo pariter coeperunt rem publicam regere. tuncque primum Romanum imperium duos Augustos habere coepit. Оффиціальный титулъ Вера: Imp. Caesar L. Aurelius Verus Augustus.

[3]) Этотъ титулъ впервые былъ дарованъ одновременно двумъ лицамъ въ 238 году.

[4]) Ср. выше стр. 438 прим. 1.

[5]) V. Marci 8, 14: denique omnia, quae ad bellum erant necessaria, Romae positus et disposuit Marcus et ordinavit.

мянскій", предложенныхъ ему и Веру сенатомъ, не желая себѣ присваивать то, что формально было заслужено однимъ Веромъ, и старался привлечь его къ дѣйствительному участію въ управленіи [1]), несмотря на то, что самъ не могъ не тяготиться веселой распущенностью и расточительностью Вера [2]).

Совершенно аналогичный характеръ имѣютъ отношенія Марка къ сенату. Несмотря на то, что еще Фронтонъ ему внушилъ критическое отношеніе къ сенатской знати [3]) и что его записки полны жалобъ на пустоту ея жизни и интересовъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ строго соблюдать всѣ привилегіи сената и обходиться съ сенаторами какъ съ равными. Если его біографъ утверждаетъ, что „никто изъ принцепсовъ не оказывалъ сенату больше чести" [4]), то это слѣдуетъ понимать именно въ указанномъ смыслѣ, а не въ томъ, будто сенатъ игралъ первенствующую роль въ государствѣ. По свидѣтельству самого біографа дѣло сводилось къ тому, что императоръ поручалъ сенату много судебныхъ дѣлъ, особенно касавшихся его самого, т.-е. его фиска, его намѣстниковъ и прокураторовъ [5]), что онъ поручалъ бывшимъ преторамъ и консуламъ разрѣшеніе процессовъ, „дабы оказать честь сенату и дабы ихъ авторитетъ возросталъ отъ знакомства съ правомъ" [6]), что онъ не принималъ никого въ составъ сената,

---

[1]) V. Veri 9, 7.

[2]) V. Veri 10, 8: lingua impeditior fuit, aleae cupidissimus, vitae semper luxuriosae atque in pluribus Nero praeter crudelitatem et ludibria; ib. 5, 5—6 и т. д. Ср. также 8, 6: reversus e Parthico bello minore circa fratrem cultu fuit Verus; nam et libertis inhonestius indulsit et multa sine fratre disposuit.

[3]) M. Aur. comm. 1, 11 (Stich 4, 18): καὶ ὅτι ὡς ἐπίπαν οἱ καλούμενοι οὗτοι παρ' ἡμῖν εὐπατρίδαι, ἀστοργότεροί πως εἰσι.

[4]) V. Marci 10, 2: neque quisquam principum amplius senatui detulit.

[5]) V. Marci 10, 1: senatum multis cognitionibus et maxime ad se pertinentibus iudicem dedit. Это дѣлалъ и Тиберій ср. томъ I стр. 302.

[6]) Ib. 10, 2: in honorificentiam senatus... quo magis eorum cum exercitio iuris auctoritas cresceret.

если не зналъ хорошо его образъ жизни [1]), что онъ устранилъ гласность при разборѣ уголовныхъ дѣлъ сенаторовъ и не позволялъ всадникамъ участвовать въ ихъ рѣшеніи [2]), что онъ всегда присутствовалъ въ засѣданіяхъ сената, когда самъ былъ въ Римѣ, и не покидалъ ихъ пока консулъ не заявлялъ, что „не задерживаетъ отцовъ сенаторовъ“ [3]), наконецъ, что онъ предоставилъ сенату рѣшать дѣла, разсмотрѣнныя консулами, если была подана апелляціонная жалоба [4]).

Такъ же точно онъ относится и къ народу. „Съ народомъ“, утверждаетъ его біографъ, „онъ обращался не иначе, чѣмъ обращались съ нимъ во время республики. Онъ былъ въ высшей степени умѣренъ въ томъ, что дѣлалъ, чтобы отпугнуть людей отъ дурныхъ поступковъ или привлечь ихъ къ добрымъ, охотно награждалъ и охотно оказывалъ снисхожденіе и сдѣлалъ изъ дурныхъ хорошихъ, изъ хорошихъ превосходныхъ и спокойно переносилъ насмѣшки нѣкоторыхъ“ [5]). На нападенія враговъ онъ отвѣчалъ рѣчами или посланіями [6]) и позволялъ мимографу Маруллу трунить надъ нимъ и надъ Веромъ [7]).

Въ то же самое время, однако, онъ обсуждалъ наиболѣе важныя дѣла не съ сенатомъ, а съ приближенными [8]), ши-

---

[1]) Ib. 10, 5.

[2]) Ib. 10, 6: hoc quoque senatoribus detulit, ut quoties de quorum capite esset iudicandum, secreto pertractaret atque ita in publicum proderet nec pateretur equites Romanos talibus interesse causis.

[3]) Ib. 10, 7—9.

[4]) Ib. 10, 10.

[5]) V. Marci 12, 1: cum populo autem non aliter egit, quam est actum sub civitate libera...

[6]) V. Marci 22, 5—6: sane quia durus videbatur ex philosophiae institutione Marcus ad militiae labores atque ad omnem vitam, graviter carpebatur, sed male loquentibus vel sermone vel litteris respondebat.

[7]) V. Marci 8, 1: adepti imperium ita civiliter se ambo egerunt, ut lenitatem Pii nemo desideraret, cum eos Marullus, sui temporis mimografus, cavillando inpune perstringeret.

[8]) V. Marci 22, 3: semper sane cum optimatibus non solum bellicas res sed etiam civiles, priusquam faceret aliquid contulit.

роко пользовался своимъ правомъ пополнять сенатъ [1]), предоставлялъ преторіанскимъ профектамъ большое вліяніе, [2]), возстановилъ должность итальянскихъ консуляровъ, отнялъ у консуловъ право назначать опекуновъ [3]), расширилъ надзоръ надъ городскимъ самоуправленіемъ [4]), обязалъ провинціальныхъ сенаторовъ, помѣстить четвертую часть своего состоянія въ итальянскихъ земляхъ [5]) и хотя самъ отнесся снисходительно къ участникамъ въ возстаніи Авидія Кассія [6]), разрѣшилъ преслѣдованіе лицъ, обвиненныхъ въ оскорбленіи величества, даже послѣ ихъ смерти [7]).

Несмотря на то, что Маркъ Аврелій ни по своимъ взглядамъ, ни по характеру своего управленія не можетъ быть названъ сенатскимъ императоромъ въ условномъ смыслѣ, несмотря также на то, что ближайшіе его современники не

---

[1]) V. Marci 10, 3: multos ex amicis in senatum adlegit cum aediliciis aut praetoriis dignitatibus.

[2]) Ib. 11, 10: habuit secum praefectos, quorum et auctoritate et periculo semper iura dictavit. usus autem est praecipue Scaevola iuris perito.

[3]) Ib. 10, 11: praetorem tutelarem primus fecit, cum ante tutores a consulibus poscerentur, ut diligentius de tutoribus tractaretur.

[4]) Ib. 11, 2: curatores multis civitatibus, quo latius senatoriae tenderet dignitates, a senatu (т.-е. изъ числа сенаторовъ) dedit. Объясненіе этой мѣры ярко характеризуетъ наивную сантиментальность автора.

[5]) Ib. 11, 8: utque senatores peregrini quartam partem in Italia possiderent.

[6]) Ib. 24, 9: per senatum hostis est iudicatus bonaque eius proscripta per aerarium publicum. 25, 2: statim interfectus est. Тогда же былъ убитъ въ Александріи его сообщникъ Меціанъ, неправильно названный здѣсь 25, 4 его сыномъ: ср. Mommsen въ Abh. der sächs. Акад., Hist.-phil. Classe 2, 283. Объ отношеніи Марка къ остальнымъ участникамъ въ возстаніи ib. 25, 5—7: in conscios defectionis vetuit senatum graviter vindicare, simul petit, ne qui senator tempore principatus sui occideretur, ne nece eius polluretur imperium. eos etiam, qui deportati fuerant, revocari iussit, cum paucissimi centuriones capite essent puniti. Ср. ib. 29, 4.

[7]) l. 6. C. I. 9, 8. Ср. томъ I стр. 164 прим. 1. По поводу сказаннаго тамъ см. также слова Плиніи ep. 3, 9, 6, отчасти подтверждающія взглядъ Моммзена: nihilo minus Baetica etiam in defuncti accusatione perstabat. Provisum hoc legibus, intermissum tamen et post longam intercapedinem tunc reductum.

были склонны идеализировать до такой степени его личный характеръ и его принципатъ, какъ это дѣлаютъ Діонъ Кассій и особенно его біографъ [1]), его безкорыстное по мѣрѣ силъ и разумѣнія служеніе обществу обезпечило ему самое теплое воспоминаніе и, повидимому, примирило общество даже съ его величайшей ошибкой, а именно съ тѣмъ, что онъ оставилъ власть своему сыну. Сенатъ и общество вообще не только признали его достойнымъ апоѳеоза, но было даже рѣшено, что каждый, кто не будетъ имѣть его изображенія въ своемъ домѣ, будетъ признанъ виновнымъ въ святотатствѣ, если только онъ занимаетъ такое общественное положеніе, которое даетъ ему возможность исполнить это предписаніе [2]). А Діонъ Кассій признаетъ его принципатъ „золотымъ царствованіемъ“ и скорбитъ о наступленіи желѣзнаго вѣка, среди коего ему самому приходится жить [3]).

И тѣмъ не менѣе управленіе Марка Аврелія въ сущности является лишь доказательствомъ практической несостоятельности греческой теоріи монархической власти. Облеченный неограниченной властью, вооруженный всѣмъ образованіемъ эпохи, исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній, Маркъ Аврелій, повидимому, является полнымъ осуществленіемъ платоновскаго идеала философа на престолѣ. Если когда-либо можно было ожидать крупныя мѣры для улучшенія всего состоянія имперіи, то именно послѣ его воцаренія. А между тѣмъ все его управленіе прошло въ мелкой и въ концѣ концовъ безплодной борьбѣ съ сравнительно мелкими внутренними и внѣшними затрудненіями, а послѣ него власть перешла по его собственной винѣ къ такому безсмысленному звѣрю, какъ Коммодъ.

---

[1]) V. Marci 29, 6—7: dederunt et vitio, quod effictus fuisset nec tam simplex quam videretur, aut quam vel Pius vel Verus fuisset. dederunt etiam crimini, quod aulicam adrogantiam confirmaverit summovendo amicos a societate communi et a conviviis. Ср. ib. 22, 5—6; 8, 1; 29, 5. 5.

[2]) V. Marci 18, 5.

[3]) Dio 71, 36, 4.

Если міръ еще ожидалъ что-нибудь отъ философіи и ея господства, то теперь эти ожиданія были обмануты самымъ жестокимъ образомъ. „Послѣ Калигулы, послѣ Нерона, послѣ Домиціана надежды еще были возможны“, замѣчаетъ Ренанъ. „Данныя опыта еще не были безусловно рѣшающими. Теперь господство зла возобновляется въ худшемъ чѣмъ когда-либо видѣ и это послѣ самой крупной попытки административнаго раціонализма, послѣ восьмидесяти-четырехъ лѣтъ превосходнаго управленія, послѣ Нервы, Траяна, Гадріана, Антонина и Марка Аврелія“ [1]). Общество окончательно теряетъ вѣру въ возможность устроить жизнь согласно его надеждамъ и чѣмъ дальше тѣмъ болѣе ищетъ спасеніе въ аскетизмѣ и мистицизмѣ восточныхъ культовъ.

§ 5.

Римское общество временъ Гадріана, Антонина и Марка Аврелія.

Останавливаться подробнѣе на политическихъ взглядахъ современнаго Гадріану, Антонину и Марку Аврелію общества мы не имѣемъ никакого основанія.

Эпоха глухой или открытой борьбы сената съ принцепсомъ кончилась, и вмѣстѣ съ этимъ политическіе вопросы отступили на задній планъ. Всѣ болѣе выдающіеся дѣятели разбираемаго времени выросли или даже родились уже послѣ того, какъ гибель Домиціана привела къ установленію того компромисса между требованіями абсолютной монархіи и традиціонными правами римскаго общества, который удовлетворилъ и стремленіе принцепсовъ къ признанію ихъ неограниченной власти и стремленіе общества къ устраненію деспотическаго произвола и эксплоатаціи населенія. Всѣ выдающіеся писатели пред-

[1]) Rénan, Marc Aurèle стр. 490.

шествовавшей эпохи, какъ мы видѣли, такъ или иначе откликаются на политическіе вопросы времени и почти всѣ со времени установленія императорскаго террора заражены оппозиціоннымъ духомъ: это касается и Сенеки философа и Лукана и жертвъ домиціанова принципата и Тацита и Плинія. У всѣхъ у нихъ можно отыскать политическій идеалъ, болѣе или менѣе рѣзко расходящійся съ дѣйствительностью [1]). У писателей временъ Гадріана, Антонина и Марка Аврелія мы бы напрасно стали искать слѣды политической мысли, поскольку не искать послѣднихъ въ одобреніи существующаго строя, а тѣмъ болѣе у нихъ не можетъ быть и рѣчи объ оппозиціонномъ настроеніи. Причина этого любопытнаго явленія заключается въ двухъ фактахъ, во-первыхъ, въ томъ, что общество или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство общества вполнѣ довольно установившимися со временъ Нервы порядками, и во-вторыхъ, въ томъ, что весь его интересъ начинаетъ направляться на вопросы этическіе и религіозные.

Первымъ выразителемъ довольства общества является Плиній Младшій, во многихъ отношеніяхъ стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ: безусловно признавая не только необходимость, но и благодѣтельность неограниченной монархіи, онъ въ то же время еще зараженъ полуреспубликанской фразеологіей эпохи борьбы сената съ принципатомъ. У послѣдующихъ писателей мы ее болѣе не встрѣчаемъ, кромѣ развѣ у современника Гадріана и младшаго пріятеля Плинія, у Светонія [2]). Да и то

---

[1]) Оппозиціонная литература временъ Августа и Тиберія до насъ не дошла, да она по всѣмъ признакамъ въ общемъ представляла продуктъ эгоистическаго раздраженія сравнительно небольшой группы общества. Крупные писатели этого времени и особенно времени Августа стоятъ на сторонѣ власти. Все это не исключая и самой гибели этой оппозиціонной литературы доказываетъ, что раздраженіе противъ принципата или вѣрнѣе противъ деспотизма принцепсовъ охватываетъ болѣе широкіе круги только начиная съ послѣднихъ лѣтъ Тиберія.

[2]) Гай Светоній Транквиллъ по происхожденію принадлежалъ къ сословію всадниковъ (его отецъ въ 69 году былъ tribunus angusticlavius, v.

политическіе вопросы его поразительно мало интересуютъ: если бы мы обладали только тѣми свѣдѣніями, которыя онъ намъ сообщаетъ, напримѣръ, объ Августѣ, мы бы рѣшительно ничего не знали о конституціонномъ положеніи принцепса. Онъ исключительно интересуется фактической стороной какъ его, такъ и послѣдующихъ принципатовъ, и не дѣлая различія между эпохой революціонной диктатуры 31—27 года и эпохой узаконеннаго владычества Августа просто констатируетъ, что онъ въ теченіе сорока четырехъ лѣтъ (отъ 31 г. до Р. Х. до 14 г. послѣ Р. Х.) одинъ держалъ въ рукахъ государство [1]). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что онъ и при описаніи послѣдующихъ принципатовъ помимо личной жизни каждаго принцепса, о которой онъ собираетъ поразительное количество самыхъ гнусныхъ подробностей и сплетенъ, занятъ исключительно *практикой ихъ управленія, а не конституціонными и политическими вопросами.* Для него не подлежитъ сомнѣнію, что принципатъ съ самаго начала былъ неограниченной монархіей, и весь вопросъ заключается въ томъ, какъ данный принцепсъ пользовался своей властью, т.-е. признавалъ ли онъ чьи либо права, кромѣ своихъ собственныхъ, или нѣтъ, былъ ли онъ просвѣщеннымъ монархомъ или деспотомъ. Симпатіи Светонія безусловно лежатъ на сторонѣ просвѣщенной монархіи, но помимо этого въ достаточной мѣрѣ

Oth. 10) и родился около 75 года (ср. Dom 12: въ его время онъ былъ adulescentulus; ср. Nero 57: лѣтъ двадцать послѣ смерти Нерона, т.-е. между 88 и 91 годомъ, онъ былъ adulescens). Знакомый Плинія (ср. ep. 1, 18. 24. 3, 8. 5, 10. 9. 34), онъ отдался наукѣ и адвокатурѣ и велъ судебныя дѣла. При Траянѣ онъ благодаря заступничеству Плинія былъ назначенъ трибуномъ (ep. 3, 8) и получилъ ius trium liberorum (Pl. et Trai. ep. 94. 95). При Гадріанѣ онъ былъ начальникомъ вѣдомства ab epistulis, но вскорѣ около 121 или 122 года получилъ отставку вмѣстѣ со своимъ покровителемъ, преторіанскимъ префектомъ Септиціемъ Кларомъ, которому онъ посвятилъ свои біографіи Цезарей (Lyd. de mag. 2, 6; боннск. изд. стр. 171). См. о немъ Macé, Essai.

[1]) Suet. Aug. 8.

расплывчатаго понятія мы не встрѣчаемъ у него никакихъ политическихъ идей, въ родѣ, напримѣръ, взгляда Тацита и Плинія младшаго на значеніе усыновленія [1]).

Еще менѣе значительны политическіе интересы учителя Марка Аврелія и консула 143 года, Марка Корнелія Фронтона, а также Авла Геллія и Аппулея. Подобно Аппіану и ритору Аристиду, повторяющему все тѣ же старые греческіе взгляды на монархію, они очевидно именно потому такъ мало задумываются надъ политическими вопросами, что вполнѣ довольны просвѣщенной монархіей своего времени. Подобно Плинію, Фронтонъ называетъ самого императора и членовъ императорскаго дома „государями“ и въ частности къ Антонину примѣняетъ характерный терминъ „нашъ государь“ и говоритъ о его „царственной“ главѣ. Царскій характеръ принципата не подлежитъ сомнѣнію не только для греческаго, но и для римскаго общества.

О монархической сущности принципата не менѣе опредѣленно говорятъ и современные Фронтону юристы, поскольку они вообще рѣшаются или вынуждены говорить о политическихъ вопросахъ [2]). Если Гай безусловно признаетъ законодательную власть принцепса [3]), то Помпоній въ своемъ довольно сбивчивомъ очеркѣ развитія римскаго права прямо заявляетъ, что принципатъ былъ созданъ въ виду того, что оказалось необходимымъ *поручить управленіе государствомъ одному лицу*, которому въ виду этого и было дано право издавать обязательныя для всѣхъ постановленія [4]). А если тотъ же юристъ,

---

[1]) Выше стр. 128 уже было замѣчено, что онъ относится сравнительно безпристрастно къ Домиціану, принципатъ котораго онъ еще помнилъ.

[2]) Ср. томъ I стр. 29—32.

[3]) Gai Inst. 1, 5.

[4]) l. 2 § 11 resp. 13 D. 1, 2: novissime sicut ad pauciores iuris constituendi vias transisse ipsis rebus dictantibus videbatur per partes evenit. *ut necesse esset rei publicae per unum consuli* (nam senatus non perinde omnes

какъ мы видѣли, сравниваетъ преторіанскаго префекта съ tribunus celerum и съ magister equitum, то изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что самъ императоръ, по его мнѣнію, занимаетъ мѣсто царя или диктатора, т.-е. обладаетъ властью, неограниченность которой не уменьшается отъ того, что онъ получаетъ ее отъ народа [1]).

Безусловное признаніе монархическаго характера принципата и довольство установившимся со временъ Нервы строемъ такимъ образомъ является первой причиной того отсутствія политическихъ интересовъ, которымъ отличается разбираемое время.

Вторая причина заключается, какъ мы видѣли, въ своеобразномъ направленіи умственныхъ интересовъ эпохи. Выше мы уже видѣли, что она не произвела ни одного первокласснаго таланта ни въ одной изъ областей общественной жизни. Если уже ни Гадріанъ, ни Маркъ Аврелій не могутъ претендовать на исключительно выдающіяся дарованія, то объ остальныхъ сколько-нибудь извѣстныхъ намъ представителяхъ умственной жизни этой эпохи нечего и говорить. Общество, въ которомъ такой жалкій буквоѣдъ, какъ Фронтонъ, могъ играть выдающуюся роль, въ которомъ Авлъ Геллій могъ съ комической важностью и необыкновеннымъ педантизмомъ разбирать поразительно пустые вопросы, очевидно не отличалось богатой умственной жизнью, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что главная причина бѣдности его свѣтской литературы заключалась въ преобладаніи этическихъ и религіозныхъ интересовъ. Характерно, что къ числу наиболѣе выдающихся латинскихъ писателей этой эпохи принадлежатъ Апулей и Маркъ Минуцій Феликсъ. Первый полонъ мистиче-

---

provincias probe gerere poterat): *igitur constituto principe* datum est ei ius, ut quod constituisset ratum esset... aut est principalis constitutio, id est ut quod ipse princeps constituit pro lege servetur.

[1]) Ср. выше стр. 420 прим. 3.

скихъ настроеній и религіозныхъ запросовъ и кончаетъ свою жизнь въ качествѣ жреца провинціи Африки. Второй является первымъ представителемъ христіанской апологетической литературы на латинскомъ языкѣ; въ то же самое время Цельсъ работаетъ надъ своимъ „правдивымъ словомъ“ противъ христіанъ, на которое лѣтъ сто спустя отвѣтилъ Оригенъ, а Маркъ Аврелій пишетъ свои записки, всецѣло посвященныя вопросамъ практической этики. Среди грековъ, правда, еще сохранилось нѣсколько крупныхъ представителей античной науки:—географъ Клавдій Птоломей, историкъ Аппіанъ и врачъ Галенъ — встрѣчаются послѣдніе представители скептицизма, Лукіанъ и Секстъ Эмпирикъ, но и здѣсь уже наблюдается рядъ признаковъ упадка свѣтской мысли, не говоря уже о томъ, что на востокѣ происходитъ ожесточенная борьба гностицизма съ консервативными теченіями христіанской мысли. Скоро настанетъ эпоха неопиѳагорейства и неоплатонизма, когда такая странная и даже сомнительная личность, какъ Аполлоній Тіанскій, сдѣлается героемъ популярнаго историческаго романа, когда религіозный синкретизмъ будетъ праздновать настоящія оргіи и вопросъ о спасеніи человѣка отъ земного и загробнаго зла сдѣлается центральнымъ вопросомъ всей жизни античнаго общества.

Вопросы политической и соціальной организаціи общества отступаютъ на задній планъ. Общество перестаетъ вѣрить въ возможность установленія нормальныхъ условій жизни; каждый начинаетъ искать причину зла и страданій въ самомъ себѣ и либо пытается справиться съ собой умерщвленіемъ своей плоти, либо обращается къ сверхъестественной, божественной помощи. Если причина зла не заключается въ безпорядкахъ и анархіи послѣднихъ временъ республики и не въ деспотизмѣ перваго вѣка имперіи; если жизнь становится все труднѣе и тяжелѣе, несмотря на то, что Нерва и Траянъ, Гадріанъ, Антонинъ и Маркъ Аврелій осуществили идеалъ философскаго

управленія государствомъ, если нельзя больше ожидать ничего отъ государства, этого представителя и воплощенія человѣческаго разума и человѣческой силы, если отдѣльная личность принуждена самостоятельно справиться съ жизнью, то она естественно перестаетъ интересоваться государствомъ, и политическіе вопросы замѣняются этическими и религіозными [1]).

---

[1]) Къ вопросу о причинахъ указаннаго своеобразнаго развитія античной мысли намъ еще придется вернуться въ третьемъ томѣ „Изслѣдованій“.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разобранная нами эпоха, заключающая въ себѣ періодъ въ 112 лѣтъ отъ гибели Нерона до смерти Марка Аврелія, какъ видно, представляетъ огромный интересъ какъ съ общей, такъ и съ той спеціальной точки зрѣнія, съ которой мы на нее взглянули.

Въ послѣднемъ смыслѣ это эпоха окончательнаго установленія монархіи и практической провѣрки ея способности удовлетворить потребности общества. Возникновеніе принципата было результатомъ полнаго крушенія республиканской идеи: населеніе Рима, Италіи и всей имперіи охотно подчинилось единой власти Августа, надѣясь, что неограниченная власть дастъ первому по заслугамъ и способностямъ гражданину возможность устранить то зло, которое сдѣлало жизнь невыносимой, а управленіе сената и народа ненавистнымъ. Умѣренность, съ которой Августъ воспользовался своимъ господствующимъ положеніемъ, уваженіе къ традиціоннымъ правамъ сената и народа, возстановленіе внутренняго мира, счастливыя войны съ варварами, заботливое и энергичное управленіе Италіей и провинціями, все это, казалось, доказывало, что надежды населенія оправдались и что власть окажется способной понять его нужды и устранить существующіе недостатки. Масса населенія и послѣ его смерти продолжала относиться сочувственно къ власти, и только въ самомъ Римѣ

и среди латинской интеллигенціи подозрительное, а подъ конецъ и жестокое управленіе его преемника вызвало разочарованіе и вражду. Когда власть перешла къ Гаю, къ Клавдію и къ Нерону, разочарованіе начало охватывать все болѣе широкіе круги и накопившееся за много лѣтъ недовольство, отчасти проистекавшее изъ деспотизма принцепсовъ, отчасти изъ того, что власть ничего не дѣлала для улучшенія соціальныхъ условій, разразилось съ элементарной силой и смело первую династію Цезарей.

Безконечно долгій годъ трехъ императоровъ интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ теченіе его такъ явно сказалось общее недовольство, что выразителемъ этого недовольства явилось войско, какъ единственная организованная сила имперіи, что среди части интеллигенціи снова появились республиканскія идеи, провозвѣстникомъ возрожденія которыхъ былъ еще Луканъ, что безсиліе сената и народа снова рѣзко проявилось и что въ концѣ концовъ пришлось снова довольствоваться надеждой на благоразуміе неограниченной власти.

Эпоха Флавіевъ оправдала надежды *массы населенія*: Домиціанъ палъ жертвой не народной революціи, а дворцоваго переворота. Но знать и интеллигенція имѣли основаніе быть недовольными. Уже Веспасіанъ съ Титомъ чрезвычайно заботились объ усиленіи потрясеннаго недавними событіями императорскаго авторитета и не допускали никакихъ манифестацій противъ существующаго строя, какъ бы онѣ ни были мало серіозны. Казнь Гельвидія Приска и изгнаніе философовъ за агитацію противъ монархіи доказывали, что Веспасіанъ смотрѣлъ на себя какъ на монарха. При Домиціанѣ тенденція къ завершенію монархической организаціи имперіи достигаетъ своего апогея: начавъ съ соединенія цензорской власти съ принципатомъ, иначе говоря съ полнаго подчиненія сената принцепсу, онъ затѣмъ совершенно ясно стремится къ водворенію эллинистической монархіи бога и государя, а когда его

притязанія вызываютъ новое проявленіе оппозиціонныхъ настроеній, онъ снова прибѣгаетъ къ казнямъ и изгнанію философовъ.

Гибель Домиціана приводитъ къ установленію компромисса. Принцепсы отказываются отъ деспотизма и отъ притязаній на званіе бога и государя, общество отказывается отъ республиканскихъ иллюзій и отъ оппозиціи противъ просвѣщенной монархіи. Если Тацитъ скорбитъ объ упадкѣ сенатскаго величія, то Плиній Младшій и Діонъ Хрисостомъ просто привѣтствуютъ господство лучшаго и мудрѣйшаго, и на ихъ сторонѣ несомнѣнно находится огромное большинство общества и масса населенія. Пять принцепсовъ въ теченіе восьмидесятитрехъ лѣтъ, одинъ за другимъ, строго придерживаются молчаливо заключеннаго въ 96 году соглашенія. Всѣ они принадлежатъ къ числу наиболѣе выдающихся людей своего времени. И тѣмъ не менѣе надежды общества оказываются преувеличенными, довольство интеллигенціи обманчивымъ. Послѣ краткаго подъема чувствъ, вызваннаго удачной революціей и счастливыми войнами Траяна, одинъ раньше, другой позже, всѣ начинаютъ чувствовать, что жизнь все-таки не становится легче и что надежды на власть тщетны. Власть не только не повинна въ злоупотребленіяхъ, но, наоборотъ, отличается щепетильной добросовѣстностью, и все-таки экономическія и соціальныя условія ухудшаются, и жизнь все менѣе и менѣе удовлетворяетъ людей; а если власть не предпринимаетъ никакихъ крупныхъ мѣръ для улучшенія общихъ условій жизни, то общество не имѣетъ права обвинять ее въ этомъ: оно само лишено всякихъ политическихъ и соціальныхъ идей и всѣ свои упованія возлагаетъ на мудрость монарха. Разъ и послѣдній не въ состояніи найти выходъ изъ положенія, послѣднее должно быть признано безвыходнымъ. Или нѣтъ: выходъ есть, но онъ заключается въ нравственномъ возрожденіи человѣчества, все равно, будетъ ли оно достигнуто по его соб-

ственному почину или съ помощью боговъ. Государство и монархъ сами по себѣ безсильны, и надежды, нѣкогда соединенныя съ созданіемъ принципата и представлявшія его нравственное оправданіе, окончательно оказываются неосуществимыми. Принципатъ сохраняетъ значеніе только какъ власть, обезпечивающая внутренній миръ, порядокъ и хорошее управленіе, а не какъ власть, способная спасти человѣчество отъ всѣхъ его недуговъ, отъ всего тяготѣющаго надъ нимъ зла.

Въ этотъ моментъ власть переходитъ къ Коммоду, и тотчасъ оказывается, что компромиссъ 96 года не обезпечиваетъ имперіи отъ возвращенія желѣзнаго вѣка. Послѣдній и чистѣйшій представитель просвѣщеннаго абсолютизма, Маркъ Аврелій, передаетъ власть человѣку съ наклонностями и умственными способностями гладіатора.

Эпоха римскаго просвѣщеннаго абсолютизма закончена. Съ Коммода начинается новая эпоха тираніи и революцій, военнаго деспотизма и военной анархіи. Имперія быстро начинаетъ приближаться къ типу эллинистическихъ монархій.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ